

“Я обожаю книги Кристен Эшли!”
Майя Бенкс, автор бестселлеров по версии *New York Times*

Автор бестселлера по версии *New York Times*

КРИСТЕН ЭШЛИ

Дыши

Нет ничего лучше первого раза...

Фэй Гуднайт — тихая, застенчивая библиотекаряша городка Карнэл, штат Колорадо. А также, вероятно, последняя девственница, оставшаяся в Карнэле. Многие годы Фэй была влюблена в Чейза Китона, но великолепный полицейский был для нее недосыгаем. Фэй смирилась с тем, что в жизни будет довольствоваться лишь компанией своих книг, но неожиданная встреча с Чейзом в лесу все меняет...

Чейз не считает себя хорошим парнем, как все о нем думают. Он принял много решений, о которых сожалеет, в том числе, отрицал свои чувства к Фэй. И его решения убедили его, что красотка-библиотекаряша слишком хороша для него, но после их встречи в лесу, Чейз понимает, что она может стать его последним шансом на искупление. Вскоре тлеющие угольки их желания разгораются в обжигающую страсть. И все же, мрачное прошлое Чейза не проходящей тенью нависает над их счастьем...

Кристен Эшли

Дыши

Серия: Горы Колорадо — 4

Переводчик: Алла

Переведено для группы Life Style ПЕРЕВОДЫ КНИГ

Глава 1

То, чего у него никогда не будет

— Поговори со мной, — шепнул Чейз Китон в никуда, сидя в одиночестве очень ранним, холодным февральским утром в Харкерс-Вуд.

На том самом месте, где его жену застрелили.

Харкерс-Вуд был необычным лесом в горах Колорадо. Необычным, потому что там росли не только хвойные и осиновые деревья. По какой-то причине, которая, вероятно, была сродни тем причинам, которыми руководствовался старик Харкер, творя все свое сумасшедшее дерьмо, семьдесят лет назад он расчистил эту местность и высадил сотни саженцев двадцати различных видов деревьев. Деревьев, чьи корни не должны были укорениться в горах Колорадо. Деревьев, которые каким-то чудом не только укоренились, но и выросли высокими и сильными.

Стояла поздняя ночь. Снег лежал пушистый и глубокий. Было очень холодно. На сумрачном небе медленно двигались мрачные облака, но полная луна, ярко светившая сквозь деревья, подсвечивала их серебром.

Чейз не видел ни деревьев, ни луны. Сидя на заснеженном бревне, он не чувствовал, как холод проникает сквозь ткань джинсов, вымораживая ему зад.

Он ничего не видел.

Ничего не слышал.

Он ждал, пока лес заговорит с ним.

Но кругом стояла тишина.

С тех пор, как Мисти застрелили, он приходил сюда бесчисленное количество раз. Расследование ее смерти целенаправленно не велось строго по пунктам полицейского протокола.

Только не отделением полиции Карнэла.

Не тогда.

Не тогда, когда оно было заражено.

Теперь оно больше не заражено.

Но это не означало, что Чейз не пришел сюда один, без хвоста, чтобы санкционировать собственное детальное изучение местности.

Но он ничего не нашел.

И лес никогда не разговаривал с ним. Ни тогда. Ни сейчас.

Кровь Мисти давно смылась или смешалась с грязью. Теперь эту грязь покрывал снег.

Но Чейз мысленно видел следы.

И, Боже, отпечатки колен.

Двое людей. Мужчина и женщина. Оба шли по ухоженной лесной тропинке. Но вернулся только мужчина.

Мисти была на высоких каблуках. Она всегда носила высокие каблуки. Чейзу нравились женщины на каблуках. Тем не менее, те туфли, что носила его жена, делали ее похожей на шлюху.

В следах, что остались от ее принудительной прогулки под дулом пистолета, Чейз несколько раз отмечал, где она спотыкалась, вероятно, из-за того, что ее сильно избили и, определенно, напугали до безумия. А еще места, где она падала.

Но ее застрелили, когда она стояла на коленях.

Чейз закрыл глаза.

Очень немногие знали, что на подбородке и в желудке Мисти была обнаружена сперма. Он знал это, потому что был городским полицейским и ее мужем.

И он знал, что перед тем, как застрелить, ее заставили встать на колени и сделать минет своему убийце.

К его горлу подступила желчь, и за месяцы, прошедшие с тех пор, как его жену избили, надругались и застрелили, это случалось бесчисленное количество раз.

Поцелуй меня, Чейз.

В памяти всплыл ее голос, заглушая мысли, как и каждый день, столько много гребаных раз за день, что он сбился со счета.

Ее последние слова к нему.

Ее мольба.

Поцелуй меня, Чейз.

Он не поцеловал. Они были женаты много лет, и, за исключением поцелуя, который он должен был подарить ей на их свадьбе, он не целовал ее ни разу.

Ни разу.

Вместо этого он почувствовал, как его губы скривились в презрении, которого он не скрывал от нее, а затем Чейз ушел.

Услышав, как кто-то приближается, он проглотил желчь и распахнул глаза.

Затем услышал, как кто-то спотыкнулся и женское шипение, произнесшее странное слово «frak» (прим.: «Frak» — в сериале «Звездный крейсер Галактика» является аналогом ругательства «fuck»).

Чейз бесшумно поднялся на ноги, мгновенно насторожившись, и его взгляд метнулся к тропе, откуда доносился шум. Он потянулся к пистолету в кобуре, прикрепленной сбоку пояса. Его табельное оружие. Даже не будучи на дежурстве, он всегда носил его с собой. Горный городок Карнэл в штате Колорадо, возможно, недавно и избавился от власти тирана, но это не означало, что в нем стало безопасно.

Он моргнул, когда в поле зрения появилась она: голова опущена, волосы скрыты вязаной шапочкой цвета, которого он не мог определить в лунном свете. Она не отрывала взгляда от своих ног, пробираясь по снегу, чтобы добраться до поляны.

Словно почувствовав его, она вскинула голову и при виде его остановилась так резко, что покачнулась.

Чейз уставился на нее.

Он ее знал.

Господи Иисусе, мать вашу. Какого хрена?

Он не проронил ни слова. Было, мать их, два часа гребаной ночи, на ледяном холоде, в глуши, которая недавно оказалась сценой мерзкого, кровавого убийства стояла она. Он не знал, что сказать, потому что не знал, злиться ему или всерьез, бл*ть, рассвирепеть.

Она тоже не проронила ни слова. С другой стороны, она была известна тем, что вела себя тихо, и не только потому, что это было ее профессиональной чертой, учитывая, что она работала городским библиотекарем.

Удивительно, но она отвела взгляд, промямлив:

— Э-м...

Услышав этот звук, Чейз решил всерьез рассвирепеть.

— Какого хрена? — рявкнул он.

— Э-м... э-м, детектив Китон, — ответила она, затем не произнесла больше ни слова, но ее глаза не отрывались от него. Длинные, гладкие волосы, выбившиеся из-под шапочки, казались полуночной тенью на фоне светлого, объемного жилета и шарфа, обмотанного вокруг шеи. В лунном свете ее лицо выглядело бледным.

И, черт бы его побрал, ему понравился ее голос. Он слышал его раньше, не часто, но слышал. И в другие разы он ему тоже нравился. Тихий, мелодичный, как гребаная песня.

Да, ему он нравился. Чертовски сильно.

Просто не в данный момент, даже если она впервые произнесла его имя. Или одну лишь фамилию. Он бы предпочел, чтобы она произнесла его имя, и он хотел услышать его, когда она лежала бы на спине, под ним, с его членом внутри, а он только что заставил бы ее кончить.

То, чего у него никогда не будет.

Это напомнило ему, что он чертовски зол.

Поэтому он повторил:

— Какого хрена?

— Я... э-э...

— Выкладываете, мисс Гуднайт. Какого хрена вы делаете в Харкертс-Вуд в два часа гребаной ночи, на месте убийства?

— Ну, э-э... — Она склонила голову набок, а ее глаза не отрывались от него. — А что вы здесь делаете?

— Здесь убили мою жену, — мгновенно ответил он, кратко и явно гневно, и тут же пожалел об этом. Потому что увидел, как ее лицо дрогнуло, и она отступила на шаг назад.

Ей потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя. Она выпрямилась и прошептала:

— Простите. — Он увидел, как она сглотнула. — Мне очень жаль Мисти, детектив Китон.

— Никому не жаль Мисти, — парировал он.

По какой-то причине он не смог удержаться от того, чтобы не быть мудаком, и наблюдал, как она сморщила носик, снова вздрогнув. Мило.

Очень мило.

Да вашу ж мать.

Но он говорил правду. Никто в городе не сожалел о смерти его жены. Даже сам Чейз, если бы он копнул в себя поглубже. Он не желал ей смерти, тем более такой. Даже если ее бы просто застрелили, а не били и не унижали до того, как сделать это.

Это не означало, что он не хотел, чтобы она, черт возьми, исчезла из его жизни. Уехала в другой штат. В другую, мать ее, страну.

Он действительно этого хотел.

Даже молился об этом, вот как сильно он этого жаждал.

И теперь она была очень-очень далеко от его жизни.

— Неправда, — слова, произнесенные шепотом, донеслись до него, и он снова сосредоточился на ней. — Я имею в виду, вы знаете, она не была, э-м... Мисс Популярность, но то, что с ней сделали...

Чейз прервал ее.

— Давайте перейдем к тому, почему вы здесь, мисс Гуднайт.

Он увидел, как ее затененные луной зубки прикусили нижнюю губу, и она огляделась.

Чейз уже давно работал в полиции и знал, что она выигрывает время, чтобы выдумать правдоподобную ложь.

Поэтому нетерпеливо поднажал:

— Мисс Гуднайт.

Она вскинула глаза на него и произнесла своим тихим, привлекательным голоском:

— Фэй.

— Что?

Он услышал, как она прочистила горло, и повторила на этот раз громче:

— Фэй. Меня зовут Фэй.

— Я знаю, — сообщил он не менее резким тоном, а вероятно, и в разы резче.

— Ну, вы можете, э-м... ну, звать меня по имени, — предложила она.

— Отлично, — отрезал он. — Теперь не хотите ли ответить на мой вопрос?

— Нет, вообще-то, э-э... не совсем, — ответила она, и Чейз уставился на нее.

Она его удивила.

Она была красоткой, черт возьми, невероятно великолепной. Густые, прямые, длинные темно-каштановые волосы с естественной рыжиной. Волосы, которые блестели так сильно, что, нахрен, ослепляли. Тело, которым она не хвасталась при малейшем удобном случае, но это не означало, что мужчина не мог видеть ее изгибы во всех нужных местах, а они были привлекательно пышными. Она не была ни высокой, ни низкой. Достаточно высокой, чтобы носить туфли на каблуках, но ему при этом все равно пришлось бы наклониться, чтобы завладеть ее губами. А губы у нее были красивыми и полными, и такими розовыми, что, казалось, на вкус окажутся как жевательная резинка. Высокие, округлые, необычные скулы свидетельствовали о том, о чем все в городе знали: в ее предках текла кровь коренных американцев.

И глаза. Чистого светло-голубого цвета. Не серо-голубые. А голубые. Чейз никогда не видел такого совершенного, такого чистого, такого прекрасного голубого цвета и, черт возьми, совершенно не похожего ни на чьи другие.

Но она была молчаливой. Застенчивой. Не то чтобы она жила отшельницей или казалась невидимкой. Она ходила на работу. Обедала в закусочной. Ходила в магазин за продуктами, на почту, в итальянский ресторан, в «Ла-Ла-Ленд» за кофе. У нее имелись друзья, огромная семья, и она была близка с ними.

Но все знали, что она жила в книгах. Она не ходила на свидания. Не ходила в бар «У Баббы» и не выпивала. Чейз видел ее в «Ла-Ла-Ленде», уткнувшемуся носом в книгу или державшую одну из этих «читалок», она ела пирожное Шамблза и попивала кофе. Чейз видел ее в закусочной в той же самой позе. Господи, не раз за годы, проведенные в этом городке, он видел, как она шла по проходу магазина, выходила из почтового отделения, из библиотеки, опустив голову и уставившись в книгу.

И поймав ее по какой бы то ни было причине в Харкерс-Вуд в два часа ночи, он не ожидал, что у нее хватит смелости хоть на что-то, кроме как ответить на его вопросы. Вероятно, запинаясь. Но она бы сделала это.

Он никогда бы не подумал, что она откажется говорить.

— Боюсь, такой ответ неприемлем, мисс Гуднайт, — сообщил он.

— Фэй, — тихо поправила она.

— Да мне похрен, — отрезал он. — Итак, спрошу еще раз, что вы здесь делаете?

Несколько долгих мгновений она изучала его, прежде чем сделать полшага к нему, но

резко остановилась и тихо спросила:

— Вы часто сюда приходите?

— Не уверен, что это ваше дело, — ответил он.

— Но уверены, что ваше дело — знать, зачем сюда пришла я? — парировала она, не раздраженно и не резко, просто осторожно.

— Это место преступления, мисс Гуднайт.

— Фэй.

Он наклонился и коротко бросил:

— Фэй.

И снова пожалел об этом, потому что она вновь сморщила носик. И чуть дернулась. Так мило. Чейз заглушил свою реакцию, поняв, что симпатичная, соблазнительная, вероятно, девственная городская библиотечка, которую он когда-то относил к тому типу женщин, которых хотел сделать своими, прежде чем его жизнь утонула в дерьме, может быть милой.

Затем повторил:

— Это место преступления.

— Ограждающая лента снята, — напомнила она ему. — Преступление произошло несколько месяцев назад.

— Это все еще место преступления.

Она сделала еще один шаг вперед, вновь выпрямляясь.

— Мистер Харкер передал в дар этот лес городу Карнэл десять лет назад, детектив Китон. Это парк. Общественная собственность. Я имею полное право находиться здесь.

Так оно и было. Девушка снова проявила характер, и даже видел это раньше, Чейз все равно удивился.

— Городское постановление гласит, что все парки закрыты для посещения после десяти вечера, если только это не кемпинг, — парировал Чейз и сквозь лунный свет увидел, как она поджала губы.

Затем она разомкнула их и прошептала:

— Ох.

И этот один слог, черт бы его побрал, тоже прозвучал мелодично и мило.

— Я этого не знала.

— Теперь знаете.

— Вероятно, мне стоит уйти, — предложила она.

— Никаких «вероятно», мисс Гуднайт.

— Фэй, — прошептала она, не сводя с него глаз.

Чейз не ответил.

Фэй Гуднайт не ушла.

Вместо этого она сделала к нему еще два шага, остановившись всего в трех футах.

Затем тихо спросила:

— Вы в порядке?

Ему следовало солгать и сказать «да». Или, может быть, не отвечать, а напомнить ей, что она собралась уходить.

Он не сделал ни того, ни другого.

— Мисс Гуднайт, сейчас два часа ночи, и я нахожусь на холоде в лесу, где была убита моя жена. Как думаете, я в порядке?

Мгновенно, все еще нежно, она ответила:

— Нет.

Он опомнился, затем напомнил ей:

— Вы собрались уходить.

Она не ушла. Она сделала еще один шаг вперед, склонила голову к плечу, но слегка повернула к нему лицо и посмотрела на него снизу вверх, изучая его черты.

Это тоже было мило.

Пока он разбирался с этим, до него донесся ее ласковый голос.

— Вы ее любили?

— Вы знаете ответ на этот вопрос, — немедленно ответил он, и она знала. Все знали. Чейз Китон совершенно ясно давал понять, и не только своей жене, какие чувства он к ней испытывает.

Фэй подняла голову и посоветовала:

— Может, вам стоит поговорить с кем-нибудь о, э-э... ваших чувствах.

— Вы вызываетесь добровольцем? — резко спросил Чейз.

Она даже не моргнула, прежде чем предложить:

— Если хотите.

— Без обид, Фэй, но человек, которого я выберу, чтобы выложить все дерьмо, что крутится в моей голове, не будет женщиной, которая дышит, ест и работает, но живет в мире фантазий. Вы не можете, не сбежав, справиться с собственной жизнью, которая, насколько я вижу, хороша. Так что, вам ни хрена не справиться с тем дерьмом, что у меня в голове.

Замечание было идиотским, но оно сработало. Ее плечи слегка поникли, и она отступила на шаг назад.

— Я просто пытаюсь быть милой, — указала она на очевидное.

— Было бы здорово, если бы вы потащили свою задницу обратно по тропе и оставили меня одного.

Она не двигалась. Но прошло всего-ничего, как она слегка наклонилась к нему и с нежностью сказала:

— Не думаю, что вас следует оставлять одного. Я вижу, что вы имеете дело с каким-то тяжелым грузом и явно пытаетесь справиться с ним в одиночку. — Она обвела рукой в рукавице место вокруг. — Вам нужно избавиться от ноши, Чейз.

Иисусе.

Гребаный.

Христос.

Этот голос, тихий, нежный, такой чертовски милый, произносящий его имя, ее ласковые глаза, устремленные на него.

Бл*ть.

Лучше, чем он мог себе представить.

Лучше, о чем он когда-либо мог мечтать.

И это все — не его.

И никогда не будет принадлежать ему.

А значит, наконец услышав, как она произносит его имя, было пыткой.

— Ладно, — начал он, — я пытался быть милым...

Ее голова дернулась, и она прервала его, удивленным, и снова, Боже, чертовски нежным тоном:

— Милым?

— Да, — ответил он, — милым, и вы поймете, что я был мил, когда я скажу, мисс Гуднайт, что не хочу, чтобы вы беспокоились. Не хочу, чтобы вы меня выслушивали. Мне не нужна ваша компания. Чего я хочу, так это чтобы вы утащили свою жирную задницу из леса и оставили меня, бл*ть, в покое.

Он видел, как ее тело напряглось, а бледное лицо в лунном свете стало еще бледнее.

Это длилось меньше полсекунды, после чего она развернулась и убежала с поляны. Она сделала это так быстро, что он лишь успел заметить полуночную тень ее длинных волос, струящихся позади нее, после того, как она исчезла из вида.

Но еще долгое время, после того, как она исчезла, Чейз Китон неотрывно смотрел ей вслед.

Поцелуй меня, Чейз.

Услышал он у себя в голове и закрыл глаза.

Вам нужно избавиться от ноши, Чейз.

В этот раз он услышал голос Фэй, и его глаза распахнулись.

Только этого ему еще не хватало.

Еще один демон.

— Бл*ть, — прорычал он, блуждая взглядом по поляне, но ничего не видя, ничего не слыша.

Здесь никого нет.

Никто ничего ему здесь не скажет.

Бл*ть.

Как и прежде, ночь за ночью, Чейз Китон зашагал через поляну к тропе и направился домой.

***

Два дня спустя...

— Тебя убьет, если ты придешь на ужин?

Стоя у прилавка, Чейз наблюдал, как Шамблз готовит ему кофе. Он почувствовал, как напрягся мускул на его щеке, возле которой он держал телефон, думая: «да, его бы убило, пойдя он на ужин в дом своих родителей».

Или, что более важно, это склонило бы его к убийству родного отца, если бы ему пришлось дышать с ним одним воздухом.

— Ма, — сказал он в трубку, — как я уже говорил, я занят.

— Но ты вроде сказал, что отдел нанимает новых офицеров, и все возвращается на круги своя.

— Нанимает, но все еще далеко от нормального. Мы все заняты. Очень заняты. Когда устроили чистку, мы потеряли практически всех. Новых офицеров нужно обучить, и после того, что произошло, и как долго это продолжалось, граждане Карнэла не адаптируются за несколько месяцев к представителям власти, которым они смогут доверять. При возникновении проблемы они все равно звонят друг другу, а не в полицейский участок. А когда их усилия влекут за собой нежелательные последствия, а обычно так и бывает, мы должны наводить порядок. Я ни за что не смогу прийти на ужин на этой неделе.

— А на следующей? — не унималась она, когда Шамблз добавил в напиток вспененное молоко из маленького кувшина из нержавеющей стали.

— Как насчет того, чтобы через выходные я приехал в Аспен и пригласил вас на ужин? — предложил Чейз.

Ее голос был пропитан разочарованием, когда она ответила:

— Но ты же знаешь, что в третьи выходные февраля твой отец всегда ездит на турнир по гольфу во Флориду.

О, да, он прекрасно это знал.

А также прекрасно знал, что отец ездил во Флориду не на турниры по гольфу, а заниматься кое-чем другим, что, возможно, включало в себя спортивное снаряжение, но его использование маме было бы не понять.

К сожалению, Чейз понимал. Просто старался об этом не думать.

Шамблз повернулся, улыбнулся ему и накрыл стаканчик белой крышкой.

Чейз кивнул, но сказал в телефон:

— Так ли необходимо присутствие отца на нашем ужине?

— Чейз, ты и так не видишься с отцом, — тихо ответила она.

— Ма, ты же знаешь, что это намеренно, — так же тихо ответил Чейз, вытаскивая бумажник, открывая его и вынимая деньги. Он передал купюру Шамблзу, тот поставил стаканчик с кофе на стойку и повернулся к кассовому аппарату, пока Чейз продолжал говорить: — Итак, встретимся через выходные?

Она проигнорировала его вопрос и прошептала:

— Я хочу, чтобы вы двое залатали эту трещину в своих отношениях.

Этого не случится.

Никогда.

Потому что в их отношениях с отцом не было трещины, которую можно залатать. Много лет назад, когда Чейз хотел уйти из родного дома, уйти из-под гнета отца, она была.

Теперь же трещина разрослась до размеров пропасти, которую он, черт возьми, точно не собирался преодолевать, и если бы отец попытался, Чейз бы его застрелил.

— Ма...

— Я беспокоюсь о тебе из-за смерти Мисти. Кто о тебе заботится?

Мама этого не знала, она тоже не была самой большой поклонницей Мисти, хотя и пыталась скрыть это так же, как Чейз пытался скрыть от нее свою ненависть к жене, но Мисти никогда не заботилась о нем.

Она пыталась некоторое время, после того как наконец поняла, что он не влюбится в нее по уши только потому, что она отлично умела делать минет. Это произошло главным образом потому, что он не позволял ей прикасаться к нему и не спал с ней в одной постели.

Как только она поняла, что своими обычными уловками ей не завоевать его сердце, то полностью изменилась. Попыталась стать ему хорошей женой. Строила из себя приличную домохозяйку и кухарку. Все это пошло прахом, когда он, в итоге, отказался есть то, что она готовила, чаще всего уходил из дома до того, как она просыпалась, возвращался поздно и никогда не комментировал ее любящую заботу или то, как она содержала их дом. В конце концов, ее нервы сдали, и она все испортила.

Он был строг с ней и в то время считал, что она этого заслуживала. Она заманила его в ловушку, женив на себе, после того, как занималась извращенным сексом с его папочкой по приказу продажного полицейского, который записал это на видео. Затем она шантажировала

его отца и заставила Чейза служить не только его папочке и его дружкам, каждый из которых был под каблуком у его отца, но и банде грязных копов, которые были настолько грязными, что были вылеплены из одной только грязи.

Да, он считал, что она этого заслуживала.

Теперь она была мертва, и демоны того, как она умерла, и его отношения к ней за их очень долгий, очень несчастливый пятилетний брак, поселились в его голове.

— Мне тридцать пять, ма, я могу о себе позаботиться, — заверил он мать, принимая от Шамблза сдачу и бросая доллар в чашу для чаевых.

— Но я беспокоюсь о тебе. — Она снова перешла на шепот, на этот раз печальный и обеспокоенный, и, так как Чейз любил свою мать, это его убивало.

Он знал, что она беспокоится. Он был единственным ребенком в семье. Больше она родить не смогла. Ей повезло с ним, и она остро это ощущала. Она также была по натуре волнительной, чувствительной и нервной. Поэтому, когда он рос, она душила его заботой, не могла надыхаться на своего сыночка.

Ее тактика воспитания сына резко противоречила тактике мужа.

Валери Китон была воплощением защиты, любви и заботы.

Трейн Китон был полностью поглощен тем, чтобы сделать из своего сына мужчину.

Это не способствовало созданию любящей, безопасной, понимающей и поддерживающей атмосферы в доме.

Поэтому, как Чейз и обещал себе, начиная примерно с восьми лет, лишь только получив возможность выходить из дома, он начал отдаляться от него все дальше и дальше. Усердно принявшись за дело, он добился своего.

И вскоре покинул его насовсем, не испытывая желания возвращаться.

— Не волнуйся, — спокойно заверил он ее. — Я в порядке. Просто дел полно.

Он сунул бумажник на место, взял стаканчик с кофе и еще раз кивнул Шамблзу. В ответ получил полномасштабную ухмылку хиппи от бесспорно талантливого владельца кофейни и продолжил:

— Хотя, я почувствовал бы себя лучше, если бы моя мама позволила мне пригласить ее на ужин через выходные.

Он повернулся к выходу как раз в тот момент, когда дверь открылась, над ней зазвенел колокольчик, и, не сводя глаз с «читалки», вошла Фэй Гуднайт.

Бл*ть.

Чейз остановился как вкопанный.

— Ладно, Чейз, милый, мне бы этого хотелось, — сказала его мать ему на ухо.

— Хорошо, — пробормотал он в трубку.

Услышав его голос, Фэй подняла голову, их глаза встретились, она остановилась и уставилась на Китона. Выражение, которого он не смог полностью разглядеть в лунном свете, теперь ясно читалось при дневном свете кофейни «Ла-Ла-Ленд».

Ее глаза мгновенно наполнились болью, лицо побледнело, полные розовые губы приоткрылись.

И видеть страдания, запечатленные в ее чертах, было чертовски больно.

На ней было шерстяное пальто, дизайн которого каким-то образом облегал ее тонкую талию, придавая изгибам заметный рельеф. Кремовый цвет пальто с воротником-шалькой подчеркивал темно-каштановые волосы. Натянутая до ушей светло-голубая вязаная шапочка, в сочетании с цветом пальто, также подчеркивала цвет волос, демонстрируя гораздо

большую привлекательность, которую нельзя было не заметить. На ней были темно-коричневые кожаные сапоги на низком каблуке, и он знал, что под этим пальто на ней платье или юбка, потому что в этом она обычно ходила, но также и потому, что все, что он мог видеть до подола пальто — это сапоги.

Ее макияж, как отметил Чейз, как обычно, был едва заметным. Лишь для того, чтобы подчеркнуть естественную красоту, а не исказить ее.

Ее раненные кристально-голубые глаза были широко раскрыты.

— Хочешь, закажу столик у Рейнальдо? — спросила его мать.

— Да, ма, — ответил он. — Было бы здорово. А теперь мне пора идти.

На этот раз звук его голоса вывел Фэй из оцепенения, и она, не колеблясь, развернулась и поспешила к двери.

— Но, Чейз... — начала его мать.

Инстинктивно и определенно глупо, Чейз быстро направился к двери.

— Кое-что только что произошло, ма, правда, мне нужно идти.

Он услышал, как его мать вздохнула:

— Ладно, дорогой. Увидимся через выходные.

— Через выходные. Люблю тебя, ма, пока.

Он слышал ее прощание, но смутно. Выйдя за дверь, быстро зашагал по тротуару вслед за спешно удаляющейся Фэй Гуднайт.

И он понятия не имел, почему.

За исключением того, что он все еще чувствовал боль, увидев страдание на ее лице, причиной которого являлся он, и ему нужно было что-то с этим сделать.

Приблизившись к ней, Чейз позвал:

— Мисс Гуднайт.

Она ускорила шаг.

Чейз двинулся быстрее.

— Мисс Гуднайт.

Она перешла на бег-шаг.

Его длинные шаги не могли сравниться с ее, Чейз легко догнал ее, обхватил пальцами предплечье и остановил, развернув к себе, а сам встал перед ней всем телом и тихо произнес:

— Фэй.

Ее прекрасные, наполненные болью глаза поднялись на него, ранив так же точно, как если бы она вонзила нож ему в живот.

Но ее плечи распрямились. Она призывала характер.

— Доброе утро, детектив Китон, — поздоровалась она, не холодным, а своим обычным тихим голосом, но теперь, в отличие от той ночи в Харкертс-Вуд, он определенно звучал отчужденно.

Держа ее за руку, он рассеянно пробормотал:

— Чейз.

Больше он ничего не сказал, в основном потому, что понятия не имел, что говорить.

Она тоже молчала.

Так продолжалось некоторое время.

Затем Фэй произнесла:

— Поскольку вы меня задерживаете, — она слегка пошевелила рукой в его хватке,

вероятно, чтобы указать, что он все еще ее держит, и ей этого не хотелось, — могу ли я вам чем-то помочь?

— На самом деле, можете, — подтвердил он. — Я бы хотел извиниться за ту ночь.

— Извинения приняты, — мгновенно выпалила она. Затем, снова слегка двинула рукой в его хватке, давая понять, что хочет, чтобы он ее отпустил, и закончила: — А теперь, хорошего дня.

Он не отпустил ее.

Он также не знал, почему он этого не сделал, просто не мог. Более того, он переместил руку ей на плечо, притягивая девушку ближе, пока она не оказалась в нескольких дюймах от него.

При этом Чейз увидел у нее почти ту же реакцию, что и в кофейне «Ла-Ла-Ленд», но без боли. Ее красивые розовые губки приоткрылись, прекрасные голубые глаза распахнулись, а безупречная бледная кожа стала еще бледнее.

Никакой боли и всего в нескольких дюймах между ними эта реакция выглядела чертовски будоражащей.

Китон также заметил, что она не дышит.

Поэтому наклонился к ней и прошептал:

— Дышите, Фэй.

Дыхание вырвалось из нее с тихим свистом.

Это было мило, выражение ее лица все еще было великолепным, эффект от того и другого, вместе с ее близостью, был нереально горячим.

Иисусе.

Что еще хуже, от нее вкусно пахло.

Нет, не вкусно.

Чертовски потрясающе.

Господи, он хотел поцеловать ее. Хотел до боли.

— Что-то еще? — прошептала она, и Чейз моргнул, его взгляд переместился с ее глаз на губы, затем обратно.

— Вы были правы, — прошептал он в ответ. — Я пытаюсь справиться кое с каким дерьмом.

— Могу себе представить, — выпалила она, отстраняясь на несколько дюймов, и в ее чертах промелькнул холод. Нет, не холод. Снова отстраненность.

— Но это не причина вести себя как мудака, — продолжил он.

— Верно подмечено, — согласилась она.

— То, что я сказал, было плохо и неприемлемо.

— Думаю, я поняла ваши чувства, когда вы извинились, детектив Китон.

Он притянул ее обратно на те несколько дюймов, на какие она отодвинулась, и в то же время прижался к ней всем телом, встретившись взглядом с ее голубыми глазами и прошептал:

— Чейз.

Он наблюдал, как она сглотнула, холод покинул ее черты, в глазах промелькнула вспышка нервозности и неуверенности, но она не ответила.

— Я, правда, хотел бы удостовериться, Фэй, что вы принимаете мои извинения, — тихо настаивал он.

— Я уже сказала, что принимаю. — Ее сладкий, тихий голосок вернулся.

— Хорошо, тогда я хотел бы знать, что вы говорите это серьезно.

Она выдержала его взгляд, и он не только почувствовал, но и увидел, как участилось ее дыхание.

Милая и сексуальная.

Что б его.

Что б его.

Затем она прошептала:

— Я серьезно.

— Серьезно — что? — немедленно потребовал Чейз, желая услышать это. Черт, даже не желая, а нуждаясь, и нуждаясь сильно.

Ее голова слегка дернулась, когда она моргнула, что тоже выглядело невероятно мило.

— Серьезно, э-м... что? — не поняла она.

Он притянул ее за руку ближе, в то же время поднял другую руку со стаканчиком кофе, касаясь ею ее талии и прошептал в ответ:

— Серьезно, Чейз.

Затем, Боже, Боже, он увидел, как высунулся кончик розового язычка, чтобы облизнуть пухлую нижнюю губку. Аккуратные, ровные белые зубки впились в эту губку, и это было невероятно мило и так чертовски сексуально, что он почувствовал это своим членом.

Она отпустила губу и прошептала:

— Я серьезно, Чейз.

Это он тоже почувствовал своим членом.

Господи, какого хрена он творил?

Внезапно он отпустил ее и отступил в сторону. И тут же пожалел об этом, потому что она не была готова к этому и без его объятий и близости тела явно пошатнулась. Она устояла, но ему не понравилось, что она пошатнулась. Однако ему нравилось сознавать, что она так же поглощена им, как и он ею.

Это не означало, что он не должен был закрыться. Он обязан.

Так Китон и поступил.

— Спасибо, Фэй, — сказал он более официальным тоном. Не холодным. А как и у нее, отстраненным.

Она моргнула.

Затем перевела дыхание и сказала странную вещь:

— Лекси.

— Что?

— Лекси, — повторила она, на мгновение подаваясь вперед и почти тут же отстраняясь, а затем вновь расправляя плечи и более твердым тоном произнося: — Держу пари, Лекси Уокер была бы хорошим слушателем, и я знаю, что вы ей нравитесь. Я видела, как вы обедали вместе в закусочной, и вы заставляли ее смеяться. То есть, Лекси все заставляют смеяться. Она смеялась. Но и вы тоже. Вам следует поговорить с ней. Она бы помогла.

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и быстро пошла по тротуару.

Все в Чейзе Китоне побуждало его последовать за ней. Чтобы пригласить ее на ужин. Узнать получше. Найти подходящее время, чтобы попробовать эти губы на вкус. Найти подходящее время, чтобы попробовать это тело на вкус. Найти подходящее время, чтобы научить ее, как доставить ему удовольствие. Чтобы возложить на нее свою ношу.

Но Чейза Китона останавливало все, что он делал, видел и слышал за последние почти

десять лет.

Поэтому он повернулся в противоположную сторону и пошел к своему грузовику.

Глава 2

Мятно-фруктовая жвачка

— Это хорошо.

— Нет, плохо.

— А на мой взгляд, хорошо.

— Определенно плохо.

Я стояла за стойкой в библиотеке, а передо мной стояли Лекси Уокер, Кристал Бриггс и Лорен Джексон.

Лекси была замужем за Таем Уокером. Она была красивой брюнеткой, а ее муж — великолепным наполовину афроамериканцем, наполовину белым мужчиной, который недавно попал в национальные новости, когда выяснилось, что его подставили, и он попал в тюрьму за убийство, которого не совершал.

Кристал Бриггс была миниатюрной пышногрудой женщиной, у которой сегодня (но завтра все могло быть по-другому) была масса золотых медовых локонов, похожих на волосы Фарры Фосетт из сериала «Ангелы Чарли». Она была замужем за Джонасом «Баббой» Бриггсом, который много лет беспробудно кутил, пока его женщина вкалывала в их баре под названием «У Баббы». Она выгнала его, а потом, примерно спустя полтора года, по какой-то причине вышла за него замуж. Я ее поступка не понимала, и за последние несколько месяцев, пока Лекси знакомила меня со своими подругами, Кристал ничем не делилась. С другой стороны, Кристал немного меня пугала, поэтому я и не спрашивала. Но я заметила, что Бабба перестал кутить, вместо этого став довольно преданным. Так что я догадалась, что все идет хорошо.

Лорен Джексон была замужем за Тейтумом Джексонем, в которого я была влюблена целую вечность (или до приезда в город Чейза Китона). Будучи подростком, мое сердце замирало всякий раз при взгляде на него. Потому что он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала (до приезда в город Чейза Китона). Он казался немного грубоватым, но невероятно привлекательным. И был хорошим человеком, всеми любимым, хотя и немного запутавшимся, поскольку его непостоянная девушка славилась своим сумасшедшим нравом. Теперь он был с Лори и больше не был запутавшимся. Конечно, это произошло после того, как его непостоянную девушку убил серийным маньяк, а Лори чуть не погибла от его же рук. Но теперь у Тейта и Лори все шло классно.

Думая обо всем этом, я вспомнила папины слова после убийства Мисти Китон: «Раньше в Карнэле было тихо. Байкеры, конечно, могли навести шороху. Но никто не умирал. Ножевые ранения имели место быть, но не с летальным исходом. Теперь кажется, что все либо умирают, либо почти умирают, либо отбывают срок за преступление, которого не совершали. Тихая жизнь в маленьком городке уже не та, что прежде».

К сожалению, это было правдой.

Первая реплика, после моего рассказа девочкам о случившемся с Чейзом Китонем в Харкерс-Вуд и на тротуаре накануне, принадлежала Лекси. Вторая и четвертая — Кристал. Третья — Лори.

Я увидела, как Лекси повернулась к Кристал и спросила:

— Что здесь плохого?

— Э... алло? — саркастически спросила Кристал. — Разве ты не слышала Фэй? Парень вконец засрал себе мозги.

— А, значит, ему нужен кто-то, кто поможет ему их разосрать, — парировала Лекси.

— Разве есть такое слово — разосрать? — спросила меня Лори.

Как обычно, находясь в компании этих девушек, меня лишали возможности вставить слово, так как они говорили непрерывая, но у меня имелся шанс успеть ответить Лори пожатием плеч до того, как заговорила Кристал.

— Мне пришлось «разосрать» одному мозги, и, напомним, тебе и Лори тоже, — Кристал ткнула большим пальцем в сторону Лорен, — и это было не очень весело.

— У меня было весело, — прошептала мне Лори.

— У меня тоже, — не стала шептать Лекси. — В основном потому, что пока я его «разсирала», мы трахались.

Она посмотрела на меня с ухмылкой.

— Помимо всего прочего. Но траханье стало гвоздем программы. — Затем она пробормотала: — И до сих пор остается.

Кристал повернулась ко мне и закатила глаза, прежде чем сказать:

— Боль блекнет. Но поверь, это не весело.

Я чувствовала, как от всех этих разговоров о трахании и, ну, о «разосрании» (что бы это ни было), мои щеки пылали ярко-красным.

Потому что я была девственницей, хотя последнее время часто общалась с этими женщинами, поскольку они нередко заходили в библиотеку. Особенно Кристал редко сдерживалась в выражениях (точнее, никогда), и я не привыкла говорить о «траханье».

Между прочим, я по собственному выбору оставалась девственницей.

Вроде того.

Во-первых, будучи мечтательным подростком, я поставила перед собой задачу отдаться только правильному парню (хотя в то время я действительно не знала, что означает «отдаться»).

С тринадцати лет я зачитывалась любовными романами. Поэтому решила, как и героини моих книг, что отдам нечто столь ценное только тому, кто этого заслуживает. Идеальному мужчине. Который вскружит мне голову, заставит сердце биться чаще, воспламенит кровь и будет счастлив танцевать со мной всю ночь. Кому-то умному, сильному, красивому, доброму. Тому, кто стал бы значить для меня больше, чем жизнь. Тому, кто будет заботиться обо мне. Кто будет держать меня в объятиях всю ночь напролет.

И вот, тринадцать лет назад, в городе появился Чейз Китон, — густые темно-русые волосы, ярко-голубые глаза, красивая белозубая улыбка, высокий, стройный, худощавый, в униформе, — и я влюбилась.

Знаю, звучит безумно, но я, правда, влюбилась. Потому что знала, что он воплощал в себе все, что мне было нужно. Этот мужчина вскружил мне голову. Он был сильным, красивым, да, к тому же, и полицейским, поэтому он обязан быть хорошим. Он был так красив, в форме или без нее, в джинсах, с пряжкой на ремне в стиле вестерна и ковбойских сапогах. Из богатой семьи Аспена (семьи с большими деньгами, если слухи не обманывали), оставивший все, чтобы найти собственный путь. Хороший человек. Храбрый мужчина. Блюститель закона. Он казался больше, чем жизнь.

Мне было шестнадцать, но я знала, что он может заставить мое сердце биться чаще, воспламенит кровь, я даже не знала его и была молода, но он вызывал во мне все эти

чувства.

И продолжал вызывать до сих пор.

Даже когда женился на Мисти, городской шлюхе, которую никто особо не жаловал.

Я была потрясена и, признаюсь, обижена, когда он это сделал. Плохо так думать, но она была городской шлюхой, она ему не подходила и в этом не было смысла. Тем более, все в городе знали, что она солгала об алиби Тая Уокера. Это делало ее шлюхой и лгуньей, но не маленькой лгуньей безгрешной лжи, а огромной, разрушительной, изменяющей жизнь, порочной, отвратительной лгуньей.

Союз Мисти и Чейза не имел смысла. Чейз был хорошим парнем. Честным. Всеми любимым. Надежным. А в то время для полиции нашего городка это было практически редкостью.

Но меня не отпускало чувство, крившееся глубоко внутри, что Чейз — тот самый, потому что все в городе говорили о том, как Мисти поймала его в ловушку. И сам Чейз никогда не вел себя так, будто был счастлив жить с городской шлюхой (и лгуньей) в священном браке. Он не проявлял к ней доброты, и не оставался ей верен, что открыто демонстрировал.

Я не знала, как ей удалось заманить его в ловушку. То есть, я знала, что они встречались, пусть и не как девушка/парень. С другой стороны, с Мисти, как городской шлюхой, «встречались» все. Впрочем, сначала я думала, что она от него забеременела. Но никакого ребенка так и не появилось.

Хотя мне они вместе не нравились (точнее, очень не нравились), ни когда «встречались», ни поживившись, меня это не смутило. Все знали, что герой любого хорошего романа должен приобрести свою долю опыта. Иначе, как он станет хорошим учителем, чтобы показать своей возлюбленной, как доставить ему удовольствие, в то же время давая ей больше, чем она когда-либо мечтала? Так что я не возражала против того, чтобы Чейз поиграл на другом поле, даже если оно принадлежало Мисти.

Но надеть кольцо ей на палец? А потом открыто ей изменять?

Нет.

В этом совершенно не было смысла.

И, честно говоря, мне это не очень понравилось. Такие поступки не говорили о нем ничего хорошего.

Но почему-то я никогда не теряла надежды. По какой-то причине, даже отдаленной, я чувствовала, что отношения между ними были неправильными. Я могла сказать это, просто взглянув на него, на его несчастный вид. А через какое-то время то же самое я увидела и в Мисти, и к концу Мисти стала выглядеть только хуже.

Они не казались женатой парой. Скорее врагами, связанными друг с другом юридически. Поэтому Чейз жил так, будто не был женат. И это изматывало Мисти. Это было странно, грустно и, в итоге, закончилось трагедией.

После ее смерти появилось больше разговоров. Выдвигались предположения, что она была замешана во всех делах продажных копов полицейского участка и процветающей там коррупции. Особенно, когда всплыла правда о том, что она солгала об алиби Тая Уокера, хотя об этом и так все знали. В итоге, люди решили, что Чейз каким-то образом угодил в ловушку, а Мисти каким-то образом заполучила Чейза из грязной сделки. Но истинной истории на самом деле не знал никто.

После смерти Мисти и вынесенной на всеобщее обозрение правде о делах в

полицейском участке, Лекси заявила в библиотеку с явным намерением стать моей подругой (по какой-то причине). Но даже при ее знакомстве с Чейзом, с которым она действительно проводила время, а не просто встречала его в городе, она никогда не делилась его историей. Просто часто советовала мне попробовать подойти к Чейзу, уверяя, что я ему нравлюсь.

Сколько бы раз она ни говорила мне этого, сам Чейз ни разу не подал намека, что испытывает ко мне какие-то чувства. После убийства жены, он фактически впервые показал, что, возможно, она была ему небезразлична. Было ясно, что это беспокоило его, и довольно сильно. Конечно, любого бы беспокоило убийство, даже если жертва — жена, которая вам не очень нравилась, которая, возможно, заманила вас в ловушку брака. И теперь я знала, что так оно и было, поскольку видела, как он околачивался глубокой ночью на морозе на месте ее убийства.

Прошло семь месяцев, а он никак не мог забыть об этом. Да ещё околачивался в Харкерс-Вуд глубокой ночью. Так что, возможно, все ошибались насчет Мисти и Чейза. Возможно, в том безумном мире, где все так запутано и плохо, в мире, где, по правдивым словам Чейза, я по какой-то причине проводила мало времени, между ними что-то и было. Что-то — и этого нельзя отрицать — искаженное. Но оно явно было.

Итак, в итоге, я так долго любовалась Чейзом издали и жила в своих книгах, что время просто ускользнуло от меня. И вот мне двадцать девять лет, а я все еще девственница.

А еще, наконец-то напрямую поговорила с мужчиной, в которого влюбилась в шестнадцать, и даже сделала это дважды.

В первый раз он повел себя некрасиво. И определенно не казался героем.

Во второй раз, что же, во второй раз, я его не поняла. Я слышала термин «смешанные сигналы» и теперь познакомилась с ним на деле.

Боже, подумать только.

— Что ты вообще делала в Харкерс-Вуд? — отвлекла меня от мыслей Кристал, заставив моргнуть, и я сосредоточилась на ней.

Затем меня с опозданием осенило, что, вероятно, мне не следовало рассказывать им об этом.

— О, Боже, — прошептала Лекси, наклоняясь ко мне через стойку, — ты его преследуешь?

Ох, нет. Теперь мне придется лгать.

Я не любила лгать. Мне также не нравились бранные слова, которые Чейз, как я с удивлением обнаружила, употреблял очень часто. Кроме того, мне не нравился обман ни в каком проявлении, будь то на экзаменах, в жизни или в отношениях, последнее Чейз делал открыто и, опять же, с большой частотой.

По крайней мере, он не участвовал во всех этих грязных делишках участка, а вместо этого подверг себя серьезной опасности, чтобы раскрыть коррупционеров и выдворить их из полицейского управления Карнэла. Я решила, что этот поступок компенсирует некоторые другие его очевидные грехи.

— Seriously? — спросила Лори, тоже наклоняясь ко мне. — Ты, правда, его преследуешь?

Нет, конечно. Я и понятия не имела, что он был там. Я пришла в лес с другой целью. Для чего уже приходила туда несколько раз. Но не могла поделиться этим с девочками.

Так что мне пришлось солгать.

— Вообще-то Харкерс-Вуд — вроде как, мое особенное место, — сказала я. — Я часто хожу туда. Постоянно.

Ложь!

Брови Лекси сошлись вместе, а голова дернулась.

— Правда?

— Э... да, — подтвердила я.

Очередная ложь.

— В два часа ночи? — уточнила Кристал, и мой взгляд переместился на нее. Ее руки были скрещены на пышной груди, а брови тоже сведены вместе. Хотя ее выражение казалось немного пугающим.

— Иногда. Если не могу уснуть, — выпалила я.

— У тебя бессонница? — тихо спросила Лори, и я закусил губу, потому что это тоже было неправдой. Я спала как младенец. Вырубалась, обычно с книгой в руке, и не просыпалась, пока не сработает будильник.

Я перестала кусать губу и прошептала очередную ложь:

— Да.

Вот оно. Одна ложь влекла за собой другую, затем еще одну и еще, а потом ты в них тонула.

— У меня всю жизнь были проблемы со сном, — сказала мне Лори и усмехнулась. — Тейт это исправил.

— Готова поспорить, — пробормотала Кристал.

— И если у тебя проблемы со сном, держу пари, Чейз найдет способ удержать тебя от ночных вылазок в Харкерс-Вуд, — вставила Лекси.

Я не хотела об этом думать.

Нет, не совсем так. Мне не хотелось думать об этом сейчас, когда я была на работе. Я хотела подумать об этом позже, как обычно. Лежа в постели с вибратором, на решение о покупке которого через Интернет у меня ушло три месяца. И я часто его использовала, учитывая, что была двадцатидевятилетней девственницей, тринадцать лет влюбленной в мужчину, который до нескольких ночей назад, как я думала, не знал о моем существовании.

Излишне говорить, что во время этой деятельности, мои мысли, в значительной степени, были заняты Чейзом.

— Полагаю, что теперь, когда лед тронулся, ты должна подать ему знак, — продолжила Лекси.

— Ей нужно отступить, позволить парню разобраться со своим дерьмом, и, если в нем осталось хоть что-то, что делает его достойным ее, тогда она может подать ему знак, — посоветовала Кристал.

— Жизнь слишком коротка и слишком драгоценна, чтобы ждать этого, Крис, — тихо добавила Лори.

Кристал взглянула на нее, говоря, что она права, и Кристал это раздражало.

Познакомившись с Кристал, я узнала, что она очень часто раздражалась.

— Я... — начала я и тихо закончила, — не знаю, как.

— Поцелуй его, — тут же предложила Лекси. Я моргнула и замерла, но почувствовала, как лицо снова вспыхнуло от одной только мысли.

— Ты спятила? — прошипела Кристал, наклоняясь ближе к Лекси.

— Нет, — возразила Лекси. — Ничто так не говорит «ты мне нравишься», как твой язык

в его рту.

На это можно было сказать одно: это бесспорная правда.

— Значит, у тебя это сработало? Ты поцеловала Тая, а потом все утонуло в сердечках и цветочках? — спросила Кристал, выпрямляясь и снова скрещивая руки на груди.

— Вообще-то, нет, — ответила Лекси. — Не поцеловала. Не тогда, когда были сердечки и цветочки, у меня было непреодолимое желание сделать это, но я этого не сделала. А это оказалось именно тем временем, когда я должна была это сделать. Потом дела пошли плохо, и понадобилось несколько дней, прежде чем я получила еще один шанс. Или, лучше сказать, я его все же поцеловала, и это не сработало, потом все пошло плохо, а спустя несколько дней Тай сделал свой ход, и это, — она посмотрела на меня и усмехнулась, — сработало отлично.

Насколько я могла судить, так оно и было. Я часто видела Лекси, потому что она приходила в библиотеку и иногда обедала со мной в закусочной. Тая я видела не очень часто, но когда видела, и он был со своей женой, было ясно, что они близки. Очень близки. Счастливы, любимы и близки.

Пониманию этого также способствовал ее шестимесячный животик.

— Не хочу омрачать твой энтузиазм, дорогая, — вступила в этот момент в разговор Лори, не сводя глаз с Лекси, — но судя по рассказу Фэй, не уверена, что в данный момент прибегать к такому способу будет правильным советом.

Все время, что Лорен говорила, Лекси смотрела ей в глаза, затем ее взгляд переместился на меня.

— Поцелуй его.

Кристал вскинула руки и в то же время откинула назад свои медовые локоны, уставившись в потолок с легко читаемым раздражением.

Лори улыбнулась мне.

Что касается меня, то я никогда, никогда не собиралась целовать Чейза Китона.

Пока он не поцелует меня первым.

Если это когда-нибудь (дай Бог!) случится.

Эта мысль вызвала во мне приятную дрожь, а Лекси продолжила говорить.

— Итак, я — девушка, ты — девушка, мы все — девушки. — Она повернулась, указывая на Кристал и Лори. — И мой священный долг, как девушки, — не сбивать тебя с верного пути, особенно в сердечных делах. Но скажу тебе снова то, что говорю уже несколько месяцев. Чейз Китон влюблен в тебя. И не просто влюблен. А жаждет тебя всем сердцем смотрит на тебя с душераздирающей тоской, понимая, что не может тебя заполучить, но отдал бы за тебя свою жизнь.

Мое сердце екнуло при этих словах, но Лекси еще не закончила.

— Я знаю. Я чувствовала к Таю то же самое и чувствую до сих пор. Он чувствует то же самое ко мне, и я видела это в его глазах с самого начала. Сначала я этого не осознавала. Тебе нужно понять это быстрее, чем поняла я. Учись у меня. Я вижу это во взгляде Чейза, когда он смотрит на тебя. У него есть проблемы. Помогите ему разобраться с ними и в процессе дай ему частичку себя, поверь мне, это верный и проверенный метод, и он работает. Я им воспользовалась, как и Лори. Теперь твоя очередь. И если он запутался, а иначе и быть не может, учитывая, какое дерьмо ему пришлось пережить, именно ты должна сделать первый шаг.

Она вздохнула, наклонилась ко мне через стойку и, прежде чем закончить, взяла за руку.

— И, клянусь, дорогая, я бы не обманула тебя.

И все же, я ни за что не буду целовать Чейза Китона, пока он не поцелует меня.

Но кое-что из сказанного Лекси привлекло мое внимание.

— Что ему пришлось пережить? — мягко спросила я, и, как и многие месяцы, когда эта тема всплывала, Лекси выпрямилась, отпустила мою руку и закрылась.

На этот раз, после того, что Чейз сказал мне в лесу, того факта, что он вообще там находился, его поведения вчера утром, исходящих от него смешанных сигналов, все это вызывало во мне желание убежать, и в то же время обнять его и вобрать в себя его боль.

— Ты не можешь ожидать, что я сделаю первый шаг, если не знаю, с чем имею дело, — сообщила я ей.

— Вот именно, хороший довод, — поддержала меня Кристал.

— То, с чем ей придется иметь дело, должен рассказать Чейз, — возразила Лекси.

— Ты должна сказать девушке хоть что-то, — не согласилась Кристал.

— Она уже это знает, — не сдавалась Лекси. — Его жену убили. Она ему не очень нравилась, но все же он хороший человек, и никто не заслуживает такой смерти. И это говорю я, женщина, которая прекрасно знает, что Мисти Китон была самой ужасной сукой. А еще он много лет работал вместе с подонками. Такое дерьмо оставит на мужчине отпечаток.

Ее взгляд остановился на мне.

— И у Чейза он есть. Помоги ему залечить раны, а затем избавиться от шрамов. Не откладывай, милая. Никто из вас не становится моложе, и уверяю тебя, ты будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. О потерянном времени, если ты не торопишься. Или даже хуже: о потере чего-то прекрасного, что сама выпустила из рук.

Надо сказать, она привела резонный довод наброситься на Чейза Китона.

Тем не менее, я никогда не собиралась этого делать.

Тем не менее, чтобы прекратить разговор об этом, я была вынуждена вновь солгать.

— Я подумаю об этом.

Лекси широко улыбнулась.

Кристал закрыла глаза.

Выражение лица Лори говорило «Ой!», но когда мой взгляд коснулся ее, она быстро сменила его на ободряющую улыбку.

Вскоре девочки ушли, оставив меня с видениями того, как я бросаюсь в объятия Чейза Китона и целую его.

Это не позволяло мне сосредоточиться на работе, которую я должна была выполнить.

Но я все равно заметила мальчика, когда он вошел.

Песочно-светлые волосы, но это всего лишь предположение, настолько они были грязными. Не грязными, а жирными. И речь шла не о дне или двух без ванны и шампуня. А о намного большем времени.

Его одежда выглядела не чище. И она висела на нем. Что очевидно, учитывая, что он был одни кожа да кости.

Его бледность тоже не осталась незамеченной. В горах Колорадо царствовал февраль, поэтому было холодно, снег не сходил с земли. Несмотря на это, каждый день погода стояла ясная, и если проводить какое-то время на улице, солнце все еще могло коснуться вашей кожи, а мороз окрасить щеки румянцем. И большинство жителей Карнэла проводили на улице какое-то время. Холод и снег не мешали им много работать, как внутри, так и снаружи.

Я предположила, что ему девять, возможно, десять, и решила, что моя догадка хороша. Библиотека Карнэла была единственной в графстве. А значит, сюда приезжали из Гно Бон и Шантелла, даже если это было далеко. Кроме того, школы Карнэла, Гно Бон и Шантелла устраивали экскурсии в мою библиотеку, так что я видела много детей. И, наконец, у моей сестры были дети. А одному из них было почти девять, и ростом он был с этого мальчика, но мой племянник был намного упитаннее.

Мальчик приходил в течение нескольких месяцев, один или два раза в неделю.

И я видела у него синяки. Один раз на челюсти. Один раз на скуле. Один раз вокруг обоих запястий.

Он всегда прокрадывался внутрь, опустив глаза, сгорбившись, в тонком, потрепанном пальто, недостаточно теплом для стоявшей погоды, явно стараясь оставаться незаметным.

И он воровал библиотечные книги. Одну или две каждый раз, когда приходил, столько, сколько мог засунуть в пальто и вынести тайком.

Я не придавала этому большого значения, потому что унесенные книги утром всегда оказывались в ящике для возврата, и, сложив один и один и получив два, я сделала вывод, что он их не воровал, а брал займы. Только не обычным способом. И несколько раз я пыталась подойти к нему и объяснить, что все, что ему нужно сделать, это подать заявление на получение читательского билета. Но как только я приближалась, он шарахался от меня, прятался между книжными стеллажами и, в конце концов, убегал.

В первый раз, когда это случилось, я подумала, что он не вернется. Но ошиблась.

Это означало, что ему нравились книги так же, как и мне. И у него явно не имелось средств на их покупку в магазине. Поэтому он доставал их единственным доступным ему способом.

Я не понимала, почему он не заведет читательский билет, но в то же время догадывалась.

С этим мальчиком что-то было не так.

И сегодня это бросалось в глаза сильнее. Потому что, хотя он отвернулся и сразу направился к короткой лестнице, ведущей в отдел художественной литературы, я увидела у него на скуле и вокруг опухшего глаза синяки.

Это заставило меня забыть о Чейзе Китоне.

А также забыть о решении, принятом некоторое время назад, что я позволю мальчику одалживать книги, раз ему они так нужны. Книги он возвращал, мне это ничем не грозило. И они явно давали ему нечто, в чем он нуждался, достаточно, чтобы отважиться украсть их (по сути) и выйти в мир, наполненный людьми, которые чертовски его пугали. Я видела его испуг, потому что была библиотекарем, женщиной, ростом пять футов шесть дюймов и не представляла угрозы, и все же он убегал от меня. Конечно, он воровал мои книги (по сути), но дело было не в этом.

И, увидев этот синяк под глазом, я вспомнила папины слова.

«Неправильный поступок — всегда неправильный, независимо от того, кто его совершает или в отношении кого. Если ты знаешь, что кто-то поступает неправильно, и даже если это не имеет к тебе никакого отношения, сделай все возможное, чтобы исправить это. Если будешь бездействовать, тогда ты не тот человек или, по крайней мере, не тот человек, которого я хотел бы знать».

Папа жил этими словами.

Эта философия означала, что он жил в Карнэле среди всего зла, что продолжалось так

долго, превращая его жизнь в сущий ад.

Он подавал официальные жалобы (всего двенадцать) на полицейское управление Карнэла. А услышав, что у других случилась беда, еще и поощрял их делать то же самое, дерзко и намеренно, вплоть до того, что шел к ним домой и проводил беседу (или, если требовалось, несколько). Он также не раз (фактически, пять раз, насколько я знаю) навещал Мика Шонесси, начальника полиции Гно Бон и своего приятеля, интересуясь, как он может лично посодействовать делу. Кроме того, он более чем один раз, как публично, так и в частном порядке, высказывал Арнольду Фуллеру, главарю продажных копов, капитану полиции, который в дальнейшем стал шерифом, а теперь был мертв (буквально), все, что о нем думал.

Помимо всего прочего, несмотря на то, что все были согласны с этим, папа был одним из немногих, кто открыто и широко обсуждал (другими словами, со всеми, кто готов был слушать, включая Мика Шонесси) то, что Тая Уокера экстрадировали, чтобы он предстал перед судом, а затем посадила за преступление, которое, по уверениям папы (и он был прав), Тай не совершал.

И, наконец, моего отца останавливали и выписывали такую кучу штрафов, какой не имел ни один другой горожанин, а однажды его арестовали за пьянство и хулиганство, когда он был трезв и вел себя подобающе. И все только из-за того, что он делал все вышеперечисленное.

За каждый штраф, как и за арест, он высказывался громко и яростно, но не всегда успешно.

Но он никогда не сдавался.

И глядя на этого мальчика, я знала, что с ним поступили неправильно. Я также знала, что его опухший глаз говорил мне перестать делать тот минимум, что я делала, позволяя ему воровать книги (по сути), и перейти к более решительным действиям.

Я огляделась кругом, отметила, что у библиотечной стойки не наблюдалось ни одного посетителя, и обогнув ее, прошла в зал. Осторожно и тихо поднялась по ступенькам, потом, как суперсыщик, чувствуя себя более чем по-идиотски, обогнула стеллажи и остановилась. Спрятавшись, высунула в проход только голову, чтобы проверить, там ли мальчик.

Я обнаружила его через три ряда.

Спрятавшись полностью, я прижалась спиной к стеллажу и глубоко вздохнула.

Затем снова выглянула в проход и тихо позвала:

— Пожалуйста, не убегай. У тебя не будет проблем.

Он сидел на корточках у нижней полки, с книгой в руке, и при звуках моего голоса, его голова резко взметнулась вверх.

Именно тогда я увидела всю степень повреждения его лица.

Не только опухоль с синяком под глазом и разбитую скулу, но и распухший нос и рассеченную губу, которая блестела не потому, что ее обмазали мазью, а потому, что зияла обнаженной плотью.

Мой желудок сжался, я остолбенела, а горло перехватило. Мальчик уронил книгу, резко вскочил и бросился по проходу в противоположном от меня направлении.

При его движении я пришла в себя, и быстро помчалась по боковому ряду, сметая книги с полок при виде его, мчащегося вниз по лестнице. Нет, прыгающего с нее через три ступени за раз, преодолевая ее двумя длинными прыжками, от которых сердце забилося сильнее, потому что я боялась, что он разобьется.

— Пожалуйста! Подожди! У тебя не будет проблем! — закричала я. — Обещаю!

Я сбежала за ним по ступенькам, продолжая кричать:

— Я просто хочу поговорить!

Он выскочил за дверь, и я последовала за ним по тротуару.

Асфальт был расчищен, на мне были сапоги на низком каблуке, и я ходила в тренажерный зал Маклеода. Я не посещала учебные лагеря Маклеода, потому что они проходили в неудобное для меня время (не говоря уже о том, что я слышала о них, и они меня пугали). Но четыре раза в неделю я тратила полчаса на эскалатор, беговую дорожку или гребной тренажер.

«Тело заботится о себе или тело обнаруживает, что его больше нет».

Это было скорее папиной мудростью. Так что я заботилась о своем теле.

Возможно, я не была готова впервые испытать себя в роли Железного Человека, но я была в приличной физической форме.

Даже несмотря на мои тренировки, я не могла сравниться с мальчиком. Он пробежал три квартала, все больше и больше отрываясь от меня, метнулся за угол, и к тому времени, как я свернула за ним, он уже исчез.

Я стояла, тяжело дыша, осматривая местность в поисках его следов, но он испарился.

— Проклятье, — прошептала я, надеясь, что не напугала его, и он никогда больше не вернется, и в то же время я знала, что должна действовать дальше.

Ему было девять или десять лет, и кто-то постоянно его избивал. Хулиганы или, Боже, надеюсь, не семья. Это не редкость. И мне нужно что-то с этим сделать.

Я стояла на морозе без пальто, дыхание вырывалось изо рта видимыми облачками, и в голове я прокручивала следующие возможные шаги.

Сначала нужно вернуться в библиотеку. Я была единственной, на ком держалось это место, кроме, конечно, посетителей.

Потом я могла бы пойти двумя путями.

Первый — позвонить папе, рассказать ему, что происходит, и переложить проблему на его широкие плечи, зная, что он изучит ее, а затем быстро что-нибудь предпримет.

Второй — я могла бы поступить по-взрослому, не звонить папе, чтобы переложить на него проблему, которая была не моей, но остальных не волновала, и пойти в полицейский участок, сообщить о том, что видела, и надеяться, что они что-то с этим сделают.

Проблема заключалась в том, что в полицейском участке работал Чейз Китон.

Перед моим мысленным взором предстали изуродованные нос, глаз, скула и губа мальчика, и я закрыла глаза, втягивая воздух.

Открыв их и повернув к библиотеке, я уже точно знала, как мне поступить.

Должна заметить, мне это не нравилось.

Но я наверняка знала, что делать.

* * * * *

Чейз

Она вошла без четверти семь.

Чейз подал заявление на работу в полицию Карнэла сразу после окончания Академии. Это было его единственное место работы с тех пор, как он получил значок, и проработал он здесь тринадцать лет.

И ни разу за это время Фэй Гуднайт не заходила в полицейский участок. Даже когда Роуди Крэбтри привел ее отца по сфабрикованному обвинению в пьянстве и хулиганстве, после посещения Сайласом Гуднайтом бара «У Баббы», в котором тот не был завсегдатаем, но и не сторонился его. Сайлас праздновал там пятидесятилетие друга. Сайлас, далеко не пьяный и определенно не буйан, провел ночь в камере. Внести залог и забрать его пришла жена Сондра.

К счастью, обвинение так и не выдвинули. И никто из Гуднайтов не знал об этом, но причина этого заключалась в том, что Чейз вмешался в дела Фуллера, уговорив его выбрать целью своих нападок кого-то другого, а не уважаемого и всеми любимого гражданина. Он объяснил, что в городе вокруг Фуллера и так ходило достаточно разговоров о случае с Уокером, и ему не нужно еще больше подозрений. И что еще хуже, ему не нужно злить Гуднайта, который неоднократно демонстрировал, что он не из тех, кто, молча, уползает зализывать раны и переносит сражение на другой день. Он был из тех, кто ринулся бы в бой, а значит, повел бы за собой остальных.

Удивительно, но Фуллер смягчился и подставил Крэбтри, вынеся ему выговор за незаконное задержание.

И вот Фэй здесь. И он увидел, как ее глаза осмотрели комнату, скользнув по нему, сидящему за столом, а потом она направилась к стойке регистрации.

Он прикинул, что она пришла в это время, потому что библиотека открывалась в десять и закрывалась в шесть.

Он также решил, что она пришла сюда в это время, потому что ожидала, что его здесь не будет.

В чем бы ни состояла причина ее присутствия здесь, он должен оставить ее в покое. Он знал, что должен оставить все как есть.

Но не мог не думать, что это не случайно, что за все годы, что они жили в одном городе, он ни разу не заговорил с ней напрямую, а теперь они разговаривали дважды, и сейчас она находилась здесь.

Так что, он не оставил все как есть.

Он встал и направился к стойке регистрации.

Когда он оказался в пяти футах от нее, ее ясные голубые глаза метнулись к нему, и он почувствовал их прикосновение, будто оно было физическим. Руки обвивают его шею. Пальцы скользят по его волосам. Нежно, легко, ласково.

Как по-настоящему.

Бл*ть.

Ей всего лишь нужно посмотреть на него, и все — он реагировал.

Чейз продолжил свой путь к последнему человеку, рядом с которым должен был быть.

К Фэй Гуднайт.

— Фэй, все в порядке? — спросил он, дойдя до нее.

— Она хочет подать заявление, — ответил за нее Джон, дежурный офицер.

Чейз не сводил глаз с Фэй.

— По поводу?

— Так далеко мы не продвинулись, — снова ответил Джон с весельем в голосе.

Тело и рот Чейза приняли решение и выполнили его еще до того, как его мозг подал им сигналы.

И это решение представляло собой следующее: не сводя глаз с Фэй, отойти в сторону, открыть низкие деревянные ворота на петлях, и произнести:

— Фэй, следуйте за мной. Джон, я разберусь.

Фэй прикусила губку, помедлила мгновение, а затем сделала так, как он просил.

Чейз чувствовал на себе взгляд Джона, но не смотрел в его сторону. К чему затрачивать усилия? Во-первых, с чем бы Фэй ни пришла, он с этим справится, и по должности он стоял выше Джона, так что Джон не имел права голоса в этом вопросе. Во-вторых, у Джона был длинный язык, и даже если бы Чейз угрожал ему, Джон пустил бы этот язык в ход. Так что, угрозы ни к чему бы не привели. Что бы Джон ни подумал о вмешательстве Чейза, к восьми часам завтрашнего утра эта новость разнесется по всему участку. И учитывая то, как выглядит Фэй, и то, что Чейз возник у стойки регистрации еще до того, как она успела объяснить причину своего прихода, он точно знал, какие слухи будут витать завтра по всему участку.

Но ему было плевать. За последние шесть лет о Чейзе достаточно судачили. Это его больше не трогало.

Он повел Фэй в комнату для допросов, открыл дверь и держал ее распахнутой, вытянув руку, не вербально приглашая ее пройти вперед него. Она взглянула на него, затем заправила волосы за ухо, отвела взгляд, наклонила голову и прошла мимо него.

Он часто видел, как она заправляла волосы за ухо. И всегда считал это милым жестом.

Но вблизи это выглядело чертовски милее, как и все, что он замечал в Фэй.

Он зашел следом за ней, закрыл дверь и прислонился к ней спиной, скрестив руки на груди.

— Эм... возможно, вы ошибаетесь, — начала она, ее взгляд переместился на дверь позади него, прежде чем направиться к нему. — Не уверена, что здесь нужна конфиденциальность, детектив Китон.

— Я думал, мы остановились на Чейзе.

Она моргнула, и ее голова слегка дернулась.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы звали меня Чейз, Фэй.

— Точно, — прошептала она, ее взгляд изменился, так что она не просто смотрела ему в глаза, а изучала его.

— Итак, что не нуждается в конфиденциальности? — подсказал он.

— Я... — начала она, сделала паузу, затем продолжила: — Дело, видите ли...

Она снова сделала паузу, приосанилась, будто пыталась обрести уверенность, но безуспешно, потому что отвела глаза в сторону и продолжила:

— Дело в том... — она замолчала, замерла, и он снова увидел, как она прикусила нижнюю губу. На этот раз втянула ее внутрь, зубки скользнули по губе и исчезли.

Господи, она не имела ни малейшего понятия, что все ее действия не только невероятно сексуальны, но они выглядели более сексуально именно потому, что она понятия не имела, что делает.

— Фэй, — позвал он мягко, ее взгляд метнулся к нему, и она снова заговорила, на этот раз быстро.

— Есть мальчик, — начала она. — Я не знаю, девяти или десяти лет. Он приходит в

библиотеку и крадет книги.

— Ясно, — пробормотал он, а потом предположил: — Вы не хотите навлекать на него неприятности, но также не можете допустить, чтобы он воровал книги.

— Нет, — покачала она головой, — он их возвращает.

Чейз моргнул, потом спросил:

— Что?

— Он их возвращает, — повторила Фэй и торопливо продолжила: — То есть, поскольку он их крадет вместо того, чтобы брать по читательскому билету, я не могу знать, возвращает ли он все. Но вот уже несколько месяцев он приходит раз или два в неделю, и раз или два в неделю в ящике для возврата остаются две или три книги, которые так и не были сданы. Итак, поскольку у меня нет отметок о том, что он взял, я не могу знать, вернул ли он их все. Но хоть мальчик и худенький, а куртка на нем большая, он не может унести десятки книг. И я за ним слежу. Так что, если бы он много воровал, я бы заметила. Он не ворует целыми кипами, так что я не уверена, но думаю, что он возвращает их все или, э-э... — она запнулась, затем закончила, — подавляющее большинство.

— Если все так, не уверен, в чем проблема.

Она заметно глубоко вздохнула.

А потом выпалила, тихо сообщив:

— Его избивают.

При этом Чейз выпрямился у двери, но не отошел от нее, прошептал:

— Избивают?

Она кивнула.

— Откуда вы знаете?

— Я видела на его скуле синяк. А другой — на челюсти. А еще на запястьях. Но сегодня... — Она сглотнула, сделала к нему полшага, остановилась и еще раз вдохнула, прежде чем продолжить: — Сегодня было хуже.

— Насколько хуже?

— Заплывший глаз, синяки на лице, опухший нос и открытая рана на губе.

— Черт, — пробормотал Чейз.

— Это еще не все, — прошептала она, и Чейз кивнул ей, чтобы она продолжала. — Он... ну, он очень худой. И грязный, очень грязный. И одежда на нем слишком большого размера. И он очень-очень худой.

— Вы уже это говорили, — тихо заметил Чейз.

— Он очень-очень худой, Чейз, так что, это стоит повторить, — тихо ответила она.

Чейз выдержал ее взгляд и повторно пробормотал:

— Черт. — Затем он упер руки в бока и спросил: — Вы знаете этого ребенка?

Она покачала головой.

— Говорили с ним? — продолжил Чейз.

Она снова покачала головой, но ответила:

— Каждый раз, когда я пытаюсь к нему приблизиться, он убегает. Сегодня я попробовала еще раз и погналась за ним. Он был в ужасе. Обогнал меня, а затем исчез.

Господи, она погналась за ним? Симпатичная, фигуристая, тихая городская библиотекарьша погналась за ребенком?

— Вы его преследовали? — озвучил он свой вопрос.

— Да, от библиотеки в город. Он исчез, как только свернул на главную улицу. Ну, не в

ту минуту, когда я была от него в полуквартале, а чуть позже. И я убеждала его, что у него не возникнет проблем, но он все равно убежал.

— И вы погнались за ним. — На этот раз это прозвучало как утверждение.

— Да, — подтвердила Фэй, но он увидел, как она слегка вздрогнула и прошептала: — О, нет, я поступила неправильно?

— Извините, милая, но вы должны знать, на случай, если представится другая возможность. Не следует преследовать избитого и недокормленного ребенка, чей вид в значительной степени подтверждает, что его, вероятно, кто-то избивает, и о нем не заботятся. Понятно, что он не живет хорошей жизнью. Вполне вероятно, его жизнь наполнена страхом. А тот факт, что он без спроса берет библиотечные книги, говорит мне, что все происходит у него дома, а значит, он никому не доверяет, поэтому использует любую возможность уклониться от общения, даже если это всего лишь оформление читательского билета в библиотеку.

По мере того, как Чейз говорил, глаза Фэй становились все шире, губы приоткрылись, и она смотрела на него с тем же умоляющим удивлением, что и вчера утром.

И в уединении маленькой комнаты для допросов, обсуждая ребенка, подвергнутого насилию, это выглядело гораздо привлекательнее.

Затем она выдохнула свое милое:

— Ох.

В этот момент он понял свою ошибку, оказавшись с ней наедине. Вся она являла собой заживающую рану, которую он так давно хотел почесать. Фэй Гуднайт говорила и реагировала в двух футах от него, ее голос доносился до него, на ее лице отражались эмоции, ее аромат наполнял комнату. Нет, она не была заживающей раной.

Она была жаждой.

Чейз отодвинул свои чувства вглубь подсознания и спросил:

— Он продолжает приходить?

Она моргнула и спросила в ответ:

— Что?

— Этот мальчик, вы сказали, что пытались к нему подойти, а потом преследовали по улице, значит, он все время возвращался?

Он видел, как дернулись ее губки цвета розовой жевательной резинки, но она кивнула и добавила:

— Да.

— Ясно, — пробормотал Чейз, полезая в карман пиджака за телефоном. — Когда он вернется, не подходите к нему. Звоните мне.

— Звонить вам?

— Да. — Он склонился над экраном телефона, включил его и сказал: — Хочу взглянуть на него. Понять, знаю ли его или его родственников. Возможно, я сумею найти к нему подход.

— Он не выглядит знакомым.

Чейз поднял голову и посмотрел на нее.

— Вы прожили здесь всю жизнь, Фэй, но все же, я, скорее всего, встречался с большим числом людей, чем вы.

— Это правда, — мягко согласилась она.

Иисусе.

Такая милая.

— Дайте мне свой номер, — приказал он.

Она моргнула, потом прошептала:

— Что?

— Ваш номер телефона. Скажите его мне. Я позвоню вам, и вы сможете сохранить его в контактах.

— Не могли бы вы просто дать мне свой номер, и я сохраню его себе? — предложила она.

— Я мог бы. Но, дорогая, такие дела, они... — Он замолчал, покачал головой, что говорило само за себя. Она могла жить в своих книгах, но, как он понял из их немногочисленных разговоров, то дерьмо, что произошло, не ускользнуло от ее внимания. — Я не большой любитель сюрпризов. Когда звонит мой телефон, я хочу знать, с чем имею дело, прежде чем ответить. Имея ваш номер, ваше имя высветится на экране телефона.

Она кивнула и поджала губы, прежде чем тихо произнести:

— Логично.

Потом стояла и смотрела на него.

— Фэй, ваш номер? — подсказал он, и она слегка вздрогнула.

— О, — выдохнула она. — Точно.

Потом продиктовала ему свой номер.

Чейз набрал цифры и нажал «позвонить». Из ее сумочки раздалась мелодия, Фэй вытащила телефон, но отключила вызов, не ответив. Чейз вбил ее номер в свой сотовый, слыша, как она делает то же самое.

Это означало доступ к голосу Фэй Гуднайт, когда он этого хотел.

Бл*ть.

Он отмахнулся от этой мысли, сунул телефон обратно в карман и снова посмотрел на нее.

— Мне также нужно, чтобы вы упаковали украденную им книгу, и принесли ее мне.

Ее голова слегка склонилась набок, и она спросила:

— Для чего?

— Для того, чтобы пробить отпечатки по базе данных. Сняв отпечатки, можно узнать, кто он, что может привести нас к его местонахождению.

— Ох, — выдохнула она снова, потом еще раз повторила: — Точно. Хорошо. Я все сделаю.

— Постарайтесь не слишком ее касаться.

— Э-м... Чейз, наши книги, по крайней мере, некоторые из них, часто берут в руки.

— Мы разберемся с тем, что найдем, не беспокойтесь об этом.

Она снова кивнула.

— Еще мне нужно описание ребенка. Отдам его парням. Они будут глядеть в оба.

Кивнув, Фэй описала внешность ребенка и его поведение. Ничто из ее слов не натолкнуло Чейза на мысль, что ребенок ему знаком. Учтывая, насколько плохо, судя по сказанному Фэй, обстояли дела, если бы он увидел мальчика, то заметил бы его.

Когда она закончила говорить, Чейз объявил:

— Я поговорю с парнями, уточню, не видели ли они чего-нибудь или, может быть, слышали. А также пороюсь в отчетах. Как бы там ни было, их могли проигнорировать или забыть. Я сделаю все возможное, чтобы достать информацию. Завтра позвоню в Службу

защиты детей, спрошу, не поступали ли к ним какие-либо сообщения, по которым мы не отреагировали, или любые сообщения. Я также загляну в школу, перекинусь парой слов с директором и попрошу его поговорить с учителями, чтобы узнать, есть ли у кого из учеников проблемы, о которых сообщалось или о которых не сообщалось. А вы пока достаньте книгу, которую он украл, и позвоните мне. Скажите, когда сможете ее принести. К тому времени у меня будет художник, по вашему описанию он нарисует портрет мальчика, с которым мы можем продолжить работать. Вас это устраивает?

— Художник-полицейский? — уточнила она, вновь глядя на него с очаровательным удивлением.

— Художник-полицейский, да, — подтвердил Чейз, прилагая немало усилий, чтобы не попасть под влияние ее взгляда. — Вы можете думать, что хорошо описываете кого-то, но эти люди обучены вытягивать из вас необходимые детали, и они мастера своего дела.

— Художник-полицейский, — прошептала она.

— Да.

— И отпечатки пальцев. — Она все также шептала.

— Да, Фэй, понятия не имею, кто этот ребенок. Нужно что-то сделать, чтобы найти его, узнать, что с ним происходит, и положить этому конец. У нас нет имени. Нет адреса. Так что приходится работать с тем, что есть.

Она все еще шептала, когда повторила:

— Положить этому конец.

Теперь Чейз был сбит с толку. Она казалась ошеломленной. Не в плохом смысле, это ее удивление все еще отражалось на лице. Но все равно она была ошарашена.

— Да, Фэй. Вот почему вы сюда пришли и сообщили об этом, не так ли? Чтобы положить конец тому дерьму, что происходит с ребенком. Итак, давайте приступим к этому, хорошо?

Он замолчал, а она ничего не ответила, просто уставилась на него своими большими голубыми глазами.

Но с Чейза было достаточно. Достаточно разговоров. Достаточно информации и подробного описания их последующих действий. И особенно с него было достаточно присутствия в уединенной комнате симпатичной городской библиотекарши, смотрящей на него так, будто он взмахом руки разверз воды реки Колорадо, чтобы помочь ей перебраться на другой берег без ненужных хлопот промокнуть. Что мог провернуть только ее личный чудотворец.

Но Фэй Гуднайт не считала, что ей достаточно.

Он понял это, когда она вдруг оказалась не в двух футах от него, а очень близко. Так близко, что ее мягкое тело прижалось к нему, руки легли на его плечи, одна обвила его шею сзади, запутавшись пальцами в волосах, надавливая, чтобы он склонил голову. И, наконец, ее губы крепко прижались к его губам.

Какого хрена?

Он опустил руки на ее бедра, чтобы оттолкнуть, его мысли наполнились тем, насколько мягкими они были на ощупь, когда кончик ее языка коснулся его губ.

И тут тело и рот Чейза приняли еще одно решение, прежде чем его разум успел сообразить. Его руки крепко сомкнулись вокруг нее, его губы открылись, язык протолкнул ее язык обратно в ее рот, а затем он поцеловал ее, очень сильно, очень влажно и очень, очень глубоко.

На вкус она не была как розовая жевательная резинка.

На вкус она была мятно-фруктовой. Сладкая, освежающая и чертовски фантастическая.

Он крепко обвил ее талию одной рукой, а другой скользнул вверх по ее спине, шее и волосам.

Черт возьми, шелк.

Лучше, чем он себе представлял.

Лучше, чем он мог даже мечтать.

Чейз слегка наклонился вперед, прижимая ее тело теснее к себе, она выгнулась на его руке и сладко и тихо простонала ему в рот.

Это было лучшее, что он когда-либо пробовал в своей жизни.

В каком-то отдаленном, затуманенном уголке своего сознания, который не был заиклен на ее прижимающемся к нему теле, на ощущении ее волос в его руке, на ее вкусе на его языке и на том, что все это вытворяло с его телом, Чейз понял, что она понятия не имела о том, сто делает. Она была с ним на одной волне. Готовая, нетерпеливая участница, отдающая, открывающая себя ему и позволяющая взять то, что он хочет.

Это был, безусловно, лучший поцелуй, который у него когда-либо был.

И при этой мысли его мозг взял контроль над его ртом и телом, и Чейз оторвался от ее губ, стиснул пальцами ее талию и грубо оттолкнул от себя.

Не контролируя силу толчка, Фэй отступила на три шага, прежде чем остановиться.

Но она не почувствовала его толчка. Даже не осознала того, что больше не в его объятиях.

Она смотрела на него, ее щеки порозовели, приоткрытые губы были мягкими и опухшими, веки чуть опущены, поцелуй явно на нее повлиял, а это означало, что все ее лицо носило отпечаток высшей степени возбуждения.

Всего от одного поцелуя.

Она выглядела чертовски прекрасной.

Настолько прекрасной, что любой мужчина, увидев ее такой хотя бы раз, безоговорочно вступил бы в бой и умер за то, чтобы смотреть на нее каждый день до конца своей жизни.

Чтоб его.

Чтоб его.

— Что это была за херня? — рявкнул он, и Фэй моргнула, но это выражение не покинуло ее лица.

— Что? — прошептала она.

— Что... за херня... это была? — процедил он.

— Я... — начала она, снова моргая, но он не дал ей продолжить.

— Не делай больше подобного дерьма, Фэй, — прорычал он, сделав шаг к ней и ткнув пальцем ей в лицо. — Больше не делай подобного дерьма.

Он опустил руку, но придвинулся к ней и продолжил рычать.

— Не знаю, в какую дерьмовую игру ты играешь, преследуя меня везде, где бы я ни появился. Но, скажу прямо, я не играю в игры. У тебя возникла некая романтическая идея, что я раненая душа, которую ты можешь исцелить... — он покачал головой и махнул рукой в ее сторону, — своими незначительными прелестями, подумай еще раз. Я уже говорил тебе: мне не нужно твое беспокойство. Я не ищу твоей компании. И я не хочу твоей неопытной возни. Поверь мне, в моей постели была мастерица по этому делу, и она ничего не добилась. А ты только что получила столько, сколько когда-либо получишь. Вбей себе это в голову,

Фэй, все, чего я хочу от тебя, чтобы ты оставила меня в покое.

Он не позволил себе взглянуть в ее лицо. Не хотел знать, что с ней происходит. Что он точно знал, так это то, что ради ее же блага ему нужно ясно изложить свою точку зрения. И если это означало вести себя как мудака, то он будет им.

Так что он повел себя как мудака.

Развернулся и направился к двери.

Но внезапно остановился, обернулся и посмотрел на нее. Он проигнорировал боль, вернувшуюся в ее черты, и тот факт, что она усилилась до такой степени, что если бы он не настроился игнорировать ее, честное слово, это поставило бы его на колени.

— Достанешь книгу, позвони Фрэнку Долински. Я его проинструктирую, с этого момента он будет твоим контактным лицом, — сообщил он ей, повернулся, распахнул дверь и зашагал прочь через участок, напрямик на улицу, к своему грузовику.

И во время всего пути, ему было насрать, что взгляд Джона следовал за ним, и ему было насрать, что это будет означать завтра.

Глава 3

Drift Away

Ты сдаешься?!?!?

Я посмотрела на окно сообщения на своем компьютере и вздохнула.

Да, я сдавалась. Неделю назад Чейз высказал мне все. Я не поняла. Была не достаточно опытна, чтобы понять. Какое-то время мне казалось, что когда он крепко обнимал меня, его губы сомкнулись на моих губах, а рука была в моих волосах, он хотел меня целовать...

Целовать меня.

И, о, мой fucking бог, какой это был поцелуй.

И чтобы так хорошо целоваться, казалось, Чейзу он должен был нравиться. Должна была нравиться я. Как говорила Лекси. Нравиться так, что он жаждал меня всем сердцем, смотрел на меня с душераздирающей тоской, понимая, что не может заполучить, но отдал бы за меня свою жизнь.

Потом меня внезапно не оказалось в его объятиях, и он совершенно ясно дал понять, что я ему не нравлюсь.

Нисколечко.

Даже ни капельки, ни совсем чуть-чуть.

И у меня был мудрый отец, который щедро делился своей мудростью, и мудрая мама, которая делилась своей мудростью скорее делами, чем действиями, и у меня также имелась степень магистра библиотечного дела.

Я не была тупицей.

Я поняла.

Поэтому сдавалась.

Я опустила руки к клавиатуре и напечатала своему онлайн-другу Бенджи:

Мы все равно ничего не добились.

Добились! — ответил он. — Киллера, должно быть, нанял кто-то из Элиты. И мы уже вычислили некоторых игроков! Взятки. Деньги за чистое убийство. Мы должны продолжать копать.

Я познакомилась с Бенджи на форуме, посвященном вселенной сериала «Звёздный крейсер “Галактика”», или, как его назвал Бенджи, «лучшему fucking телешоу всех времен».

Я не согласилась с таким определением. Я любила «Звёздный крейсер “Галактика”», но «Светлячок», безусловно, был лучшим телешоу, и отменять его в середине сезона было (по моему мнению) кощунством. К счастью, по нему сняли полнометражный фильм. К счастью, Нейтан Филлион получил роль в другом потрясающем сериале, «Касл» (прим.: Нейтан Филлион — канадско-американский актёр, исполнил роль капитана Малькольма «Мэла» Рейнольдса в сериале «Светлячок» и писателя детективов Ричарда Касла в сериале «Касл»).

Но ничто не переплюнет «Светлячок».

Абсолютно ничто.

Много лет назад наши с Бенджи отношения перешли далеко за пределы форума и разрослись, поэтому я познакомила его с другим моим онлайн-другом СеренитиУош. Я познакомилась с ней на форуме «Светлячка», и это был ее ник. Я считала, что это «она», потому что она могла часами пускать слюни на Нейтана Филлиона, так что я не думала, что это может быть гей-любовью. Мы с Серенити сильно сдружились. «Знали» друг друга много лет и постоянно переписывались, разговаривали о жизни, работе, семье, обменивались мыслями, чувствами, эмоциями, но я не знала ни ее настоящего имени, ни пола, ни где она жила, ни чего-то конкретного о ней. На все эти моменты она намекала, но в то же время охраняла информацию, как государственную тайну. Так что я так и не узнала, были ли намеки настоящими или она пыталась сбить меня со следа.

СеренитиУош был ее ником, включающим название космического корабля Серенити из сериала «Светлячок», и имя ее любимого персонажа Уоша (прим.: Серенити — название космического корабля, на котором путешествуют героини сериала «Светлячок»; Уош — прозвище пилота Хобана Уошбурна в исполнении Алана Тьюдика).

Между прочим, ник Бенджи был «АдмиралаАдамуВПрезиденты» (прим.: Адмирал Уильям Адама — герой сериала «Звездный крейсер “Галактика”», командир упомянутого крейсера). Замучившись это печатать, я заставила его назвать мне свое настоящее имя. И я знала, что он мужчина, потому что он пускал слюни на Номер Шесть так, как не смогла бы ни одна женщина (прим.: Номер Шесть — шестая модель человекоподобного Сайлона из сериала «Звездный крейсер “Галактика”» в исполнении актрисы и модели Триши Хелфер).

Он также назвал мне свое полное имя — Бенджамин, и я не знаю девушек с именем Бенджамин, поэтому решила, что его гендерная принадлежность вне сомнения.

На протяжении многих лет я держала их в курсе событий Карнэла. А также делилась своей давней безответной любовью к детективу Чейзу Китону. Им было интересно, особенно когда ситуация накалилась и, наконец, взорвалась. Сюда же относилась новость о смерти Мисти Китон, и надежда на то, что ее муж теперь может быть со мной.

Их интерес, возможно, нездоровый, не угасал, и они уговорили меня делать то же самое. И самое нездоровое в этом заключалось в том, что они оба хорошо разбирались в компьютерах. Они жили на обочине общества, посвятили себя интернет-сообществам и гик-сериалам. Они всегда были готовы умчаться на любую гиковскую конвенцию, встреченную ими на пути. Они также увлекались другим хобби, к примеру, хакерством и любительским сыском.

Это-то и привело меня к ночной вылазке, одной из многих, на место преступления. Я, конечно, понятия не имела, что ищу. Серенити, конечно же, смотрела «Кости» (прим.: «Кости» — американский детективный телесериал о совместной работе судебного антрополога и агента ФБР. Главные роли исполнили Эмили Дешанель и Дэвид Борианаз) и сказала мне, что убийцу можно поймать, исследуя почву. У меня не было трех докторских степеней в области энтомологии, ботаники и минералогии, как у вымышленного Джека Ходжинса из упомянутого сериала, и я не работала в лаборатории космической эры, где можно взять образец для тестирования, поэтому понятия не имела, что они ожидали, чтобы я сделала с почвой из Харкерс-Вуд. Да, я ходила, уткнувшись в книгу, общалась с онлайн-друзьями и любила смотреть фантастические сериалы, тем не менее, я жила в Карнэле и знала многих плохих парней, поскольку они были городскими полицейскими и давали о себе знать своим удушающим присутствием. А значит, я также знала, что большинство из них были идиотами. А идиоты не могли совершить убийство и остаться безнаказанными.

Итак, в Харкертс-Вуд я ходила, когда меня никто не мог увидеть. С оглядкой прочесывала этот лес так тщательно, что теперь знала его как свои пять пальцев.

Но так ничего и не нашла.

Я тоже, как Бенджи и Серенити, никогда не сдавалась.

До нынешнего момента.

Я не рассказала им о недавних событиях, потому что они оба искренне надеялись, что наши действия приведут к желаемому финалу: заставят Чейза обратить на меня внимание, а затем сразу же влюбиться в меня по уши.

Очевидно, этому не суждено случиться.

Так что пришло время нам перестать пытаться делать то, в чем нам все равно никогда не преуспеть. Даже если Бенджи взломал компьютерный сервер полицейского управления Карнэла, а Серенити каким-то образом удалось взломать и следить за разговорами и текстовыми сообщениями на более чем дюжине мобильных телефонов.

И мы пытались сделать то, чего нам никогда не удастся, — найти убийцу Мисти Китон.

Кроме того, даже до недавних неприятных и противоречивых (но, к сожалению, из-за нескольких прекрасных моментов, также мучительно захватывающих) стычек с Чейзом, я начала волноваться.

Все потому, что Серенити называла имена, которые, как показало мое собственное убогое интернет-исследование, принадлежали богатым и влиятельным людям. Миллионерам. Старинным фамилиям. Судьям. Бизнесменам. Политикам. Влиятельным брокерам.

Серенити была убеждена, что ныне мертвый главарь банды продажных копов, Арнольд Фуллер, держал этих ребят на цепи. И Серенити была убеждена, что даже если Фуллер был мертв, такой человек, как он, не мог бы вот так просто дергать за эти цепи, не имея он компромата. И, наконец, Серенити была убеждена, что этот компромат не умер вместе с Фуллером.

Он был где-то здесь.

Еще она думала, что если мы найдем убийцу Мисти, то найдем и компромат. Шумиха, которая последовала за оправданием Тая Уокера и разоблачением коррупции в Карнэле, ничего из этого не обнародовала.

Итак, Серенити была убеждена, что есть еще один ботинок, который может упасть, и лучший способ этому ботинку упасть, не причинив никакого вреда, — это прицелиться и сбросить его самим.

Как вы могли догадаться, это не наполнило меня радостью. Даже не вызвало трепета. Это наполнило меня желанием с криком убежать от этого проекта и никогда не оглядываться назад.

Увы, Бенджи и Серенити все продолжали копать. К счастью, настоящая личность Серенити была скрыта так далеко за стеной ее компьютерных уловок, что ее, вероятно, никто не мог взломать. А Бенджи жил в Англии, и я надеялась, что власть денежных мешков Колорадо не распространялась так далеко.

Но с меня хватит. Чейз назвал мои прелести «незначительными», а мой поцелуй — «дерьмовой возней», так что, на самом деле, с меня не просто хватит. Я сыта по горло. Я не хотела никаких напоминаний о нем. К счастью, я работала в библиотеке, здании, куда, насколько мне известно, его нога ни разу не ступала за тринадцать лет. И поскольку в библиотеке я была единственным сотрудником на окладе, то могла с уверенностью сказать,

что его там никогда не было и, следовательно, никогда не будет. И я не собиралась появляться в закускойной. А также отказаться от кофе из «Ла-Ла-Ленда». Что было фигово. Шамблз и Солнышко готовили потрясающий кофе, а за выпечку Шамблза можно было умереть.

Но это были единственные места, где наши пути с Чейзом Китонем регулярно пересекались, поэтому, пока ожог от его слов не утих, я буду их избегать.

Бенджи и Серенити я не могла контролировать. Они были взрослыми (я надеялась) и далеко не глупыми. Возможно, жили в реальном мире даже меньше, чем я, но не глупые.

А со своей стороны, я бы продолжила их предупреждать.

Нет, Бенджи, — напечатала я. — И мне не нравится то, что мы раскрываем, как и должно не нравиться вам. Seriously, это не наше дело. В Карнэле снова все хорошо. Меня преследует сильное чувство, очень сильное, что мы должны оставить эту спящую собаку в покое.

А как же Чейз? — ответил Бенджи, и я закрыла глаза.

Затем я открыла их, чтобы снова соврать.

У него есть девушка.

Что!?!?!?

Я затаила дыхание и продолжила лгать.

Да. Я видела его с ней на днях. Казалось, они в очень близких отношениях. Она суперкрасивая.

ОМБ! Почему ты ничего не сказала?!?!?

Мне просто нужно было время, чтобы отказаться от мечты.

Ох, Инара (кстати, это был мой ник, потому что в «Светлячке» персонаж Нейтана Филлиона был влюблен в Инару — на самом деле мой полный ник был «Инара000», так как на форуме было миллион Инар), не говори так. Для него ведь это что-то новое? Может, и не получится.

Бенджи, если тебе кто-то нравится, даже если это происходит на расстоянии, нельзя надеяться, что он не будет счастлив. С Мисти ему было плохо. Теперь с этой новой леди он выглядит счастливым. Он движется дальше. И я должна сделать то же самое.

Не теряй надежду. Никогда не знаешь, что может произойти, — ответил Бенджи.

Нет, но я знаю, что вернулась из колледжа уже семь лет назад, а он меня все также не замечает. Он вдовец уже как семь месяцев и не замечает меня. А значит, что он, вероятно, никогда меня не заметит. Я должна жить своей жизнью, Бен. И, вероятно, должна начать сейчас.

Мои глаза не отрывались от экрана, так как какое-то время от Бенджи не приходило никакого ответа.

Мне жаль, Фэй. Но ты, наверное, права. Тем не менее, я надеюсь, ты найдешь кого-то уникального, потому что заслуживаешь этого, и когда Чейз Китон, наконец, поймет и заметит тебя, тогда он испытает немного тех чувств, что ты испытываешь сейчас, зная, что ты счастлива, вот только это счастье — не его заслуга.

Я бы не стала надеяться на такой исход.

Об этом я не поделилась с Бенджи.

Бенджи, чьи слова напомнили мне обо всех причинах, по которым я любила его, хотя никогда с ним не встречалась и, вероятно, никогда не встречусь.

Вместо этого я напечатала:

Здесь уже поздно, Бен. Мне пора ложиться спать.

Отпускаю тебя, — ответил он. — До завтра?

Наверное, — напечатала я, и, скорее всего, завтра я вернусь. Буду сидеть в своей квартире за компьютером, общаться с хорошо знакомыми мне людьми, с которыми никогда не встречалась. И, вероятно, никогда не встречу, видя, что они были социальными изгоями.

Как и я.

Мне двадцать девять лет и я ни с кем не спала. Почти не целовалась и сохла по вымышленному персонажу давно отмененного сериала, а также по одному реальному мужчине, который никогда не был моим.

— Ага, — прошептала я, печатая: «До скорого, Бен». — Мне нужно начать жить.

Прочитав его прощание, я выключила компьютер.

Потом побрела к дивану.

В моей жизни присутствовала одна вещь, которую можно было бы назвать офигенной. Моя квартира.

Она располагалась над цветочным магазином Холли на Мейн-стрит. А значит, частенько, в ней витал аромат цветов. А еще я могла добираться до работы пешком. А учитывая, что я ездила на темно-зеленом джипе «Чероки», который папа отдал мне семь лет назад после окончания колледжа, хорошо было иметь возможность ходить на работу или в любое другое место, куда мне нужно было попасть в моей замкнутой жизни.

Моя квартира представляла собой одну комнату, по большей части. Четыре узких, но высоких арочных окна на фасаде выходили на Мейн-стрит. Стены из красного кирпича. Полы выложены деревянными досками, и перед тем, как сдать квартиру мне в аренду, Холли отполировала их так, что, хотя они и были старыми, но также блестели и выглядели великолепно. Чтобы придать уют комнате, я повсюду расстелила кучу разномастных, всевозможных форм и расцветок, но красивых и ярких ковриков.

В задней части помещения располагалась кухня, отделенная от комнаты высокой стойкой с табуретами. Кухня была просторной, потому что само пространство было большим. Она была оборудована кухонным гарнитуром с множеством шкафов цвета слоновой кости со сколами и царапинами, которые выглядели скорее круто, чем потерто, а у некоторых шкафов были стеклянные дверцы, так что сквозь них можно было увидеть мою коллекцию яркой керамической посуды. Посередине также располагался огромный кухонный островок с широкой столешницей. Кухня была потрясающей.

Рядом с кухней находилось небольшое подсобное помещение. Оно пряталось в укромном уголке, образованном комнатой, обшито деревянными панелями, переходя в большую ванную.

В ванной стояла раковина на пьедестале и глубокая сказочная ванна на ножках, о которой мечтали любители понежиться в горячей воде (такие как я).

Перед окнами стоял ярко-розовый широкий диван с подушками и три удобных кресла с оттоманками (одно королевского синего, одно баклажанового и одно ярко-бирюзового цвета), все в окружении множества красивых, но разномастных столиков. Я много читала, поэтому мне нужно было много разных мест для чтения. С такой гостиной, у меня они были.

Посреди комнаты, на большом толстом ковре сочного зеленого цвета, стояла двуспальная кровать. Металлическое изголовье и изножье, все в завитушках, окрашено в цвет

слоновой кости, также как и широкие, но не глубокие, потертые тумбочки по бокам. На одной стояла большая лампа с рифленным стеклянным основанием. На другом — круглая, из матовой розовой керамики, похожая на ушную раковину, вкрученная внутрь лампочка, загораясь, отбрасывала красивые узоры на стену (как сейчас). На кровати было множество подушек всех форм и размеров, мягкие простыни, которыми я баловала себя, потому что они стоили целое состояние, но ощущались невероятно, и пуховое одеяло, покрытое мятно-зеленым покрывалом с фиолетовыми, розовыми и голубыми цветами.

Полки на стене сбоку от кровати, рядом с зоной отдыха, заполняла моя обширная коллекция книг, стереосистема, компакт-диски, DVD-диски, несколько фотографий в рамках и фанатский мерч, вроде маленькой модели корабля Серенити из «Светлячка» и рамка с шахрамом, грозным оружием Зены Королевы Воинов.

У смежной стены стоял огромный старинный шкаф, папе пришлось разобрать и собрать его, чтобы установить туда.

Пространство у стены напротив полок занимал большой, шикарный потертый письменный стол, компьютер и оборудование к нему. С другой стороны, между входной дверью и ванной, стоял старинный ветхий комод. На нем возвышалась еще одна потрясающая лампа с изящным хрустальным плафоном с гравировкой, купленная мной за бесценок, потому что она не работала, но я знала, что папа сможет ее починить. И он починил.

Ничто из предметов обстановки не подходило друг другу, даже табуретки вокруг кухонной стойки. Поверхности и стены хаотично украшали причудливые мелочи. Если бы мне нужно было дать определение этому стилю, я бы назвала его «Отчаянный, горный, крутой девчачий шик».

И мне он нравился.

Что хорошо, подумала я, подойдя к дивану, взяла «айпод» и улеглась на спину, так как проводила здесь очень много времени.

Я устала в потолок, уловив аромат зажженной свечи (яблока) и схватила одну из множества упаковок жевательной резинки, разбросанных по квартире, развернула пластинку и сунула ее в рот.

Фруктово-мятная с ноткой ванили. Вкус мне понравился, я обрадовалась, обнаружив его, пристрастилась к нему и жевала все время, даже после полуночи в четверг, лежа на диване и думая, что мне, черт возьми, делать со своей жизнью.

Вполне вероятно, завтра Лекси, Лори и Кристал, по очереди или все вместе заявятся в библиотеку. Не говоря уже о том, что они могут привести с собой редкое, но правдоподобное дополнение в виде других своих подруг: Венди, Мэгги, Стеллы, Бетти, Солнышка, Аврил, Эмбер, Джаз, Кайлин или, не дай Бог, сумасшедшей Твайлы, которая пугала меня сильнее Кристал.

Я отмахивалась от них уже неделю, говоря, что занята библиотечными делами. К счастью, я не лгала, учитывая, что наши странно неясные проблемы с финансированием становились все более пугающими. Но это также означало, что их случайные посещения, поодиночке или все вместе, стали гораздо более частыми, и за последние два дня следовали один за другим.

Лори и Кристал сказали мне, что по городу разнесся слух о моем визите и разговоре с Чейзом в полицейском участке, а это значит, что очередь в байкерский бар «У Баббы» и салон «Карнэл Спа» тянется до Луны.

Слухи были верны, судя по тому, чем поделились со мной девушки. Я пришла в участок, чтобы подать заявление. Мы с Чейзом провели за закрытыми дверями минут десять. Чейз вышел, выглядя взбешенным, и сразу же направился к своему внедорожнику. Через несколько мгновений вышла я, выглядя так, будто меня ударили, и, не оглядываясь, поспешила прочь.

Услышав эту новость, я солгала им, сказав, что все было совсем не так. Я рассказала им о мальчике из библиотеки (и убила одним выстрелом двух зайцев, попросив их посматривать вокруг, и позвонить мне, если они его увидят), и что именно в нем заключалась причина моего визита в участок. Ничего не произошло. Чейз приглядывал за этим делом, а я тем временем передала Фрэнку Долински книгу, а художник (очень хороший) нарисовал портрет мальчика. Все это было сделано в отсутствие Чейза в участке.

Они не купились на мою версию, и хотя, должна признать, мне нравились их визиты, я знала, что давление будет увеличиваться, чего я не ждала с нетерпением.

Но работать библиотекарем в маленьком городке — это не ежедневные девять часов веселья и смеха со вторника по субботу. Их визиты скрашивали мой день. Они были забавными. Они были открытыми, настоящими и, в отличие от меня, нормальными. И они любили меня, что было приятно. Не то чтобы у меня не было друзей. Но все мои школьные друзья либо уехали, либо состояли в серьезных отношениях, так что нас с ними мало что объединяло. Мы проводили время вместе, просто не очень много. Общение с другими моими друзьям осуществлялось посредством клавиатуры.

Поэтому было приятно чувствовать себя частью их компании.

Просто я не хотела рассказывать о том, что случилось с Чейзом.

Возможно, когда-нибудь, когда мысль об этом не будет причинять такую сильную боль. Может, я пригласила бы всех на ужин и бокальчик «маргариты», мы бы напились в хлам, и я бы проболталась.

Идея звучала хорошо. Открытый, настоящий, нормальный поступок для девушки, у которой была жизнь. Пригласить подруг, поужинать, выпить, захмелеть и признаться в самых унижительных, болезненных моментах своей жизни, чтобы они сказали вам, что все мужчины неудачники, а потом налили вам еще выпить.

Я надела наушники, и, поскольку хотела успокоиться, а не подготовиться к тому, к чему меня привели мои мысли, включила один из своих плейлистов для релаксации.

Он работал, пока очередь не дошла до песни Эллы Мэй Боуэн «Holding Out for a Hero» («Я жду героя»).

Лежа поздней ночью на диване, как всегда одна, в своей офигенной, но пустой квартире, ее прекрасный голос, наполненный тоской, напевал слова, в которые я никогда так внимательно не вслушивалась, они ударили в меня, словно пуля, пронзая плоть, оставляя болезненное послевкусие.

Я даже не пыталась сдержать навернувшиеся на глаза слезы. Не чувствовала жжения в носу. Просто позволила им литься, отчего потолок надо мной виделся как в тумане, и страстное желание в голосе Эллы Мэй, щемящая тоска в прекрасных словах разорвали меня в клочья.

Между прочим, я увидела Чейза Китона в шестнадцать лет, в возрасте Эллы Мэй, когда она записала эту песню, и убедила себя, что нашла своего героя, и он всегда был рядом, просто вне досягаемости.

Но если бы я продолжила надеяться, продолжила тянуться к нему, в конце концов, его

теплые, сильные и твердые пальцы сжали бы мои.

Просто он был вне досягаемости.

Он жил в том же городе, но был далеко, за много и много миль.

Когда Элла Мэй закончила петь, я нажала на повтор.

И снова.

И снова.

Затем, со слезами на глазах встала, задула свечу и подошла к необычным крючкам, которые папа прикрепил к моей двери. Сняла с них длинный пастельно-зеленый шарф и обернула его вокруг шеи, поверх проводков наушников.

Поставив песню на повтор, я сняла сосново-зеленое шерстяное двубортное пальто, надела его, маневрируя «айподом», пока застегивалась, схватила варежки, подходящие по цвету к шарфу, и натянула их. Потом взяла ключи.

Слушая песню, открыла дверь и вышла, заперла замок, сунула ключи в карман и спустилась по лестнице, ведущей в переулок к моему «Чероки».

Под песню я обогнула боковой переулок и стремительно пошла, сгорбившись и обхватив себя руками, сквозь яростный, обжигающе холодный ветер, высушивший слезы на моем лице.

Песня все играла, когда я свернула с Мейн-стрит на тихие, темные улицы, ведущие к начальной школе. Все вслушиваясь в слова, я проскользнула через отверстие в заборе и направилась на школьную площадку.

Я слушала их, остановившись у качелей, положила руку в варежке на одну из высоких стоек и опустила голову, прижавшись лбом к рукавице. Слушая, и страдая, я поняла, что на всем белом свете нет ничего хуже, чем умершая надежда.

И я слушала песню, когда сильная рука крепко обхватила мое предплечье, но я также услышала собственный придушенный, удивленный вскрик, прозвеневший, если не в ушах, то в голове, когда эта рука, не колеблясь, развернула меня.

И я взглянула в разгневанное лицо Чейза Китона.

Что за фрак?

Я моргнула, глядя на него, и сделала это дважды, прежде чем поняла, что его губы двигаются.

Он разговаривал со мной.

— Что? — спросила я очень громко, чтобы перекричать музыку, которую он не мог слышать.

Его голова дернулась, глаза сузились, даже когда они осматривали мою голову. Я почувствовала, как хватка на моей руке исчезла, и внезапно голос Эллы Мэй пропал, потому что Чейз выдернул наушники из моих ушей.

Потом я услышала его рык:

— Господи, это еще хуже.

Я не поняла. Стоя на холоде, на игровой площадке начальной школы, глядя на разъяренного Чейза Китона, я еще не перешла от отрицания своего одиночества к тому, чтобы прочувствовать его до глубины души, отпустить мечту, ощутить, как во мне пульсирует боль, бьет так, как я знала, буду чувствовать всегда.

— Что хуже? — прошептала я.

— Ты. Гуляешь в одиночестве ночью по городу, полному байкеров, которые любят напиваться, шуметь и трахаться, и делаешь это в наушниках и с такой громкой музыкой, что

не услышишь, как к тебе кто-то приблизится, даже если на нем будет гребаный колокольчик.

Конечно, он был прав. Теперь я слышала Эллу Мэй даже без наушников.

Быстрым движением большого пальца я поставила «айпод» на паузу, ответив Чейзу:

— Байкеры дружелюбны.

— Нет, Фэй, это не так.

— Но я живу здесь всю жизнь и встречалась с кучей байкеров. Они дружелюбны.

— Ага, местные не гадят там, где живут. А приедем чужакам, плевать, где гадить. И если бы с тобой что-то случилось, местным байкерам пришлось бы бросить вызов чужакам, так как они причинили вред одному из них, поэтому, где бы они их ни выследили, там начался бы крошечный ад. Не говоря уже о том, что с тобой ничего хорошо не случится еще до того, как ты устроишь весь этот охеренный кошмар.

— Ты много ругаешься, — прошептала я, и его голова снова дернулась, а глаза снова сузились.

— Что? — рявкнул он.

— Ничего, — пробормотала я и закусил губу.

Его глаза опустились на мои губы, а затем снова скользнули вверх.

Внезапно моя рука оказалась в железной хватке, Чейз потащил меня за собой, заявив:

— Я провожу тебя до дома.

Поскольку он тянул меня за руку, а сам он был высоким, поджарым и мускулистым, мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Но я запротестовала, когда мои ноги задвигались вдвое быстрее, чтобы не отставать от его длинных шагов:

— Все в порядке. Правда. Я живу недалеко, и не буду слушать музыку.

Он резко остановился, дернув меня за руку, отчего остановилась и я, и склонил голову так, что его красивое лицо оказалось в дюйме от моего.

Его глаза были сердитыми.

Нет, яростными.

Я перестала дышать.

— Я... провожу... тебя... домой, — сказал он тихо, медленно, четко проговаривая каждое слово.

Я сделала единственное, что могла. Кивнула.

Он начал отодвигаться, его глаза снова сузились и, к еще большему урону моей способности дышать, притянул меня ближе. Его взгляд скользнул по моему лицу, а затем снова вернулся к моим глазам.

— Ты плакала? — спросил он все еще низким, но уже мягким голосом.

Я уставилась на него, и меня осенило, что он подвел нас ближе к тротуару, где в свете уличных фонарей мог видеть меня яснее.

— Нет.

И вот снова!

Очередная ложь!

Чейз уличил меня в ней, и он сделал это снова тем тихим, мягким голосом, который обычно придавал его низкому привлекательному голосу большую глубину и намного-намного большую привлекательность.

— Милая, у меня есть глаза.

Мне очень нравилось, когда он называл меня «милая». Он сделал это уже дважды, и оба

раза это казалось подарком.

Конечно, он, наверное, всех созданий женского пола называл «милая». Так что это был не подарок. Это было сказано просто так. Неосознанно.

Я вдохнула и расправила плечи.

— Хорошо, Чейз. Я плакала. Но данный факт и его причины, тебя не касаются. И раз уж ты так горишь желанием исполнить свой долг блюстителя закона и убедиться, что я в безопасности, проводи меня до дома. Но давай пропустим допрос, если не возражаешь.

— А вот и характер, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего, — все также пробормотал он, дернул меня за руку, и мы снова пошли.

Я хотела спросить, почему он бродит по улицам посреди ночи, но сдержалась. Я хотела спросить, где его внедорожник, так как высматривала его, когда мы шли по морозным городским улицам, и не увидела, но снова сдержалась. Я хотела попросить его отпустить мою руку, но и здесь я сдержалась.

Я просто шла рядом с ним, он крепко держал мою руку в своей большой, теплой ладони, и я пообещала себе, что не сделаю ничего глупого и драматичного. Вроде того, как позволила эмоциям и красивой, душераздирающей песни отправить меня на опрометчивую ночную прогулку. Которая никак не прояснила мои мысли под слова песни, неоднократно вывернувшей мою душу.

На самом деле, я решила (конечно, драматично), с того момента, как мы свернули в переулок к тупику, ведущему к моей квартире, что до конца жизни я буду слушать только оптимистичную музыку. Я так убеждала себя в принятом решении, что мне и в голову не пришло, что это не я веду Чейза в переулок, где живу.

Он вел меня.

Свернув в переулок, мы успели сделать четыре шага, когда услышали грохот.

Чейз тут же дернул меня за руку, оттесняя себе за спину. Отпустив меня, он шагнул передо мной и потянулся к бедру за пистолетом.

Но выглянув из-за него, я увидела, как из-за мусорного контейнера возле итальянского ресторана высунулась голова.

Я знала эту голову.

— Святой ф*ак! — вскрикнула я. — Это он!

Услышав мой голос, мальчик из библиотеки рванул прочь, и я, не колеблясь, рванула за ним.

— Господи, Фэй! — взревел Чейз позади меня, но я продолжала бежать, размахивая руками и быстро перебирая ногами.

Я слышала стук ботинок Чейза, потом увидела, как он обошел меня и погнался за пареньком, который завернул за угол переулка. Чейз повернул за ним следом, затем я, а потом Чейз снова свернул на Мейн-стрит.

Я последовала за ними и увидела Чейза, который гнался за ребенком по Мейн-стрит.

— У тебя не будет проблем! — крикнула я. — Мы просто хотим помочь! Все в порядке!

Я продолжала кричать, когда парень быстро рванул по переулку и исчез, Чейз все еще преследовал его, и через несколько секунд он тоже свернул в переулок и исчез.

Не отставая от них, я выбежала на боковую улицу.

Через два квартала Чейз почти настиг мальчика, но тут он уперся руками о забор, перепрыгнул его и помчался через чей-то двор.

Чейз, не мешкая, последовал за ним и исчез во дворе.

Как только я туда добралась, мне потребовалось четыре попытки, чтобы взобраться на забор, усесться на него задницей и перекинуть через него ноги. У меня возникло ощущение, что при этом я порвала джинсы, но я свалилась на другой стороне и помчалась за ними.

В темноте заднего двора я потеряла их, поэтому остановилась и попыталась прислушаться сквозь свое затрудненное дыхание, надеясь услышать шум, который подскажет мне, в каком направлении их искать.

Я ничего не слышала.

Я стояла там долго.

Но по-прежнему ничего не слышала.

Frak!

Меня осенило, что я посреди ночи стояла на чужом заднем дворе, где не должна быть. Меня также осенило, что Чейз умчался за неизвестным нам ребенком, и не только я потеряла его, но и он потерял меня. И я понятия не имела, что делать.

Я дала Чейзу немного времени на случай, если он вернется, надеясь, что ребенок будет с ним, и мы сможем его согреть, накормить (он шарился по мусоркам!) и поговорить с ним, но Чейз не вернулся.

Так что я быстро вернулась по нашим следам (избегая забора и запоздало заметив, что на подъездной дорожке есть проход, и пошла тем путем, которым прибежала раньше). Я снова перешла на бег на случай, если у Чейза будут те же мысли, что и у меня, и он пойдет в том же направлении. Я также смотрела в оба, надеясь, что увижу либо Чейза, либо мальчика, а еще лучше, и того и другого.

Но никто из них так и не появился.

В конце концов, я добралась до лестницы, ведущей в мою квартиру, расхаживала возле нее и ждала.

Прошло около десяти минут. Увидев, как Чейз завернул за угол переулка и двигался ко мне, я отцепила «айпод» от одежды и засунула вместе с наушниками в задний карман джинсов.

Хотите верьте, хотите нет, но мужчины могли двигаться, как хищники. Я видела это по тому, как двигался Чейз.

Он был в пяти футах от меня, когда скомандовал низким, сердитым и сбивающим с толку голосом:

— Задницу вверх по лестнице.

— Что? — попросила я.

— Тащи свою задницу вверх по лестнице и открой дверь в свою квартиру.

Это казалось хорошей идеей, так как там будет тепло, поэтому я повернулась, взбежала по лестнице, вытащила ключи и, сдернув рукавицы, отперла замок.

Я вошла в квартиру, и Чейз последовал за мной.

Он также хлопнул дверью.

Я бросила варежки через всю комнату на кресло, повернулась к нему, и моей первой мыслью, когда я хорошенько его разглядела, было «О-оу».

— Ты снова погналась за ним, — тихо заметил он.

— Я... э... не подумала.

— Малец напуган до безумия, а ты не только преследовала его, но и кричала.

Я сжала губы.

— В темноте, — продолжил Чейз.

Я пожалала плечами, оставив их наверху.

— В переулке, — не унимался Чейз.

Я не двигалась и не издавала ни звука.

— На морозе, — продолжал Чейз.

Я опустила плечи и разжала губы, но чуть прикусила нижнюю.

— Посреди ночи, — закончил Чейз (надеюсь).

— Э-э... — пробормотала я, но не знала, что сказать. Все это было правдой и, оглядываясь назад, казалось более чем нелепым.

— Такой ребенок знает этот город как свои пять пальцев. Такой ребенок, напуганный до полусмерти, будет драться, царапаться и умрет, прежде чем какой-то незнакомец коснется его. Такой ребенок нуждается в заботе и особом обращении. Ему нужно чувствовать себя в безопасности. Ему не нужно, чтобы кто-то с криками гнался за ним. Он не слышит твоих слов, только твой тон. И он знает, что такое погоня, и сделает все, что в его силах, чтобы не попасться.

— Так вот почему ты не... э-м... не поймал его? — глупо спросила я.

— Именно поэтому, — коротко ответил он, а затем уточнил: — Оказавшись на темном дворе, он испарился.

— О, — прошептала я, предположив, что, он, возможно, все еще прячется на том дворе.

— Выброси это из головы, — прервал мои мысли Чейз. — Я вернулся и все осмотрел. Он ушел.

— О, — повторила я шепотом, теперь считая странным, что Чейз Китон мог читать мои мысли.

— Господи, Фэй, если хочешь, чтобы я помог этому ребенку, ты должна помочь мне сделать это. А заставлять его бояться еще больше — не лучшая помощь.

— Хорошо, — тихо согласилась я, а затем нерешительно спросила: — Итак, эм... как это сделать?

— Не знаю. Насколько я мог разглядеть, этот ребенок не сбежал из дома из-за жестокого обращения. Или это не единственная проблема в его жизни. Он боится чего-то. Но что бы это ни было, это сильный страх или, по крайней мере, он так думает. Мы должны найти какой-то способ установить доверительный контакт, чтобы он позволил нам приблизиться к нему или сам обратился к нам.

— Еда, — тут же сказала я, и голова Чейза дернулась.

— Что?

— Еда. Я подложу еду. И... и... куртку! — выпалила я. — Ему нужна куртка. Я куплю ее ему. Подброшу все в мусорку.

— Дорогая, он не вернется к тому мусорному баку. Не снова. Никогда.

— О, — прошептала я, мои мысли метались, и мне пришла в голову другая идея. — В библиотеку. Возле ящика возврата. Он возвращает книги. Он не появлялся уже неделю, потому что в прошлый раз я его преследовала, и он не вернул ни одной книги. Но вернет. Он всегда так делает. Я положу еду и куртку у ящика. И... и... еще книги. Найду те, которые ему нравятся брать, и положу их там. С запиской о том, что он может найти там нужные ему вещи, и если ему понадобится что-то, чего он не обнаружит, пусть оставит записку, и он это получит.

Чейз кивнул и сказал:

— Это хорошая идея.

— Спасибо. — Я улыбнулась.

Его глаза опустились на мои губы, он как-то странно замер, а затем поднял взгляд к моим глазам и тут же спросил:

— Почему ты плакала?

Я почувствовала, как моя улыбка сникла, и отступила на шаг, пробормотав:

— Чейз...

— Почему ты плакала? — повторил он.

Я сделала еще один шаг назад, сказав:

— Не думаю...

Мое сердце забилося сильнее, когда он шагнул ко мне и снова спросил:

— Почему ты плакала, Фэй?

Я начала активное отступление, а Чейз перешел в атаку, и я напредила:

— Кажется, я уже сказала, что это не твое дело.

— Фэй, почему ты плакала?

Я ударила об изножье кровати и была вынуждена остановиться.

Чейз не остановился, пока не оказался со мной лицом к лицу, нависая надо мной и не сводя с меня глаз.

— Я спрошу еще раз, милая, — мягко сказал он. — Почему ты плакала?

Учитывая его близость, я сочла благоразумным ответить.

— Я слушала песню, которая заставила меня плакать.

Его брови поднялись.

— Песню, которая заставила тебя плакать, выйти из дома глубокой ночью и отправиться на школьную площадку?

На это я неуверенно ответила:

— Это хорошая песня.

Его глаза скользнули по моему лицу, а губы прошептали:

— Это хорошая песня.

Я задержала дыхание, не зная, что происходит, но точно понимала, что происходит с моим сердцебиением. Оно ускорилося. И кожу покалывало. И кровь... она бурлила.

Я сделала так необходимый мне глоток воздуха.

Затем расправила плечи и тихо сказала:

— Теперь я в безопасности, Чейз. Ты можешь идти.

Его глаза вернулись к моим, и он не ушел.

Вместо этого он спросил:

— Что это была за песня?

Ни за что, черт возьми, я не скажу ему это.

— Доби Грей, «Drift Away».

И вот снова. Очередная наглая ложь!

Его глаза загорелись, а губы дернулись, прежде чем он спросил:

— Песня, которая тронула тебя до слез и отправила в холод ночи, была песней о человеке, который справляется с жизненными трудностями, слушая рок-н-ролл?

Я поняла, что мне действительно нужно уделять больше внимания словам песен, когда ответила еще одной ложью:

— Да. — Затем, чтобы добавить достоверности тому, что было далеко не достоверным,

сказала: — Моя любимая часть, когда он поет, а люди аплодируют.

И прямо тогда, в своей квартире, я наблюдала, как Чейз Китон запрокинул свою красивую голову и расхохотался.

Увидев это, услышав его глубокий раскатистый смех, я завела руки за спину и сжала металлическое изножье, чтобы обрести опору удержаться на ногах.

Я была готова попросить его уйти, когда он перестанет смеяться (не то чтобы я хотела, чтобы он перестал смеяться, когда-либо), но он опередил меня, снова взглянув на меня и приказав сквозь смех:

— Включи.

Я моргнула, в груди стало тесно.

Поэтому мое «что?» прозвучало придушено.

Он оглядел мою квартиру, заметил стереосистему и посмотрел на меня.

Кивнув на стереосистему, повторил:

— Включи.

— Что включить? — глупо спросила я.

— «Drift Away».

О Боже!

— Э-э... я немного устала.

— Фэй, милая, ты только что бегала очень холодной ночью, преследуя избитого, перепуганного ребенка. Ты не устала.

Вот оно, он снова читает меня.

— Эм...

— Но, держу пари, эта песня поможет тебе расслабиться и отдохнуть.

Он был прав. Именно для этой цели я включила ее в свой плейлист для релаксации.

— Хм-м-м...

— Включай.

— Чейз, я не...

— Не включишь, я найду твой «айпод» и сделаю все сам.

Это заставило меня двигаться по двум причинам. Во-первых, ему пришлось бы меня обыскать, а мой «айпод» был у меня в заднем кармане джинсов. Я не хотела, чтобы Чейз Китон касался моего зада. Во-вторых, речь шла о песне «Holding Out for a Hero», что означало, что если бы он заполучил мой «айпод», то уличил бы меня во лжи и, возможно, узнал бы, что на самом деле заставило меня плакать.

Так что я проскользнула мимо него, расстегнула пальто, сняла его и бросила на кресло. Затем размотала шарф и повторила все то же самое с ним. Наконец, я полезла в задний карман, вытащила «айпод» и нашла песню.

Зазвучала гитара, я обернулась и увидела, что Чейз снял пальто, бросил его на мою кровать и прислонился бедром к изножью.

Он хорошо выглядел в любом месте.

Но он никогда не выглядел лучше, чем стоя здесь.

Серьезно, как такое произошло?

— Забыл, как сильно мне нравится эта песня, — сказал он сквозь музыку.

— Я же говорила, что она хороша, — пробормотала я.

При моих словах он резко оттолкнулся от кровати и подошел ко мне.

Пришлось принимать решение за долю секунды. Бежать из квартиры (а я только что

сняла пальто), мчаться в ванную и запираться, снова отступать, хотя отступать было некуда, или оставаться на месте.

На принятие решения мне потребовалось больше доли секунды, таким образом, это оказался последний вариант, и, следовательно, я была доступной целью, когда Чейз потянулся вперед и схватил меня за руку.

Он дернул за нее уверенно, но осторожно, и я устремилась к нему.

Другая его рука скользнула вокруг меня, и внезапно я оказалась в своей квартире ночью, танцуя с Чейзом Китонем.

Мы не просто танцевали друг с другом, покачивая бедрами. Он раскачивал меня, кружил, раскручивал от себя и притягивал обратно. Его движения были уверенными, точными и сильными, и мое тело просто двигалось так, как он хотел. Это не казалось чем-то неестественным, я не нервничала.

Я просто двигалась туда, куда он меня вел, будто мы танцевали вместе бесчисленное количество раз. Это было естественно. Правильно. Великолепно.

Так великолепно, а песня такой классной, что я погрузилась в нее и начала ухмыляться, одаривая ухмылкой Чейза всякий раз, когда наши глаза встречались, учитывая, что он пристально смотрел на меня.

Под медленные биты, он держал меня близко и раскачивался. Когда темп ускорился, он вращал и кружил меня, а когда раздался аплодисменты, он притянул меня ближе, наклонил голову, его губы возле моего уха прошептали:

— Ты права, милая, это определенно лучшая часть.

Моя рука лежала на твердой стене его груди, голова была запрокинута, его поднялась, и мы встретились взглядами.

Тогда я прошептала:

— Видишь?

Он улыбнулся.

Я утонула.

Затем, когда темп ускорился, он закрутил меня, но мы закончили близко прижавшись друг к другу, покачивая бедрами. Он обнимал меня одной рукой, другая прижимала мою руку к его груди. Другая моя рука легко лежала на его плече. Чейз прильнул подбородком к моим волосам, а мой взгляд был прикован к его мощному горлу.

Песня стихла, наши бедра перестали покачиваться, но он не отпускал меня.

Я понятия не имела, что происходит, как мы к этому пришли, но это не значит, что я не закрыла глаза, запоминая каждый нюанс этого момента.

Затем он тихо сказал мне на ухо:

— Долго, чертовски долго, Фэй, почти шесть лет, я был уверен, что у меня никогда не будет ничего более прекрасного, чем последние три минуты. Спасибо, милая, что подарила их мне.

Как только он сбросил эту сбивающую с толку изысканную бомбу, он отстранился, подошел к кровати, взял свое пальто, неторопливо направился к двери и вышел, закрыв ее за собой.

Не оглядываясь назад.

Глава 4

«Чероки» и кофе

Прошло четыре дня (ну, технически три) после того, как Чейз Китон сказал мне красивые, но сбивающие с толку слова и не спеша вышел из моей квартиры.

Другими словами, было утро вторника, восемь тридцать, то есть за час до того, как мне нужно было идти на работу, готовить библиотеку к открытию, и я сидела в своем «Чероки», наблюдая за ящиком для возврата книг в надежде увидеть мальчика.

Я сделала это во вторник, потому что по понедельникам библиотека не работала.

И еще потому, что раньше не успела все организовать.

Выспавшись, я убралась в доме и отправилась за покупками для себя и незнакомого мне ребенка. Еще я потратила время на ужин с родителями, включая помощь маме с готовкой и просмотр с ними двух фильмов после этого. Не говоря уже о том, что с целью отвлечься, я дважды ходила в спортзал и тренировалась час, а не половину привычного времени.

Кроме того, у меня была продолжительная переписка с Серенити, где я попыталась отговорить ее раскрывать компромат на пугающих, богатых влиятельных лиц (кстати, мне это не удалось). У меня также был продолжительный телефонный разговор с моей сестрой Лизой, жившей в Гно Бон, о ссоре со своим мужем. Впрочем, не в первый раз, даже услышав это от Лизы, я встала на сторону Бойда. В этом не было ничего необычного, но я не сказала об этом Лизе. Мало того, что я встала на сторону Бойда, я также посоветовала ей перестать быть такой королевой драмы.

Однако, что я знала? У меня даже парня никогда не было. Я не была в том положении, чтобы становиться консультантом по вопросам брака.

Так что вместо этого играла свою обычную роль стервозной сестры-слушательницы.

За время, прошедшее между тем, как Чейз оставил меня в четверг вечером (или, точнее, очень поздней ночью пятницы), я купила мальчику новую куртку, шапку, шарф, перчатки и три пары толстых шерстяных носков. Я также прикинула размеры и взяла ему две пары новых джинсов, два толстых теплых свитера и нижнее белье.

К этому я добавила пинту молока, три бутылки воды, упаковку колбасы, упаковку ломтиков американского сыра, буханку хлеба, коробку злаковых батончиков, три яблока, связку бананов, огурец (он не стал бы его есть, но мне пришлось приложить усилия, обеспечив его тем, что мой папа называл «грубой пищей») и огромную плитку шоколада «Херши» (которую он, скорее всего, съел бы).

Я засунула их в удобные для переноски сумки и разложила вместе с книгами, которые не взяла в библиотеке, а купила. При этом оставила записку, где сообщила, что все это для него, книги он может оставить себе, в среду будет больше, и если ему что-нибудь понадобится, пусть напишет мне записку, перечислив все необходимое, опустит ее в ящик для возврата, и я это для него достану.

И теперь я наблюдала, прошлой ночью заглянув в библиотеку и проверив ящик (он ничего не вернул), и надеялась, что он ничего не вернул с момента последней проверки. Кроме того, я надеялась, что он покажется, чтобы я могла получше его рассмотреть, определить, откуда он пришел, и, возможно, тайком проследить за ним.

Я была сосредоточена только на этом.

Потому что, если бы я не сосредоточилась на незнакомом мне маленьком мальчике, который нуждался во мне (или в любом другом взрослом), я бы сосредоточилась на своей странной ночи с Чейзом и сошла бы с ума.

Я проворочалась остаток ночи, заснув, наконец, в предрассветный час, и потащила в пятницу на работу, настолько измученный, что абсолютно равнодушно приняла тревожную новость о том, что библиотеку, возможно, только, возможно, будут вынуждены закрыть из-за проблем с финансированием. Так что, решила, что это мой лучший образ действий.

Вокруг меня кипела жизнь. Одиноким мальчик бродил по морозу, его кто-то избивал, и он рылся в мусорках. И я могла потерять свою работу, а город — библиотеку.

Все вышперечисленное я воспринимала, как личную трагедию, для города же трагедия заключалась только в последнем.

Для меня это было трагедией не только потому, что я теряла работу, но и потому, что это единственное, чем я когда-либо хотела заниматься. Мне нравилась эта библиотека. Сколько я себя помню, мама водила меня туда посмотреть книги. Она рассказывала, как ее мама тоже водила ее туда, когда она была маленькой девочкой. И так как я могла добраться туда самостоятельно, так я и поступала.

Я оставалась там и читала. Мне нравилось находиться там из-за особого ощущения, запаха книг, тишины. Больше всего я любила безмятежность, которая исходила от моего одиночества в мире книг, и в то же время я не была одинока, потому что меня окружали миры, некоторые из них были реальными, подавляющее большинство — фантастическими, живущие на страницах, вшитых в обложки.

Я не знала, что буду делать, если библиотеку Карнэла закроют, и не только потому, что она была моим источником дохода.

Так что у меня не было времени беспокоиться о сбивающем с толку Чейзе Китоне, посылающем мне смешанные сигналы.

Именно эта мысль, обосновалась у меня в голове, когда я услышала, как открылась дверца со стороны пассажира.

Дернувшись, я вскрикнула, и повернула голову не к кому иному, как к забирающемуся в мой грузовик Чейзу Китону, в джинсах, с фантастическим ремнем в западном стиле с еще более фантастической пряжкой, парусиновой куртке на флисовой подкладке, ковбойских сапогах, джинсовой рубашке с жемчужными пуговицами, строчкой в западном стиле и двумя белыми кофейными стаканчиками из кофейни «Ла-Ла Ленд». Я сразу поняла, что Солнышко либо готовила кофе, либо наполняла стаканчики, потому что фиолетовым маркером сбоку был нарисован букет цветов, а цветы всегда рисовала Солнышко. Если Шамблза посещало вдохновение, он рисовал луны и звезды.

— Возьми, — приказал Чейз ни с того ни с сего, даже не поделившись, почему залез в мою машину возле библиотеки в восемь тридцать утра с двумя стаканчиками кофе.

Один он протягивал мне.

Я на автомате протянула руку в варежке и взяла его.

Он уселся, хлопнул дверцу и продолжил командовать.

— Ради бога, Фэй, на улице минус двадцать. Заведи грузовик.

— Я в засаде, — сообщила я ему, и его взгляд остановился на мне, поэтому я закончила: — Думаю, против правил, когда во время засады мотор работает. Шум выдаст.

— Да, я догадался, что ты в засаде. Сообщи тебе новость, дорогая, раз ты не едешь на работу и твоя машина единственная на парковке, твоя милая задница в ней и ты не

прячешься, не думаю, что наш уличный мальчишка упустит это. А значит, он не подойдет близко, так что можешь завести мотор, чтобы не отморозить свою милую задницу.

Это уже второй раз, когда он называет меня «дорогая».

И моя задница стала милой?

— Чейз...

— Заведи грузовик.

Боже, по утрам он такой властный и раздражающий.

— Чейз!

Он наклонился ко мне и тихо сказал:

— Детка, заведи чертов грузовик.

О, боже.

«Детка» звучало милее.

Намного.

Я зажала стаканчик между колен и завела мотор.

— Сколько уйдет на то, чтобы прогреть эту кучу хлама? Около года? — спросил Чейз, прежде чем сделать глоток кофе.

— Он надежный, — сообщила я, беря свой стаканчик.

— Джипы, да. Тем не менее, этот надо было избавить от страданий около десяти лет назад.

— С ним все нормально.

— Это куча хлама.

— С ним все нормально, Чейз, — рявкнула я, а затем продолжила: — Что ты здесь делаешь? Ты ставишь под угрозу мое прикрытие.

Его взгляд остановился на мне, и уголки его губ приподнялись.

О, боже.

Его красивые, с поднятыми вверх уголками губы на красивом лице выглядели мило.

— Ставлю под угрозу твое прикрытие? — переспросил он.

— Мне кажется, ты наделяешь нашего уличного мальчишку большей силой, чем она у него есть. Он всего лишь ребенок.

— Ребенок, живущий на улице, что означает, что он находится в режиме выживания. Поскольку никто, включая учителей, не знает, кто он такой, значит, он какое-то время выживал.

Это стало новостью.

— Учителя его не знают? — спросила я.

Он покачал головой и сделал еще один глоток кофе, что напомнило мне сделать глоток своего.

Ореховый латте. Мой любимый.

— Нет, — ответил он, проглотив. — На следующий день после того, как ты сообщила, что видела его избитым, директор обратился к своим сотрудникам. Показал им набросок, его никто не узнал. Отпечатки пальцев тоже ничего не дали.

— Ничего?

— Неа.

— Как такое может быть? — удивилась я.

— Он не ходит в школу? — предположил он, но это и был ответ.

— О, — прошептала я, его взгляд опустился на мой рот, а уголки губ вновь

приподнялись.

Мне это понравилось.

Frak.

Прежде чем я успела прийти в себя, Чейз заговорил.

— Каков улов?

— Прости?

Он кивнул в сторону библиотеки, делая еще глоток кофе, так что я тоже отпила и посмотрела на здание.

Затем оглянулась на него, когда он уточнил:

— Эти сумки у ящика. Что в них?

— Новая куртка, шапка, шарф, перчатки, три пары шерстяных носков, две пары джинсов, два теплых свитера, нижнее белье, пинта молока, три бутылки воды, колбаса, сыр, хлеб, коробка злаковых батончиков, три яблока, бананы, огурец и огромная плитка шоколада «Херши». — Чейз некоторое время смотрел на меня, не говоря ни слова, поэтому закончила: — Он не съест огурец, но папа разочаруется во мне, не добавь я грубой пищи.

— Господи, — прошептал он.

— Не начинай, — предупредила я. — Знаю, что не должна была вкладывать шоколад, но он ребенок. Ему нужны лакомства.

Он все продолжал, молча, на меня смотреть, и я странно занервничала. И странность заключалась в том, что я нервничала в хорошем смысле, поэтому сделал единственное, что могла придумать.

Продолжила говорить.

— Между прочим, Чейз, я тут кое о чем подумала, ты ведь тоже за ним погнался.

— Что? — тихо спросил он.

— В четверг вечером или в пятницу ночью... не важно. Ты погнался за ним. Ты сказал мне, что я не должна за ним гнаться, а сам побежал.

На это я снова получила приподнятые уголки губ. От этого я занервничала еще больше, и в лучшем смысле, и он пробормотал:

— Достаточно справедливо. Хотя изначально я погнался за тобой.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх.

— Ты погнался за мной?

— Да, за тобой, но ты мчалась за ним, как одержимая, и мне пришло в голову, что ты не очень обрадуешься, если я тебя поймаю и остановлю. Я не хотел иметь дело с еще большим проявлением твоего характера, откажи я тебе в том, чего ты хочешь. Особенно, посреди ночи, когда ты на эмоциях, страдая, слушаешь бесспорно офигенного Доби Грея, но, не в обиду тебе, дорогая, или Доби Грею, на мой взгляд, песня не стоит слез. Мне также пришло в голову, что ты обрадовалась бы, поймай я парнишку, поэтому погнался за ним.

Мне сразу пришло в голову, что он дразнит меня. Совсем немного, но все же.

И он прямо сказал, что погнался за мальчиком ради меня, что было очень мило.

От этого я занервничала по-хорошему еще больше, поэтому, конечно же, продолжила болтать.

— Тогда, понятно. Но все же, укажу на тот факт, что впервые увидев его, ты схватился за пистолет. Так что, возможно, его напугал мой крик. Но признай, что это мог быть не только твой пистолет, но и то, что ты к нему потянулся, когда увидел мальчика. А потом ты погнался за ним, и ты крупнее, сильнее и быстрее меня, и, повторюсь, у тебя было оружие.

— С этим я тоже соглашусь, и пусть хреново, что я напугал ребенка, но я ни за что на свете не буду держать пистолет в кобуре, когда, оказавшись с красивой женщиной в переулке посреди ночи или в любое другое время, услышу грохот, понимая, что рядом неизвестно кто. Итак, если у меня появится шанс, я извинюсь перед ребенком. Чего я не буду делать, так это извиняться перед тобой.

Святой frak!

Мало того, что моя задница теперь была милой, я теперь была красивой женщиной.

Что происходило?

Нет, нет, я не хотела знать. Чейз мог быть милым, тихим или нежным, а потом отключался, отдалялся, злился или уходил.

Я не собиралась иметь с этим дело. Не снова.

Поэтому перенаправила ход своих мыслей.

— Вижу, ты находишь забавным, что песня Доби Грей трогает меня, но, к твоему сведению, жизнь сейчас довольно сумасшедшая. Не говоря уже о том, что я беспокоюсь о незнакомом ребенке, очень беспокоюсь, так что любая мелочь может вывести меня из себя. Включая Доби Грея.

Конечно, так я отреагировала на ложь, которую скормила ему о песне, которую не слушала, но в тот момент я считала это лучшим объяснением.

Оказалось, что нет.

Его брови сошлись вместе, и он спросил:

— Жизнь довольно сумасшедшая?

Ну, здорово.

Еще больше доказательств того, что ложь ведет ко всё новым неприятностям.

— Да, — ответила я, к счастью, не солгав, и больше ничего не сказала.

— Твоя жизнь? — недоверчиво спросил он. Я поерзала на сиденье и расправила плечи, видя, как Чейз слегка приподнялся на своем месте. Его глаза загорелись, и он пробормотал: — Иисусе, началось. Характер.

Но я разобрала его бормотание.

И это вызвало раздражение.

Поэтому я рявкнула:

— Тебя так удивляет, что у меня есть характер?

— Ну, да.

— Почему? — продолжила я резко.

— Детка, — сказал он мягко, одарив меня еще одной «деткой», и слово прозвучало так нежно, что мое сердце забилося сильнее, — ты живешь в книгах.

Я проигнорировала свою реакцию на то, что он назвал меня «деткой», и ответила:

— Я могу жить в книгах, но от реальной жизни никуда не уйти, а чтобы жить, ходить, говорить, дышать, питаться, должен быть характер.

— По мне, так из всего этого тебе нужно просто ходить, — ответил он, снова приподняв уголки губы. Он снова дразнил меня, мне снова это понравилось, но все же я одарила его свирепым взглядом.

Не уверена, смотрела ли я на кого-то так, кто не был мне родственником.

Но сейчас я точно свирепо смотрела на Чейза Китона.

— Ты смеешься надо мной? — резко спросила я.

— Нет, — ответил он, все еще ухмыляясь.

— Тогда почему улыбаешься?

— Потому что ты очаровательна, и ты еще более очаровательна, когда злишься, хотя это спорно, потому что ты очень очаровательна.

Теперь я еще и очаровательна?

Что происходило?

Я почувствовала, как мои брови сошлись вместе, и спросила:

— У тебя раздвоение личности?

— По крайней мере, я об этом не знаю, — мгновенно ответил он.

— Советую провериться, — заявила я, а затем увидела, как он запрокинул голову и рассмеялся.

Я сердито отпила кофе. Даже вкусный напиток из «Ла-Ла Ленда» и смеющийся Чейз который выглядел и звучал великолепно, не умили моего раздражения, поэтому я продолжила грозно смотреть на него, даже когда его смех стих.

Я уже была готова к атаке.

— Почему ты здесь? Зачем принес мне кофе?

Он сразу же ответил:

— Сначала, потому что увидел, как ты сидишь здесь на морозе, поэтому взял тебе кофе и пришел сказать, что тебе не нужно мерзнуть здесь, так как я установил камеры.

Он поднял стаканчик с кофе, но его длинный красивый указательный палец (да, даже указательный палец у него был красивый) вытянулся в сторону лобового стекла. Я проследила за ним взглядом и прищурилась, чтобы разглядеть, на что он указывал, и, действительно, там были камеры. Три из них располагались в верхнем углу здания библиотеки и направлены в разные стороны на ящик для возврата книг, снимая картинку с нескольких ракурсов.

— Видео записывается, — продолжил он, и я оглянулась на него. — Стажеры в участке их просматривают. Как только они увидят ребенка, предупредят меня или Фрэнка. Получив его фото, что лучше, чем набросок, возможно, сможем найти его в национальной базе данных пропавших без вести или беглецов. Получим результат, я могу поставить больше камер, в разных местах, под разными углами, узнать, откуда он приходит и возвращается ли тем же путем.

— О, — прошептала я.

— Вот почему я здесь, чтобы принести тебе кофе, пока не услышал, что твоя жизнь довольно сумасшедшая, — продолжил он. — Теперь я здесь, чтобы послушать, почему твоя жизнь довольно сумасшедшая.

— Да, это ерунда, — выпалила я.

— Не ерунда, раз ты глубокой ночью отправилась под песню Доби Грей на улицу, подвергая себя опасности, чтобы поразмышлять.

— Мне ничего не угрожало, — возразила я.

— Фэй, — сказал он мягко, — ты же в курсе, что не так давно у нас орудовал серийный убийца, живший незамеченным среди обычных горожан, и умел притворяться таким довольно долго. И ты также знаешь, что недавно произошло серьезное дерьмо, которое потрясло этот город, и я полагаю, что ты, как и все, ожидаешь, не потянет ли это дерьмо за собой что-то еще. И, милая, оно может потянуть за собой что-то еще, так что ты должна думать о своей безопасности.

— Оно может потянуть за собой что-то еще? — тихо спросила я, добавляя очередной

пунктик в свой мысленный список дел, которые нужно сделать, когда я вернусь домой. Я напишу Бенджи и Серенити и буду умолять их отказаться от удаленного расследования.

— Покажи мне, и я покажу тебе.

При его словах я почувствовала, как мои глаза расширились, и выдохнула:

— Что?

— Сумасшедшую жизнь, — объяснил он, и до меня дошло.

Я решила, что могу рассказать ему. Становилось ясно, что наряду с раздвоением личности, Чейз Китон ругался с угрожающей частотой, а по утрам был властным и раздражающим. Он тоже был упрям, но не только по утрам.

— Ходят слухи, что из-за бюджетных ограничений грядут сокращения, и одно из этих сокращений — библиотека Карнэла. Ставится вопрос о ее закрытии.

Я увидела в его глазах вспышку прямо перед тем, как он мягко заметил:

— Ты потеряешь работу.

— И город лишится библиотеки, — добавила я.

— Черт, Фэй, — прошептал он.

— Так что, да, это сумасшествие. А теперь покажи мне ты.

Он покачал головой и спросил:

— Мы можем что-то сделать?

— Кто — мы?

— Ты, я, город, — пояснил он.

Я покачала головой, но сказала:

— Я спрашивала. Мы, вероятно, можем собрать средства, подать заявку на гранты, и поддержание библиотеки в рабочем состоянии не стоит ни копейки, но это лишь капля в море. Есть вещи, которые нам нужно было сделать давно, но на них не выделялось денег, например, на обновление компьютеров, которым уже пять лет и которые часто используются. У Карнэла есть немного денег, несколько частных спонсоров, которые в приступе щедрости могут помочь, но если они этого не сделают, сбора средств среди местных может оказаться недостаточно.

— Петиции? — спросил он, и я пожала плечами.

— Без понятия.

— Не повредят. Подготовь одну, я отнесу ее в участок. Другую можешь дать Лекси, она соберет подписи в салоне. Стелла — в автомастерской. Кристал — в «У Баббы». Может, увидев, что граждане поддерживают библиотеку, сокращения затронут что-то другое.

— Это мило, Чейз, но сокращения чего-то другого — это школа или полицейский участок. Когда люди об этом узнают, библиотеке придет конец.

— Милая, консультанты решили, что штат полиции Карнэла раздут. Нам выделили места для двух детективов, двенадцати офицеров, капитана и никакого шерифа. Администраторов сократили с четырех до двух, и убрали саму должность из штата, взвалив всю работу на дежурных офицеров. Городской совет становится главным, и Кэп будет подчиняться непосредственно ему. Мы потеряем десять человек. Одна зарплата Фуллера превышала шестизначную цифру, его прихлебателям также переплачивали. Только на этом они дохера сэкономят.

— Твоя работа под угрозой? — быстро спросила я и увидела, как его губы расслабились. Но его голос прозвучал странно, немного самоуничижительно, когда он ответил:

— Нет, они ни за что не избавятся от спасителя ДПК (прим.: Департамент полиции

Карнэла).

— Чейз, — прошептала я, но больше ничего не сказала, потому что не совсем поняла его слова, или, что более важно, его тон, потому что он был спасителем полицейского департамента. Люди гибли, среди них была и его жена, а других подставляли и они отбывали срок за преступления, которых не совершали. Чейз и Фрэнк Долински серьезно рисковали, работая под прикрытием по заданию отдела внутренних расследований, чтобы засвидетельствовать, задокументировать и раскрыть коррупционеров, заразивших ДПК и державших весь город Карнэл под пятой ограниченного, фанатичного, самовлюбленного тирана уже более десяти лет. Все это знали.

— Я посмотрю, что можно сделать с проблемой библиотеки, — предложил Чейз, отвлекая меня от моих мыслей.

— Что ты можешь сделать?

— Поспрашивать. Узнать, почему расходы на ДПК сократились на сотни тысяч долларов, и тем не мене, мы теряем нашу библиотеку.

— Тебе не обязательно этого делать.

— Ты права. Мне действительно не обязательно. Но я сделаю.

Я перевела дыхание.

Это тоже было приятно.

Затем я прошептала:

— Хорошо, — и после этого отпила кофе.

Он сделал глоток и перевел взгляд к лобовому стеклу.

— А теперь, — осторожно начала я, — покажи мне...

— Бл*ть, — пробормотал он, и я увидел, что его взгляд на чем-то сосредоточился.

— Что? — спросила я, повернув голову, и прошептала на представшее зрелище: — Святой frak.

У ящика для возврата был мальчик. Он присел на корточки, просматривая содержимое сумок, что я ему оставила.

Я затаила дыхание и даже не заметила, как протянула руку и вслепую нашла руку Чейза. Даже когда его пальцы сомкнулись вокруг моих.

Мы сидели неподвижно, молча, держась за руки и глядя, как мальчик нашел мою записку, быстро прочитал ее и сунул в сумку. Затем опустил в ящик для возврата несколько книг и схватил ручки всех сумок. Бросив взгляд влево и вправо, но не назад, где находились мы, он прокрался вокруг мимо фасада библиотеки и исчез.

— Я пойду за ним, — пробормотал Чейз, и я услышала, как открылась его дверца.

Моя рука сжала его руку, и он замер и оглянулся на меня.

— Не пугай его, — прошептала я.

— Не буду, детка, — прошептал он в ответ, сжал мою руку, отпустил и выскочил из внедорожника.

Он захлопнул дверцу, и я смотрела, как он бежит к библиотеке и огибает ее, пока не исчез.

Мой взгляд переместился на приборную панель, и я увидела, что он оставил там свой стаканчик с кофе.

Я посмотрела на свой стаканчик, купленный им для меня.

Я чувствовала, как тепло наполняет салон, создавая уют.

Мой взгляд вернулся к его кофейному стаканчику, и мой разум решил, что я

действительно должна отлить его в бронзе. И свой стаканчик тоже (когда допью). А, может, и пассажирское сиденье. И, возможно, свою руку, которую он сжимал.

Потом до меня дошло все, что только что произошло, — появление Чейза с кофе, наш разговор, — и это казалось нормальным, если не считать, что он назвал мою задницу «милой», меня «красавицей», говорил, что я очаровательная, и поддразнивал.

Будто мы были друзьями.

Друзьями, которые танцевали после полуночи.

Боже, мне нужно перестать прятаться и как можно скорее пригласить девочек на ужин и «маргариту».

Но после того, как я решу, стоит ли звонить Чейзу через час или два, чтобы узнать, что он выяснил о мальчике.

* * * * *

Чейз

Чейз шел по улице, глядя на библиотеку.

Он никогда ее особо не замечал, даже зная, что там работает Фэй.

Теперь, узнав, что она может потерять работу, а город лишится библиотеки, он вгляделся пристальнее.

Привлекательное здание. Из красного кирпича. Над дверью висела бетонная табличка, на которой было выбит год строительства — 1902. Шесть ступеней вели к двойным парадным дверям. По обеим сторонам располагались четыре больших окна. На кустах и траве перед ними сейчас лежал снег, а высокие снежные шапки покрывали четыре больших вазона, — два наверху ступеней, два внизу, — которые, как он мельком заметил в летние месяцы, благоухали цветами.

Глядя на вазоны, он подумал: не Фэй ли посадила в них цветы прошлым летом?

Пока он размышлял, ее милый, нежный, властный голос заполнил его голову.

Не начинай. Знаю, что не должна была вкладывать шоколад, но он ребенок. Ему нужны лакомства.

Чейз усмехнулся про себя.

Она купила этому парнишке еду и одежду, за которые многие дети из неблагополучных семей готовы были бы убить, а беглецы — определенно. И книги. Она не купила ему только куртку, колбасу, хлеб и газировку. Она выложилась по полной. Затем заняла наблюдательный пост напротив ящика для возврата книг.

Ухмылка Чейза стала шире.

Он вел себя чертовски глупо. Ему нужно было держаться от нее подальше. Все это он прекрасно понимал.

Но ему было плевать.

В ту минуту, когда в свете уличных фонарей он увидел в ее глазах боль и понял, что она плакала, он перестал сопротивляться. Все выходные Чейз только об этом и думал. Он был рассеян во время ужина с мамой, что от нее не укрылось, и она спросила об этом, но он осторожно увернулся от этой темы и ничего ей не сказал.

Но он знал, еще до того, как утром проехал мимо библиотеки и увидел ее в «Чероки», что дало ему прекрасную возможность с ней встретиться, что он больше не собирается бороться с тягой к ней.

Поэтому прекратил попытки.

Он должен лучше позаботиться о ней. Должен оставить ее, чтобы она нашла хорошего мужчину, который сможет сосредоточиться на ней, на их жизни, на семье, которую они построят. Мужчину без целой тонны багажа, из-за которого ему порой было трудно вытащить свою задницу из постели утром, вот насколько чертовски тяжелым тот был. Мужчину, не запятнанного грязью, в которой он плавал в течение десятилетия. Который не ушел из неблагополучной семьи, еще больше утяжелявшей и без того неподъемный багаж. Который не относился с ненавистью к своему отцу. Которому не нужно было тратить силы на защиту своей хрупкой, сверхчувствительной матери. Мужчину без мертвой жены, которую он не любил, но и не защитил, и поэтому в ее последний миг на этой земле ей пришлось пережить насилие.

Но он не собирался оставлять Фэй в покое.

В данный момент Фэй беспокоилась о том пареньке. В данный момент ее разум омрачала проблема, отправившая ее в темную ночь. Теперь он знал, что это за проблема: она может потерять работу, а для библиотекаря в маленьком городке это был пи*дец. Чтобы найти работу по специальности, ей придется переехать. Переезд уведет ее от семьи и родного города. Или ей придется найти другую работу. Сейчас у нее не было мужчины, который мог бы удержать ее здесь. Только друзья и хорошая семья, но это не то же самое, что мужчина, который будет прикрывать ей спину.

Это означает, решил Чейз, что именно он удержит ее здесь.

Это решение было слабостью, и оно было неправильным. Это была отговорка и очень убогая. И весьма вероятно, что когда она узнает о нем все, добром это не кончится.

Но мысленным взором он увидел, как ее лицо приняло очаровательно сердитое выражение, и услышал, как ее мелодичный, но сердитый голос спросил: «У тебя раздвоение личности?».

Увидев ее лицо, услышав ее голос, он снова решил, что ему плевать, что он слаб и то, что он поступает неправильно.

Он все равно сделает все по-своему.

И с этой мыслью он направился обратно к библиотеке, чтобы рассказать Фэй, что случилось с мальчиком, а не в свой грузовик, чтобы отправиться на работу, где он и должен был находиться.

Но когда он перебежал улицу к противоположному углу, где стояла библиотека, то повернул голову, чтобы взглянуть на ее старый, потрепанный «Чероки» на стоянке сбоку, и уловил кое-что краем глаза. Поэтому повернул голову дальше, и увидел свой бордовый «GMC Yukon» все еще на том же месте, где он его припарковал. А также знакомого человека, прислонившегося к радиаторной решетке, скрестив руки на груди, человека, которого Чейз ненавидел немногим меньше, чем родного отца.

Гребаное. Дерьмо.

Он хотел его проигнорировать, но не мог. Пришло время сказать свое слово, заявить о своей позиции со всей этой херней, таким образом, чтобы его поняли предельно ясно, и, надеяться, хоть и сомнительно, что он сможет двигаться дальше.

Он перешел с бега на шаг, не переставая смотреть на мужчину, чувствуя, как сжимается

челюсть.

Клинтон Бонар, соратник его отца, другим словом — лакей, не сводил глаз с Чейза, когда тот приближался. Он был в темных очках, но Чейз все равно ощущал на себе взгляд мужчины, главным образом, по мерзкому покалыванию в затылке, которое он всегда чувствовал рядом со своим отцом, приспешниками отца или их приспешниками.

Он остановился в футе от мужчины и опустил взгляд на оставшиеся два дюйма.

Клинтон молчал, даже не кивнул в знак приветствия.

Чейз тоже не кивнул, но заговорил.

— Папа вернулся со своего больного трахофона?

Клинтон не пошевелился, но поинтересовался:

— Не пора ли тебе забыть об этом, Чейз? Нет ничего необычного в том, что мужчина или женщина имеют определенные склонности.

— Ошибаешься, Бонар, я знаю отцовские пристрастия, и они очень необычны.

— Он очень энергичный мужчина даже в его возрасте.

— В его возрасте он женат, как и шесть лет назад и последние тридцать семь лет тоже.

— У мужчины есть свои потребности, и если он не может получить их дома, он найдет способ получить их на стороне.

Чейз вздернул подбородок.

— Именно так отец и поступает.

Клинтон покачал головой.

— Не понимаю, почему мы говорим об этом.

— Тогда я сделаю тебе одолжение и введу в курс дела. Мы говорим об этом потому, что я вынужден тебе напомнить, что, за каким бы хреном он ни послал тебя сюда, я этого делать не собираюсь.

— У нас сложилось такое впечатление, учитывая, что ты не отвечаешь на наши звонки и не перезваниваешь.

— Тогда у вас сложилось правильное впечатление. Я не хочу вас ни слышать, ни разговаривать с вами. Ни с кем из вас.

Клинтон оттолкнулся от машины Чейза, чтобы встать прямо, и тихо сказал:

— Есть незаконченное дело.

— Да, ты говорил мне не раз, — ответил Чейз. — А я говорил тебе, что это не мое незаконченное дело. А ваше.

— Ты знаешь, что это неправда.

— Чувак, видимо, ты не уловил, что это правда, из того, что я отказываюсь разговаривать с тобой и твоими приятелями.

Чейз наблюдал, как Клинтон вдохнул через нос, пытаясь успокоиться, а затем продолжил:

— Нам известно, что Даррен Ньюкомб передал копию видео с твоим отцом Тайреллу Уокеру, а мистер Уокер сделал копии и раздал их некоторым жителям Карнэла. Мы хотим собрать эти записи обратно.

— Удачи.

Клинтон проигнорировала его и продолжил:

— У Ньюкомба также имеется много чего, что нам нужно вернуть.

— Удачи и в этом.

Клинтон покачал головой.

— Не думаю, что ты меня понимаешь, Чейз. Ньюкомб обратился ко всем моим коллегам, поделившись этим кое-чем и своими намерениями. Он получил за возвращение этого кое-чего вознаграждение и отказался от своей части сделки, потребовав большего вознаграждения. Так не может продолжаться.

— Вижу, у вас серьезные проблемы, Бонар, вы, конечно, парни, сообразительные, так что сами все знаете, но я все равно скажу. Ньюкомб потерял работу, он — опальный полицейский, и ни за что, черт возьми, не найдет себе другое такое место, а у его дочери лейкемия. У него нет страховки, но есть сильное желание сделать все возможное, чтобы сохранить ей жизнь. А это стоит охеренно много денег и будет вытягивать все больше, если она не победит эту болезнь или, не дай бог, не умрет. Так что, мой совет: смиритесь, потому что он собирается еще долго на вас ездить.

— Мы все согласны с тем, что, к сожалению, семья Ньюкомба страдает, и мы надеемся, что исход будет положительным. При этом мои коллеги считают, что они должны сами выбирать, на какую благотворительность будут направлять свои пожертвования.

— Тогда им не следовало так тупить, творя е*анутую дичь, и оказаться на крючке Фуллера и его банды засранцев. Это их проблема, а не моя.

Клинтон слегка подался вперед, Чейз напрягся, поэтому он мудро отступил, но сказал:

— Напомню, твой отец — один из тех, кого могут разоблачить, если он перестанет платить.

— А я напомню тебе, что мне насрать.

— Его разоблачат, — продолжил Клинтон, — и твоя мать узнает о его... — он выдержал паузу, — склонностях. Если ты, мужчина, детектив полиции, считаешь их неприятными, представь, что испытает Валери.

На этот раз уже Чейз подался вперед и, даже видя, что Бонар напрягся, не отступил.

— Ты поймал меня на этот дерьмовый крючок много лет назад. Я проглотил эту горькую пилюлю и угробил свою жизнь.

— Если это правда, почему ты переметнулся в отдел внутренних расследований и предложил себя для работы под прикрытием?

— Пилюля рассосалась, Бонар, и когда это произошло, я не мог больше жить с этим дерьмом.

— Ты поставил многих влиятельных людей в очень уязвимое положение, Чейз. Им не нравится чувствовать себя уязвимыми.

— Мне на это тоже насрать.

— Ты сделал уязвимой Валери.

Чейз успешно подавил желание резко вдохнуть и более сильное желание схватить мужчину за модный шелковый галстук и швырнуть его на капот машины, а просто ответил:

— Тогда мне пора поболтать с мамой. Разговор будет не из приятных и выбьет ее из колеи, но лучше пусть она услышит это от меня, чем от СМИ или одного из ваших головорезов.

— Чейз, ты меня не понимаешь, а тебе нужно меня понять. Мои коллеги считают эту ситуацию неприемлемой, они хотят, чтобы ей был положен конец, и у них есть средства, чтобы сделать это способами, которые тебе не очень понравятся.

— Это угроза? — спросил Чейз.

— Ты же знаешь, что эти люди не угрожают.

— Тогда вот тебе ответ: ты или они связываются с моей матерью или со мной, я делаю

то, что им очень не понравится.

— Из-за Трейна мы понимаем, что Валери и ты — под запретом. Тем не менее, в этом городе есть несколько горожан, которых ты любишь так сильно, что готов предать родного отца, лишь бы защитить их. Те люди без промедления сделают то, что должны сделать, чтобы получить желаемое, и в процессе опустошат этот город. И начнут они с Тайрелла и Алексы Уокер.

Чувствуя жар в венах и зуд в ладонях, Чейз шагнул к мужчине, встал грудью к груди, нос к носу, заставив Клинтона вжаться в решетку внедорожника.

— Тронете Тая или Лекси — тронете меня. Тронете любого в этом городе — тронете меня. Если эти люди захотят опустошить Карнэл, пусть сначала пройдут через меня. Ты запомнил, Бонар, пусть я ушел из дома, пусть я стал копом, но я находился в руках Трейна Китона целых семнадцать лет и научился каждому его трюку. И будь уверен, козел, чтобы защитить то, что принадлежит мне, я пушу их в дело.

— Успокойся, Чейз, — усмиряюще ответил Клинтон.

— Нах*й спокойствие, — прорычал Чейз. — Мой отец, е*анутый извращенец, слишком долго превращал мою жизнь в ад. Я — чист. И останусь чистым. Скажи своим парням, чтобы держались подальше и мужественно принимали все, что с ними случится.

— Мы всего лишь просим тебя поговорить с двумя мужчинами. С Уокером, чтобы заставить его собрать сделанные им копии видео, и с Ньюкомбом, чтобы заставить его выполнить свою часть сделки. Все очень просто.

— Дело не в разговоре с целью заставить любого из этих мужчин сделать что-то. Речь идет о применении власти, и я должен пойти на это ради вас и ваших мальчиков. От этого я тоже устал.

— Поскольку ты сам поднял эту тему, к сожалению, должен тебе напомнить, что ты как раз и использовал власть ради моих коллег. Если об этом станет известно, ты сочтешь вопросы, заданные твоим начальством, очень неудобными, и, несомненно, потеряешь свое положение в этом городе как героя-спасителя.

— Эта роль не для меня, ты знаешь почему, раз уж вы с коллегами втянули меня во все это дерьмо. Так что сдавай меня. Я справлюсь.

— Возможно, это попадет в новости. Тебя преподносили как мальчика с плаката, храбро сражающегося с коррупцией. СМИ обожают создавать героев. Но больше всего им нравится их разоблачать. Это может разрушить твою жизнь.

— Подсказка, сволочь, моя жизнь уже в унитазе. Мало того, что я испытал бы облегчение, хотя не думаю, что ты бы это понял, но я знаю, какие игры ведет отец, и я — не мой отец или любой из мужчин, на которых ты работаешь. У меня есть яйца. Дерьмо случается, я не прячусь за своими деньгами и такими мордоворотами, как ты. Я беру все в свои руки. Никого не прошу. И хочу, чтобы ты это понял. Я уже живу под грозовой тучей. Ни ты, ни те мудаки, на которых ты работаешь, которые обеспечивают тебя дорогими костюмчиками, шикарными ботинками и красивой стрижкой, не сделают хуже.

— Ты очень ошибаешься, Чейз.

— Еще посмотрим.

Клинтон выдержал его взгляд, и Чейз позволил ему.

Затем тихо сказал:

— Наступит время, когда Трейн не сможет тебя защитить.

— Пусть это время наступит сейчас, — предложил Чейз. — Мне не нужна защита этого

куска дерьма.

— Это неправильное решение, — прошептал Клинтон.

— Нет, — не стал шептать Чейз. — Твои парни так напуганы, в то же время полагая, что их деньги и положение могут купить им что угодно, что не видят дальше своего носа. Сделаете ход против Тая и Лекси, всколыхнете такую бурю дерьма, что она никогда не уляжется. Тай Уокер перетерпел достаточно и не будет терпеть больше, и не только он пойдет на что угодно, чтобы защитить себя, свою жену и семью, которую они создают, но за его спиной еще и стоит серьезная сила. Он ушибет палец на ноге, и это будет выглядеть подозрительно, вся мощь прессы, Сэмюэля Стерлинга и всех, кого Стерлинг сможет подключить, вцепятся вам в задницы. Я прикрою их спины любым путем, даже если для этого придется пожертвовать собой. Подумайте об этом на своих стратегических собраниях. И раз уж я даю совет, Даррен Ньюкомб — мудака-расист, продажный полицейский, который так жестоко избивал свою жену, что единственным выходом для нее стал побег, и она бросила его и родных детей. Но он любит свою дочь. Ради нее он пойдет на все. И если ему представится шанс помочь дочери победить тот яд, что ее разъедает, троньте его, он устроит вам ад. Так что посоветуй своим мальчикам заняться новой благотворительностью и научиться надеяться, что Ньюкомб не начнет жадничать. Увидьте его дочь сквозь все это дерьмо, а с ним разберетесь после. Он это заслужил. Его дочь — нет.

— Я возьму это на заметку и поделюсь с коллегами.

— Хорошее решение.

— Но ты не затронул вопрос о своей матери.

На этот раз Чейз не смог сдержаться и втянул воздух.

Если бы мама узнала об отце, это бы ее убило.

Она была красавицей всю свою жизнь, даже сейчас, в шестьдесят лет. Она родилась в богатой семье, ее баловали, но это не сделало ее похожей на Мисти, жадной и властной. Никто не мог сравниться с его милой мамочкой. Она была такой по своей натуре.

Она любила и обожала сына.

Она любила и боготворила мужа.

Трейн Китон обладал многими чертами, и ни одна из них не была хорошей. За исключением той, что он тоже любил и боготворил свою жену, в собственной извращенной манере. Как и Чейз, он обращался с ней бережно, как с нежным, хрупким созданием, коим она и являлась, которое не привносило в мир ничего, кроме красоты.

Но именно эта хрупкость стала причиной ее порока. Эта хрупкость вынудила ее принимать лекарства, чтобы укрепить себя, иначе она разлетелась бы на части. Эта хрупкость еще до лекарств, и даже иногда после них, приводила к эпизодам, в лучшем случае неприятным, а в худшем, особенно в его детстве, ужасающим.

Черт, после прочтения статьи о маленькой девочке, которую похитили, изнасиловали и убили, с ней случился припадок, отправивший ее на лечение. Каким бы ужасным ни было это дерьмо, она совершенно не смогла с ним справиться.

И чем тогда закончится новость о том, что ее муж неоднократно изменял ей на протяжении всего их брака?

Чейз знал это. Его отец знал это. Вот так Чейз и согласился на сотрудничество с мудаками, пока в один прекрасный момент больше не мог выносить того, что творилось, потому что ему было невыносимо даже смотреть на себя в зеркало.

В то время его угроза рассказать все матери была блефом, и Клинтон об этом знал. Но

теперь, как и тогда, когда он принял решение обратиться в отдел внутренних расследований и предложить свою помощь в разоблачении коррупции в Карнэле, Чейзу пришлось взвесить психическое здоровье матери и благополучие всего города.

И Чейз чертовски сильно любил ее.

Но Тай и Лекси Уокер достаточно пережили в своей жизни, и у них скоро родится ребенок.

Они склонили чашу весов.

Остальное пусть катится к черту.

— Вынудите меня, и я сделаю то, что должен. С последствиями я разберусь позже, а ты будешь разбираться с моим отцом, — ответил Чейз.

И снова солнцезащитные очки Клинтонна остались прикованы к глазам Чейза.

Затем он пробормотал:

— Прощу, отступи.

— Если получу твои заверения, что больше тебя не увижу и не услышу ни о ком из вашей банды мудил.

— Я не могу этого гарантировать, Чейз.

— Очень жаль, — прошептал Чейз.

Клинтон еще долго не сводил с него глаз, прежде чем тихо спросил:

— Я прошу тебя отступить.

Чейз перевел дыхание, в то же время, осознав, что не может сделать то, чего ему очень хотелось. Почесать кулаки о Клинтонна Бонара, чтобы дать прочувствовать то, с чем дочь Даррена Ньюкомба была очень хорошо знакома, — длительное пребывание в больнице.

Его единственным правильным выбором было отступить на шаг и уйти.

Поэтому он отступил и пошел прочь. В сторону библиотеки.

— Это еще не конец, — предостерег его Клинтон.

— Этому никогда не будет конца, — пробормотал Чейз, не зная, слышит ли его Клинтон, и ему было плевать, слышит ли он.

Он смотрел, как здание библиотеки становится все ближе, и вспоминал, как танцевал с Фэй после полуночи под чертовски фантастическую песню, как она улыбалась ему и позволяла обнимать себя. Как он сидел в ее грузовике, вдыхал аромат ее духов, наблюдал за эмоциями на ее лице, слушал ее милый голос, переливающийся множеством различных тонов, столь же выразительных, как и ее лицо.

Он купил ей кофе. Видел, как ребенок, у которого ничего не было, схватил пять сумок, полных того, что он считал сокровищем, подаренным ему добрым сердцем Фэй Гуднайт.

Это утро было добрым, его первое доброе утро за очень долгое время, после того как отец и его сомнительные делишки превратили его жизнь в дерьмо.

И именно это он ощущал, когда его длинные ноги съедали расстояние от его грузовика до библиотеки. Дерьмо. Его запах. Его вкус.

Он должен был избавиться от этого.

И он знал только один способ. За гребаные годы он всего два раза не ощутил ничего, кроме сладости, и всего раз попробовал это на вкус.

Танец с Фэй и ее поцелуй.

Библиотека еще не открылась, но он все равно взялся за ручку входной двери и нажал.

Не заперто.

Слава богу, она была там и не заперла двери.

Он вошел, смутно замечая обстановку, полки, книги, ощущая тот запах, который присущ только библиотекам, но его внимание было сосредоточено на осмотре помещения.

Справа тянулась длинная стойка.

За ней слева была дверь, из которой вышла Фэй.

— Привет, — поздоровалась она своим мелодичным голосом. — Ты узнал, куда он пошел?

Чейз не ответил, а направился напрямик к ней.

Она наклонила голову вбок, а выражение лица сменилось с любопытного на пристальное.

— У тебя все нормально? — тихо спросила она.

Чейз обогнул стойку.

На ней была симпатичная, обтягивающая юбка до колена, облегавшая бедра и попку. Коричневые сапоги на низком каблучке. Блузка с круглым вырезом под кардиганом. Декольте украшало необычное и привлекательное ожерелье в три ряда. Каштановые волосы ниспадали на плечи и грудь, прядь с правого бока придерживала милая заколка-невидимка. Макияж был естественным и привлекательным.

Она походила на библиотекаршу с хорошим вкусом в одежде и способной нанести легкий, но искусный макияж. Это был ее личный стиль, который никак не подчеркивал явно привлекательные черты лица или телосложения, но по необъяснимым причинам, именно это и делало ее внешность такой прекрасной. Этот стиль невероятно ей шел.

И Чейзу он нравился уже долгое время.

— Чейз, — позвала она по-прежнему тихо, — что-то...

Она резко замолчала, когда ей стало ясно, что он не перестанет наступать на нее.

Она сделала шаг назад.

Слишком поздно.

Он настиг ее, обхватил за талию и стал теснить обратно к двери, из которой она вышла.

— О, боже, — прошептала она, слегка касаясь руками его груди, ее широко распахнутые глаза смотрели на него. — Мальчик в порядке?

Он не ответил.

Он провел ее через дверь, захлопнул ее за собой, резко развернул Фэй и прижал к двери.

— Что ты..?

На этот раз она резко замолчала, потому что он одной рукой стиснул ее талию и дернул на себя, прижимая к своему телу. Другой рукой провел по ее шелковистым волосам на затылке. Затем обхватил ее голову и наклонил ее набок. Сам же склонил голову в другую сторону и впился в ее губы поцелуем.

Фэй издала звук удивления, напрягаясь всем телом, и он проник языком между ее губ. Не имея выбора, они открылись, еще один звук удивления наполнил его рот, но он проигнорировал и его, продолжая овладевать ее ртом.

Она снова источала аромат мяты. На этот раз он знал почему, так как его язык наткнулся на жевательную резинку.

Сладкая, свежая, чистая. Чертовски чистая. Прекрасная.

Боже, нет ничего прекраснее.

Он углубил и без того глубокий поцелуй, нуждаясь в нем, и она позволила ему. Напряжение покидало ее тело, она растворялась в объятиях Чейза, ее руки скользнули вверх по его груди, одна обвила его затылок, зарываясь пальцами в волосы. Другой она обняла его

за плечи и крепко держалась.

Затем Фэй позволила больше, погружаясь в него глубже, ее язык робко коснулся его языка, хватка на его волосах и плече усилилась. Чейз притянул ее теснее к себе, одновременно прижимая спиной к двери, заставляя ее мягкие изгибы принять форму его тела.

Когда он почувствовал, что эмоции начинают брать верх, когда понял, что потеряет контроль, если не остановится, он остановился.

Прервав поцелуй, Чейз склонил голову, прижимаясь лбом к ее лбу, а открыв глаза, он увидел вблизи, как ее веки поднимаются с милым, сексуальным трепетанием, и прошептал:

— Фруктовая мята.

Она медленно моргнула. Нет, вяло. Словно избавлялась от сна, не желая просыпаться.

Затем прошептала в ответ:

— Я пристрастилась к ней.

Чейз не мог сдержать стон, вырвавшийся из его горла, когда скользнул щекой по ее щеке и уткнулся лицом ей в шею.

Ее цветочные духи смягчали нотки ванили. Сладость и свежесть.

И чистота.

Женщина в его руках страдала зависимостью от жевательной резинки. Не от наркотиков. Не от извращенного секса. Не от алкоголя. Не от шоппинга. Не от того, чтобы пилить мужчину и контролировать его.

От жвачки.

От чертовой резинки.

Он улыбнулся ей в шею.

— Чейз, — позвала она с дрожью в ласковом, теперь несколько хриплом голосе. С неуверенностью, намеком на страх. Он чувствовал, как ее телом овладевает напряжение, оно готовилось, не зная, что последует дальше, но зная, что это может быть неприятно, и этому научил ее он.

— Я потерял его на Шайенн-стрит, — объявил он, подняв голову.

Фэй моргнула, на этот раз быстрее, а затем прошептала, заикаясь:

— Ч... что?

— Похоже, он обвел меня вокруг пальца, хотя я не знаю, как. Он направился в город, вверх по Навахо, вниз по Юте, двигался быстро, но явно не торопясь. Нервничал, смотрел по сторонам, но, как обычно, не боясь. Выйдя на Шайенн, он испарился.

— Ох, — разочарованно прошептала она.

— Поскольку я не знаю, как он обвел меня вокруг пальца, он мог жить на той улице, и поняв, что я следую за ним, исчез по дороге домой, или, если он заметил меня раньше, намеренно увел меня с правильного пути.

Ее голова слегка склонилась набок, и она напомнила ему:

— Ему девять или десять, Чейз, а ты снова ведешь себя так, будто он гений преступного мира. Он всего лишь ребенок.

Черт, он был сражен, ему нравилось, когда она называла его Чейзом своим нежным голосом. Каждый раз это начисто сбивало его с ног, оставляя чертовски приятное послевкусие.

— Он беспризорник, — напомнил он ей.

— Да, беспризорник, а не криминальный гений.

Он крепче ее обнял и приблизился лицом к ее лицу, в то же время понизив голос и сказав:

— Детка, я полицейский. Просто поверь, я знаю, о чем говорю. Ага?

— Ага, — тут же прошептала она, и Чейз не упустил из виду, что это был не первый раз, когда он называл ее «детка», и после этого она сразу же сдавалась.

Он запомнил это на будущее, а затем спросил:

— Что дальше в запланированном улове?

— Запланированном улове?

— Для парнишки.

— О, — тихо сказала она, к сожалению, передвинув руки, но, к счастью, переместив их недалеко, всего лишь на его грудь, так что она пошевелилась, но не отодвинулась. Затем продолжила: — Больше еды. Думаю, на этот раз хлопья, а значит, к ним нужно взять еще и молока. Наверное, миску, тарелку, ложку, вилку, нож и спальный мешок на случай, если ему не на чем спать.

Она отвела взгляд и пробормотала:

— Схожу в торговый центр сегодня вечером после работы. Я обещала ему завтра больше еды. — Она снова сосредоточилась на Чейзе. — И я напишу еще одну записку. Представлюсь, расскажу немного о себе. Может, если он узнает меня поближе, то начнет доверять.

— Моя очередь, — заявил Чейз. — Я куплю еду и спальный мешок и завезу тебе вечером, вместе с пиццей и пивом. Приеду в семь.

Это заставило ее еще раз моргнуть, и он увидел это ее уже знакомое, чертовски милое выражение: широко распахнутые глаза, приоткрытые губы, шок, удивление.

— Пицца и пиво у меня дома? — прошептала она.

— В семь, — твердо произнес Чейз.

Внезапно Фэй опустила голову, устремив взгляд на свои руки на его груди. Затем ее глаза заметались по сторонам, тело напряглось, и он понял, что она, наконец, осознала, где находится, и поэтому с опозданием занервничала.

Чтобы успокоить, он крепко держал ее одной рукой за талию, а другую высвободил из ее волос, но сделал это, скользя по ним пальцами, чувствуя их шелковистость, и прижал ладонь к ее лопаткам.

— Фэй, — позвал он, и ее глаза метнулись к нему.

— Что происходит? — Ее вопрос прозвучал тихо.

— Милая, вспомни, — мягко призвал он. — Две минуты назад я целовал тебя. Три дня назад мы танцевали. Ты знаешь, что происходит.

Она покачала головой и пробормотала:

— Я... я... — Она с видимым усилием собралась с мыслями и продолжила, на этот раз еще тише: — В последний раз, когда я поцеловала...

— На этот раз я поцеловал тебя, — оборвал ее Чейз.

— А есть разница?

— Я же говорил, что не люблю сюрпризов. Ты меня удивила. Я плохо отреагировал.

Фэй выпрямилась. Он увидел это и на этот раз еще и почувствовал, она сузила глаза и согласилась:

— Да, ты действительно плохо отреагировал.

Его поступок вывел ее из себя. Он понял это тогда, понимал и сейчас. Ему было

ненавистно это тогда, ненавистно и сейчас. Ему чертовски повезло оказаться сейчас там, где он был, и он тоже это понимал.

Но так как он все еще стоял там, где стоял, а она не закатила истерику, не оттолкнула его и не отгородилась, Чейз воспринял это как добрый знак и пошел в наступление.

— Ты права, — прошептал он, глядя в ее прищуренные глаза. — Я действительно отреагировал плохо.

Она слегка надавила ему на грудь и рявкнула:

— Вы посылаете мне смешанные сигналы, детектив Китон.

Это было неправильно.

Услышав, как она назвала его «детектив Китон», отказав в том, что он полюбил за две недели, считая, что ему не скоро светит обнять городскую красотку-библиотекаршу, как он обнимал ее сейчас. К нему вернулись воспоминания о его недавнем разговоре с Бонаром и обо всем остальном. Фэй злилась и отталкивала его. Нечто внутри него, за что он слабо цеплялся долгое время, оборвалось, и он тут же решил действовать другим путем.

Он крепко стиснул ее, прижимая к двери всем телом, приблизил к ней лицо и прорычал:

— Вот тебе не смешанный. Не называй меня детективом Китоном. Для тебя я... Чейз.

— Ох... — выдохнула она, затем продолжила дышать, закончив, — ладно.

— Ладно, что? — подсказал он.

— Ладно, Чейз, — тут же прошептала она.

— Хорошо, — продолжил он рычать, — с этим мы покончили. Теперь перейдем к прямому и не смешанному. Ты знаешь, что у меня голова забита проблемами. Я работаю над ними. Первый раз ты появилась не вовремя, а во второй — удивила меня. Я плохо справился и с тем, и с другим. Проблемы, над которыми я работаю, я не могу обещать, что исправлю их. Но точно обещаю, что мне нравится, как ты одеваешься. Мне нравится звук твоего голоса. Мне нравится, как ты пахнешь. Мне нравится, что твои волосы выглядят так, как и ощущаются: как шелк. Мне нравится твой вкус. Мне нравится, что у тебя есть характер. Мне нравится, когда ты боишься меня. Мне нравится, когда ты мне противостояешь. Мне нравится, что ты так сильно беспокоишься о незнакомом ребенке. Мне нравится, что ты понятия не имеешь, как целоваться, но тем не менее, два поцелуя, которые я разделил с тобой, — лучшие, что у меня когда-либо были. На данный момент. Мне не должно все это так нравиться, ради собственного же блага, но, особенно, ради твоего. Но мне это так нравится, что я игнорирую все и надеюсь, черт возьми, что это не рухнет, как все остальное в моей жизни. Мне это так нравится, что я готов рискнуть. Мне это так нравится, что я решил, что ты рискнешь со мной. И я говорю тебе об этом прямо. Я не прошу тебя идти на этот риск, я говорю тебе, что ты на него идешь. А это значит, что в семь я буду у тебя дома с пиццей, пивом, спальным мешком и едой для нашего паренька.

Он почти не двигался, так что его губы находились на расстоянии одного дыхания от ее губ, и он мог чувствовать запах жвачки. Выражение ее лица, ощущение ее тела в его объятиях и запах жевательной резинки пронзили его насквозь, как всегда.

Затем Чейз закончил шепотом:

— Ну, детка, у нас все в порядке?

— Да, — прошептала она в ответ, доказывая, что после его речи пещерного человека уловка с «деткой» сработала чертовски здорово.

— Хорошо, — пробормотал он, борясь с ухмылкой.

— Я не люблю пиво, — тихо объявила Фэй.

— Что ты любишь?

— Вино.

— Какое?

— С пиццей?

— Да.

— Красное.

— Сухое или сладкое?

— Сухое.

— Я куплю, милая.

Показался кончик ее язычка, она облизнула нижнюю губу, и его губы были так близко, что коснулись его, и когда она попробовала его вкус, ее тело чуть дернулось, а язычок исчез. Но было слишком поздно, он почувствовал разряд тока, прошедший сквозь него, и сильнее прижал ее к двери.

Она вцепилась в его куртку и продолжила шепотом:

— Я не люблю ананас в пицце.

— Мне подходит, потому что я тоже его не люблю.

— Хорошо, — продолжила Фэй шепотом, закусил губу, отпустила ее и призналась: —

Ты меня немного пугаешь.

— Хорошо.

Она снова моргнула, и ее голос повысился на полоктавы, когда она спросила:

— Хорошо?

— Фэй, дорогая, ты играешь в полную мощь — мне пи*дец. Я вывел тебя из равновесия и одержал верх. Что сказать, с тобой мне понадобится быть хозяином положения.

— Я, э-э... это звучит... э-э... ты уверен, что, э-э...

Она замялась, показывая то, что он уже знал, что она не имеет ни малейшего представления, как играть с мужчиной, в игре или в отношениях, и это было тоже мило и горячо. Наконец, она закончила:

— Это звучит нехорошо.

— Моя работа состоит в том, чтобы это зазвучало для тебя хорошо.

— О, — выдохнула она, и он снова подавил ухмылку.

Затем Чейз спросил:

— Ты поняла?

— Нет, — мягко призналась она.

Она не поняла, и это тоже было мило и горячо.

— Ты поймешь, — пробормотал он.

— Хорошо, — пробормотала она в ответ.

— В семь, — напомнил он.

— В семь, — согласилась Фэй, кивнув.

— Мне пора.

— Ладно.

— Прежде чем я уйду, хочу поцелуй, — приказал он и увидел, как ее глаза расширились.

Мило.

Горячо.

— Что?

— Детка, — прошептал он. — Прежде чем я уйду, я хочу твой поцелуй.

Он почувствовал, как она задрожала в его объятиях. Затем скользнула вверх по его телу, приподнимаясь на цыпочки.

И поцеловала.

Чейз ответил и продолжал отвечать, пока поцелуй не вышел из-под контроля. Только тогда он остановился, оторвался от ее губ, поцеловал ее в нос и отступил назад. Он оттащил ее от двери и свободно держал, пока не убедился, что она твердо стоит на ногах. Затем подарил ей ошеломляющую, нежную, прекрасную, возбуждающую улыбку, и ушел, не оборачиваясь.

Глава 5

Шоколадное мороженое с арахисовым маслом

Подождав до полудня, когда миссис Бэгли, мой доброволец по вторникам, пришла помочь, я зашла в свой офис и взяла мобильный.

Все утро я провела, пытаюсь решить, кому позвонить. Ближе всего я общалась с Лекси и знала ее дольше всех, но она ясно дала понять, что хочет, чтобы я попробовала что-то с Чейзом, поэтому я не считала ее объективной по данному вопросу. Кристал могла быть объективной, и все же я сомневалась обращаться к ней. Она казалась довольно суровой, не говоря уже о том, что часто пугала меня, хотя в глубине души я знала, что она хороший человек. С остальными девушками я была знакома не столько хорошо, чтобы поделиться своими сомнениями.

Оставалась Лорен.

Но Лорен я выбрала не столько методом исключения, сколько из-за того, что она была лучшим вариантом.

Не знаю, что, но в ней было что-то особенное. Что-то, что давало вам понять, что она искренне заботится о ваших интересах. Выслушает. Даст обдуманый совет. Она была более зрелой, опытной. Не то чтобы это не относилось к Лекси и Кристал, но они были более самоуверенными.

Я нуждалась в том, кто действительно выслушает, а после посоветует.

В итоге, я была рада узнать, что сделала правильный выбор, и отметила это для (надеюсь) будущих консультаций, поскольку дела с Чейзом (надеюсь) продвигаются вперед.

Когда я позвонила ей, на заднем плане слышался шум бара, но, спросив, есть ли у нее время поболтать, услышала, как она сказала «да», шум стих, а затем и вовсе исчез.

Так что я рассказала ей все о происшедшем между мной и Чейзом до мельчайших подробностей. И справедливо добавить, что я помнила мельчайшие подробности.

Она выслушала меня до конца, а потом я тихо спросила:

— Итак?

— Какой вопрос, дорогая? — тихо спросила она.

— Мне есть пиццу с Чейзом?

— Мне показалось, здесь у тебя нет выбора, — в ее голосе звучало веселье:

— Не в тот момент, — согласилась я. — Когда после поцелуя он прижал меня к себе и был таким... я не знаю... напористым, ворчливым и мужественным, не переставая, говорил приятные и, ну... напористые, ворчливые и мужественные вещи, из-за чего казалось, будто он действительно, действительно говорил серьезно. В то же время он действовал как альфа-самец, который только что победил в рукопашном бою всех альфа-самцов мира, а после взобрался на гору из их тел и стал бить себя в грудь и рычать: «Фэй — моя женщина!» В такой момент трудно сказать «нет». Теперь же, когда его нет рядом, я вспоминаю все случаи, когда он бросался оскорблениями, и пересматриваю свое мнение.

Лорен расхохоталась.

Должна признать, это звучало довольно забавно.

И одновременно более чем сексуально.

Но не последняя часть, потому что она меня более чем пугала.

Я дождалась, чтобы Лорен успокоилась, а затем прошептала:

— Лори, он меня немного пугает.

— Да, Фэй, дорогая, я понимаю, — прошептала она в ответ и продолжила нежным голосом: — И причину твоих сомнений я тоже понимаю. Скажу тебе так: любая подруга прикроет твою спину. Она внимательно выслушает, постарается дать как можно лучший совет. Но ты должна понимать, что советовать она будет исходя из собственного опыта пережитых драмы или драм других своих друзей, которые разыгрывались на ее глазах. В конце концов, твоя подруга и ее друзья — это не ты, а мужчины в их жизни — это не Чейз. Так что тебе придется научиться кое-чему сложному. Как обращать внимание, думать, читать знаки и в то же время слушать свое сердце. Иногда это вызывает противоречивые чувства, и с этим тебе помогут подруги. Но, в конечном итоге, ты сама должна обращать на все это внимание, принимать решения, делать все, что нужно тебе, а подруги будут с тобой рядом. Что бы ни произошло.

— Хорошо, — мягко сказала я, думая, что это мило и все такое, но не совсем была уверена, что это сильно помогло.

К счастью, Лорен не закончила.

— И все же, я расскажу тебе о нас с Тейтом. Частично наша история совпадает с тем, что может происходить с Чейзом, так как давным-давно жизнь Тейта пошла под откос. Полностью. Это было неожиданно, и он плохо с этим справился. Не потому, что он глупый, слабый или плохой человек, а просто потому, что жизнь может ударить под дых, вымотать и, прежде чем вы отдышитесь, превратить все в дерьмо, а затем, два десятилетия спустя, вы обнаружите, что до сих пор увязаете в нем по уши. Тейт увяз. Частично взял себя в руки, но не полностью, пока не нашел меня.

Я охнула, и Лорен, должно быть, услышала это, потому что быстро продолжила.

— Я не говорю, что только женщина может исцелить мужчину, или на той ранней стадии, когда у вас с Чейзом все в порядке, тебе нужно взять на себя бремя исцеления его ран. Мужчина или женщина должны сами хотеть для себя лучшей жизни. Хотеть избавиться от своих проблем. А также должны быть готовы разделить этот груз. Если они этого не сделают, женщина может хоть из кожи вон вылезти, но так ничего и не добиться. Но если человек хочет лучшей жизни и готов работать над этим, найти того, кто проявит искреннюю заботу, желание помочь, кто честен, вдумчив, великодушен и, Фэй, самое трудное, но порой самое важное, готов простить, — все это сотворит чудо и поможет на этом пути. А на этом пути забота, честность, великодушие и прощение могут перерасти в любовь, и я искренне верю, дорогая, что настоящая любовь может исцелить все. Потому что, если ты любишь человека, то захочешь для него и себя хорошей жизни, и сделаешь все, чтобы это произошло. Мы с Тейтом обрели такую любовь. Было нелегко, нас обоих отягощали свои проблемы, но мы, в конце концов, осознали это, и я уверена на сто процентов, что он будет сражаться и умрет, чтобы сохранить эту любовь, и я сделаю то же самое.

Ух, ты. Я была так рада за нее.

— Мне нравится, что это у тебя есть, Лори, — прошептала я.

— Мне тоже это нравится, Фэй, — прошептала она в ответ. — Но я еще не закончила.

— Ладно, — довольно ответила я, потому что все, что она говорила — было хорошо, и я была рада за нее с Тейтом. Но еще я чувствовала, что это как-то связано с Чейзом, хотя по-прежнему не была уверена.

Я услышала ее вздох, а потом она продолжила:

— То, что случилось с Тейтом, было несчастным случаем. Случайностью. То, что случилось с Таем, — нет. Какие-то люди выбрали его целью для нападения, лишили свободы и силы, — это плохо. После такого некоторые мужчины так и не могут оправиться. Лекси мне кое-что рассказывала, Тейт близок с Таем, и он тоже мне кое-что рассказывал. Я не знаю всего, поэтому могу лишь делать предположения, произошло ли то, что я предполагаю, на самом деле. Но некоторые проблемы Лекси и Тая были связаны с борьбой Тая с тем, что его лишили сил. Он мужчина, а мужчины думают, что должны делать то, что должны, даже если это неправильно. Некоторые мужчины упускают из виду тот факт, что их женщины также поддерживают и защищают их. Тай упустил это из виду и чуть не потерял Лекси. Думаю, то, что случилось с Чейзом, больше похоже на то, что случилось с Таем.

Я почувствовала, как по коже побежали мурашки, и спросила:

— Каким образом?

Лори не замедлила ответить.

— Не секрет, что он женился на Мисти не по любви. Деталей этой истории я тоже не знаю. Но мне кажется, его заставили делать то, чего он не хотел делать. Я не знакома с Чейзом Китонем, разве что мимоходом. Но я живу с мужчиной подобного типа, и окружена ими. Это не могло отразиться на нем очень хорошо. Его тоже лишили сил.

— О, Боже, — охнула я, потому что не думала об этом в таком ключе, но теперь, задумавшись об этом и немного узнав Чейза, осознала, что это может быть правдой.

— Да, но его ситуация хуже — он не только такой мужчина, но еще и полицейский. Он дал клятву служить и защищать куче знакомых людей и еще большей куче незнакомых. Думаю, по тому, что он сделал для полиции Карнэла, он доказал, насколько серьезно относится к своей присяге. Так что, на мой взгляд, его прекрасно отточенный защитный инстинкт можно принять как данность. Так что, независимо от того, женился ли он на Мисти по принуждению, она все равно была его женой. Его. Если такой мужчина, как Чейз Китон, рискует своей задницей, чтобы защитить целый город, не могу себе представить, чтобы его устраивало то, что его жену застрелили прямо у него под носом, и не важно, нравилась она ему или нет.

— О, Боже, — снова охнула я, хотя уже догадывалась об этом. Но когда Лори произнесла эту догадку вслух, все стало яснее, резче и гораздо печальнее.

— И то, как он обращался с ней, помимо того, что его лишили сил, а ее убили, полагаю, все это связано с его чувством немалой вины из-за того, что он не уберег ее. Когда Далтон Макинтайр охотился за женщинами в нашем районе, а Ниту убили, Бабба слетел с катушек, потому что только и делал, что кутил, вместо того, чтобы присматривать за Кристал. За этим последовало примирение и брак. Знаешь Джима-Билли, завсегда бара?

Все знали Джима-Билли. Все любили Джима-Билли. Он был милым старым болваном который потерял жену при печальных обстоятельствах, так и не оправился от этого, поэтому почти все свое время проводил в «У Баббы». Он также чуть не погиб, спасая Лорен от маньяка-психопата. Его все любили, потому что он был милым парнем, но когда он спас Лори, всеобщая любовь переросла в обожание.

— Да, я знаю Джима-Билли, — подтвердила я.

— Так вот, — продолжила Лори, — жена Джима-Билли погибла во время пожара в доме, когда Джим-Билли был в дороге, и он винит себя за то, что не поменял батарейки в детекторе дыма, когда никто не знает, помогло бы это, и можно ли было ее спасти. Я легко пережила случившееся со мной, потому что рядом был Тейт, но какое-то время он корил

себя, потому что чувствовал, что не защитил меня. Мужчины принимают такое дерьмо на свой счет. Они считают, что могли бы помешать трагедии, но это не так. Скорее всего, убийство Мисти было неминуемо, независимо от того, что бы предпринял Чейз. Но Чейз так не считает. Нравилась она ему или нет, он, вероятно, принимает это на свой счет.

— То есть, ты хочешь сказать, что у Чейза много демонов, — предположила я.

— Да, милая, об этом я и говорю. Но скажу тебе больше. Во-первых, такой мужчина достоин заботы, честности, великодушия и прощения. Во-вторых, и это самое важное для тебя сейчас, такой мужчина не будет с женщиной, которая целует его, ему это не нравится, но он отвечает на ее поцелуй. Если ему не нравится поцелуй, он ее отпустит. Если ему он нравится, он поцелует ее в ответ. Ему нравилось, когда ты целовала его, Фэй. Возможно, даже слишком, учитывая, что он имеет дело с демонами такого масштаба. Но ему определенно понравилось.

Мне тоже понравилось.

Очень.

Так что, чувства унижения и боли почти притупились.

Об этом я Лори не сказала, просто прошептала:

— Хорошо.

— Еще я скажу, что если такой мужчина хочет, чтобы женщина оставила его нахрен в покое, он не следует за ней впотьмах, чтобы проводить до дома. Не гонится ради нее за ребенком. Не танцует с ней в ее квартире в полночь. Не приносит ей кофе. Не целует ее. Не перечисляет все, что ему в ней нравится, включая поцелуй, который, как он уверял, ему не понравился. И тем более не назначает свидание за пиццей.

Ее голос стал тихим.

— Подводя итог, детка: ты ему нравишься. Очень сильно. Он борется со своими проблемами и вымещает это на тебе. Безусловно, оскорбления, которые он швырнул в тебя, задели за живое, боже, мне ли не знать. Некоторые мужчины, или, по крайней мере, такого типа, не очень хорошо разбираются в своих чувствах. Поэтому с их языка слетает то, что они не могут контролировать и не имеют это в виду на самом деле. Случай с Чейзом, может быть, и более серьезен. В его голове такая неразбериха, что он хочет защитить тебя от нее, пытаюсь оттолкнуть, вести себя нарочито жестоко, когда на самом деле не хотел всего этого говорить. Теперь тебе нужно прочесть знаки, прислушаться к своему сердцу и решить, хочешь ли ты предложить этому мужчине заботу, честность, щедрость и прощение и поужинать с ним пиццей.

Она сделала паузу, позволяя сказанному дойти до меня, а затем продолжила, по-прежнему тихо, но теперь нежно и откровенно.

— Без сомнения, Фэй, все может обернуться плохо. Но все может закончиться лучше, чем ты когда-либо мечтала. Решать тебе. Это твой риск. Честно говоря, будь я на твоём месте, я бы рискнула. Я бы рисковала снова, снова и снова. Я не вру. Я пережила бы заново каждую минуту, проведенную с Тейтом, даже те, когда все становилось безумно, или больно, или сбивало с толку, и я бы прыгала от радости, если бы мне предложили возможность делать это в непрерывном цикле целую вечность.

— Вау, — прошептала я.

— Точно, дорогая, вау, — прошептала она в ответ.

— Думаю, я поужинаю с ним пиццей, — решила я и услышала тихий смех Лорен.

Сквозь смех она сказала:

— Думаю, через пару недель или месяцев или сколько бы времени тебе ни потребовалось, чтобы прорваться сквозь его оборону, я испеку торт, чтобы отпраздновать это событие. Только ты, я, торт, шампанское и наше обоюдное, самодовольное понимание, что мы навели мир, в то время как твой мир сошел с ума.

Я надеялась, что у меня будет шанс съесть торт Лорен.

Я очень-очень на это надеялась.

— Ловлю тебя на слове, и шампанское за мной, — сказала я.

— Договорились, — ответила она.

Сделав вдох, я заявила:

— Теперь у меня другая проблема.

Она поколебалась, прежде чем спросить:

— И какая же?

— Что надеть для ужина с пиццей у меня дома?

Тут Лорен снова расхохоталась.

Это привело меня к настоящему моменту, после работы, в моей квартире я мерила с двух до семи то, что Лорен предложила мне надеть. Нечто удобное, но не говорящее о том, что мне все равно, и я не хочу прилагать усилий. Красивые джинсы. Мой самый крутой темно-коричневый кожаный ремень. Сливовая блузка с круглым вырезом и длинными рукавами, которую я носила на работу. Трехъярусное ожерелье с крошечными шипами, свисающими вниз, и серебряные серьги-кольца, которые я также носила на работу.

Я распустила волосы и расчесала их. Распылила духи в воздухе и пробежалась под брызгами, потому что хотела лишь ненавязчиво освежить аромат, но понятия не имела, как это сделать. Так что, попробовала spraysнуть воздух и пробежаться в том месте, надеясь, что это работает.

Я вымыла посуду, оставшуюся с завтрака, и вытерла столы. В то утро я заправила постель, но все же убедилась, что подушки пышно взбиты, а одеяло на кровати разглажено и лежит идеально ровно. Я убрала пачки жевательной резинки. Сложила книги. Зажгла свечи. Подкорректировала свой плейлист (временно), убрав «Holding Out for a Hero», подключила «айпод» к стереосистеме и нажала кнопку воспроизведения.

Я также напечатала новую записку для мальчика и вывела ее через принтер.

Я почти убедилась, что приняла правильное решение: ждать в своей опрятной квартирке в красивых джинсах, с легким освежающим ароматом, тихой музыкой и горящими свечами, вместо того, чтобы быть в Вайоминге к моменту приезда Чейза.

Это не означало, что я не нервничала, учитывая, что это было только четвертое свидание в моей жизни, и первое свидание с Чейзом, мужчиной, в которого, как я убедилась, влюблена тринадцать лет, и это свидание происходило в моей квартире, где кровать являлась элементом декора открытой планировки.

Я нервничала.

Безумно.

Запретельно.

В таком состоянии я бросилась на кухню, схватила жвачку и стала ее жевать.

Затем мой взгляд упал на модель корабля «Серенити» из «Светлячка» и шакрам Зены, и мне стало интересно, смотрит ли Чейз гиковские сериалы. Я, в принципе, не могла представить, что Чейз смотрит телевизор. Даже когда он обедал в закуской, то приносил документы с собой и работал, пока ел. Даже когда с ним сидела Лекси, они разговаривали,

он улыбался, она смеялась, но во время этого он все равно продолжал работать. Может, он вообще не смотрел телевизор. А может, смотрел только серьезные сериалы, вроде «Прослушки» и «Убойного отдела», и не пропускал ни одной серии «Саутленда», кивая головой, во время просмотра и считая, что персонажи попали в точку.

Я бросила взгляд на часы на ночном столике и увидела, что было две минуты восьмого. Frak! Он опаздывал.

— Ладно-ладно, всего две минуты. Может, у меня часы спешат, — забормотала я себе под нос, жуя жвачку.

В то утро Чейз основательно, глубоко, искусно и очень эффектно поцеловал меня, пока у меня во рту была жвачка. И после того, как он ушел, а я привела в порядок мысли, меня огорчил тот факт, что он целовал меня, когда у меня во рту была жвачка.

— О чем я думаю, жуя жвачку? — снова забормотала я себе под нос, что, как я была уверена, являлось предвестником безумия.

Подойдя к мусорному ведру на кухне, я ударила по крышке, она открылась, и я выплюнула жвачку.

Пока я занималась этим, раздался стук в дверь, поэтому я втянула в себя воздух напололам со слюной от жвачки, и тут же начала задыхаться.

О, Боже! Я могу умереть от удушья, пока Чейз стоит за дверью с едой и спальным мешком для мальчика, пиццей, пивом и вином, и у меня так и не будет первого свидания!

Я бросилась к шкафу, схватила стакан, наполнила его водой из-под крана и выпила до дна, успокаивая кашель, когда в дверь снова постучали.

Я брякнула стаканом по столу, подбежала к двери, сорвала цепочку, щелкнула замком и передо мной открылся вид на прищурившегося Чейза, который мельком осмотрел меня и спросил:

— Слышал, как ты задыхаешься, с тобой все в порядке?

— Ты красивый, хорошо целуешься, это наше первое свидание, у меня в комнате кровать, я чертовски нервничаю, и подумала, что умру от удушья, после того, как выплюнула жвачку, так что нет, со мной не все в порядке.

Да, это я и ляпнула, слово в слово.

Чейз уставился на меня.

Я смотрела в ответ, задаваясь вопросом: смогу ли заставить себя испариться, как Злая Ведьма из «Волшебника страны Оз», и если мои слова — та честность, которую имела в виду Лори, то не было ли это немного чересчур.

Ответы на эти вопросы я получила, когда, во-первых, не испарилась. А во-вторых, Чейз сделал шаг вперед, швырнул на пол большую сумку со спальным мешком, поймал меня одной рукой, так как другой держал коробку с пиццей, и дернул на себя.

Я приземлилась на него с некоторой силой, моя голова запрокинулась назад, что было выгодно Чейзу, так как он наклонился, и внезапно его рот оказался на моих губах.

Потом он подключил к делу язык.

В конце концов, когда он поднял голову, я обвивала руками его шею, прижимаясь к его высокому, твердому телу, и мне было все равно, что моя кровать стоит в десяти футах.

Паря в счастливом оцепенении, вызванном его поцелуями, я сосредоточилась на Чейзе, на его теплом и сексуальном взгляде, скользящем по моему лицу, и услышала, как он тихо спросил:

— Все еще нервничаешь?

— Нет, — прошептала я.

— Хорошо, — пробормотал он. — Теперь возьми пиццу, дорогая. Накрой на стол. Я проголодался, но мне нужно спуститься вниз за остальным.

— Хорошо, — согласилась я, но не двинулась с места.

— Детка, ты должна убрать руки с моей шеи, чтобы взять пиццу, — подсказал он, и уголки его губ чуть приподнялись.

Я перевела взгляд на его губы.

Мне очень-очень нравилась его полуулыбка.

Эти губы произнесли: «Фэй», и его рука сжала меня.

Мои глаза метнулись к нему, руки соскользнули с его шеи, и я пробормотала:

— Пицца, накрыть на стол.

Он отпустил меня. Я забрала пиццу.

Скользнув пальцами по моему бедру, он сказал:

— Вернусь через секунду.

Я кивнула, чувствуя на себе его пальцы, хотя их уже не было.

Боже, мне нужно взять себя в руки.

Я решила сделать это, накрывая на стол. Я разложила на кухонной стойке перед табуретами салфетки, тарелки, хлопья красного перца, сыр пармезан, соль и перец, и когда он вернулся, я ставила бокалы.

Я посмотрела на Чейза.

Он направлялся ко мне с пятью пакетами продуктов.

— Эм... не уверена, что скупить весь магазин для мальчика — это хорошо, Чейз. Если он живет на улице, остальные бездомные Карнэла набросятся на него, как стервятники, — заметила я.

Чейз добрался до кухни, опустил пакеты на стойку, и, когда они приземлились, издали громкий грохот и какофонию ударов.

Затем он повернулся ко мне.

— В городе есть только один бездомный, дорогая. Он называет себя Изгой Эл. В этом году он отпраздновал свое семисотлетие и выглядит соответствующе. Поговори с ним, и он поклянется, что это он застрелил Билли Кида. Каждый дикий кот Карнэла при первом удобном случае вцепится в тебя когтями, но в любой день или ночь один или дюжина из них свернутся калачиком возле Эла, будто он их мамочка. У него два зуба. И я не вижу ничего хорошего в их будущем, так как Шамблз и Солнышко пристроили небольшой навес за «Ла-Ла-Лэндом», чтобы обеспечить Элу хоть какую-то защиту от солнца. Он был очень благодарен за эти усилия. Переселился туда, когда Шамблз еще забивал гвозди. В основном, он остается там, кроме тех случаев, когда ему пора выть на луну. И Шамблз подкармливает его выпечкой. Думаю, наш паренек в безопасности в этом плане.

Я уставилась на него.

Затем спросила:

— Ты знаешь все это о бездомном мужчине по имени Изгой Эл, о котором я не только никогда не слышала, но даже никогда не видела, хотя прожила в этом городке всю свою жизнь?

Чейз снял куртку, бросил ее на островок и приблизился ко мне. Следя взглядом за движением своей руки, он перекинул мои волосы через плечо, а затем коснулся моей шеи, и я вздрогнула. Его внимание вернулось ко мне, и он продолжил рассказывать об Изгое Эле.

— Да, знаю, а еще знаю, что он кормит своих кошек консервами, но предпочитает тунца. Что касается его самого: тушенка, венские сосиски, консервы «Sprat», перец чили, фасоль-ранч, выпечка Шэмблза и пиво «Colt 45». — Уголки его губ приподнялись, и он закончил: — Твой папа не одобрит, но никакой грубой пищи.

— Откуда ты все это знаешь?

— Он сам мне рассказал, когда делал заказы на то, что ему действительно нравится. Так что я покупаю ему только то, что ему действительно нравится, потому что, бездомный он или нет, остальное он выбрасывает.

— Ты покупаешь еду Изгою Элу? — прошептала я и по-другому взглянула на спальный мешок и пакеты с едой.

Зная о камерах у библиотеки и всех усилиях, направленных на поиски одинокого беглого мальчика, которые возглавлял Чейз, даже, несмотря на то, что он якобы передал дело Фрэнку. При всем этом я могла поклясться, что Элла Мэй пела «Holding Out for a Hero» прямо мне в ухо.

— Я, Фрэнк, Бетти и Кристал, — пояснил он, и Элла Мэй замолчала.

Я моргнула, а затем с недоверием спросила:

— Кристал?

Уголок губ растянулся в полноценную ухмылку, Чейз наклонился, чтобы быть ближе ко мне, и поделился:

— Она сурова снаружи, и это истинная Божья правда. Жесткая как сталь. Никто к ней не приблизится, пока Кристал сама не откроется. Но внутри, дорогая, внутри любого человека всегда кроется что-то еще. Некоторые люди впускают вас сразу. С некоторыми приходится попотеть. Некоторые никогда не впускают вас и устраивают шоу, полное лжи. Некоторые, такие как Кристал, ждут, чтобы вы это заслужили. И я знаю, что внутри Кристал таится доброта, сердечность и нежность.

— Она впустила тебя? — тихо спросила я.

— Не в прошедшие тринадцать лет. Но шесть месяцев назад я вернулся домой после дерьмового дня, когда весь город праздновал с размахом, прошел сквозь толпу репортеров, чтобы добраться до своей двери, и обнаружил ее сидящей в темноте моей гостиной. Она пробралась с черного хода. Сидела и пила мою водку. Первое, что она сказала мне, прежде чем налить мне стакан, было: «Ты молодец, Китон». Мы выпили в тишине, и она вылезла из окна моей спальни. Не уверен, что она меня впустила, но в случае с Кристал Бриггс, думаю, это настолько хорошо, насколько возможно.

— Думаю, в случае с Кристал Бриггс, это значимо, — прошептала я, его ухмылка превратилась в улыбку, и я растворилась в ней, прежде чем он отвернулся.

Он направился к пакетам. Я взяла себя в руки и подошла к ящику со столовыми приборами.

Я наострила уши, когда он сказал:

— Итак, часть покупок не для нашего паренька. Это на десерт.

Я взяла вилки, ножи и штопор, уточняя:

— На десерт?

Он вытаскивал продукты из пакетов и нес их в холодильник, когда ответил:

— Шоколадное мороженое с арахисовым маслом.

Звучало потрясающе.

— Что в нем? — спросила я, оглядываясь через плечо на то, как он ходит по моей кухне

(и мне нравилось то, что я видела), пока раскладывала столовое серебро.

— Мороженое, много сиропа, огромная порция арахисового масла, взбитые сливки, дробленый арахис и вишня. Мама обычно делала так для меня.

Просто, но, несомненно, потрясающе.

Потянувшись за бутылкой вина, которую он поставил на столешницу, я мысленно вычла один кусок пиццы из своего вечернего рациона и добавила еще одну порцию «арахисового масла» к десерту.

Я уже собиралась открыть вино, когда обнаружила, что в руках нет ни бутылки, ни штопора, вскинув голову, я посмотрела на Чейза и убедилась, что он держит и то, и другое.

— Отец мало чему меня научил. Но есть одна вещь, которую я узнал от него: женщина не наливает себе выпить, — объяснил он.

Элла Мэй вновь запела мне на ухо.

— О, — пробормотала я.

— Детка, достань пиццу, — мягко приказал он. — Мне два кусочка для начала.

— Хорошо, — продолжала я бормотать, а потом открыла коробку с пиццей.

Я уселась на табурет, пока Чейз наливал мне вино. Он поставил бокал у моей тарелки, достал из упаковки бутылку пива, остальные пять убрал в холодильник, концом штопора открыл крышечку, а затем присоединился ко мне за стойкой.

Я уставилась на пиццу, впервые обратив на нее внимание. Похоже, Чейз был любителем мяса, так же, как Изгой Эл любителем мясных консервов. Я увидела пепперони, колбасу, бекон, фарш, ветчину, панчетту и что-то похожее на чоризо. А еще грибы, оливки и перец.

Взяв пармезан и начав посыпать им пиццу, я с радостью отметила тот факт, что мне всего двадцать девять, и я еще не страдаю от изжоги.

Меня поразило несколько вещей: мы ели в тишине, я выступала в роли хозяйки, и что более важно, Чейз находил меня интересной. Часть того, чтобы быть интересной, заключалась в том, чтобы быть хорошим собеседником. У нас никогда не возникало проблем с разговором, но мы также никогда не оказывались в нормальной ситуации, которая требовала бы обычного разговора.

Внезапно, я снова занервничала.

Поэтому принялась болтать.

При этом сосредоточенно разрезая пиццу.

— Ты сказал, что твой отец мало чему тебя научил. Вы не близки?

— Я ненавижу его всем своим существом.

Я моргнула, наблюдая, как вилка вонзается в пиццу, а нож режет кусок, повернула голову и посмотрела на Чейза, поняв, что он не любит есть пиццу вилкой и ножом. Он держал ломтик в руке и жевал.

— Ты его ненавидишь? — прошептала я.

Чейз проглотил и посмотрел на меня.

— Всем своим существом.

— Сказано, э-э... твердо, — заметила я.

— Ага, — согласился он и откусил еще пиццы.

Я вернулась к своему куску, пробормотав:

— Извини, я не должна была спрашивать.

Я взяла отрезанный кусочек в рот, когда Чейз спросил:

— Мы знакомимся друг с другом?

И я снова посмотрела на него.

Я прожевала и кивнула.

Он кивнул в ответ и продолжил говорить.

— Тогда такое тебе нужно знать обо мне. Я ненавижу своего отца. С мамой мы близки, но она чувствительная. Немного неуравновешенная. Может что-нибудь забыть, завестись из-за этого, стать неуклюжей, разбить вещи, завестись уже по этому поводу, потом принять таблетку или выпить, прилечь на некоторое время, и все снова будет хорошо. В этом вся она. В остальное время она милая и любящая. Много занимается благотворительностью, потому что ей это нравится, и она относится к этому серьезно. Это не способ скоротать время и попасть на страницы светской хроники. Она искренне хочет помочь. У нее мало друзей не потому, что она не дружелюбна. А потому, что у нее нет внутренних сил мириться с теми, кто лжет, использует других, манипулирует или предает, а таких в ее кругу много. Поэтому она направляет свою энергию на важных для нее людей, которые излучают позитив. Она не глупая, но не всегда поступает рационально, и в большинстве случаев это забавно, но иногда она накручивает себя, отчего опять же заводится.

Он откусил пиццы, прожевал, пока я смотрела, проглотил и закончил:

— Она любит меня, а я люблю ее. Я не могу проводить с ней столько времени, сколько хочу, потому что она живет в двух часах езды отсюда, а мой отец — мудака, так что если он дома, то я не приезжаю. И она делает чертовски вкусное мороженое.

— Вот, значит, как, — тихо сказала я, и он усмехнулся.

— Вот так, — пробормотал он и откусил еще пиццы.

Я снова перевела внимание на свою пиццу и засунула кусочек в рот, когда Чейз спросил:

— Твои родные?

Я посмотрела на него, прожевала, проглотила, положила нож и вилку и взяла вино. Отпив глоток, облокотилась о стойку, подняла бокал с вином и ответила:

— Папа у меня классный. Мудрый. Веселый. Любит меня. Любит мою сестру. Любит моего брата, хотя очень хочет надрать ему зад. И я его люблю. Мама тоже классная. Она мудрая, но более спокойная, чем папа. То же касается и веселья. Она меня любит. Любит мою сестру, хотя частенько испытывает желание свернуть ей шею. Она обожает моего брата, и я не психолог, но думаю, именно поэтому он делает такие вещи, от которых папа хочет надрать ему зад.

— Какая ты по старшинству?

— Средняя. Моя сестра Лиза на три года старше. Брат Джуд на три года младше.

Я сделала глоток вина, а Чейз взял второй кусок и спросил:

— Почему твой отец хочет надрать зад твоему брату?

Я поставила бокал и вернулась к пицце, отвечая:

— Ну, больше уже не хочет. Год назад Джуд ушел в армию. В знак благодарности, что он поступил на военную службу, папа отправился в католическую церковь, и отчитал сотню раз «Аве, Мария», а мы даже не католики.

Я услышала смешок Чейза, сунула в рот кусочек пиццы, и, жуя, посмотрела на него и улыbnулась.

— Так почему твой папа хотел надрать ему зад? — исправился он.

Я проглотила и ответила:

— Потому что Джуд был занозой в его и всех остальных задницах. Я люблю брата. Он

веселый парень. Очень веселый. Но безответственный. Его выгнали из университета. Уволили с первых трех работ. За шесть лет он успел пожить в четырех штатах. У него было семь тысяч подружек. Все милые, добрые, умные и красивые, и каждая, с кем он знакомил семью, нам нравилась. Выигрышная комбинация, которую трудно найти. Но Джуд отшвыривал их в сторону, будто они были грязными алкашками на одну ночь, которых он по пьяни подцепил на концерте Blue Oyster Cult, а на утро проснулся с пятидесятилетней женщиной, которая с тринадцати лет завтракала бутылкой водки и выкуривала по три пачки сигарет в день.

Тело Чейза дрожало, он ухмылялся, а голос дребезжал от веселья, когда он заметил:

— Хорошее описание.

— Я много читаю, поэтому у меня живое воображение, — объяснила я.

— Нет, — тихо ответил он, в его голосе слышалась дрожь другого рода, от которой по моей коже пробежали мурашки. — Ты — Фэй, так что ты — милая.

— И это тоже, — беззаботно согласилась, но вышло хрипло.

Его рука потянулась ко мне, зацепила меня за шею, и я обнаружила, что мое тело движется к нему, а глаза остаются прикованы к нему, пока они не были вынуждены закрыться, когда его голова опустилась и наши губы сомкнулись.

Как только это произошло, он сжал мою шею, отстраняя меня, чтобы я села на место, и отпустил.

Но чудесное покалывание от его губ там, где они меня касались, осталось.

Он откусил пиццу, прожевал и проглотил. Я отрезала кусочек, положила в рот, прожевала, проглотила и потянулась за бокалом.

— Значит, Джуд в порядке? — вернулся Чейз к разговору.

Я кивнула, поставила бокал на стойку, взяла корочку от пиццы, откусила и посмотрела на него, наблюдая, как он тянется за следующим куском.

Я проглотила и продолжила делиться.

— Он ушел в армию. Позвонил папе, они поговорили по душам как мужчина с женщиной, и Джуд объяснил ему кое-что. Судя по всему, Джуд нуждался в дисциплине. Ему там очень нравится. Он хочет сделать карьеру в армии. Сержант. И мы говорим не о капрале, а о сержанте-майоре. Он действительно задался целью. Думаю, мне не следует удивляться. Папа служил в морской пехоте, очень гордился этим и, пока мы росли, постоянно об этом рассказывал. Джуд увлекался спортом, поэтому знал, как быть в команде, следовать примеру тренера, но при этом оставаться лидером. Думаю, его последним бунтом было то, что он пошел в армию, а не в морскую пехоту, но папа не жалуется.

Я откусила еще от корочки, а Чейз тихо спросил:

— Ты беспокоишься о нем?

Я покачала головой, прожевала, проглотила и ответила:

— Забавно, но сейчас меньше, чем раньше. Раньше у него за спиной не стоял отряд братьев. Теперь стоит. Это не значит, что я не волнуюсь, но я рада, что Джуд нашел любимое занятие, место, которое ему подходит, место, которому он принадлежит. Поэтому сосредотачиваюсь на этом.

— Умно, — пробормотал Чейз, и я слегка улыбнулась ему и вернулась к своей корочке.

Чейз замолчал, и я тоже. Это произвело негативный эффект, заставив мои мысли блуждать. Я размышляла о его честном признании в ненависти к родному отцу, и в то же время его искреннем стремлении помочь совершенно незнакомому мальчику. На

протяжении половины второго куска я беспокоилась, что здесь была взаимосвязь.

— Ты затихла, — пробормотал Чейз, и я перевела дыхание, отложила столовые приборы, взяла бокал и посмотрела на него.

Прежде чем сделать глоток, спросила:

— Чейз, камеры были хорошей идеей, но обычно ли для полицейского управления Карнэла тратить такие ресурсы на неизвестного ребенка, с которым не понятно, что происходит?

— Записи с камер отслеживают стажеры, их нужно чем-то занять. Камеры устанавливало не полицейское управление Карнэла, а мой приятель. А поскольку стажерам не платят, то никакие ресурсы участка не задействованы.

— Кажется, ты изо всех сил стараешься ради совершенно незнакомого мальчика, — тихо и осторожно заметила я, отставляя бокал в сторону, и взгляд Чейза остановился на мне.

Затем он повернулся ко мне.

— Как и ты, — тихо заметил он в ответ.

— Папа говорит, что неправильный поступок — всегда неправильный, независимо от того, кто его совершает или в отношении кого. Если ты знаешь, что кто-то поступает неправильно, сделай все возможное, чтобы исправить это. Если будешь бездействовать, тогда ты не тот человек, которого он хотел бы знать. А я хочу быть таким человеком, которого хочет знать мой папа.

— Ясно, — ответил он, но больше ничего не сказал.

— Вот по какой причине я это делаю. А ты?

Его брови слегка приподнялись, и он ответил:

— Фэй, милая, я — полицейский.

— Но ты прилагаешь столько усилий, — напомнила я ему. — В участке все, эм... немного медлительны?

Он усмехнулся, слегка наклонился ко мне и сказал:

— Нет. Признаюсь, я лезу из кожи вон ради этого паренька не только потому, что я полицейский. Я делаю это, потому что это важно для хорошенькой городской библиотекарки.

Я затаила дыхание, мое сердце затрепетало, и Элла Мэй запела мне на ухо.

— А теперь, — продолжил он, — я хотел бы знать, о чем ты на самом деле думала спросить.

Лори говорила о заботе, честности, великодушии и прощении.

Я не знала, подходит ли то, что я собиралась спросить, к какому-либо из этих слов, кроме «честности», но надеялась, что это также относится и к «заботе».

— Ты ненавидишь своего отца, — мягко сказала я.

Он покачал головой, наклонился ближе и положил ладонь мне на ногу, скользнув вверх, так что его мизинец прижался к изгибу моего бедра, и я попыталась сосредоточиться на его словах, а не на тепле прикосновения или том месте, где я его чувствовала.

— Мой отец — мудака. Вспоминая свою жизнь, он всегда был со мной строг, слишком суров, жесток так, как я никогда не был бы с ребенком, но я не подвергался психологическому насилию. Он по-своему видит жизнь, людей и их поступки, и наши взгляды на это не сходятся. Это нормально, когда ты общаешься с ребенком. Но когда твой сын становится мужчиной, и не делает ни хрена, чтобы потерять твое уважение, ты должен ценить это, в том числе, уважать мнение, которое у него развивается, и то, как он начинает

смотреть на мир. Мой отец этого не делал. Он хотел, чтобы я был тем, кем он хотел меня видеть, а иное отказывался принимать. Думаю, в этом я похож на него, потому что отказался быть кем-то другим, кроме того человека, которым хотел быть. Это означало столкновение. Я перескочил класс и в семнадцать поступил в Академию. Никогда не возвращался домой больше, чем на неделю или две, даже летом, находил работу, которая держала меня подальше. Все потому, что отец не переставал настаивать на своем. А я не прекращал сопротивляться.

— Звучит не весело, — прошептала я, потому что так на самом деле и было, и мне не нравилось, что Чейз вырос в такой обстановке.

— Нет, — согласился он.

— Мне жаль, — продолжила я шептать.

— Мне тоже. И чем старше я становился, тем ситуация все больше ухудшалась, потому что он так и не смирился. Он ненавидел меня за то, что я коп. И до сих пор ненавидит. Навещает меня, только чтобы сказать именно это. Не регулярно, но и одного раза слишком много. В жизни всякое случается, и дерьмовые моменты тоже, но для себя я уяснил, что отец плохой человек. Он изменяет маме. Причем неоднократно. И делал это с самого начала. Я не против этого.

Я сжала губы, чтобы сдержать слова, которые рвались с языка, и Чейз снова показал, что может читать мои мысли.

Я поняла это, когда его ладонь исчезла с моей ноги, но только для того, чтобы подцепить мой табурет и дернуть его на себя, в то же время, развернув меня лицом к себе. Затем он придвинул свой табурет ближе ко мне, его ноги были широко раздвинуты, так что окружали мои, его руки легли по обе стороны моей шеи, и он притянул меня к себе, так что наши лица оказались рядом.

Я опустила ладони на его (очень твердые, черт возьми) бедра, потому что не знала, что с ними делать, и мне не нужно было думать об этом, потому что Чейз говорил. С его губ слетали тихие, нежные, честные, страшные и грустные слова.

— Между нами все идет хорошо, однажды я подробно расскажу тебе обо всем том дерьме, которое со мной произошло, включая меня и Мисти. Но ты живешь в этом маленьком городке, и я не упускаю из виду, что люди болтают, и многие из этих разговоров за последние шесть лет были обо мне и Мисти. Мне интересно, захочешь ли ты рискнуть начать отношения среди всех этих сплетен, но сейчас ты должна понять, что я не любил ее. Меня вынудили жениться на ней, и это прозвучит чертовски хреново и запутанно, но я сделал это, чтобы защитить свою мать. Мисти знала, что ее ждет, потому что я сразу сказал ей, что никоим образом не собираюсь быть ей мужем.

Его пальцы сжали мою шею, и он наклонился ко мне еще ближе, прежде чем продолжить.

— Ни в каком смысле, детка. Мы не спали в одной постели. Я не целовал ее, желая доброго утра или спокойной ночи. Мы не ужинали вместе. Я не сообщал ей, когда уйду и когда возвращаюсь домой. Ни разу, после того, как мы поженились, я не занимался с ней любовью. До этого у нас была связь, но мы никогда не занимались любовью. Есть разница, и она никогда не получала этого от меня. Я прямо сказал ей, что наш брак — клочок бумаги. Она хотела этого от сделки, на которую рассчитывала, это она и получила. Но она меня не поняла. Для меня она была соседкой по комнате, которая мне не очень нравилась.

Когда он замолчал, я сочла необходимым сделать комментарий.

— Ты прав, Чейз, это запутанно.

Он ухмыльнулся, но не весело, а как-то по-другому. Чего я не поняла. Может, печально. Может, мрачно. В любом случае, это не было хорошо, поэтому мои пальцы на его бедрах рефлекторно сжались.

— Это нелегко объяснить, — продолжил Чейз. — И должен сказать, милая, я чувствую себя таким же чертовски взволнованным, что получил с тобой шанс, о котором даже не смел и мечтать, как и чертовски потерянным, потому что понятия не имею, как объяснить тебе все то, что со стороны выглядит плохо. Так что я скажу все прямо. Я не считал это изменой ей, потому что в глубине души не был на ней женат. Она ничего для меня не значила. Она поймала меня в ловушку. Сделала это намеренно. Пи*дец каким мерзким способом. Из-за этого моя семья подверглась опасности, а Мисти некой е*анутой частью сознания полагала, что как только я буду связан с ней юридически, она сможет влюбить меня в себя. Мы знали друг друга раньше, были в городе, в барах и в моей постели. Она знала, что я за человек. Не понимаю, как она могла подумать хоть на одну гребаную секунду, что сможет повернуть это дерьмо и завоевать меня. Но она пошла на это. Потом быстро узнала другое. Я не проявлял к ней доброты. Пока она была жива, я считал, что она этого заслуживала. Не желая больше терпеть подобного отношения, она могла бы уйти, сделать мне подарок, позволив быть свободным, и показать, что в ней есть что-то хорошее. Но сейчас я признаю, что не был добр к ней отчасти, чтобы заставить ее оставить меня, нахрен, в покое. После ее смерти мое отношение к ней свело меня с ума. Она была плохой женщиной. Но ни одна женщина, хорошая или плохая, не заслуживает быть застреленной.

— Это правда, — прошептала я.

— Да, — согласился он.

— Чейз? — мягко позвала я, но мне не было необходимости привлекать его внимание, когда он сидел так близко, что был практически всем, что я могла видеть, и нельзя не сказать, что я полностью владела его вниманием.

— Да, детка.

— Не знаю, слышал ли ты разговоры. Или передал ли кто тебе городские слухи. Но ты должен знать, что все предполагают, что произошло нечто подобное, о чем ты мне сейчас рассказал. И ты должен знать, что никто не винил тебя за то, как ты поступал, когда был женат на Мисти. Ты также должен знать, что ты всем всегда нравился. Все желали тебе только лучшего. Включая меня.

Я с благоговением наблюдала, чувствуя в груди жжение, как теплота и красота смывают с его лица некие болезненные и мерзкие воспоминания.

Затем он закрыл глаза и притянул меня к себе так, что наши лбы соприкоснулись.

Это было приятно.

Очень приятно.

Красиво.

Я продолжила говорить, и он открыл глаза, отодвинувшись, как и я, на дюйм.

— Ты также должен знать, что Мисти никому не нравилась, но все с ней мирились. Все решили, что она заманила тебя в ловушку. Все знали, что она солгала о Тае Уокере. Думали, что это был безумный и подлый поступок, никак не укладывающийся в голове. Но никто не желал, чтобы ее застрелили.

— Приятно знать, — пробормотал он.

Поскольку его голос был тихим, руки — теплыми и сильными, и мы были так близко, то

я чувствовала себя в безопасности, чтобы продолжить, но неуверенно.

— Я не могу... я не... имею в виду, я не знаю всего, что происходило, и не могу знать, каково это — оказаться в подобной ловушке, и очень надеюсь, что никогда не узнаю. Но практически любой на твоём месте поступил бы так же, поэтому ты не должен винить себя за что-то, из-за чего жизнь Мисти так неожиданно и ужасно прервалась.

— Хотел бы я, милая, чтобы это было так просто, — прошептал он.

Он чувствовал вину.

Frak.

— Я тоже, — прошептала я в ответ, затем выдавила из себя улыбку, в то же время ещё раз сжала его бедра и поделилась: — Но я открою тебе девчачий секрет. Многие становятся лучше после шоколадного мороженого. Так что, держу пари, если добавить туда арахисовое масло, дроблёный арахис и вишню, возможно, это не решит всех проблем, но поможет, хотя бы ненадолго.

Едва я произнесла «ненадолго», как одна его рука скользнула мне на затылок, и вместо того, чтобы просто очень близко притянуть меня к себе, мы оказались супермегаблизко, потому что он поцеловал меня.

У Чейза был вкус пива. Впервые я пробовала пиво, которое мне абсолютно понравилось.

В поцелуе я подалась вперед, позволяя окутать меня дымке счастья, которую Чейз вызывал всякий раз, когда его губы касались моих губ. Когда он закончил, я тяжело дышала, одной рукой крепко сжимая его шею, другой глубоко вдавливаясь в твердую стену его груди.

Казалось, на то, чтобы открыть глаза, потребовался год, и мне было все равно, потому что, когда я их, наконец, открыла, Чейз улыбался мне крохотной, теплой, красивой улыбкой.

Затем он сказал.

Или, в манере Чейза, мягко приказал.

— Ешь пиццу, детка, а я приготовлю тебе мороженое.

Что я могла сказать?

Кроме «хорошо».

Это я и сказала.

Затем сделала именно то, что мне велели.

И я знала, что без проблем съем пиццу и мороженое со всеми добавками, так как мороженое по его рецепту звучало потрясающе.

Но ещё я знала, что пойду на край земли рука об руку с Чейзом Китоном, и все, что ему нужно для этого сделать, это крепко поцеловать, улыбнуться, держать меня за руку и называть «деткой».

Глава 6

Тебе нравится мое платье?

6:03 следующего утра

Я с трудом проснулась от звонка домашнего телефона. Еле разлепив отяжелевшие веки, скользнула глазами по груди подушек, сонно взглянула на будильник и увидела, что сейчас три минуты седьмого. В библиотеку мне не надо до девяти тридцати. Поэтому, если перед работой я не ходила в спортзал, то никогда не вставала так рано, и все, кто меня знал, были в курсе.

Ранний звонок мог означать нечто плохое, и в сонном трепете я выхватила телефон из зарядного устройства, нажала на кнопку, поднесла к уху и выдавила:

— Ло.

— Доброе утро, детка.

О, боже. Голос Чейза тоже звучал сонно. Нет, поправочка. Глубокий голос Чейза, звучал хрипло, мягко, сексуально и сонно.

Вау.

— Привет, Чейз, — прошептала я. — Все в порядке?

— Просто хотел узнать, как звучит твой голос с утра.

О.

Боже.

Даже будучи все еще сонной, я почувствовала, как закипела кровь, внизу живота возникло напряжение, спустившееся по ногам и вызвавшее покалывание между бедер.

— И он звучит так, будто я тебя разбудил.

— Ага, — подтвердила я, почему-то все еще шепотом. — Разбудил. Я никогда не встаю так рано.

— Никогда?

— Ну, никогда, если не иду в спортзал. Но обычно я не могу собраться с силами, чтобы покинуть теплую постель и пойти тренироваться, поэтому отключаю будильник, снова засыпаю и иду в спортзал после работы.

Он ничего не сказал.

Я продолжила говорить.

— Хотя у меня добрые намерения.

Он снова ничего не сказал.

Поэтому я позвала:

— Чейз?

Его голос прозвучал более глубоко, хрипло, мягче и намного, намного сексуальнее, когда он ответил:

— Извини, детка, я задумался о тебе в теплой постели. Что ты сказала?

Стенки влагалища сжались, а соски начало покалывать, когда я прошептала в ответ:

— Я забыла.

И тогда я услышала его глубокий, хриплый, мягкий, очень-очень сексуальный смешок.

Боже. Я испытаю оргазм, просто слушая его смех!

— Ты сегодня дежуришь? — спросил он, и я не поняла его вопрос. Я концентрировалась на своем теле и запоминала звук его утреннего голоса.

— Прости?

— Наш паренек, милая. После того, как оставишь вещи, заступишь на дежурство?

— Ага.

— Я принесу кофе.

Мое сердце ёкнуло.

Он принесет кофе.

Это означало, что я увижу его снова. И скоро.

— Восемь тридцать? — предложил он.

— Звучит неплохо, — ответила я с большим преуменьшением.

— До скорого, дорогая.

— До скорого, Чейз.

Раздались гудки. Я поставила трубку обратно. После этого улыбнулась подушкам. В этот момент мое тело снова напомнило о себе, что же, делать было нечего. Я потянулась к ящику тумбочки. Мне пришло в голову, что я могла оказать на Чейза такое же влияние, как и он на меня. Он мог бы делать многое из того, чем я намеревалась заняться сейчас.

Так что, когда я вытащила вибратор, мой самопроизвольный оргазм был зашкаливающим.

Лучше.

Запредельным.

Закончив, я убрала игрушку, томно потянулась и снова улыбнулась, вжимаясь в подушки.

Было рано. Я проснулась. Время у меня было.

Я могла предаться воспоминаниям прошлого вечера.

Так я и сделала. Утопая в счастье.

После нашей глубокой беседы за пиццей, Чейз твердо вывел нас на поверхность. Хорошая новость заключалась в том, что от нашего разговора не осталось никакой тяжести, осевшей в продолжении вечера. Другая хорошая новость заключалась в том, что до конца вечера ни у кого из нас не возникло проблем с разговором.

Должна признать, это стало, главным образом, заслугой Чейза. Он больше расспросил о моей семье. О времени, проведенном в университете. О моем пребывании в Денвере и том, насколько изнурительным был мой график, когда я по выходным возвращалась в Денвер, чтобы писать работу на степень магистра, одновременно работая в библиотеке Карнэла. И он научил меня, как делать шоколадное мороженое с арахисовым маслом.

После этого, легко обняв меня за талию, разглядывал мои полки с DVD, компакт-дисками, книгами и всем остальным. Мило и совсем не злобно дразнил по поводу шакрама. Все это время я чувствовала тепло, не говоря уже о том, что он ясно дал понять, что считает мою гиковость милой. Он смеялся над моими шутками. Когда мы решили посмотреть телевизор, сказал, что выбор фильма будет за ним (достаточно сказать, что я не ошиблась насчет «Саутленда»). Он спросил, что означает «frak», и я объяснила, что на «Звездном крейсере Галлактика» так бы сказали слово на букву «б», отчего он расхохотался. Самое приятное во всем этом было то, что я имела возможность наблюдать за ним.

Чейз также показал мне, что он купил для мальчика. Нарезка из индейки и швейцарского сыра, которую он уложил в пластиковые контейнеры. Три бутылки энергетика

с разными вкусами. Две коробки хлопьев: Lucky Charms и Golden Grahams. Молоко. Мытый виноград в еще одном контейнере. Пакет мытой молодой морковки. Шесть видов шоколадных батончиков. Упаковка бумажных тарелок и глубоких мисок. Набор столовых приборов. И очень добротный швейцарский армейский нож. Покупки были продуманными и щедрыми, и когда мы закончили их осмотр, мне вновь запела Элла Мэй.

После этого мы направились к дивану, Чейз устроил нас так, чтобы мы сидели в обнимку (ням!), и он рассказал мне больше о своей маме. Безусловно, он ее любил. Он не солгал, сказав, что они близки, потому что из его слов было ясно, что она тоже его любит. Единственным омрачающим моментом вечера (хотя я не высказала своего мнения на этот счет, просто слушала и улыбалась) стало то, что казалось, будто она была психически неуравновешенной. Как ни странно, Чейз не придавал этому большого значения, и то, как он описывал ее поведение, делало это тревожно нормальным. С другой стороны, возможно, это и не странно, поскольку для Чейза, сколько он себя помнил, это являлось фактом жизни.

Но, должна признать, меня это беспокоило. Слишком строгий отец, бывший плохим образцом для подражания в детстве и тем более во взрослой жизни, которого он ненавидел, и мама, которая была не просто неуравновешенной и чувствительной, но, возможно, психически нездоровой, — все это звучало не очень хорошо.

У меня была дружная любящая семья. Папа — пример для подражания. Мама — наставница. Сестра — королевой драмы, но любящая. Брат — бунтарь, но также любящий. Я — застенчивая мечтательница и гик, но, надеялась, любящая.

Детство и взросление Чейза не укладывались у меня в голове. И огорчал тот факт, что у него не было ни братьев, ни сестер (как пояснил мне Чейз, его мама не могла больше родить, — очередной момент, до крайности расстраивающий ее). За Лизу и Джуда я бы отдала свою жизнь. Они испытывали ко мне те же чувства.

Но Чейза никто не поддерживал.

Чем больше я узнавала, тем больше выяснялось, что такого никогда с ним не происходило. Никто никогда не прикрывал его спину. Ни в детстве. Ни сейчас. Ни Мисти. И точно не его отец. Даже его любящая мама зависела от него. Она была настолько слаба, что ему не оставалось ничего другого, кроме как делать все возможное, даже в детстве, чтобы не обременять ее.

Эти мысли вылетели из головы, когда Чейз прервал наш разговор на диване и начал меня целовать. Это длилось не так долго, как мне бы хотелось, и не зашло дальше поцелуев. Это своего рода стало облегчением, потому что у меня возникло ощущение, что он подозревает о моей неопытности, но я не была уверена, что он понимает ее степень, и я не настолько возбудилась (пока), чтобы он это выяснил. Но, по правде говоря, это скорее разочаровывало, потому что, если серьезно, он хорошо целовался, и мне определенно это нравилось. Итак, когда он деликатно остановился и столь же деликатно объявил, что ему пора, я решила, что могла бы просто целоваться с ним вечно.

Его уход не вызывал облегчения, а лишь разочарование.

Я ничего не сказала, только кивнула.

Он встал, поднял меня с дивана и повел к двери. Надел куртку. Затем мы еще целовались у двери.

Это он тоже прекратил (слишком рано), чмокнул меня в нос так же мило, как и в библиотеке, и пробормотал:

— Позвоню тебе завтра.

— Хорошо, — выдохнула я.

Он улыбнулся.

Потом ушел.

У меня было четыре свидания. Опыт небольшой.

Тем не менее, я понимала, что это свидание прошло не просто очень хорошо.

Оно прошло великолепно.

Все потому, что было легко. Мы углубились в жизни друг друга. Но также просто и весело провели время. Он интересовался мной, без промедления демонстрировал это и желал узнать больше. Не возражал против моего интереса к нему, и, когда я осторожно выводила подробности, отвечал открыто и честно. Мы смеялись. Мы обнимались. Мы целовались.

А шоколадное мороженое с арахисовым маслом оказалось просто бомбой.

Лежа в постели, вспоминая о нашем свидании, я вздохнула.

Последнее, что он сделал прошлым вечером, это пообещал позвонить.

Первое, что он сделал сегодня утром, это сдержал свое обещание.

И лежа в постели, я улыбнулась.

Потом откинула одеяло и встала.

* * * * *

8:29 того же дня

Я подпрыгнула, когда дверца с пассажирской стороны распахнулась, но на этот раз не вскрикнула.

Потому что знала, когда поверну голову, я увижу Чейза.

И я его увидела.

Улыбнувшись ему, приняла трепет сердца, вызванный его ответной улыбкой, и увидела, что он был в том же образе, что и вчера. Но под его курткой был шерстяной свитер молочного цвета с круглым вырезом поверх гораздо более выцветшей джинсовой рубашки. На фоне загорелой кожи она смотрелась хорошо, поэтому я надеялась, что однажды увижу эту кожу полностью обнаженной.

Надо сказать, Чейз классно одевался. Всегда выглядел так, словно только что сошел со страниц рекламы пива, популярного у ковбоев, звезд родео и певцов кантри. Но с его походкой, тем, как он держался, с его невероятной мужественностью, высоким ростом, подтянутыми мускулами, заметными под одеждой, не одежда делала его мужчиной.

Даже и близко нет.

Все было наоборот.

Он протянул мне кофе, я его взяла, и пока рассматривала стаканчик, Чейз уселся рядом.

Солнышко или Шамблз расстарались. Бирюзовым, фиолетовым, ярко-розовым, мандариновым, салатovým и желтым маркером были нарисованы звезды и сердечки с толстыми завитками вокруг. Своего рода мини-произведение искусства на кофейном стаканчике.

— Фэй.

Я подняла голову от разглядывания стаканчика, и мое сердце вновь затрепетало, когда Чейз произнес мое имя тихим голосом.

В момент, когда я подняла голову, он обнял меня за шею сзади и притянул к себе.

Потом поцеловал.

По-новому.

У меня имелся очень ограниченный опыт в поцелуях. Фактически, поцелуи с Чейзом более чем вдвое превышали число поцелуев, которые у меня были за всю жизнь. Все они (то есть Чейза) мне нравились.

В том числе и этот.

Его губы накрыли мои, затем слегка приоткрылись, и я последовала его примеру. Его язык скользнул внутрь, не толчком, не вторжением, а ленивым движением.

Внутри меня все разомлело, кровь закипела, и я чуть не выронила стаканчик.

Чейз оторвался от моих губ, но отстранился всего на миллиметр.

— Доброе утро, — прошептал он, глядя на меня бездонными голубыми глазами.

— Доброе утро, Чейз, — прошептала я в ответ и увидела в его глазах улыбку.

Его рука медленно соскользнула с моей шеи, увлекая за собой мои волосы так, словно ему нравилось пропускать их сквозь пальцы.

Затем он откинулся на спинку сиденья, и его взгляд переместился на библиотеку.

Я судорожно вдохнула и сделала глоток кофе.

Снова ореховый латте. Вчера я не задумывалась об этом, но теперь пришло в голову, что он, должно быть, спросил Солнышко или Шамблза, что я обычно у них заказываю, и купил это для меня.

Как мило.

С этой мыслью я тоже перевела взгляд на библиотеку. На этот раз я подошла к делу с умом и припарковалась со стороны, противоположной библиотеке, примерно на дом дальше. А также не заглушила мотор. Но перед этим выставила припасы.

— Раз ты здесь, я так понимаю, его пока нет, — заметил Чейз, глядя на библиотеку, затем поднес стаканчик к губам и сделал глоток.

— Нет, — ответила я, наблюдая, как он пьет.

Не то чтобы я не замечала раньше. Очень даже замечала. Но теперь, когда почувствовала вкус этих губ и так близко сидела с ним в своем грузовике, и никакой драмы не происходило, меня поразило, как никогда раньше, насколько привлекательными были его губы. Нижняя полнее, с маленькими сексуальными складочками, верхняя — четко очерченная, с большим количеством складочек, — идеальная пара.

Меня также поразило, насколько квадратной и волевой была его челюсть, и что я ни разу не видела на ней щетины. Даже намек на нее.

Но, держу пари, Чейз бы хорошо смотрелся со щетиной.

С другой стороны, он будет хорошо смотреться в любом виде.

Еще больше меня поразили необычайно острые скулы. Такие острые, что щеки казались впалыми. Поскольку у него был идеальный, прямой нос, светлые волосы и голубые глаза, эта челюсть, эти губы, скулы и впадины придавали ему невероятно мужественный вид. Без них он выглядел бы милым мальчиком, живущим по соседству.

С ними он выглядел суровым полицейским из горного городка, который много чего повидал в жизни, и его мало чем можно было удивить, и он не терпел ни от кого дерьма.

Казалось странным, но в то же время сексуальным, что он хорошо одевался, ездил на

крутом внедорожнике, всегда был гладко выбрит, очевидно, заботился о своем теле, но все же его густые темно-русые волосы имели намек на неряшливую небрежность. Они были уложены естественным образом, что не предполагало использования специальных средств. Когда в ветреную погоду я видела Чейза на улице, пряди волос падали ему на лоб. Или когда мне доводилось видеть его на пробежке, всего в поту, его волосы липли ко лбу. Но обычно они выглядели красиво, опрятно и ухоженно.

Но некоторые локоны завивались у ушей и на мускулистой шее. Непослушные завитки загибались внутрь и наружу. Намек на дикость. Намек на неряшливость. Всего лишь намек на то, что ему нужно подстричься, но если бы спросили меня, я бы встала на колени и умоляла его не делать этого. Эти непослушные завитки наполняли меня желанием протянуть руку, подцепить один и потянуть.

Внутри меня все снова разомлело.

Чейз повернул голову ко мне.

— Плохие новости.

От его слов, которые вырвали меня из очень приятных мыслей, я моргнула.

— Что за плохие новости? — спросила я.

— На прошлых выходных мы с приятелем кое-что запланировали. Сегодня вечером иду к Деку смотреть игру. А значит, не смогу пригласить тебя на ужин.

Я не знала, что мы собирались на ужин. Тем не менее, эта новость оказалась довольно разочаровывающей, так как теперь я знала об ужине, который не состоится, так что это был огромный облом.

— Дек? — спросила я.

— Камеры? — почему-то переспросил Чейз.

— Э-э... — пробормотала я, не зная, как реагировать, и уголки его губ приподнялись.

— Это мой приятель, у которого я одолжил камеры. Он частный детектив, помимо всего прочего. Живет в Шантелле. Он помог мне установить их в пятницу вечером.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх.

— Помимо всего прочего?

— Вообще-то, он не частный детектив. Просто говорит так всем. То, кем он является, на самом деле, немного пугает. Я смотрю сквозь пальцы на его деятельность, ведь я — полицейский, и если бы я этого не делал, мне, вероятно, пришлось бы его арестовать. Мы близки еще со школы. Он вернулся сюда около двух лет назад. До этого, по его словам, он жил повсюду. Поскольку я думаю, что он не преувеличивает, а преуменьшает, полагаю, он жил повсюду и перепробовал все, кроме аудиенции у Папы.

Этот Дек казался интересной личностью.

Этого я не сказала, лишь пробормотала:

— О.

— Я бы отменил встречу, но в таком случае Дек может повести себя как засранец. К тому же, он не приглашает к себе парней, если только не собирается выложиться по полной. Его домашнее пиво охрененно классное. А мексиканские слоеные соусы и пирожные собственного приготовления, — еще лучше. Без шуток. Мужик ростом шесть футов четыре дюйма, двести двадцать фунтов мускулов, и он готовит соусы и пирожные. Устраивает пир горой. И с такими хлопотами, если я не покажусь, он меня взгреет. Так что, мне нужно пойти. Но я позвоню тебе перед тем, как ты ляжешь спать. Забронирую столик в «Петухе». Пойдем туда завтра вечером. Успеешь собраться к половине седьмого?

Нет, для ужина в «Петухе» я не успею собраться к половине седьмого.

Библиотека закрывалась в шесть. Выключить все не займет целую вечность, но я не выходила оттуда раньше четверти седьмого, как минимум. Это означало, что дома я оказывалась как раз в половине седьмого.

«Петух» был моим любимым рестораном на все века. Этот модный стейк-хаус располагался в горах, примерно в получасе езды. Пейзаж из него открывался потрясающий. Стейки таяли во рту. Цены были астрономическими, но вы бы, не моргнув, продали свою почку только за то, чтобы обмакнуть палец в их соус из трех перцев и облизать его начисто.

Я бывала там пять раз, все по особым случаям, и ни разу мне не подавали ничего, что я не посчитала бы лучшим, что когда-либо ела. Это о чем-то говорило, поскольку в Денвере имелось несколько великолепных заведений, и я частенько их посещала, живя там, когда училась в Денверском университете и приезжала для работы над магистерской степенью.

Кроме того, «Петух» был одним из немногих мест поблизости, куда можно принарядиться. Даже в Денвере джинсы были приемлемы практически везде и в некоторых кругах считались официальной одеждой, в зависимости от верха и обуви. Но в Денвере женщины и мужчины находили повод примерить на себя всю гамму великолепных нарядов.

В горах таких заведений было мало, и они располагались далеко друг от друга, а в нашем районе «Петух» был одним из немногих мест, где вас ждало наслаждение.

На своем первом свидании, точнее... на свидании с Чейзом, я хотела получить наслаждение.

Но я не могла пойти наслаждаться, если он явится на мой порог примерно через наносекунду после того, как я вернусь домой с работы.

Так что я никак не успела бы собраться к половине седьмого.

И все же я сказала:

— Да.

Чейз не ответил. Он изучал меня.

Затем еще раз продемонстрировал, что может читать мои мысли.

— Как насчет семи тридцати?

Это лучше.

— Да, — прошептала я с легкой улыбкой.

Он ухмыльнулся, отвел взгляд, поднес стаканчик к губам, но, прежде чем сделать глоток, сказал в крышку:

— С нетерпением жду зрелище, которое ты спланируешь, детка.

Моментально из каждой поры просочилась паника.

Мне нравилась моя одежда. Она была красивой. Хорошего качества. Я считала, что она мне подходит. У меня имелось несколько чудесных нарядов, когда я ездила в Денвер на встречу с друзьями или для особых семейных случаев, требующих небольших усилий. И когда я прилагала усилия, то не возражала против того, чтобы сделать заявление. Хотя, только незначительное.

Но у меня не было ничего, что можно было бы надеть на свидание в «Петухе», идя под руку со всей этой красотой, которую являл собой Чейз Китон.

Я быстро перебрала в уме варианты и на этот раз остановилась на Лекси.

Кристал даже зимой носила майки. Она могла бы накинуть сверху кардиган, если собиралась выйти на улицу, но даже в сильные холода, это были все усилия, которые она прилагала, чтобы укрыться и согреться.

Лорен всегда хорошо выглядела. Раньше она занимала руководящую должность, но с тех пор, как попала в Карнэл, стало ясно, что она приняла образ жизни байкерской малышки. Это отразилось и на ее гардеробе, по сравнению с огромным количеством других байкерских малышей, живших поблизости, она вносила в него здоровую дозу класса.

Но Лекси раньше работала закупщиком в универмаге. Она все время носила высокие каблуки, даже зимняя обувь у нее была на каблуках. Ее муж не был байкером, он работал механиком. Механиком, который владел «Доджем Вайпером» и жил в одном из шикарных домов на холмах в южной части. Не говоря уже о том, что в настоящее время они переезжали в огромный дом в еще более шикарном районе на восточных холмах. Я нечасто его видела, но рядом с Лекси он не выглядел так, будто мог сниматься в рекламе пива. Он выглядел так, будто мог украсить обложку журнала «GQ». Так что Лекси не поддерживала образ байкерской малышки или милой, уютной девушки с гор. Она всегда выглядела феноменально.

И из-за чрезвычайной ситуации я надеялась, что этим вечером она сможет пройтись со мной по торговому центру.

— Идет, — пробормотал Чейз, пока я мысленно строила планы с Лекси и отпивала латте.

При виде мальчика, крадущегося вокруг здания, мои глаза вспыхнули. Я сразу же заметила, даже с такого расстояния, что припухлость у глаза спала, синяки поблекли, но не исчезли, а порез на губе все еще заметно выделялся. Его сильно потрепали. Прошла неделя, а признаки все еще были на лицо.

Единственное, что заставило меня чувствовать себя лучше, так это то, что на нем была купленная мной куртка, а также шапка и новые джинсы. Но было морозно. Ему бы следовало надеть перчатки и шарф.

Я наблюдала, как он неторопливо оглядел стоянку, неожиданно устремив взгляд на то место, где я вчера парковалась, словно ожидал увидеть нас там.

Словно уже видел нас там вчера.

Странно. Очень странно. Так странно, что я скользнула к Чейзу. Наши плечи столкнулись, и, не отрывая взгляда от мальчика, он завел руку мне за спину и обнял за талию.

Я вытянула руку, и мои пальцы сомкнулись на его бедре.

Мы молча наблюдали, как мальчик подошел к пакетам, нагнулся к ним, но не стал в них копать. Просто схватил их и направился к задворкам библиотеки, завернул за угол и исчез.

— Засек нас, — пробормотал Чейз, и я повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Что?

Он чуть опустил голову, повернулся и посмотрел на меня, поразив своей близостью, но я не отодвинулась.

Ни на сантиметр.

— Он засек нас еще до того, как вчера забрал вещи, — объяснил он. — Предполагаю, сейчас он осмотрелся, не увидел нас на улице, поэтому ушел в ту же сторону, откуда пришел. А значит, вчера он сбил меня со следа. Он убежал со стороны фасада, обогнул его и направился в сторону города. На этот раз, думая, что нас здесь нет, он ушел сзади. Куда бы он ни исчезал, его путь начинается позади библиотеки.

— Эм... разве ты не собираешься сейчас отправиться за ним?

Он сжал мое бедро, я поняла намек, откинулась на свое сиденье, и Чейз задумчивым

видом посмотрел в окно и ответил:

— Нет. Хочу, чтобы он почувствовал себя в безопасности. Не хочу, чтобы считал это ловушкой. Те вещи, что он взял вчера, были ему нужны. Он знает, что может обогнать нас или сбить со следа. Он засек нас задолго до того, как вернул книги. Может, знал, что сможет уйти, не хотел тратить усилия на то, чтобы приходить откуда бы ни было, чтобы вернуть книги. Может, не считает нас угрозой. Хрен его знает. Но теперь, я думаю, мы должны держаться на расстоянии, продолжить оставлять все необходимое и надеяться, что он примет твое приглашение и ответит взаимностью. Напишет записку. Почувствует себя комфортно. Представится тебе. Может, подойдет к нам.

Звучало как хороший план.

Или, по крайней мере, звучало до тех пор, пока Чейз не прошипел: «Бл*ть», с гораздо большим чувством, чем говорил всего мгновение назад.

— Чейз? — прошептала я, но его глаза не отрывались от библиотеки.

— Вчера я видел, но сегодня разглядел яснее.

— Что?

Его глаза обратились ко мне, и у меня перехватило дыхание от гнева, который я прочитала в них. Меня ошеломило то, как его, казалось бы, нежный настрой мгновенно изменился.

— Его лицо, Фэй. А прошла целая неделя. — Он покачал головой, и его взгляд вернулся к библиотеке вместе с еще одним: — Бл*ть.

Я протянула руку и опустила ладонь на его колено, наклонилась к нему и шепнула:

— Чейз.

Он еще раз покачал головой, но сказал:

— Плохое питание, никаких лекарств, никакой воды для промывания, вероятно, он даже не знает, как это делается. Все это замедлит заживление, но это не значит, что этот ребенок не справится. Он чертовски справится. Девятилетка скитается в поисках еды, шныряет по мусоркам, а я на другой стороне гребаной улицы, и все, что могу сделать для него, это сидеть на заднице, смотреть и ждать.

Целые фразы из «Я подожду героя» обрушились на мой мозг.

Я сжала колено Чейза и тихо позвала:

— Милый.

Его голова мгновенно повернулась ко мне, но я была так сосредоточена на его гневе из-за мальчика, что не заметила выражения его лица.

— У него есть еда. Завтра я положу лекарство и напишу ему, как им пользоваться. Шампунь, мыло, мочалка, полотенце скажут ему о том, чтобы он нашел, где помыться. Убедительно попрошу его есть фрукты и овощи. Может, куплю витамины и попрошу принимать и их тоже. Мы позаботимся о нем, а потом найдем его.

— Я знаю, дорогая, что мы его найдем, и все будет хорошо. Но кого мне действительно не терпится найти, так это того, кто его избил.

Я сжала губы, потому что он сказал это так, будто хотел не только найти виновных.

Затем я разжала губы и тихо ответила:

— Я тоже хочу, чтобы ты их нашел.

Его взгляд скользнул по моему лицу, прежде чем вернуться к моим глазам, и он прошептал в ответ:

— Тогда я сделаю это.

Я улыбнулась ему.

Он наклонился и прикоснулся к моим губам.

К сожалению, он тут же отстранился и тихо сказал:

— Пора на работу.

— Да, — подтвердила я.

— Позвоню тебе перед сном.

Я снова улыбнулась и повторила:

— Да.

Его взгляд опустился к моим губам, и прежде чем посмотреть мне в глаза, Чейз на несколько дюймов подался вперед и прошептал:

— Я бы завладел этими губами, но тогда мы бы стали целоваться в твоей машине на улице. Городской красотке-библиотекарше такие разговоры ни к чему.

Это расстраивало.

Пока он не закончил:

— По крайней мере, пока.

Я снова улыбнулась.

Чейз наградил меня ответной улыбкой.

Потом ушел, а я загнала «Чероки» на стоянку, припарковалась и направилась в библиотеку.

* * * * *

21:55 того же вечера

Я лежала на спине на диване, поставив согнутые в коленях ноги на сиденье, зажженная свеча источала аромат яблока, я жевала жвачку, на столике рядом со мной стоял почти допитый бокал вина, принесенного Чейзом прошлым вечером.

В руке я держала Nook и читала (прим.: Nook — торговая марка устройств для чтения электронных книг и планшетных компьютеров компании Barnes & Noble).

К счастью, Лекси оказалась свободна. Ее подруга Венди не работала сегодня в «У Баббы», поэтому пошла с нами в торговый центр. Они были не только свободны, но и вне себя от радости, что мы идем в торговый центр, потому что я встречаюсь с Чейзом. Лекси особенно. Она пришла в восторг и была не прочь показать это.

Это было приятно.

А также давало надежду.

Мне нравилась моя одежда, но все же я не была заядлым покупателем. К счастью, я знала, что мне нравится, и где это достать, поэтому мой опыт покупок был таким же ограниченным, как и моя жизнь (то есть, таким же ограниченным, как и пару недель назад).

Лекси и Венди открыли для меня в торговом центре целый мир.

Вот почему я вернулась не только с нарядом, который даже мне показался чертовски привлекательным для свидания с Чейзом, но еще и с четырьмя пакетами с одеждой, обувью и (это ввело меня в краску, но не значило, что я не надеялась, что, в конце концов, они

пригодятся) сексуальным нижним бельем и ночными рубашками.

Мы с девочками прекрасно провели время. Я и не знала, что шопинг может быть таким офигенным. Но с этими двумя, это было абсолютно так.

Теперь я расслаблялась дома, пыталась читать и в то же время задавалась вопросом: любит ли Чейз собак и/или кошек. Поскольку Холли не возражала против домашних животных, я уже несколько месяцев думала о том, чтобы завести того или другого. Во время этих размышлений зазвонил мой телефон.

И снова звонил домашний, так что я повернулась на диване, сняла трубку с зарядного устройства и поднесла к уху.

— Алло?

— Привет, детка.

Я выпрямила ноги на диване, почувствовала, как веки прикрылись, и облизала губы.

Да, все это из-за приветствия.

— Привет, Чейз, — прошептала я. — Веселишься?

— Это игра, милая, а не парад.

От его слов и тона я склонила голову набок, спросив:

— Ничего веселого?

— Нет, когда моя команда проигрывает.

— О, — пробормотала я, а затем спросила, — какая твоя команда?

Он заколебался, и на заднем плане я отчетливо услышала звуки игры, шедшей по телевизору, а затем ответил:

— «Наггетс», Фэй.

Ну, конечно.

— Баскетбол, — пробормотала я.

— Ага, милая. Футбольный сезон завершился в январе.

— Что-то я об этом слышала, — все также бормотала я в ответ.

Ворчливость из-за проигрыша его команды исчезла, и я услышала смешок.

— Вы могли бы посмотреть игру «Эвеланш», — предложила я.

— Скоро. Игра на западном побережье. Пока жуем закуски Дека.

— О, — прошептала я, — ваша мужская вечеринка затянется.

— Дек не зовет на пиво, закуски и пирожные, если нет серьезной игры.

Я была полностью солидарна с Деком. Все эти усилия должны быть на что-то направлены.

— Дек кажется очень интересным, — заметила я.

— Да, и каждая женщина из плоти и крови думает так же.

У меня вырвался коротенький смешок, и я спросила:

— Почему?

— Внимание, которое он получает, означает, что он либо красавчик, либо у него есть скрытая, но очень успешная способность гипнотизировать женщин, хотя применяет он ее для неблагоприятных целей.

— Ах, — ответил я сквозь улыбку, — подводя итог: он сексуальный.

— Не могу судить, но я детектив, поэтому улики говорят о том, что так оно и есть.

Я тихо рассмеялась и знала, что Чейз слушал, потому что больше ничего не сказал, пока я не закончила.

— Готовишься ко сну?

Я моргнула и посмотрела на причудливые часы на кирпичной стене, которые отыскала в миленьком магазинчике в Гленвуд-Спрингс, когда спросил:

— Ко сну?

— Ко сну, — повторил Чейз.

— Еще только десять.

— Когда ты ложишься спать?

— Не знаю, в полночь?

Наступила тишина.

— Эм, а когда ты ложишься спать? — поинтересовалась я.

— Если нет пива и домашних пирожных, то в десять.

— Рано ложишься, рано встаешь, — прошептала я.

— Поздно ложишься, утром ленишься, — прошептал он в ответ.

— Я не ленюсь, — продолжила я шепотом.

— Детка, дай мне это. Мысль о тебе, лениво нежащейся в постели утром, невероятно хороша.

Это вызвало дрожь во всем теле и быструю мысленную инвентаризацию моего ящика для всяких мелочей, чтобы вспомнить, есть ли у меня новые батарейки для вибратора.

— Не уверена, что это справедливо. — Да все также шепотом. — Ты у Дека с пивом и пирожными, а я здесь, а ты милый и хм... все прочее.

— Все прочее? — подразнил он.

— Да, все прочее, — нежно ответила я.

— Чтоб меня, — пробормотал он, продолжая странно бормотать: — Милая. Сексуальная.

— Что?

— Ничего, дорогая. Это хреново, но мне пора. Парни уставились на меня, а значит, подслушивают. А значит, вывалят на меня кучу дерьмовых шуточек, поэтому я, вероятно, не должен давать им больше причин для этого.

Я не знала, правильно ли показывать то, как сильно не хочу его отпускать.

Но мне было все равно.

Вот почему я предложила:

— Ты мог бы перейти в другую комнату.

— Ага, еще немного твоего милого голоса, и скоро другой комнатой, в которую я перейду, будет твоя однокомнатная квартира. Судя по ухмылкам, которые я сейчас вижу, дерьмовые шуточки мне уже обеспечены, так что я отпущу тебя.

— Хорошо, — сказала я тихо.

— Приятных снов, когда отправишься в постель через три-четыре часа.

Он снова дразнил.

Боже, мне это нравилось.

Настолько сильно, что я тихонько засмеялась, а потом ответила:

— Тебе тоже приятных снов, Чейз, когда ваша мужская вечеринка закончится, и ты вернешься домой.

— Обязательно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милый.

— Чтоб меня, — прошептал он, и это было неожиданностью, поэтому я в недоумении спросила:

- Что?
- Ничего, детка. Поговорим завтра.
- До завтра, Чейз.
- Доброй ночи, дорогая.
- Спокойной ночи, Чейз.

Он положил трубку, и я отключила телефон. Затем поднесла его к губам и улыбнулась. Широко.

* * * * *

6:14 следующего утра

Зазвонил домашний телефон.

Я очнулась ото сна, взглянула на часы и сонно улыбнулась.

Затем взяла трубку.

— Ло, — прошептала я.

— Детка, — прошептал в ответ Чейз.

Я глубже зарылась в одеяло, хотя от его голоса по телу разлилось приятное тепло.

— Привет, милый, — нежно отозвалась я. — Ты нормально добрался домой или сейчас далеко в горах, восстанавливаешься после церемонии ритуального убийства медведя, сплочающей мужчин?

Я услышала хриплый, сонный, сексуальный смешок, от которого стало еще теплее и приятнее, а затем:

— Я нормально добрался домой.

— Хорошо, — пробормотала я.

— Хорошо спала?

— Мм-м-м, — промычала я.

Тишина.

Я ждала.

По-прежнему, ничего.

— Чейз?

— Я здесь.

— Ты замолчал, — сказала я ему то, что он и так знал.

— Ты кажешься полусонной.

— Нет, — как бы солгала я.

— Может, и нет, милая, но ты так звучишь.

— О.

— Я отпущу тебя, но сначала скажи, позаботилась ли ты о нашем парнишке.

— Все хорошо, — мягко успокоила я. — Бутылочка ибупрофена, детские поливитамины и неоспорин. Другие вещи, о которых я тебе говорила вчера. Еще немного еды, чтобы у него имелся запас. Еще одна записка с объяснением, как использовать мазь и обработать рану, если ему удастся.

— Тебе не нужно, чтобы я еще за чем-нибудь съездил в магазин?

— Нет, милый.

— Хорошо, детка. А теперь засыпай.

— Чейз?

— Ага?

— В записке я немного рассказала ему о тебе. Просто кто ты, что ты классный, ему не о чем беспокоиться, и ты помогаешь мне присматривать за ним. Это нормально?

— Да, Фэй. Это нормально. Спи дальше.

Я не хотела спать. Я хотела говорить с ним, пока Земля не начнет вращаться вокруг Луны.

Этого я ему не сказала.

Я ответила:

— Ладно.

— Увидимся позже, дорогая.

— До скорого, Чейз.

Он повесил трубку.

Я отключила телефон.

Не думала, что смогу снова заснуть.

Но я заснула.

* * * * *

8:32 того же утра

Мои глаза не отрывались от ящика для возврата книг, кофе для Чейза стоял на приборной панели, свой я держала в руке, моя машина припаркована на улице, я ждала мальчика и Чейза.

Я написала ему, что угощаю его кофе. Он ответил, написав свой заказ и, что вернет мне деньги, когда доберется до «Чероки». Я ответила вопросом: знает ли он, что означает «угощение». Он ответил: «Детка, я отдам тебе деньги, когда доберусь до твоего внедорожника».

Это были просто слова на экране телефона, но я все равно слышала его тон.

Мое ответное сообщение: «О, ладно».

Я ожидала, что это конец, но получила одно слово.

«Милая».

Боже, Чейз Китон был чертовски классным.

Мой мобильный зазвонил. Я вытащила его из сумочки и увидела на экране: «Чейз».

Почувствовав легкую дрожь, я ответила на звонок.

— Привет.

— Привет, милая. Плохие новости. Получил вызов. Сегодня не смогу дежурить с тобой в засаде.

Облом всех обломов.

— Ладно, — ответила я.

— Буду у тебя в семь тридцать.

— Семь тридцать означает, что наш столик забронирован на восемь?

— На восемь пятнадцать, на случай пробок или непогоды.

— Значит ли это, что на обратном пути ты превратишься в тыкву, учитывая, что мы, вероятно, вернемся домой после твоего обычного времени, когда ты ложишься спать?

Тишина, затем:

— Теперь она умничает, и это все равно чертовски мило.

Я улыбнулась.

Появился мальчик.

— О, боже! — приглушенно воскликнула я. — Он вернулся.

— Как он выглядит?

Я изучала его, пока он осторожно шел к ящику.

— На нем моя куртка, новые джинсы. Шапка. Ему бы стоило надеть перчатки и шарф, которые я ему купила. Холодно. Я включу это в свою следующую записку. — Затем тихо: — Губа все еще в ужасном состоянии.

— Он использует неоспорин, это поможет.

— Ага.

Я слушала дыхание Чейза, глядя, как мальчик добирается до сумок.

— Он их взял? — спросил Чейз.

— Идет за ними сейчас.

— Хорошо, — пробормотал он, — мне пора. Увидимся вечером.

— До вечера, Чейз.

— Пока, милая.

Связь прервалась.

Я смотрела, как мальчик уходит с сумками.

Я дала ему время, убрала кофе Чейза (латте, крепкий) и поехала на стоянку.

Взяв кофе Чейза с собой в библиотеку, я выпила его после своего. Это означало, что все утро я летала как заведенная.

Или мое волнение могло быть вызвано свиданием с Чейзом этим вечером.

Да, какая разница.

Мне казалось, будто я танцую по воздуху.

* * * * *

19:30 того же вечера

— Frak, frak, frickity frak, frak, frak, — бормотала я, глядя на себя в зеркало в полный рост на внутренней стороне дверцы шкафа.

Это была не я.

Я выглядела сексуально.

Но это была не я.

На мне было оливковое платье-свитер, цвет, который, по словам Лекси, отлично подойдет к оттенку моей кожи, и она не ошиблась.

Платье было потрясающим. Облегающее (очень), длиной чуть выше колена, с глубоким,

широким V-образный вырезом, обнажавшим грудь и ключицы, но давая лишь намек на декольте. Рукава доходили до самого запястья. А вертикальные детали вязанного узора были сенсационными. Они делали меня выше, в то же время подчеркивая все изгибы. Вокруг талии их шло больше, что еще сильнее акцентировало внимание на моей фигуре в форме песочных часов.

В приступе идиотизма я решила почерпнуть идеи причесок с распущенными волосами в интернете. Вернувшись домой, я придала им легкий объем, сбрызнула лаком, начесала на макушке и убрала со лба, закрепив невидимками темно-коричневого цвета. Но объем придавал мне ауру сексуального котенка, что даже я должна признать, выглядело очень красиво.

Я нанесла более яркий макияж, чем обычно, немного темнее, с акцентом на зелень, но не переусердствовала, потому что никогда не чувствовала себя комфортно с тонной шпакатурки на лице. Но в комбинации с прической и платьем эффект оказался поразительный.

Все это я дополнила крупными серебряными серьгами-кольцами и серебряным ожерельем в пять рядов с зелеными, коричневыми, фиолетовыми и темно-синими бусинами, маленькими серебряными шариками с короткими серебряными шипами.

Все это была не я. И в то же время — я, просто не в своем обычном стиле.

Образ заврешали сапоги. Темно-коричневая, лакированная кожа с острым носком, четырехдюймовой шпилькой и очень тонким ремешок вокруг лодыжки с крошечной пряжкой сбоку, которая делала мою лодыжку изящной и придавала стильный рок-н-ролльный образ.

Они не были горячими. Они обжигали.

Весь наряд придавал мне дико сексуальный вид.

И заставлял чувствовать себя сексуально.

Мне это очень понравилось, и в то же время напугало намного больше.

Потому что мне было интересно, что подумает об этом Чейз.

И я надеялась, черт возьми, что ему понравится.

В дверь постучали, и я вздрогнула.

О, боже, он здесь.

Frak.

Я закрыла дверцу шкафа и заперла ее на маленькую защелку, глубоко вдохнула и направилась к двери, запоздало подумав, что надо было выпить бокал (или два) вина, пока я собиралась.

Я сняла цепочку, отперла замок и открыла дверь.

Чейз был одет в приталенную рубашку из толстой джинсовой ткани с западной строчкой, которая выглядела так, будто когда-то была черной, но после года в неблагоприятных погодных условиях, и того, как в ней проехали тысячи миль, теперь она вылиняла до просто темно-серой. Очевидно, это выглядело нереально круто, как девностолетний ковбой, который все еще мог заарканить быка с лошади, какой и должна быть вся офигенная одежда.

Поверх нее Чейз накинул добротную шерстяную спортивную куртку черного цвета. Темно-синие джинсы. Черные ковбойские сапоги и черный тисненый кожаный ремень с серебряной пряжкой с изящным изображением черепа быка.

У меня потекли слюнки, и мне пришлось схватиться за край двери, чтобы устоять,

потому что мои ноги начали дрожать.

Я подняла взгляд к его лицу и прошептала:

— Привет.

При звуке моего голоса его глаза, направленные вниз, в область моей груди/живота, метнулись вверх.

Затем, в одну секунду я стояла в двери, а в следующую была прижата к ней спиной, Чейз — на мне, одной рукой он обнимал меня за талию, другой зарылся мне в волосы, обхватив затылок, а его язык шнырял у меня во рту.

Это был совершенно другой вид поцелуя.

Я думала, тот, в библиотеке, был глубоким, основательным и горячим.

Ничего подобного. И сейчас я это ясно поняла.

Не только по восхитительному движению его языка. Но и по тому, как мы наклоняли туда-сюда наши головы. Волосы (только мои) были стиснуты в сексуальной хватке, которая тянула их грубо, но нежно и так жарко, что я почувствовала, как местечко между ногами увлажнилось. Руки бродили повсюду (три: одна — Чейза, две — мои под его спортивной курткой).

Поцелуй был диким. Необузданным. Грубым. Влажным. Интенсивным. Огненным. Основательным. Изысканным. Учащающим сердцебиение. Повышающим кровяное давление. Душераздирающим. Меняющим жизнь.

Соблазнительным.

Когда Чейз оторвался от моего рта, я действительно почувствовала, что для этого ему потребовалось огромное усилие. Он крепко держал меня за талию. Другой рукой сжимал мои волосы. Моя ладонь прижималась к мышцам его широкой груди. Другая моя рука обвилась вокруг его спины, стиснув в кулаке его рубашку. Наше затрудненное, учащенное дыхание смешивалось у наших губ.

Я медленно приподняла веки и при взгляде в его глаза, еще один поток влаги хлынул между ног, и мой кулак на его рубашке сжался.

Уничтоженная поцелуем, несчастная из-за того, что он закончился, я бездумно и по-идиотски задала первый вопрос, который пришел мне в голову.

— Тебе нравится мое платье?

Голова Чейза дернулась, он моргнул. Когда черты его лица вернулись к исходному выражению, он посмотрел на меня за полсекунды до того, как отпустить мои волосы, другой рукой скользнуть вверх по моей спине, и очень крепко обнять обеими руками. Он наклонил голову, уткнулся лицом мне в шею и расхохотался.

Я решила принять это за «да».

* * * * *

23:17 той же ночью

— Детка, мне пора, — прошептал Чейз мне в губы.

Мы целовались, стоя у моей двери. Мы вернулись минут десять назад. На мне все еще было пальто, а на Чейзе его куртка. Когда мы вошли, он закрыл дверь, но тут же притянул

меня к себе.

Ужин прошел великолепно (не удивительно). Разговор был легким. Мы часто улыбались. И смеялись.

В машине по дороге туда и обратно я обнаружила, что Чейз слушал кантри (тоже не удивительно), и музыка была хорошей.

Теперь вечер закончился.

И я очень-очень этого не хотела.

Тем не менее, прошептала в ответ:

— Ладно.

Чейз не шевельнулся, даже его губы, которые все еще были на расстоянии дыхания от моих.

— Позвоню завтра пожелать доброго утра.

Чудненько!

— Хорошо.

— Моя очередь заботится о нашем пареньке, но у меня не было времени на покупки.

— Ничего. В обеденный перерыв я купила ему еще несколько книг и комиксов, фонарик, батарейки, зубную щетку, зубную пасту, несколько пачек жевательной резинки, еще воды и еще шоколадных батончиков. Я также написала записку и добавила блокнот и ручки, чтобы он мог ответить.

Я почувствовала на губах улыбку Чейза и в то же время увидела ее в его глазах.

— На мне выходные, — предложил он.

— Хорошо, — согласилась я.

— Мы завоюем его, Фэй.

— Ага, — прошептала я.

— Хочу снова твои губы, детка, прежде чем уйду. На этот раз нежно, — прошептал он в ответ.

— Хорошо, — выдохнула я, встала на цыпочки и нежно прикоснулась губами к его губам, надеясь, что делаю все правильно.

Потом отодвинулась.

Нежность в его глазах сказала мне, что все сделано правильно, отчего я почувствовала себя королевой мира.

Чейз чмокнул меня в нос, сжал в объятиях, а затем отпустил.

Он повернулся к двери, открыл ее и уже выходил, когда я сказала:

— Вечер был очень хорошим, милый, спасибо.

Он снова повернулся ко мне, его прекрасные голубые глаза встретились с моими, а лицо приняло серьезное выражение.

— Нет, Фэй, не хорошим, — ответил он, и мое сердце сжалось. Затем он тихо закончил: — Вечер был охрененно великолепным.

При этом мое сердце перевернулось.

Чейз закрыл дверь.

Я стояла и пялилась на нее.

Затаив дыхание.

После этого закружилась и вприпрыжку протанцевала к своей кровати, плюхнулась на нее и улыбнулась в потолок.

Широко.

Глава 7

Сливки со вкусом лесного ореха

— Ло, милый.

Как и всегда, начиная с самого первого утра, уже твердеющий член Чейза дернулся, услышав милый, сонный, хриплый голос Фэй, отвечающий на звонок.

— Доброе утро, детка, — ответил он.

— Поймал плохих парней прошлым вечером?

Было утро субботы, спустя неделю и два дня после их свидания в «Петухе». Их ужин в итальянском ресторане в городе накануне вечером был прерван, когда Чейзу позвонили с сообщением об ограблении дома.

Их с Фэй телефонные разговоры по утрам длились уже полторы недели, она была милой, сонной, невинно сексуальной и часто забавной. Полторы недели кофе и слезки за тем, как паренек забирает пакеты с едой, водой, книгами и другими вещами, которые Фэй или Чейз сочли нужными туда положить. Полторы недели совместных ужинов каждый вечер, когда они выходили куда-нибудь или Фэй готовила у себя дома.

Чейз не удивился ее изящному кулинарному таланту, но это не значило, что он не был рад узнать о нем, как и о том, как она одевалась, ухаживала, содержала и украшала свой дом.

Она готовила вкусную домашнюю кухню без излишеств.

Но все блюда были исключительными.

Они ужинали каждый вечер, кроме четырех раз. Первый, когда она пошла на заранее запланированный ужин с мамой и папой. Три остальных, когда она ходила в спортзал и тренировалась.

В один из вечеров ему тоже пришлось работать допоздна, поэтому они пересеклись за выпивкой в «У Баббы», куда Фэй никогда не заходила, но была встречена, как своя, Кристал и гребаной Твайлой, официанткой, внушавшей страх Божий в большинство мужчин, хотя с Фэй вела себя так, будто была ей лучшей подругой. Чейз удивился этому, но усмехнулся, увидев, что Фэй еще больше поражена поведением Твайлы. Затем, как это обычно бывало с Фэй, она прониклась к Твайле теплотой, и к концу их пребывания в баре, они с Твайлой уже болтали, как давно разлученные сестры. После он проводил ее до дома, целовался с ней у двери и оставил примерно на восемь часов, чего ему очень не хотелось.

Два из этих вечеров он уходил от нее раньше. Он поступал так не ради нее, а ради себя, чтобы остыть.

Слишком многое в ней подталкивало его к тому, чтобы заставить Фэй двигаться слишком быстро.

Она была как наркотик, и по мере того, как тянулись дни и, особенно, ночи, Фэй становилось все комфортнее с ним, в его объятиях, с его языком во рту, его руками на ней и ее руках на нем, она очень ясно показывала, что готова исследовать. Она набиралась опыта, пробовала разные вещи, становилась более уверенной и возбужденной. Последнее она также ясно показывала. Она хотела большего, и то, как она сообщала об этом, было феноменально. Настолько феноменально, что ему приходилось тормозить себя, чтобы не потерять контроль.

До и с Мисти Чейз вел активную сексуальную жизнь с самыми разными партнершами. Он не был игроком. Всегда был прямолинеен с женщинами в своей жизни, и многие из них

так и оставались лишь женщинами в его жизни. До Мисти он встречался, у него были отношения, он работал над ними, если считал, что они того стоят, но ни одно из них не казалось правильным.

В основном это было связано с тем, что в первый раз, когда Фэй привлекла его внимание, она сделала это с размахом, который он не мог игнорировать. Пока Чейз не увидел Фэй, он не знал, какую женщину искал, но один лишь взгляд на эти каштановые волосы, кристально-голубые глаза, на изгибы, которые она не скрывала, но и не выставляла напоказ, на ее пугливое поведение, застенчивость, улыбку и мечтательное выражение лица, — все это произвело на Чейза неизгладимое впечатление, от которого он не мог избавиться.

Но он не устал наслаждаться разнообразием, и в то время Фэй была очень молода, явно неопытна и требовала времени и заботы, которые, как он предполагал, привели бы к обязательствам, поэтому он воздерживался приближаться к ней.

Слишком долго.

Но Чейз надеялся, что не слишком поздно.

С Мисти возможное продолжение отношений по понятным причинам было под запретом, и хотя у него были женщины, которые пускали его в свою постель, они знали, что на этом все заканчивалось. Его это устраивало, их тоже, но они сохраняли дистанцию, понимая, что будущего нет.

До и с Мисти все это было обычным делом.

По иронии судьбы, после Мисти у него было всего две женщины. С одной он встречался и трахался месяц, а потом порвал с ней. Он сделал это, потому что она совершенно ясно дала понять, что надеется на большее, а Чейз не был в состоянии дать ей это. Подспудное отчаяние, которое он чувствовал от нее, напоминало ему его мертвую жену. Это не было расчетливостью, как у Мисти, просто отчаянием, и оно никак не исчезало, в конце концов, оттолкнув Чейза. С другой он время от времени встречался еще при Мисти, она впускала его в свою дверь и постель каждый раз, когда он звонил. Это было эпизодически. Без всяких обязательств. Не часто. Но на регулярной основе.

В последний раз он звонил ей за три недели до того, как увидел Фэй в Харкерс-Вуд.

Это означало, что Чейз обходился без женщины уже шесть недель.

Это был рекорд.

Это также влекло за собой тщательно контролируемые ласки, которыми он положил начало пыткам Фэй. Изысканным пыткам, но, тем не менее, пыткам.

Их утренние телефонные звонки, которые ему чертовски нравились, тоже были формой изысканной пытки.

Когда разговор завершался, Чейз, к счастью, уже лежал в постели и мог что-то с этим сделать.

Так он всегда и поступал.

Сегодня не было исключением.

Но сегодня их ждала ночь.

Сегодня вечером, после работы, Фэй впервые придет к нему домой, и Чейз приготовит ей ужин.

Она не уйдет до понедельника.

Она этого еще не знала, и он не собирался пугать ее, сказав захватить с собой зубную щетку и запасные трусики.

Завтра утром он оставит ее в своей постели и съездит за всем необходимым.

— Да, — ответил он на ее вопрос.

Тишина, а затем:

— Что?

— Я их поймал.

Снова тишина, затем:

— Уже?

— Ленни Лемкок пытается держать себя в руках, — начал объяснять Чейз. — Но также часто терпит неудачу. В такие моменты ему нужно выпить так, чтобы месяц ничего не помнить. На это требуются деньги. А поскольку он безработный и живет на пособие по инвалидности, ему приходится воровать. Оглядев дом, я понял, что это Ленни, поскольку его отличительный подчerk — оставить после себя бардак. И отпечатки. Мне даже не пришлось их снимать, чтобы понять, что это он. Он зависает в семи разных заведениях. Я нашел его в четвертом в хлам пьяным. Сейчас он за решеткой и, к несчастью для Ленни, поскольку речь идет о его седьмом приводе, и, хотя он забавный парень и может очаровать змею, что неоднократно доказывал, очаровывая различных судей, в последний раз, когда он попался, ему вынесли предупреждение. Больше никаких вторых шансов. Ему пи*дец. Он просохнет, отсидит срок, и количество обращений из-за краж резко упадет.

— Ты знаешь все обо всех в городе? — спросила она тихо, еще сонная и с оттенком милого удивления в голосе.

— Только тех, кто чудит.

— И Изгоя Эла, — добавила она.

— Эл живет на мясных консервах и фасоли. Его резиденция — навес в переулке. Его лучшие друзья — двадцать пять диких кошек, ни с одним из которых человек в здравом уме связываться не захочет, и он может уместить все свои пожитки в магазинной тележке. Всё это е*анутое дерьмо. Только оно не досаждает.

Чейз услышал ее тихий, музыкальный смех и, как всегда, наслаждался им.

Когда смех стих, он мягко приказал:

— Ладно, детка, тебе пора снова засыпать.

— Хорошо, милый.

Он закрыл глаза, пропуская ее слова сквозь себя.

Он любил, когда она называла его Чейз.

Но когда она называла его «милый», — это было чем-то другим. Чем-то чистым. Чем-то волшебным. Как выпавший ночью первый снег. Вы просыпаетесь под него, варите кофе, закутываетесь в куртку и шарф поверх пижамы, натягиваете шерстяные носки и сидите снаружи на крыльце, пьете кофе, от которого вам становится тепло, наблюдая, как ваше дыхание вырывается клубами пара, воздух вокруг чистый, и вы с легкостью вдыхаете эту чистоту.

Это было маленькое обычное чудо, но даже это не делало его менее чудесным.

В первый раз, когда она назвала его «милый», Чейзу показалось, что его коснулся ангел, и с тех пор он не переставал чувствовать это каждый раз, слыша от нее это слово.

Он открыл глаза и спросил:

— Ты знаешь дорогу ко мне?

— Да, — мягко ответила она, и это он тоже пропустил сквозь себя. — Думаю, я приеду без четверти семь.

— Хорошо, милая.

— Уверен, что я ничего не могу привезти?

— Только себя.

— Хорошо, Чейз.

Это он тоже всегда пропускал сквозь себя.

— Спи дальше.

— Хорошо.

— До скорого, детка.

— Пока, Чейз.

Он отключился, бросил мобильник на тумбочку и перекатился на спину, уставившись в потолок.

Мисти спала в хозяйской спальне.

Чейз спал в комнате для гостей.

Через месяц после ее смерти он выкинул старую кровать, в которой она спала, и купил новую. Опробировал матрас, который был похож на сон на твердом облаке. Впечатляюще.

Сегодня вечером Фэй будет с ним в этой постели, ее волосы, ее запах, ее тело, ее кристально-голубые глаза — всё на соседней подушке.

Чистая постель, незапятнанная грязью, которой когда-то была его жизнь.

Его постель.

Он засунул одну руку за голову, одновременно приподняв колени и обхватив другой рукой член.

Затем закрыл глаза и пробежался по одному из многих сценариев, которые разыграет с Фэй в ближайшие месяцы. В этом было много Фэй, использующей свой рот. Он не торопился. Сначала действовал медленно, потом жестче и быстрее.

В итоге, сильно кончил.

* * * * *

Три часа спустя, подрочив с мыслями о Фэй, приготовив кофе, завтрак и вернувшись с пробежки, Чейз, приняв душ, и в джинсах, темно-синей саржевой рубашке, теплом шерстяном свитере цвета деним и толстых шерстяных носках, сидел в кресле-качалке на парадном крыльце. Устремив взгляд на равнину, в руке он держал кружку с горячим кофе, а ноги закинул на перила.

Чейз жил в юго-западной части Карнэла в доме в стиле ранчо с четырьмя спальнями. Ему принадлежало пятнадцать акров, и ни один из его соседей не имел меньших владений, чем в три раза больше. Поэтому со своего крыльца он не мог видеть ни одного соседнего дома. Только долину, на которой они жили, деревья, усеивающие равнины и скрывающие дома, холмы, окружающие местность, горы за ними и вдалеке городок Карнэл.

Карнэл казался дальше, чем располагался на самом деле. На равнине он выглядел маленьким, но был всего в десяти минутах езды.

Родители матери Чейза учредили для него трастовый фонд, к которому он мог получить доступ по достижении двадцати пяти лет. Часть их он потратил на внесение солидного первоначального взноса за этот дом и землю, чтобы остатки ипотеки он мог погашать из

своей зарплаты полицейского. Гостиная, столовая, общая комната, огромная кухня, винная кладовая, встроенная кладовая на кухне, две ванны и санузел, кабинет и четыре спальни, причем одна из ванных комнат находилась в хозяйской спальне вместе с большой гардеробной. Старомодное переднее крыльцо, большая квадратная терраса сзади и массивный гараж на две машины, в котором легко могли поместиться два внедорожника, два снегохода и квадроцикл.

Остальные деньги Чейз не трогал.

Поскольку он решил, что у него будет трое детей. В основном потому, что у него никогда не было ни брата, ни сестры, а ему бы их хотелось, а еще лучше, как у Фэй, иметь обоих. В отсутствии близких, он решил, что какого бы пола ни родились у него дети, они не будут единственными, и будут жить в доме, полном людей, шума и любви. Поэтому остальные деньги он отложил на их обучение. Ему было все равно, захотят ли они поступить в профессиональное училище, стать косметологами или сантехниками, поступить в Гарвард или Стэнфорд и стать врачами или юристами. Что бы это ни было, им бы не пришлось беспокоиться о том, как заплатить за свое обучение.

Он поступил так, потому что его отец отказался оплачивать образование Чейза, потому что Чейз выбрал не бизнес-курсы, а юриспруденцию и политологию, чтобы стать полицейским, а не адвокатом. В своей обычной манере Трейн Китон пытался манипулировать деньгами. Чейз просто выигрывал гранты, брал кредиты, подрабатывал во время занятий и летом, оплачивая собственными гребанными деньгами посещение любых курсов, которые выбрал.

Жаловаться было бесполезно, и чтобы получить желаемое, он должен был действовать. Но было нелегко. Он помнил, как занимался по ночам, усталость на лекциях и то, как после них тащился на работу, и как выплатил последний студенческий кредит пять лет назад. Своего ребенка он такому подвергать не собирался.

Кроме того, в те времена, когда ему приходилось беспокоиться об этом дерьме, он не собирался жениться на молоденькой дебютантке или светской львице, чьи папочки могли бы потратить на свадьбу целое состояние. Он хотел жениться на той, в которую влюбится, и кем бы она ни была, устроить ей свадьбу мечты, даже если для этого Чейзу придется залезть в свой трастовый фонд. Так что отложенные деньги он планировал пустить и на это тоже.

Наконец, дом у него был просто фантастическим. Большие комнаты. Много окон. Много мест внутри и снаружи, где можно провести время. Сказочный вид. Он купил его старым, поэтому обновил все ванны, кухню и полы. Его мама хотела его обставить, поэтому он позволил ей, но был рядом, чтобы направлять ее руку. Шопинг его не пугал, хоть он и не был его фанатом, но его мама любила совершать покупки, и ей нравилось быть с сыном, а ему нравилось быть с ней, так что они могли делать это вместе. Чейз не сказал бы, что горел желанием все обустроить, но все получилось хорошо.

Тем не менее, женщине, которая поселится в его доме, Чейз предложит устроить все по ее вкусу. Если она пожелает новую современную кухню, трастовый фонд покроет расходы. Если захочет пристроить комнату для рукоделия или какой еще хрени (в случае Фэй, место, где она могла бы спокойно читать), он воспользовался бы фондом, чтобы дать ей это. Что бы это ни было, она это получит, и он отложил деньги для этой цели, как и для двух других.

Дом, семья, жена, у которой будет все, что она пожелает.

Это все, о чем Чейз когда-либо мечтал. И его почившие бабушка и дедушка были бы чертовски довольны тем, на что он использовал деньги, которые они ему оставили.

Когда Мисти жила в этом доме, она оставила на нем свой отпечаток. Сделать, как она говорила, «его дом своим» — было еще одной попыткой завоевать Чейза. Наряду со всеми другими ее попытками, эта имела неприятные последствия.

Она не работала, когда они были женаты, но Чейз не давал ей денег, чтобы содержать себя. Деньги, что она имела, были добыты из мерзких источников. Грязные деньги.

Ее грязные деньги не шли на общие расходы. Она покупала себе то, что хотела, а Чейз не вмешивался.

После ее смерти все досталось Чейзу. Ее деньги, ее имущество — всё. Он все раздал. Личные вещи Мисти забрали ее родители, а остальное пошло в разные благотворительные организации.

От всех этих мыслей Чейз вздохнул, сделал глоток кофе и посмотрел на пейзаж, который давно запомнил, но это не значило, что он до сих пор не обретал покой от его созерцания или умиротворяющая красота его не трогала.

Ему нравилось, что это чувство вернулось. Оно ушло, когда Мисти поселилась в доме, из которого Чейз сбегал при первой возможности. В присутствии Мисти он не сидел на крыльце и не пил кофе. Не тратил время на созерцание пейзажа, когда уходил или приходил обратно. Он боялся возвращаться домой и всегда торопился его покинуть.

Сделав еще глоток кофе, как обычно всякий раз, когда его мысли занимала Мисти, он переключился с нее на то, как обратился в отдел внутренних расследований. Как сообщил им о том, что происходит в полицейском управлении Карнэла, о своей готовности остановить это, и отнес им конверты со своей долей.

Каждый офицер личной команды Арни Фуллера раз в месяц получал такой конверт, сумма которого определялась тем, сколько они могли выманить у местных предпринимателей и влиятельных лиц. Чейз принимал в этом участие, потому что иначе выглядел бы подозрительно.

Насколько им было известно, он был добровольным пехотинцем.

Он подвел черту под обращениями к местным бизнесменам с целью принуждения их пожертвовать в фонд полицейских вдов и сирот Карнэла. Он также подвел черту под шантажом. Он объяснил это Арни тем, что горожане не дураки, и в платежной ведомости должны числиться один или два честных копа. Арни попался на эту удочку, так что из всей грязи, через которую пришлось проплыть Чейзу, и той грязи, на которую ему приходилось закрывать глаза, по крайней мере, от этого он был избавлен.

Но он поместил все конверты в депозитную ячейку банка Шантелла и передал их все отделу внутренних расследований, когда внедрили его под прикрытием.

В этих конвертах было почти пятьдесят тысяч долларов. За шесть лет на крючке. Отдел позаботился, чтобы в СМИ просочилась информация о том, что Чейз сдал свои деньги. Они сделали его образцом всего хорошего и правильного в правоохранительных органах. Хотели, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений, поэтому взялись за дело, используя для этого Чейза. И хотя всё, чем делились со СМИ, на самом деле было правдой, просто избирательной, это никого не касалось. Информация, полученная СМИ, представляла Чейза белым рыцарем с мечом, наделенным мистической силой, которым он не являлся.

К счастью, вся шумиха утихла, как это обычно и бывает, продажных копов уволили или посадили в тюрьму, им прислали замену, и город, казалось, медленно, но верно стал приходить в себя.

Эта мысль привела Чейза к его планам на день. Купить продуктов на выходные и

встретиться с Тейтом Джексоном.

Тейт был совладельцем бара «У Баббы», но в основном охотником за головами. В прошлом он работал полицейским. Поэтому, когда у жителей Карнэла возникала проблема, которую они не могли доверить полиции, они обращались к Тейту. Тейт, хороший полицейский, которого не затронула грязь власти Арни, хороший человек, всегда делал все, что в его силах.

После неожиданной встречи Чейза с Клинтонем Бонаром, Тейт уехал из города по делам. Чейз позвонил ему и попросил о встрече, как только он вернется домой. Фрэнк Долински знал о Бонаре. Чтобы прикрыть свои базы, Чейзу нужно было держать Тейта в курсе событий, как и несколько избранных мужчин в городе.

Тейт вернулся домой вчера.

Сегодня они договорились встретиться.

При этой мысли и еще одном глотке кофе Чейз уловил краем глаза некое движение, и повернул голову к пустынной дороге, которая вилась через ранчо вокруг его дома. Поскольку в районе между Карнэлом и подножием горы, где жил Чейз, была только одна дорога, Чейз знал каждую машину или грузовик, которые проезжали по ней. Прожив там восемь лет, он даже знал автомобили друзей соседей и членов их семей.

Это был не один из тех автомобилей.

А черный «Джип Вранглер».

Чейз пришел к выводу, что знает, кто ехал в этом «Вранглере».

Семейство Гуднайт была приверженцей джипов. Фэй, Сондра и Сайлас водили джипы различных моделей.

У Сайласа был черный «Вранглер».

Глядя на приближение отца Фэй, Чейз потягивал кофе и готовился к тому, что последует дальше, смутно осознавая, что Фэй и Сондра одинаково относились к машинам. Их машины не были новыми. Насколько он знал, у Фэй никогда не было своей. Сондре достался джип Сайласа, когда он купил себе новый. Судя по ее виду и тому, как она себя вела, когда Чейз с ней пересекался, — вся в делах и активная, — ее, вероятно, не волновало, на чем она ездит, лишь бы попасть туда, куда ей требовалось.

Чейз смотрел, как Сайлас минует двойные ворота в белом заборе в начале подъездной дорожки, ведущей к огромному огороженному заднему двору. Остальная часть его земли не была огорожена. Ему нравились земля, простор, тишина, покой. Ему было плевать, если соседский скот забредал на его землю. Если жевал траву, Чейзу просто не нужно было ее косить.

Но именно этот белый забор привлек его внимание к дому, и он зачищал и красил его раз в два года. Каждый раз ремонтировал, когда он того требовал, но по мере возможности, и время от времени просто обходил с проверкой. Дом был огромным, в нем бы запросто разместилась большая семья, к нему можно было бы сделать пристрой, если бы возникла нужда в большем пространстве. Но эта длинная прямоугольная линия белого забора, окружавшая строение, очерчивающая его, формирующая двор и придающая свечение, делала его похожим на дом.

Чейз подождал, пока Сайлас доедет до конца дорожки и остановится рядом с домом, после чего спустил ноги с перил. Он поднялся, когда Сайлас распахнул дверцу. Подошел к первой ступеньке и оперся плечом о выкрашенный в белый цвет столбик крыльца, пока Сайлас шел по очищенной от снега дорожке, вымощенной каменными плитами, которые

Чейз проложил шесть лет назад.

— Мистер Гуднайт, — окликнул Чейз, когда Сайлас, не отрывая глаз от своих ботинок, прошел половину расстояния, поднял руку в знак приветствия и продолжил свой путь.

Только когда он остановился у подножия лестницы, его кристально-голубые глаза поднялись на Чейза.

— Зовите меня Сайлас, детектив Китон, — предложил он.

Чейз кивнул и ответил:

— Чейз.

Сайлас кивнул, а затем мотнул головой на кофейную кружку Чейза.

— Есть еще?

В ответ Чейз развернулся и направился к дому, открыл штормовую дверь, затем входную и, пройдя внутрь, повернулся придержать дверь, чтобы Сайлас мог проследовать за ним.

Держа курс к задней части дома, Чейз шел впереди по дубовым полам, которые постелил четыре года назад, когда Мисти отправилась в двухнедельную поездку, чтобы навестить подругу в Мэриленде.

Слева располагалась просторная столовая с прямоугольным столом. В дизайне имелись намеки на деревенский стиль среднего запада, но с акцентом на класс, который являла собой его мать.

Правая сторона была отведена для — как любила называть ее мама Чейза — официальной гостиной. Чейз не был сторонником официальщины, поэтому в комнате друг напротив друга стояли два удобных бордовых дивана, с большим количеством намеков на западный стиль, совсем не деревенский, в этом и заключалась мамина «официальная часть».

Чейз прошел под широкой аркой, ведя Сайласа в обширное пространство, которое составляло большую кухню и гостиную.

Посередине кухни был островок с плитой на пять конфорок и такой большой рабочей поверхностью, что она могла служить кухонным столом, за которым с комфортом разместится семья из восьми человек. Островок был изюминкой, как и массивное панорамное окно над раковиной в задней части дома.

В гостиной располагались три дивана, большой плоский телевизор, полки с книгами, компакт-дисками, DVD-дисками, а в углу камин.

За кухней, ведущей к передней части дома, находилась кладовая, скрытый вход в столовую и двери в подсобное помещение и гараж.

Прямо перед широким коридором, который тянулся от передней части дома к задней, шли двойные французские двери, которые вели на заднюю террасу.

Чейз подошел прямо к кофейнику и спросил:

— Как вы пьете кофе?

— Ввиду того, что Сондры здесь нет, три кусочка сахара и здоровая доза сливок.

Чейз поставил свою кружку, открыл шкаф и потянулся за другой, пока Сайлас продолжал разговаривать с его спиной.

— Сондра все время за мной присматривает. У ее отца был сердечный приступ, так что она вбила себе в голову, что и у меня он будет. Я бегаю по две мили в день. Каждый день приседаю, подтягиваюсь и отжимаюсь. Большую часть времени работаю на улице. У меня десять акров, о которых нужно заботиться. И трое детей, которые хоть и выросли, но это не значит, что я не протяну им руку помощи. Я делаю все это, чтобы наслаждаться сливками и сахаром в своем кофе. Она не видит баланса.

Чейз налил кофе и сообщил плохие новости.

— У меня нет сливок. Только молоко.

— Нет сливок?

Чейз не мог прочитать его тон, но он все равно заставлял его нервничать. Или нервничать еще больше.

Он оглянулся через плечо на мужчину, хотя потянулся за сахаром.

— Нет.

Сайлас Гуднайт встретился с ним взглядом и объявил:

— Моя Фэй добавляет сливки в кофе. Со вкусом лесного ореха.

Вот оно. Прощупывание почвы.

Чейз и Фэй не встречались тайком. К этому времени весь город знал, что они встречаются. Несмотря на это, Фэй сообщила Чейзу, что рассказала своим родителям об этом, когда обедала у них дома в прошлые выходные.

Теперь Сайлас Гуднайт знал, что его дочь не просыпается в доме Чейза и не готовит кофе.

Чейз мысленно добавил сливки со вкусом лесного ореха в свой список покупок и ответил Сайласу:

— Я брал ей кофе в «Ла-Ла Лэнде», Сайлас. Знаю, что она любит ореховый. Не видел чтобы она пила его со сливками.

Сайлас на мгновение задержал взгляд, а затем пробормотал:

— Ясно.

Чейз отвернулся, приготовил кофе для Сайласа и передал кружку мужчине, затем убрал молоко в холодильник, взял свою кружку, повернулся к нему и уперся бедрами о столешницу. Сайлас стоял боком к островку.

Оба мужчины молча потягивали кофе.

Наконец, Чейз нарушил тишину.

— Что привело вас сюда, Сайлас?

Сайлас перевел взгляд от созерцания вида из панорамного окна на Чейза.

— Давно собирался, вот и приехал. Хотел выразить тебе восхищение твоими поступками. Для такого нужна не храбрость, а яйца. Стальные. Немногие мужчины решатся но то, на что решился ты, и доведут дело до конца. То, что творилось у нас, сбивало человека с истинного пути. Большинство мужчин считали, что у них есть два варианта, и многие выбрали не тот. Они либо присоединялись, либо сокращали свои потери и шли дальше. Ты не сделал ни того, ни другого. Ты видел, что происходят неправильные вещи, терпел это столько, сколько мог, а потом приступил к исправлению. Взял дело в свои руки. Доказал, что у тебя есть яйца. Таких мужчин не так много. Но ты — один из них. Я восхищаюсь этим.

— Благодарю, но не уверен, что согласен с вами, — вежливо пробормотал Чейз. Удивленный таким откровением, но не желая обсуждать эту тему, он напрягся, потому что им владело сильное чувство, что Сайлас искал его через неделю после того, как узнал, что Чейз встречается с его дочерью, не для того, чтобы поблагодарить.

Внимание Сайласа усилилось, и его голос стал тише, когда он ответил:

— Тогда ты ошибаешься, сынок. В детстве Арни Фуллер был мажором. Его отец — мудаком. Его дедушка — самым главным мудаком. Потом он купил себе мундир и стал не меньшим мудаком. Но мудаки со значком — это очень плохо. Он рос в такой среде, поэтому у него не было иного выхода, кроме как стать мудаком, как и его родственники. Проблема

заклучалась в том, что он проявил себя в этом хуже тех двоих. Пусть тогда тебя здесь не было, но ты знаешь, как все начиналось и разрасталось. Когда ты приехал сюда, дела обстояли немногим лучше, и тот уровень дерьма, с которым тебе пришлось столкнуться, стал повышаться, но дерьмо — оно и есть дерьмо. Дошло до того, что мы все утонули в нем. Вы с Долински избавились от него. Ни один мужчина до тебя, даже Тейт Джексон, не взял на себя такую ношу. Два десятилетия уровень дерьма все повышался. Так что, я не согласен с твоим несогласием. Ты сделал то, что до тебя не смог ни один мужчина, и многие люди благодарны тебе за это.

Не желая говорить об этом, но определенно желая прекратить разговор, Чейз кивком принял благодарность и отхлебнул еще кофе.

Сайлас сделал глоток, и его взгляд вернулся к окну.

Сайлас молчал. Как и Чейз. Молчание затянулось на некоторое время, и Чейзу это надоело.

— Сайлас, вы хотели сказать что-то еще?

Взгляд Сайласа метнулся к нему, и он, не колеблясь, пустил стрелу.

— Я не хочу, чтобы ты встречался с моей дочерью.

Чейз почувствовал, как напрягся.

Бл*ть, дерьмо, вот оно.

Бл*ть.

Дерьмо.

— Сайлас... — начал он.

Сайлас поднял руку.

— Я сказал сынок, что благодарен тебе. Но я честный человек, поэтому пришел сюда, чтобы поделиться этой благодарностью и объясниться. Я желаю тебе счастья. Ты заслуживаешь его, но не с моей дочерью.

— Без нее не получится, Сайлас, — тихо сказал Чейз.

— Я понимаю. Но полагаю, ты меня тоже понимаешь, — тихо ответил Сайлас. — Видишь ли, Чейз, я очень наблюдателен. Я понял, что ты за человек, как только тебя увидел. Не знаю всей истории. Но знаю, что она плохая. Это не мое дело, и я не хочу знать. Так что не буду спрашивать. Что я точно знаю, так это то, что моя дочь — мечтательница. В ее глазах скрываются звезды, но не нужно вглядываться в них глубоко, чтобы их увидеть. Как ее отец, я хочу, чтобы она воплотила в жизнь любую мечту, которая таится в ее хорошенькой головке. Я также знаю, что ты перед Богом давал брачные обеты женщине, даже если не хотел, чтобы она носила твое кольцо на своем пальце. Затем ты начал жить так, будто не давал тех обетов перед Богом. Полагаю, у тебя имелись свои причины, но какими бы они ни были, я — мужчина, муж и отец, и хочу своей дочери добра. Надеюсь, где-то в глубине души ты понимаешь причину, по которой мне не нравится, что ты проводишь время с моей дочерью, как я понимаю причину, какой бы она ни была, по которой ты нарушил клятву, данную своей жене перед Богом.

— Нас женил мировой судья, — немедленно парировал Чейз, когда Сайлас замолчал и увидел, как Сайлас моргнул.

— Что ты сказал, сынок?

Чейз оторвался от столешницы и посмотрел в глаза мужчины.

— В то время я не знал, что мне выпадет еще один шанс. Что я точно знал, так это то, что если бы женился на женщине, которую намеревался любить и лелеять, пока смерть не

разлучит нас, был бы счастлив встать перед священником в доме Божьем и дать этот обет с намерением его сдержать. Мисти хотела венчания в церкви. Она не получила его именно по этой причине. Я не собирался давать обет в доме Божьем, который намеревался нарушить. Так что не согласился. Теперь, если мне посчастливится найти женщину, которую я буду любить и лелеять, я поклянусь ей и Богу быть с ней в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас. И если эта женщина окажется женщиной, которую я выбрал сам, женщиной, которую я действительно люблю и лелею, то дам этот обет на полном серьезе, Сайлас.

Он перевел дыхание, Сайлас открыл было рот, чтобы заговорить, но Чейз опередил его.

— И я хочу, чтобы вы знали: я не обижаюсь. Вы правы. Я понимаю вас. Только вы не понимаете меня. И я ценю ваш визит ко мне, вы присматриваете за своей дочерью. Вы также правы, что мое прошлое — не ваше дело. Я не собираюсь вам о нем рассказывать. Но могу обещать, что если то, что завязывается между мной и Фэй, продолжит пускать корни, расти и цвести, она все узнает. Я ничего от нее не скрою. Ей предстоит принять решение, захочет ли она остаться со мной на том пути, которым я следую, чтобы попытаться вновь стать тем мужчиной, которым я хотел быть. Если она решит поделиться этим с вами, это будет ее выбор. Я не стану вмешиваться в вашу семью и в то, как вы общаетесь. Не стану просить ее не рассказывать вам. Я позволю ей самой решить, что она хочет делать. Мне повезло, что у нее такие родители, потому что уже знаю, что вы с женой не будете выпытывать что-то у Фэй, если она сама с вами этим не поделится.

— Ты пытаешься вновь стать тем мужчиной, которым хотел быть? — тихо спросил Сайлас.

— Если плавать в грязи, Сайлас, она проникнет сквозь твои поры.

При этом Сайлас отодвинулся от островка и прошептал:

— Сынок, ты не можешь брать это на себя.

— Слишком поздно. Я сделал это, женившись на Мисти. Откроюсь вам немного. Шести лет назад я попался в ловушку. Четырнадцать месяцев работал с отделом внутренних расследований. Полагаю, считать вы умеете.

— Но...

Чейз его перебил. Ему было чем заняться. Он не хотел говорить об этом. И не собирался отступать даже перед таким хорошим человеком, как Сайлас Гуднайт, заслуживающим, чтобы ему уделили время, напоминаящим Чейзу, почему он недостаточно хорош для Фэй.

— Я не обиделся, и надеюсь, вы тоже не обидитесь, когда я скажу, что не собираюсь отступаться от Фэй. Она красивая, милая, добрая и забавная. Она заставляет меня смеяться. Она дает мне надежду. Я прекрасно знаю, что быть с ней эгоистично, но мне все равно. У меня никогда не было той красоты, которую она привносит в мою жизнь, Сайлас, и шесть лет назад я потерял надежду, что когда-либо смогу ее иметь. Эгоистично или нет, сейчас я познал чувство прекрасного, поэтому буду держаться за него. Ни за что не отпущу. Но поскольку я уважаю вас как мужчину, которым я вас знаю, включая тот факт, что вы — тот отец, создавший эту красоту, я откроюсь вам еще кое в чем, чтобы вы могли уйти, чуть успокоив душу. Я прогнусь, завяжусь в узлы и сломаю себе шею, но сделаю все возможное, чтобы отплатить ей за ту красоту, что она мне подарила. Здесь не дом Божий, но нельзя отрицать, что мой дом находится в стране Божьей, поэтому вы можете принять мои слова за клятву.

Сайлас Гуднайт уставился на Чейза, не говоря ни слова, но Чейз увидел, что в его глазах мельтешат мысли. У него просто не было возможности побудить его высказать их или найти

какой-то способ прекратить это, потому что зазвонил его сотовый.

Он вытащил его из кармана, взглянул на экран и рассеянно пробормотал:

— Извините, я на минутку. — Поставив кружку, нажал «ответить» и, подойдя к раковине, поздоровался: — Привет, детка.

— Мальчик написал нам записку! — взвизгнула Фэй ему в ухо.

Чейз моргнул, глядя на пейзаж за окном.

— Что?

— Мальчик написал нам записку! Его зовут Малахия!

Иисусе, Малахия? Что это за имя, черт возьми, Малахия?

— Он пишет, что любит «Сникерс», — взволнованно продолжала она. — Что спальный мешок очень теплый. Что хочет прочитать «Ямы» и следующего «Гарри Поттера». И еще ему удалось принять душ в кемпинге к северу от города! Разве... не... прекрасно? — закончила она с воплем.

— Ага, милая, — согласился Чейз с улыбкой.

— Мы прорвались! — воскликнула она.

— Ага, — повторил он.

— Он оставил записку в ящике для возврата. У меня тряслись руки, когда я ее читала.

Черт, они все еще трясутся.

Господи, она была милой.

И она не ошиблась. Это было потрясающе, поэтому Чейз принял решение.

— Делаем следующий шаг, — сказал ей Чейз.

Она замялась, прежде чем спросить:

— Что ты имеешь в виду?

— Хватит сидеть в джипе и смотреть, как он забирает записку. В понедельник я останусь в своем грузовике на улице, а ты встанешь у ящика для возврата. Если у тебя получится с ним поговорить, хорошо. Думаю, это знак, что он может захотеть проскользнуть через созданную нами лазейку. Твоя цель будет заключаться в том, чтобы заставить его прийти в библиотеку и поговорить с нами обоими. Рассказать свою историю. Мы приглядимся к нему. Посмотрим, что он нам поведаст. Посмотрим, доверится ли он нам и поверит ли, что служба защиты детей сможет о нем позаботиться.

— Тебе не кажется, что для этого слишком рано? — с тревогой спросила она. — Он только что написал нам записку.

— Фэй, дорогая, мы занимаемся этим уже почти две недели, а он спит на голом полу. Мы даем ему вещи, но он все еще сам заботится о себе, и он маленький. Ему нужна крыша над головой. Горячая, полезная еда. Присмотр. Школа. Мы понятия не имеем, как долго он пробыл на улице. Ему там не безопасно. Мы должны забрать его оттуда в целостности и сохранности, и не через три недели. Если сможем, то в понедельник. — Она не ответила, поэтому он спросил: — Ты со мной в этом плане?

— Э... хорошо, — ответила она без всякого энтузиазма.

Ясно, она была не с ним.

— Мы будем действовать осторожно, — тихо заверил он. — Я могу казаться ему угрозой. Ты, надеюсь, нет. Значит, у ящика стоишь ты. Если он не захочет идти в библиотеку, предложишь ему альтернативный вариант. Домашний ужин и горячий душ в настоящей ванной в понедельник вечером. Никаких обязательств, он может уйти. Но мы поговорим с ним, пока он ест, и сделаем все возможное, чтобы он не захотел уйти. Такой

план тебе нравится?

— Эм... конечно.

Все еще сомневающаяся, без энтузиазма, обеспокоенная.

— Детка, — попытался он на этот раз мягко, — мы не будем на него набрасываться, надевать наручники и сажать в камеру. Спросишь, какое у него любимое блюдо. Пообещаешь приготовить его ему. Если он живет на улице, а ты приготовишь ему так как ты умеешь, он будет в восторге. Мы уже пробились к нему. Теперь воспользуемся преимуществом.

— Найдем к нему путь через желудок, — прошептала она.

— До сих пор это срабатывало, — ответил он и услышал ее мягкое, мелодичное хихиканье.

— Хорошо, Чейз, — согласилась она более твердо.

— Хорошо, — сказал он сквозь улыбку.

— Сегодня вечером я принесу шампанское, и мы отпразднуем, — заявила она.

— Я сам куплю, ты приноси только себя.

Пауза, затем слегка раздраженно:

— Чейз, я могу позволить себе шампанское.

Она была права и ошибалась. Она водила старую машину, жила в дешевой квартире, которая была офигенной, но в основном потому, что она ее так обустроила, и до недавнего времени Фэй почти всюду добиралась пешком, кроме торгового центра, дома ее родителей или сестры.

Начав разбираться с проблемой закрытия библиотеки, Чейз знал ее зарплату. Имея степень магистра, ей платили чуть больше половины его зарплаты. Это не черта бедности, но и не то, чего можно ожидать от человека с таким уровнем образования и опытом. Она заведовала библиотекой. Ее должностные обязанности занимали три страницы. Бюджет, бухгалтерия, закупки, продвижение, волонтерские программы и управление добровольцами, число которых, как сообщила ему Фэй, равнялось пяти. Это было шоу одной женщины. Для такого уровня ответственности ее зарплата была мизерной.

Чейза это беспокоило, а особенно — угроза закрытия. Он мало что знал, но изучал вопрос, и выглядело все плохо, особенно на фоне сокращений в полиции Карнэла. Вообще-то, дело пахло цветом коррупционной составляющей в городском совете, что его удивило бы и разозлило. Такого дерьма им больше не нужно, и Чейз не хотел разбираться с этим. У него просто не было возможности копнуть глубже.

Так что Фэй могла позволить себе шампанское, но он не только предпочел бы, чтобы она потратила свои деньги на паренька, платья и сапоги, вроде тех, что надевала на ужин в «Петухе», просто Чейз был из тех мужчин, которые заботятся о своей женщине. Кроме того, он и так собирался в магазин за продуктами. Он хотел без накормить ее ужином, а потом заняться с ней другими делами, ей не нужно останавливаться где-то еще по пути к его дому.

— Фэй, через десять минут я еду в магазин. Нам не нужно ехать туда обоим, — объяснил он. — Я куплю шампанское.

На это он услышал тихое и милое:

— О. Ясно. Конечно.

Глядя в окно, Чейз снова ухмыльнулся.

— Полагаю, мне пора спуститься с седьмого неба и приступить к работе, — заметила она, и он услышал то, что слышал часто. Даже утром, мило, сонно и сексуально разговаривая

с ним по телефону, ей не нравилось отпускать его. Она не говорила этого прямо, даже пыталась скрыть, но он чувствовал это.

Чейзу это нравилось.

— Приступай к работе, увидимся вечером.

— Хорошо, милый. До вечера.

— Пока, Фэй.

— Пока, Чейз и... — она сделала паузу, затем прошептала: — Малахия. Ура.

Она была не милой. Она была чертовски милой.

Сквозь ухмылку он пробормотал:

— Пока, детка.

Чейз отключился, повернулся и невольно вздрогнул. Реакция, которую он показал и не мог скрыть, была необычным явлением.

Во-первых, потому что он совершенно забыл о присутствии Сайласа Гуднайта.

А во-вторых, потому что Сайлас Гуднайт широко ему улыбался.

— Ясно! — воскликнул Сайлас и хлопнул ладонью по столешнице с большей силой, чем нужно. — Ничего не поделаешь. Жду вас с Фэй за ужином в следующую субботу. В шесть. Сондра любит цветы, розовые. Просто скажи Холли, она знает, какие. Или скажи Фэй, она тоже знает. И готовь желудок. Сондра может ворчать из-за того, что я не слежу за своим здоровьем, но это не значит, что когда приходят гости, она не любит похвастаться своими кулинарными талантами.

Пока Чейз приходил в себя от резкого перехода неожиданного визита Сайласа с целью поделиться с ним о его нежелании, чтобы Чейз встречался с его дочерью, к приглашению Чейза и Фэй на ужин, Сайлас двинулся к входной двери.

Не имея другого выбора, Чейз последовал за ним.

Переступив порог, Чейз остановился на верхней ступеньке, открыл рот, чтобы попроситься или сказать что-то еще, когда Сайлас повернулся, встретился глазами с Чейзом и заговорил сам.

— Не знаю, по какому пути ты идешь к тому мужчине, которым хочешь быть. Но знаю, что жизнь любого человека включает в себя путешествия по темным местам, в которые мы не хотим попасть. Я вижу, что ты побывал в темном месте. Что провел там довольно много времени. Я также вижу, что ты выбрался оттуда. Не понимаю и не буду спрашивать, почему ты считаешь, что не вышел на свет. Ты уже дал понять, что не поделишься этим. Это я тоже понимаю. Я, скорее всего, тоже не стал бы делиться. Но по тому, как ты говорил о моей дочери, по выражению ее лица, когда она рассказывала нам с Сондрой о вас в прошлые выходные, о том, что вы делаете для мальчика, за которым она взялась присматривать, и что я только что слышал по телефону, я знаю, что ты уже стал тем мужчиной, которым стремишься стать. Просто ты еще этого не понял.

Пока Чейз стоял на холоде в джинсах, рубашке, свитере и носках, глядя вниз с крыльца, Сайлас махнул на прощанье рукой и закончил:

— Увидимся в следующие выходные.

Затем, не спеша, направился по дорожке к «Вранглеру».

Чейз увидел через лобовое стекло, как он еще раз коротко махнул, прежде чем развернуться и поехать по подъездной дорожке к воротам.

Чейз продолжал смотреть вслед «Вранглеру», пока тот не свернул налево и не направился к Карнэлу.

Затем усмехнулся и пробормотал:

— Вашу ж мать, — затем развернулся и зашагал обратно в дом.

* * * * *

Когда Чейз подъезжал к дому Тейта Джексона на холмах, он заметил, что у Тейта была компания, которую ему предложил позвать Чейз. Разбитый пикап Дика. «Ford F-150» Вуда. «Лэндкрузер» Тая. «Чероки» Чейз не смог определить, но подозревал, что он Холдена Максвелла, учитывая, что Чейз предложил позвонить Максу.

Дик Хайтауэр был перекачан-поле, но следовал строгому маршруту. От Карнэла к Стерджису. Он жил просто. Разбитый пикап. «Харлей». Крыша над головой. Джинсы на заднице. Еда в желудке. И пиво в «У Баббы» или в «Всеамериканской закуской» в Стерджисе, виски, если захочется покрепче. Попутно он перебивался случайными заработками, чтобы облегчить себе жизнь. Мужчина был груб, односложен и огромен в высоту и ширину. Это скрывало его острый ум. Но не его верность. Он поддерживал Тейта, когда Тейт и Лори налаживали отношения, и во всех последующих событиях. Он прикрывал спину Тая во время его драмы.

Коул «Вуд» Блэквуд владел долей семейной автомастерской в городе. Она специализировалась на «Харлеях». Его отец начал это предприятие, создал с нуля, и теперь любой, кто жил в радиусе двухсот пятидесяти миль, и у кого имелись средства на ремонт мотоцикла в той автомастерской, вез его к Папе и Вуду. Отец Вуда, Папа, был преданным поклонником «Харлеев», окрестил Вуда байкерским именем сына байкера, на которое Вуд отказывался откликаться, что удивительно, учитывая, что он тоже был байкером, поэтому все называли его Вудом, если только не хотели получить по яйцам. Ходили слухи, что, будучи подростком и чуть за двадцать, он повсеместно распространял это сообщение, и теперь никто не называл его иначе. Даже не «мистер Блэквуд».

Чейз припарковался, поднялся по ступенькам и направился по террасе к двери, осматривая усыпанные снегом хвойные деревья.

Тейт был горцем по сравнению с любовью Чейза к равнинам. Тейт обрел умиротворение и покой благодаря тому, что его окружали только деревья.

Еще до того дерьма, которое с ним произошло, Чейзу нравились открытые равнины, панорамные виды, возможности отправиться в неожиданный подход.

Тейт любил уединение. Дом Тейта не так-то просто было обнаружить, если не знать, где искать. Набредали ли вы на него случайно или преднамеренно, у Тейта имелась огневая мощь и готовность использовать ее, чтобы побудить вас объяснить, почему вы забрели к нему, и если ответы ему не понравятся, заставить вас двигаться дальше.

Чейз повернул ручку и без стука открыл дверь, потому что внутри увидел мужчин, сидящих за обеденным столом. Как и ожидал Чейз, владельцем «Чероки» оказался Холден Максвелл. Не местный, он владел строительной компанией в Гно Бон. Однако он был другом Тая, а его жена — адвокатом. Она выступала в роли поверенного Тая, поэтому Макс, как и все, знал о том, что произошло. Хотя и не был так тесно связан с этими событиями, все же отдаленно имел с ними связь.

— Пиво? — спросил Тейт, когда Чейз закрыл дверь.

— Ага, — согласился Чейз.

Последовал обмен приветственными кивками, взглядами и словами, Чейз занял свое место за столом, а Тейт поставил перед ним пиво.

Когда Тейт снова сел, Чейз спросил:

— Женщины?

Ответил Тай, и внимание Чейза переключилось на него.

— На прошлой неделе мы с Лекси переехали в огромный дом. Он заполнен мебелью примерно на шестнадцатую часть. В банке у нас хренова куча денег, любезно предоставленная штатом Калифорния. Это означает, что Лекси, Лори и Мэгги покупают мебель. А еще это означает, что к сегодняшнему вечеру мне придется нанять архитектора для пристройки к моему и без того огромному дому, потому что у нас будет больше мебели, чем мы можем поместить в этом гребаном доме.

Чейз почувствовал, как уголки его губ дернулись. Лекси определенно любила покупки, это было всем известно. Но Чейза позабавило мнимое раздражение Тая, когда ему было плевать, что Лекси тратит уйму денег. Во-первых, они у них были. Во-вторых, он заарканил бы луну, если бы это осчастливило его жену.

— Ясно, — пробормотал Чейз и сделал глоток пива. Затем его взгляд обвел присутствующих за столом, и он начал: — У меня куча дел, и я получил дерьмовые известия. Хочу дать вам знать про дерьмовую часть, а затем заняться тем, что мне предстоит сделать.

Все кивнули, Чейз сделал еще глоток пива и откинулся на спинку стула, прежде чем продолжить.

— Меня посетил один из людей моего отца. Мужчину зовут Клинтон Бонар. Возможно, вы его знаете, — заявил Чейз, не упустив узнавание во взгляде Тейта. — Возможно, нет. Мой совет: если есть выбор, лучше вам Бонара не знать. Если вы с ним пересечетесь, то, как только он уйдет, сразу же звоните мне. Он мудака, и из всех разновидностей мудаков он находится на вершине худших из возможных. При последней нашей встрече он, к сожалению, был мудаком с посланием.

Чейз сделал еще глоток и продолжил, делясь тем, что сказал ему Бонар, и когда закончил, из настороженной, но расслабленной атмосферы в комнате исчезла последняя часть. Особенно это было видно по Таю, когда Чейз упомянул видео со своим отцом.

Поэтому, когда Чейз закончил, он посмотрел на Тая и тихо продолжил:

— Мне плевать, что записи у тебя. И мне плевать, что ты с ними сделаешь. Я лишь прошу, если ты соберешься их использовать, предупреди меня, чтобы я мог сделать все возможное, дабы смягчить удар для моей матери. Я попросил вас собраться здесь не ради послания Бонара. Я не намерен быть мальчиком на побегушках у этих придурков. Я покончил с этим дерьмом. Больше мне этого не надо. Я рассказал вам об этом только для того, чтобы вы держали ухо востро, были бдительными, осторожными и сообщали мне или Фрэнку обо всем, что вас коснется. Фрэнк и Кэп все это знают. Что бы ни случилось, мы согласны разобраться с этим открыто, в рамках протокола, как полиция. Возможно, они увидят, что мудро отступить и спокойно разобраться с Ньюкомбом. Возможно, назревает буря. Нам просто нужно быть начеку.

— Я не собираюсь использовать эти записи, — заявил Тай, когда Чейз замолчал.

— Как я уже сказал, мне плевать, что ты с ними будешь делать, — ответил Чейз.

— Я не использую их, черт возьми. У меня скоро родится ребенок, мне не нужно такое дерьмо в моем доме. Я их соберу и отдам тебе. Так ты, по крайней мере, договоришься со

своим отцом, и они не будут планировать какую-нибудь глупость, так что мы с Лекси уйдем с их тропы войны, — ответил Тай.

— Тебе не нужно поддаваться этим людям, — тихо сказал ему Чейз, и Тай наклонился к нему через стол.

— Я не поддаюсь этим ублюдкам. — Его глубокий голос звучал решительно. — Я не хочу, чтобы это дерьмо было в моем доме. Мне оно не нужно. Моей жене больше не нужна такая херня, и передача е*анутых секс-видео — небольшая плата за то, чтобы не ввязывать ее в это дерьмо. Я не собираюсь сводить твою мать с ума. Мы были вынуждены идти по темной дорожке вместе, ты и я, и на всем пути мы не подразумевали, что у нас есть компания. Когда дерьмо выплескивалось через край, ты поддерживал меня. И мою жену тоже. Так что, я отвечаю тебе тем же. На тех ублюдков мне абсолютно насрать. Но они могут подумать иначе. На это мне тоже насрать. Они не влияют на мою жизнь, и как только эти записи исчезнут, вместе с ними исчезнут и они.

Чейз понял точку зрения Тая, которую было трудно не заметить, и кивнул.

— Только я здесь думаю, что лобовая атака, чтобы преподать урок тем, кто хочет снова поиметь наш город, — это возможный выход? — спросил Дик, и это не стало неожиданностью. Дик вел себя прилично в «У Баббы», потому что иначе получил бы полную задницу картечи из дробовика Кристал. Но бары от Карнэла до Стерджиса повидали, как кровь Дика или, что чаще, кровь, которую он пускал, окрашивала тротуары парковок. Он был не из тех, кто сидит, сложа руки, или отступает от драки.

Его вопрос получил два «да», одно от Вуда, одно от Чейза, и «Э... да, Дик. Только ты», от Тейта.

Тай лишь ухмыльнулся Дику. Макс ухмыльнулся столу.

Затем Макс посмотрел на Чейза.

— Тебе нужно, чтобы я предупредил об этом Мика?

Мик, о котором шла речь, это Мик Шонесси, начальник полиции Гно Бон.

— Если хочешь, это сэкономит мне время, — ответил Чейз. — Если у него возникнут вопросы, скажи, чтобы позвонил мне.

— Дотянется ли это до Гно Бон? — продолжил Макс, и Чейз пристально на него посмотрел.

— Если дело примет дурной оборот, — ответил Чейз. — Да. В Гно Бон есть двое мужчин, которые попадут под удар. Один сидит в городском совете. У другого офис по соседству с твоей женой.

Чейз увидел, как напряглось лицо Макса, и он процедил сквозь зубы:

— Бл*ть.

— Не знаю, что у них на него есть, и не знаю, кого прижал Даррен. Но в прошлом этот человек получал откаты и предоставлял бесплатные юридические услуги, — сообщил ему Чейз.

— Это не делает меня счастливым, — сообщил Макс Чейзу.

— Меня тоже, — согласился Чейз. — Но, насколько я понимаю, Нина работает рядом с Джорджем, но не сотрудничает с ним. Если Ньюкомб вышел на охоту за Джорджем, значит, Джордж боится. Он сделает все возможное, чтобы скрыть это от Нины. Полагаю юридически и финансово она чиста, если его не разоблачат и не опозорят, она никогда не узнает, и нет нужды втягивать ее в эту грязь. Она твоя жена, тебе решать. Но скажи Мику. Он ее прикроет.

Макс втянул воздух через нос, прежде чем выдохнуть и откинуться на спинку стула, и, зная Макса, Чейз был уверен, что к вечеру Мик Шонесси и Нина Максвелл будут в курсе происходящего. Зная Нину Максвелл, Чейз был уверен, что к понедельнику Джордж Нильсон, известный адвокат в этом районе, на собственный шкуре испытает острый язычок Нины, которого многие опасаются, поскольку она знала, как им пользоваться, и, возможно, Джордж займется поиском нового офиса. Она начала работать рядом с ним, когда переехала в Гно Бон, чтобы выйти замуж за Макса. Теперь офисы ее. Нина Максвелл никогда не отказывалась от боя, сражаясь на правой стороне, и редко проигрывала.

— Ясно, значит, наш дерьмовый шторм еще не закончился. Плохие новости, но, черт возьми, мы жили и похуже, — заметил Вуд. — А теперь я хочу знать, — его взгляд остановился на Чейзе, и его губы, окруженные испанской бородкой, дрогнули, — ты серьезно встречаешься с городской библиотекаршей?

В этот момент Чейз вздохнул.

— Видел их в «У Баббы», — подтвердил Дик, а затем сказал с ударением и пугающей ухмылкой: — Упругая девочка.

— Если думаешь, что я из мужской солидарности поддержу грязные разговорчики о Фэй, то лучше заткнись нахрен, — тихо предупредил Чейз, и губы присутствующих снова дернулись.

— Какие грязные разговорчики могут быть о Фэй? — спросил Тейт, его губы окруженные густой бородой, улыбались: — Она чиста, как свежесвыпавший снег.

Бл*ть.

— Много, где побывал, — пробормотал Вуд, ухмыляясь Тейту. — Много чего видел. Но никогда еще не ходил по дороге, по которой до меня никто никогда не ступал.

Бл*ть.

— Милая, — прошептал Дик, его улыбка была нацелена на Чейза.

На этот раз Чейз отпил здоровенный глоток пива и поднялся. Встав на ноги, поставил бутылку на стол и объявил:

— Тема закрыта. Спасибо за пиво и время, — поблагодарил он Тейта, затем перевел взгляд на мужчин и повернулся, чтобы уйти.

— Китон, ты не понимаешь, — остановил его голос Тая, и его тон заставил Чейза оглянуться. — Чистая киска — несомненно, сладкая киска, мы просто рады за тебя, брат.

— Не уверен, что мне нравится, когда ты называешь Фэй «киской», — предупредил Чейз, и ему было плевать, что Тай на пять его дюймов выше и у него мускулы охрененно больше.

— Лекс тоже не нравится, но она привыкла. Ты тоже привыкнешь, — ответил Тай.

— Отлично, — пробормотал Чейз, ему и в голову не могло придти, что даже через миллион лет Тай Уокер станет его приятелем. Теперь, после того, как он получил заявление в стиле Уокера «ты в моей команде», он не понимал, как к этому относиться.

— Он говорит правду, Чейз, — тихо сказал Тейт, и Чейз посмотрел на него. — Я рад за тебя и Фэй. У тебя в постели хорошая женщина, а жизнь имеет свойство исправляться.

— Даже сквозь мрак на дорогу пробивается свет, — добавил Тай.

Чейз покачал головой, все еще не понимая, как относиться к тому, что Тейтум Джексон и Тайрелл Уокер, два самых крутых парня, которых он знал, демонстрируют признаки того, что их полностью приручили, и им на это насрать.

— Если ее подружки похожи на нее, я в деле, — вставил Дик и в этот момент с Чейза

было достаточно.

Чтобы сообщить об этом, он махнул парням рукой и двинулся к двери, а в след ему понеслись звуки глубокого, низкого смеха.

Ему потребовалось два шага, чтобы избавиться от этого.

Во-первых, потому что смех не был неприятным или наглым, так что на него не хотелось раздражаться.

Во-вторых, потому что у него дома было до хрена еды, включая бутылку сливок со вкусом лесного ореха.

Глава 8

Кошки и собаки, пестики и тычинки

По дороге к дому Чейза я пыталась взять под контроль дыхание. Потому что была близка к гипервентиляции.

А причиной тому — сегодняшняя ночь, она будет той самой.

Я решила.

Сегодня я собиралась отдать Чейзу свою девственность.

Чейз, конечно, еще этого не знал. Это было мое решение. И я придерживалась его, хоть и ужасно нервничала.

Я приняла это решение по целому ряду причин.

Во-первых, потому что влюбилась в Чейза в шестнадцать, и теперь мы встречались. Тринадцать лет я жила со знанием, что он — мужчина, которому я хочу отдать все. Поэтому, несмотря на то, что мы встречались недолго, учитывая, что я была влюблена в него тринадцать лет, я решила покончить с ожиданием.

Во-вторых, мне было двадцать девять, у меня наконец-то появился парень, так что мне пора было перепихнуться.

И, наконец, со всеми ласками, утренними звонками, близостью Чейза, его сонным и сексуальным голосом, доносящимся из телефонной трубки, его языком у меня во рту, мне впервые в жизни нужно было получить продолжение.

Проблема заключалась в том, что я понятия не имела, как это сделать.

Я знала, что Чейз опытен. Я знала это, живя в том же маленьком городке, что и он, а также испытав на себе этот, хоть и ограниченный, но все же опыт. Мужчинам тоже хотелось этого (по-моему мнению), а Чейз проводил со мной достаточно времени и не получал того, что ему нужно на стороне (я так надеялась). Так что я, правда, не понимала, почему он не позволял нам продвинуться дальше обжимашек.

Мое единственное предположение — Чейз был Чейзом или тем, кого я узнала как Чейза: умный и опытный, он знал или понимал, что у меня опыт отсутствует. И будучи Чейзом, хорошим парнем, он не торопился. Не говоря уже о том, что я не совсем походила на знакомых ему женщин. У него с ними (за исключением Мисти) были свободные отношения. И этим они кардинально отличались от меня. Я выросла в Карнэле, мои мама и папа тоже, не говоря уже о том, что они были хорошо известны и любимы. Возможно, это было проявлением уважения.

Чем бы это ни было, я шла к своей цели.

Но перед тем, как приступить к делу, я нуждалась в совете.

На этот раз мне даже не пришлось об этом думать. В тишине библиотеки я взяла мобильный, подошла к открытой двери кабинета, встала в проеме, глядя на библиотечный зал, и набрала Кристал. Быстро и лаконично я объяснила свою дилемму, пытаясь и, вероятно, не сумев, не покраснеть.

Ответ Кристал?

— Буду через пять минут.

Это одновременно вызвало облегчение, и еще больше заставило меня нервничать.

Нервозность обострилась, когда Кристал все еще не появилась в библиотеке через пять

минуть. Она приехала через пятнадцать. Мое сердцебиение участилось, когда я увидела, как она входит в дверь вместе с Твайлой.

Так вот, Твайла мне нравилась, и в тот вечер, когда я выпивала с Чейзом в «У Баббы», Твайла показала (на удивление), что я ей тоже нравлюсь. У любой девушки всегда оставались вакантные места для новых подруг в ее компании, и, можно сказать, у меня этих мест было больше, чем у большинства, поскольку моя девичья компания в течение многих лет имела ограниченный состав. Если вы не относитесь к тому типу женщин, которые уводят парней или воруют одежду, вам будут рады все девушки.

Просто Твайла не была похожа на обычную девушку. Главным образом, благодаря ее известности во всем городе превзойти кого угодно в армрестлинге, и я не имею в виду женщин-соперниц. Хотя я слышала, что это не являлось чем-то неслыханным, просто для победы ей требовалось гораздо меньше времени. Также известно, что она была бывшим морским пехотинцем. И, наконец, она питала невыразимое пренебрежение ко всему женственному. Так что, не казалось, что она горела желанием быть частью девчачьей компании.

С другой стороны, она была девушкой, а каждая девушка, даже я, знала что-то полезное о мужчинах.

Моя текущая ситуация являлась ярким примером.

Я просто не была уверена, что Твайла могла помочь в моем случае.

Кроме того, меня не радовала мысль о том, что все в Карнэле узнают интимные подробности моей жизни, включая мои отношения с Чейзом. От этого я испытывала дискомфорт, но еще и потому, что Чейз долгое время являлся предметом многочисленных разговоров. До всего случившегося, он казался человеком, который любит тихую жизнь. Этого выбора его лишили. Теперь, вернув свой выбор обратно, я подумала, что он не захочет выставлять свою жизнь напоказ.

Когда они добрались до стойки, обе осмотрелись, убедившись в отсутствии поблизости посетителей, и я решила начать.

И начала я с неуклюжего:

— Э-э...

Глаза Кристал метнулись ко мне, и она ответила на мой незаданный вопрос.

— Она не принимает «нет» в качестве ответа. Не знаю, как она узнала. Моя часть разговора состояла из четырех слов. Она просто знала. Я пыталась ее отговорить. Десять минут уговоров не сработало, я разозлилась, поэтому просто ушла. Она увязалась за мной. — Кристал посмотрела на Твайлу. — Кстати, пока мы здесь, твои часы в баре не оплачиваются.

Твайла работала официанткой в баре Крис. Судя по выражению лица Твайлы, ей было плевать, что она потеряет в, вероятно, не очень привлекательной зарплате официантки.

Она не ответила Кристал. Она посмотрела на меня и тут же заявила:

— Накинись на него.

— Святой фак, — выдохнула я, мои легкие сжались от этой мысли.

— Ты спятила? — прошипела Кристал, наклоняясь к Твайле.

— Я выгляжу спятившей? — парировала Твайла, и, к сожалению, ответ был бы положительный.

Дело не в том, что она была сложена как грузовик. И не в том, что она совершенно комфортно чувствовала себя в своей форме, она работала над ней, а та, в свою очередь, работала на нее.

И дело было не в ее женской версии «маллет» (прим.: маллет — тип прически (стрижки), когда волосы пострижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными). Мужской «маллет» выглядел достаточно неприглядно. Женский же... ну, я не была блюстителем всех модных тенденций и считала, что люди должны выглядеть так, как им нравится, но я также знала, как выглядит большинство. И «маллет» — единственное, чего ни мужчина, ни женщина не должны делать.

Крис не стала заикливаться на Твайле и посмотрела на меня.

— Не делай этого. Поговори с ним.

Твайла перестала смотреть на Крис и перевела взгляд на меня.

— Не разговаривай с ним. Набросься на него.

— Перестань ей это говорить, — рявкнула Крис на Твайлу.

Твайла скрестила руки на груди и снова посмотрела на Кристал.

— Ты же знаешь, что мне нравятся девушки, — заявила она в качестве подсказки.

— Да, — подтвердила Кристал.

— И мне нравятся девушки, которые красятся и все такое.

— Я знаю твою партнершу, Твайла, вы обе приходили ко мне домой три недели назад на жареные ребрышки Баббы, — ответила Крис.

— Вот именно, мне нравятся девушки. И они мне нравились всю мою жизнь. Я была морским пехотинцем. Я стреляла из пистолета. У меня их пять, я говорю о пистолетах. Я смотрю матчи «Наггетс», «Эвеланш», «Бронкос» и «Рокиз». Я никогда в жизни не носила юбок. Я ношу спортивный лифчик, потому что с этими малышками, — она обвела грудь указательным пальцем, а потом опустила руку на стойку, — у меня нет выбора. Бог счел нужным наградить меня единичкой. Будь у меня троечка, мне был бы пи*дец. Я никогда не красилась. У меня нет фена. И я схожу с ума от цыпочек. Кто из нас, ты или я, имеет больше общего с Чейзом Китонем?

Должна признать, она была права.

Кристал тоже пришлось это признать, хотя я могла сказать, что ей этого не хотелось. Она просто открыла рот и закрыла его.

Твайла посмотрела на меня.

— Набросься на него.

Кристал закрыла глаза, опустила голову, глядя на свои сапоги, ее медовые локоны упали вперед, скрывая лицо.

— Я уже пробовала, — прошептала я Твайле.

Голова Кристал взлетела вверх, и брови Твайлы сделали то же самое.

— Не вышло? — спросила Твайла.

— Он, э-э... отключается или, гм... переключается, но гм... в основном отключается и сосредотачивается на поцелуях.

— Он знает, что ты девственница? — спросила Твайла.

— Ммм... — ответила я, не подозревая до этого, что Твайла в курсе моей невинности.

— Как много вы обжимаетесь? — потребовала Твайла подробности, когда я не смогла продолжить.

— У меня мало опыта, но, думаю, по шкале от одного до десяти — сто пятнадцать.

Кристал ухмыльнулась.

— Значит, у тебя до него было мало опыта? — продолжила допрос Твайла.

Я кивнула.

— По шкале от одного до десяти, какой у тебя опыт? — уточнила Твайла.

— Ноль целых двадцать пять сотых, — тихо призналась я.

— Он знает, что ты девственница, — пробормотала Твайла, и мое сердце не очень приятно ёкнуло.

Кристал ткнула Твайлу в плечо.

— Теперь из-за тебя Фэй психанет.

— Э-м, просто для ясности: фраза «бросься на него» уже заставила меня психовать, — поделилась я.

— Итак, каков план на вечер? — спросила Твайла, игнорируя меня.

— Я впервые ужинаю у него дома, — ответила я.

— Захвати с собой запасные трусики и зубную щетку. Потом найди способ намекнуть ему, что ты принесла их с собой. — Она вдруг хлопнула в ладоши, заставив меня подпрыгнуть, и закончила: — Дело в шляпе.

— Бог ты мой, это действительно хорошая идея, — прошептала Кристал, и брови Твайлы снова взлетели вверх, на этот раз в оскорбленных чувствах.

— Думаешь, я без всякой причины промаршировала пять кварталов по холоду горного Колорадо? — спросила Твайла. — Я лесбиянка, которая может уложить большинство ублюдков. Я знаю не лесбиянок, способных на то же самое. Могу добавить, что ты одна из них, хотя и делаешь это с дробовиком в руке. Та же хрень. Но то, что я лесбиянка, не делает меня плохим советчиком.

Я запомнила это и добавила Твайлу в свой список контактов на случай, если у меня возникнет чрезвычайная ситуация в отношениях.

— Я не говорила, что ты плохой советчик, — возразила Кристал.

— Но подумала, — парировала Твайла, глаза Крис сузились, и она подалась вперед.

— Теперь ты у нас еще и мысли читаешь. Напомню, Фэй позвонила мне, — заявила Крис.

— Может и так, но когда возникает проблема, каждый человек на счету, — ответила Твайла.

У Кристал не нашлось возражений, она выглядела загнанной в тупик, а также сердитой. Ничего необычного, просто более пугающе.

Я решила вклиниться в их спор.

— Просто к сведению, — обратилась я к Твайле. — Я добавила тебя в список экстренных контактов для отношений.

Твайла широко мне улыбнулась.

— Прекрасно, — буркнула Крис. — Наконец-то я получила шанс, а меня отфутболили из-за вмешательства Твайлы.

Я в недоумении взглянула на Кристал, потому что она казалась искренне обиженной.

Затем меня осенило: Кристал Бриггс подпустила меня. Не так, как Чейза. А на порядок ближе. Она беспокоилась обо мне. Хотела помочь. Я проникла сквозь жесткую внешнюю оболочку, которая не пропускала всех внутрь, и оказалась в мягком, теплом центре.

От этого я тоже почувствовала внутри тепло.

— Не волнуйся, Крис, поскольку она девственница, а он такой мужчина, уверена, ты еще получишь свой шанс, — заверила Твайла.

Внезапно мне стало не так тепло.

— Какой он мужчина? — прошептала я, и Крис с Твайлой посмотрели на меня.

Затем обе одновременно и с ударением на одно и то же слово ответили:

— Абсолютный мужчина.

Я почувствовала дрожь. Не в плохом смысле. И не в хорошем. Это была нервная дрожь.

— Так, до этого я психовала. Теперь же схожу с ума.

Твайла вскинула руку в воздух и заявила:

— Вы встречаетесь уже некоторое время, этот мужчина присматривает за тобой, не торопится, двигается медленно, контролирует себя, не создает проблем.

— Все верно, — согласилась Крис, наклоняясь ко мне. — Без шуток, Фэй. Это говорит с многим.

Я почувствовала себя немного лучше.

Но по-прежнему нуждалась в руководстве.

— Э-м, так как же мне намекнуть о трусиках и зубной щетке? В смысле, об этом не делишься за ужином, — заметила я, стараясь не краснеть, но чувствуя жар.

— Твой язык у него во рту, — начала Крис, — его язык у тебя во рту. Ты на диване, и, поверь мне, ты будешь на диване. Когда его язык выскользнет из твоего рта, найди способ прошептать ему это на ухо. Это ускорит процесс.

— Очень ускорит, — согласилась Твайла, коротко кивнув.

О, боже. Я начала отказываться от своего принятого решения.

Твайла, должно быть, заметила это, потому что наклонилась вперед.

— Он добр к тебе. Добр к этому городу. Я слышала, он довольно надежный. До сих пор он заботился о тебе. Тем вечером в баре он был опьянен тобой. Пусть я люблю женщин, но я много времени проводила с мужчинами. Ты берегла себя, теперь хочешь отдалиться и можешь сделать неверный выбор. Но, честное слово, не уверена, что можно найти мужчину лучше.

Я улыбнулась ей, потому что от этих слов мне стало намного лучше.

К сожалению, в этот момент к прилавок подошел посетитель с охапкой книг. К счастью, Крис и Твайла задержались достаточно надолго, чтобы поклясться не говорить ни слова о нашей беседе. О них можно сказать одно: если они поклялись, то сдержат слово.

И, наконец, так как я надеялась, что следующим утром буду вне зоны доступа, то попросила их позаботиться о Малахии. Крис ухватила за просьбу, взяла у меня список вещей, которые, как я думала, понадобятся мальчику, пообещала зайти в магазин и на следующий день оставить пакеты у ящика для возврата книг.

Итак, я ехала в своей машине по дороге, ведущей к дому Чейза. По этой дороге я ездила всего несколько раз в жизни, потому что никаких причины для этого не было, поскольку она заканчивалась тупиком у подножия горы, и вдоль нее располагалось лишь множество ранчо. В те времена я разъезжала в компании старшеклассников только для того, чтобы скоротать время и слушать громкую музыку из стереосистемы.

Я взяла сумочку побольше, потому что теперь в ней лежали чистые трусики, зубная щетка, а еще средство для умывания, увлажняющий крем, дезодорант и одна из новых сексуальных ночных рубашек. Я подумала, что лучше быть готовой. Если останусь на ночь, то не хочу спать в макияже. Вчерашний макияж с утра выглядел ужасно.

На мне также были сексуальные трусики, которые, на всякий случай, я надевала всякий раз, когда встречалась с Чейзом, то есть, каждый день с тех пор, как я их купила. Я сменила рабочую юбку на джинсы, уложила волосы и нанесла духи. Я жевала жвачку, потому что Чейз сказал мне, рыча во время поцелуя, что ему нравится мой вкус. Так что, если раньше жвачка была зависимостью, достаточно сказать, что сейчас она стала навязчивой идеей.

И я чертовски нервничала.

В поле зрения появился дом Чейза, я поняла это потому, что он сказал мне, что его дом единственный окружен белым забором. На крыльце также горел свет, а по бокам дома несколько ярких прожекторов освещали переулок и подъездную дорогу.

Я взяла обертку от жевательной резинки, выплюнула в нее комочек, скомкала ее, бросила в подстаканник, глубоко вдохнула и свернула на съезд к дому.

Остановившись, поставила машину на ручник и, потянувшись к ручке, увидела, как входная дверь открывается и из нее выходит Чейз в джинсах, рубашке и офигенном свитере.

Глубокое дыхание лишилось своего эффекта.

Мне удалось схватить сумочку, открыть дверцу и выпрыгнуть. Захлопнув дверцу и не сводя глаз с Чейза, я направилась по расчищенной дорожке. Он стоял на верхней ступеньке крыльца, следя за моим приближением, в то же время, выглядя возмутительно сексуальным. Я подумала, что причина последнего заключалась не в том, что его одежда смотрелась лучше, чем любая другая, в которой я его видела, потому что это было не так. Ничто не сравнится с тем, как он выглядел на свидании в «Петухе». Даже когда я во всей красе увидела выцветшую джинсовую рубашку.

Он выглядел возмутительно сексуальным потому, что я надеялась очень скоро увидеть его совсем без одежды, и полагала, что вид мне очень понравится.

Продолжая глубоко дышать, я остановилась у подножия лестницы и посмотрела на все его великолепие.

Из-за нервов и опасения потерять сознание, я выпалила первую идиотскую вещь, которая пришла мне в голову, и, к счастью, она была просто идиотской, а не унижительной.

— Ты любишь собак и кошек?

Его голова дернулась, и я увидела, как его глаза, теплые даже в холодную ночь, моргнули.

— Что?

— Собаки и кошки. Они тебе нравятся? — настаивала я, несмотря на то, что выставляла себя душой. Я завела этот разговор. И должна довести его до конца. Оставалось только надеяться, что это не шоссе в никуда, а короткий переулок.

— Повлияет ли мой ответ на то, зайдешь ты в дом на ужин? — спросил он.

— Нет, — ответила я и добавила частичку правды: — Я найду, потому что голодная.

— Тогда, кошки — да, если они дружелюбны, не возражают против того, чтобы их гладили, и не ведут себя так, будто они ваши хозяйка, а не наоборот. Собаки — да, без всяких условий, — наконец, ответил он.

— Я знаю много дружелюбных кошек, но не знаю таких, которые не вели бы себя так, будто они ваши хозяйка, а не наоборот.

— Тогда, кошки — нет, — исправился он и продолжил спрашивать: — Детка, может, скажешь, почему мы стоим на крыльце и говорим о кошках и собаках?

Я промолчала, потому что более умный разговор был бы о пестиках и тычинках.

И вместо этого сообщила:

— Я раздумываю над тем, чтобы взять кого-нибудь. То есть, кошку или собаку.

— Является ли мой ответ нарушением условий сделки?

— В каком смысле?

— В том, что если я отвечу «нет» кошке или собаке, ты не войдешь в дом на ужин.

— Я уже ответила на этот вопрос.

— Да, дорогая, но я ответил «нет» кошкам, а ты еще не зашла в дом.

— О, точно, — прошептала я.

Я замолчала.

Чейз тоже.

Он нарушил тишину.

— Фэй, мы все еще на крыльце.

И тут я выпалила:

— Я склонялась к кошке.

После этого Чейз запрокинул голову и расхохотался.

Мне это понравилось, но все же я прикусила губу.

Когда его взгляд опустился на меня, он сказал сквозь стихающий смех, но мягко:

— Детка, поднимайся по гребаным ступенькам.

Я поднялась по чертовым ступеням.

Не успела я добраться до верха, как Чейз наклонился и взял меня за руку, так что последние два шага я делала, держа его за руку.

Он повел меня по крыльцу к двери, и я заметила два кресла-качалки со столиком между ними.

Белый забор. Кругом лишь равнины, ранчо и горы. Сгущались сумерки, поэтому я ничего не видела, но уже знала, что вид из дома будет потрясающим со всех сторон, таким, к которому никогда не привыкнешь.

Летом в этих креслах-качалках было бы идеально сидеть и читать часами. Или сидеть рядом с Чейзом и абсолютно ничего не делать, просто быть счастливой.

Каким-то образом эта мысль и ее невероятная красота, заставила меня потянуть его за руку, слегка повернуться к нему и приподняться на цыпочках.

Чейз слегка вздрогнул, будто удивившись, но все же остановился рядом со мной и наклонил голову, словно знал, что мне нужно что-то прошептать ему на ухо.

Что я и сделала.

Я опередила события, положившись на случай.

— Я захватила запасные трусики и зубную щетку, — прошептала я и задержала дыхание, не шевелясь, даже не дыша.

Чейз тоже не двигался. Ни единой мышцей. Я даже не ощущала его дыхания.

Ох, боже. Ох, fuck. Ох, боже.

Внезапно Чейз двинулся, отпустил мою руку, низко наклонился, и я взмыла вверх, но в безопасности его рук, одна из которых держала меня под коленями, другая обвивала за талию.

На автомате я обняла его за плечи и откинула голову назад, как раз в тот момент, когда его губы сомкнулись на моих губах.

Держа меня и целуя, он открыл штормовую дверь и перешагнул через порог.

Судя по всему, я все сделала правильно.

* * * * *

Зазвонил телефон.

Не в первый раз. На самом деле, в третий.

Я слышала его, но мне было все равно. Как и два других раза.

Все потому, что я лежала на кровати Чейза, в спальне Чейза, губы Чейза были на моих губах, его язык в моем рту, его руки в моих трусиках, и я была так близка к тому, чтобы кончить.

Все случилось стремительно, начиная с поцелуя Чейза на протяжении всего пути до его кровати. Это походило на поцелуй, который он подарил мне перед тем, как мы отправились в «Петуха». Дикий. Необузданный. Огненный. Изысканный.

Соблазнительный.

Но этот был более соблазнительным, потому что Чейз нес меня к своей кровати.

Поцелуй не мог бы быть более соблазнительным, чем этот.

Не прерывая поцелуй, Чейз немного наклонился, зажигая свет, и уложил меня на спину в свою постель, сразу же последовав за мной.

Я понимала, что он себя не контролирует. Даже и близко нет. Потому что он задрал мою футболку, и я впервые ощутила тепло его ладоней.

Мне понравилось, поэтому я ответила взаимностью, вытянув его рубашку из джинсов, и пробравшись под нее.

Но то, на что натолкнулись мои ладони, мне понравилось больше. О, мой fucking бог, это мне понравилось намного больше. Я открыла для себя горячую, гладкую, твердую поверхность, с множеством невероятных плоскостей, выпуклостей и рельефов, по которым можно провести кончиками пальцев.

Мое прикосновение произвело поразительный эффект, потому что ладонь Чейза скользнула от моей талии к ребрам и накрыла грудь поверх лифчика. Почти мгновенно его большой палец сильно нажал на затвердевший сосок.

Никто, кроме меня, никогда не прикасался ко мне там, и достаточно сказать, что я никогда не испытывала ничего более приятного, Чейз посылал сквозь меня огненные стрелы и делал это, целуя меня в своей постели, лежа, в основном, на мне, а под ладонями я ощущала его обжигающую кожу. О таком я даже и не подозревала. И это нравилось мне чертовски сильно.

Так сильно, что я прервала наш поцелуй, выгнула шею и издала хныкающий стон.

Это также произвело поразительный эффект: Чейз потянулся к моей куртке и сдернул ее с моих рук. Затем приподнял меня, сорвал ее полностью и бросил на пол.

Следом полетела моя футболка.

Это могло бы меня напугать, если бы его рот не накрыл мои губы, и я снова не оказалась на спине, а его рука вновь не накрыла мою грудь, и, наконец, его большой палец не повторил свое движение, а затем еще раз и еще раз.

Я не ошиблась, первый раз был великолепен, но второй и третий — чертовски хороши. Так хороши, что я выгнула спину, захныкала ему в рот и начала дергать его за свитер.

Чейз получил сообщение, о котором я даже не подозревала. Оторвавшись от моих губ, он чуть приподнялся надо мной, завел руки за голову, сорвал с себя свитер и отшвырнул его в сторону. Я тут же инстинктивно потянулась дрожащими руками к пуговицам его рубашки. Я успела расстегнуть одну, прежде чем его спина согнулась, тело переместилось, я потеряла контроль над его рубашкой, а его ладонь приподняла мою грудь, и его рот сомкнулся на соске поверх лифчика.

Ладно, ох, fuck, прикосновение большого пальца было великолепным. Его рот —

безупречным.

Моя спина выгнулась так сильно, что оторвалась от кровати, из моего горла вырвался низкий, протяжный, глухой стон, и я снова прильнула к его губам, а его ладонь и большой палец вернулись к моей груди. Я получила еще один грубый, дикий, глубокий, влажный, долгий поцелуй, и совсем пропала. Но по его поцелую я знала, что не хочу, чтобы меня когда-нибудь нашли.

Мои руки двигались. Обладая собственным разумом, шарили везде, где могли, прикасались ко всему, до чего могли дотянуться, брали все, что возможно. Включая его упругий зад и бедро, а потом это случилось.

Даже не думая, просто действуя инстинктивно, так заведенная Чейзом, я коснулась пальцами веских признаков его возбуждения.

Я ахнула ему в рот, потому что мне это понравилось. Не чуть-чуть, а сильно. Это не стало неожиданностью. Но знать, что я дала ему это, чувствовать и понимать, что это все из-за меня, — было настоящим подарком.

И я хотела этого.

Чейз зарычал мне в шею.

Ох, fraking, fraking бог, это мне понравилось намного больше.

Его бедра отстранились, торс приподнялся, я медленно открывала глаза, пока его рука тянулась к моему ремню. Я почувствовала рывок, и вернулась к пуговицам на его рубашке.

Мне удалось неуклюже разобраться с еще двумя, прежде чем молния на моих джинсах была расстегнута, и я услышала хриплый, более низкий, чем обычно, голос Чейза:

— Фэй.

Мой взгляд переместился к нему, и, даже не зная почему, просто чувствуя, как слово исходит из глубины моей души, нуждаясь в том, чтобы произнести его, нуждаясь в том, чтобы он понял, я прошептала:

— Пожалуйста.

Он не отрывал от меня обжигающего взгляда, его рука скользнула внутрь. Прямо туда. В мои трусики, его пальцы согнулись, средний проник внутрь, и я приподняла бедра, чтобы толкнуться в его руку, и закрыла глаза. Я почувствовала, как мои губы приоткрылись, но в основном я не чувствовала ничего, кроме невероятно великолепных ощущений от руки Чейза у себя в трусиках.

— Охрeнeннo крaсивo, — смутно услышала я бормотание, а когда его палец задвигался, и я начала осознавать, что такое рай, я так же смутно услышала, как он приказал: — Хочу твой рот, детка.

Моя голова мгновенно опустилась, и он атаковал.

Ох, боже. Это было лучше. Значительно лучше.

Не способная на что-либо еще, я крепко впиалась пальцами в его рубашку. Держась за нее, я давала ему свой рот, чувствовала, что он вытворяет пальцем, и напряглась всем телом, мне казалось, что если я отпущу, то разобьюсь на мелкие кусочки.

Он перестал целовать меня на достаточное время, чтобы прошептать мне в губы:

— Двигайся со мной, Фэй, бедрами. Не борись с этим, отдайся ощущениям.

Мой мозг мало что соображал, но мое тело явно слышало его слова, потому что мои бедра начали двигаться вместе с его рукой. Скольжение взад-вперед было намного лучше.

— Чейз, — выдохнула я ему в рот.

— Вот так, — прошептал он мне.

Уже сильно возбуждившись, во мне стала нарастать пульсация, готовая взорваться.

Я перестала дышать.

Чейз прекратил движение пальцем, скользнул глубже... глубже... оказавшись очень далеко внутри меня... и я ахнула, но затем снова перестала дышать.

— Фэй, милая, дыши.

Я сделала, как мне велели, и задышала, палец выскользнул из меня и принялся за старое, а наши губы вновь слились в поцелуе.

Во время этого телефон звонил дважды.

Теперь я была близко. Очень близко. Я знала это чувство. Я также знала, что на этот раз будет лучше, чем когда-либо. Намного лучше. Абсолютно лучше.

Я оторвалась от губ Чейза, потому что не могла больше выносить прикосновение его языка. Это было слишком, слишком хорошо. Когда это произошло, я уткнулась лицом ему в шею и ахнула. Меня пронзил жар, сжигая дотла, заставляя мышцы крепко сжиматься, упираться ланом в его ладонь и глубоко зарыться лицом в шею Чейза.

Я не ошиблась. Это было лучше.

Абсолютно лучше.

Когда я вернулась на землю, медленно, томно, мне показалось, что прошли годы, и мне было все равно, потеряно ли это время, я чувствовала себя очень хорошо, телефон перестал звонить, и я лежала уже не на спине, а на боку. Моя нога была перекинута через бедро Чейза, и он одной рукой крепко обнимал меня за талию, прижимая к себе. Другая его рука была в моих волосах, удерживая мое лицо у его горла. Я по-прежнему обеими руками стискивала его рубашку.

Мое дыхание выровнялось, пальцы расслабились, руки переместились к его спине, и я услышала, как Чейз ласково спросил мне в макушку:

— Как дела?

Хорошо. Более чем хорошо. Я могла бы счастливо умереть прямо сейчас. Не то, чтобы я этого хотела, но вот как хорошо я себя чувствовала.

— Хорошо, — прошептала я.

— Хорошо, — прошептал он в ответ.

Я сильнее прижалась к Чейзу, и его рука вокруг меня сжалась крепче.

Затем я сильно зажмурилась и позвала:

— Чейз.

— Я здесь, милая.

Я сжала губы и сделала то, что должна была сделать.

— Есть кое-что, что ты должен знать, — объявила я.

— Я знаю.

Я моргнула от его немедленного ответа, отчего мои глаза открылись, но я так удивилась его быстрой реакции, что у меня не хватило сил заметить, что я пристально смотрю на его очень привлекательную шею, упуская из внимания возможность, которой при обычных обстоятельствах наслаждалась бы.

Затем спросила:

— Знаешь?

— Ага.

— Знаешь — что?

— Что я первый мужчина, чья рука проникла тебе в трусики, а позже буду первым

мужчиной, который делает с тобой другие вещи.

Да, он знал.

О, боже.

Я снова закрыла глаза и опустила голову, неуверенная, то ли смущаться, то ли, — судя по его нежным, тихим, но прямым словам, — не смущаться, когда его теплая ладонь обвила мою шею сзади.

Я почувствовала на макушке его губы, которые прошептали мне в волосы:

— Фэй, дорогая, я хочу, чтобы ты это услышала и поняла: то, что ты только что дала мне, было самой прекрасной вещью, которую я когда-либо получал за... всю... свою... жизнь. То, что ты мне дашь потом, будет еще прекраснее, и я знаю это не только из того, что я получил сейчас, но и из того, что знаю о тебе. Ты со мной в безопасности в любое время и в любом месте. Но в любое время и в любом месте со мной, самое безопасное место здесь, в моей постели. Тебе никогда не придется смущаться. Ты можешь задавать вопросы. Можешь реагировать, как пожелаешь. Можешь быть той, кем ты являешься. Если я делаю что-то, что тебе не нравится, ты можешь остановить меня. В этой постели никогда не случится ничего такого, из-за чего ты испытываешь дискомфорт. Клянусь, детка. Здесь ты в безопасности, и так будет всегда.

Эти слова были потрясающими.

Но все же.

Судорожно вздохнув, я открыла глаза и адресовала неуверенный вопрос его горлу:

— Ты не думаешь, что я... то есть, что у меня нет... эм...

— Нет, — прервал он твердо:

— Но в моем возрасте то, что я...

— Нет, Фэй.

Я сделала еще один прерывистый вдох и прошептала:

— Правда?

Его пальцы нежно сжали мою шею. Я прочитала его сообщение и сделала еще один прерывистый вдох, прежде чем дать ему то, о чем он невербально просил: откинула голову назад.

Он уже склонял голову вниз, и сразу же поймал мой взгляд.

Я тут же закусила нижнюю губу. Его взгляд скользнул к моему рту, прежде чем вернуться к глазам.

— Ты меня не услышала, а значит, не поняла, — мягко сказал он.

Я отпустила губу и промычала:

— Ммм...

Чейз опустил голову ниже, коснулся моих губ и отстранился на полдюйма, прежде чем прошептать:

— Детка, отдай ты это кому-то другому, оно не стало бы моим. Теперь оно мое. Никто и никогда не сможет обладать этим. Оно навсегда мое. И мне это нравится. Я думаю, это прекрасно. Так что я абсолютно не думаю, что милая, хорошенькая, застенчивая городская библиотечарша, которая хранила это так долго, как ты, а потом отдала мне, может быть кем-то иным, кроме как не чертовым идеалом.

По серьезному тону и такой же теплоте в его глазах я могла сказать, что он говорил абсолютную правду. Обо всем.

Каждым своим словом.

И поэтому я улыбнулась.

Его глаза опустились на мои губы, прежде чем медленно закрыться. То теплое откровение, которое я увидела за пиццей и глубоким разговором на нашем первом свидании, отразилось в его красивых чертах, прежде чем Чейз сделал то, что сделал тем вечером. С закрытыми глазами он наклонил голову вперед, касаясь лбом моего лба.

— Чейз, — прошептала я, и увидела, как его глаза открылись, а голова запрокинулась.

Затем он объявил:

— Пора тебя покормить.

Я моргнула. Он сделал движение, будто собирался меня оставить, но мои руки сжались вокруг него.

— Чейз, — снова позвала я, он замер и посмотрел на меня.

Затем меня поразило кое-что еще, и, поскольку я привлекла его внимание, мне пришлось что-то сказать об этом.

Так я и сделала, но не нормальными словами, а бормотанием.

— Я... э-э, ну... знаешь... м-м-м... а ты? — торопливо закончила я.

Его черты прояснились, и именно тогда он улыбнулся.

Это был новый тип улыбки. Порочный.

А еще чертовски сексуальный.

О, боже.

Затем он тихо сказал:

— Милая, я недавно проник тебе в трусики, насколько реально ты оцениваешь свои силы принять меня сейчас?

— Реально?

— Реально.

Я не знала ответа на этот вопрос.

Но он говорил, что в этой постели я в безопасности, и с тех пор как Чейз перестал посылать смешанные сигналы, я всегда чувствовала себя рядом с ним в безопасности.

Поэтому предложила:

— Скажи мне.

Его порочная улыбка теперь окрасилась весельем. Он частично навалился на меня, так что у меня не оставалось выбора, кроме как лечь на спину. Вытащив из-под меня одну руку, он оперся на предплечье в матрас рядом со мной.

Затем посмотрел на меня, наклонился ближе и мягко сказал:

— Позже, я сделаю для тебя все, и не торопясь. Брошу все силы, чтобы дать тебе все необходимое и подготовить тебя к себе. Не знаю, заботишься ли ты о себе так, как я только что это сделал. Если нет, то у меня не будет времени подготовить тебя и для тебя все может закончиться быстро. Теперь, — уголки его губ приподнялись, — ты в порядке. Это даст мне необходимое время. И тебе снова будет хорошо, и мне тоже.

Ладно, возможно, я не была готова к такой реальности. Я поняла это по тому, как тепло прилило к моим щекам.

Тем не менее, я пробормотала:

— О. Ладно.

Чейз усмехнулся, и я поняла, что он не упустил моего румянца. Наклонившись, он чмокнул меня в губы, снова отстранился и прошептал:

— Мы поработаем над откровенными разговорами о сексе.

Это казалось хорошей идеей.

— Буду признательна, — прошептала я в ответ.

Тело Чейза слегка дрогнуло от смеха. Но у меня не было возможности прочувствовать это, потому что он скатился с постели, а затем потянул меня за собой и поставил на ноги.

Именно в этот момент я поняла, что мои джинсы расстегнуты, и на мне нет ничего, кроме изумрудно-зеленого атласного бюстгальтера с полукруглыми чашечками с маленькими узкими диагональными сборками на них и крошечной окантовкой из голубовато-серого кружева.

Чейз наклонился за моей футболкой, и я быстро потянулась к ширинке джинсов.

Выпрямившись, он протянул мне футболку, а его взгляд остановился на моем бюсте, и остался там, пока я возилась с молнией.

— Возьми футболку, я застегну, — приказал он, притягивая меня к себе за пояс свободной рукой, не держащей футболку.

Я закусила губу, взяла футболку и начала ее натягивать.

Она была у меня над головой, когда Чейз застегнул мне пуговицу и теперь принялся за ремень, пробормотав:

— Когда мы перейдем к откровенному разговору, я точно скажу тебе, что думаю о твоём лифчике.

О, мой fraking бог.

Что же, приятно знать, что лифчик оказался стоящей покупкой.

Я нацепила футболку, избегая смотреть Чейзу в глаза.

Закончив с моим ремнем, он подцепил пальцем пряжку и притянул меня еще ближе, интимность жеста побудила мой взгляд скользнуть к нему.

— Внесу поправку в свое заявление: со мной ты в безопасности где угодно, но особенно в моей постели, а также особенно в этой комнате, — изрек он в тот момент, когда я посмотрела на него.

— Э-м... ладно, — прошептала я, счастливая слышать такое, даже если это, в принципе, повторяло его слова, хотя и не понимала, для чего он это сказал.

Чейз часто демонстрировал, что может читать меня, это происходило и сейчас.

— Хочу сказать, Фэй, — продолжил он, — что ты избегаешь моего взгляда, вероятно, из-за смущения или застенчивости и не знаешь, что делать дальше.

Чейз откинул мои волосы с плеча и обнял за шею. Но его взгляд не отрывался от меня ни во время этого, ни когда еще теснее прижал к себе, притянув за пряжку ремня, так что наши лица приблизились еще сильнее.

— Ты мне нравишься, — прошептал он. — Надеюсь, ты это поняла. Мне нравится все, что я знаю о тебе, даже то, что ты собиралась рассказать мне раньше, хотя я уже это знал. В том то и суть: там никого не было. Точнее, никого, кроме меня. И, наконец, мне нравится знать, что милая, застенчивая городская красотка-библиотекарша, с которой я встречаюсь, носит сексуальное нижнее белье. — В его глазах засветилась улыбка, и он продолжил: — Мне это очень нравится, детка. Охрененно нравится. Так что тебе нечего смущаться, стесняться или сомневаться. Да?

— Да, — прошептала я, слегка улыбнувшись и испытав облегчение, и не маленькое.

— Хорошо, — прошептал он в ответ, поцеловал меня в нос, отпустил, но взял за руку и вывел из комнаты.

Так как с того момента, как Чейз меня целовал и понес в свою спальню, я не открывала

глаз, то по пути из нее, я наконец смогла рассмотреть его дом.

И то, через что он меня вел, выглядело очень красиво. Дом казался продолжением Чейза. Мужским (очень), с хорошим вкусом и в западном стиле.

А еще невероятно большим. Мы все шли (шли и шли!), а затем, наконец, попали в огромную комнату, которая служила и гостиной, и кухней. Каждая из них была просторна по одиночке, но вместе являла собой громадное пространство. Не говоря уже о мягкой корпусной мебели, подобной которой я никогда раньше не видела. По сути, она представляла собой три полноценных дивана. Три.

Я предположила, что Мисти жила здесь с ним, но я не думала, что он отдыхал на этих диванах, пока она смотрела телевизор, в основном из-за того, что, по его словам, он изыскивал любую возможность не проводить с ней ни минуты. А значит, эти диваны предназначались для одного человека. Что было безумием.

— Э-м... у тебя просторно, — заметила я, пока он вел меня на кухню.

— Ага, — согласился он.

— Для одного здесь много места.

Он остановил меня у островка, на котором легко могли бы разместиться на ночь трое подростков. Просто накачайте надувной матрас, бросьте его сверху и надейтесь, что они с него не скатятся.

На мое замечание Чейз не ответил.

Вместо этого спросил:

— С тако ты пьешь красное вино или белое?

Я обернулась к нему и увидела его у холодильника.

— Тако?

— Говяжий фарш, приправы, еще всякая всячина, все куплено в магазине и все — полуфабрикаты. Я не повар. Мне не нравится возиться со всем этим. Но я должен есть, поэтому ем то, что мне нравится. Если оно содержится в упаковке, так тому и быть. Пусть это не блюда от Розалинды, но что-то близкое, не какое-то дерьмо. Итак, сегодня у нас тако.

— Я люблю тако, — сообщила я, хотя мексиканская еда от Розалинды мне нравилась больше. За ней нужно было ехать в Шантел, но Шантел находился недалеко, хотя ресторан Розалинды был настолько хорош, что поездка того стоила. Когда я не ездила в Шантел, но мне хотелось тако, я тоже ела полуфабрикаты. Поэтому решила сообщить Чейзу об этом факте. — К твоему сведению, я тоже готовлю тако из полуфабрикатов.

— Приятно знать, — пробормотал он, приподняв уголки губ, — красное или белое?

— Красное.

Он направился к бутылке вина, стоящей на прилавке.

Я подошла к табурету, выдвинула его и устроилась сверху.

— Есть, куда расти.

Таков был Чейз. На его странный комментарий, появившийся из ниоткуда, я уставилась ему в спину, когда он отступил в сторону, чтобы открыть ящик и вытащить штопор.

— Что, прости?

Он взял бутылку, повернулся ко мне, наши взгляды встретились, и я забыла, как дышать.

— Есть, куда расти, — повторил он, а затем объяснил. — Еще одна хреновая деталь моей жизни, когда мое будущее включало Мисти. Я не думал, что у меня будет то, чего я хотел, для чего я приобретал этот дом. Я купил его, чтобы привести в него женщину, а затем завести в нем семью. Он такой большой, потому что я хочу троих детей. Есть, куда расти.

Святой.

Frak.

— Есть, куда расти, — с придыханием прошептала я, не в силах оторвать от него глаз.

— Ага, — подтвердил Чейз, а затем спросил: — Ты хочешь детей?

— Э-м... да, — по-прежнему шепотом и по-прежнему с придыханием.

— Сколько?

— Троих.

Да, снова шепотом. Да, снова с придыханием. И, к слову сказать, я говорила правду.

Чейз улыбнулся.

Я перестала дышать.

Я отвела от него взгляд к бутылке вина.

Затем спросила:

— Ты не купил шампанское?

— Бл*ть, — пробормотал он, и мой взгляд вернулся к нему. — Забыл.

Я попыталась скрыть разочарование, но все же спросила:

— Ты забыл купить шампанское?

— Нет, — ответил он, ставя бутылку красного обратно на прилавок. — Ты затмила весь вечер новостью, что у тебя в сумочке запасные трусики, и я совершенно забыл, что купил шампанское.

Я закусила губу, хотя и немного обрадовалась, что смогла заставить его забыть обо всем.

Он ухмыльнулся, и по тому, как он это сделал, мне показалось, что он прочитал мои мысли.

У меня не было времени среагировать на это, потому что он прошел в коридор и исчез.

Вернулся Чейз с двумя высокими бокалами для шампанского, на дне которых чуть выше ножки были выгравированы симпатичные крошечные подковы. Я не знала, как, но им удалось смотреться классно и круто, а не вульгарно, как могли бы выглядеть некоторые подобные вещи. Возможно, это из-за точной, почти изящной гравировки, которая не выглядела мультяшной. Возможно, из-за качества стекла, настолько чистого и тонкого, что по ободку свет проходил сквозь призму. Что бы это ни было, они выглядели потрясающе.

Чейз поставил их на столешницу рядом со мной, будто они не лучше пластмассовых, и направился обратно к холодильнику, когда я предложила:

— Я могу чем-нибудь помочь?

Он повернулся с бутылкой шампанского, дверца холодильника захлопнулась за ним, и открыл было рот, чтобы ответить, но тут раздался стук в дверь.

Глаза Чейза устремились в сторону входной двери. Они сузились под нахмуренными бровями, а его челюсть напряглась. Вид был несколько пугающий. Но мой взгляд упал на его рубашку, все еще расстегнутую мной на три пуговицы, и рыжевато-каштановые волосы, покрывающие видимый участок груди. Это была не густая поросль, а короткая сексуальная россыпь.

Под «сексуальной» я имела в виду «чертовски невероятно сексуальную».

У меня потекли слюнки.

Чейз, несомненно, не посчитал бы волосы на груди сексуальными, но я знала, что его мысли были далеко от сексуальных, когда он прорычал: «Гребаное дерьмо», поставил бутылку на прилавок рядом с бокалами и подошел ко мне.

Проведя пальцами по длинной пряди сбоку, наклонился и прошептал: «Сейчас

вернусь». Затем поцеловал меня в лоб, отпустил мои волосы, и я повернулась на табурете, чтобы наблюдать, как он крадется (о, боже, крадется) к двери.

Даже, несмотря на такую походку и его нетерпение, я наблюдала, как двигается его тело — широкие плечи, которые рубашка даже близко не скрывала, длинные ноги, облаченные в джинсы, руки по бокам, — и, как всегда, зрелище радовало взгляд.

На той неделе за ужином у меня дома он упоминал, что со старших классов занимается плаванием и бегом. Он плавал в спортивном зале Шантела два раза в неделю, бегал по пять миль два раза в неделю, десять миль один раз в неделю и имел дома силовые тренажеры, на которых тренировался два раза в неделю.

Это усилие окупилось для него сполна, и, поскольку он поддерживал свое тело в форме и время от времени нагружал его, то знал, на что оно способно, и то, как он ходил, полностью контролируя свое тело, говорило об этом.

У меня возникло ощущение, что произошедшее в его спальне, предвещало то, что Чейз назвал «позже». По моему позвоночнику пробежали мурашки, каких я никогда раньше не чувствовала, но мне они очень понравились.

Я улыбнулась про себя, и мой взгляд остановился на шампанском. Мне нужно было выпить. Чейз довел меня рукой до оргазма. Это определенно требовало шампанского. Я подумывала открыть бутылку сама, но с самого нашего первого свидания, если Чейз был со мной, я никогда не наливала и не покупала себе выпивку.

Тут мне пришло в голову, что Чейз несколько старомоден. У него не возникало проблем с тем, что я готовила для него и подавала еду. Но он не хотел, чтобы я наливала себе выпить. Он помогал убирать со стола, если был у меня дома, но принадлежал к тому типу мужчин, кто только вытирает посуду и ставит ее на место. Не иначе. В этом он придерживался четких границ. Мужчины не мыли посуду. Они вытирали и убирали. Мужчины не подносили еду. Они наливали напитки.

Определенно старомодно.

Кроме того, странно сексуально.

— Господи, ты, мать твою, серьезно? — услышала я вопрос Чейза, ставший, судя по всему, грубым приветствием, а затем: — Джон, я не при исполнении. Охренеть как не при исполнении, и поэтому не ответил на гребаный телефон.

Ясно, Чейз ругался больше, чем обычно. Он злился. Но у меня создалось впечатление, что, узнав, кто стоит у двери, его злость усилилась.

— Знаю, но ты нужен нам в этом деле, Чейз, иначе я бы не пришел. Ты наш самый опытный детектив, — прозвучал другой голос.

— Фрэнк, возможно, сдал экзамен всего несколько месяцев назад, но он с самого рождения живет в этих краях, чист и на работе. Он справится, — ответил Чейз.

— Чейз, это убийство.

Воздух покинул мои легкие, и я замерла.

— Бл*ть, — резко выпалил Чейз.

— Это Даррен Ньюкомб, — объявил Джон.

Внезапно через всю переднюю часть дома пронесся раскаленный добела электрический разряд.

Он был настолько силен, что я развернулась на табурете в ту сторону, пока Джон продолжал:

— Брат, прости, но его нашли на подъездной дороге к Ранчо Чудес, примерно в десяти

футах от того места, где нашли твою жену. И, приятель, хреново, что мне приходится говорить тебе такое дерьмо, но Ньюкомба порешили так же, как и ее.

При этих словах, мое тело обрело собственный разум, я проигнорировала пугающий электрический ток, все еще бьющий со стороны входной двери, и стремительно пересекла огромное кухонное пространство, направляясь в коридор.

По пути я увидела открытую входную и закрытую штормовую дверь. В освещенном фойе стоял полицейский в форме, который был у стойки регистрации в день моего визита в участок. Чейз не двигался, его челюсть в профиль была крепко сжата, и то, и другое заставило мое сердце сжаться.

Взгляд Джона остановился на мне, когда я достигла конца коридора, потом на Чейзе. Он посмотрел на рубашку Чейза, расстегнутые пуговицы, а затем снова на меня. Неловко переступил с ноги на ногу, вероятно, несколько неточно истолковав ситуацию, поскольку он ни на чем таком нас не прервал, но правильно понял, что что-то явно происходило.

Обычно это бы меня огорчило.

Но я полностью сосредоточилась на том, чтобы добраться до Чейза.

Что я и сделала. Незамедлительно я подошла к нему. Чейз рассеянно поднял руку, обвивая мои плечи, я прильнула грудью к его боку и обняла его за талию.

— Милый? — позвала я, пока он молча смотрел на офицера Джона.

При этом слове его тело слегка вздрогнуло, он посмотрел на меня и пробормотал:

— Дорогая, возвращайся на кухню.

— Мне и здесь хорошо, — мягко отказалась я, сжав его талию.

Он наклонился ко мне и тихо повторил:

— Возвращайся на кухню, детка.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи, посмотрела ему в глаза и повторила (вроде как):

— Чейз, милый, мне и здесь хорошо.

— Характер, — пробормотал он, его взгляд скользнул по мне, а затем переместился на Джона. — Отправь кого-нибудь проверить Харкерс Вуд. Я улажу все с Фэй, а потом приеду.

О, боже. Святой фрак.

Харкерс Вуд.

Я слышала о Даррене Ньюкомбе, но подробностей не знала. Его имя было просто знакомо.

Но кем бы он ни был, это было как-то связано с Мисти.

— Фрэнк уже там. Патруль в пути. Фрэнк с телом, — отрапортовал Джон.

— Позвони ему, скажи, что я первым должен осмотреть тело. Потом прошерстим лес. Семья в курсе?

Джон снова неловко переступил с ноги на ногу и покачал головой.

— Бл*ть, — пробормотал Чейз. — Ясно. Тело, лес, потом поеду к его семье.

Мне это не нравилось, но даже если и так, это была его работа. К сожалению, убийства в Карнэле происходили с ужасающей частотой. Ну, не совсем так. Была Тоня Пейн, официантка, убитая Далтоном Макинтайром. Затем Нита, бывшая девушка Тейта, хотя она и не жила в Карнэле, была убитая Макинтайром именно здесь, так как Макинтайр проживал в Карнэле и все свои убийства совершал здесь. И, конечно же, Мисти Китон. Но, тем не менее, убийства этих троих, которых я смутно знала, произошли за последние несколько лет, а я прожила здесь почти всю жизнь без единого убитого человека.

Хотя я подозревала, что даже сообще вы сотне семей, что близкий им человек мертв

или с ним случилось что-то плохое, это никогда не будет веселым занятием.

— Ладно, Чейз, — пробормотал Джон и посмотрел на меня. — Извини, э-э... Фэй кажется?

Будто он не знал. Мы с Чейзом ходили в итальянский ресторан, в «Петуха» и в «У Баббы». Разговоры до меня не доходили, но я не была тупицей. Город гудел от слухов.

Да и вообще, три недели назад я назвала ему свое имя в полицейском участке.

— Да, Фэй. — Я протянула руку, но осталась рядом с Чейзом, обнимая другой рукой его за спину. — Джон?

— Верно, Джон. — Он принял мою руку и сжал ее, слегка улыбнувшись, как при знакомстве после сообщения о том, что кого-то убили. — Извини, что прервал, но, э-э... приятно познакомиться, официально.

— Мне тоже, Джон, — тихо ответила я и разжала руку.

Он отпустил ее и посмотрел на Чейза.

— Увидимся, э-м... там, — пробормотал он, кивнул мне и попятился к двери.

Чейз сжал мои плечи. Я прочитала послание, отпустила его талию, и он последовал за Джоном.

— До скорого, — пробормотал он. Джон оглянулся через плечо на Чейза, кивнул и ушел.

Чейз закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Я э-м... пойду, э-м... найду сумочку и поеду домой.

Я размышляла о том, куда могла деть свою сумочку, поэтому немного подпрыгнула, почувствовав, как руки Чейза легли по обе стороны моей шеи, и я запрокинула голову, чтобы поймать его взгляд.

И от увиденного у меня перехватило дыхание.

— Пожалуйста, дорогая, — прошептал он, — приготовь тако. Поужинай. Посмотри телевизор. Делай что угодно. Но, в конце, ложись спать в мою постель.

О, боже.

Я моргнула, в животе разлилось тепло, сердце екнуло, я обвила ладонями его запястья, и мой разум не мог решить: испугаться ли мне, взволноваться или возбудиться.

— Чейз... — прошептала я в ответ, не зная, что еще сказать, но, не имея возможности произнести ни слова.

Его руки на моей шее сжались, крепко, но не сильно. Его лицо приблизилось.

— Пожалуйста, Фэй, что бы ни произошло, когда я вернусь домой, я хочу забраться в свою постель, к тебе.

— Ладно, — тихо согласилась я, и настала очередь Чейза моргнуть.

— Что?

— Хорошо, — повторила я. — Я останусь. Поужинаю тако. Посмотрю телевизор. Если к тому времени тебя все еще не будет дома, лягу спать в твою постель.

Его лицо отодвинулось на дюйм, но все еще мягким голосом он спросил:

— Так просто?

— Ты хочешь, чтобы я была здесь? — спросила я.

Он не ответил. Невыразимая нежность омыла его лицо, и он пробормотал:

— Боже, Фэй.

— Тогда я буду здесь, — закончила я, будто он ответил «да».

Его пальцы сжались сильнее, и он издал гортанное: «Боже, Фэй», что было больно

слышать, но почему-то все равно приятно.

Я сжала его запястья.

— Иди и возвращайся. Я голодная, поэтому мне нужно приниматься за готовку. — Я приподнялась на носочки и заключила: — Шампанское оставлю на завтра.

Именно тогда его руки на моей шее грубо дернули меня вперед, но Чейз меня не поцеловал. Он отпустил мою шею, чтобы крепко обнять за талию.

Закрыв глаза, я обняла его в ответ и прижалась щекой к его груди, потому что мне было очень хорошо.

Но в то же время и плохо, потому что я знала, что он чувствует себя ужасно, а я не могла защитить его от этого. Единственное, что я могла, это уснуть в его постели, как он просил. И для него это значило очень много; он по-мужски сообщил об этом своими объятиями.

Нет, правда, если вы общаетесь таким образом, то кому нужны слова?

Этим все будет сказано.

Я обняла его так крепко и прижалась так близко, как только могла, понимая, что он сильнее меня.

Это длилось недолго, затем я почувствовала прикосновение его губ к макушке, и Чейз сказал:

— Мои футболки в комод, посередине справа. Возьми одну, когда будешь ложиться спать, хорошо?

Я кивнула, хотя и не помышляла об этом. Я принесла сексуальную ночнушку. Теперь меня тяготила дилемма. Сексуальная ночнушка (для Чейза) или его футболка (для меня).

Я так и не выбрала, когда Чейз поцеловал меня в макушку, сжал и отпустил.

Но я почувствовала, как кончики трех пальцев легли мне под подбородок, в очередном безмолвном приказе приподнять голову.

— Вероятно, дело не пройдет быстро, но я вернусь домой так скоро, как только смогу.

Я кивнула.

Его пальцы легким касанием пробежались по моей челюсти, посылая приятное покалывание по шее и щекам, и Чейз прошептал:

— Спасибо, детка.

— Не за что, милый.

Он ухмыльнулся, легкой улыбкой, не коснувшись его глаз. Затем склонил голову и прикоснулся губами к моим губам.

Я получила еще одно прикосновение губ, после чего он ушел в спальню, а я отправилась на кухню, принявшись рыться в поисках ингредиентов для ужина, а Чейз вернулся уже в свитере, куртке и ботинках.

Он ушел.

Я приготовила тако. Поужинала.

Сложила остатки в одну из тех многоразово-одноразовых емкостей, которых, при осмотре, у Чейза оказалось полно.

Включив большой телевизор с плоским экраном, выбрала, что посмотреть.

Когда часы должны были вот-вот пробить полночь, я смыла макияж, увлажнила кожу, почистила зубы, надела сексуальную ночнушку и скользнула в кровать Чейза.

Думала, что никогда не засну там, где расположилось мое тело. В месте, где за двадцать девять лет оно никогда не располагалось, то есть не только в кровати Чейза, но и любого другого мужчины.

Но его матрас был настоящей бомбой. Походил на твердое облако.

Итак, спустя несколько секунд после того, как моя голова коснулась подушки, я вырубилась.

Глава 9

Ожидание того стоило

Я выплыла из сна, окруженная восхитительным теплом, мои веки трепетали, в попытке открыться, когда я почувствовала странные ощущения на спине и талии.

Мои веки продолжали трепетать, и я поняла, что сзади ко мне прижималось теплое тело, а сильная рука, обхватившая мой живот, нежно потянула меня назад в крепкие объятия.

Чейз вернулся домой.

— Милый? — позвала я едва слышно.

Его рука на моем животе сжалась.

— Засыпай, детка.

Боже, с ним так приятно. Приятно было все. Его потрясающий матрас. Пуховое одеяло поверх нас. Подушки, представляющие собой идеальное сочетание жесткости и податливости. Теплый кокон, в котором мы лежали. Его длинное тело, прижимающее меня к себе.

Затем в сознание проникло понимание того, откуда он вернулся, по какой причине отлучался, и связь с историей Мисти. Мои веки перестали трепетать, мозг заработал, и я проснулась.

— У тебя все нормально? — прошептала я.

— Фэй, засыпай, — прошептал он в ответ.

Я не только лежала в изгибе его тела, в комфорте, тепле и безопасности, проведя приятную ночь в уютном доме, но и не расследовала убийство морозной ночью и не сообщала семье о смерти близкого им человека.

Я накрыла ладонью его руку на моем животе.

— Чейз, ты в порядке? — на этот раз вопрос прозвучал тверже.

Он растопырил пальцы, переплетая их с моими, и крепко сжал.

Потом тихо сказал:

— Нет. Но буду после того, как выплюсь.

Я вытянула свою руку из его, но тут же повернулась в его объятиях.

Он тут же вновь устроился в моем теле и начал:

— Фэй...

Я обняла его за талию, прижалась к нему и спросила:

— Тебе нужно поговорить?

— Мне нужно поспать, — ответил он.

— Может, тебе стоит выговориться, — тихо и осторожно надела я.

— Вообще-то, детка, мне нужно поспать.

— Было плохо, — прошептала я.

— Ага, — прошептал он.

О, боже.

— Значит, тебе следует выговориться, — мягко попросила я.

— Дорогая, ты милая, но мне нужно поспать.

— Ты должен избавиться от этого.

Рука на моей талии напряглась, и голос Чейза приобрел нотки нетерпеливого рычания, когда он предостерегающе произнес:

— Фэй.

— Плохо засыпать с дурными мыслями, так говорит папа, — настаивала я.

— Твой отец — мудрый человек, но с моей стороны будет хреново, вываливать на тебя все это дерьмо. Уже поздно, и мне очень нужно поспать.

Я прижалась к нему теснее и прошептала:

— Ты держишь все в себе, и это только будет разъедать тебя изнутри.

— Фэй...

— Ты должен разобраться с этим.

— Фэй, милая, серьезно...

— Не хочешь говорить, тогда разберись с этим по-другому. Займись со мной любовью.

Чейз полностью замер, не говоря ни слова, как и я.

Неужели я сказала это?

Судя по всему, да, поскольку через мгновение оказалась на спине, а Чейз нависал надо мной.

— Ты серьезно? — прошептал он.

Нет, не серьезно. Я сошла с ума.

Впрочем, бесспорно, ощущение тяжести его массивного, теплого тела на мне было приятным.

— Да, — прошептала я.

— Ты готова к этому?

Нет. Совершенно не готова.

Хотя, опять же, мне было приятно ощущать тяжесть его массивного, теплого тела.

И я помнила разговор с Лекси, Лори и Кристал и то, как им всем пришлось «разосрать мозги» своим мужчинам, и часть этого процесса включала в себя, ну, секс с ними.

Произошедшее этой ночью с Чейзом, однозначно, «засрало» ему мозги.

Так что...

Frak!

— Да, — прошептала я.

— Уверена?

Он читал меня даже в темноте.

— Да, — тихо повторила я. Мои руки двинулись вверх по его обнаженной спине, ощущение мне понравилось, но таким образом я еще пыталась сообщить о своей уверенности.

— Фэй, детка...

Ему нужно взять инициативу в свои руки. Если это должно было случиться, то начать это должен был он. Я доказала, что могу быть вдовой. Но, черт возьми, не могла вести.

Чтобы побудить его к действию, я тихо потребовала:

— Поцелуй меня, Чейз.

— Бл*ть, — прорычал он, и моя рука скользнула в его волосы.

Серьезно, на ощупь его волосы были великолепны.

Это придало мне смелости, поэтому я приблизила губы к его губам и прошептала:

— Поцелуй меня, милый.

Он наклонил голову и поцеловал.

Примерно через секунду, он подтвердил мою правоту.

Я была отличной вдовой.

Его поцелуй не был диким и неистовым. Он был нежным, сладким, но все же глубоким. Он начал медленно, и я последовала за ним, двигая ладонями по его коже, повторяя их предыдущий путь, запоминая ощущения, обожая каждый дюйм.

Его ладони тоже скользили по мне, вниз по бокам, касаясь слегка, но в то же время твердо и определенно жарко. Или, возможно, это уже пылала я сама.

Когда его руки вернулись тем же путем вверх, его губы приблизились к моему уху и прошептали:

— Детка, что на тебе надето?

— Я, э-э... пришла подготовленной, — прошептала я, чувствуя на шее его улыбку, а затем его язык пробежал по всей ее длине, а ладони скользнули вниз по шелку моей ночнушки.

Я вздрогнула.

Губы Чейза вернулись к моим губам.

Последовали более медленные, сладкие поцелуи. Более ленивое, неторопливое поглаживание. Затем его губы вернулись к моей шее, занявшись ей, и мне это понравилось. Боже, это было прекрасно. Они двинулись к моему горлу, вниз, язык погрузился в ямку между ключицами. В этом было нечто такое нежное, но такое декадентское, что вызвало дрожь, и я беспокойно заерзала.

Губы Чейза медленно двинулись вверх по моей шее, а ладонь переместилась на мои ребра.

Коснувшись поцелуем моих губ, Чейз тихо спросил:

— Еще?

— Ага, — тихо выдохнула я.

Ладонь обхватила мою грудь.

Мои губы раскрылись, и я пробормотала:

— О, да.

Большой палец скользнул по моему соску.

Я перестала водить руками по телу Чейза, сомкнув их вокруг него.

Его губы приняли мои в ином виде поцелуя, не таком медленном, не таком ленивом, а более горячем и требовательном.

Я отдалась ему, двигая языком в едином с ним ритме, рука Чейза скользнула вниз, под подол ночнушки и вверх. Он обхватил мою обнаженную грудь, кружа по соску большим пальцем.

Боже, еще прекраснее. Идеально. Моя спина слегка выгнулась, чтобы вжаться грудью в его ладонь, Чейз зарычал мне в рот, и поцелуй стал еще более горячим и требовательным.

Я продолжала отдаваться, вновь двигая руками по его телу, но уже быстрее, стараясь охватить как можно больше, и одной рукой скользнула вниз на его зад.

Большой палец Чейза перестал кружить, встретился с указательным и сжал.

О, боже, это было прекрасно. Так чертовски великолепно, что я стиснула его зад, прервала наш поцелуй, уткнулась лицом ему в горло и захныкала.

Голос Чейза звучал хрипло-рычаще, когда он спросил:

— Еще?

— Да, — выдохнула я. — А ты?

— Что?

— Что мне сделать для тебя?

Я почувствовала, как он наклонил ко мне голову и спросил мне на ухо:

— Ты мне доверяешь?

— Абсолютно, — мгновенно прошептала я.

— Господи, детка, — прошептал он, — следуй за мной.

Я не знала, что он имел в виду, пока не высвободил руку из-под моей ночнушки, нащупал мою руку у себя на спине и переместил ее себе на грудь, затем повел ее по ребрам, животу и вниз.

Я задержала дыхание.

Чейз почувствовал это и пробормотал:

— Дыши, детка.

Я вдохнула.

Он заскользил моей рукой ниже, ниже, ниже и за пояс штанов. Я почувствовала жесткие волосы, повернула голову и прижалась губами к его шее, после чего он опустил мою руку, смыкая мои пальцы вокруг твердого члена.

О, боже, мне это понравилось.

Офигенно понравилось.

Это было мое. Это было для меня. И это было потрясающе.

Я коснулась языком его шеи, инстинктивно сжав пальцы.

В ответ он впился зубами в мою плоть и прорычал:

— Хочу твой рот.

Я повернула голову и дала ему то, что он просил.

Он взял это. Наши руки ласкали его член, двигаясь вверх и вниз. Подушечкой большого пальца я обвела шелковистый кончик.

Такой шелковистый, что я смутно подумала: как что-то настолько твердое на ощупь может быть как шелк.

Это не имело значения, потому что было прекрасно и очень горячо. Боже, как же горячо. Удивительно. Мои прикосновения к нему были почти лучше, чем его ко мне (почти).

Мои ласки заставили Чейза застонать мне в рот.

Становилось горячее!

— Чейз, — прошептала я ему в губы, прильнув к его груди, мои ноги беспокойно задвигались. Он аккуратно отвел наши руки от своего члена, переместив их вверх по животу и себе за спину, тем временем приблизившись губами к моему уху.

— Фэй, детка, сейчас я попробую тебя на вкус. Это значит, что мой рот будет между твоих ног. Ты кончишь от моего рта, дорогая, а потом я возьму тебя. Ты готова к большему?

О, черт возьми, да.

— Ага, — прошептала я.

— Милая и охрененно сексуальная, — прошептал он в ответ. Затем сделал так, как сказал, спустился вниз, не быстро и не медленно, целуя и лаская руками на протяжении всего пути, сдвинул ночнушку мне под грудь и добрался до трусиков.

Очутившись на моем животе, он поцеловал его, а затем стянул с меня трусики. Я подтянула колени, чтобы помочь, Чейз сдернул их с лодыжек, после чего ткань исчезла.

Встав на колени, он положил ладони на внутреннюю сторону моих коленей, слегка надавил и нежно призвал:

— Откройся для меня.

Разгоряченная, обеспокоенная, взволнованная, возбужденная, но также и немного

напуганная, я нерешительно сделала, как он просил.

— Вот так, — прошептал он.

Я почувствовала его губы на внутренней стороне колена, рядом с его рукой, затем они двинулись вниз по внутренней стороне бедра, выше, выше. Я напряглась. Мои ноги начали дрожать, пока губы Чейза совершали свое путешествие.

Потом они достигли цели.

Боже.

О, боже.

Боже, боже, боже.

Это было... это было...

Неописуемо.

Я вцепилась в простыни, уперлась ногами в матрас, и мои бедра задвигались вместе с его ртом.

Одна его рука переместилась под меня, поддерживая под попку, помогая мне, подтягивая вверх, а кончики пальцев другой руки легко скользили по внутренней стороне моего бедра.

Ладно, это было лучше, чем его палец (возможно). Это было фактастично.

По ногам пробежала дрожь, внизу живота что-то назревало, грудь набухла, я крепче стиснула простыни, и тогда это случилось.

— Милый, — захныкала я, выгнув спину вместе с шеей, по мне пронеслось торнадо, пронзая меня, и я кончила.

Очень-очень сильно.

Все еще кончая, я смутно почувствовала прикосновение губ к моему животу. Как Чейз сжал мои ноги. Потом он исчез.

Я выплыла из тумана, когда Чейз вернулся, его руки снова лежали у меня на коленях, надавливая, и на этот раз ему не нужно было их побуждать. Они сами раскрылись для него, и я, распахнув глаза, увидела его силуэт, стоящий на коленях между моими ногами.

Одна его рука оставалась у меня на колене, скользя вниз по верхней части моего бедра, другая — что-то делала, и, прежде чем я сообразила, что, Чейз устроился между моих бедер, опираясь на руку сбоку от меня. Затем опустил на предплечье, и я приняла его вес.

Мне это тоже понравилось.

Нет, я влюбилась в это.

Ощущения были фантастическими.

Опустив голову, он коснулся губами моей шеи и прошептал:

— Ты в порядке?

— О, да, — прошептала я и почувствовала еще одну улыбку.

Затем он мягко сказал:

— Детка, я буду действовать медленно. Несмотря ни на что, независимо от того, что мы зашли так далеко, если тебе будет нужно, чтобы я остановился, я остановлюсь.

Я совершенно не понимала, о чем он говорит. Я знала лишь одно: он мог делать все, что захочет.

Тем не менее, поскольку Чейз, казалось, ждал ответа, я сказала:

— Хорошо.

— Хорошо, — пробормотал он мне в шею, и я поняла, о чем он говорит, потому что почувствовала кончик члена, направленный в меня.

Он колебался всего мгновение.

И тут я осознала. Целиком и полностью.

Сейчас он заберет ее.

И заберет он ее потому, что она принадлежала ему.

Я повернула голову так, чтобы мои губы оказались у его уха, и призвала:

— Возьми.

Мне показалось, что его тело под моими руками как-то странно напряглось.

— Возьми, — тихо повторила я.

Я почувствовала, как кончик толкнулся внутрь.

— Я буду действовать медленно, — ответил он так тихо, что звук походил на стон, и, чуть отстранившись, снова вошел лишь кончиком.

— Войди в меня, Чейз, — прошептала я.

— Ты такая узкая, детка, я не хочу причинить тебе боль.

Мои руки напряглись, я прижалась бедрами к его бедрам, и сказала ему правду:

— Дорогой, войди в меня, возьми, она твоя.

— Фэй...

— Сейчас.

— Детка...

— Пожалуйста.

Его рука двинулась между нашими телами вверх по моему животу и вбок, вокруг талии, и он скользнул немного глубже.

Хорошо, о, боже, это было хорошо.

Его губы переместились вверх по моей шее, а член скользнул еще глубже.

Ладно, да, вау, стало лучше.

Его язык отправился в обратный путь вниз по моей шее, и Чейз скользнул глубже.

О, боже, хорошо, даже лучше.

Проникнув глубже, он снова остановился и вышел.

Вау, вау, фантастика.

— Чейз, — прошептала я, скользя руками по коже его спины. — Тебе нужно, чтобы я что-нибудь сделала?

— Нет, детка. — Его голос звучал низко и хрипло, слишком хрипло, почти болезненно.

— Войди, — выдохнула я ему в ухо. — Возьми меня, милый, я — твоя.

Это подействовало.

Чейз вздрогнул, его губы сомкнулись на моих губах, успокаивая, и я почувствовала его внутри, полностью, наполненная им, соединенная с Чейзом. Наконец-то.

Как прекрасно.

Я, наполненная Чейзом, — лучшее чувство во всем fraking мире.

— Бл*ть, детка, мне нужно двигаться, — простонал он.

— Двигайся, — призвала я, и он задвигался, контролируемо, плавно, ритмично и невероятно прекрасно.

О, боже, почему я откладывала это так долго?

По-прежнему контролируемые толчки Чейза все убыстрялись, его рука переместилась от моей талии к животу и вниз, и я почувствовала его большой палец прямо там, где я не знала, что он должен быть, пока он там не оказался.

О, боже, серьезно, как много я всего упустила.

Мои губы под его губами приоткрылись, а бедра приподнялись.

— Обхвати меня ногами, Фэй, держись крепче, — приказал Чейз, и я обвила ногами его бедра, а его большой палец надавил сильнее и сделал круг.

Святой frak.

— Да, — выдохнула я ему в рот.

Его язык скользнул внутрь.

Чейз толкался. Надавливал. Кружил. Соответствуя движениям его языка. Кожу покалывало. Меня пронзила дрожь. Кровь, уже воспаленная, плавила вены. Я ответила на поцелуй Чейза, скользнув рукой вниз, чтобы обхватить его зад и убедить дать мне больше.

Он дал — быстрее, сильнее и, о да, потрясающе.

Чейз прервал поцелуй, уткнулся лицом мне в шею, и я услышала, как мы оба шумно вздохнули, когда он простонал мне в кожу:

— Господи, бл*ть, такая нежная, такая узкая, чертовски, охрененно прекрасная.

— Милый, — выдохнула я, запнувшись на середине слова, потому что его толчки усилились, сотрясая мое тело. Моя рука с его ягодицы поднялась вверх по позвоночнику, в его волосы и сжала их в кулак, пытаюсь удержаться.

Я снова судорожно вдохнула, на этот раз по другой причине, и продолжила поглощать толчки Чейза, но он оторвался от матраса, придавив меня своим весом. Его рука потянулась к моей в его волосах, пальцы обвились вокруг запястья, отводя в сторону и переплетая наши пальцы, а затем Чейз уперся предплечьем в кровать и, продолжая толкаться, держал меня за руку.

Держал меня за руку.

Держал меня за руку.

Крепко. Как в тисках. Переплетя пальцы.

Словно никогда не хотел отпускать.

Внезапно, это ударило меня, как выстрел, ноги и руки напряглись, и я вскрикнула, снова кончив. Не сильнее, не продолжительнее, но почему-то намного, намного слаще.

Когда я пришла в себя, его большого пальца уже не было, он просунул под мою шею ладонь, обвивая ее, и его рот приблизился к моему, когда он продолжал входить все глубже и глубже... боже, мне нравилось чувствовать его внутри себя.

Затем его бедра соприкоснулись с моими, замерев, Чейз застонал мне в рот, и мне это понравилось еще больше.

Почти мгновенно его губы оторвались от моих, скользнули по моей щеке, и я услышала его затрудненное дыхание, пока мое выравнивалось.

Мы лежали в темноте ночи, но все, что было в тот момент, я прочувствовала с доселе невиданной ясностью.

Всё.

Его вес на мне, соприкосновение наших тел, тепло ладони на шее, силу его пальцев, впивающихся мне в спину, наши переплетенные пальцы на матрасе, звук его дыхания у меня в ушах, овевающий кожу, его вес на мне, его густые, шелковистые волосы в моей руке, обвивающие его талию ноги.

Я надеялась, что никогда не забуду этого, ничего из этого, ни единой детали, до конца своей жизни.

Я отдала Чейзу Китону свою девственность, как и решила еще в шестнадцать лет.

Он взял ее, до этого подарив мне два оргазма, а после — еще один.

И когда мы достигли пика удовольствия, он держал меня за руку.

Ошеломленная всем этим, красотой момента, получив то, о чем я мечтала годами, тем, что это было лучше, чем в моих бесчисленных мечтах, на глаза мне навернулись слезы. Я даже не пыталась смолчать, когда повернула голову к его уху.

— Я увидела тебя впервые в шестнадцать лет, тогда я была юна, романтична, и это может показаться глупым, но в ту минуту, когда я тебя увидела, поняла, что хочу отдаться тебе. Я знала, что это будешь только ты. Милый, я ждала тринадцать лет. И ожидание того стоило.

Его тело замерло надо мной, и мое сердце сжалось.

Ох, fuck, я перегнула палку.

Ох, fuck! Вероятно, когда пары в первый раз занимались этим, они не делились задушевными романтическими секретами.

Fuck!

Ладонь с моей шеи исчезла, и я напряглась, не зная, что делать, не в силах сбежать от Чейза, так как он был на мне и во мне. Деваться мне было некуда, и никакой надежды выбраться отсюда, даже если бы и было куда идти.

Он чуть переместился, затем зажегся свет.

Я моргнула от внезапной яркости.

Затем сфокусировала взгляд.

От увиденного, на глаза мгновенно навернулись слезы, и всего через несколько секунд потекли к вискам.

Потому что Чейз смотрел на меня. Его голубые глаза были так же прекрасны, как его лицо и тело. Глаза мужчины, который был мужчиной на все сто процентов.

И в них стояли слезы.

О, мой fucking бог.

Обхватив рукой мою челюсть, Чейз провел большим пальцем по моей скуле. Все это время его взгляд не отрывался от моих глаз, и он не скрывал своих эмоций, не боролся с ними.

Я отдала ему свою девственность.

Он отдавал мне свои эмоции.

Это был самый прекрасный подарок, который я когда-либо получала.

Затем он прошептал:

— Я хочу позаботиться о тебе. Ты позволишь мне, Фэй?

Я бы позволила ему все, что угодно.

Абсолютно все.

Хотя понятия не имела, что он имеет в виду.

— Да, — согласилась я.

Опустив голову и прижавшись губами к моим губам, Чейз прошептал:

— Спасибо.

Снова коснулся моих губ поцелуем и, нежно, медленно выскользнул из меня, чтобы позаботиться.

Скатившись с кровати и бережно подхватив меня на руки, Чейз направился в ванную и усадил меня на туалетный столик. Было темно, пространство освещал лишь свет из спальни. Я видела, как двигался силуэт Чейза, когда он открывал краны в ванне. Затем переместился в маленькую нишу, где находился унитаз, раздался звук спускаемой воды, после чего Чейз

вернулся в ванную.

Приглушенный свет отразился на его обнаженном теле, и я впервые увидела все, чем являлся Чейз.

Это было не менее красиво, чем мои фантазии на протяжении тринадцати лет: широкие плечи, широкая грудь, четко очерченные ключицы, мускулистые бедра, рельефный пресс, стройные ноги, четко выраженные косые мышцы живота.

Но сексуальная россыпь волос на груди и под ключицами спускалась дорожкой вниз по животу к более густой поросли вокруг его прекрасного члена, став бонусом, которого я не ожидала.

Он остановился передо мной у раковины, осторожно вытащил ночнушку из-под моей попки, и я затаила дыхание, когда подняла руки, чтобы он стянул ее с меня.

Прежде чем я успела смутиться из-за того, что оказалась перед ним обнаженной, он снова поднял меня на руки и поставил рядом с ванной. Затем помог забраться в нее, зайдя следом и устроившись позади меня, окружив мое тело согнутыми в коленях ногами так, что я полулежала на его груди, пока ванна наполнялась горячей, успокаивающей водой.

— Расслабься, Фэй, — ласково призвал он, обхватив меня руками, одной — вокруг ребер, другой — вокруг груди.

— Хорошо, — прошептала я и не солгала. Невозможно не расслабиться в таком полумраке, в горячей воде, в объятиях Чейза, подарившего мне два оргазма.

— Детка, ты прекрасна, — мягко сказал он мне на ухо, скользя одной рукой по моему животу. Я подозревала, что он смотрит на меня из-за моего плеча сквозь полумрак.

Боже, я надеялась, что он говорит то, что на самом деле думает.

— Хорошо, — тихо повторила я, не так уверенная в этом.

— Всё моё, — пробормотал он. — Господи, наконец, всё моё.

Я закрыла глаза, втянула воздух и еще сильнее расслабилась, прижавшись к его груди.

Я чувствовала движение губ на моей шее, когда он продолжил бормотать:

— Тринадцать лет и всё моё.

Мои слова что-то значили для него. Я знала это. Поскольку после них, Чейз показал мне себя, свою уязвимость. Да, это должно было значить многое.

Но его последняя фраза точно дала понять, насколько велико это значение.

И это значение было велико и для меня.

Сглотнув, я повернулась к Чейзу. Он коснулся губами моего лба и сжал в объятиях.

Ванна наполнилась.

Чейз продвинул нас обоих вперед и закрыл краны, а затем усадил нас обратно. Когда мы устроились, его ладони заскользили по моей влажной коже, легко, приятно, успокаивающе и ласково.

Вода, оргазмы, Чейз и его руки, все остатки напряжения покинули меня. Я растворилась в нем в полумраке.

Его ладони перестали блуждать, он обеими руками обнял меня, и мы молча сидели в ванне.

Это продолжалось, пока я не заснула в объятиях Чейза, повернув голову и уткнувшись лбом ему в шею.

Я не знала, проспала ли я час или две минуты, прежде чем мы вышли из ванны, ну, я вроде как вышла, так как Чейз вынес меня из нее на руках.

Нежно и быстро вытерев меня полотенцем, он натянул на меня ночнушку через голову.

То же самое он проделал с собой, только быстрее, снова поднял меня на руки и понес к кровати, куда и уложил. В сонном восхищении я наблюдала, как он натягивал бордовые фланелевые пижамные штаны на завязках.

В полусонном состоянии я решила, что голый он — сексуальный. Он был сексуальным и в одежде. Но также и в пижамных штанах.

Не удивительно.

Чейз подошел к моей стороне кровати и выключил свет, потом я услышала, как он обогнул постель, и перекатилась на бок. Матрас прогнулся, и я увидела, как на него опускается темный силуэт. Чейз накрыл нас одеялом и вытянулся на спине.

Не остановившись на этом, он просунул под меня руку и потянул на себя. Обняв меня, крепко прижал к своему боку, не оставив мне выбора (не то чтобы я в нем нуждалась), кроме как улечься щекой на его плечо и обвить рукой его плоский живот.

— Значит, ты любитель обнимашек? — прошептала я.

— Нет.

Я моргнула, глядя на затененную плоскость и рельеф его груди.

— Хм-м-м...

— Или не был таким около двух секунд назад.

Внутри потеплело, а сердце приятно сжалось.

— Отдалишься от меня, Фэй, вернешься туда, где ты сейчас, — предупредил он тихим, мягким голосом, но тот звучал низко и серьезно.

Странно.

Сексуально и мило.

Но странно.

— Хорошо, — прошептала я.

— Оставайся рядом, — приказал он.

— Ладно, милый.

— Хорошо, — пробормотал он, и хватка вокруг меня усилилась.

Я ответила тем же.

Он молчал.

Я пялилась на его грудь.

Затем позвала:

— Чейз?

— Да?

Облизнув губы, я тихо сказала:

— Спасибо за то, что сделал все это так прекрасно.

Он ничего не ответил.

Затем перекатился на меня, втиснул колено между моими ногами, так что я была вынуждена оседлать его бедро, и крепко прижал меня к себе обеими руками.

— Засыпай, детка, — прошептал он, и теперь его голос был тихим, но хриплым.

— Хорошо. Спокойной ночи, малыш.

Одна его рука поднялась вверх по моей спине и зарылась во влажные волосы, а затем проскользнула сквозь них пальцами.

И еще раз.

Затем Чейз прошептал:

— Спокойной ночи, детка.

Его рука не переставала скользить по моим волосам.

Через несколько мгновений я заснула, близко и крепко прижавшись к Чейзу Китону.

Глава 10

На полпути

Глаза Чейза открылись, и он заморгал, прогоняя сон.

Яркое солнце Колорадо пыталось штурмом взять его занавески и, как обычно, одерживало победу.

Чейз почувствовал, как его тело напряглось.

Что-то было не так.

Он уставился поверх подушек на пустую кровать.

Он лежал на боку, засунув одну руку под подушку, другая широко раскинулась на матрасе.

Фэй не было.

Чейз молниеносно почувствовал, как внутренности стиснуло железным кулаком.

Он не относил себя к людям, склонным к фантазиям, до сих пор такого никогда за собой не замечал, но теперь его поразила мысль, что последние три недели ему приснились, и это неудивительно, учитывая, как его жизнь спустили в унитаз. И это был жестокий, извращенный сон.

Ее сладкий вкус.

Ее ангельское прикосновение.

Она оставила на нем чудотворный след.

Потом исчезла.

Чейз почувствовал запах жареного бекона.

Он тут же перекатился, откинул одеяло, встал с кровати и выскользнул из комнаты в коридор, через арку и к кухне, где сделал пять шагов и остановился как вкопанный.

Потому что у его плиты, за кухонным островком, стояла Фэй Гуднайт.

Фэй Гуднайт.

В его доме.

На его кухне.

У его плиты.

На следующее утро после того, как подарила ему свою девственность и провела ночь в его объятиях в его постели.

На ней была его вчерашняя рубашка. Она была расстегнута, лишь частично прикрывая чертовски сексуальную сапфирово-синюю шелковую ночную рубашку с широкой кружевной полоской поверху, и, как он запомнил с прошлой ночи, но сейчас видеть не мог, еще одна широкая кружевная полоска шла по подолу, а по бокам были разрезы. Ночная сорочка, которую, как он полагал, не наденет ни одна девственница. Но его бывшая девственница сейчас определенно была в такой сорочке.

Фэй стояла к нему чуть боком, собираясь отпить из кофейной кружки.

Но не сделала ни глотка, так как ее взгляд тут же скользнул к нему.

Она опустила кружку на столешницу у плиты и рявкнула:

— Ты испортил сюрприз.

— Что? — прошептал он, не в силах говорить громче, но она все равно его услышала.

— Я готовлю тебе завтрак в постель. — Ее глаза скользнули по его телу, а затем вернулись к нему. — Или готовила.

Ее слова и тон вырвали Чейза из оцепенения, и он направился к ней.

Прекрасное лицо без макияжа потеряло притворное раздражение, и она уставилась на его продвижение, развернувшись к нему всем телом, когда он огибал островок. Фэй походила на оленя, пойманного в свете фар, такая же напуганная, такая же застывшая и такая же милая.

— Чейз... — выдавила она из себя, но это все, что она успела сделать, прежде чем он схватил ее одной рукой за талию и дернул к себе. Другой рукой зарылся ей в волосы, наклонил ее голову набок и поцеловал.

Он не торопился.

Не прерывал поцелуя, пока не насытился.

Или же насытился на данный момент.

Оторвавшись от ее губ, Чейз открыл глаза и увидел, что Фэй гораздо медленнее последовала его примеру. Она часто так делала. Чейзу это нравилось. Из-за этого она выглядела так, словно проснулась от очень приятного сна.

Он скользнул рукой к ее шее, обхватывая ее сзади, и прошептал:

— Доброе утро, детка.

Она моргнула и облизала губы, отчего его живот сжался на этот раз приятно, чертовски приятно, и выдохнула:

— В реальной жизни это звучит намного лучше.

Чейз ухмыльнулся.

— Не то чтобы это звучало плохо по телефону, — поспешила добавить она.

Ухмылка Чейза превратилась в улыбку.

— Или что разговор по телефону — это не настоящая жизнь, — продолжила она.

Чейз продолжал улыбаться.

— Просто вживую лучше, — закончила она.

Тело Чейза затряслось от смеха.

Пусть ее слова его развеселили, но она была абсолютно права.

Склонив голову, он уткнулся лицом ей в ее шею и прошептал:

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — ответила она, и его рука сжалась.

— Внутри, — мягко пояснил он. — Хорошо?

— Немного болит, — тихо призналась она. — Не сильно. Просто это доселе неизвестная, эм... боль.

— Ванна не помогла, — пробормотал он.

По какой-то причине его слова заставили ее еще больше расслабиться в его объятии.

Далее до него донесся ее мягкий музыкальный голосок, по-прежнему тихий:

— Все не так плохо, но за завтраком я приму ибупрофен.

Он поднял голову и посмотрел на нее в своей кухне, в его рубашке, в его объятиях.

Он ошибался.

Вчера она выглядела чертовски хорошо.

Сегодня же — прекрасно.

И сегодня она была его.

Фэй склонила голову набок.

— У тебя есть?

Он не понял вопроса.

— Что?

— Ибупрофен.

Точно. Ей было больно.

— Да, — ответил он.

— Хорошо, — пробормотала она, ее взгляд скользнул в сторону, а затем вернулся к нему. — Милый, бекон.

— Конечно, — прошептал он, нагнулся, поцеловал ее в нос и отпустил.

Она вернулась к бекону.

Чейз переместился к шкафу, где держал витамины и болеутоляющие.

— Итак, раз ты проснулся, не дождавшись моего завтрака, теперь я могу спросить тебя, вместо того, чтобы ставить перед фактом, — начала она. — Ты любишь яйца пашот?

Он взял баночку с ибупрофеном, посмотрел на Фэй, закрывая шкаф, и увидел, что она улыбается ему, оглядываясь через плечо.

— Я готовлю яйца-пашот мирового класса.

Чейз почувствовал, как уголки его губ приподнялись.

— Мирового класса?

— Ну, они не одобрены кулинарной школой «Cordon bleu», но мой папа так о них отзывается.

Чейз подошел к ней сзади, обнял и скользнул рукой по рубашке, добравшись до шелка ночнушки на ее животе, а другой рукой поставил баночку рядом с ее кофейной кружкой.

— Да, я люблю яйца-пашот, — пробормотал он ей в шею.

Это заставило ее с придыханием сказать:

— Хорошо.

Он поцеловал ее в шею и отошел, чтобы взять себе кофейную кружку.

— Милый? — позвала она, пока он наливал кофе.

Чейз повернулся к ней и увидел на ее лице нежность, Фэй склонила голову к плечу, устремив на него пристальный взгляд кристально голубых глаз.

— Сливки со вкусом лесного ореха, — тихо продолжила она. — Спасибо, что подумал об этом. Они — мои любимые.

Очевидно, ее отец не звонил ей с момента своего визита к Чейзу и не сообщал об их планах на следующие выходные. А если и звонил, то по понятным причинам не поделился этой информацией.

Чейзу придется самому рассказать ей о визите Сайласа Гуднайта. Он собирался сделать это вчера.

Но сделает этим утром.

После того, как очень быстро съест яйца-пашот мирового класса.

А после, не так быстро, съест другие части Фэй.

А потом уже расскажет.

* * * * *

Прошлой ночью Чейз кое-что узнал о Фэй: она почти не сдерживалась и ему не приходилось ее уговаривать на что-то, Фэй доверяла ему и не имела никаких проблем с тем, чтобы отдаться ему, отдаться чувствам, что он в ней вызывал, и чертовски ими

наслаждаться.

Это подтвердилось этим утром после яиц-пашот, кофе и достаточно легкого, необременительного разговора, чтобы убедиться, что ей действительно комфортно с ним в его доме, в его рубашке и ее ночнушке.

Так что, Чейз смело подхватил Фэй на руки и отнес на диван. У него не ушло много времени на то, чтобы возбудить ее, пока она не начала под ним извиваться, а затем Чейз стянул с нее трусики и доставил своим ртом очень горячий, очень долгий оргазм.

Но этим утром он узнал о Фэй еще кое-что удивительное. После того как Чейз заставил ее кончить, он уложил их обоих на бок, удерживая Фэй в объятиях, пока она приходила в себя, и их перешептывания после орального секса превратились из пустякового разговора в рассказ о визите ее отца.

Дело в том, что у Фэй Гуднайт был чертовски вспыльчивый характер.

Как и все в ней, это было мило.

Но также серьезно взрывоопасно.

Он узнал об этом, когда рассказал о ее отце и почувствовал, как ее тело превратилось в его руках в камень, и увидел, как ее глаза сузились.

Чейз замолчал и сжал ее в объятиях в попытке удержать, а она спросила тихим голосом, который теперь звучал опасно, а не как обычно нежно и мило:

— Что, прости?

— Милая, все в порядке, — заверил он ее. — Он выполнял свой отцовский долг, и все закончилось хорошо.

Несколько долгих секунд она молчала.

Затем, будто он ничего не говорил, повторила:

— Что, прости?

— Фэй...

Дальше он не продвинулся, потому что она вырвалась из его рук и резко села. Откатившись на полдюйма, которые у нее оставались до края дивана, она чуть не свалилась с него. Двигаясь быстро, хотя и сердито, каким-то образом ей удалось подставить ноги на пол, она выпрямилась, склонила голову, развернулась и так стремительно унеслась прочь, что ее волосы блестящим шлейфом развевались позади.

— Где моя долбаная сумка? — воскликнула она на ходу.

— Фэй... — попытался Чейз снова, когда она наклонилась, подняла свои сексуальные зеленые шелковые трусики и неуклюже натянула их, чуть не упав при этом — такая чертовски милая.

Подперев рукой голову и облокотившись на диван, Чейз с немалым вниманием наблюдал, как мелькнула ее попка в форме сердечка, прежде чем трусики оказались на бедрах, а подол его рубашки снова опустился на место, скрыв попку от его взгляда.

— Я бы его убила, — продолжила она возмущаться, — но я его люблю, так что это исключено. А значит, он получит от меня нагоняй. Я, конечно, люблю сливки с лесным орехом, но не могу поверить, что он заявился в твой дом без предупреждения, чтобы сказать то, что сказал! Да где же моя долбаная сумка?

Она протопала к арке, вертя головой то в одну, то в другую сторону. Что-то заметив, резко сменила направление, повернув в его сторону, и Чейз приподнялся на предплечье.

— Фэй, милая, успокойся. Это пустяки.

Она выхватила телефон из базы, стоящей на столике возле дивана, и метнула в Чейза

взгляд.

О, да. Чертовски злая.

И все равно милая.

Чейз подавил улыбку.

— Не для меня! — громко рявкнула она, наклонила голову, ее волосы шелковой завесой упали вперед, и Чейз услышал писк телефона, потому что ее большой палец тыкал в кнопки.

Чейз оттолкнулся от дивана, поднялся на ноги и обогнул его, наблюдая, как она приложила телефон к уху и принялась ходить взад-вперед.

— Мама, — сказала она в трубку, прежде чем он до нее добрался, — я хочу поговорить с папой. Немедленно.

Поскольку он не успел к ней вовремя, Чейз решил устроиться поудобнее и насладиться шоу. Поэтому уперся задницей в спинку дивана, вытянул ноги, скрестил их в лодыжках, а руки на груди.

— Да, что-то случилось, — продолжила она, маршируя взад-вперед. — Дай мне поговорить с папой.

Наступила пауза, Фэй резко остановилась и уставилась, очевидно, не видящим взглядом на французские двери.

Затем продолжила:

— Я знаю, что пора в церковь. Мне все равно, если вы опоздаете. Это важно. Вы можете прокрасться сзади.

Еще одна пауза, чтобы дать матери высказаться, прежде чем продолжить.

— Меня не волнует, что папина любимая часть — это пение псалмов в начале службы, я же тебе сказала: это важно. — Пауза, затем серьезно разозленное шипение: — Да, о его визите к Чейзу.

Вновь слушая то, что ей говорили на другом конце линии, она провела рукой по волосам, отводя их назад, нервно вздрогнула и снова начала маршировать взад-вперед, но когда отпустила волосы, те опять упали ей на лицо.

Она выглядела милой. Забавной. Чертовски фантастической, расхаживая по пространству между его кухней и гостиной в своей сексуальной ночнушке и его рубашке, демонстрируя длинные ноги и развевающиеся волосы. Не говоря уже о том, что его желудок был полон ее чертовски вкусной еды, и он все еще чувствовал ее вкус на своем языке.

Все это означало, что Чейз был весел, расслаблен и доволен.

Поэтому совершенно не готов к тому, что Фэй раскачает весь его гребаный мир.

— Это было fraking не круто, мама. Не круто. Папа ничего не знает, и это не его дело, не я скажу тебе, раз уж ты не даешь мне с ним поговорить, так что можешь передать ему, что Чейз уже достаточно натерпелся. Он не любит сюрпризов. Ему не нужно лишнее беспокойство. И я этого не потерплю!

Чейз почувствовал, как его тело напряглось, и вместо того, чтобы любоваться Фэй, он пристально уставился на нее.

— Да! Я знаю, что fraking означает слово на букву «б», мама. В сериале! Я сама объяснила тебе это, помнишь? Когда сайлоны взорвут наш мир, и мы окажемся на борту космического корабля среди разношерстной толпы, пытающейся выжить и найти планету, пригодную для жизни, можешь наказать меня за то, что я произнесла слово frak! Но только в этом случае и точно не сейчас!

Она снова остановилась перед французскими дверями и посмотрела через них,

прислушиваясь.

Затем заговорила:

— Хорошо, но не надейся, мама, потому что я стану офигенным пилотом истребителя, как Старбак, и большую часть времени буду летать на своем «вайпере», сражаясь с сайлонами, чтобы сохранить тебе жизнь, так у тебя не будет возможности читать мне лекции о проклятиях (прим.: Старбак — позывной Кары Трейс, персонажа телесериала «Звёздный крейсер „Галактика“»).

Еще одна пауза, на этот раз продолжительная, затем:

— Мне все равно. Нехорошо, что он поделился своим мнением о Чейзе с Чейзом, мнением, возникшем у него из-за городских сплетен. Это плохо и показывает с дурной стороны папу, а не Чейза. Это было осуждающе и неуместно. Но здесь речь о большем, мама. Папин поступок не говорит ничего хорошего обо мне. Судя по всему, папа не верит, что я достаточно умна, чтобы видеть сквозь внешность горячего парня то, кем является Чейз на самом деле. Что он хороший человек, которому я могу доверять, который заботится обо мне, с ним я чувствую себя в безопасности, чувствую себя хорошо, он смешит меня, я нравлюсь ему такая, какая есть, и он стоит моего времени. Даже если у папы имелись опасения по поводу Чейза, он должен знать меня лучше. Может я и мечтательница, мама, но меня воспитали вы с папой, так что я не глупая мечтательница. Я просто мечтательница. И отмечу, что папа должен был проявить уважение к Чейзу не только как к мужчине, но и как к человеку, которого все знают в этом fraking городке, и папа также должен был проявить уважение ко мне и держать язык за зубами.

Фэй замолчала, но это длилось недолго.

— Нет, я все еще хочу поговорить с ним. Передай ему, чтобы позвонил мне после церкви. У меня есть для него пара слов.

Еще более короткая пауза, затем:

— Хорошо, и, к твоему сведению, хоть я и злюсь, но все же, если бы я узнала, что ты — неизвестная модель сайлонов, то не убила бы тебя, потому что ты моя мама. Но я бы нашла для тебя пригодную для жизни планету и оставила бы тебя там. Я также достаточно зла, чтобы оставить с тобой Гая. Он умный, но раздражающе высокомерный, самодовольный, полный придурок, очень корыстный и непредсказуемый. Ты бы его возненавидела. Это говорит о том, как я злюсь на тебя за то, что ты не позволила мне высказать свое мнение папе. Наслаждайтесь церковной службой, и увидимся в следующую субботу (прим.: доктор Гай Балтар — вымышленный персонаж телесериала «Звёздный крейсер „Галактика“»).

Затем, не дожидаясь ответа матери, Фэй отключила телефон и повернулась к Чейзу.

Как только она встретилась с ним взглядом, тут же рявкнула:

— Боже!

Затем затихла и уставилась на него.

Чейз разглядывал ее порозовевшие щечки и сверкающие глаза, думая, что с такими волосами он не должен удивляться ее вспыльчивости.

Он изучал ее, думая, что чувствует что-то не совсем понятное и незнакомое, потому что никогда раньше этого не чувствовал. Он просто знал: что бы это ни было, оно было значительным и хорошим.

Фэй вывела его из задумчивости, тихо сказав:

— Чейз, прости, что папа так поступил.

— Фэй, — мягко позвал он. — Подойди сюда.

— Дай мне секунду, — возразила она. — Я борюсь с желанием швырнуть твой телефон через всю комнату.

Она была слишком далеко, и то, что он чувствовал, было слишком значимым, поэтому он вытащил большие пушки.

— Детка, иди сюда.

Она тут же направилась к нему.

Стараясь не улыбаться, Чейз опустил руки по бокам, раздвинул ноги и, когда она приблизилась к нему, наклонился вперед и потянулся к ее руке. Он забрал телефон из ее другой руки, бросил на край дивана и притянул Фэй между своих расставленных ног. Когда она оказалась там, где он хотел, Чейз отпустил ее руку и обнял, не крепко, но недостаточно свободно, показывая, что он хочет, чтобы она прижалась к нему. Как всегда, она получила сообщение, которое ему не нужно было озвучивать, прижалась к нему всем телом и посмотрела ему в глаза.

— У нас проблема, — пробормотал он.

— Знаю, — согласилась она.

— Вообще-то, проблема у тебя, — исправился он.

— Знаю, — снова согласилась она. — У меня чрезмерно опекающий отец, которого я хотела бы пнуть по голени.

Чейз стиснул ее и поделился своими мыслями.

— Он поступил правильно. Я не обиделся. Ей-богу, была бы у меня дочь, чей первый бойфренд имел мою репутацию, я бы поступил так же. Не раздумывая, наплевал бы, что она разозлится. Я бы высказал свое мнение, прощупал бы его и убедился, что он знает, что у него в руках такое сокровище. Все закончилось хорошо. Я понял, почему он так поступил. И восхищаюсь им, ведь это показывает, как сильно он тебя любит. И, повторяюсь, я бы сам так сделал. Поэтому, перестань злиться.

Пока он говорил, гнев исчез с ее лица, в глазах разлилось тепло, а ее тело расслабилось еще сильнее.

Когда Чейз закончил, она тихо спросила:

— Тогда в чем моя проблема?

— Фэй, серьезно, ты уморительная, когда злишься. — Он ухмыльнулся, проведя рукой вверх по ее спине и запуская пальцы в волосы. — Это не сулит тебе ничего хорошего, детка, потому что если ты всегда будешь так злиться на меня, разглагольствуя о сайлонах и карьере пилота истребителя, мне не останется иного выбора, кроме как рассмеяться, что, вероятно, еще больше тебя разозлит.

Ее губы дернулись, и она прошептала:

— Наверное, ты прав, потому что мама смеялась почти весь наш разговор, и это только еще больше меня раздражало.

Чейз не сомневался в этом.

— Что такое сайлон? — спросил он.

— Устрашающие роботы с красным мигающим глазом, двигающимся туда-сюда, но есть и другие модели, которые настолько похожи на людей, что их почти невозможно отличить от настоящего человека. Это означает, что они очень опасны, потому что могут проникнуть в человеческий мир, и даже если ты наткнешься на одну из таких моделей, не будешь знать, что они замышляют, поскольку выглядят и ведут себя они очень похоже на людей. Ты думаешь, что можешь им доверять, но никогда не будешь знать наверняка.

Чейз почувствовал, как приподнялись уголки его губ.

— Из какого из твоих сериалов они?

— «Звёздный крейсер „Галактика“».

Его рука обхватила ее голову, притягивая ближе к своему лицу, и Чейз прошептал:

— Дорогая, ты — абсолютный гик.

— Это хороший сериал, — прошептала она в ответ.

— Конечно.

— Тебе может понравиться.

Он сомневался в этом.

Она прочитала его сомнения и подтолкнула:

— Правда, Чейз, адмирал Адама — твой типаж.

— Если случится несчастный случай, и все мое тело замуруют в гипс, и я не смогу двигаться в течение нескольких месяцев, а по телевизору не будут показывают спортивные передачи, а повторы серий «Огни ночной пятницы» я буду пересматривать так часто, что смогу их цитировать, у тебя есть мое разрешение познакомить меня с адмиралом, мать его, Адамой.

При этом она тихонько хихикнула, а затем ее взгляд упал на его губы. Она склонила голову к плечу, улыбка исчезла с ее губ, и ее рука на его груди поднялась, прежде чем Фэй очень нерешительно прошептала:

— Чейз?

— Я здесь, детка, — прошептал он в ответ, его взгляд скользнул к ее губам вкуса жевательной резинки.

— Гм... раньше... — она замолчала и больше не продолжила.

Его глаза вернулись к ней.

— Да? — подсказал он.

— Ты доставил... то есть, я достигла... ну, понимаешь, у меня был... а у тебя не был... — она остановилась, но Чейз понял, и крепче обнял ее.

— Тебе больно. Мы сделаем перерыв на день или два.

Ее рука обвила его за шею, большой палец погладил его по челюсти, и Фэй прошептала:

— Разве нет другого... то есть, я могла бы... или ты, то есть, не мог бы ты научить меня... — она прерывисто вдохнула, ее взгляд оторвался от его губ и обратился к его глазам, — использовать мой рот?

Его член начал твердеть, рука в ее волосах сжалась, а живот свело.

— Ты готова к этому? — прошептал он, надеясь на положительный ответ.

— Ты готов меня научить? — прошептала она.

Ответ на это — да, черт возьми.

Так он ей не ответил. Он крепко ее обнял и упал назад на диван, приземлившись на спину и увлекая Фэй за собой, так что она приземлилась на него.

Затем он притянул ее голову к себе, но повернул так, чтобы его губы оказались у ее уха.

— Делай все, что хочешь, все, что приходит тебе на ум. Совет — важно отсасывать. Двигаться тоже. С рукой будет горячее. Не забывай прятать зубки, а головка — самая чувствительная часть, поэтому особое внимание к ней приносит большое удовольствие. — Чейз сжал ее в объятиях и закончил: — Понимаешь?

— Ага, — выдохнула она ему в ухо, извиваясь на нем.

Ей это нравилось. Она возбуждалась.

И ему понравились оба пункта.

Иисусе.

Он и не ожидал, что это произойдет так скоро. Но не жаловался.

— Действуй, дорогая, — призвал он, услышал ее глубокий вздох, и почувствовал ее губы на своей шее. Потом ее язык. Фэй двинулась вниз, и, чтобы не отвлекать ее, он осторожно потянулся за подушками и засунул их себе под голову, чтобы иметь лучший обзор.

Фэй переключилась на его грудь, по-видимому, зачарованная ее исследованием, провела руками по коже и волосам на ней, но легкое прикосновение и взгляд ее кристально-голубых глаз были такими чертовски приятными, что Чейз не жаловался и по этому поводу.

Так же, как и в отношении пресса, мышцы которого сократились от ее прикосновения, она это отметила и посмотрела на него ясными голубыми глазами.

Разгоряченная, возбужденная, губы приоткрыты, в глазах удивление, — такая милая и охрененно сексуальная.

— Продолжай, — призвал он голосом более глубоким и хриплым, чем обычно. Она слегка улыбнулась ему, и ее улыбка поразила его прямо в член.

Губы Фэй двинулись от его живота вниз, она потянула за завязки его пижамных штанов, спустила их ниже, и он был у нее.

Она скользнула в сторону, стянула с него штаны, и взяла его в руку.

Чейз не знал, чего ожидать. У него никогда не было минета от женщины, которая не делала этого раньше. Но опыт явно не требовался, когда присутствовал зашкаливающий энтузиазм. Не говоря уже о том, что она явно запомнила каждый совет, что он ей дал, и блестяще применила их на практике.

Когда он был близко, то дернул ее вверх по своему телу, но обхватил ее рукой свой член, и они вместе позаботились о том, чтобы Чейз кончил.

Когда он пришел в себя, выражение лица Фэй сказала ему, что ей нравится то, что она сделала. Настолько сильно, что даже не смыв сперму с живота, Чейз провел ее рукой по ее трусикам, коснувшись через ткань клитора, и также совместными усилиями, они довели ее до оргазма.

Он знал, что ей понравилось то, что сделала она, и то, что сделали они вместе, потому что, хотя он и довел ее до оргазма незадолго до этого, на второй раунд у него не ушло много времени.

Когда она, спускаясь вниз, распахнула глаза, он поцеловал ее, а после отвел в душ, чтобы вместе привести себя в порядок.

* * * * *

Это было после душа.

После того, как Фэй нашла сумку, выпавшую из ее руки, когда он нес ее в спальню. Должно быть, он пнул ее после падения, так как сумка обнаружилась в гостиной. Вчера Фэй отыскала ее, чтобы подготовиться ко сну, и оставила там, но в гневе явно про это забыла.

Она искала сумку, одетая в его чистую футболку, так что это было также после того, как она нашла свою сумку, отрыла и натянула другие сексуальные трусики, на этот раз рубиново-красные. После того, как Чейз поймал ее в объятия и поделился тем, как ценит ее

коллекцию нижнего белья цвета драгоценных камней, отчего ее щеки покраснели, а Чейз усмехнулся.

Это было после того, как раздался звонок ее мобильного, пока она мыла посуду после завтрака. После того, как Чейз выслушал версию чуть менее гневной беседы с ее отцом, звучащей не менее забавно, но гораздо более запутанно. Она говорила о человеке по имени Уолтер, которому, по-видимому, вырезали кусок мозга, но который также никогда не проявлял неуважения к своему сыну по имени Питер, хотя Питер на самом деле не был сыном Уолтера, а идентичным человеком, которого Уолтер похитил с альтернативной Земли. Из разговора с ее стороны стало ясно, что ее отец нашел эту аналогию такой же запутанной, как и Чейз. Чейз не пытался сдержать смешок, потому что все это чертовски его веселило, и он знал, что не сдержится. И он спокойно выдержал раздраженные взгляды Фэй, потому что они были столь же забавны.

Это также было после того, как она, досадуя, закончила разговор искренним «Люблю тебя, папа», без угрозы бросить его на обитаемую планету с каким-нибудь придурком, и объяснила Чейзу, что ее аналогия приведена из сериала «Грань». После этого она уделила немного времени сюжету сериала, и ноль времени, пытаясь убедить Чейза, что он ему понравится, поскольку, судя по тому немногому, что он понял из ее рассказа, у нее не было ни единого шанса добиться успеха.

Это было после того, как Фэй приготовила обед, они помыли посуду, и она предложила расслабиться перед телевизором. Это наполнило его ужасом, и он не скрывал этого, отчего она рассмеялась, обняла его, крепко прижалась, запрокинула голову и пообещала милым, нежным, музыкальным голоском, что не собьет его с истинного пути.

Поэтому он согласился.

Это было после того, как она обнаружила у него Netflix, и убедила попробовать посмотреть сериал «Ясновидец». Она уверила, что он не гиковский, а веселый. Чейз согласился, главным образом потому, что она была в его доме, одетая только в его футболку и рубиново-красные трусики, он был в спортивных штанах и термофутболке с длинными рукавами, и ему было плевать, чем заниматься, пока она была близко с ним.

Это означало, что это произошло также после того, как Фэй отыскала одну из своих любимых серий, включила ее, и они устроились, растянувшись на диване: Чейз прислонился спиной к спинке дивана, подперев рукой голову, Фэй прижималась к нему спиной в изгибе его руки, лежа головой на подушке.

И последнее, это было после того, как он с облегчением обнаружил, что Фэй оказалась права насчет «Ясновидца». Он не был гиковским. Никаких космических кораблей, альтернативных вселенных или фантастических объяснений нелепых сюжетных ходов. Он был чертовски смешной и вдобавок умный.

Это было по завершении серии, когда Фэй потянулась к большому квадратному журнальному столику, стоявшему в окружении диванов, нажала кнопку, чтобы вернуться в меню Netflix, повернулась к нему и обратила на него взгляд своих кристально-голубых глаз.

— Ну, как? — спросила она, и он ухмыльнулся ей.

— Ты была прав, детка, он не гиковский, просто смешной.

Она улыбнулась в ответ.

— Разве Шон не бомба?

Парень был забавным, но Чейз не использовал бы такое слово.

Тем не менее, он сказал:

— Да.

Она полностью повернулась к нему, приподнялась на локте, подперев голову рукой, и предложила:

— Может, в полицейском управления Карнэла нужен псевдо детектив-экстрасенс.

Чейз усмехнулся, бережно переплетая их ноги, любые проявления близости, как и все, что он осторожно пробовал с ней, она воспринимала спокойно, без какой-либо реакции, кроме принятия.

При этом он ответил сквозь смехок:

— Он просто сверхнаблюдательный и понимает работу детектива. Это, вроде как, моя работа, так что у нас уже есть такой специалист, за исключением псевдо экстрасенсорной части.

Ее взгляд скользнул в сторону, и она пробормотала:

— Ох, точно.

Это было так мило, что ему ужасно захотелось наклониться вперед и коснуться ее губ своими губами.

Так он и сделал.

В этот момент на журнальном столике зазвонил его мобильный.

Фэй повернула голову, оглядываясь на него через плечо, но рука Чейза вокруг ее талии уже сжалась, он наклонился вместе с ней, позволил ей взять его телефон, а затем вернул их обоих обратно.

Со вздохом он посмотрел на экран.

Затем посмотрел на нее и сказал:

— Надеюсь, это не займет много времени, дорогая, но я должен ответить.

— Хорошо, — пробормотала она, и он ответил на звонок, на который не хотел отвечать.

Когда телефон оказался у его уха, он сказал:

— Китон.

— Привет Чейз. Извини, что тревожу тебя в воскресенье.

Это был новый детектив Карнэла Фрэнк Долински, герой с постера, как и Чейз спасший полицейский участок. Хороший парень. Толковый полицейский. Уроженец Карнэла. Товарищ по оружию, который хотел от жизни того же, чего хотел Чейз до того, как его жизнь превратилась в дерьмо. Он хотел заслужить свой значок. Заниматься уважаемым делом. Оставаться верным своей клятве защищать и служить. Найти хорошенькую и умную жену, которая бы вкусно готовила, заставляла бы его часто смеяться и могла разделить с ним его время, когда он возвращался домой после неудачного дня.

Во время своей службы Фрэнк, в отличие от Чейза, не запятнал себя. Это не означало, что он не видел, что происходило, но также не скрывал, что ему это не нравилось. За это Арни невзлюбил его. Это также говорило о нем, как о смелом человеке. Он обратился в отдел внутренних расследований через несколько месяцев после Чейза, но в участке он сделал все возможное, чтобы попытаться вернуть парней на правильный путь. Но когда Тай Уокер вышел по УДО и стало ясно, что адские врата могут с легкостью открыться, Фрэнк решил, что должен совершить поступок, который многим копам дается с большим трудом.

Сдать своих братьев по оружию.

Прошлой ночью у Чейза с капитаном состоялась дискуссия, на которой было принято решение поставить Фрэнка главным в деле Ньюкомба. Местом убийства был Харкер Вуд, на обочине подъездной дороги к Ранчо Чудес, — слишком много общего с убийством Мисти,

кэп считал, что для Чейза это чересчур личное. Он также считал, что Фрэнк должен набираться опыта. И последнее, все знали, что Фрэнк ничего не добьется. Расследование убийства Мисти замяли намеренно, но Чейз вел свое собственное. Зацепок было мало, а те, что нашлись, ни к чему не привели.

Но в участке знали, что Чейз все еще ведет поиски, поэтому Чейз передал все, что у него было, Фрэнку, и кэп велел ему прикрывать Фрэнка.

Фрэнк, Чейз и кэп еще раз обсудили предупреждение Клинтон Бонара и то, что означала смерть Ньюкомба. Она означала визит к Бонару. А также к другим влиятельным людям, имеющим схожий мотив. Все строго по протоколу. Все согласно стандартным следственным процедурам.

Наконец, это означало, что обстановка в Карнэле накалялась, и Фрэнк, кэп, Чейз и новый, неопытный персонал полицейского управления должны были сделать все возможное, чтобы никто больше не обжегся.

Однако Чейзу с Фрэнком пришлось навестить сестру Ньюкомба и сообщить ей, что ее брат мертв. Это она позвонила в участок в субботу утром с заявлением, что прошлой ночью брат не пришел домой, а она присматривала за его детьми, поэтому ожидала его в девять. Она ждала до последнего, пока не ударилась в панику. Сестра знала о его темных делишках, чего нельзя было не заметить, потому что его уволили из полицейского управления за участие в коррупционных схемах Арни, но он не попал в тюрьму из-за своей готовности дать показания. Полицейское управление Карнэла знало о его уязвимом положении. Так начались поиски.

Чейз был тем, кто сообщил родителям Тони Пейн, что их дочь мертва, и, по их настоянию, что ее смерть была ужаснее остальных. Он также сообщил родным Мисти о ее смерти. На протяжении всей своей карьеры, не регулярно, но чертовски часто, он сообщал плохие новости об автомобильных авариях и арестах.

Ничего из этого не было приятным, но, в особенности, весть о смерти Ньюкомба. Дело в том, что жена Ньюкомба уехала в неизвестном направлении, а значит их дети, одна из которых была тяжело больна, потеряли своего последнего родителя.

Ньюкомб был бьющим жену мудаком, расистом и свиньей. Он играл с огнем по понятным причинам, но должен был быть достаточно умен, чтобы понимать, что, когда он обожжется, со шрамами останутся жить его дети.

Он оказался не таким умным.

И теперь его дети обречены на страдания.

— Как идет дело? — задал вопрос Чейз, на который знал ответ.

Полиция достала ДНК этого парня из его спермы. Но образцы злонамеренно испортили, объяснив это «ошибкой». На самом деле, их испортили настолько, что они были совершенно бесполезны.

Отчетов, вероятно, еще не было, но сомнительно, что на Ньюкомбе или в нем будет обнаружена сперма. Возможно, но сомнительно.

У них ни хрена не было. Мисти убили из пистолета, украденного у полицейского Карнэла, чтобы его подставить. Судя по картине с места преступления, Ньюкомба убили с близкого расстояния из мощной штурмовой винтовки. Перебор. Но это означало, что пули прошли насквозь. Это также, вероятно, стало причиной, по которой Ньюкомб не сопротивлялся и не пытался бежать. Мужчина с винтовкой, несомненно, производил внушительное впечатление. Даже попытайся ты бежать, с винтовкой с прицелом тебе все

равно настал бы пи*дец. И на этот раз убийцасобрал пули и гильзы, оставив полицейских почти ни с чем.

Вот что у них было. Почти ничего. Ни один из местных жителей не сообщил, что видел поблизости какое-либо транспортное средство. Никаких пуль, гильз или ДНК, которое можно было бы обнаружить в ходе лабораторных исследований. Ничего, кроме следов в результате предварительного осмотра обеих картин места убийства и обочины, — это все, что они получили и на этот раз.

— Мы знаем, что он носит строительные ботинки, — ответил Фрэнк. — Но поскольку каждый третий парень в этом округе носит ковбойские сапоги, мотоциклетные или строительные ботинки, это сужает круг подозреваемых примерно до двух тысяч.

Чейз слышал разочарование в голосе Фрэнка и понимал его. Он хотел заполучить этого парня по четырем причинам. На счету парня, по крайней мере, два убийства, и его нужно было остановить. У полицейского управления Карнэла было одно открытое и одно нераскрытое дело, повисшее на них в то время, когда творился произвол. Фрэнк хотел иметь на счету громкий арест, потому что это выглядело бы хорошо. И он хотел снять груз с плеч Чейза, так как был одним из немногих мужчин, которые знали, что его тяготит. Не потому, что Чейз поделился этим. А потому, что он работал бок о бок с Фрэнком, а Фрэнк был наблюдателем.

— Он не местный, Фрэнк, — тихо сказал Чейз. — Профессионал. Он может быть откуда угодно.

— Ага, — тихо ответил Фрэнк обычным голосом. — Старик Харкер разозлился бы, узнай он, какое дерьмо творится в его лесу.

Фрэнк был прав. Старик Харкер умер семь лет назад, к счастью, до того, как в полицейском участке начала скапливаться грязь, и до местного серийного убийцы. До этого он передал свой лес городу, так как гордился им и любил Карнэл. Зная, что в месте, где Харкер и многие другие в городе думали, что произошло чудо, пролилась кровь и было совершено насилие, он потерял бы рассудок.

К счастью, старик не дожил до этого.

— Я звоню не поэтому, — продолжил Фрэнк.

— Нет? — спросил Чейз.

— Как ты и просил вчера по телефону, стажерам передали данные Малахии. Они ничего не нашли. Никто не ищет этого ребенка. Или, по крайней мере, если и ищет, никаких заявлений об исчезновении не поступало.

— Может быть, имя вымышленное, — пробормотал Чейз.

На что Фрэнк недоверчиво спросил:

— Малахия?

— Паренек читает по четыре-пять книг в неделю, Фрэнк. Так что, да, Малахия.

При этом он почувствовал, как рука Фэй прижалась к его груди, и опустил голову, чтобы посмотреть на нее, убедившись, что он полностью завладел ее вниманием.

Поэтому он пробормотал в трубку:

— Если у тебя больше ничего нет, Фрэнк, спасибо за звонок, но мне пора.

На это Фрэнк пытливно спросил:

— Фэй еще у тебя?

Джон открыл свой гребаный болтливый рот.

Не удивительно, но чертовски неприятно.

— Мне пора, — повторил Чейз.

— Ясно, — пробормотал Фрэнк с улыбкой в голосе, Чейз не мог его видеть, но был готов поспорить, что он улыбался.

Иисусе.

— Спасибо за звонок, — сказал ему Чейз.

— Без проблем. Наслаждайся оставшимся воскресеньем с Фэй, — ответил Фрэнк.

Безусловно.

И, да, улыбка, звучащая в голосе Фрэнка, была понимающей.

— До скорого, — попрощался Чейз.

— Пока, приятель. — И Чейз отключился.

— Малахия? Профессионал?

Она даже не стала ждать, пока он бросит телефон на стол, что он и сделал, прежде чем ответить.

Как только он устроился с ней поудобнее, вернув их в прежнее положение, то пояснил:

— Попросил стажеров пробить имя Малахии, проверить, не заявлял ли кто о его исчезновении. Они пробили. Ничего не нашли.

— Что это означает?

— Это может означать многое, дорогая. Больше всего то, что мы должны поговорить с пареньком. Он не числится в школе. Его нет среди пропавших без вести. Он как призрак, а дети не призраки, если только не происходит серьезное дерьмо. Завтра мы должны добиться прорыва и заставить его говорить. Ты готова к этому?

Она сразу же кивнула, и Чейз провел рукой по ее спине, притягивая ближе и наклоняя к ней голову.

— Ты должна действовать осторожно, но добиться хорошего результата. Если у тебя ничего не выйдет, я улажу проблему другим способом. Нам нужно обеспечить ему безопасность. Нам нужно его накормить. И как бы хреново это не звучало, детка, но его нужно внести в систему.

Она скривила нижнюю губу в сторону и прикусила ее. Она часто прикусывала губу. Часто облизывала губы. Он научился читать, почему она делала то или другое. Он не часто видел, как она кривит и прикусывает губу, но обычно это означало, что она либо очень нервничала, либо чувствовала большую, чем обычно, застенчивость, либо легкий испуг.

— С ним все будет в порядке, — мягко заверил Чейз.

Фэй отпустила губу и тихо спросила:

— Что значит: уладишь проблему другим способом?

Это означало, что за ребенком будет отправлен Дек. И он найдет его. Дека никто бы не обогнал, потому что он бы не сдался. И Дек, скорее всего, напугал бы паренька до усрачки.

Об этом Чейз не сказал, вместо этого заявив:

— Я еще не разобрался. Но будем надеяться на завтрашний прорыв. Хорошо?

Она кивнула, затем сменила тему.

— Профессионал?

Он покачал головой и мягко возразил:

— Полицейское дело, дорогая. Мне нельзя об этом говорить.

— Убийство прошлой ночью, — догадалась она.

— Ага, — подтвердил он, и она прижалась ближе, ее взгляд перешел от пристального к изучающему.

— Было невесело, — прошептала она.

— Да, но я не могу об этом говорить.

— Из-за Мисти, — настаивала она, и Чейз вздохнул.

— Да, детка, из-за нее.

— Тебе следует...

— Нет, — оборвал он ее.

Она прижалась ближе, приоткрыла свои розовые губки, чтобы что-то сказать, и черт возьми, вблизи нее, в его футболке, с ним на его диване, если бы она поднажала, он дал бы ей все, что она хотела.

Поэтому Чейзу пришлось закрыть тему.

— Подари мне этот день, — тихо сказал он, и она тут же закрыла рот. — День с тобой, после всего, что ты отдала мне прошлой ночью. День, где есть только ты и я, еда, телевизор, шампанское с гамбургерами, которые я приготовлю сегодня вечером, и все это хорошо. Чисто. Нормально. Обычно. Никакой Мисти. Никакого убийства. Никакого прошлого. Никакой грязи. Только мы. Прошлой ночью ты отдала мне то, что должна была отдать лишь один раз, и я получил это. Мы разделили этот момент, и он был прекрасен. Так что давай сохраним эту красоту, останемся лишь вдвоем на один день. Завтра мы попытаемся поговорить с ребенком, подвергшимся насилию, и впустим мир обратно. Сегодня, этим вечером, сделай мне, — он крепче обнял ее и закончил, — подарок.

— Хорошо, — тут же прошептала она, и ему даже не пришлось использовать «детка».

Чейз смотрел в ее голубые глаза, на ее красивое лицо с необыкновенными скулами в окружении фантастических волос, она смотрела на него с теплотой и пониманием, и в этот момент он понял, что влюбляется.

Господи, он мог бы быть лишен этой красоты, представшей перед его глазами, ее попки в форме сердечка в его постели, дара девственности, которую она хранила до прошлой ночи, и только сейчас, когда Чейз нуждался в ней, когда она позвонила своим родным и устроила им нагоняй из-за того, что они нелестно отозвались о Чейзе, до него, наконец, начало доходить.

Но у него было все это, а также ее гиковость, ее воображение, ее юмор, ее безмерная забота о незнакомом ребенке, и он ни хрена не сомневался. Он был на полпути к тому, чтобы пропасть.

Тай и Тейт уже пропали. Один — с брюнеткой. Другой — с блондинкой. Ни одна из них не была застенчивой.

Оба получили желаемое.

Иисусе. И теперь у него тоже оно было.

И оно лежало в изгибе его руки.

Бл*ть, как же ему хотелось заняться с ней любовью.

Бл*ть.

Но он не мог причинить ей боли.

Поэтому Чейз сделал все, что мог. Он стал целовать ее. Нежно, долго, проникнув рукой ей под футболку, а она проникла под его.

Когда он прервал поцелуй, то ласково спросил, не хочет ли она попкорна и посмотреть еще одну серию «Ясновидца». Она широко ухмыльнулась, потому что хотела.

Прежде чем снова устроиться на диване с миской попкорна и банками газировки, Чейз сказал ей, что она снова ночует у него.

Не то чтобы это был вопрос.

Но ее ответ?

Она одарила его еще одной ослепительной улыбкой, а потом прошептала:

— Хорошо.

Глава 11

Второй раунд

6:03 следующего утра

— Детка, проснись.

Я вынырнула из сна и, открыв глаза, от увиденного подумала, что все еще сплю.

На краю кровати сидел Чейз в длинных свободных шортах для бега и одной из тех обтягивающих футболок для бега с изумительными швами и воротником до середины шеи, все темно-синего цвета.

Как я раньше их не видела? Я с жадностью следила за ним многие годы. Даже много раз наблюдала за его пробежками. Обычно он был в спортивных штанах и кофте с короткой молнией на горле (одежда, которая тоже выглядела потрясающей, но не так, как эта) или в свободных шортах для бега и футболке. Правда, если я видела его где-то в середине или конце пробежки, футболка липла к нему от пота. Что на Чейзе смотрелось хорошо.

И все же.

Сейчас было намного лучше.

Я оторвала взгляд от мускулов, довольно эффектно очерченных футболкой, и, моргнув, взглянула на его лицо.

Он посмотрел мне в глаза и тихо сказал:

— Я на пробежку. Когда вернусь, быстро приму душ. Мы ходим в магазин, закупимся для Малахии и выпьем кофе перед тем, как пойти в библиотеку.

Я не поспевала за ним. Я находилась в тумане от сна и того, что спала рядом с ним (что было приятно), а он выглядел утром суперски, вдвойне сексуально. Я не могла облечь свои мысли в слова.

Поэтому пробормотала:

— Что?

Он ухмыльнулся, и лучше от этого не стало.

Затем наклонился ко мне, так что его ухмыляющееся красивое лицо оказалось очень близко. И обтягивающая футболка, под которой скрывались мышцы, кстати, тоже.

Поэтому я никак не могла настроить мысленный процесс.

— Я на пробежку. Когда вернусь, займемся делами, и на них у нас не так много времени, так что прими душ, я быстро приму его по возвращении, мы перекусим и поедем. Хорошо?

Пока Чейз говорил, мой взгляд скользнул вниз по его груди, и когда он замолчал, какая-то часть моего мозга заметила, что теперь моя очередь говорить, поэтому я спросила:

— Как тебе удастся надевать такую тесную футболку?

— Фэй, — позвал он, и мои глаза снова поднялись к нему. Его взгляд скользнул по моему лицу, и он пробормотал: — Бл*ть, ты тоже была такой милой и сонной, когда мы разговаривали по телефону?

— Возможно, — ответила я, поскольку это был вопрос, но, скорее всего, утверждение. Во время наших разговоров я не видела его, сидящим рядом на кровати и выглядящим таким сексуальным. Он находился далеко, просто звучал сексуально. Теперь я могла и видеть его, и слышать.

— Нахрен все, — пробормотал он, будто разговаривая не со мной, а затем продолжил:
— отправлюсь на пробежку после работы.

И мое теплое, сонное тело было выдернуто из кровати и перетащено через его колени. Он покрутился, повертелся, а потом я снова оказалась в постели, но не под одеялом, а под Чейзом.

Я снова посмотрела на него.

— Хочешь узнать, как я надеваю эту футболку? — спросил он.

— Да, — выдохнула я.

Его губы приблизились к моим, мы смотрели друг другу в глаза, и Чейз прошептал мне в губы:

— Тогда сними ее.

Я, правда, была сонной. Как в тумане.

Но даже в таком состоянии, я была готова к такого рода вызову.

Определенно.

* * * * *

8:14 утра

Витая в облаках, я переступила порог кофейни «Ла-Ла Ленд» рука об руку с Чейзом Китоном.

Этим утром он подключил ко рту пальцы. И это было потрясающе.

Я также витала в облаках потому, что после этого я начала ублажать его ртом, но в итоге довела до оргазма рукой. И в процессе всего я его целовала. Я целовала его. И это звучало и ощущалось приятно.

Еще больше я витала в облаках, потому что после этого мы приняли душ, и я уговорила Чейза позавтракать в «Ла-Ла Ленд».

Это не составило труда.

Я просто предложила:

— Давай сэкономим время, пропустим завтрак дома и возьмем что-нибудь у Шамблза и Солнышко.

Поскольку его намыленные руки были на моей обнаженной влажной коже, а глаза следили за движением его рук, он рассеянно пробормотал:

— Мне подходит.

Глядя, как он следит за движением своих рук, я подумала, что могла бы попросить его воссоздать мне модель Сикстинской капеллы с миниатюрными реалистичными деталями, и построить сарай, где мы могли бы выставлять ее, продвигать и продавать билеты, и даже тогда он сказал бы: «Мне подходит».

Мне это понравилось. Из-за этого я не чувствовала себя странно и смущенно, находясь голой и мокрой с Чейзом в душе.

Я чувствовала много чего другого. Много прекрасного. И я чувствовала себя желанной. Лелеемой.

И всесильной.

Мысленно я отметила это на будущее.

Наконец, я витала в облаках потому, что перед «Ла-Ла Ленд» мы с Чейзом поехали в продуктовый магазин. Я не знала, почему это заставило меня витать в облаках. Поход в продуктовый магазин — дело повседневное. Но почему-то заниматься повседневными делами, как и накануне, бездельничая и смотря телевизор, казалось волшебным, когда я делала это с Чейзом.

Это не означало, что накануне не чувствовалось легкости. Иногда это было весело, иногда мило, например, когда он посмеивался над выходками Шона, Гаса, Лесси, Джульетты и команды из «Ясновидца». Я обрадовалась, что этот сериал ему пришлось по душе, и мне нравилось слушать его уютный, непринужденный смех. Я не подозревала, что он был уютным и непринужденным. Я не подозревала, что он много смеялся. Чему я тоже обрадовалась. Пусть даже причиной тому стали персонажи сериала, но я радовалась самому факту.

Поэтому, несмотря на то, что мы просто покупали продукты для Малахии и пробыли в магазине недолго, по какой-то причине я знала, что запомню мой первый поход за покупками с Чейзом на всю оставшуюся жизнь. Как фантастический отпуск. Как особенный день рождения.

Как свадьбу.

Это чувство эйфории угнездило во мне, когда я вошла в «Ла-Ла Ленд», вероятно, в тысячный раз, но на этот раз впервые с Чейзом (что тоже казалось особенным), и оно осталось со мной в значительной степени.

Я сразу увидела Шамблза. На нем были круглые очки а-ля Джон Леннон с ярко-зелеными линзами. Лоб опоясывала бандана цвета радуги, косматые светлые волосы были собраны в причудливый пучок на макушке и спадали до плеч.

Он взглянул на нас, вытянул вперед руку, указывая пальцем туда-сюда между Чейзом и мной, его губы задвигались, произнося громко:

— Ты! С тобой! Вы вместе! Чума! — Затем он опустил руку и прокричал: — Солнышко! Детка! Все эти кофе на вынос были по отдельности, а теперь они вместе! Подтверждаю! Наша милая Фэй заполучила горячего полицейского!

Как раз в тот момент моя эйфория испарилась, и лицо опалило жаром.

Из задней комнаты выбежала Солнышко, а Чейз, снова прочитав меня, отпустил мою руку и обнял за плечи, в защитном жесте прижимая к себе. Не имея иного выбора и потому что мне было приятно, я обвила рукой его узкую талию.

Ни один из нас не мог сказать ни слова.

Потому что Солнышко хлопала в ладоши, подпрыгивала и кричала:

— Мне нравится!

Мы добрались до стойки (к сожалению), и Шамблз посмотрел на Чейза:

— Не в обиду твоим братьям, чувак. Есть и другие горячие местные федералы, но они не такие горячие, как ты.

— Шамблз — парень, — Солнышко наклонилась, сообщая мне этот известный факт, — но он чувствует себя комфортно в своей мужественности, поэтому способен замечать сексуальность и без проблем делиться своим мнением. Он не в моем вкусе, — она мотнула головой в сторону Чейза, — но я думаю, все сестры согласятся, что твой парень в какой-то степени горячий.

Это не вызывало сомнений.

— Эм... — пробормотала я.

— Я ценю комплимент, но думаю, вы оба немного смущаете Фэй, поэтому я также был бы признателен, если бы ради нее вы немного более спокойно проявляли свою радость, — сказал Чейз тихим голосом, который, тем не менее, звучал властно и в то же время странно нежно.

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на его профиль, пораженная и одновременно совсем не удивленная.

— Не вопрос, — прошептал Шамблз, будто на него шикнули в библиотеке, а не легко упрекнул красавчик-полицейский. Затем он посмотрел на меня и сказал: — Извини, Малиновый Звездочет.

Кстати, если вы были завсегдатаем кофейни и нравились Солнышку и Шамблзу, то получали хиппи-имя. Я знала это, потому что, знакомясь с Лорен и Лекси, узнала, что Лорен называли «Лепесток цветка», а Лекси — «Полуночное солнце». Обычно они просто называли меня «Звезда» для краткости, как Лори — «Лепесток» и Лекси — «Полночь».

Они были странными. Они были хиппи. Они были единственными знакомыми мне хиппи, поэтому я не знала, были ли они странными хиппи. Но они точно были милыми.

— Все в порядке, Шамблз, — уверила я с улыбкой.

— Круто, что ты читаешь, потому что чтение — это круто, — мягко продолжил он. — Но еще круче то, что ты не читаешь, а вместо этого стоишь рядом с горячим парнем.

Никогда еще не звучало более правдивых слов.

Моя улыбка стала шире.

Шамблз улыбнулся в ответ.

Затем он подпрыгнул, развернулся, двинулся к эспрессо-машине и выкрикнул:

— Латте с фундуком и тройное латте скоро будут.

— Нам нужен завтрак, Солнышко, — сказал Чейз, и она устремила к прилавку с домашней выпечкой Шамблза.

— Вижу, ты уже хорошо влияешь на красавчика, Звезда, — сказал мне Шамблз, взясь с кофемолкой. — Он никогда ничего не заказывал, кроме кофе. Хотя один раз заказал смузи с ложкой протеинового порошка. Единственная причина, по которой я держу протеиновый порошок, заключается в том, что он и муженек Полночи просят добавлять его в свои напитки.

— У горячего парня есть имя, Шамблз, — тихо сказала я сквозь улыбку и надеялась, что не прозвучу грубо. — Его зовут Чейз.

Шамблз, показывая, что он не обижается, бросил мне через плечо шальную ухмылку и ответил:

— Мы знаем, как его зовут, но я из тех, кто называет людей так, как их видит.

Вот и все.

— Лазурит Отважный, — в этот момент пробормотала Солнышко себе под нос.

— Идеально, — пробормотал в ответ Шамблз.

— Что? — спросила я, и Солнышко посмотрела на меня.

— Лазурит, — тихо объяснила она, — по цвету его глаз. Отважный, — она помедлила, и я почувствовала, как у меня перехватило горло, прежде чем она закончила, — это он.

Это было прекрасно. Если когда-либо и существовало хиппи-имя Чейза, так это было оно.

Чейз так не думал, и я поняла это, почувствовав, как напряглось его тело, и он спросил:

— Что за хрень?

Я посмотрела на него.

— Это твое хиппи-имя. Я — Малиновый Звездочет. Лекси — Полночное солнце. Солнышко — Богиня Солнечных Лучей. А ты Лазурит Отважный.

— Я не... — начал он, но я сжала его талию и покачала головой.

Его челюсть напряглась, но он промолчал.

Взглянув на витрину, я заказала черничный кекс с посыпкой из коричневого сахара. Чейз решил полакомиться морковным кексом из цельнозерновой муки, который оказался самым полезным среди всей выпечки.

За все заплатил Чейз, я даже не полезла за кошельком. Потому что Чейз платил. Я уже усвоила этот урок. На самом деле, я усвоила его, когда в третий раз попыталась написать ему, что кофе во время засады будет за мой счет, а он ответил:

Детка, я плачу. Точка.

Так что.

Точка.

Мы попрощались и уже возвращались к грузовику Чейза (мой джип мы оставили возле моего дома перед поездкой в магазин), когда Чейз начал:

— Фэй, я не большой любитель...

Я резко затормозила и, потянув его за талию, остановила и его тоже (мы все еще обнимали друг друга).

Чейз посмотрел на меня, и я прошептала:

— Не надо.

— Детка...

Я покачала головой и повернулась к нему, вставая на цыпочки.

— «Детка» срабатывает для тебя, милый, но в этот раз, пожалуйста, не используй ее. Таким видят тебя люди в этом городе. Ты отважный. Не знаю, почему тебе это не нравится, почему у тебя такое странное выражение лица и тон голоса, когда речь заходит об этом. Хотелось бы мне знать и, надеюсь, что мое желание исполнится, когда ты будешь готов рассказать мне. Но оставь это им. В этом городе, после того, что произошло, люди должны верить в это. И особенно Солнышко.

Солнышко тоже была похищена и ранена серийным убийцей Далтоном Макинтайром. Арни Фуллер не начал ее поиски даже после убийства Тони Пейн. На ее поиски отправились Тейт и Вуд, и они же вызвали полицию себе в помощь. После этого Солнышко какое-то время была тихой и молчаливой. Теперь же вернулась к своему обычному состоянию.

Поэтому всем нужно было верить, что за значками, защищающими этот город, стояла отвага.

Но Солнышко нуждалась в этом вдвойне.

Чейз уставился на меня, и на его квадратной челюсти дернулся мускул. Но он ничего не сказал, и я правильно восприняла это как уступку.

Я глубоко вдохнула и надеялась, что поступаю правильно, когда приподнялась на цыпочках и поцеловала его в челюсть.

Поступок оказался правильным.

Потому что Чейз вздохнул, его рука вокруг моих плеч сжалась, слегка обняв, а затем ослабла, говоря мне отступить и идти дальше.

Я отступила, устроилась у него с боку и пошла дальше.

Но это не означало, что я не беспокоилась о том, что только что произошло. Я не ошиблась. Чейзу не нравилось быть местным героем.

Любой мужчина должен быть скромным. Так говорил мой папа.

Но дело было не в этом.

Здесь крылось нечто более глубокое, более темное.

И я надеялась, что однажды он поделится этим со мной, чтобы я могла осветить его сомнения.

* * * * *

9:16 утра

Я увидела, как Чейз открыл дверцу «Юкона», вышел, а затем захлопнул ее и неторопливо направился ко мне.

Малахия так и не появился. Он никогда так не опаздывал.

Никогда.

Я закусил губу, когда Чейз приблизился, и его взгляд упал на мои губы.

Остановившись передо мной, Чейз поделился своей догадкой:

— Либо он увидел, что ты стоишь там, и решил не подходить, либо опаздывает.

— Или что-то случилось, — предложила я альтернативную версию.

Чейз перекинул волосы мне через плечо, обвил пальцами мою шею и мягко приказал:

— Не делай поспешных выводов, дорогая.

Я снова прикусила губу.

— Может, для него еще слишком рано, — продолжил Чейз. — Ты говорила, что Кристал пообещала подежурить вчера вечером. А раз Кристал так сказала, то она сдержит обещание. Когда мы приехали, сумок здесь не было. Значит, вчера он приходил. Сегодня ты здесь, на виду. Возможно, он не готов к встрече.

Я перестала кусать губу и кивнула.

— Я должен был быть на работе более часа назад. Мне пора.

Я и не подумала об этом. Он говорил мне, что его график в значительной степени зависит от совершаемых преступлений, но его рабочий день был с восьми до пяти, и каждый второй уик-энд — дежурство. Мы две недели следили за ящиком для возврата, а значит, он в течение двух недель ежедневно опаздывал на работу.

Я склонила голову набок и спросила:

— У тебя будут проблемы из-за опоздания?

— Кэп знает о Малахии и слежке. Телефон при мне, если я им понадоблюсь, они знают, где меня найти, так что, нет. Но я никогда так не опаздываю, поэтому мне пора.

Я кивнула.

— Что собираешься делать? — спросил Чейз.

— Эм... пойду домой, переоденусь, сяду в машину и вернусь, проверю, на месте ли сумки. Если да, то припаркуюсь на улице и понаблюдаю.

На этот раз Чейз кивнул.

— Хочешь, я тебя подвезу?

Я покачала головой.

— Нет, прогулка пойдет мне на пользу.

Рука на моей шее сжалась, а затем Чейз задал вопрос, который мне очень, очень понравился.

— Сегодня вечером мы у тебя или у меня?

Он хотел снова увидеться со мной и поскорее.

Ура!

Отпраздновав про себя, я обдумала его вопрос. Его дом был лучше моего. Как и его кухня. Но моя одежда находилась у меня дома. А я не принадлежала к той категории людей, кто знал, что будет носить всю неделю. Даже не на следующий день. Утром я обычно стояла перед шкафом минут десять, выбирая.

Хотя я предполагала, что спрашивая о моем или его доме, Чейз имел в виду не только то, где мы встретимся и поужинаем, но и где будем спать.

Возможно, я ошибалась.

Но все же надеялась на обратное.

Запоздало и нерешительно я ответила:

— У меня.

— Хорошо, — пробормотал он, наклонив голову, чтобы прикоснуться губами к моим губам, а затем отстраниться на дюйм. — В твоём доме есть мебель, которую я с нетерпением жду опробовать.

Он оставался на ночь.

Ура!

Я приблизилась к нему, его рука скользнула к моему затылку, и он подарил мне поцелуй, который включал в себя не только губы.

Когда он снова отстранился, то не отпустил меня, но сказал:

— После работы отправлюсь на пробежку. Буду у тебя около половины седьмого.

— Хорошо, до скорого.

— Ага, — пробормотал он, снова приблизившись, чтобы коснуться моих губ, затем отодвинулся и еще раз сжал мою шею. — Пока, детка.

— Пока, Чейз.

Он отпустил меня, и я наблюдала, как он идет к своему грузовику.

Когда его грузовик тронулся с места, я ступила на тротуар. Проезжая мимо, Чейз махнул мне. И я помахала в ответ.

Затем я сделала так, как и сказала Чейзу. Отправилась домой, переделалась, села в машину и вернулась к библиотеке.

Сумки все еще стояли на месте.

Мне это не понравилось.

Я развернулась, припарковалась на улице и принялась ждать.

В десять тридцать я заскучала, мне нужно было убратсья дома, купить продукты, заскочить в спортзал и приготовить еду и развлечение для горячего парня.

Итак, в последний раз взглянув на сумки, ожидающие у ящика, с тяжелым сердцем и беспокойством я поехала домой.

23:48 той же ночью

Я отключила Nook, осторожно подвинулась и положила его на тумбочку. Потом потянулась, чтобы выключить свет.

Чейз спал позади меня в постели.

Мне это понравилось.

Мы хорошо провели вечер. Поужинали и поболтали ни о чем. Чейз дразнил меня, я смеялась. Я тоже старалась рассмешить Чейза. Мы вымыли посуду. Я почитала, прижавшись к боку Чейза, мой Nook опирался на его пресс, Чейз лежал на спине, смотря игру по телевизору.

По окончании игры Чейз пробормотал: «Увидимся в постели», что я восприняла как сигнал готовиться лечь спать.

Я так и сделала, немного нервничая в шелковой ночной рубашке кремового цвета, настолько кремовой, что она переливалась перламутром. Без кружев, простая, элегантная и короткая. Я нервничала, потому что в ту минуту, когда вышла из ванной, то увидела, как Чейз пристально смотрит на меня.

Добравшись до края кровати, я начала ставить колено на матрас, но оно не коснулось кровати. Потому что развалившийся на спине Чейз приподнялся, сделал выпад, и я оказалась на спине в постели, Чейз на мне.

— Моя девушка и ее сексуальные ночные рубашки, — пробормотал он с легко читаемым одобрением, и это было связано не только с его тоном, но и с его руками, блуждающими по шелку.

Потом он поцеловал меня.

Прежде чем погрузиться в дымку поцелуя Чейза, я сделала мысленную пометку позвонить Лекси и попросить ее и Венди вернуться в торговый центр. Я не купила так много ночных рубашек или нижнего белья.

Мне нужны были запасы.

Мы немного подурачились, но Чейз снова не занялся со мной любовью.

— Завтра, — пробормотал он мне в губы, и я собиралась сказать ему, что чувствую себя прекрасно, но его рука скользнула мне в трусики и обхватила попку.

Это было приятно.

Как здорово! Это будет завтра.

И этой ночью я не была разочарована.

Но когда мы закончили, спать мне расхотелось. Какое-то время я болтала, Чейз мне отвечал. Он не велел мне замолчать, но по его голосу я слышала, что он устал.

Поэтому тихо сказала:

— Ложись спать, я почитаю на диване.

— Читай здесь, — возразил он.

— Свет...

Его руки вокруг меня сжались.

— Читай здесь, детка. Мне не мешает.

— Хорошо, — прошептала я.

Так я и сделала. Он не лгал. Свет ему не мешал. Минут через пятнадцать после того, как я начала читать, я проверила его, он спал на боку, засунув одну руку под подушку, а другую вытянув перед собой на кровати.

Я воспользовалась этой возможностью, чтобы изучить его, так как никогда не видела его спящим. Длинные темно-коричневые ресницы отбрасывали тень на щеки. Красивое лицо было расслабленным и не менее красивым. Большое, мощное тело не двигалось.

Изучая его, я не удивилась исходящей от него крайней сексуальности, даже в бессознательном состоянии.

Чисто мужская красота.

Положив Nook на тумбочку, я выключила свет и устроилась спиной к нему, думая, что, может быть, мне следует подстроиться под его график сна. Последние две ночи я засыпала в его объятиях. Было приятно видеть его здесь, со мной, в моей постели. Но обниматься с ним перед сном было лучше.

Ванна не помогла.

Его слова на следующее утро после того, как я отдала ему свою девственность, всплыли в моей голове.

Столько всего происходило, и все это было так знаменательно, что тогда я не подумала, зачем он повел меня в ванную.

Я хочу позаботиться о тебе. Ты позволишь мне, Фэй?

Он думал, что причинил мне боль, и поступил так, чтобы облегчить ее.

Мое сердцебиение успокоилось, лежа на подушке, я улыbnулась, как раз в тот момент, когда Чейз обнял меня за талию и потянул через кровать. Он не прижал меня к себе, а подмял под себя, полностью окутав своим телом.

Он делал так и накануне.

В тот раз мне понравилось.

Как и сейчас.

— Закончила? — пробормотал он сонно-сексуальным голосом.

— Ага, — ответила я, скользнув рукой вниз по его руке и обвивая его запястье на моем животе.

— Хорошая книга? — продолжал он бормотать.

— Ага.

— Хорошо.

Я вжалась в него глубже.

Его рука вокруг меня напряглась.

Я вздохнула.

Я почувствовала, как его рука расслабилась, а вес тела опустился на меня.

Он уснул.

Мои глаза закрылись, и я последовала за ним.

* * * * *

Я охнула, когда Чейз, обняв меня, перекатился, и я обнаружила, что мы все еще связаны, но я сижу на нем сверху.

О, мой fucking бог.

Он снял запрет на секс. Мы много чем баловались, прежде чем он, наконец, снова взял меня. И я наслаждалась этим, лежа на спине, обвиваясь вокруг Чейза, пока он нежно и ритмично вонзался в меня.

Мне это очень нравилось.

Теперь же я не знала, что делать.

Чейз тоже сел подо мной в моей постели. Его рука двинулась вверх по шелку ночнушки, к шее, к затылку, он обхватил его и наклонил так, чтобы коснуться губами моего уха.

— Двигайся, милая, — прошептал он, обвивая меня рукой за талию и слегка приподнимая.

— Двигаться? — охнула я.

— Объезди меня, — настаивал он, вызывая мурашки только этими двумя словами. — Быстро или медленно, как хочешь, но не выпускай меня полностью.

Объездить его.

Ладно, хм... до Чейза я была девственницей, но я смотрела телевизор, фильмы, читала любовные романы. Я знала о существовании других поз, кроме миссионерской.

Чейз знакомил меня с новыми.

Так что я приподнялась.

Хм, ощущалось как-то не очень.

И скользнула вниз.

О, так лучше.

Попробовала еще раз.

Да, опускаться было приятнее, но чтобы ощутить это, нужно было подняться.

Так что я сделала это снова.

Я нашла свой ритм, а потом обнаружила, что быстрый ритм нравится мне намного больше. Я также обнаружила, что мне чертовски нравится мой ритм, когда я добавила руки, блуждающие по телу Чейза, и рот и язык, исследующие его шею.

Инстинктивно я обнаружила нечто потрясающее при скольжении вниз: если опуститься до конца и глубоко надавить, вращая бедрами, ощущения... были... великолепные.

Великолепные не только для меня, но и для Чейза.

Я поняла это, когда он зарычал мне в шею, затем откинул голову и приказал:

— Фэй. Рот. Сейчас.

Я подняла голову и поцеловала.

Между прочим, я сделала это по пути вниз и кружа бедрами.

Фракингноменально.

Рука Чейза переместилась с моей талии вверх по боку, по ребрам к груди. Обхватив грудь ладонью, Чейз надавил большим пальцем на сосок и перекатил.

Я резко опустилась на Чейза, прервала наш поцелуй, откинула голову назад и сильно кончила, задыхаясь и хныча.

Мой оргазм еще длился, а Чейз уже перевернул меня на спину, обвил мои ноги вокруг своих бедер и стал врезаться в меня быстрее и жестче, чем первой ночью. Гораздо быстрее и жестче, чем я объезжала его.

Я все еще кончала, а не прекращающиеся толчки Чейза стали вновь приближать меня к

краю, и я не была уверена, — такого еще никогда раньше не было, даже отдаленно, — либо я снова начала кончать, либо мой оргазм длился очень долго.

Он все равно закончился до того, как Чейз испытал свой оргазм, так что, хоть и с затуманенным зрением, но я его видела.

Поразительное зрелище.

После того, как Чейз кончил, он уткнулся лицом мне в шею, но, в отличие от первого раза, не остался внутри. Он медленно входил и выходил, четыре раза (я считала), прежде чем скользнуть до конца и замереть.

В его движении чувствовалась безмерная ласка, некий нежный дар, который я получала, и в то же время отдавала, и это означало, что мне тоже есть что отдать.

Мне это понравилось.

Одна его рука скользнула по моей ночной рубашке сбоку, и он пробормотал мне в кожу: — В следующий раз, когда я возьму тебя, детка, хочу, чтобы ты была голой. Думаешь, ты будешь готова к этому?

Я думала, что как только Чейз начал, я ни о чем особо не думала. Если бы я мыслила ясно, то, вероятно, не была бы готова. Поскольку я не мыслила ясно, то готова была.

Еще я думала, что с его стороны было невероятно мило, спросить меня об этом.

Поэтому прошептала:

— Да.

— Хорошо.

Я сжала его в объятиях.

Чейз поднял голову и посмотрел на меня, одна его рука пробралась в волосы сбоку головы, и его большой палец начал лениво и ласково кружить по виску.

Это тоже было невероятно мило.

— Кончила только от моего члена, — тихо отметил он, и его слова заставили меня моргнуть, глядя на его красивое, довольное лицо.

— Что?

— Так как я все еще внутри тебя, надеюсь, ты сможешь принять истину, что не так много женщин кончают только от члена мужчины.

Так как он все еще был внутри меня, и я только что кончила дважды, или же один раз, но очень сильно и долго, и я должна была принять истину, то, в конце концов, ответила.

Но нерешительно.

— Учитывая, что... до этого, твой палец был на э-э... затем твой палец был между... ну, знаешь, а затем я касалась...

Я замолчала, а он усмехнулся и прошептал:

— Я понял, Фэй. Ты завелась.

Я расслабилась под ним, улыбнулась и пробормотала:

— Да.

— Мне нравится, — продолжал шептать он.

Я смутилась. По-моему мнению, мне нравилось все.

Какая часть нравилась ему?

— Э-э... — начала я, его ухмылка превратилась в улыбку, я начала тонуть в ней, а потом Чейз сделал нечто потрясающее.

Он перекатил нас так, что оказался на спине, я оказалась на нем, оседлав его, и мы все еще оставались связанными.

Вау.

Я моргнула, глядя на него, в то время как он обеими руками зарылся в мои волосы, отводя их назад и удерживая там, в то же время, умудряясь предплечьями удерживать меня.

— Мне нравится все, милая. Охрененно великолепно открывать тебе все это, наблюдать за твоей реакцией, — как ты восторгаешься, обретаешь уверенность, пробуешь что-то свое. Но я имел в виду, что мне нравится, что ты можешь кончить, просто взяв меня. — Он притянул мою голову к себе, поцеловал в губы и осторожно потянул за волосы, отводя мою голову назад, и закончил: — Охренеть как сильно.

— Это хорошо, — прошептала я, потому что так и было на самом деле.

Его руки у моего затылка задвигались, чтобы держать волосы только одной, а затем его свободная рука скользнула вниз по моей спине и легла на поясницу, после чего он мягко сказал:

— Доктор.

Такого комментария я не ожидала, поэтому нахмурила брови и склонила голову набок.

— Что?

— Противозачаточные, дорогая.

— Но я принимаю противозачаточные.

Чейз моргнул и уставился на меня.

Потом спросил:

— Что?

— Я на противо...

Я резко замолчала, потому что туман эйфории, наконец, рассеялся, и я вернулась в реальную жизнь.

Когда мне исполнилось двадцать, мой цикл изменился. Месячные всегда шли регулярно, сопровождаясь легкими спазмами, ничего страшного. Затем, вместо четырех дней, они начали длиться два, стали очень болезненными, а иногда и с головными болями, не изнурительные, но и не доставляющие удовольствия.

Самое ужасное во всем этом были спазмы. Месяц за месяцем, в первый день я просто умирала. Чтобы с ними справиться, мне приходилось отмокать в горячей ванне и принимать большие дозы ибупрофена. Если я не принимала меры уже с вечера, то приходилось пропускать занятия в колледже, или даже не ходить на работу. Спазмы были очень продолжительными, я не могла спать, поэтому на следующий день ходила как зомби.

Когда мое состояние стало отражаться на учебе и работе, я, в конце концов, обратилась к врачу. Мне прописали противозачаточные и вуаля! Цикл пришел в норму, спазмы и головные боли прошли.

Я принимала таблетки регулярно, но никогда по назначению, потому что нужды в этом не было. Так что я никогда не думала об этом с такой точки зрения.

До нынешнего момента.

— Ты на таблетках?

Голос Чейза вернул меня в настоящее и в то же время напомнил, что это не та история, которой я хотела бы поделиться.

— Эм-м...

Рука с поясницы исчезла, обвившись вокруг моей талии, и Чейз тихо позвал:

— Фэй.

— Ага, — прошептала я.

Его брови сошлись вместе.

— Есть причина?

— Эм...

— Фэй, серьезно, мой член все еще внутри тебя, — напомнил он. — Это не просто то, о чем мы можем говорить. Это то, о чем мы должны говорить.

— Хм...

— Милая...

— У меня начались серьезные проблемы с месячными, прием таблеток регулирует их, и я больше не испытываю такой сильной боли, — протараторила я.

— Ясно, — ответил Чейз, как ни в чем не бывало, затем заключил: — Отлично. В следующий раз я возьму тебя голой и без презерватива. Всю тебя. Чертовски великолепно.

Он отпустил мои волосы, обнял обеими руками, приподнял голову с подушки и прикоснулся губами к моим губам.

Затем перевернул на спину, выскользнув из меня, наклонил голову, поцеловал меня в плечо и пробормотал:

— Сейчас вернусь.

Снова перекатился и выбрался из постели. Я ошеломленно смотрела, как двигаются мышцы его спины и плеч, его руки свободно раскачивались по бокам (наряду с другими, гм... частями его тела), когда он шел в мою ванную.

Ладно, я догадалась, что мне не нужно смущаться обсуждать месячные с Чейзом.

Приятно знать.

Я перекатилась так же, как и Чейз, свесилась с края кровати и схватила с пола трусики. Когда Чейз вернулся, я уже сидела в них, прижав колени к груди и обхватив их, откинувшись на подушки, прислоненные к изголовью.

Можно сказать, я спокойно воспринимала его наготу. Даже в ясном сознании. Вероятно, потому, что его тело походило на ходячее, движущееся, с текущей по венам кровью произведение искусства. Или, вероятно, потому, что он комфортно чувствовал себя обнаженным, и это передавалось и мне.

В любом случае.

Я воспринимала его наготу спокойно.

Было нечто чудесное в том, что он скользнул голым в мою постель после того, как занимался со мной любовью, что не смутило бы даже самую большую ханжу.

Он натянул одеяло до пояса, погрузился предплечьем в подушку и поднял на меня глаза.

— Я беспокоюсь о Малахии, — объявила я, и его лицо смягчилось.

— Так и знал, что мы заговорим об этом, — пробормотал он.

Да, потому что в тот день я отправила ему четыре сообщения о сумках, которые Малахия не забрал. Ни вчера. Ни сегодня.

Я повернулась к нему, отпустила ноги, подвернула их буквой «S» и наклонилась к нему.

— Чейз, он два дня не приходил за сумками. На этот раз я не болталась на виду. На этот раз мы сидели в твоём грузовике на улице, — напомнила я ему.

— Может, он засек нас в грузовике, — предположил он.

— Или, может, увидел меня в понедельник, испугался и больше не вернется. Когда я уходила вечером, сумки все еще были на месте.

— Все будет хорошо, Фэй, — тихо заверил он.

Я покачала головой.

— Что-то случилось.

— Возможно, но все будет хорошо.

Я уставилась на него.

Чейз обхватил меня за талию и потянул вниз на кровать, чтобы мы оказались рядом.

— Я сделал звонок, — сообщил он.

Я приподнялась на предплечье, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

— Кому?

Он долго смотрел на меня, прежде чем вздохнуть и сказать:

— Деку.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх.

— Деку?

— У Дека сейчас нет срочной работы, так что есть свободное время. Когда сегодня утром Малахия не появился, я позвонил Деку. Он его ищет.

— О, боже, — выдохнула я.

Чейз сжал мою талию.

— Детка, все будет хорошо.

— Дек кажется немного безумным, — прошептала я.

— Да. Но он не дурак. Он знает, что ребенок подвергался жестокому обращению, шнырял по мусоркам и напуган до смерти. Он будет действовать деликатно.

— Но...

Его рука напряглась, дергая меня к нему, не оставляя мне иного выбора, кроме как лечь обратно на подушку, после чего Чейз навис надо мной.

— Он будет действовать деликатно, — прошептал он.

— Ты уверен? — прошептала я в ответ.

— Ага.

Я вдохнула, выдохнула и кивнула.

— А пока мы продолжим делать все, как раньше, — продолжил Чейз.

Я снова кивнула.

— Теперь ты считаешь или ляжешь спать?

Я предположила, что это означало, что Чейз устал. С другой стороны, время для его отбоя уже миновало.

— Считаю, — тихо сказала я, и он ухмыльнулся.

Потом наклонил голову и поцеловал одним из своих милых, нежных поцелуев с открытым ртом и ленивым движением языка. Пальцы на моих ногах подогнулись, я обвила его обеими руками, зарывшись ими в его волосы.

Когда поцелуй закончился, Чейз оторвался от моих губ и пробормотал:

— Читай.

— Хорошо, — пробормотала я в ответ.

Он приподнялся, поцеловал меня в нос и чуть отодвинулся.

Я перекатилась на свою сторону кровати и взяла Nook.

Лампа Чейза погасла.

Я включила Nook и начала читать. Через час я выключила его, отложила на тумбочку и выключила свет.

Едва я улеглась, как мою талию обвила рука и потащила по кровати, в основном, подминая под Чейза.

— Закончила? — сонно пробормотал он.

— Ага.

— Спокойной ночи, детка.

— Спокойной ночи, Чейз.

Его рука сжалась.

Я теснее прильнула к нему.

Его вес лег на меня.

Я закрыла глаза и погрузилась в сон.

* * * * *

22:07 ночи, три дня спустя

— Чейз.

— Бл*ть, детка.

— Чейз!

— Дай мне свой рот.

Я сделала, как мне велели. Через полсекунды я простонала ему в рот свой оргазм.

Когда я закончила, его рука, обхватывающая мою голову, прижала мое лицо к его шее, и он продолжил набирать скорость.

Я опиралась спиной об изголовье, крепко обхватывая Чейза ногами, и также крепко держась за его плечи. Он стоял на коленях, поддерживая меня одной рукой под попку, а другая его рука была в моих волосах.

И он проникал глубоко, двигая бедрами вверх и врезаясь в меня.

Серьезно, секс... был... потрясающим.

Я убрала одну руку с его плеча, скользнув ею вниз по его спине к ягодицам, и сжала так, что почувствовала работу мышц.

Грандиозно.

— Господи, бл*ть, — прорычал он мне в шею сквозь хрипы.

Я училась распознавать знаки. Он был близко.

Я вцепилась в него крепче.

— Господи, бл*ть, такая охрененно узкая, узкая и сладкая, — стонал он теперь сквозь хрипы.

Мне это понравилось. Так сильно, что я провела языком по его шее.

Он напрягся сильнее, хаотично дергая бедрами, одной рукой сжимая мою попку, а другой стискивая мои волосы, и я услышала его глубокий гортанный стон, а также почувствовала его на своей коже.

Да. Seriously.

Секс... был... потрясающим.

Его дыхание выровнялось, рука отпустила волосы, соскользнув вниз и обвив мою шею.

Я держалась крепко и не шевелила ни единым мускулом.

— Милая городская красотка-библиотекарша носит сексуальное нижнее белье, еще более сексуальные ночные рубашки и кончает, когда ее трахают, прижав спиной к изголовью

кровати.

Я моргнула, глядя в его шею.

— Что?

Чейз не стал повторять.

Вместо этого спросил:

— Сколько времени прошло после того, как я прижал тебя к изголовью, и ты кончила, детка? Секунда?

Я откинула голову назад, чтобы посмотреть на него.

Он отодвинулся, чтобы улыбнуться мне.

— Ты меня дразнишь? — спросила я, не зная, как к этому отношусь.

— Да, — подтвердил он. — Но хоть я тебя и дразню, замечу, это чистейшая Божья правда. Я взял тебя, и ты обезумела.

Я почувствовала, как мои глаза сузились, и рявкнула:

— Ну, было горячо.

— Да, было. И стало еще горячее, когда ты обезумела за секунду до того, как кончила.

— Чейз! — снова рявкнула я, но это единственное, что я могла из себя выдавить.

— Это правда.

— Это была не секунда.

— Полторы секунды, — исправился он, вроде как.

— И не полторы секунды! — мой голос стал повышаться.

— Точно-точно. Всего полторы секунды, не больше.

— Не знаю, как я отношусь к твоим поддразниваниям, когда я голая, — парировала я.

Его улыбка стала порочной.

— Имеешь в виду, голая, чертовски мокрая, все еще с моим членом внутри?

Я почувствовала, как запылали щеки, отвела взгляд за его плечо и пробормотала:

— Не важно.

— Господи, самая мокрая и самая узкая из всех, что у меня когда-либо были, — продолжил он, и мой взгляд вернулся к нему.

— Чейз!

Он прижал меня к изголовью, улыбка погасла, а на лице и в глазах отразилась напряженность.

— Все, что ты даешь, Фэй, — он вжался в меня бедрами, — чисто, непорочно, и только, черт возьми, мое, и это прекрасно. Но в остальном... то, какая ты мокрая, какая ты узкая, как сходишь от меня с ума, как было только что. Детка. Бл*ть. Ты должна знать, что в сочетании со всем остальным, эта красота зашкаливает.

Хм. Мне это понравилось.

Офракенно сильно.

Я прикусила губу.

Его глаза опустились к моему рту, и его улыбка вернулась.

Затем я оказалась на спине в постели, он на мне, отдавая приказы.

— Я тебя отпущу. Ты приведешь себя в порядок, вернешься, и мы начнем второй раунд.

Мои брови взлетели вверх.

Второй раунд?

У нас никогда не было второго раунда.

— Серьезно?

— Завтра не на дежурство, — напомнил он.

— Ну да, в отличие от меня, — в свою очередь напомнила я ему.

По-прежнему улыбаясь, он тут же парировал:

— Да, но твоя работа начинается в девять тридцать. Ты можешь выспаться.

Это было правдой.

Я выдержала его взгляд.

Затем прошептала:

— Второй раунд, значит?

Его глаза засверкали, и он прошептал:

— О, да.

О.

Да.

— Хорошо, — выдохнула я, он наклонился, прикоснулся к моим губам, а затем откатился.

Я соскочила с кровати и направилась в ванную, чтобы подготовиться ко второму раунду.

И, да.

Серьезно.

Секс был потрясающим.

* * * * *

00:15 той же ночью

Я лежала в постели, прильнув к боку Чейза, он обнимал меня одной рукой, водя ею под моей ночнушкой от лопаток до пояса трусиков, моя ладонь покоилась на его животе, я прижималась щекой к его плечу, перекинув ногу поверх его бедер.

Прошла почти неделя с момента, как мы сблизились таким образом.

Он работал, я работала. Он бегал или плавал, или поднимал тяжести, я посещала спортзал. Ужинали мы вместе. Однажды, после ужина у меня дома, мы пошли выпить в бар «У Баббь». Он смотрел игру, я читала.

Однако он не смотрел ни один из моих сериалов и твердо отстаивал свою позицию в этом вопросе, даже когда я почти умоляла его посмотреть «Сверхъестественное», сказав, что Дин Винчестер, безусловно, его типаж. Хотя я и сдалась, но на следующей неделе решила попробовать еще раз. Дин и Сэм могли впадать в душевные, мужские разговоры, и там были демоны, призраки и множество апокалиптических сюжетных линий. Но все же, я полагала, что сериал Чейзу может понравиться в основном потому, что братья ездили на офигенной «Импале». А все мужчины (или большинство из них, а особенно те, кто был мужчиной на сто процентов) любили машины.

Так или иначе, я записала серию с прошлой недели. А поскольку все свое время я проводила с Чейзом, если он не посмотрит ее со мной, тогда как я получу свою дозу Дина и Сэма?

Секс был регулярным (после снятия запрета, утром и вечером!) и становился все лучше и лучше (безумие какое-то). Под руководством Чейза я стала более уверенной в себе, и мы

лучше узнали друг друга в постели и вне ее.

Это была еще одна великолепная неделя.

Невероятная. Поразительная. Удивительная.

Единственный минус — Малахия.

Он не появлялся всю неделю, и каждый день я спрашивала Чейза об успехах Дека.

Дек пока ничего не выяснил.

Чейз также расширил поиски, связавшись с близлежащими округами и каждой подведомственной им школой, чтобы узнать, числится ли у них мальчик по имени Малахия.

Ответ был отрицательным.

— Паренек — призрак, — пробормотал Чейз, и его тон красноречиво подчеркивал, что он не считает это хорошим.

Я тоже так думала. Как он мог не числиться ни в одной школе в пяти округах?

— Я беспокоюсь о Малахии, — пробормотала я в тишине ночи, и Чейз перестал водить рукой, крепко меня обняв.

— Я знаю, детка, — прошептал он.

— К этому времени у него должна закончиться еда.

— Дек найдет его.

Я приподнялась и посмотрела на него в темноте.

— Чейз...

Он поднял другую руку, и я почувствовала прикосновение к моей щеке.

— Фэй, детка, Дек найдет его. Мы ничего не можем сделать. Не сейчас. Засыпай. Завтра тебе на работу. Вечером мы встречаемся с твоей семьей. Дек в тупике. А он не любит чувствовать себя загнанным в тупик. Никем, и уж точно не девятилеткой. Сначала это была услуга, которую он мне оказывал. Теперь же она стала его миссией. Он не сдастся, Фэй, и найдет его.

Я затаила дыхание.

Он был прав. Мы ничего не могли сделать в пятницу после полуночи. На следующий день меня ждала работа, а вечером встреча с моей семьей.

Предполагалось, что это будет ужин для мамы, папы, Чейза и меня. Потом об этом узнала Лиза (папа и его болтливый язык). Теперь приедет она с детьми и Бойд, и это накануне вечеринки в честь дня рождения ее сына Джарота.

Не спрашивайте меня об имени Джарот. Я ей говорила, что мальчика будут дразнить и называть «морковкой», так и случилось (прим.: в оригинале имя «Jarot» рифмуется с «carrot» (морковь)). Ей нравилось это имя, а когда ей что-то нравилось, она вела себя как истинная Лиза, готовая на бесчисленные припадки, чтобы получить желаемое. Так что Бойд уступил, лишь бы она заткнулась. Он уступил, но, к счастью, потребовал права дать имя их второму сыну. Его назвали Роберт. Достаточно сказать, что Робби не дразнили на детской площадке.

С другой стороны, Робби был хулиганом.

Джарот вечно возился с Lego, и по его творениям Лиза, Бойд и папа были убеждены в том, что он станет архитектором.

Ему было почти девять.

Робби трижды отправляли домой из садика за то, что он бил детей по носу.

Ему было шесть.

Никто не говорил, кем, по их мнению, станет Робби, в основном потому, что оптимистичным выбором была бы следующая версия Великой Белой Надежды на

боксерском ринге. Но с практической точки зрения ему светило стать телохранителем наркоторговца.

— О, ладно, — пробормотала я, а затем устроилась поудобнее.

Рука Чейза с моей щеки перекочевала в волосы, пропустив их сквозь пальцы, прежде чем исчезнуть, а его ладонь на моей спине возобновила поглаживания.

Я расслабилась.

— Мы найдем его, Фэй, — прозвучало тихо, но это было обещание.

Я придвинулась ближе.

Он понимал, что я волнуюсь, и ему это не нравилось.

Но я знала, что он тоже беспокоится. И хотя не хотела этого, мне нравилось, что он переживает за незнакомого ребенка.

— Хорошо, милый.

— Засыпай, — призвал он.

— Хорошо.

— Спокойной ночи, детка.

— Спокойной ночи, Чейз.

Его рука прекратила поглаживания, снова сжав меня, затем ласки возобновились.

Под его движения мой разум успокоился, и я закрыла глаза.

Затем я сделала то, о чем настаивал Чейз. Прижавшись к нему, я заснула.

Глава 12

Семья

Внимание Чейза привлекла Фэй, ерзающая на соседнем сидении его грузовика, поэтому он потянулся к ней и коснулся ее руки. Переплетя их пальцы, он прижал их руки к своему бедру.

Они ехали в дом ее родителей, и Фэй волновалась. Она призналась в этом, когда Чейз мягко надавил, но она беспокоилась не о том, что они подумают о нем. А о том, что он подумает о них.

— Они немного хм... чокнутые, — сказала Фэй.

— Есть хорошие чокнутые и плохие чокнутые. Полагаю, они из хороших, — заметил он.

Она бросила на него милый, но подозрительный взгляд и продолжила:

— И шумные.

Чейз промолчал.

— И упрямые, — добавила она.

Чейз лишь ухмыльнулся.

— И суют нос не в свои дела.

Чейз сжал ее руку, и его улыбка стала шире.

— Я, своего рода, белая ворона. То есть, они все читают, но никто из них не стеснительный, гм... ни капельки, — продолжила она.

— Ты их любишь? — спросил Чейз. Получив от нее кивок, он тихо закончил, сжав ее руку: — Значит, я тоже.

Это помогло ей успокоиться и вызвало у нее улыбку.

Но около минуты назад его уверенность испарилась.

Как только они доберутся туда, она успокоится и будет в порядке.

Что касается Чейза, то он не волновался. Получив приглашение на ужин от Сайласа Гуднайта после его визита, и причины, по которой он его нанес, Чейз решил, что сделал что-то, что Сайлас одобрил.

Что касается других Гуднайтов, то главным Чейз считал, что он нравится Фэй. Если они хорошие люди и любят Фэй, — а он был в этом уверен, — они, либо взглянутся поглубже, чтобы выяснить, что Фэй нашла в нем, либо скроют свои чувства, чтобы не огорчать ее. Из городских слухов и из разговоров с Фэй, он уже понял, что они ему нравятся.

Поэтому ехал на ужин, не беспокоясь о том, как все пройдет.

Нет, его ум занимало множество других мыслей.

И на первом месте был Малахия.

Сколько бы они ни искали, ребенка просто не существовало.

Чейз проверил записи актов гражданского состояния штата Колорадо и ничего не нашел о мальчике по имени Малахия примерно того возраста, что и их Малахия, родившегося в штате Колорадо. Тот же ответ пришел и от местных и не совсем местных школ. Чейз, Фрэнк и Дек, заручившись поддержкой знакомых, послали запросы в школы Аспена и его окрестностей, Гранд-Джанкшен, Гленвуд-Спрингс, Монтроуз и даже в Денвер. Хотя несколько Малахиев было зачислено, но ни один из них не соответствовал возрасту их Малахия.

Чейз, Дек, Фрэнк и другие офицеры спрашивали по всему городу, не видел ли кто

Малахия не только в последнее время, но и раньше. За исключением нескольких человек, сообщивших, что, возможно, могли его заметить, что исключало какую-либо конкретику, больше у них ничего не было.

Неудивительно, парень умел быть невидимым.

Удивляло то, что, как оказалось, его вообще не существовало.

Чейз понимал, что он бродяжничает, но где-то поблизости. В нынешние времена люди не подвозили детей, не беспокоившись и не задавшись вопросом, почему ребенок без взрослых, обычно они сообщали об этом или отвозили ребенка властям. Так что, хотя Чейз и мог предположить, что Малахия попадает в Карнэл из другого города, даже из другого округа, но не представлял, как он доберется сюда из Денвера, а тем более из другого штата.

Он дал задание стажеру проверять базу данных пропавших без вести, не появится ли кто с похожим именем или описанием.

Все это и его исчезновение не предвещали ничего хорошего. Даже если Фэй с Чейзом спугнули ребенка в понедельник присутствием Фэй у ящика для возврата, или он засек их в грузовике, ребенок должен был быть. Фэй оставляла пакеты у ящика, даже когда они не следили. Она также разместила на углу библиотеки заламинированную записку, в которой просила всех, кто найдет сумки, оставить их для Малахии.

Малахия так и не появился. Каждые полчаса Фэй выходила из библиотеки и сообщала Чейзу, что пакеты на месте. Всю последнюю неделю по утрам они все равно оставляли их у ящика.

У Малахии было достаточно времени, чтобы прокрасться к библиотеке, когда он знал, что за ним не следят.

Возможно, каким-то образом он заметил или услышал, что Дек идет по его следу. Но так как Дек даже не учуял его запаха, а ребенок не установил никаких связей ни с кем, кроме Фэй, Чейз не мог понять, как.

Мальчику было лет девять или десять, и, насколько знал Чейз, он не обладал сверхспособностями и не был ясновидящим. Он находился в режиме выживания и шел на риск, чтобы хотя бы добыть себе еду.

Чем дальше Малахия не появлялся, тем больше росло беспокойство Чейза и Фэй.

Но Чейза беспокоило не только это.

Неудивительно, что город не обрадовался новости об убийстве Даррена Ньюкомба.

И дело не в том, что он пользовался всеобщей любовью. Его всецело ненавидели. Не ситуация очень походила на произошедшее с Мисти. Никто не считал, что он заслуживает такого, и, тем более, этого не заслуживают его дети.

После недавних событий горожане были готовы к тому, что может что-то произойти. Не требовалось обладать дедуктивными способностями, как у Шерлока Холмса, чтобы понять, что убийство Ньюкомба может стать верхушкой айсберга.

Само собой разумеется, в ходе расследования убийства Даррена Ньюкомба в его доме был произведен обыск, а Клинтон Бонара и людей, на которых он работал, навестил Фрэнк.

Также неудивительно, что дом Ньюкомба оказался перевернутым вверх дном, и тот, кто это сделал, проделал большую работу. Почти все было уничтожено. Диванные подушки выпотрошены. Матрасы порезаны. Ковер валялся в стороне. Линолеум содран. Ящики комода сломаны. Даже карманы на одежде вывернуты наизнанку или вырваны с корнем.

Нашли ли то, что искали, оставалось только гадать.

Чейз посетил место происшествия. Хотя Фрэнк был главным, это не означало, что Чейз

не искал убийцу своей нежеланной, но мертвой жены.

Увиденное заставило его прийти к некоторым выводам.

Убийца Ньюкомба и Мисти, если бы он был одним и тем же человеком, знал, что после убийства Мисти, его следы будут уничтожены продажными полицейскими в участке. Это не означало, что он не был осторожен со всем, кроме своей спермы. С Ньюкомбом он не оставил ничего. Тот, кто разгромил дом Ньюкомба, тоже не оставил после себя ничего, кроме беспорядка. Никаких отпечатков. Никто ничего не слышал и не видел. С другой стороны, Ньюкомб жил поблизости, но в уединенном месте, на холмах к востоку от города. Ближайший дом был в лесу. Понятно, что никто ничего не слышал и не видел.

Тем не менее, Чейз не считал, что дом обшаривал убийца. Он полагал, что подозреваемый проник в дом Ньюкомба, сделал свое дело и свалил нахрен. Кто бы это ни был, он не торопился. Человек, на руках которого одно, а то и два местных убийства, не стал бы медлить.

А значит, у Бонара и компании в Карнэле работала команда, и поэтому дерьмо, льющееся на город, было еще более дерьмовым.

Кроме того, Бонар и компания не пришли в восторг от визитов Фрэнка.

Об этом сообщил через голосовую почту Бонар и отец Чейза. Чейз проигнорировал оба звонка и прослушал только сообщение Бонара. Сообщение отца он удалил, не прослушав. Потому что Чейз по опыту знал, что даже голос отца раздражал его так, что мог испортить настроение на несколько дней.

Но Бонару он ответил сообщением: «В адрес Ньюкомба поступила угроза. Об этом сообщили. Убийство расследуется по протоколу».

Чейз считал, что сказал все, поэтому не собирался ничего добавлять. Получив сообщение, Бонар трижды звонил ему. Чейз нажимал «ответить», а затем сразу же завершил звонки, даже не поднеся телефон к уху, лишив Бонара возможности оставить сообщение.

Бонер сдался.

Но Чейз знал, они не сдадутся.

Чейз знал, что Ньюкомб дебил, расист и свинья, избивающая свою жену, но он не был настолько туп, чтобы хранить в своем доме дерьмо, которое у него имелось на этих мужчин, и он был достаточно хорошим отцом, чтобы не желать, чтобы оно находилось поблизости от его детей. Где бы он ни хранил компромат, или кому бы он его ни отдал, там было опасно, а, возможно компромат уже нашли, и угроза миновала.

Фрэнк придерживался первой версии, хотя вариантов, где бы компромат мог быть спрятан, было мало.

Касательно второй версии, им придется подождать и посмотреть.

Если этого было недостаточно, чтобы забить его голову мыслями, было кое-что еще.

Библиотека.

Чейз пять раз звонил главе городского совета, чтобы узнать подробности о будущем библиотеки и о том, когда вопрос о возможном закрытии будет вынесен на публичное обсуждение на открытом заседании совета.

Хотя все его звонки и сообщения принимал помощник Цезаря Морено, Чейзу так и не перезвонили.

Чейз был знаком с Цезарем Морено, главой городского совета. Он знал его как хорошего человека, семьянина и верного мужа. Он был из тех мужей, кто до сих пор держит за руку свою жену, несмотря на то, что они женаты уже восемнадцать лет. Он был из тех

отцов, кто всегда присутствовал на бейсбольных матчах своих троих сыновей. Из тех отцов, кто души не чает в своей единственной дочери, обращаясь с ней как с принцессой.

На самом деле, Кинсеаньера его дочери была таким огромным событием в прошлом году, что о ней говорили до сих пор (прим.: Кинсеаньера — в странах Латинской Америки празднование пятнадцатилетия девочек, символизирующее переход от подросткового возраста к взрослой жизни). Было приглашено много гостей, большинство — горожане Карнэла, денег не жалели, и провели все традиционные церемонии, такие как благодарственная месса, возложение короны и переобувание (прим.: традиция, в ходе которой именинница снимает лодочки, в которых пришла изначально, и надевает туфли с каблуками. Это символизирует переход девушки во взрослую жизнь).

Чейз достаточно хорошо знал Цезаря, чтобы быть приглашенным на Кинсеаньеру, но поскольку Мисти тогда была еще жива, и Чейзу нужно было привести и ее, как он обычно делал, когда они получали приглашение в качестве мужа и жены, Чейз отказался идти.

Цезарь достаточно хорошо знал Чейза, чтобы понять.

Мисти была опустошена. Ей нравились хорошие вечеринки, возможность принарядиться и расхаживать под руку с Чейзом. Вот почему он очень редко предоставлял ей такие возможности. К тому же, ему было невыносимо проводить с ней время.

Когда дерьмо полиции Карнэла полетело во все стороны, Цезарь незамедлительно подключился к делу. У него были связаны руки, пока Арни находился у власти, что ему не нравилось. Но он был достаточно умен, чтобы молчать об этом, защищая себя и свою семью от преследования, и делал все, что мог в Совете, а также в качестве городского советника и главы.

Поэтому, как только выдалась возможность, он приступил к зачистке. Открыто, честно, быстро, без волокиты и излишней болтовни. Цель состояла в том, чтобы сообщить городу, что буря миновала, и наступил рассвет нового дня. Чейз видел, что он погрузился в дело с головой, проводя бесчисленные часы за реорганизацией полицейского управления, поиском замены персонала, наймом и работой с консультантами, а также проведением городских собраний для сбора отзывов и информирования граждан.

Так что отсутствие ответа удивило и огорчило Чейза. Судя по тому, что он знал о Цезаре, тот был общественным и культурным деятелем, уважаемым бизнесменом и порядочным семьянином. Он был честным, прямым и доступным в общении.

Такое поведение совсем на него не походило.

И Чейзу это не нравилось.

— Пожалуйста, не сквернословь.

Голос Фэй вывел его из раздумий, и он спросил:

— Что?

Он почувствовал на себе ее взгляд, поэтому взглянул на нее, а затем снова на дорогу, когда она повторила:

— Пожалуйста, не сквернословь при моей семье.

— Фэй...

Она сжала его руку, и Чейз почувствовал, как Фэй наклонилась к нему, продолжив:

— Конечно, ты должен быть собой, но папа — дьякон в церкви. Летом он косит там газоны и подстригает кусты. Мама разрабатывает воскресные программы. И мама злится на меня, когда я говорю «frak», а это даже не настоящее ругательство. Но она считает, что смысла, стоящего за ним, достаточно. Мне двадцать девять, но она до сих пор без колебаний

отчитывает меня за это.

Он сжал ее руку и ответил:

— Во-первых, я не собираюсь ругаться во время знакомства с твоей семьей. Во-вторых, там будут дети, так что, однозначно никакой ругани. И в-последних, когда твой папа приезжал прочитать мне лекцию, он ругался. Несколько раз. Одно дело, когда это делает твой ребенок, красивая девушка, и как родитель, ты считаешь должным отчитать ее за это, независимо от ее возраста. Но если разговаривают мужчина с женщиной, они будут выражаться, как хотят.

— Папа ругался в разговоре с тобой? — недоверчиво и с милой хрипотцой спросила она, и Чейз ухмыльнулся ветровому стеклу.

— Ага.

— Правда? — прошептала она.

— Насколько я помню, из его уст не раз прозвучало «мудак», не раз «дерьмо», а еще упоминался «мажор». Могли быть и другие слова, и я не помню ничего на букву «х», но он, черт возьми, не избегал красочных выражений.

— Святой frak, — выдохнула она, и Чейз улыбнулся ветровому стеклу.

Затем перестал улыбаться и, понизив голос, заверил:

— Детка, все будет хорошо.

— Ну, мама у тебя точно в кармане. Никогда не видела такого большого букета цветов.

Она не ошиблась.

Чейз никогда лично не покупал цветы для женщины, поэтому не знал, что букет за пятьдесят долларов может быть таким огромным. Он часто посылал цветы своей матери. Но заказывал доставку и редко видел конечный результат, так как редко ездил домой. Кроме того, на букет для мамы он тратил семьдесят пять долларов. И, судя по букету, который в настоящее время лежал на коленях Фэй, составленному в цветочном магазине Холли, у которой заблестели глаза после того, как он назвал ей желаемую сумму, у его мамы, вероятно, букет был гигантский.

Так что неудивительно, что его ма, получая цветы, всегда звонила вне себя от радости. Он считал, что это просто потому, что она милая.

— Все будет хорошо, — сказал он Фэй, сворачивая на дорогу к северо-западу от города, которая вела к дому Гуднайтов, дорогу почти прямо противоположную той, что вела к дому Чейза на юге.

— Лиза, вероятно, так или иначе, будет вести себя неуместно, — продолжила инструктировать Фэй, либо проигнорировав его слова, либо настолько глубоко обеспокоенная, что не услышала их.

— Фэй, — он сжал ее руку, — все будет хорошо.

— И она может устроить драму или... просто чтобы ты знал, она не против прилюдно ссориться с Бойдом. Даже на глазах у детей. Если ссора переходит на крик, она велит мальчикам удалиться в другую комнату, но ей все равно, кто еще это увидит.

— Фэй, — он нежно дернул ее руку, а затем крепко-крепко сжал, — ради тебя я хочу, чтобы все прошло хорошо, но, не в обиду твоей семье, мне на это плевать. Я ложусь спать не с твоей семьей. И просыпаюсь не с твоей семьей. Мне не наплевать только на тебя. Но, милая, честное слово, они мне понравятся. Я знаю это, потому что тринадцать лет живу с ними в одном городе, и они мне уже нравятся. А узнав их лучше, они понравятся мне еще больше. Главное, чтобы по какой-нибудь е*анутой причине все не пошло наперекосяк, и я

перестал бы ложиться с тобой спать и просыпаться с тобой, а во всем остальном мы разберемся. Хорошо?

Она не ответила.

Чейзу пришлось отпустить ее руку, чтобы свернуть на подъездную дорожку к дому ее родителей, при этом снова спросив:

— Хорошо?

Ответа он не получил, пока не остановился за серебристой «Toyota 4Runner».

Только тогда Фэй выпалила:

— Ты из богатой семьи, ты обращаешься с элегантными бокалами для шампанского, будто они пластиковые, а они, должно быть, стоят кучу денег.

Он повернул к ней голову и в свете приборной панели увидел, что ее лицо бледное и явно встревоженное.

Бл*ть.

Это было неожиданностью.

Бл*ть.

Он остановил грузовик, выключил зажигание и свет и повернулся к ней.

— Иди сюда, — тихо приказал он.

— Я здесь, Чейз.

— Иди сюда, — повторил он.

— Но я...

— Детка, иди сюда.

Она близко наклонилась к нему, вытянувшись поперек салона грузовика, и опустила ладонь ему на бедро.

Он коснулся ее шеи, скользнул назад и вверх в ее шелковистые волосы и притянул ее на два дюйма ближе.

Затем мягко сказал:

— Я зарабатываю почти вдвое больше, чем ты, и живу на ранчо с четырьмя спальнями на пятнадцати акрах к югу от города. Я взял ипотеку, потому что родители моей мамы учредили мне трастовый фонд. Это не целое состояние, но и не мизер. Я влез в него, чтобы иметь дом, в котором хотел бы жить и создать семью. Я не прикоснусь к нему снова, пока не женюсь и не заведу детей. Только тогда я воспользуюсь им, чтобы сделать мой дом домом и дать образование моим детям. Если, не дай Бог, не случится чрезвычайной ситуации, ни для чего другого он использован не будет.

Чейз притянул ее на дюйм ближе и продолжил:

— У меня есть небольшая заначка, куда я постоянно вкладываю часть заработка, просто потому, что это умно. Я откладываю на пенсию, потому что, когда выйду в отставку, хочу сделать свою хорошую жизнь еще лучше. У меня отпуск два раза в год, и оба эти отпуска я провожу вблизи водоемов, где могу порыбачить, и в окружении лыжных трасс, где могу покататься на сноуборде, когда захочу. Я ношу джинсы и ковбойские сапоги, и в этом году я продам этот грузовик, потому что ему четыре года, так что пришло время его менять. Я пойду в «Петуха» по особому случаю, но хоть там и кормят отпадно, я вполне счастлив заказать у Розалинды, и я говорю серьезно.

Другой рукой он обхватил ее руку на своем бедре и тихо продолжил:

— Те бокалы, дорогая, купила мне мама. С тобой я в первый раз достал их из шкафа, куда она их поставила. В доме есть другое барахло, купленное мне мамой, которое, по ее

мнению, я должен иметь, и все оно, вероятно, дорогое, потому что она может себе это позволить, и уже привыкла к такому. В доме нет ни единой вещи, принадлежащей Мисти или купленной ею. То, о чем говорят те бокалы, было моей жизнью. Я ушел от нее в семнадцать лет и никогда не возвращался, и никогда не вернусь, и совершенно по ней не скучаю. Мне плевать на бокалы для шампанского. Пусть будут пластиковыми, мне все равно. Плевать, если они разобьются. Мне важно только, чтобы с тобой ничего не случилось. Не с бокалами для шампанского. Теперь, услышав все это, ты со мной в этом дерьме?

— Да, — прошептала она, впиваясь глазами в его глаза.

Она согласилась быть с ним, поэтому он отдал ей остальное.

— Я уже знаю, что твоя семья лучше, чем та, в которой я вырос, милая, — прошептал он. — Деньги и статус ни хрена не значат. Значение имеет личность человека. Мой отец ее лишен. Твой же отец — личность, и он женился на такой же женщине, и вместе они построили семью, где каждый представляет собой личность. Ты нервничаешь и крутишь всякое дерьмо в своей хорошенькой головке, отчего нервничаешь еще больше. Перестань. Все будет хорошо.

— Хорошо, — сказала она тихо.

— Теперь перед тобой стоит первостепенная задача изо всех сил стараться не быть милой. Когда ты такая милая, мне хочется тебя поцеловать, а это не понравится дьякону церкви, который все же ругается, но только не перед своей дочерью. Поскольку ты всегда такая милая, тебе будет трудно. Но я прошу тебя попытаться.

Ее розовые губки дрогнули, а затем она тихо ответила:

— Я попытаюсь.

Глядя на ее губы, Чейз пробормотал:

— И потерпишь неудачу.

— Чейз... — выдохнула она, и их глаза встретились.

— Ты ведешь себя мило, — предупредил он.

Ее голова наклонилась к плечу, а брови нахмурились.

Мило.

— Я всего лишь назвала твое имя.

— Больше ничего и не нужно.

Выпрямившись, она окинула его взглядом из-под опущенных ресниц, и ее губы приоткрылись.

Затем она дала ему еще больше милоты, а он уже и так был чертовски возбужден.

— Серьезно, — прошептала она почти благоговейно, более чем очаровательно, — ты очуменно великолепный.

Ему понравилось, что она так о нем думает.

И он надеялся, что ее мнение не изменится.

Чейз усмехнулся, притянул ее к себе и поцеловал в нос. Их могли увидеть, но она жевала жвачку. И после того как он почувствовал ее вкус, особенно с добавлением мяты, они не выходили из машины еще пятнадцать минут.

Затем он отстранился и сказал:

— Пойдем.

Фэй кивнула, начала отодвигаться, и он ей позволил.

Подождав, пока она обойдет грузовик, Чейз взял ее за руку и повел к освещенной входной двери.

Во время работы в полиции Карнэла Чейз неоднократно патрулировал этот маршрут на полицейской машине или же проезжал мимо по разным делам. Дорога, ведущая к дому Гуднайтов, не заканчивалась тупиком у холмов к западу от города, а вилась вверх через горы. Рядом с этой дорогой располагались ранчо, несколько домов, квартиры в которых сдавались местным жителям и отдыхающим, а выше в горах стояли большие особняки, принадлежавшие местным богачам или оставленные в качестве вторых домов более состоятельными нерезидентами. Он давно знал, где живут Гуднайты, в основном потому, что после того, как заметил Фэй, он сложил один и один и получил два в виде имени на их почтовом ящике, так что этот дом попал в его поле зрения.

Их дом был двухэтажным и, судя по всему, построен в 70-х годах. Скорее всего, с гостиной, столовой, кухней и другими помещениями общего пользования на нижнем этаже, еще одной гостиной и спальнями наверху или наоборот. С дороги нельзя было разглядеть верхнюю террасу, только внутренний дворик, однако Чейз предположил, что зоны семейного отдыха находились внизу.

Когда они приблизились к двери, их, на удивление, никто встречать не вышел. Вместо этого Фэй зашла в дом без стука, и пока Чейз отгораживался дверью от вечернего холода мартовского Колорадо, она крикнула:

— Мы пришли!

Вот тогда-то все и началось. То, к чему, по мнению Чейза, он был готов.

Но оказалось, что нет.

Ему предстоял вечер в нормальном, обычном семейном доме с нормальной, обычной семьей, чокнутой, шумной, упрямой, но веселой, где все были очень близки и любя поддразнивали друг друга.

Они все еще стояли на площадке, выложенной каменной плиткой, несколько ступеней вели в открытую гостиную слева от них, а несколько — в кухню напротив. На крик Фэй вверх по ступенькам бросились двое мальчиков, ее племянники, Джарот и Робби. У старшего были темно-каштановые волосы с оттенком рыжины. У младшего — волосы как у Фэй.

Чейз подумал, что они мчатся поприветствовать свою тетю Фэй, но тут же понял свою ошибку, когда оба мальчика резко остановились перед ним, запрокинули головы и в унисон сказали... громко.

— Покажи нам свой значок! — прокричал Джарот.

— Пистолет! — завопил Робби.

Судя по всему, мальчики знали, что он полицейский.

— Эм... может, детектив Китон покажет вам свой значок после того, как вы поздороваетесь со своей тетей Фэй, я познакомлю вас с детективом Китоном, и он сядет, выпьет и расслабится? — предположила Фэй нравоучительным тоном, в котором смешались легкое раздражение и «разве мои племянники не восхитительно непослушны?»

— Ладно. — Джарот попятился, подошел к Фэй и с явным нежеланием девятилетнего ребенка позволил ей быстрое объятие и еще более быстрый «чмок» в щечку.

— Пистолет! — повторил вопль Робби, полностью проигнорировав свою тетю.

— Робби! Следи за манерами! — упрекнул женский голос, и Чейз перевел взгляд на лестницу.

Чейз видел Фэй в городе с ее сестрой, Сондрой и Сайласом, и сейчас к ним приближалась ее сестра, Лиза.

Бог счел нужным одарить Фэй необычайными голубыми глазами ее отца и необычными каштановыми волосами ее матери. Лизу Ньюман он счел нужным одарить темно-кариыми глазами ее матери и темно-каштановыми волосами ее отца. Обе были красивы, но комбинация Фэй сшибала с ног, а комбинация Лизы просто была привлекательной.

Она была привлекательна, но носила короткую стрижку. Ей такой образ шел, но Чейз не часто находил его привлекательным. У нее было двое детей, но ее задница и грудь были менее пышными, чем у ее сестры. Фигуру обе женщины явно унаследовали от матери. Тот же рост, такая же тонкая талия, фигура, похожая на песочные часы. Это означало, что Лиза заботилась о своем теле, и, вероятно, сидела на диете. Она не выглядела изможденной или в плохом настроении, потому что ей требовался сэндвич, поскольку между завтраком и ужином она съела лишь протеиновый батончик. Но Чейзу такой образ тоже не казался привлекательным.

Наконец, на Фэй была короткая джинсовая юбочка, сквозь шлевки которой был продет яркий шарф, завязанный сбоку бантом. Сверху под парусиновой курткой на ней был темно-зеленый легкий свитер. Свитер облегал фигуру, а по декольте шла интересная драпировка, благодаря чему смотрелся на Фэй идеально. Он открывал сколько нужно, подчеркивал изгибы, не выделяя ничего лишнего, и в то же время, привлекая внимание.

На ней были ковбойские сапоги, которые Чейз никогда раньше не видел. Они были милы сами по себе, но еще милее смотрелись на Фэй. Замша желтовато-коричневого цвета с яркой вышивкой. Желто-оранжевые швы, вышитые зеленые лозы и, наконец, яркие розовые цветы служили незатейливыми деталями.

В своем наряде Фэй выглядела той, кем и была. Девушкой из горного Колорадо, которая работала в библиотеке, и в чьих жилах текла кровь коренных народов, живших на здешних землях тысячи лет.

Ее сестра была в широких черных брюках, плотно облежавших узкие бедра, замысловатой блузке, купленной то ли в Денвере, то ли в Нью-Йорке, и в блестящих черных туфлях на шпильках, которые, вероятно, стоили больше, чем весь наряд Фэй. Макияж был несколько ярким, а прическа заняла гораздо больше времени, чем у Фэй. Отчасти потому, что волосы Фэй, высохнув, ниспадали сверкающим прямым потоком, так что ей не требовалось ничего с ними делать, кроме как воткнуть при желании куда-нибудь заколку. В основном же потому, что Лиза выглядела так, будто уделяла много времени не только своим волосам, но и всей своей внешности.

Обычно Чейз не любил компанию таких женщин, главным образом потому, что не находил их привлекательными, и обычно его мнение относительно таких женщин подтверждалось.

Но когда Лиза добралась до верха лестницы, и взгляд ее теплых глаз остановился на нем, а на лице была дружелюбная улыбка, ее привлекательность значительно возросла.

Она усилилась еще больше, когда женщина протянула ему руку, приветливо сказав:

— Чейз, приятно познакомиться. Я с нетерпением ждала нашей встречи, когда услышала, что ты встречаешься с моей сестренкой.

Он пожал ей руку и ответил:

— Лиза. Я тоже рад знакомству.

Она отпустила его руку, накрыла ладонями макушки своих мальчиков и взлохматила им волосы.

— Это два моих шальных жучка, Джарот, — она снова взъерошила ему волосы, — и

Робби, — еще одно взъерошивание для Робби. — Мальчики, поздоровайтесь с детективом Китон, а затем возвращайтесь в гостиную.

Джарот быстро махнул рукой и пробормотал:

— Привет, ди-тетив Китон. — Затем сделал, как ему сказали, и умчался прочь.

Робби уставился на Чейза и повторил:

— Хочу посмотреть пистолет.

— Извини, приятель, я не взял с собой пистолет, — ответил Чейз, солгав, но оружие осталось в его грузовике.

— Тогда хочу посмотреть значок, — продолжил Робби.

Ладонь Лизы скользнула к его затылку, она наклонилась к нему и приказала:

— Значок увидишь позже. А теперь поздоровайся и спускайся в гостиную, дорогой.

Он посмотрел на мать и в явном раздражении сузил глаза.

Затем снова взглянул на Чейза и угрюмо буркнул: «Привет», прежде чем тоже умчаться прочь.

Лиза посмотрела на Чейза и поделилась:

— Я убеждаю себя, что у него просто такой период, но это отрицание. Он мой ребенок, и я его балую. Наверное, мне следует прекратить это делать, но я не могу. Так что пусть с ним разбирается его будущая жена, а я просто буду развлекаться.

Фэй подошла ближе, подалась к Чейзу и приподнялась на цыпочки, чтобы прошептать:

— Это плохой план.

— Как обычно, я согласен с моей девочкой Фэй, — раздался низкий мужской голос.

Чейз взглянул на лестницу и увидел поднимающегося по ней невысокого, коренастого, преждевременно сидящего, симпатичного мужчину с приветливой улыбкой в одежде горца, состоящей из джинсов и фланелевой рубашки, которые резко контрастировали с нарядом его жены. Он также выглядел как человек, которому было на это плевать. Он — это он, а она — это она, и хотя они выглядели по-разному, было ясно, что по-своему они подходят друг другу.

Он протянул руку до того, как приблизился к Чейзу, но продолжил говорить только тогда, когда Чейз пожал его руку.

— Бойд Ньюман, — представился он, все еще улыбаясь.

— Чейз Китон, — сообщил Чейз уже известный мужчине факт, не только потому, что встречался с его невесткой, и об этом ему, несомненно, сказали, но и потому, что все в округе знали Чейза.

— Рад познакомиться, брат, — он крепко сжал руку Чейза, но не воинственно, а просто дружелюбно, и они разомкнули хватку.

— Эм... не хотите пропустить мужчину в дом и предложить выпить пива? — позвал Сайлас с нижней ступеньки лестницы.

— Я возьму ваши куртки, — пробормотала Лиза, и Чейз подошел к Фэй, чтобы помочь ей, прежде чем передать куртку теперь сияющей Лизе, не упустившей помощи Чейза ее сестре.

Потом снял свою куртку и отдал ей. Она сунула их под мышку и направилась к двери на лестничной площадке, которая явно была гардеробом для верхней одежды.

Фэй взяла Чейза за руку и повела вниз по лестнице, у подножия которой отпустила, потому что у нее не было выбора, так как Сайлас заключил ее в медвежьих объятиях с несколькими сердечными похлопываниями по спине и парой раскачиваний. Отпустив ее, он

протянул руку Чейзу.

Чейз пожал Сайласу руку и услышал:

— Чейз, пиво, бурбон, водка или что?

— Сайлас. Пиво, — ответил Чейз.

Сайлас отпустил его руку, но крепко хлопнул его по плечу, затем отошел, и его место заняла Сондра.

— Чейз, рада тебя видеть у нас, — улыбнулась она ему, протягивая руку.

Чейз ответил на рукопожатие, задаваясь вопросом: будут ли волосы Фэй, когда она станет старше, такого же привлекательного серебристо-белого оттенка, как и у ее матери. На это он тоже надеялся.

Никаких модных нарядов у Сондры Гуднайт, как всегда. И никакого макияжа.

Красивые джинсы. Свитер по фигуре с высоким воротом, мягкий бежевый оттенок выгодно подчеркивал цвет ее лица. Массивное, длинное ожерелье из серебра, бирюзы и коралла выглядело винтажнo и определенно принадлежало коренным американцам. На ногах были носки.

Семейный ужин. Семейная обстановка. Семья. Никаких высоких каблучков. Только шерстяные носки и, поскольку бойфренд ее дочери пришел к ним впервые, она надела ожерелье.

Да, ему нравилась Сондра Гуднайт.

— Рад быть здесь, Сондра, — пробормотал Чейз.

Она одарила его яркой улыбкой, очень похожей на улыбку Лизы, он отпустил ее руку, и к ней подошла Фэй, поцеловала ее в щеку и передала букет цветов.

— Это от Чейза, мама, — сказала она матери, Сондра взяла букет, и ее глаза переместились на цветы, а затем на него, и стали еще теплее.

— Розовые. Они идеальны, — сказала она мягко, а затем закончила, с нежной благодарностью в голосе, передавая чувство, стоящее за словами, но не переусердствуя: — Спасибо, Чейз.

Он кивнул.

Сондра улыбнулась ему и объявила:

— Я поставлю цветы в воду, и мне нужно кое-что закончить на кухне. Проходите и располагайтесь. — Она повернулась к дочери, слегка коснулась рукой щеки Фэй, а затем тихо прошептала: — Красивая, как куколка.

Она опустила руку, но кивнула в сторону гостиной и продолжила:

— Отведи своего мужчину и устрой его поудобнее, дорогая. Твой папа принесет пиво.

Фэй взяла Чейза за руку и повела направо в гостиную, сразу к дивану.

Чейз следовал за ней, его мысли поглощал тихий голос Сондры, говорящий: «Красивая, как куполка».

Легкое прикосновение. Ласковые слова в адрес дочери были произнесены в спокойной, привычной манере, но от этого комплимент не прозвучал менее искренне. Вместо этого он его усилил. Носки на ногах. Уют в ее доме. Желание, чтобы гостю было комфортно. Она оценила цветы, дала об этом знать, но не переборщила, чтобы Чейз не почувствовал неловкость.

Пока эти мысли быстро проносились в его голове, Чейз не мог не думать о том, на что будет похожа встреча Фэй с его мамой.

Валери Китон не наденет шерстяных носков и красивого индейского ожерелья. Она

будет в совершенно новом наряде, стоившем больше месячной зарплаты Фэй. Без сомнения, примется хвалить Чейза и вести себя мило, как любая мать. А также будет нервничать и, вероятно, станет из-за этого неуклюжей, будет смущаться и, наконец, чрезмерно извиняться. А еще слишком стараться, чем задушит Чейза и Фэй усилиями понравиться Фэй, и в то же время, будет убеждать ее, что Чейз способен свернуть горы.

За исключением Мисти, — по причинам, которых он не мог избежать, — Чейз никогда не приводил женщину знакомиться со своей мамой не только потому, что у него не было женщины, к которой он относился достаточно серьезно, но также и потому, что его мама завелась бы из-за этого. Вот почему Чейз прикладывал невероятные усилия, чтобы не доводить до ушей матери, что его жизнь превратилась в дерьмо, и сколько боли ему это причинило. Бесплезная встреча с женщиной, недостаточно важной для него, того не стоила.

Фэй Гуднайт однозначно встретится с Валери Китон. Чейз уже знал это. Но до настоящего момента он из-за этого не беспокоился.

Теперь все изменилось.

Едва он пристроил свою задницу на диване, а его женщина угнездилась в изгибе его руки, как перед ним возник Робби.

Он хлопнул Чейза по колену и на этот раз потребовал:

— Значок!

Чейз высвободил руку из-под Фэй, наклонился вперед и вытащил значок из заднего кармана. Пока он это делал, Лиза протянула Фэй стакан вина и его пиво.

Но она также наклонилась и приглушенно, но достаточно громко, прошептала, чтобы Чейз услышал:

— Моя сестренка наконец-то переспала.

Он почувствовал, как напряглась Фэй рядом с ним, в то время как его живот скрутило узлом из-за ее смущения.

Робби, пропустив это мимо ушей или, что более вероятно, сосредоточившись на своей цели, рявкнул: «Значок!» подкрепив это еще одним шлепком по колену Чейза.

— У тебя на лице все написано, детка. Потрясающе, — продолжила Лиза.

Лиза отошла, ухмыляясь и делая большие глаза Фэй.

Чейз заметил, что Фэй пристально смотрит на сестру, прищурился, выбрав для реакции раздражение, а не смущение, и решил ради нее проигнорировать комментарий Лизы и сосредоточиться на племяннике Фэй.

Поэтому открыл свой значок для Робби, который тут же вырвал его у него из рук.

Фэй протянула Чейзу пиво и пробормотала:

— Жаль, что ты не взял с собой пистолет.

Да, она была раздражена.

И это было мило.

Чейз ухмыльнулся.

Робби услышал Фэй и согласился:

— Да! Пистолет!

— Никакого пистолета, Робби. Боже, парень, замолкни уже об этом, — приказал Бойд, входя с бутылкой пива и садясь в одно из четырех кресел, расставленных по комнате. Это подсказало Чейзу, почему у Фэй, которая жила одна, было больше кресел, чем у кого-либо из его знакомых.

Робби развернулся к отцу и выпалил в ответ:

— Сам замолкни.

Лицо Бойда изменилось на отцовское выражение, которое ни один ребенок не хотел видеть, и он прогрохотал одно единственное слово:

— Роберт.

Робби суксился, затем мудро опустил голову и погрузился в изучение значка Чейза.

В этот момент из ниоткуда перед Чейзом возник Джарот.

— Ты уже кого-нибудь пристрелил? — спросил он.

— Нет, — ответил Чейз.

Джарот выглядел удрученным, а Робби вскинул голову, посчитав линию допроса брата более интересной, чем значок Чейза.

Джарот снова оживился и спросил:

— А ты когда-нибудь стрелял в кого-нибудь?

Так как Чейз стрелял, хотя только с намерением предупредить, он посмотрел на Бойда, рядом с которым на подлокотнике кресла теперь сидела жена, и Бойд с одного взгляда понял в чем проблема.

Лиза потягивала вино и смотрела на сына так, словно тот только что виртуозно исполнил на фортепиано целое произведение Шопена и сделал это одной силой мысли.

Бойд не сводил глаз с потолка.

Никакой помощи ждать не приходилось.

К счастью, вмешалась Фэй.

— Джарот, дорогой, тебе стоит вновь завести этот разговор, когда тебе исполнится двадцать пять.

Чейз почувствовал, как его губы приподнялись, но Джарот посмотрел на свою тетю, потом на Чейза и решил не сдаваться.

— А в тебя когда-нибудь стреляли?

— Нет, — ответил Чейз.

— А ты отстреливался? — не унимался Джарот.

Чейз промолчал, потому что отстреливался. Однажды, он выстрелил в ответ в качестве предупреждения, промахнулся, напугал наркомана до полусмерти, как и собирался, и наркоман выронил пистолет. Об этом он не собирался говорить Джароту или Фэй.

Фэй прочитала его молчание и напряглась, поэтому он снова ее обнял.

— Джарот, — тихо сказала она, когда Чейз прижал ее к себе.

Джарот снова сменил тактику.

— А ты кого-нибудь арестовывал?

— Да, — ответил Чейз.

— Много? — продолжил допрос Джарот.

— Достаточно, — сказал ему Чейз.

— Круто, — прошептал он.

— Эй, — заговорил Робби, и Чейз посмотрел на его склоненную набок голову и сморщенное личико.

— Почему ты обнимаешь тетю Фэй?

— Потому что она моя девушка, — ответил Чейз.

Его верхняя губа скривилась, и он с отвращением спросил:

— Тетя Фэй — твоя девушка?

— Роберт, — отрезал Бойд, и Робби повернулся к отцу.

— Она противная! — крикнул он и тут же поделился причинами своего мнения. — Она слюняво целуется!

— Только для тебя, дорогой, — сказала ему Лиза, и ее пляшущей весельем взгляд переместился на Фэй. — Надеюсь, детектива Китона она целует по-другому.

— Все поцелуи слюнявые, — авторитетно возразил Робби и закончил: — и противные.

— Поверь своему отцу, парень, это не так, — сообщил ему Бойд с еще большим авторитетом, который Робби совершенно не оценил.

— Нет, так, — не согласился Робби. — Я знаю, потому что Молли постоянно целует меня на переменах, и это противно.

— Молли — девушка Робби, — поделился Джарот, затем посмотрел на брата. — Тили-тили тесто, Молли и Робби — жених и невеста, ц...е...л...у...ю...т...с...я, — пропел он с коварной детской ухмылкой брату.

Чейз удивился, что песенка-дразнилка еще в ходу.

Робби наклонился к брату, его лицо снова скривилось, но на этот раз по-другому.

— Заткнись, Джарот!

— Сам заткнись, Робби, — парировал Джарот, в свою очередь тоже наклоняясь.

— У меня будут все девочки, — прошептала Фэй, и Чейз подавил смешок, сжав руку Фэй.

Затем он окликнул: «Эй», и оба мальчика посмотрели на него.

— Робби, верни мне мой значок.

Робби был готов отказаться выполнить приказ, пока Чейз вновь не убрал руку от Фэй. Быстро окинув взглядом Чейза, он правильно определил, что Чейз может сам забрать значок, поэтому передумал и сунул его Чейзу. Чейз взял его, но не закрыл. Вместо этого показал братьям и спросил:

— Он для вас крутой?

Оба мальчика активно закивали в знак согласия, не сводя глаз со значка.

Чейз закрыл его, и глаза братьев устремились на его лицо.

— Вы правы. Значок — это круто. Мужчина, у которого он есть, не называет девушек противными, и он также не говорит никому заткнуться. Даже своему брату. Даже когда брат дразнит его. Значок крутой, потому что сам мужчина крутой. Вы не получите его, если не сможете быть крутыми. Итак, вы можете быть крутыми?

— Я могу быть крутым, — немедленно согласился Джарот, и Чейз решил, что он сможет, но Робби явно требовалось подумать об этом некоторое время.

— Робби? — позвал Чейз, и мальчик посмотрел на него.

Затем Робби доказал, что он может быть задирой, но честным задирой.

— Возможно, — ответил он.

— Как насчет того, чтобы быть таким этим вечером? — предложил Чейз. — Больше не называть свою тетю Фэй противной.

Робби снова склонил голову набок и попросил разъяснений.

— А я могу назвать ее противной, если она меня поцелует?

— Нет, — отрезал Чейз.

Робби немного пожевал губами, прежде чем спросить:

— А я могу подраться с Джаротом?

— Нет, — повторил Чейз.

Робби еще немного пожевал губами, и Чейз подавил желание рассмеяться.

— А вот я буду вести себя круто, — вставил Джарот, выпрямив спину и высокомерно посмотрев на Робби. — Потому что так ди-тетив Китон замолвит за меня словечко, когда я стану полицейским. И первого, кого я арестую, будешь, — он наклонился к брату и закончил, — ты.

— Ты меня не арестуешь! — крикнул Робби.

— Арестую! — крикнул Джарот в ответ.

— Господи, — пробормотал Бойд.

— Что за крики? — поинтересовался Сайлас, входя в комнату с пивом. Он остановился и посмотрел на внуков. — Что такое? Мужчина выпроваживает из дома своих крикливых и драчливых детей только для того, чтобы те привели к нему своих крикливых и драчливых детей? Уф. Дайте старику передышку, — обратился он мальчикам.

— Но Джарот сказал, что арестует меня, — стал защищаться Робби.

— Возможно и арестует, если ты не перестанешь хулиганить, — ответил Сайлас. — Сейчас — самое время начать. Твоя бабушка накрывает на стол. Ей может понадобится помощь.

Фэй попыталась встать одновременно с Лизой, но именно Фэй тихо сказала:

— Я помогу, пап.

— Вы будете сидеть на попе ровно, общаться со своим стариком, а мальчики помогут своей бабушке, — возразил Сайлас, затем, подняв брови, посмотрел на Джарота и Робби. — Мальчики?

Джарота как ветром сдуло.

Робби еще колебался.

— Роберт, — предупредил Бойд.

Робби бросил на отца непокорный взгляд, затем тоже ушел.

Чейз убрал значок в карман и снова обнял Фэй.

Сайлас устроился в другом кресле.

— К твоему сведению, может она и тихая и всегда была милой, как куколка, но внутри этих девочек скрывались дьяволята, — ни с того, ни с сего сообщил ему Сайлас, и Чейз изо всех сил старался не вытаращить на него глаза. — Эти волосы скрывают в себе темперамент, сынок. И мой тебе совет: не пробуждай его в Фэй.

— Это точно, — согласилась Лиза.

— Ну, вы даете, — вставила Фэй, неловко поерзав рядом с ним.

— Не притворяйся невинной, — сказала ей Лиза, а затем посмотрела на Чейза. — Она гонялась за мной по всему дому с ножницами.

— Не я! — воскликнула Фэй с жаром. — Это ты гонялась за Джудом.

— Нет-нет, это ты гонялась за мной с ножницами. Джуд гонялся за тобой с раскаленной кочергой.

Чейз почувствовал, как Фэй повернулась к нему, он посмотрел на нее, и она подтвердила:

— Вот это действительно было.

— И она действительно гонялась за мной с ножницами, — повторила Лиза, привлекая их внимание.

— Лиза, я этого не делала, — возразила Фэй.

— Делала, — парировала Лиза.

Фэй сдалась и обратилась к другим воспоминаниям.

— Ты постоянно дергала меня за волосы.

— Ты тоже, — ответила Лиза.

— Конечно, потому что ты меня дергала. Это требовало ответных мер, и это был единственный способ, — ответила Фэй.

Лиза проигнорировала Фэй и посмотрела на Чейза.

— А еще она испортила мою косметику.

Фэй не игнорировала Лизу, наклонившись к ней.

— Это потому, что ты сказала Дэнни, что я в него влюбилась.

Брови Лизы взлетели вверх.

— Разве, нет?

— Я не была влюблена в Дэнни! — воскликнула Фэй. — Я была влюблена в его брата Диллона! Дэнни подумал, что он мне нравится, и поцеловал на глазах у Диллона. — Она откинулась на спинку дивана и всплеснула рукой. — Так я лишилась шанса поцеловать Диллона.

— Будто бы ты его поцеловала, — пробормотала Лиза чистую Божью правду.

— Нет, но если бы Диллон меня поцеловал, я бы ответила, — возразила Фэй, откровенно солгав.

— Теперь я рад, что у меня мальчики, — пробормотал Бойд.

— Кто такой Диллон? — спросил Чейз Фэй, и по какой-то причине Лиза нашла это забавным, потому что расхохоталась.

— Никто, — буркнула Фэй, глядя через комнату на сестру.

— Самый красивый мальчик в школе, — ответила Лиза, и Чейз оглянулся на нее. — Или был им. Теперь у него пивной живот размером с Техас, ему тридцать один год, у него третья жена и скоро появится пятый ребенок, и он до сих пор думает, что его дерьмо не воняет, потому что четырнадцать лет назад он был капитаном футбольной команды.

Иисусе, Чейз знал этого парня.

— Диллон Баумгарнер? — уточнил он.

— Ты его знаешь? — спросила Лиза.

Чейз его знал, к сожалению. Парень был мудаком, и, как и сказала Лиза, имел огромный живот и считал, что его дерьмо не воняет. Печально, но ему удавалось с поразительной частотой убеждать женщин в обратном. Он проходил сквозь них, как сквозь воду, независимо от того, состоял ли с ними в законных отношениях или нет. Это не единственная причина, по которой он был мудаком. Он просто был мудаком.

Чейз не поделился этим.

Он лишь посмотрел на Фэй, борясь с ухмылкой, и тихо сказал:

— Хорошо, что ты тогда сдержалась, милая.

Лиза снова расхохоталась. Бойд усмехнулся. Сайлас улыбнулся им обоим.

В этот момент в комнату вышла Сондра и объявила:

— Ужин подан. Прошу к столу.

Потом ушла обратно.

Судя по всему, когда Сондра говорила, ее слушались, потому что все мгновенно встали.

Но когда они покидали гостиную, Чейза догнал Сайлас, Чейз обнимал Фэй, отвечавшую ему тем же, и Сайлас поделился:

— Фэй права насчет ножниц. Лиза гонялась с ними за Джудом.

— Слышала? — обратилась Фэй к спине сестры.

— Хотя, — продолжил Сайлас, — идею ей подкинула Фэй.

— Неправда! — возмутилась Фэй, повернув голову к отцу и направляя на него свой взгляд.

— Правда, милая, — ответил он и посмотрел на Чейза. — Попала из-за этого в беду и полчаса простояла в углу, а потом написала об этом своей учительнице второго класса, из-за чего та вызвала нас с мамой в школу.

Они прошли через кухню в столовую на противоположной стороне дома, и Сайлас продолжил:

— Она не знала, что с тобой делать. Сказала, твое сочинение написано намного лучше, чем у любого семилетнего ребенка, которого она знала. А еще сказала, что встревожена тем, что в сочинении речь идет о родительской жестокости. Мы убедили ее, что у нашей Фэй богатое воображение. К счастью, убедить ее не составило труда, поскольку она уже это заметила.

— История с ножницами, — пробормотала Сондра, явно подслушав.

— Чейз разберется, — поддержал Бойд, а затем посмотрел на Чейза. — Все утрясется, мужик. Десять лет назад я был на твоём месте. Потребовалось около двух десятков визитов, чтобы выслушать все истории. Я и не знал, что думать: заполучил ли я себе горячую цыпочку, или мне стоит переехать в другой штат.

— Истории Фэй будут лучше, потому что ее застенчивость и гиковость никуда не делись, — вставила Лиза, суетясь над салфеткой Робби у него на коленях, пока тот отпихивал ее руки, устремив на мать раздраженный взгляд. — Никто не ожидал, что ее темперамент соответствует цвету волос.

— Я сам узнал об этом тридцать четыре года назад, но моим учителем стала ее мать, — добавил Сайлас, усаживаясь во главе стола. — Я знал, раз моя малышка появилась с рыжим пушком на голове, жди неприятностей. И не ошибся. Хотя в половине случаев она несет ерунду об отцах с удаленной частью мозга, или о Дарте Вейдере, или еще о какой чертовщине.

— Эм... никто не возражает, если мы перестанем вести себя так, будто мне пятнадцать, а Чейз — мой школьный парень, которого вы все пытаетесь запугать до смерти, и уже начнем соответствовать нашему возрасту? — предложила Фэй, глядя на отца и в то же время указывая Чейзу на его стул, который он тут же выдвинул, чтобы присесть.

— Нет, — сразу же отказалась Лиза.

— Нет, — Сайлас выждал секунду дольше, встряхивая салфетку и ухмыляясь дочери.

— С тобой я так не поступала, — предъявила Фэй Лизе, когда та усаживалась на стул рядом с Чейзом, отчего он чуть отодвинулся.

Она бросила на него легкую рассеянную улыбку, прежде чем сесть на место.

— Нет. Но во всех наших спорах с Бойдом ты встаешь на его сторону, так что это моя расплата, — ответила Лиза.

— Как вам такое, — начала Сондра, сидевшая напротив Сайласа, — я только что потратила час на готовку, за час до этого испекла торт и полдня убиралась в доме. Я хотела бы насладиться едой и обществом моей семьей. Я не была в восторге от этого поддразнивания, когда вы были подростками. Теперь оно мне нравится еще меньше. Так как насчет того, чтобы спокойно поужинать и вести себя как взрослые. Кого-нибудь, кроме меня, это устраивает?

— Меня, — мгновенно заявила Фэй.

— Еще бы, — пробормотала Лиза.

— Лиза, — упрекнула Сондра тоном, очень похожим на тот, которым Бойд говорил со своими сыновьями, только женственным. Теперь Чейзу, наконец, стало ясно, и это было невозможно отрицать, почему Бойду это нравилось, потому что лицо Лизы сразу приняло обиженное выражение тридцатидвухлетней женщины с надутыми губками, из-за чего она стала выглядеть почти такой же милой, как ее сестра, только более утонченной.

И это стало еще одним свидетельством того, что Сондру все слушались. Добродушному подшучиванию пришел конец.

Чейзу этого не хватало.

Это не было некрасиво или обидно. Это были воспоминания, ностальгия, поддразнивания, и хотя накаляло обстановку, под этим жаром скрывалось тепло иного рода. Тепло, которого Чейз никогда раньше не испытывал. Нежность общих воспоминаний, и, несмотря на их тревожный характер, наполненных любовью. Они только что превратились в забавные истории, дающие повод для поддразнивания, но в то же время теплые подшучивания, которые никого не обижают.

Это был не первый визит в дом родителей его подруг. Это был не первый его такой ужин.

Но здесь было интереснее всего, и Чейз никогда не чувствовал себя так комфортно.

Пока блюда передавались по кругу, Чейз посмотрел на купленный букет, который Сондра поставила в центр стола, — молчаливый, но продуманный знак ее благодарности. Лиза присматривала за Робби, сидевшим рядом с ней. Фэй — за Джаротом, сидевшим рядом с ней. Сондра присматривала за обоими своими внуками, окружавшими ее.

Удивительно, но даже Робби следил за своими манерами за столом. Понятно, что все остальное время ему предоставлялась свобода, но за трапезой он должен был вести себя тихо и прилично.

Еда была вкусной и знакомой, так как, очевидно, Сондра учила свою дочь готовить.

От этого Чейз тоже чувствовал себя комфортно.

Разговор протекал легко и естественно. Чейза втянули в него с самого начала, Сайлас и Бойд говорили о спорте, а Сондра, Лиза и Фэй, имея опыт, молчали, но не казались отстраненными.

Чейз с мужчинами обсуждал игры «Эвеланш», попутно слушая, как Фэй напоминает своей маме, что в Скалистые горы почти пришла весна, и спрашивает ее, не поможет ли она снова в этом году посадить цветы для библиотеки.

Так что он получил ответ. Те цветы Фэй сажала вместе со своей мамой.

Было что-то в том, что дочь и мать работали бок о бок, чтобы сделать красивым здание, не принадлежащее им, а вместе с ним и город, что также заставляло Чейза чувствовать себя странно комфортно.

Разговор естественно изменился, и снова этот поворот сопровождался легким накалом страстей, поскольку затронул политику, и политики за столом быстро раскрыли себя, строго разделившись по половому признаку. Мужчины — стойкие консерваторы. Женщины — решительные либералы.

При этом Чейз придерживался нейтралитета, держа рот на замке, пока Бойд не вскинул руки, не посмотрел прямо на него и не взмолился:

— Брат, помоги нам. Увеличь хреновы цифры.

— Бойд, не говори «хрен»! — отрезала Лиза.

— Почему? — резко спросил Бойд.

— Мальчики! — прошипела она.

Бойд посмотрел на Джарота.

— Джарот, приятель, что значит «хрен»? — спросил он.

— Бойд! — продолжала шипеть Лиза.

— Э-э... — Джарот выглядел озадаченным, игривым и его явно не волновал пылкий словесный обмен между родителями, но он предположил: — Хрен означает, эм... хрен?

— Видишь? — рявкнул Бойд на Лизу.

Лиза посмотрела на него, а затем на Джарота.

— Ты прав, милый. Хрен означает просто хрен. Теперь, пожалуйста, не говори так в школе или, ну... нигде.

— Ради всего святого, это же просто хрен, — вступил в этот момент в разговор Сайлас.

— Папа! — теперь Лиза огрызнулась уже на отца.

— Боже мой, папа, — тоже прошептала Фэй отцу.

— Он мальчик, — пожал плечами Сайлас. — Мальчики должны иметь кое-что в арсенале.

— Ну, понеслось, — пробормотала Фэй в свою тарелку, и Чейз, взглянув на нее, увидел, что она уткнулась подбородком в шею, пристально сосредоточившись на еде.

— Эм... прости?

Это спросила Сондра, и у Чейза сложилась такое впечатление, что он уже однажды сидел за таким столом, ужин был съеден не полностью, а до праздничного торта было еще далеко, и хотя Чейз знал Сондру менее часа, все же посчитал ее тон опасным.

— А теперь... — начал было Сайлас, но Сондра его перебила.

— Даже не начинай.

— Сондра... — снова попытался Сайлас.

— Нет, — снова перебила Сондра. — Правила одинаковы как для девочек, так и для мальчиков, Сайлас. Ты пробовал это с Джудом, и тогда мне это не понравилось. Ты не можешь повторить этого с Джаротом и Робби.

— Без обид, Сондра, но лично мне плевать, если мой ребенок говорит «хрен», а он мой ребенок, — вмешался Бойд.

— А вот мне не плевать, — возразила Лиза. — И он тоже мой ребенок.

— Вам, девочки, это не нравится и никогда не нравилось, — продолжил Сайлас, как ни в чем не бывало. — Но это неважно, у мальчиков и девочек, мужчин и женщин все по-разному. Так есть и так будет всегда.

— Ох, frak, — снова пробормотала Фэй в свою тарелку.

— Нет, не будет! — взорвалась Лиза чуть ли не криком.

— Я люблю тебя, дорогая Лиза, но это так, — ответил Сайлас.

Взгляд Лизы метнулся к сестре.

— Боже, пожалуйста, скажи мне, что этот, — она мотнула головой в сторону Чейза, — более продвинутый, чем эти двое, — она мотнула головой в сторону Бойда и Сайласа.

— Ну, э... Чейз немного старомоден, — к сожалению, поделилась Фэй. — Он не позволяет мне ни за что платить и наливать самой себе выпивку.

— Хороший мужчина, — пробормотал Сайлас, кивая Чейзу.

— Вот именно, — пробормотал Бойд, ухмыляясь Чейзу.

— Джентльменское поведение не может быть старомодным, — вмешалась Сондра, не сводя глаз с Чейза. — Рада узнать, что ты джентльмен, Чейз. Никакого давления, но если дела пойдут лучше, и ваши дети когда-нибудь сядут за этот стол, я надеюсь, ты не будете поощрять их, если они будут говорить «хрен».

Чейз не успел ответить, и это хорошо, поскольку не собирался этого делать. В первую очередь потому, что, если у них с Фэй будут мальчишки, ему будет все равно, скажут ли они «хрен», но если девочки — ни за что. По разговору он понял, что половина сидящих за этим столом взрослых не очень хорошо к этому отнесется.

Но у него не было возможности ответить, потому что глаза Сондры метнулись к Фэй, и она заключила:

— Или frak.

— Мне нравится frak! — решил в этот момент поделиться Робби, а затем, к несчастью для своей тети, продолжил: — Это fraking классно!

— Frak, — прошептала Фэй, и Чейз приложил некоторые усилия, чтобы не расхохотаться, чего ему очень хотелось, и не только из-за шепота Фэй и комментария Робби, но и из-за того, как Лиза и Сондра обратили в ее сторону разъяренные взгляды.

Бойд чувствовал то же, что и Чейз, потому что не сдержал смеха. Он разразился диким хохотом.

Сайлас ухмыльнулся внуку.

Лиза и Сондра открыли рты, чтобы что-то сказать, но тут зазвонил телефон Чейза, и все взгляды за столом обратились на него.

— Я на дежурстве, мне нужно ответить, — пробормотал Чейз, вытаскивая сотовый из заднего кармана. — Мои извинения. Я поговорю в другой комнате.

После пары понимающих кивков, он встал со стула и посмотрел на экран телефона. Скрыв замешательство от прочитанного, нажал кнопку, чтобы ответить на звонок.

Затем быстрыми широкими шагами обогнул стол, направляясь на кухню, приложил телефон к уху и сказал:

— Китон.

— Брат, бл*ть, пи*дец, чувак, — прогремел голос Дека ему в ухо, и у Чейза сжалось сердце, он ускорил шаг, чтобы быстрее добраться до гостиной.

— Что? — приглушенно спросил он.

Нерешительная пауза, затем:

— Бл*ть, чувак.

— Дек, — тихо отрезал Чейз, остановившись в гостиной. — Говори уже. Что?

— Нашел твоего паренька, — тон Дека не предвещал ничего хорошего, и у Чейза сжалось не только сердце, но и все внутри.

— Говори, — приказал он.

— Поболтал со стариком в переулке.

— С Изгоем Элом? — уточнил Чейз.

— Ага, если так зовут старика, живущего в переулке за кофейней. Разговаривал с ним раньше. Но он был в стельку пьян. Этим вечером всего лишь навеселе, так что разговор с ним имел какой-то смысл. Он видел паренька. Однажды последовал за ним. Сказал мне, куда идти. Причина, по которой я не мог нигде его найти, заключалась в том, что в глуши нет следов. Нашел его в сарае, в восточной части города, в горах, вдали от дорог. Судя по виду, сараю около двухсот лет. Давно забытый. Точно не подлежит ремонту. Обеспечивает

некоторую защиту от непогоды, но на этом все. Крыша в дырах, внутри снег, но это хоть что-то.

— К делу, Дек, — прорычал Чейз.

— Была причина, по которой он не пришел к тебе и твоей женщине, — тихо сказал Дек.

— Говори.

— Пацана избили, брат. Лицо, рука на вид сломана, а нога выглядит так, будто попала в капкан. Увидел кровавый след на снегу. Он ползком добирался до того сарая, где бы его никто не нашел. Ему приходилось отталкиваться руками, а значит, они тоже изранены, хоть он и был в перчатках, но они все изодраны, брат, это не руки, а засохшее, кровавое месиво. Но неделя, проведенная в том сарае в одиночестве, раненым и без лекарств... — Он громко вздохнул. — У него прощупывался пульс, но слабый. Я вызвал «скорую». Повезло, что у него был спальный мешок, иначе он бы уже умер, переохлаждение вдобавок к травмам и, вероятно, шоку. Кроме этого, он в жутком состоянии. Вблизи него лежали объедки и немного воды, но я подозреваю, что он отказался от всего несколько дней назад. Не ел, не пил, а его нога, рука, кисти и лицо расхерачены вдрабадан, он лежал в отключке, Чейз. Я не смог привести его в сознание, так что, возможно, он даже в коме. Сейчас его везут в больницу. Я в своем грузовике, следую за ними. В окружную больницу.

— Мы с Фэй приедем через двадцать минут, — тут же сказал Чейз.

— Понял, — ответил Дек.

— Окажи мне еще одну услугу. Позвони в участок. Направь кого-нибудь в тот сарай. Пусть идут по кровавому следу. Я хочу знать, откуда он пришел, как попал в капкан. Хочу, чтобы они пошли по его следам. Снег у нас не выпадал с прошлой недели. Следы покажут, в каком направлении он ходил. Найдут что-нибудь интересное, пусть ничего не предпринимают. Сначала скажут мне. Как только я посажу Фэй в грузовик, позвоню сам, чтобы подтвердить твое сообщение. Но я хочу, чтобы они начала действовать прямо сейчас.

— Понял, — повторил Дек.

Чейз начал возвращаться в столовую, бормоча:

— Спасибо, Дек.

— Не благодари меня, брат. Я должен был вернуться к бездомному несколько дней назад.

Чейз остановился на кухне и твердо сказал:

— Ты не вернулся. Но ты его нашел. Теперь ему окажут помощь.

Дек на мгновение замолчал.

— Увидимся через двадцать минут, — сказал Чейз.

— До скорого, брат, — пробормотал Дек.

— До скорого, — ответил Чейз и отключился.

Он вздохнул.

Затем подошел к широкому проему, ведущему в столовую, и все взгляды обратились на него.

Он смотрел только на Фэй.

— Фэй, детка, мне нужно поговорить с тобой секунду, — мягко позвал он.

Она тоже смотрела только на него, широко распахнутыми, испуганными глазами.

Он видел, как ее лицо побледнело, а губы безмолвно произнесли: «Малахия».

Но Сайлас громко спросил:

— Все в порядке, сынок?

Чейз оторвал взгляд от Фэй и посмотрел на ее отца.

— Нет.

По его слову Фэй отодвинула стул и бросилась огибать стол.

Когда она приблизилась, он схватил ее за руку и повел в гостиную. Он слышал бормотание из другой комнаты, но был сосредоточен на своей цели.

Когда они остановились в гостиной, Сайлас, Бойд и Сондра были с ними.

Он проигнорировал их и обратил свое внимание к Фэй. Подняв руку, убрал волосы с ее плеча, обвил ладонью ее шею и приблизил к своему лицу.

— Дек нашел Малахию. Он ранен. Дело плохо. Сейчас его везут в окружную больницу так что нам нужно ехать, детка.

— Я возьму куртки, — тут же ответила она, вырвалась из его рук и побежала к лестнице.

— Я поеду с вами, — объявил Сайлас.

Чейз посмотрел на мужчину.

— Это не...

— Я еду с вами, — повторил Сайлас, на секунду задержав взгляд на Чейзе, а затем повернулся к жене.

Прежде чем он успел заговорить, она сказала ему то, в чем нуждались он, их дочери и внук.

— Джарот получит свой торт, тогда я приеду к вам, — прошептала она.

Сайлас кивнул и последовал за дочерью.

— Тебе что-нибудь нужно, брат? — спросил Бойд, и Чейз покачал головой.

— Мы позвоним, — пробормотал он.

Бойд кивнул.

В комнату вошла Лиза.

— Все в порядке?

Бойд подошел к ней, бормоча:

— Объясню позже, детка, давай вернемся к нашим мальчишкам.

Чейз наблюдал, как Лиза испытующе посмотрела на мужа, но без всяких вопросов последовала за ним из гостиной через кухню в столовую. Бойд обнимал жену за плечи, а Лиза в ответ обнимала его за талию.

К Чейзу подошла Сондра, обхватила его бицепс и сжала, она смотрела ему в глаза, чуть наклонив голову к плечу, и ее глаза излучали тепло и встревоженность.

В комнату вбежала Фэй с его курткой, сама уже одетая, вытягивая волосы из-под воротника.

Она остановилась, протянула ему куртку и прошептала:

— Пойдем, милый.

Он кивнул, взял куртку, повернулся к Сондре и тихо сказал:

— Ужин был великолепен, извините, что прервал его.

Она еще раз сжала его бицепс, прежде чем отпустить, и прошептала:

— Езжайте осторожно. Позвоните нам, если будут новости. Скоро увидимся.

Он снова кивнул, надел куртку, а Фэй обняла мать. Затем Чейз взял Фэй за руку, повел к лестнице, держа крепко, когда ему показалось, что она пытается бегом добраться до машины.

Они сели в грузовик, выехали на дорогу, и когда зеркало заднего вида осветили фары

«Вранглера» Сайласа, Чейз взял руку Фэй, переплел их пальцы и прижал к своему бедру.

— Все будет хорошо, — прошептал он.

— Хорошо, Чейз.

— С ним все будет в порядке.

— Хорошо, милый.

Его пальцы сжали ее руку.

Она ответила пожатием.

Затем он отпустил Фэй и потянулся к телефону.

После звонка Чейза в участок с подтверждением своих приказов, он нарушил все ограничения скорости по пути в больницу.

Глава 13

Милашка

— Милашка.

Голос Дека прозвучал так тихо, что Чейз едва мог его расслышать из-за хрустящего под ногами снега.

Чейз не вдумался в это слово, потому что его разум поглощали другие мысли.

О том, что они уже десять минут шли через темный лес у подножия восточных холмов, окружавших город. Последние пять из которых неуклонно поднимались в гору.

С тех пор, как они покинули Су-стрит, самую восточную улицу, граничащую с городом, они не видели ничего, кроме деревьев, камней, снега и лютого холода.

Совсем не весело даже для него — здорового мужчины немного за тридцать. Мысль о том, что Малахия проходил этот путь, чтобы достать то, что ему может понадобиться в городе, наполняла его беспокойством. Или еще большим беспокойством, чем он уже испытывал. Он знал, что паренек скрывался, но пребывание в заснеженной, холодной глуши, где бродили дикие животные, некоторые из которых представляли опасность, подняло ситуацию на другой уровень.

Разум Чейза также поглощала мысль о том, кто остался в больнице.

По прибытии туда, Чейзу, Фэй и Сайласу не разрешили увидеться с Малахией, так как тому срочно оказывали помощь.

Чейз предъявил свой значок и попросил ввести его в курс дела, спустя пять минут после полученной информации к ним вышла медсестра скорой. Она пришла за данными о Малахии, например, есть ли у него аллергия на какие-то лекарства и почему он в таком состоянии. К сожалению, они ничего не могли рассказать ей об аллергии на лекарства, но, по крайней мере, смогли заполнить некоторые пробелы касательно его состояния.

Перед уходом она сообщила, что крайнюю обеспокоенность состояния мальчика вызывает истощение, обезвоживание и инфекция, но не в таком порядке. Повезло, что им удалось найти вену и ввести через капельницу физраствор и антибиотики, отогреть его и продезинфицировать раны, чтобы оценить степень повреждений.

К тому времени, когда Чейз с Деком ушли, чтобы встретиться с офицерами в сарае и лично осмотреть его и окрестности, прибыла Сондра, и к ним вышел доктор с новой информацией.

У Малахии обнаружили перелом плечевой кости. Она уже начала срастаться, так что пришлось ее заново ломать и вставлять на место. Также повезло, что неопытный глаз Дека не видел ничего, кроме внешних повреждений. Малахия, очевидно, промыл раны, как смог, тем, что, судя по запаху от его свитера, было шампунем, купленным ему Фэй. На самые тяжелые раны он нанес мазь с антибиотиком — Неоспорин от Фэй. Хорошо, что он промыл раны и использовал мазь, но лечение задержалось, инфекция все еще вызывала опасения, поэтому доктор настаивал на сильных антибиотиках внутривенно.

Малахия находился в отделении интенсивной терапии, потому что по-прежнему существовали некоторые опасения, что инфекция распространится, и мальчик может потерять гребаную ногу и гребаные кисти рук.

Согласно политике больницы, только члены семьи могли посещать пациентов в критическом состоянии, поэтому сперва им отказали в посещении. Чейз объяснил

обстоятельства, в том числе тот факт, что ребенок был бездомным, а Фэй была ему самой близкой семьей и единственным известным им человеком, кто за несколько недель выходил с ним на связь. Доктор немедленно смягчился, понимая, что даже если забота исходила от едва знакомого человека, забота была заботой.

Чейза и Фэй впустили к Малахии, и при первом взгляде на его маленькое тело с воткнутыми в него трубками, перевязанными руками, синяками на все еще опухшем лице, рукой в гипсе, перевязанной ногой на возвышении, Чейз подумал, что Фэй не выдержит. Многие, будь то мужчина или женщина, не выдержали бы. Черт, даже Чейзу пришлось втянуть воздух, чтобы сдержаться.

Но Фэй выстояла. Подошла прямо к нему, слегка провела пальцами по его волосам и наклонилась к его уху.

— Это Фэй. Мы с Чейзом здесь, Малахия. Мы с тобой. Мы нашли тебя. Теперь ты в безопасности, — прошептала она. — Ты в безопасности, милый. Теперь только поправляйся. Мы рядом, и тебе больше ничего не угрожает.

Чейз нашел стул и пододвинул его к койке, после чего коснулся ее поясницы. Она все еще склонялась над Малахией, водя пальцами по его волосам, но почувствовав прикосновение, оглянулась и поймала его взгляд.

— Садись, детка, — прошептал он.

Она кивнула и села, пододвинула стул поближе и обхватила пальцами его предплечье.

Чейз дал ей немного времени, затем убрал волосы с ее плеча и наклонился ближе.

— Пора заняться делом.

Фэй повернула голову, снова встретилась с ним взглядом и сразу же, не задавая вопросов, кивнула.

Но прошептала:

— Возвращайся скорее.

— Обязательно, — пообещал он. — Я пришлю твою маму.

Она снова кивнула и повернулась к Малахии.

— Чейз должен уйти, Малахия. Но он вернется, — прошептала она.

— Подвинься немного, дорогая, — пробормотал Чейз, Фэй запрокинула голову, чтобы посмотреть на него, потом откинулась на стуле, и Чейз нагнулся к Малахии.

Он обхватил пальцами костлявое плечико и наклонился к его уху.

— Будь сильным, приятель. Ты в порядке. Теперь за тобой присматривают.

Осторожно сжав плечо, Чейз отстранился и посмотрел на Фэй, теперь в ее глазах стояли слезы.

Он хотел ее утешить, но чувствовал, что если сделает это, ее сдержанность ослабнет.

Поэтому поцеловал ее в носик, отстранился на полдюйма, посмотрел ей в глаза и прошептал:

— Скоро вернусь.

— Хорошо, Чейз.

Он отодвинулся, обхватил ее челюсть ладонью, провел подушечкой большого пальца по ее розовым губкам, отпустил и ушел.

Дав краткий отчет Деку, Сайласу и Сондре, Чейз отправил Сондру в палату и пояснил Сайласу, чем они с Деком планируют заняться. Они обменялись номерами телефонов. Затем Чейз последовал за Деком на Су-стрит и в лес.

Спустя долгие мгновения после того, как Дек впервые пробормотал то слово, Чейз

спросил:

— Что?

— Твоя женщина, — ответил Дек. — Она милашка.

Он был не в том настроении, чтобы его дразнили из-за Фэй.

— Дек... — начал он предупреждающим тоном.

— Без шуток, Чейз. Я серьезно. Она милая. Красивая. С классными волосами. Классной задницей. В классных гребаных сапогах. Охрененно отстойно, что паренек в таком состоянии, и, добравшись до того сарая, брат, ты ничего хорошего там не увидишь. Там настолько хреново, что слов нет. Так что теперь подумай о той, кого оставил в больнице. Потому что, серьезно, чувак, когда мы поднимемся наверх, тебе понадобятся приятные образы, вроде твоей девушки.

Чейз уже готовился к тому, что его ждет в сарае.

Теперь он понимал, что там еще хуже.

Бл*ть.

Дек еще не закончил.

— Выстрой передо мной двести женщин и прикажи выбрать для тебя одну, я бы выбрал ту, что осталась в больнице. Готовясь к тому, что снова увижу, я буду держаться за мысль, что год назад мой друг серьезно увяз с одной гребаной сукой, которая спала на его кровати, а он спал в гостевой комнате. Теперь, когда с этим дерьмом покончено, сегодня ночью, завтра, пока он не поступит с умом и не сделает это законным, а затем, до конца его жизни, эта милашка будет лежать на его кровати. Не психуй, я знаю, что между вами пока все ново. И я также знаю, что ты не тупой. Ты женишься на такой милашке. А раз у меня нет своей милашки, которая ждет меня дома, я буду держаться за тот факт, что мой брат, который всегда этого заслуживал, наконец-то, счастлив.

Старшекласниками, Дек и Чейз поклялись в братской любви над украденным пивом отца Дека, впервые напившись в хлам в подвале Дека.

С тех пор, сквозь много хороших и плохих времен, их братская любовь росла.

Слова Дека были редкостью, но и такими же настоящими, как и чувства, стоящие за ними. Дек ненавидел Мисти, черт возьми, ненавидел отца Чейза, и не только в последнее время, он знал всю историю. Так что, сказанное им, не удивило Чейза.

А также честно предупредило о том, что ему предстоит увидеть.

Друзья шли молча еще несколько минут, а потом послышались мужские голоса и замерцали лучи мощных фонарей, вроде тех, которыми Дек и Чейз освещали себе дорогу.

— Китон и Декер, — сообщил Чейз о своем приближении.

В ответ раздалось «Йоу» и «Эй» от двух из четырех офицеров в форме, Дэйва и Терри. Оба были новобранцами. Дэйв, ветеран с трехлетним стажем, переехал в Карнэл из Айдахо, чтобы быть ближе к семье своей почти жены в Гно-Бон, поскольку она была беременна и у нее было три сестры, и если добавить к ним их маму, пара обеспечила себя сразу четырьмя няньками. А Терри, выпускник Академии, был родом из Форт-Коллинза.

Дек и Чейз встретились с ним у полуразрушенного сарая размером с большую ванную комнату. Сбившись в кучу, мужчины с фонариками в руках направляли их вверх, а не в лица друг друга, чтобы поговорить при свете.

— Мы не взяли прожекторы, Чейз, потому что тащить их сюда было бы головной болью, а еще потому, что могли бы замести следы, — сообщил Дэйв, и Чейз кивнул.

— Однако мы хорошенько осмотрелись, — добавил Терри. — Действовали как можно

аккуратнее, чтобы ничего не потревожить. Не то, чтобы здесь было что тревожить.

А вот это плохо.

Чейз все же кивнул.

Пока избегая сарая, он спросил:

— Что удалось найти?

— Капкан нашли легко, — снова вступил в разговор Дэйв, — к нему вел четкий кровавый след. — Он кивнул в сторону сарая.

— Полагаю, ярдов двести отсюда, — тихо поделился Терри, осторожничая с этим фактом и тем, что он означал, и Чейз напрягся, чтобы не вздрогнуть.

Двести ярдов. Два гребаных футбольных поля. Долгий путь со сломанной рукой, обмороженными кистями и раненой ногой.

Очень долгий путь.

Господи Иисусе.

— Первые пятьдесят ярдов сумел пройти. — Голос Дейва тоже звучал тихо, но он почти шептал, когда закончил: — Остаток пути ему пришлось ползти.

Чейз закрыл глаза и опустил голову.

Он не должен был так запускать ситуацию. Он должен был выследить паренька или раньше отправить за ним Дека. Он не должен был сдаваться и медлить. Он должен был поднажать.

Он этого не сделал.

Господи Иисусе.

— Капкан старый, — продолжил Терри. Чейз открыл глаза и посмотрел на него. — Вероятно, его установили много лет назад и забыли. Он весь проржавел. Его занесло снегом. Мальчик не смог бы его увидеть, даже если бы передвигался днем. Угодить туда — чистое невезение.

Малахии, похоже, очень не везло.

Но часть этой неудачи была на Чейзе.

— Он большой любитель оставаться невидимым, Чейз, — вставил Дэйв. — Много следов найти не удалось, и если освещение будет лучше или вернуться днем, узнаем больше, но, похоже, он их заметал. Мы обошли изрядно большой периметр, но обнаружили лишь следы животных, а единственные его следы — это несколько, ведущих к капкану, с которыми он, вероятно, был не в состоянии возиться, и следы, ведущие от капкана к сараю. Вокруг капкана много разворошенного снега.

— Обнаружил несколько капель, похожих на кровь, — вставил Терри, — на пути с северо-восточного холма к капкану.

— Его избивали еще до того, как он попал в капкан, — пробормотал Дек.

— Да? — спросил Дэйв.

— Раненая нога из-за капкана, но у него сломана рука и лицо в синяках. Такое капкану не под силу, — объяснил Дек.

Офицеры кивнули.

Но Чейз думал об избитом ребенке со сломанной рукой, у которого все еще хватило присутствия духа, чтобы заметать свои следы на снегу.

Кто, черт возьми, его избивал, от кого он прятался и почему?

Эти вопросы были до странности исключительными и в то же время всеобъемлющими. Каким-то образом, тот, кто это делал, получил для этого возможность.

Но об этом месте они не знали. Мальчик держал его в секрете.

Так как же его продолжали избивать?

Терри посмотрел на Чейза.

— Хочешь, чтобы доставили прожекторы?

Чейз посмотрел на часы, затем его взгляд переместился на Терри.

— Не ночью. Завтра утром мы вернемся, лучше осмотримся при дневном освещении, пройдемся по следу тех кровавых капель, проверим, сможем ли что-нибудь выяснить.

Дэйв и Терри кивнули.

Чейз неохотно повернулся к сараю.

— Там кошмар, чувак, — пробормотал Дэйв. — Терри потерял свою невинность полицейского, увидев это.

Потрясающе.

— Сегодня мне не уснуть, — пробормотал Терри, взглянув на сарай, а затем снова на Чейза. — Сколько лет ему было?

— Не было, а есть. Девять, может, десять, — ответил Чейз.

— Да, есть, конечно, — снова пробормотал Терри, на этот раз быстро, а затем спросил: — Он в порядке?

— Нет, — ответил Чейз.

— Это понятно, — пробормотал Терри.

Чейз некоторое время изучал Терри и решил не говорить ему, что это его не последняя бессонная ночь. Из-за этих воспоминаний и того, что ему только предстоит увидеть. Дорожные аварии. Бытовые ссоры. Жестокое обращение с детьми. Самоубийства. Передозировки. Маленький городок не означал мелкое преступление. Даже при чистых на руку полицейских. Если он останется на этом пути, сделает это своей карьерой, ему хватит воспоминаний, чтобы те преследовали его во снах до конца его жизни.

Если только он не найдет хорошую женщину, которая будет спать рядом с ним.

С этой мыслью Чейз повернулся к сараю, готовый создать нового призрака, который будет преследовать его, призрака, которого могла одолеть только Фэй Гуднайт.

Он почувствовал, как Дек идет рядом с ним, и вместе они направили лучи фонарей на дверь. Покосившуюся, с покоробленными досками. С большими зазорами, как и весь сарай. Ветер, снег — все это прорывалось внутрь и оседало там.

Жалкое убежище, но для отчаявшегося ребенка это было лучше, чем ничего.

Дверь пьяно болталась на петлях, держась благодаря чуду. Сарай построили не в этом десятилетии и не в прошлом. Им, как и капканом, не пользовались и о них давно забыли. Летом это могло быть отличным укрытием. Зимой же сюда могло загнать лишь отчаяние.

Чейз осторожно распахнул дверь, вошел внутрь и сильно напряг все реакции своего тела, размахивая фонариком и стараясь не дышать.

— Помни, парень пролежал здесь какое-то время, чувак, — прошептал Дек позади него.

Запах красноречиво свидетельствовал об этом. Как и состояние спального мешка. Малахия был не в состоянии пошевелиться, так что недельное пребывание обездвиженного тела было ясно видно и смердело в маленьком пространстве. Спальный мешок был растянут и широко распахнут, чтобы вытащить из него мальчика, так что внутри все было изрядно перепачкано немалым количеством экскрементов, мочи и обильным количеством запекшейся крови.

Чейз водил фонариком вокруг, следуя взглядом за лучом. С одной стороны сарая

Малахия оборудовал себе спальную зону. Под спальным мешком были подстелены какие-то тонкие, рваные куски ткани. Они выглядели грязными, их точно выбросили. Скорее всего чей-то мусор. Поскольку они были постелены под спальным мешком, это означало, что, пока Чейз и Фэй не дали ему этот мешок, он спал на них. Чейз даже не мог разобрать, одеяла это или тряпки. Но они определенно не могли защитить его от холода.

Поверх этого беспорядка лежала маленькая круглая подушечка, определенно кем-то выброшенная, — набивка торчала из дыр грязного материала.

Его подушка.

У подушки лежал разорванный пакет с хлебом, словно это делали неловкими руками, на упаковке и разбросанных белых кусочках засохла кровь. Восемь пустых бутылок воды. Шесть пустых банок энергетика. Бутылка с шампунем валялась на боку, на ней кровь, крышка открыта, шампунь вытекает. Тюбик Неоспорина, без крышки, выжат насухо. Два яблочных огрызка. Пустой пакет из-под мини-морковки с мазками крови. Четыре кожуры от бананов, теперь коричневые, не ровно очищенные, а разорванные, на внутренней стороне видны следы зубов. Мякоть он выгрызал. Закрытый флакончик ибупрофена с кровавыми отпечатками опрокинут на бок. По всей видимости, сломанная рука и отмороженные пальцы мешали ему снять крышечку, но боль была достаточно сильной, чтобы попытаться. Ёмкость с молоком открыта и тоже лежала на боку, жидкость там все еще оставалась, и кислый запах смешивался со смрадом. Фонарик, который Фэй купила Малихии, валялся среди этого бардака, лампа указывала на спальное место, но теперь уже не горела.

Чейз провел лучом фонаря по задней стене и почувствовал в животе спазм.

Шесть пластиковых ящиков из-под молока, вероятно, украденных с задворок бакалейной лавки. Три перевернуты на полу сарая, чтобы создать мало чем помогающую защиту от земли и снега. Три поставлены сверху, удерживая драгоценную поклажу подальше от грязи и влаги. В одном лежали тщательно упакованные остатки еды и питья, которые посылали ему Чейз и Фэй. В другом — скудная одежда, аккуратно сложенная. В третьем — другие мелочи: стопки бумажных тарелок и мисок, походные столовые приборы, пузырек с витаминами, зубная паста, зубная щетка, батареи, которые Чейз купил ему для фонарика.

Последним, ближайшим к спальноей зоне, был столик, который, судя по его состоянию, Малахия собрал из найденных в мусоре обломков.

Его тумбочка.

А сверху — книги и комиксы. Они были тщательно разложены, почти благоговейно, и Чейз знал, если он подойдет и внимательно присмотрится, они будут методично организованы.

Когда Малахия лежал в спальном мешке и читал, его ценные вещи всегда были у него под рукой.

И эти ценные вещи были под рукой только потому, что они ценились.

Чейз втянул воздух, чтобы подавить всплеск чувства, замораживающих его внутренности, и переместил луч дальше. Больше ничего, никакой мебели, только снежные сугробы, наметенные сквозь дыры в потолке и зазоры в стенах.

А вот в углу напротив спальной зоны, усиливая мерзкую вонь, зияла вырытая яма. Поскольку Чейз стоял близко к двери, нужно было сделать всего шаг, чтобы заглянуть в глубокую яму и увидеть там экскременты. Рядом высилась большая куча земли. Он насыпал ее сверху, вероятно, чтобы избавиться от запаха.

Он не следовал зову природы на природе.

Он делал это здесь.

Потому что не хотел, чтобы кто-то нашел это в другом месте.

Его страх обнаружить себя был настолько велик, что он жил среди собственного дерьма.

Он жил среди собственного, мать его, дерьма.

Чейз провел лучом фонаря по земле вдоль стены.

Там обнаружилось еще три небольших холмика рыхлой земли.

Вашу мать, он жил здесь давно.

Вашу мать, он жил здесь давно.

— Господи Иисусе, — прошептал Чейз.

— Брат, теперь он в безопасности, милашка сидит рядом с его больничной койкой, — тихо сказал Дек возле него.

— Господи Иисусе, — повторил Чейз.

— Я облажался с тем бездомным и должен это отпустить, и, Чейз, чувак, ты тоже должен преодолеть это и отпустить, — продолжил Дек.

Чейз уставился в яму.

Дек молчал, давая ему время.

Потом прервал молчание.

— Не позволяй полиции забрать этого ребенка, — прошептал Дек.

Чейз кивнул, не сводя глаз с чертовой ямы.

— Что бы ни довело его до такого отчаяния, не подставляй его задницу системе, — продолжил Дек, и Чейз повернулся, пронзив друга яростным взглядом.

— Он не попадет в систему.

Дек выдержал его взгляд.

Затем кивнул.

У Чейза зазвонил телефон, и он вытащил его, направляясь мимо Дека к черту из этого сарая.

Как только он снова вдохнул чистый воздух, ответил на звонок и приложил телефон к уху.

— Китон.

— Чейз, это Сайлас. Послушай, сынок, часы посещения подошли к концу, и Сондру и Фэй заставили покинуть палату. Сондра посадила Фэй в ее «Чероки», мы уговорили ее уехать. Она ничего не может сделать, сидя в приемном покое, а все, что она может сделать завтра, у нее получится лучше, если немного отдохнуть. Мы везем ее домой.

— Ясно, — пробормотал Чейз.

Сайлас молчал.

— Сайлас, я все еще у сарая, — сказал Чейз, когда тишина затянулась.

— Хорошо, сынок, но ты не ответил на мой вопрос, — заявил Сайлас.

Чейз моргнул.

Вопрос?

— Извините, я не услышал вопроса.

— Мы везем Фэй домой.

— Это я понял.

— Сынок, мне нужно знать, в чей дом ее везти.

Иисусе.

Спрашивал ли церковный дьякон, отец девушки, которую Чейз лишил девственности, на

чьей кровати Чейз хочет спать с его дочерью этой ночью?

— В твой или ее? — уточнил Сайлас.

Охренеть, он реально спрашивал об этом.

Чейз быстро обдумал вопрос и решил, что Фэй захочется быть в знакомой обстановке.

— В ее, — ответил он Сайласу.

— Хорошо. Ты еще долго?

— Уезжаю минут через пять, дорога до Су-стрит займет около десяти минут или чуть больше, потом мне потребуется еще пара минут.

— Ясно. Мы готовы выезжать прямо сейчас. Вероятно, прибудем к Фэй примерно в одно время с тобой. До встречи. Если мы уйдем раньше, увидимся завтра.

Завтра?

Он не спросил, просто сказал:

— Хорошо, Сайлас.

— Если меня не будет, когда ты приедешь, — мягко продолжил Сайлас. — Присмотри за моей девочкой. Фэй во многих отношениях похожа на свою маму, а не только в прическе и характере. Она может стойко пережить кучу дерьма, сынок. Держаться такой сильной, что ты даже и не узнаешь, что внутри она страдает. Но она страдает. И сейчас один из таких моментов. Ты меня понял?

Вот оно. Причина, по которой Сайлас Гуднайт не возражал против того, чтобы Чейз спал рядом с его дочерью.

— Я понял вас, Сайлас, — тихо ответил Чейз.

— Думаю, да, — пробормотал он, — до скорого, Чейз.

— Увидимся, Сайлас.

Чейз отключился.

Дек, Терри и Дэйв подошли ближе, но заговорил Дэйв.

— Что ты хочешь сделать с тем, что внутри?

— Ты сделал фотографии? — спросил Чейз.

— Да, около сотни, — ответил Терри.

— Хорошо, — сказал Чейз, кивнув. — Ящики из-под молока со всем содержимым и книги привезите в участок. С книгами аккуратнее. Оставьте их в том виде, в каком они есть, во что бы то ни стало. Я заеду за ними, когда их позволят пронести в больницу, и я хочу, чтобы он получил их в том виде, в каком оставил. Понятно?

Дэйв кивнул и сказал:

— Да.

Чейз посмотрел на Дека.

— Я должен ехать к Фэй. Они покинули больницу.

— Хорошо, Чейз. Я помогу парням с вещами мальчика.

Чейз кивнул Деку, затем Дэйву и Терри, после чего повернул назад, откуда они с Декком пришли.

Он шел темной, тихой ночью, луна серебрила снег, на который деревья отбрасывали свои тени, и единственным звуком, раздававшимся вокруг, был хруст подошв его ботинок по ледяному насту, покрывавшему землю.

Но единственное, что он видел перед собой, — внутренности того сарая.

И он все еще ощущал вонь.

Ему нужна была Фэй.

Дек был прав и ошибался. Мысль о ней не помогла бы ему забыть увиденное.

Ему нужна была Фэй.

А Малахии, кем бы он, черт возьми, ни был, нужно было все.

* * * * *

Чейз моргнул, и первое, что увидел, — мягкие светло-голубые простыни на кровати Фэй.

Другими словами, он видел простыни, потому что Фэй не было с ним в постели.

Он сел и уже собирался встать с постели, но замер, увидев ее на диване. На ней был его свитер, и она натянула его на прижатые к груди колени. На ее ногах были массивные, толстые носки. Голова повернута в сторону, подбородок покоится на руке, лежащей на спинке дивана, глаза устремлены в окно, освещенное первым поцелуем рассвета.

Она выглядела как обычно мило, но в ее профиле Чейз также увидел что-то такое, что уже однажды видел на ее лице. Что он видел много лет назад. О чем забыл, пока не увидел снова.

Это произошло в один из тех редких случаев, когда они оказывались в одном и том же месте в одно и то же время, и она на несколько секунд ловила его взгляд, прежде чем быстро отвести свой и уйти.

Это произошло сразу после его женитьбы на Мисти.

Он увидел печаль.

Теперь он знал, что означало то воспоминание, и когда Фэй повернулась к нему, и ее взгляд остановился на нем, в тот момент этот взгляд пронзил его лезвием.

Она наклонила голову, прижалась щекой к колену, но выдержала его взгляд.

— Я люблю этот город, — прошептала она.

— Возвращайся в постель, — прошептал он в ответ.

— Прожила здесь большую часть жизни, уезжала учиться, но вернулась так быстро, как только смогла.

— Дорогая, вернись в постель.

— Мне бы хотелось отправиться в путешествия, многое повидать, заняться чем-то интересным, но я бы всегда возвращалась сюда.

— Милая, иди в постель.

— Ты спас этот город, — продолжила она шептать, и он почувствовал, как все его тело напряглось.

— Фэй, детка, вернись в постель.

— Не знаю, какие у тебя секреты, но какими бы они ни были, я всегда буду верить, что ты спас мой город.

— Ложись в постель, Фэй, или я приду и заберу тебя.

— Ты должен спасти его, Чейз, — она все еще шептала, ее щеки покраснелись, и не от смущения, а потому что она боролась с эмоциями.

С Чейза было довольно.

Откинув одеяло, он подошел к ней, поднял с дивана и отнес обратно в постель. Уложил ее на кровать, присоединился к ней, натянул на них одеяло и обнял.

Фэй уткнулась лицом ему в грудь, одну руку просунула под его тело, так чтобы крепко обнимать его обеими руками.

— Если он потеряет руки... — ее голос звучал приглушенно и хрипло, еле различимо.

— Перестань, — хрипло приказал он.

Она втянула воздух, и Чейз притянул ее ближе.

Прошлой ночью Сондра и Сайлас все еще были у Фэй, когда он приехал, потому что они прибыли за несколько минут до него. За выпивкой они тихо поговорили в гостиной Фэй, прежде чем ее родители почувствовали себя спокойно, оставляя Чейза заботиться об их девочке.

Перед уходом они обменялись с Фэй крепкими долгими объятиями. Чейз получил более короткое, но сердечное объятие от Сондры и крепкое рукопожатие с парой хлопков по плечу от Сайласа.

После того, как они ушли, Чейз налил Фэй еще бокал вина и открыл себе еще пива, и она устроила ему допрос о том, что он нашел в лесу и где это было.

Чейз ответил: «ничего», но она все не отступала, и тогда он сказал, что ей этого не нужно знать.

Когда она сдалась, то посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

— Я и так знаю, раз ты мне не говоришь.

Она даже и представить себе не могла, поэтому Чейз обрадовался ее капитуляции.

Он принес ей еще выпить. Чтобы расслабить и попытаться взбодрить, он сказал, что посмотрит сериал, который она умоляла его посмотреть.

Это сработало. Она слегка улыбнулась и даже выглядела немного взволнованной, пока возилась с телевизором. И заснула в середине серии.

Чейз, однако, бодрствовал. К счастью, Фэй заснула до того, как он признался, что сериал был неплохим, хотя в нем и было что-то гиковское: два брата взяли на себя самопровозглашенную миссию по спасению мира от кучи фантомов, демонов и монстров, их лучшими друзьями были ангел в плаще и какой-то деревенщина, не снимавший потрепанной бейсболки.

Фэй ненадолго проснулась, когда он стал укладываться спать. В полудреме сделав свои приготовления на ночь, она присоединилась к Чейзу, а затем снова погрузилась в сон, свернувшись калачиком.

Чейз не следил за ней долгое время.

И сейчас Чейз держал Фэй в объятиях, пока она боролась со слезами.

Он опустил подбородок ей на макушку и сказал:

— Дорогая, выпусти это из себя. В слезах нет ничего плохого.

— Не хочу, чтобы он видел мои красные глаза и лицо в пятнах, если он очнется, — ответила она все тем же хриплым голосом, а значит, в ее горле все еще стоял комок.

— Когда он очнется, Фэй, все, что он увидит, — это красоту. Поверь мне, он парень, я парень, это все, что мы видим.

Она покачала головой, как могла, так как утыкалась лицом ему в грудь, затем откинула голову назад и поймала его взгляд своими ясными глазами.

— Перестань быть милым, — прошептала она.

«Никогда», — подумал он, заглянув в ее кристально-голубые глаза.

Он приподнял ее, чтобы они оказались лицом к лицу.

И предложил ей выход.

— Хочешь подумать о чем-то другом, а не о той огромной куче дерьма, которой является вся эта ситуация?

— Пожалуйста, — мягко ответила она.

— Я не знаю его истории. Не знаю, кто его близкие. Как он оказался в таком положении. На все это мне плевать. Мы должны думать о том, как все устроим, как избавим его от этого, как дадим что-то хорошее. Возможно, приемных опекунов, потому что в этом может быть «возможно». Но сейчас я имею в виду действительно что-то хорошее. Безусловно, если органы опеки не смогут устроить его в приемную семью, он ни за что на свете не попадет в гребаный приют для мальчиков.

Все ее лицо просветлело, и она тут же заявила:

— Я позабочусь о нем.

Чейз знал, что так и будет.

Поэтому осторожно и мягко сказал ей:

— Этого не произойдет.

— Чейз...

— Фэй, — оборвал он ее, — я коп местной полиции, которая только недавно подверглась чистке. Я могу ловко обойти систему, но должен делать это открыто, чтобы не возникало вопросов, и этот ребенок получил бы то, что ему нужно. И, детка, я знаю, ты бы дала ему то, что нужно, но сейчас у тебя нет возможности сделать это, потому что ты живешь в однокомнатной квартире над цветочным магазином.

Ее носик сморщился, потому что это было правдой, но ей это не нравилось.

И все же она согласилась.

— Ты прав.

— У меня большой дом, но я холостяк, у которого есть девушка, и она остается у меня на ночь, и, повторюсь, ловкость обхода системы должна быть честной, поэтому я не могу просто взять ребенка под свое крыло, не совершив определенных действий. И при этом никто не должен судить мою девушку, которая остается у меня на ночь.

— Мама и папа, — сразу предложила она.

— Да, — ответил он. — Или Кристал и Бабба, или Тейт и Лори.

— Или Бойд и Лиза, — добавила она.

— Верно, или Солнышко и Шамблс, — продолжил он.

— Нам нужно позвонить, — прошептала она.

— Нам нужно позвонить.

— Кому в первую очередь?

— Твоим родителям.

Она ухмыльнулась, печаль полностью исчезла с ее лица.

— Они согласятся.

Это Чейз уже знал.

— Ага, — пробормотал он.

Ее ухмылка превратилась в улыбку.

— Они подойдут для него идеально, и мы все время можем с ним видеться.

Это он тоже знал.

— Ага, — повторил он.

— Звоню им немедленно.

Он посмотрел на будильник, потом на нее.

— Сейчас шесть тридцать.

— Они проснутся.

— Готовы ли они обсуждать вопрос о ребенке, когда не так давно дом был только в их полном распоряжении?

— Готовы, — тут же ответила она.

Чейз и здесь решил, что она права.

— Поцелуй меня, а потом бери трубку.

Она улыбнулась еще шире, так что он почувствовал эту улыбку на своих губах, когда она его поцеловала.

Закончив поцелуй, она быстро чмокнула его в губы, выкатилась из его объятий и потянулась за телефоном.

Чейз слез с кровати и направился в ванную.

К тому времени, как он вышел, Фэй уже завершила телефонный разговор и сидела на кровати, ее пляшущие весельем глаза устремились прямо на него, а губы прошептали:

— Они согласились.

Затем она широко улыбнулась.

Чейз улыбнулся в ответ.

Затем он пошел на кухню и приготовил своей девушке завтрак.

* * * * *

— Чейз, я тебя понимаю, но у меня еще не было времени полностью оценить ситуацию. То, что я уже знаю... — начала Карина Пападакис.

Она работала инспектором службы защиты прав ребенка и стояла с Чейзом возле отделения интенсивной терапии.

— Он дьякон в церкви, — прервал ее Чейз. — Она разрабатывает программы воскресных служб. Он косит церковный газон. Seriously, Карина, Сондра Гуднайт даже не позволяет своей двадцатидевятилетней дочери произносить «фрак», выдуманное ругательство из научно-фантастического телесериала. Жизнь с ними пойдет этому мальчику на пользу.

Он уже выразил желание поместить Малахию в семью Гуднайтов, и Карина совершенно справедливо и неудивительно отказалась из-за процедуры.

— Они в возрасте, — тихо ответила Карина.

— Да. В возрасте. А значит, уже вырастили троих детей, так что знают, что делать. Один из этих детей — мама двоих мальчиков. Другой — городской библиотекарь со степенью магистра. Третий — в армии, служит нашей стране.

— У них нет свидетельства приемной семьи.

— Так добудь его для них.

— Для этого потребуются посещения в их дом, занятия для приемных родителей... — начала она.

— В таком состоянии, Карина, мальчика не выпишут завтра, — заметил Чейз. — У тебя есть время и уже имеющаяся информация об этом ребенке, и, не сомневаюсь, так как хорошо знаком с тобой, что чем больше ты будешь о нем узнавать, ты горы свернешь, чтобы

ускорить процедуру.

Он не ошибался в этом. Были люди, которые находили себе работу. Карина Пападакис нашла свое призвание. Работа у нее была не из легких, но никакой другой человек в этом городе не справился бы с ней лучше. У нее было достаточно времени для выполнения своих обязанностей, так как она, вероятно, сломала бы себе спину, чтобы сделать это, даже если бы ее нагрузка увеличилась вдвое. И она действовала бы с осторожностью.

Карина выдержала его взгляд, а затем аккуратно напомнила:

— Судя по медицинским отчетам, мальчику может потребоваться особый уход. Рассказанная тобой история, уже свидетельствует об этом.

— Ты же знаешь, я не подведу этого ребенка. И можешь поверить моему слову, то же относится и к моей женщине. Это ее родители. У нее есть племянники примерно его возраста. Ее сестра живет в Гно Бон. Отправишь парня к Гуднайтам, и он перейдет от жизни в собственном дерьме в сарае у черта на куличках к жизни в современном доме в районе Брейди Банч в десяти минутах от города, в хорошей, сплоченной семье, которая, уверяю тебя, может справиться с особым уходом. В этих людях столько доброты, Карина, что они могут справиться со всем.

— Чейз, — тихо сказала она, — я слышала, что вы с Фэй Гуднайт делали для этого мальчика, но...

Она замолчала, чуть вздрогнув, а ее взгляд скользнул за его плечо, поэтому Чейз обернулся, увидев спешащего к ним Сайласа.

— Привет, — он с ухмылкой кивнул Карине, остановился рядом с ними и пробормотал: — Простите, что прерываю.

Затем повернулся к Чейзу и вытащил коробку, которую Чейз не успел рассмотреть, а после продолжил:

— Послушай, Чейз, — он потряс коробку. — После церкви мы с Сондрой заглянули в торговый центр. Моя Фэй говорит, что Малахия любит много читать, и, поскольку руки у него не в порядке, мы купили ему одну из этих модных электронных книг.

Он снова потряс коробку.

— Парень в магазине электроники сказал, что все, что ему нужно сделать, чтобы перевернуть страницу, это нажать кнопку сбоку. У них даже продавались небольшие подставки, на которые можно установить книгу, чтобы не приходилось держать ее самому. Ее мы тоже купили. Пока он не сможет нормально пользоваться руками, продолжит читать книги вот так, полагаю, нажать кнопку он сможет.

Он опустил коробку, посмотрел на нее и пробормотал:

— Правда, ее нужно включить внизу с помощью какой-то штуковины, но Сондра, Фэй или я могли бы делать это за него.

К ним присоединилась Сондра, казалось, совсем не замечая Карину, и протянула Чейзу пакет. Заглянуть внутрь у Чейза тоже не было возможности, так как Сондра опустила пакет и заговорила.

— Пижамы, — объявила она. — Теплые. Думаешь, ему позволят их надеть?

Не дождавшись ответа, она повернулась к Карине, с которой еще не была знакома, и сообщила:

— Больничные одеяла такие тонкие. Мальчику нужны теплые пижамы. — Потом ее голова заметалась туда-сюда, взгляд за что-то зацепился, и она быстро отошла, бормоча: — Вот медсестра. Спрошу ее.

— Мне нужна розетка, — сказал в этот момент Сайлас. — Надо зарядить этого малыша. И он умчался на поиски.

Чейз смотрел, как Сайлас шел, опустив голову, явно выглядывая розетку. Затем Чейз увидел Сондру, стоящую с афроамериканкой, не медсестрой, а доктором Малахии. Она была одета в халат, длинные блестящие черные волосы собраны в толстый хвост, и они рассматривали темно-синие фланелевые пижамные штаны с принтом из самолетиков и улыбались.

Чейз оглянулся на Карину.

— Я ускорю процесс, — пробормотала она, ее губы дернулись, и она отошла, взяв сумочку, чтобы вытащить телефон.

Было воскресенье, и Карина Пападакис, женщина, с которой он работал не раз, ответила на его звонок и оставила свою семью, чтобы встретиться с ним в больнице.

Теперь она стала звонить коллегам, которые, вероятно, тоже не работали по воскресеньям.

Чейз ухмыльнулся ее удаляющейся спине.

Затем направился к Сайласу, чтобы помочь найти розетку.

* * * * *

— Извините, детектив Китон за неловкость, но я пригласила вас сюда, потому что, к сожалению, нам предстоит этот разговор, — начала администратор больницы. — Теперь, когда мальчику оказана неотложная помощь, и у него нет страховки, нам нужно обсудить...

— Не беспокойтесь о больничных счетах, — прервал ее Чейз. — Я все оплачу. Если у вас имеется специалист, который может дать совет доктору Хьюз и помочь спасти его руки и ногу, пожалуйста, сообщите ей, пусть она обратится за помощью.

Администратор в замешательстве моргнула, затем собралась с мыслями и сообщила:

— Доктор Хьюз — выдающаяся педиатр-реаниматолог. Нам повезло, что она работает у нас.

Чейз выдержал ее взгляд, кивнул и ответил:

— Рад слышать. Но если есть что-то еще, что можно сделать для мальчика, я хочу, чтобы это было сделано. Даже если его придется перевести в другую больницу.

Она быстро дала ему информацию, на которую ему было плевать:

— Мы полностью оборудованный травматологический центр второго уровня. Единственный в горах за пределами Лавленда и Гранд-Джанкшен.

— У него сильные травмы, — напомнил ей Чейз.

— Наше учреждение отлично укомплектовано, — настаивала она.

— Я вам верю. Я все же хочу, чтобы для Малахии было сделано все возможное, — ответил Чейз.

— Насколько я понимаю, мальчик сам промыл раны и обработал их. Гангрена не началась. Он ненадолго потерял подвижность, но угроза полной потери конечностей уже миновала.

— Мэм, — Чейз слегка наклонился к ней, — в течение неопределенного времени этот мальчик один жил в сарае в лесу, без света, без отопления, а туалетом ему служила яма,

которую он сам вырыл в углу. Ему не нужно вытерпеть все это, только для того, чтобы учиться жить без нормально функционирующей конечности или лишиться их вовсе. Я понимаю вашу гордость за больницу. А вам нужно понять, что у меня есть средства, чтобы позаботиться о том, чтобы мальчик получил наилучший уход, какой только может быть. Поэтому я прошу вас помочь мне в этом. В противном случае, я найду способ сделать это самому. А теперь, пожалуйста, поговорите с доктором Хьюз и спасите руки и ногу этого ребенка.

Она выдержала его взгляд и прошептала:

— Я поговорю с доктором Хьюз.

— Буду вам обязан.

Четко и ясно поняв его точку зрения, она потянулась к телефону.

Чейз кивнул ей, встал со стула, на котором сидел напротив нее за столом, и покинул кабинет. Тем временем у него зазвонил телефон.

Вытащив его, Чейз посмотрел на экран и ответил:

— Китон.

— Кровь завела в тупик, брат, — сообщил ему Дек.

Дек звонил ранее, сообщить Чейзу, что он будет с офицерами утром прочесывать лес. Теперь его голос звучал так, будто он ехал в своем грузовике.

— Ничего? — спросил Чейз.

— Несколько капель, как и сказали офицеры, вели на северо-восток. Затем исчезли. Может, он их увидел и скрыл. Не знаю. Просто знай, что мы ничего не нашли.

— Следы?

— Ни единого, — ответил Дек. — Из-за ветра, оттепели и осевшего снега исчезли даже попытки их замести. Единственное, что мы нашли, это тропа, ведущая к северной части города, к отелю «Карнэл» и еще одна, ведущая к библиотеке. Обе глубоко протоптаны. Но откуда знать, что это единственные тропы, и кто-то еще не протоптал их, могли быть и другие, но из-за таяния снега и его стараний замести следы, они могли просто исчезнуть. А ближе к сараю, следов нет и вовсе. Умный паренек. Не зная направления, не зная о существовании сарая, о котором, вероятно, не знал никто, к тому времени, когда он приложил усилия, чтобы избавиться от своих следов, он мог побывать где угодно. Никто не узнает, куда он ходил.

Чейз остановился у лифта, но встал в стороне и не нажал кнопку.

— Что думаешь ты? — тихо спросил он, и Дек немедленно ответил, зная, о чем спрашивает Чейз.

— Без понятия. По словам полицейских, на этих холмах есть два жилых комплекса, один высококлассный, другой для жителей со средним достатком и куча старых частных домов, не входящих в состав жилого комплекса. Кроме того, гора слишком крутая, чтобы строить на ней дома. Даже в этом случае, говорят полицейские, и я мог сам в этом убедиться, парню почти невозможно добраться ни до одного из этих домов. Склон холма сменяется отвесной скалой. Я еду на обед, а потом вернусь и еще раз осмотрюсь, вдруг найду какую-нибудь лазейку, через которую он мог пробраться. Может, она куда и приведет, и, может, парнишка не удосужился замести там следы. Если бы на его месте был я, мне было бы девять, и кто-то выбил из меня все дерьмо, я бы сбежал. Не стал околачиваться рядом. Но по какой-то причине он все возвращался за добавкой. Ни его следов, ни чьих-либо еще не обнаружено. Его не нашли в сарае и не избili там, а затем оставили на верную гибель. Я

следую своей интуиции, и она говорит, что он не зря ошивался поблизости. Но вот какова причина... ни хрена не понятно.

— Близкие, — прошептал Чейз.

— Что? — спросил Дек.

— Можно понять, что его избили, поймав на краже еды или чего-то еще. Это было бы сурово, но в городе известны несколько семей горцев, решающих свои проблемы по старинке. Эти семьи живут за городом, на холмах или высоко в горах. Удивительно, но я видел, как такое происходит. Но Малахия — умный ребенок, он научился бы не попадаться снова, а Фэй говорит, что неоднократно видела его с явными признаками жестокого обращения. Лично я видел его таким дважды. Тут что-то не вяжется. Возможно, он возвращался в знакомое место за едой или одеждой, его ловили и избивали. Или, возможно, он возвращался, чтобы проведать того, кто ему небезразличен, — брата, сестру, — его ловили и избивали. Он прятался в этом сарае не только от жителей Карнэла. Он заметал свои следы, откуда бы он ни возвращался. Он прятался от тех, кто оставался в его доме. Он прятался от всех.

— Тебе нужно отправить своих парней проверить обитателей тех домов, — пробормотал Дек.

— Да, но я уже проверил записи актов гражданского состояния штата Колорадо, Дек, паренька не существует. Он не местный. Не из этого штата.

Дек молчал.

Затем озвучил вслух мысли Чейза.

— Дело темное, брат.

— Нет, черное.

— Непроглядное, — прошептал Дек, и Чейз понял, что их мысли с Декком совпадают.

Было два сценария.

Первый. Где-то в этой суровой горной местности жила семья, которая сохраняла минимальный контакт с реальным миром, они бы размножились, но рожали не в больнице, о них не было соответствующих записей, и они не отправляли своих детей в школы.

Второй. Малахия и, возможно, один или несколько кровных или сводных братьев и сестер были вырваны из их настоящих семей и воспитывались в тишине суровой горной местности человеком или людьми, скрывавшими их от реального мира по гнусным причинам и для того, чтобы их не разоблачили.

Чейз прожил в этом городе тринадцать лет. Даже если в горах был кто-то, кто тайно избегал общества, они должны были каким-то образом пересечься. Это могло бы ускользнуть от его внимания, но не от внимания Фрэнка, выросшего в этом городе. Он бы о них знал и что-нибудь рассказал, они были бы на заметке полицейских или о них бы судачили в городе. Чейз знал, что жители Карнэла дают людям жить своей жизнью так, как они считают нужным, даже если не согласны с таким образом жизни или считали их долбанутыми. Половину жителей составляли суровые байкеры в нескольких поколениях, которых этот город, до Арнольда Фуллера, привлекал как пристанище для тех, кто сидел на «Харлее» и вел подобный образ жизни. Так что они ценили такое отношение, учитывая выбор образа жизни, не совсем считавшегося мейнстримом. Это не означало, что они не будут болтать.

Оставался второй вариант. Малахию похитил кто-то не в своем уме. А значит, он мог прийти откуда угодно. И, возможно, его ищет семья.

— Я поем, вернусь, прочешу те леса, — предложил Дек, прервав мысли Чейза.

— Я позвоню в участок, — ответил Чейз.

Дек поколебался, прежде чем тихо спросить:

— Как у него дела?

— Еще не пришел в сознание, и есть некоторое беспокойство, потому что он уже должен был очнуться. Несмотря на это, Фэй читала ему почти весь день. Я выводил ее дважды, чтобы влить в нее чашку кофе и чтобы она поела, когда ее сестра привезла приготовленный обед. В ее отсутствие, у постели мальчика дежурила ее мама. До возвращения Фэй.

— Что говорят врачи?

— Не говорят, что он может не очнуться или потерять способность двигаться. Новая информация, однако, заключается в том, что паника по поводу того, что он потеряет руки и ноги, ушла. Мобильность под вопросом. Хотя цвет кожных покровов улучшился.

— Ясно.

— Я дам тебе знать, если что-нибудь изменится.

— Спасибо.

— Езжай обедать, Дек. Скоро созвонимся.

— Пока, чувак.

— Пока.

Чейз отключился и сунул телефон в карман.

Затем нажал кнопку лифта, чтобы подняться и проверить Фэй и Малахию.

* * * * *

По словам медсестры, приемные часы закончились, и настала пора уходить. Чейз выразил ей признательность за информацию, так что сам направился к Фэй с сообщением, что она должна оставить мальчика одного на ночь.

Он вымыл руки и прошел через палату к открытой двери, услышав ее мягкий голос. Она не читала скороговоркой, а вкладывала в историю эмоции, как настоящий рассказчик, насколько это было возможно, потому что в палате нужно было вести себя тихо.

Чейз вошел в палату Малахии с мыслью, что когда-нибудь Фэй вот так будет читать их детям.

Поэтому на его лице мерцала легкая улыбка, когда сперва он увидел Сондру, сидящую в углу, ее глаза метнулись к нему, и она подняла указательный палец и поднесла его к губам.

С этим предупреждением Чейз медленно, бесшумно обогнул задернутую занавеску и остановился как вкопанный.

Фэй сидела у кровати, склонившись над книгой, полностью сосредоточившись на ней, но ее рука была вытянута, а пальцы сомкнуты на предплечье Малахии.

А светло-карие глаза Малахии были открыты, голова на подушке слегка повернута, и все его внимание было приковано к читающей Фэй.

Но даже с синяками на лице по нему было ясно видно, что он думал, что Бог послал ангела к его постели, чтобы рассказать ему историю.

Чейз почувствовал, как сжалось горло, и замер.

Затем взгляд Малахии переместился на него, и все его тело заметно напряглось.

— Фэй, — мягко позвал Чейз, она перестала читать и подняла голову.

Но когда начала поворачиваться к Чейзу, то увидела Малахию.

Чейз видел в профиль, как ее лицо смягчилось, а губы приоткрылись прямо перед тем, как прошептать:

— Малахия.

Глаза мальчика переместились на нее едва ли не с движением головы.

Фэй приподнялась над стулом, частично наклонившись, и прошептала:

— Привет, милый. Долго же ты дремал. Мы уже стали волноваться. С возвращением.

Он просто смотрел на нее.

— Я Фэй. Но ты меня знаешь, не так ли?

Он не говорил ни слова и не отводил от нее глаз.

— Это Чейз, — продолжила Фэй, — я рассказывала тебе о нем. Чейз Китон. Он работает в полицейском участке. Он детектив. Он купил тебе швейцарский армейский нож, спальный мешок и еду. Помнишь?

Малахия не двигался и не говорил.

— Вон там, — не сдавалась Фэй, — моя мама. Ее зовут Сондра Гуднайт. Она принесла тебе теплую пижаму, которую, как нам сказали, ты сможешь надеть, когда тебя отсюда вывезут.

Малахия с секунду смотрел на Фэй, затем повернул голову на подушке, чтобы бросить взгляд на Сондру, прежде чем снова посмотреть на Фэй.

Сондра встала, приблизилась к кровати, взгляд Малахии вернулся к ней, и она двумя пальцами коснулась одеяла рядом с ним, но не его самого.

— Приятно познакомиться, Малахия, — ласково сказала она. — Сейчас я позову медсестру. Им нужно знать, что ты проснулся. Хорошо?

Малахия не ответил. Сондра посмотрела на Фэй, потом на Чейза и медленно вышла из палаты.

Чейз шагнул к кровати, но остановился, когда взгляд Малахии метнулся к нему, а его тело напряглось.

Фэй тоже это заметила. Она полностью встала со стула, но продолжала склоняться к мальчику.

— Все в порядке, дорогой. Чейз хороший парень. Обещаю. Он очень хороший парень.

Чейз заставил себя говорить очень тихо, когда обратился к ним обоим.

— Я останусь здесь. Малахия может сказать мне, когда будет не против, чтобы я приблизился.

Фэй повернула голову в его сторону, кивнула и снова посмотрела на Малахию.

— Видишь? Чейз хороший парень, дорогой. Ты можешь ему доверять и не торопиться, он проявит терпение. Обещаю.

Вошедшая медсестра улыбнулась Малахии.

— Ну, посмотрите-ка, кто проснулся и показывает нам свои красивые карие глазки.

Малахия с опаской наблюдал за тем, как женщина подошла к его кровати, пока Фэй не выпрямилась, и его взгляд не вернулся к ней так, что Чейз напрягся.

— Я вызвала доктора, — сообщила медсестра. — Она скоро придет, и мне очень жаль, но вам нужно освободить палату, Малахии нужно уединение и часы посещения...

— Все в порядке, — оборвала ее Фэй. — Мы уйдем.

Она наклонилась к Малахии, Чейз напрягся, когда она сказала ему: «Я вернусь завтра, чтобы прочитать...» и потом это произошло.

Мальчик подался вперед, его забинтованная рука метнулась вверх и выбила книгу из руки Фэй, отбросив ее на матрас, затем он бросился к ней и с такой силой обхватил за шею, что пригвоздил ее торс к себе.

— Твою мать, — прошептал Чейз, направляясь к кровати, но медсестра встала на пути Чейза.

— Надо вызвать вторую медсестру.

Чейз мгновенно обогнул медсестру, не теряя времени, они бросились из палаты, пока Фэй, низко нагнувшись над Малахией, что-то бормотала, а он все еще крепко обнимал ее за шею.

Вторая медсестра появилась тут же.

— Вы можете объяснить эту привязанность, — прошептала она.

Чейз не медлил.

— Она покупала ему еду и книги. Они встретились впервые пять минут назад, но она единственное, что у него есть.

— Ясно, — прошептала она и подошла к Фэй и Малахии.

Чейз осторожно приблизился и постарался остановиться на прежнем месте, но не ближе.

— Я вернусь, приятель, — услышал он шепот Фэй. — Завтра. Первым делом. Обещаю.

Малахия ничего не говорил, крепко обнимая.

Медсестры устали друг на друга поверх кровати, явно не зная, вмешаться ли им или позволить Фэй справиться с ситуацией.

— Все хорошо, — прошептала Фэй. — Мне нужно это, дорогой. Мне нужно, чтобы ты позаботился о себе еще немного, и прямо сейчас это означает, что я беспокоюсь о твоих руках. Я не хочу, чтобы ты навредил себе. Ты должен отпустить меня, чтобы медсестры могли тебя осмотреть, а потом и доктор. Мне нужно это от тебя, Малахия. Завтра, обещаю, милый, клянусь сердцем, я вернусь. Сейчас ты... в безопасности. В полной безопасности, Малахия. Я бы не стала тебе лгать о чем-то столь важном. Обещаю. Ты мне веришь?

Ни звука, ни движения, все замерли на несколько долгих мгновений, потом рука Малахии расслабилась, и он снова лег в постель.

— Спасибо, милый, — прошептала Фэй, затем выпрямилась и протянула руку, чтобы положить книгу на тумбочку, и Малахия снова заволновался.

Не сводя глаз с книги в руке Фэй, он несколько раз ударил локтем по кровати, в то время как его ноги елозили под одеялом, и из его горла доносились странные звериные звуки. Медсестры пришли в движение, одна положила руку ему на плечо, другая нежно коснулась его ног.

— Что, приятель? — спросила Фэй, и он замотал головой из стороны в сторону, ударяя локтем по кровати, продолжая издавать эти звуки. — Малахия, пожалуйста, милый, перестань так делать. Ты навредишь себе. Успокойся и поговори со мной. Что такое?

Чистая интуиция заставляла Чейза действовать быстро. Не приближаясь к кровати, он обнял Фэй сзади, забрал у нее книгу, затем наклонился к ней, увлекая за собой, используя ее как щит между собой и Малахией, и сунул книгу под дергающуюся руку Малахии и убрал свою в сторону.

Рука Малахии тут же перестала дергаться, но крепко сжала книгу, и он успокоился.

— Тебе нужна твоя книга, — прошептала Фэй.

Малахия глубоко вздохнул, его глаза встретились с Фэй.

Затем он кивнул.

Господи, что же сделали с этим ребенком.

Иисусе.

Внутренности Чейза охватило неприятное чувство, он оторвался от Фэй и поймал взгляд одной из медсестер.

— Не забирайте эту книгу, — приказал он, и она тут же кивнула.

— Видишь, — тихо сказала Фэй Малахию. — Она останется у тебя до моего возвращения. Хорошо?

Малахия смотрел ей в глаза и не двигался.

Она проигнорировала это и прошептала:

— Хорошо.

Затем подняла руку и провела ею по волосам мальчика, прежде чем выпрямиться.

— До скорой встречи, милый, — тихо сказала она.

Он сглотнул, его глаза заметались от медсестер к Фэй.

Затем он кивнул.

— Мой храбрый Малахия, — прошептала Фэй, коснувшись его предплечья, потом посмотрела на медсестер, нагнулась, схватила свою сумочку, улыбнулась Малахии и, наконец, взяла за руку Чейза, стиснув ее так крепко, что он почувствовал боль.

— Пока, приятель, — пробормотал Чейз, и Малахия посмотрел на него, но не сказал ни слова.

Они прошли мимо доктора Хьюз, так спешившую добраться до Малахии, что по пути лишь кивнула им. Фэй ее не заметила. Она выходила, оглядываясь на Малахию.

В конце концов она потеряла его из виду и устремила взгляд вперед, но ничего не сказала.

Чейз привел ее к родителям. В тот момент, когда они остановились рядом, Сайлас заговорил.

— Едем к Розалинде. Я угощаю. Там нас ждут Лиза, Бойд и мальчики.

Чейз промолчал, позволив Фэй решать относительно их вечерних планов.

— Звучит неплохо, — тихо сказала она.

Она приняла решение. Ей нужна была семья.

И она ее получит.

— Хорошо, — пробормотал Сайлас, тщательно вглядываясь в Фэй, пока Сондра молча делала то же самое, а затем Сайлас посмотрел на Чейза. — Лиза и Бойд уже в пути. Мы тоже выезжаем. Встретимся там.

Чейз кивнул, Сайлас похлопал его по плечу, Сондра послала ему улыбку, после того, как поцеловала дочь в щеку. Они последовали за ними к лифту и вместе вышли на парковку.

Сондра и Сайлас отделились от них, направившись к «Вранглеру», и оба помахали им.

Чейз кивнул, Фэй помахала в ответ, и он повел ее к пассажирской стороне своего «Юкона».

— Замок, милый, — пробормотала она, не сводя глаз с двери, но Чейз взял ее за руку, другой рукой обнял за талию и развернул спиной к грузовику, прижавшись к ней.

Ее удивленные глаза поднялись на него.

— Убеди меня, что с тобой все в порядке, — потребовал он.

— Я...

— Ему пи*дец как досталось, Фэй. Ему всего девять. У него есть ты, я, твои родители, твоя семья, доктор, который, как мне сказали, высокой квалификации и ей на него не плевать, и медсестры, которые обращаются с ним бережно. Как только он ушел оттуда, у него появилось все, чего до этого не было. Он достаточно юн, чтобы независимо от того дерьма, что ему пришлось перенести, уйти от него и довериться чему-то хорошему. Это новое. Он напуган. Он зацепился за тебя. Но это пройдет, дорогая. Мы поработаем над этим и с ним все будет в порядке.

— Чейз, я в порядке. Просто голодная.

От ее слов и спокойного тона он удивленно моргнул, так как недавно она чуть не раздавила ему кости своей хваткой, а затем всмотрелся в ее лицо в свете огней парковки.

Постояв так недолго, он сказал:

— Ты не можешь держать это дерьмо в себе. Впереди ждет куча сложностей. Ты даешь ему силу, так что сбрасывай на меня все дерьмо, что будет копиться в тебе, чтобы давать ему эту силу. Начиная с этого момента. Договорились?

Она наклонилась к нему, встала на цыпочки и прошептала:

— Чейз. Я в порядке.

— Детка...

— За исключением того, что мне нужен буррито. Срочно.

Чейз уставился на нее.

Она подняла руку и обвила его шею сбоку.

— Два дня назад, — тихо сказала она, — не зная, где он и в каком состоянии, я не была в порядке. Сейчас он в замешательстве, но в безопасности, и я знаю, где он, так что, обещаю, дорогой, я... в порядке.

Она выдержала его взгляд, пока он пытался прочесть ее.

Затем закончила и заявила:

— Накорми меня. Иначе вплоть до Розалинды я буду рассказывать сюжет «Ангела». Это сериал о вампире с душой, которой наделили его цыгане в наказание за то, что он убил одного из них. Эта история перекликается с сериалом «Баффи, истребительницей вампиров», вышедшем до «Ангела», ставшим отдельным телешоу. Кроме того, я поделюсь мнением о том, почему нельзя было закрывать «Ангела». Скажу сразу, что причин много и не все они связаны с зашкаливающей сексуальностью Дэвида Бореаназа. И, если ты удержишься, у меня даже найдется время, чтобы объяснить, почему я считаю, что Джосса Уидона следует причислить к лику святых.

Она погрузилась в свой момент.

Теперь она была в порядке.

Так что, Чейз полез в карман джинсов, вытащил ключи и разблокировал замки.

Фэй ухмыльнулась.

Чейз наклонил голову и коснулся губами ее губ.

Они услышали короткий сигнал автомобильного гудка и оба повернули головы, чтобы увидеть Сондру и Сайласа во «Вранглере», проезжающих мимо, Сондра махала им рукой.

Фэй помахала в ответ, Чейз потянулся через нее, чтобы открыть дверцу.

После того, как она забралась внутрь, он захлопнул дверцу.

Затем обогнул капот, уселся за руль и повез свою женщину ужинать с ее семьей.

Она приближалась, хотя Чейз двигался медленно, нежно, наслаждаясь ощущением ее, исходящим от не ароматом, звуками, которые она издавала.

Но он знал о том, что она близко, по ее звукам, по тому, как ее тело двигалось под ним, по тому, как она подавалась бедрами с каждым толчком, чтобы получить от него больше, и по тому, как одна ее нога обвила его задницу, а другая прижималась к его бедру.

Он скользнул губами от ее шеи к челюсти, чтобы взять ее губы в глубоком, медленном поцелуе, двинулся ладонью по ее руке вниз и обхватил запястье, чтобы потянуть вверх. Он переплел их пальцы, прижал их руки к кровати, продолжая двигаться так, чтобы перенести весь свой вес на предплечье.

Чейз продолжал целовать ее, проникая глубоко, но нежно и медленно, снял с себя ее другую руку, прижал ее к боку и двинулся вверх, накрывая ладонью ее грудь.

Большим пальцем он сильно потер твердый сосок.

И вот оно. Ее бедра дернулись, она охнула ему в рот, нога вокруг его задницы сжалась, и она кончила.

Бл*ть, он любил это в ней. Быстро и жестко или медленно и нежно, она кончала только от его языка, от стимуляции соска и его члена.

Иногда только от языка и члена.

Он задвигался быстрее, продолжая целовать ее, толкаясь сильнее, и она принимала его, устремляясь к нему, отдавая ему всю себя, когда целовала в ответ, пока он не вошел глубоко, не остановился и не излился в нее, простонав ей в рот.

Охрененно великолепно.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, как она проводит кончиком языка по его нижней губе, что ему нравилось, что он любил делать с ней, чему он ее научил.

С другой стороны, он научил ее всему.

Она была его во всех возможных отношениях, особенно в том, в котором у большинства мужчин никогда не было шанса.

Его.

Да.

Охрененно великолепно.

Он нежно толкнул языком ее язык обратно ей в рот, для глубокого, медленного и продолжительного поцелуя, прежде чем оторваться от нее и скользнуть губами обратно к ее шее.

Фэй снова обвила его рукой и передвинула ногу, стоявшую на кровати, чтобы обвить его бедро сзади.

Их руки все еще были связаны на кровати рядом с ней.

Чейз много трахался. А также занимался любовью. Нельзя сказать, что не было женщин, которые для него что-то значили, с которыми он не разделял вот такие тихие моменты, будучи настолько близкими, насколько это возможно.

Но ни с одной из них он не испытывал таких чувств, как с Фэй. Ни от одной из них не исходил подобный ей аромат. Ни одна из них не походила на нее. Никто из них так крепко не сжимал его пальцы. Ни одна из них так сладко не обвивалась вокруг него, не прижималась к нему своими мягкими изгибами, принимая на себя его вес. Ни одна из них,

после того как он их брал и лежал рядом с ними в постели, не заставляла его чувствовать себя чистым, будто в мире все в порядке.

Ни одна.

Даже и близко нет.

— Итак, подведем итоги с сильным запозданием: ужин с твоей семьей прошел хорошо... — он сделал паузу, — оба раза.

Он пробормотал это ей в шею, почувствовав, как от неожиданности она дернулась под ним, а затем услышал тихое хихиканье, вырвавшееся из ее горла.

Ощущалось приятно. И звучало приятно. Будто все в мире было правильно, только потому, что они вместе лежали в его постели, даже когда все было совсем не так.

Она бы дала ему это, будь ей двадцать девять или семьдесят девять, и он знал это до глубины души.

Чейз поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз, чтобы увидеть ее улыбку.

— Может, для тебя хорошо, — ответила она. — Меня это раздражало.

— Просто чтобы ты знала, при первой возможности я спрячу ножницы, — сообщил он ей.

— Да не было этого.

Он ухмыльнулся и навис над ее лицом.

— Фэй, ты лжешь.

Ее глаза забегали из стороны в сторону, и она пробормотала:

— Ну, даже если и было, я стерла это из памяти.

Когда ее глаза остановились на нем, он заявил:

— В это я верю.

— Я средний ребенок, — начала она защищаться. — Лиза и Джуд всегда выступали против меня.

— В это я тоже верю.

— Так что, если бы я и взялась за ножницы, то, вероятно, из необходимости. В порядке самообороны.

— К сожалению, дорогая, это тебя не оправдывает.

Она закатила глаза и пробормотала:

— Как скажешь.

— Детка, — тихо позвал он, и когда она посмотрела на него, прошептал: — Говорил же, что они мне понравятся.

Она закрыла глаза, кончик языка высунулся, чтобы облизать губки, и прошептала в ответ:

— Хорошо. Я рада.

Увидев ее язычок, Чейз опустил голову, чтобы повторить его путь.

Когда он поднялся, ее веки все еще были полуприкрыты, но выражение лица было совершенно другим. Это выражение он знал. И оно ему нравилось.

— Хочешь еще, детка? — мягко спросил он.

Она прикусила нижнюю губу, отпустила ее и прошептала:

— Завтра тебе на работу.

Она сходила с ума, когда его рот оказывался у нее между ног. Даже только что доведя ее до оргазма, у Чейза уйдет минут пятнадцать на то, чтобы она снова сильно кончила или еще сильнее, и он все равно смог бы выспаться.

Это стоило того. Абсолютно.

Он наклонился, поцеловал ее в мочку уха и шепотом приказал:

— Сходи в ванную. Когда вернешься, ты получишь еще и я съем тебя.

Она слегка повернула голову так, что ее губы оказались на его шее, три ее конечности сжались вокруг него, а пальцы сильнее сплелись с его пальцами.

— Да? — прошептала она.

Бл*ть, все еще находясь полутвердым внутри нее, только что кончив, его член все равно дернулся от единственного хриплого слова его девушки, наполненного желанием.

— Да, — прошептал он в ответ.

— Выйди, Чейз, — выдохнула она, и он медленно выскользнул.

Неспешно она провела губами вверх по его шее.

Изменение планов. Съесть ее, пока она не кончит. Затем трахнуть ее, пока он не кончит, и, надеяться, что она кончит снова.

Он поцеловал ее в плечо и откатился.

Фэй одарила его легкой, полузастенчивой улыбкой, а затем потащила свою голую попку в его ванную.

Еще не полностью освоившись быть перед ним обнаженной, она вернулась, закутанная в его халат, висевший на крючке на задней стороне двери ванной.

Мама купила ему этот халат после Мисти. Каким-то образом она обнаружила, что его старый халат пропал, потому что поначалу Мисти любила его носить. Так что, когда ее шмотки вывезли, вместе с ними исчез и его старый халат.

Другая женщина носила халат, который сейчас был на Фэй. Ему это не понравилось, и он сделал мысленную пометку избавиться от него и купить новый, который будет принадлежать только ей.

Фэй, не снимая халата, заползла в постель.

Это означало, что Чейз должен был его снять.

Что он и сделал через десять минут.

Через десять минут после того, как заставил ее кончить, он снова оказался внутри нее, чтобы найти собственное освобождение.

И, как всегда, Фэй снова нашла его вместе с ним.

Глава 14

Он дошел до конца

Чейз стоял возле полицейского участка, укладывая коробку с книгами Малахии в багажник «Юкона», когда зазвонил его сотовый.

Он задвинул коробку вглубь, выпрямился и достал телефон.

На экране высветилось: «Фэй».

Он нажал на кнопку и поднес телефон к уху.

— Детка.

— Он пошевелил пальцами рук и ног! — взвизгнула она ему в ухо.

Чейз опустил голову и улыбнулся своим ботинкам.

В то утро он сходил на пробежку, вернулся домой, вытащил свою девушку из постели в душ, а потом повез ее в «Ла-Ла Ленд». Они позавтракали, пока Фэй рассказывала Солнышке и Шамблсу все о Малахии. Чейз оставил ее на тротуаре возле «Ла-Ла Ленда», поцеловав на прощание. Сев в свой грузовик, он поехал в участок. Фэй направилась через два квартала к себе домой, чтобы переодеться, затем сходить в магазин за угощением для Малахии, а потом отправиться в больницу.

Он расстался с ней чуть больше двух часов назад. После короткого отчета от парней, данные которого совпали с теми, что он получил от Дека накануне, Чейз попросил стажеров изменить поисковый запрос, включив туда пропавших братьев и сестер. Потом он позаботился о кое-каких делах и теперь собирался в больницу проведать Малахию и отдать ему книги.

У ребенка и так ничего не было. А то, как он хранил эти книги, говорило о том, что они много для него значили.

Поэтому Чейз собирался отвезти их ему.

— Медсестры сказали, что он съел весь завтрак, хотя им пришлось ему помогать, и он был в сознании все утро, — продолжила Фэй. — Он пока еще ничего не сказал, но когда я вошла, он мне улыбнулся.

Она говорила так, будто ее любимый киноактер сошел с красной дорожки, подхватил ее на руки, отнес в свой лимузин и умчался с ней в закат.

— Великолечно, дорогая, — пробормотал Чейз.

— Сейчас его переводят в обычную палату. Но продержат еще один день.

— Пока мы разговариваем, Карина встречается с твоими родителями, Фэй.

— Да, знаю, мама звонила и рассказала, поэтому их здесь нет. Все будет хорошо?

— Да.

— Уверен? — напирала она.

— Да, детка, я...

Он замолчал, потому что почувствовал на затылке неприятное покалывание. А с ним — присутствие. Плохое.

Подняв голову, он увидел, как к нему направляется его отец.

Нет.

Дерьмо. Бл*ть.

Нет.

— Чейз? — позвала Фэй, пока Чейз пристально наблюдал за отцом, который смотрел

на него.

Он повернулся, захлопнул багажник грузовика и заверил ее:

— Все будет хорошо.

— Ты в порядке?

Она мгновенно прочитала его даже по телефону. Он рассеянно задумался: так ли это по нему заметно или причина в том, что он настолько близко подпустил ее. Чейз решил, что дело и в том, и в другом.

— Ага, — солгал он, обходя борт внедорожника. — Сейчас я еду к тебе. Привезу книги.

— Не думаю, что ему разрешат их оставить.

— Может, и нет, но он захочет их увидеть.

Она помолчала секунду, а потом он услышал тихое и милое:

— Да.

— Чейз, — донесся до него резкий голос отца, когда Чейз рывком открывал водительскую дверцу.

— Мне пора, — пробормотал Чейз в трубку.

— О, конечно. Ладно, скоро увидимся, — сказала Фэй.

— Чейз! — рявкнул отец.

— Кто это? — спросила Фэй.

— Никто. Мне пора, милая, — прошептал он, забираясь в грузовик. — До скорого.

— До скорого, — прошептала она. Ее ответ прозвучал нерешительно. Она знала, что он лжет, потому что кто-то звал его по имени. Это было отстойно, но Чейз быстро отключился и попытался закрыть дверцу.

У него ничего не вышло, потому что Трейн Китон стоял у дверцы, крепко и надежно держа ее открытой.

Взгляд Чейза обратился к отцу.

Из множества шуток, которые жизнь должна была сыграть с ним, она сочла нужным сделать его похожим на своего отца. Тот же рост. Та же фигура. Те же волосы. Те же глаза. В Чейзе почти не было ничего от матери, хотя она была голубоглазой блондинкой. Внешность ему полностью досталась от отца. Сколько себя помнил, он слышал это от друзей отца.

Вылитый Трейн.

Итак, Чейз знал, что через тридцать лет он будет похож на отца.

Высокий рост, подтянутая фигура, волевые черты лица и привлекательная внешность, которыми ему посчастливилось обладать, почти не померкли. Он принадлежал к тому типу мужчин, чья внешность с годами улучшалась, а с возрастом становилась интересной, сохраняя при этом красоту и жизненную силу.

Если бы Трейн Китон был другим мужчиной, Чейз с нетерпением ждал бы это и ценил, что его отец передал ему хорошие гены.

Вместо этого он боялся всю жизнь смотреть в зеркало и вспоминать своего отца.

— Ты не отвечаешь на мои звонки, — обвинил Трейн жестким голосом, сердито глядя на сына.

Он был зол, что ему пришлось проделать путь из Аспена. Зол, что его сын не выполнял его приказы. Зол, увидев, как Чейз в джинсах, рубашке, свитере, куртке и ботинках, со значком на ремне забирается в «Юкон», тогда как у него должен быть костюм за пять тысяч долларов и «БМВ».

— Да, не отвечаю, — согласился Чейз, а затем холодно приказал: — Отойди.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине и немедленно.

— Этому не бывать, папа.

— Этого не произойдет.

Господи, Чейзу было тридцать пять, а этот человек исправлял его гребаный английский.

— Отойди, — огрызнулся Чейз.

— Ты живешь среди деревенщин, Чейз, но не обязательно говорить как они, — надменно возразил Трейн, Чейз это ненавидел, а Трейн говорил так все время.

— У меня дела, отойди.

— Лично я виню Джейкоба Декера. Мне следовало положить конец вашему общению во время учебы в школе. Твоя мать и слышать об этом не хотела. До меня дошли слухи, что он вернулся.

Чейз напрягся.

Он сказал это не просто так.

Дек ненавидел отца Чейза. Трейн Китон отвечал ему тем же.

Дек получил полную стипендию в частной школе, которую посещал Чейз, но не благодаря деньгам. Его отец работал электриком. Хорошая профессия, но неприемлемая в жизни аспенских Китонов. Не важно, что IQ Дека был сто пятьдесят, — признанный гребаный гений. Для Чейза он не являлся хорошей компанией. Когда Дек не отправился изучать способы лечения рака или помогать правительству создавать оружие космической эры, а использовал свою превосходную логику и более высокий интеллект, чтобы творить чертовски пугающее дерьмо, Трейн решил, что это доказательство того, что все это время он был прав.

Но сейчас цель Трейна состояла не в этом.

Он сообщал Чейзу, что за ним следят.

Это не удивляло, а раздражало. Дек определенно мог постоять за себя. Когда вы в мгновение ока могли рассчитать свой рост, вес, мышечную массу, силу замаха, прицелиться и нанести удар, точно зная, какой урон нанесете, любому, кто с вами свяжется, не поздоровится. И это была не теория. Когда они вместе учились в старших классах и колледже, Чейз видел это на практике. Джейкоба Декера никогда не побеждали не только потому, что он был чертовски высоким и очень сильным, но и потому, что он был чертовски умным.

Но если Трейну и его шайке придурков не хватит терпения, они могут нацелиться на кого угодно, чтобы донести свою точку зрения до Чейза.

Дек был на линии огня.

Он сделал мысленную пометку позвонить Деку по пути в больницу и повторил:

— Отойди.

Взгляд Трейна не отрывался от сына.

— И если продолжишь встречаться с Фэй Гуднайт, твоя мать захочет с ней познакомиться.

Трейн отступил назад, потому что у него не было выбора, так как Чейз выскочил из машины.

Но Трейн не отступил далеко, просто дал сыну место, так что Чейз, к сожалению, оказался с ним нос к носу.

— Даже не смей дышать с ней одним воздухом, — прошипел он.

— Ты так и не усвоил, что показывать свои чувства — невыгодно, — ответил Трейн, в

голосе которого звучало раздражение от того, что Чейз не выучил один из многих бесполезных уроков, которые он пытался вдолбить ему, когда Чейз был ребенком.

— Этому научила меня мама. Любой, кто захочет сблизиться со мной, будет знать, что я за человек. Мне нечего скрывать. Чего ты не понимаешь, так это того, что настоящий мужчина — тот мужчина, которым я хочу быть — ничего не скрывает.

— Это глупо, — сказал Трейн с ехидством.

— Это забота, — твердо возразил Чейз.

— Ты не позаботишься о себе, Чейз, отдаваясь кому-то полностью.

— Я не говорю о заботе о себе.

— В этом твоя ошибка.

— Нет, видишь ли, такой человек, как ты, тратит свою энергию на то, чтобы спасти свою задницу. Такому человеку, как я, на это насрать, и вместо этого он изо всех сил старается заботиться о тех, кто стоит его усилий. Итак, моя мысль такова: мне не насрать на людей, свяжешься с ними — свяжешься со мной.

— И Фэй Гуднайт стоит этих усилий?

Чейз не ответил.

Трейн какое-то время не сводил с сына глаз, а потом пробормотал:

— По крайней мере, у нее есть степень магистра.

Они проверили Фэй.

Не совсем неожиданно. Это произошло раньше, чем он мог предположить. Что тоже раздражало.

— Для тебя Фэй не существует, и я познакомлю ее с ма, когда сам решу, — отрезал Чейз.

— Тогда мне жаль расстраивать тебя еще больше, Чейз, поскольку сегодня утром за завтраком я поделился с твоей матерью, что ты кое с кем встречаешься. Подумал, это разумно, после того как узнал, что вчера вечером ты ужинал с ее родителями у Розалинды.

Чейз почувствовал, как на щеке дернулся мускул.

— Дела развиваются быстро, — тихо заметил Трейн.

Чейз выдержал взгляд отца и стиснул зубы.

— Валери даст тебе время. Она не захочет давить. Полагаю, у тебя есть около пятнадцати минут, прежде чем она позвонит и пригласит вас с Фэй на ужин.

Бл*ть.

Бл*ть.

— Она очень взволнована, — продолжил Трейн, но его губы скривились, и у куска дерьма хватило смелости закончить: — Мисти ей никогда особо не нравилась.

С Чейза было довольно.

— Ты отойдешь или мне придется тебя переехать?

— Мы еще не поговорили.

— Никакого разговора не будет. Две секунды. Отойди, или я перееду тебя.

Трейн выдержал взгляд сына.

Затем его голос слегка изменился, и он прошептал:

— Ты же знаешь, мне не по душе то, что с тобой случилось. Ты также должен знать, что я не хотел, чтобы ты видел то, что видел.

— Это произошло. Я это видел. Все твои деньги не смогут этого изменить.

— Тебе нужно позаботиться об Уокерах, — тихо посоветовал Трейн.

— Они сами могут о себе позаботиться. Тай принесет мне твои видео. Я напишу тебе, когда ты сможешь прислать за ними лакея.

Это было еле заметно, но Чейз стоял достаточно близко, чтобы увидеть облегчение, промелькнувшее на лице отца.

Затем Трейн сказал:

— Ньюкомб.

— По правилам.

— Чейз...

Чейз подался вперед так, что их носы почти соприкоснулись.

— По правилам, отец. Отзови своих головорезов. Это дерьмо не исчезнет, пока ты не вытащишь голову из задницы, не обратишь внимание на других и не перестанешь взваливать свои проблемы на чужих.

— Они теряют терпение, — прошептал Трейн.

— Это не ускользнуло от моего внимания, поскольку человек мертв.

Трейн открыл было рот, чтобы заговорить, но когда он это сделал, у Чейза скрутило живот, потому что он должен был заставить замолчать ублюдка.

— Не надо, — прошипел он, и как только это прозвучало, Трейн закрыл рот. — Предупреждаю ради ма. Скажешь мне сейчас какое-нибудь дерьмо, я войду в это здание и доложу об этом. Так что не надо. Не давай понять, что тебе известно об убийстве и взломе. Помоги мне не волновать ма и держи свой гребаный рот на замке.

Трейн долго смотрел ему в глаза, но ничего не говорил.

Чейзу это порядком надоело.

— Ма позвонит, я приведу к ней Фэй, но тебя там быть не должно, — предупредил он отца.

— Ей это не понравится, — тихо ответил Трейн.

— Найди какое-нибудь оправдание, да придумай что получше. Для тебя такое не проблема. У тебя в этом обширный опыт.

Трейн покачал головой.

— Она хочет, чтобы мы были семьей, Чейз, и если твои отношения с Фэй Гуднайт будут развиваться, она захочет этого еще больше.

— Тогда прояви изобретательность, потому что она получит это от меня, от Фэй, но ты участвовать не будешь.

— Независимо от ситуации, я согласен с твоей матерью. Ты мой сын. Если ты женишься на этой женщине...

Чейз перебил его, зарывав:

— Она не «эта женщина». Она Фэй.

Трейн кивнул, его глаза сверкнули, слова Чейза выдали его, но он оставил это и продолжил:

— Если ты женишься на Фэй и у вас появятся дети, они будут моими внуками.

— Ты тоже не будешь иметь с ними ничего общего.

Трейн вздрогнул.

Иисусе.

Этот мудака посмел вздрогнуть.

— Чейз, — тихо сказал Трейн, прежде чем Чейз успел осознать реакцию отца, — я совершил ошибку. Мужчины ошибаются.

— Моя мертвая жена совала тебе в зад всякое дерьмо ради шантажа, чтобы иметь возможность проникнуть в мою постель, — отрезал Чейз, Трейн снова вздрогнул, и Чейз неумолимо продолжил, готовясь нанести смертельный удар. — Я понимаю, что мужчине может нравиться, когда с его задницей играют. Но твою игру я не понимаю. Ты прав. Я твой сын. А значит я никогда не должен был видеть, как мой отец занимается подобным дерьмом. Это полный пи*дец, настолько извращенный, что невозможно описать, почему мы вообще ведем этот разговор. А после того как ты кончил и тебя прижали к ногтю, ты прикрыл мною свой зад. Отцы так не поступают. Вспомни, что я говорил, папа, хороший человек, настоящий мужчина, облажавшись, подставляет свою задницу, а не задницу сына. Ты не только не защитил меня, но и втянул в свое дерьмо. Итак, подведем итог: ты мой отец, но, тем не менее, ты мне не отец. А значит, когда я надену кольцо на палец Фэй, — и да, папа, я сказал, когда, — ты не будешь ее свекром, и ты, черт возьми, не будешь дедушкой нашим детям. Боже, прошу, сделай для меня, как для своего сына, хоть что-то в моей гребаной жизни. Сделай это для меня. Для моей женщины. И для моих детей.

Достаточно. Чейз повернулся, забрался в грузовик и захлопнул дверцу.

Не глядя на отца, он вставил ключ в замок зажигания, повернул его, включил передачу и обхватил рукой пассажирское сиденье, оглянувшись через плечо, чтобы сдать назад.

Он не стал проверять, где стоит его отец, когда отъезжал с парковки участка.

Через пять минут он вытащил телефон, чтобы ответить на звонок матери.

Она была в возбужденном состоянии, но, к счастью, в хорошем смысле. Так взволнована, что не переставала бормотать.

— Я попрошу Донатту приготовить ужин! Все твои любимые блюда! Ох, Чейз, дорогой, я так рада, что ты наконец оправляешься после Мисти. Это великолепные новости, и я не могу дождаться встречи с ней. Я просто уверена, что она потрясающая девушка.

Она говорила это одновременно на полном серьезе и нет, так как после Мисти, кто угодно был бы великолепен. Она не имела в виду это в плохом смысле. Тем не менее, это было правдой.

Когда она познакомится с Фэй, будет вне себя от счастья и, несомненно, на следующий же день отправится за покупками. Какими? Вариантов масса, но Чейз поставил бы сначала на детские вещи, потом на свадебные, а на третье — дорогие подарки для Фэй, которые убедили бы ее, что у нее есть любовь Китонов. Детские и свадебные вещи она прибережет на потом, а с дорогими подарками на следующий же день приедет в Карнэл, чтобы положить их к ногам Фэй.

Бл*ть.

Как делал всю свою жизнь, Чейз сдался, потому что у него не хватило сил лопнуть ее пузырь. Ему удалось отложить этот ужин на три недели. Им требовалось время, чтобы привести дела Малахии в порядок. Ему требовалось время, чтобы подготовить Фэй к этому ужину. В конце концов, ему самому требовалось для этого время.

Задержка маму разочаровала, но, в итоге, она получила то, что хотела, поэтому не показала этого, хотя удалось ей это не очень хорошо.

Завершив разговор с матерью, Чейз набрал Дека, чтобы предупредить о слежке, а затем въехал на больничную парковку. Забрав книги, он направился в здание, узнал новый номер палаты Малахии и пошел туда.

У двери он остановился, наблюдая за тем, что происходит.

Малахия определенно выглядел лучше. На нем была пижама, купленная Сондрой. Он

был полностью в сознании, его волосы были вымыты, синяки на лице поблекли, и он улыбался Фэй, которая сидела на стуле рядом с его кроватью и держала руки перед собой.

— Тебе сколько лет? — спросила она, показывая пальцами цифры, которые Чейз плохо мог разглядеть, потому что видел только ее левую руку, но эта рука широко раскрылась и сжалась в кулак три раза. Другими словами, он насчитал пятнадцать.

Все еще улыбаясь, Малахия покачал головой.

— Хорошо, а как насчет столько? — продолжила Фэй.

Снова мелькание рук. И вновь Малахия улыбнулся и покачал головой.

Голос Фэй стал мягче, нежнее, и она спросила:

— Как насчет столько?

Взгляд Малахии опустился на ее руки, переместился на ее лицо, и, все еще сохраняя улыбку, он кивнул.

— Девять, — прошептала она. — Моему племяннику на этой неделе исполнится девять. Его зовут Джарот. — Она наклонилась и заговорщически поделилась: — Но когда вы познакомитесь, не дразни его и не называй морковкой. Ему это не нравится.

Улыбка Малахии стала шире, но исчезла, когда его взгляд метнулся к двери, и он увидел Чейза.

Фэй повернулась на стуле и улыбнулась ему.

Он улыбнулся в ответ, затем посмотрел на Малахию.

— Ты молодец, приятель. Я пришел только, чтобы принести твои книги.

Взгляд Малахии упал на коробку в руках Чейза и не отрывался от нее, пока Чейз огибал кровать, на значительном расстоянии, и шел к подоконнику.

— Я оставлю их здесь, а когда уйду, ты скажешь Фэй, куда хочешь их положить, — пробормотал Чейз.

Он подошел к широкому подоконнику, поставил коробку и аккуратно выложил книги так, как они лежали в коробке, сохраняя порядок, в котором Малахия держал их в сарае.

Когда он повернулся к кровати, то остался у окна и увидел, как глаза Малахии перебегают по книгам вверх-вниз, подсчитывая, оценивая — все ли на месте. Чейз также увидел на придвижном столике над кроватью книгу, которую Фэй читала ему прошлым вечером, а также ряд батончиков «Сникерс», два фантика от которых свидетельствовали о том, что он успел полакомиться.

— Я украду Фэй на секунду, поговорю с ней, а потом вернусь на работу, — сказал Чейз Малахии, и глаза паренька метнулись к нему. — Тебе нужно, чтобы я захватил что-нибудь, когда буду возвращаться с работы?

Малахия посмотрел на него, затем перевел взгляд на Фэй.

— Малахия еще не готов говорить, дорогой, — тихо сказала Фэй, и Чейз посмотрел на нее. — Ты должен задавать ему вопросы, на которые он может ответить «да» или «нет», — посоветовала она.

Когда Чейз оглянулся на Малахию, то увидел на его лице намек на страх и напряжение в теле. Это совершенно ясно говорило о том, что он вообще не собирается общаться с Чейзом.

Когда Фэй заговорила снова, Чейз понял, что она тоже догадалась об этом.

— Чейз останется там, милый, — мягко сказала она. — Он никогда бы не причинил тебе вреда. Это он послал своего друга на твои поиски, а тот вызвал «скорую», он делает для тебя все возможное. Но мы оба понимаем, что тебя все немного пугает. Тем не менее, Чейз готов оказать тебе услугу, так что, возможно, ты мог бы помочь ему, дав знать, чего хочешь,

как ты давал знать мне. Просто кивни головой, но Чейзу. Хорошо?

Малахия какое-то время смотрел ей в глаза, и Чейз решил, что это «да», а затем он посмотрел на Чейза.

Поэтому Чейз спросил:

— Хочешь огурец?

Голова Малахии слегка дернулась, его глаза вспыхнули, слава Богу, губы дрогнули, и он отрицательно покачал головой.

— Брокколи? — продолжил Чейз и услышал нежное, тихое хихиканье Фэй, но не отвел глаз от Малахии, который снова отрицательно покачал головой.

— «Твикс»? — продолжил Чейз, и Малахия сжал губы и кивнул. — Клубнику?

Еще один кивок, еще один взгляд, — мальчику нравилась клубника. Наконец, чуть тише, Чейз спросил:

— Ты читал «Лев, колдунья и платяной шкаф»?

Его губы приоткрылись, эта фигня понравилась ему намного больше, чем клубника, и он покачал головой.

— В твоём возрасте, приятель, это была моя любимая книга, — поделился Чейз. — Хочешь, чтобы Фэй прочла тебе ее?

Он прикусил губу, но кивнул.

— Я принесу ее, — пробормотал Чейз.

Малахия просто смотрел на него.

Чейз улыбнулся ему, затем посмотрел на Фэй и мягко спросил:

— Могу я поговорить с тобой минутку?

Она кивнула, повернулась к Малахии и встала со стула, но слегка склонилась над мальчиком.

— Я ненадолго, а потом вернусь, и мы сможем еще поговорить.

Он выдержал ее взгляд и кивнул.

Она осторожно потянулась и слегка коснулась его щеки, но прикосновение было мимолетным, ее профиль осветился ласковой улыбкой, и она прошептала:

— Скоро вернусь, милый.

Она отошла в сторону, Чейз обогнул кровать, соблюдая дистанцию и чувствуя на себе взгляд Малахии, поэтому поднял на прощание два пальца, подмигнул и вышел с Фэй. Он остановил ее у палаты, чтобы Малахия мог видеть ее через окно возле двери.

Она всматривалась в него, и Чейз знал, что ее мысли все еще занимал их телефонный разговор.

— Все в порядке? — спросила она.

— Отец нанес мне неожиданный визит, — поделился Чейз, увидев, как она слегка вздрогнула от удивления, ее брови сошлись вместе, и он приблизился к ней, слегка приобняв. Она подняла руки и легонько положила их ему на грудь. — Все в порядке.

— Зечем он к тебе приходил?

— А зачем он что-то делает? — уклонился Чейз. — В основном, чтобы повести себя как мудак.

— Твоя мама в порядке?

Он кивнул.

— С ней все хорошо. Она мне тоже звонила. Пригласила нас на ужин чрез три недели.

— Ладно, — нерешительно ответила она, все еще изучая его лицо.

— Все будет хорошо. Отца там не будет, — заверил он.

Продолжая его изучать, она не стала задавать ему лишних вопросов, лишь прошептала:

— Мне жаль, милый. Не знаю, что случилось, но знаю, что тебе неприятно было его видеть. Так что, мне жаль.

Чейз кивнул и сменил тему.

— Эти книги для него особенные. Советую поговорить с ним и поставить их там, где он хочет. Он, вероятно, захочет, чтобы их не трогали, так что, скажи это медсестрам.

Она кивнула.

— Стоит ли беспокоиться о том, что он не говорит? — спросил Чейз.

— Пока не знаю. Детский психолог побеседует с ним после обеда. По словам доктора, в этом нет ничего удивительного, учитывая, как он жил и в каком состоянии его нашли. От еды он не отказывается. Общается невербально. Он не взволнован. Если не считать того, что он не разговаривает, он, кажется, в хорошем настроении. Держится немного напряженно рядом с медсестрами, но они ведут себя осторожно, и он довольно легко успокаивается. Кажется, он не очень любит мужчин, так что дело не только в тебе. В палату заходил медбрат, и Малахии это не понравилось. Медбрат сразу это заметил и заверил меня, что больше не вернется.

Это говорило о многом, но Чейз не стал углубляться в детали.

— Узнаем больше после посещения психолога, — продолжила Фэй. — Но осмотр показал, что он не говорит не из-за физического дефекта. Что бы его ни сдерживало, причина психологическая.

Чейз кивнул и спросил:

— Новости от твоих родителей?

— Все хорошо. Дом осмотрели. Судя по всему, в прошлую субботу начались весенние курсы для приемных семей, поэтому маму и папу записали на них. Но к Малахии придут завтра. Днем папа работает, а мама работает на дому и может наблюдать за ребенком постоянно, что, по их словам, хорошо. Так что все в порядке.

Сайлас работал геологом в консалтинговой компании по охране окружающей среды в Шантеле. Сондра работала бухгалтером на полставки и вела учет для различных предприятий города, включая итальянский ресторан, цветочный магазин Холли и кофейню «Ла-ла Ленд». Она работала дома и была доступна для Малахии. Идеальный вариант.

— Ты захочешь быть там завтра, — предположил Чейз, и он знал это наверняка, потому что Фэй тут же кивнула.

— Я уже позвала волонтеров в библиотеку. Я ее открою, обсужу с ними обязанности и оставлю их двоих заниматься делами. Миссис Бэгли и раньше закрывала за меня. У нее есть ключи. С этим проблем не возникнет.

— Хорошо, — пробормотал Чейз, — я куплю для него книгу и еще кое-что, и завезу сюда после работы, но, дорогая, — он притянул ее чуть ближе и приблизился к ее лицу, — когда твоя мама придет, ты должна дать им время побыть наедине. Начни учить его доверять ей. Тебе не обязательно отсутствовать несколько часов, но он должен привыкать к ней без тебя. Договорились?

Она кивнула, но сделала это, сморщив носик. Она должна была это сделать и знала это, но ей не должно было это нравиться.

— Теперь с ним все в порядке, Фэй, — тихо напомнил Чейз. — У него есть семья. Еда. Пальцы рук и ног двигаются. Все книги, которые он хочет в той штуковине, которую купил

ему Сайлас. С ним все будет в порядке.

— Ага, — прошептала она, наклоняясь к нему, выражение ее лица прояснилось.

Он поцеловать ее в нос, а когда отстранился, пробормотал:

— Мне пора.

— Ладно.

— Если он даст понять, что хочет что-то еще, позвони мне, и я все привезу.

— Хорошо.

— Увидимся вечером.

Она улыбнулась и прошептала:

— Хорошо.

— Спим у тебя или у меня?

Выражение ее лица стало нежным, она прильнула к нему и спросила:

— А где хочешь ты?

Матрас у него был лучше. Но у нее были самые мягкие простыни, на которых он когда-либо спал в своей жизни. Сложный выбор.

Но ее дом был ближе к «Ла-Ла Ленду», а значит, у него было бы больше времени с ней в постели и в душе, прежде чем они отправятся за кофе.

— У тебя, — решил он.

— Хорошо, — выдохнула она, и это было так мило, что он наклонился и быстро поцеловал ее, скользнув языком внутрь, чтобы попробовать ее вкус, прежде чем прервать поцелуй и снова поцеловать, но на этот раз в лоб.

Через ее голову он увидел, как Малахия наблюдает за ними с больничной койки. И, черт возьми, Чейз бы и за миллион лет не подумал бы, что, наблюдая, как Чейз обнимает Фэй, шепчется с ней и целует, Малахия подарит ему то, что произошло дальше.

Но когда взгляд Чейза встретился со взглядом мальчика, он увидел легкую, нерешительную, но все же улыбку

Спасибо, бл*ть.

Чейз улыбнулся в ответ.

Затем сжал Фэй и посмотрел на нее. Она заглядывала через плечо Чейза в палату Малахии, и когда оглянулась на него, то ее губы приоткрылись, тоже нерешительно, но счастливо, сквозь них промелькнула частичка ее милого удивления, а затем Фэй широко улыбнулась.

Чейз улыбнулся в ответ, еще раз сжал ее и сказал:

— До скорого, Фэй.

— Пока, дорогой.

Он взглянул на Малахию, затем еще раз на улыбающуюся Фэй и ушел.

* * * * *

Чейз почувствовал, как Фэй легонько провела рукой по его боку, он моргнул и, как ни странно, увидел, что свет включен, а она повернулась лицом к нему.

Она читала. Так проходила большая часть вечеров, и ему это нравилось. Ему нравилось то, что в течение многих лет он видел ее, уткнувшуюся носом в книгу, а теперь она,

уткнувшись носом в книгу, лежала с ним в постели в одной из своих коротеньких ночнушек, достаточно близко, чтобы он мог дотронуться до нее. Годы, что он прожил, зная, что она будет его, годы, что он прожил, зная, что она никогда не будет его, он не думал об этом. О том, что будет лежать в постели с Фэй, пока она читает. Но это походило на подарок. Возможно, эта мысль потрясла его, но ему было все равно.

Ему это нравилось.

Но обычно она выключала свет и устраивалась поудобнее. И тогда Чейз притягивал ее к себе.

Сейчас же свет был включен, и она лежала лицом к нему, касаясь его бока.

Чейз обнял ее и притянул к себе.

Сонным голосом он спросил то, что и всегда:

— Закончила?

— Э-э... — она замялась, — да.

Ее нерешительность и перемена обычных обстоятельств заставили Чейза сосредоточиться на ней.

— Все хорошо?

Она прижалась к нему, беспокойно елозя ногами, и весь сон покинул Чейза, потому что она делала так и часто. Но обычно это происходило, когда он ласкал ее ртом и руками.

Она завелась.

Какого хрена?

— Фэй, — позвал он, и она закусила губу.

Затем прижалась к нему всем телом, уткнувшись лицом ему в шею, и прошептала:

— В моей книге была... ммм, — ее ноги двинулись к его ногам, и она закончила так тихо, что он едва ее услышал: — очень хорошая постельная сцена.

Чейз улыбнулся.

О, да, она завелась.

А теперь и он тоже.

— Закинь ногу мне на бедро, детка, — приказал он, и она тут же подчинилась.

Чейз мгновенно скользнул рукой по ее бедру к животу, вниз, между ног, затем поднял свою ногу выше, и накрыл ее киску ладонью.

Мокрая.

Должно быть, постельная сцена действительно хорошая, раз Фэй была полностью готова.

Он шевельнул пальцем, и ее бедра дернулись, а из горла вырвался тихий, гортанный, сексуальный звук.

Абсолютно готова.

Его член начал твердеть.

Затем ему кое-что пришло в голову.

— И много постельных сцен ты читаешь? — тихо спросил он.

— Эм... — таков был ее ответ.

Да, таких сцен она читала много.

Он активнее задвигал пальцем, и ее бедра начали двигаться вместе с ним.

Его член напрягся и начал пульсировать.

— Что ты делала до меня? — прошептал он ей в волосы.

Фэй прижалась грудью к его груди, глубже зарылась лицом ему в шею и уперлась

бедрами в его руку и бедро.

Но не ответила.

— Когда ты в таком состоянии, Фэй, — мягко подтолкнул он, — что ты делала до меня?

Ее бедра шевельнулись под его пальцем, и он услышал, как ее дыхание участилось.

Она по-прежнему молчала.

Его палец остановился, и он обхватил ее между ног.

Она захныкала, прижалась ближе и уперлась бедрами в его руку.

Феноменально.

— Фэй, — прорычал он.

— Игрушка, — быстро прошептала она, — Чейз, твой палец.

Но сознание Чейза захватили видения Фэй, ублажающей себя игрушкой.

Приятные видения.

Очень приятные.

— Где она? — спросил он низким, хриплым голосом.

Ее бедра продолжали толкаться, и теперь она с волнением ласкала его тело.

— Что? — спросила она.

— Твоя игрушка. Где она?

Она откинула голову и, черт возьми, да.

Как же она завелась. Великолепно.

— Зачем тебе? — прошептала она.

— Затем, что я собираюсь испробовать ее на тебе, — прошептал он.

— В тумбочке, — тут же ответила она, такая разгоряченная, такая милая, ей этого хотелось, и очень сильно.

Бл*ть. Невероятно.

Он наклонил голову и слился с ней в долгом, влажном, глубоком, диком поцелуе, после чего развернулся только корпусом, удерживая их положение, надеясь, что игрушка в тумбочке с его стороны.

Она была там.

Не мешкая, Чейз включил вибратор и коснулся им Фэй.

Как он и ожидал, она отреагировала бурно, но по-хорошему, глубоко вжавшись сиськами в его грудь, крепко держась за него, царапая ногтями его спину, ее лицо было мягким, губы приоткрыты, бедра дергались от вибраций игрушки.

А он смотрел.

Чертовски великолепное зрелище.

Когда она была близко, Чейз хриплым голосом спросил:

— Как они это делали?

— Чт... что? — выдохнула она, ее бедра дернулись.

Иисусе.

Как горячо.

— В твоей книге, детка, — подсказал он, и она попыталась сосредоточиться на нем, но безуспешно. Он сильнее прижал вибратор к клитору, перекаывая им по чувствительному бугорку, и прорычал: — Фэй.

— На четвереньках, — выдохнула она.

Иисусе.

Да, бл*ть.

— Хочешь также? — подтолкнул он.

Они никогда этого не делали. Фэй определенно могла принять его дикую сторону в сексе, но он все еще постепенно знакомил ее со всем.

— Да, пожалуйста, — выдохнула она, сдвинув бедра, откинув голову назад, приоткрыв губы и кончив.

Чейз не стал медлить, выключил игрушку, отбросил ее в сторону, перекатил ее на живот, затем приподнял ее бедра и принял правильное положение, слава богу, что теперь, оставаясь почитать перед сном, она уже не надевала трусики.

Он вошел в нее.

Он был очень возбужден, а она была такой скользкой и все еще пульсировала от оргазма, у него не займет много времени для собственного освобождения. Она только что кончила, но будучи Фэй, его Фэй, она могла быть дикой. Поэтому, когда он в нее вошел, она подняла одну руку, чтобы обхватить пальцами железную спинку кровати, и снова кончила. Ее голова откинулась назад, волосы разметались по спине, задница вздернулась к потолку, и она кончила сильно, с громким криком, ведя его за собой, и он с радостью за ней последовал.

Придя в себя, Чейз медленно, нежно двигался в ней, лаская ладонями сладкую попку, бедра, гладкую кожу спины, бока, ребра под ночной рубашкой. Затем он вышел, лег на ее сторону кровати и притянул ее на себя сверху. Накрыл их обоим одеялом и заключил Фэй в объятия.

Она дышала ему в шею, ее тело было таким расслабленным и довольным, что она опустила на него всем весом.

Он не возражал, потому что это ощущалось чертовски великолепно.

Наконец, она прошептала:

— Не понимаю.

— Чего, дорогая? — тихо спросил он.

— Я занимаюсь этим некоторое время, а ты все равно делаешь это лучше меня.

На секунду Чейз напрягся, снова думая о том, как Фэй прикасается к себе.

Потом его объятия вокруг нее сжались, и он расхохотался.

Успокоившись, он заметил, что ее голова плотно прижата к его шее, а тело больше не расслаблено, а сильно напряжено.

Веселье тут же пропало, он сжал ее и позвал:

— Фэй?

Она не ответила.

Его рука скользнула вверх по ее позвоночнику, пробираясь в волосы, и он снова позвал:

— Фэй, дорогая? Ты в порядке?

— Теперь ты знаешь, что у меня есть игрушка, — прошептала она.

Черт, она так сводила его с ума, что иногда он забывал, что все это для нее в новинку.

— У многих женщин есть игрушки, — тихо сказал он.

Она не ответила.

— В этом нет ничего постыдного, — продолжил он.

Она молчала.

Он попытался ее приподнять, но даже когда ей пришлось оторваться от его шеи, она избегала смотреть ему в глаза.

— Фэй, детка, посмотри на меня, — прошептал он, и ей потребовалось несколько

секунд, но она это сделала. Взглянув, наконец, ей в глаза, он напомнил: — Со мной ты не должна смущаться.

— Я... — начала она, но Чейз нежно потянул ее за волосы и приблизил ее лицо к своему.

— Это было горячо, — продолжил шептать он, и она прикусила губу. — Очень горячо. Ее глаза скользнули из стороны в сторону, прежде чем снова встретиться с ним, и она прошептала:

— Но я...

Он перевернул ее на спину, прижав к кровати и держа свое лицо близко к ее лицу, когда продолжил:

— Seriously, Фэй, дорогая, это... было... горячо. Я кончил через несколько минут после того, как проник в тебя, а ведь я занимался с тобой любовью перед тем, как заснуть. Я люблю заниматься с тобой любовью, детка, чертовски люблю. Но мы только что трахались, и я должен сказать, мне это тоже нравится. Мне нравится брать тебя нежно. Мне нравится брать тебя медленно. Мне нравится жестко тебя трахать. И мне нравится думать, что ты прикасаешься к себе. Мне нравится знать, что вся эта дикость дожидалась меня, а ты держала ее под контролем, заботясь о себе. Это тоже горячо. Невероятно горячо. Все в тебе горячо, дорогая. Тебе нечему смущаться, стыдиться или волноваться, потому что ты лучшее, что у меня когда-либо было. Ты вся. И все, что мы разделяем. Лучший поцелуй. Лучший оргазм. Лучшее занятие любовью. И, серьезно, лучший трах.

Когда он закончил, она смотрела на него широко распахнутыми глазами и недоверчиво прошептала:

— Правда?

— О, да, — с чувством прошептал он.

— Но... как такое может быть?

— Не знаю, как, просто... это ты.

— Это... это... я...

Он прижался к ней и твердо сказал:

— Фэй, это правда.

— Но... когда?

Он почувствовал, что хмурится, и спросил:

— Когда — что?

— Когда у тебя был, эм... ну, твой лучший оргазм?

— В наш с тобой первый раз.

Она моргнула. Мило, но и немного раздражающе, потому что он дал ей это понять тогда, показал ясно, так что она, бл*ть, должна была знать.

— Seriously? — спросил он.

— Seriously seriously? — с придыханием спросила она в ответ, что означало сомнение.

— Фэй, — начал он, — во-первых, других там не было, и ты кончила. Я никогда не был внутри такой тугой и мокрой женщины, что само по себе означало, что мне будет приятно, и мне действительно было охрененно приятно. Но кроме того, до меня никто не был в тебе. Ты была только моей. Я не брал этого. Ты дала это мне. Ты не могла не заметить, что это что-то для меня значило, так что, да, серьезно, кончить в тебя в первый раз, когда ты приняла меня, было лучшим оргазмом в моей жизни. — Он поколебался, затем твердо закончил: — На данный момент.

— Серьезно? — прошептала она, все еще сомневаясь, и теперь он рассердился.

— Да, Фэй, серьезно, — резко ответил он, и она уставилась на него.

Затем ее глаза наполнила влага.

Твою ж мать.

— Фэй, какого хрена? — потребовал он.

— Я... я... — пробормотала она, — я хочу быть хороша в этом. Для... для тебя, чтобы... продолжать тебе нравиться.

Он уставился на нее.

Затем рухнул сверху, потому что не мог удержаться от взрыва смеха.

Услышав ее сопение, Чейз, все еще смеясь, перевернул их так, что снова оказался на спине, а она на нем сверху. Продолжая посмеиваться, он убрал волосы с ее лица, пока она изучала его, он не мог толком прочесть ее выражение, но ему было плевать.

— Проклятье, — пробормотал он, все еще посмеиваясь, — это было чертовски смешно.

— Я серьезно, — прошептала она.

— Знаю, дорогая, поэтому это было так смешно.

Ее взгляд сменился на яростный, и он снова засмеялся.

Поэтому она рявкнула:

— Чейз!

Когда она сорвалась, он тоже сорвался. Обхватив ее голову обеими руками, он приблизил ее лицо на полдюйма к себе.

— Во-первых, — начал он смертельно серьезным тоном, потому что был чертовски серьезен, — я не лгу и не говорю того, что ты хочешь услышать. Повторю еще раз. Ты лучшее, что у меня когда-либо было. Не знаю, почему, да мне и все равно. Это просто правда, и я считаю, что причина в тебе. Во-вторых, и это гораздо более важно, ты не забиваешь свою голову подобной херней, не таишь свои заботы и страхи, а рассказываешь их мне. Ты не идешь со мной по жизни, будто все хорошо, когда изнутри тебя разъедает какое-нибудь дерьмо. Ты делишься им со мной, чтобы я помог тебе освободиться от него.

— Могу ли я ответить тебе тем же? — мгновенно спросила она.

— Чем? — уточнил Чейз.

— Ты глубоко прячешь то, что разъедает тебя. Поделишься ли ты этим со мной, чтобы я помогла тебе освободиться?

Бл*ть, как она все перевернула?

Бл*ть, он угодил прямо на крючок.

— Фэй... — начал он, и она откинула голову и приподнялась.

— Я понимаю. Ответ на этот вопрос — нет, — пробормотала она, но он перекатился вместе с ней, снова оказавшись сверху, и когда он обнял ее, то увидел, что теперь Фэй злится, но ей еще и больно.

Бл*ть.

— Дай мне время, — прошептал он.

— Дам, — прошептала она в ответ.

— Я все тебе расскажу, Фэй, обещаю, когда придет время, когда я смогу противостоять этому, когда наши отношения окрепнут, и ты сможешь противостоять этому, я все тебе расскажу.

Ее голова слегка дернулась, и она все еще шептала, когда неуверенно спросила:

— Ты меня не проверяешь?

Он моргнул и спросил в ответ:

— Что?

— Ты... что бы ни сидело... глубоко внутри тебя, если ты, э-э... не хочешь со мной общего... будущего, тогда ты бы не захотел...

Господи, он был чертовым идиотом.

Склонив голову, он прикоснулся губами к ее губам, заставляя замолчать.

Затем поднял голову на расстоянии дыхания, и мягко сказал:

— Фэй, я влюбляюсь в тебя.

Она держала его за бока, и он почувствовал, как ее пальцы впились в его ребра и увидел, как ее глаза округлились.

— Что?

— Ты слышала меня.

— Чейз...

— Я здесь, я — мужчина в твоей постели. Я хочу с тобой будущего, Фэй, и когда мы будем готовы, я поделюсь своим дерьмом, но оно настолько темное, что тебя поглотит мрак, и тебе захочется повести меня к свету. Но у тебя ничего не выйдет, потому что эта тьма так глубоко проникла в меня, что тебе не удастся освободить меня от нее.

Фэй, тяжело дыша, смотрела на него, а потом тихо сказала:

— Ничто в тебе не может быть таким темным, Чейз.

— Может и есть.

Она покачала головой.

— Я в это не верю.

— Ладно, продолжай не верить в это, но когда я поделюсь этим с тобой, ты не сможешь освободить меня.

— Оно не настолько темное, — тихо настаивала она.

— Это единственное предупреждение, которое ты получишь, Фэй, потому что сейчас ты хочешь дать мне пинок под зад, а я хочу, чтобы этой ночью ты спала рядом со мной, завтра я просто продолжу жить с этим дерьмом, но я тебе не лгу. Оно настолько темное, насколько это возможно. Темное и уродливое.

— Неправда.

— Правда.

— Нет, не правда, — подчеркнула она.

Чейз открыл было рот, чтобы возразить, но ее рука метнулась между ними, она прижала кончики пальцев к его губам и продолжила.

— Я объясню тебе, почему это знаю. Потому что ты бы не сказал мне того, что только что сказал. Ни мне. Ни кому-то еще. Не стал бы говорить, что я важна для тебя, чтобы потом причинить мне боль. Ты знаешь, что бы это ни было, я справлюсь. Потому что если бы ты этого не знал, не верил в это, тебя бы сейчас здесь не было. Ты не такой человек, Чейз, и мне все равно, что ты думаешь, я знаю, кто ты. Я не знаю, кем ты себя считаешь, но я знаю, кто ты есть. Я также знаю, что ничто из того, что ты мне скажешь, не заставит меня думать по-другому.

Господи, он, бл*ть, на это надеялся.

Она не закончила, но переместила пальцы от его губ к челюсти, прежде чем продолжить.

— Я рада, что нравлюсь тебе. Рада узнать, что ты не делишься со мной не потому, что

проверяешь меня, а по той причине, которую ты мне привел, хотя я все равно считаю ее безумной, ну да пусть. Не торопись. Даже после, я все еще буду здесь. И я рада, что я выглядела для тебя горячо. Потому что я читала много любовных романов, и моя игрушка часто э-э... ну, работала до тебя, так что теперь... ты тоже будешь часто... работать.

Чейз Китон смотрел на Фэй Гуднайт, на ее голову, покоящуюся на ее подушках, на ее тело под ним, и задавался вопросом, как, черт возьми, шесть лет страданий привели его к такой надежде, как она.

Он хотел ее годами, не имея ни малейшего представления о том, как много от нее можно получить, как глубоко будут чувства или насколько это будет сладко.

— А теперь, — продолжила она, отвлекая его от мыслей, — мне нужно привести себя в порядок и немного поспать. Завтра Малахию выписывают, и мне нужно быть во всеоружии. И можешь быть спокоен, я не собираюсь давать тебе пинка под зад. Скажу прямо, у меня есть характер, так что не обещаю, что однажды ты не будешь спать на диване. Я знаю это, потому что папа иногда там спал, а я очень похожа на свою маму. Но я никогда не дам тебе пинка под зад. И еще одно: я тоже в тебя влюбляюсь. Но ты уже это знаешь, поскольку в курсе, что я люблю тебя вот уже тринадцать лет. Я просто рада, наконец, узнать, что мой выбор действительно охрененно хороший.

Его сердце колотилось в груди, дыхание перехватило, Чейз стремительно взял в ладони ее лицо, удерживая неподвижно, и хрипло прошептал:

— Не говори такого дерьма, если это не серьезно.

Она тоже обхватила его лицо и прошептала в ответ:

— Я бы так не поступила. Ты это знаешь. Я ждала героя, и мне плевать, если ты себя таковым не считаешь. Я знаю, что ты герой, и даже если весь город подумает иначе, для меня ты герой, можешь так и записать.

Бл*ть.

Милая.

Сладкая.

Его.

Стеснение в груди исчезло, и Чейз спросил:

— Могу записать? — его голос внезапно зазвучал весело, и ее глаза сузились.

— Не дразни меня, когда я говорю серьезно и у нас важный разговор.

— Извини, детка, ты только что сказала, что я могу что-то записать. Такого дерьма никто не говорит, кроме копов в полицейских сериалах 70-х. Ты так говоришь, я должен тебя поддразнить. У меня нет другого выбора.

Закончив пристально смотреть на него, Фэй перешла на командный тон.

— Слезь с меня. Я протекаю, и я не люблю спать на мокром.

— Когда тебе приходилось спать на мокром? — выпалил он в ответ.

— Ну... никогда, — ответила она. — Но я не хочу начинать.

Милая.

Сладкая.

Его.

Иисусе.

Он наклонился и коснулся ее губ.

Отстранившись, тихо прошептал:

— Ладно, иди в ванную.

Она поерзала под ним, бормоча:

— Хорошо.

Но когда она двинулась, Чейз обвил ее за талию, удержав, и Фэй вновь посмотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — предупредил он мягко. — И почему ты так думаешь, но ты только что приняла решение, поэтому, когда ты услышишь все от меня, дорогая, и решишь сбежать, знай: я тебя не отпущу.

— Меня это устраивает, — тут же ответила она, приподнялась, коснулась его губ поцелуем и выкатилась из-под него.

Когда она встала с кровати и направилась в ванную, подол короткой шелковой ночнушки шоколадного цвета соскользнул ей на попку. Чейз наблюдал за этим, за движением плоти под тканью, пока Фэй не исчезла из вида.

Он перекатился на спину, ее игрушка впилась ему в поясницу, поэтому он взял ее и положил на тумбочку. После снова улегся на спину, но на этот раз закрыл лицо ладонями, прижимая подушечки пальцев ко лбу и глубоко вдохнул.

Он надеялся всем своим существом, что Фэй не солгала.

Он надеялся, что то, что она прочла в нем, было правдой. Не то чтобы он был тем, кем она его считала, потому что это было не так.

Но он надеялся, что она сможет принять его внутреннюю тьму, не вырвавшись от него и не побежав к свету, оставив Чейза в чернильной мгле.

Он опустил руки, почувствовав, что Фэй возвращается, и увидел, как она пересекла комнату и выключила свет, прежде чем забраться в постель.

В тот момент, когда Фэй накрылась одеялом, он притянул ее к себе лицом к лицу.

Она закинула ногу ему на бедро и прижалась теснее.

— Фэй? — позвал он.

— Да, — тихо откликнулась она.

— Ни за что, как бы ты ни злилась, я не буду спать на диване.

— Посмотрим, — ответила она, по-прежнему тихо.

— Нет. Все проблемы мы решаем перед сном, иначе тебе просто придется с этим смириться. Ты не спишь без меня. — Он сделал паузу, а затем добавил: — Никогда.

— Как скажешь, — пробормотала она, прижимаясь ближе.

Это означало, что она закончила разговор.

Это также означало, что она сдалась.

Опять же, она всегда так делала, когда это было важно.

Он притянул ее еще ближе, зная одно.

Он больше не влюблялся в Фэй Гуднайт.

Он не был на полпути.

Он дошел до конца.

Глава 15

Картошка

Заперев библиотеку, я спустилась по лестнице и направилась домой.

Была среда. С тех пор, как Малахию выписали из больницы, прошла неделя и один день.

Как и всегда, с момента появления Чейза в моей жизни, ни дня не обходилось без происшествий. Даже ни на йоту. В эти насыщенные событиями дни все были заняты.

Малахия на удивление относительно хорошо прижился у моих родителей. По началу, у него возникали некоторые проблемы с папой, и в первый вечер, когда я собралась уходить, он очень сильно разнервничался, поэтому я не хотела покидать его. Но Чейз и папа отвели меня в сторонку и сказали то, что мой разум понимал, но мне это очень не нравилось. Дело в том, что я оказывала ребенку плохую услугу, находясь с ним рядом, когда ему нужно было привыкать к новому окружению. Поэтому я ушла с Чейзом. И это мне тоже не нравилось.

Чейз отвез меня домой, налил вина, растянулся на диване и стал смотреть какую-то игру. Уголки его губ чуть подрагивали, потому что я ходила взад-вперед и нервничала, что он считал забавным. Спустя час после возвращения домой я позвонила родителям, но папа сказал, что мама читает Малахию «Лев, колдунья и платяной шкаф», и все в порядке.

Малахии потребовалось два дня, чтобы поладить с моим папой.

И настанут выходные, прежде чем он подпустит к себе Чейза.

Это случилось в субботу, когда родители были у Лизы и Бойда на официальной вечеринке по случаю девятого дня рождения Джарота. Мы решили, что Малахию еще слишком рано знакомить с Джаротом и Робби, не говоря уже о других детях, поэтому мама, папа, Чейз и я по очереди присматривали за Малахией и ходили на вечеринку Джарота.

Днем я снова позвала присмотреть за библиотекой волонтера, и нам с Чейзом выпало первое дежурство. Сначала на праздник ушли родители, а потом мы.

К этому времени синяки на лице Малахии уже прошли, он очень хорошо передвигался, бинты с рук сняли, потому что папа сказал: «Им нужен воздух». Это не означало, что мама не пичкала их неоспорно три раза в день. Раны очень хорошо заживали, и через пару дней у мальчика не было проблем с тем, чтобы держать Kindle, купленный ему моим отцом, даже с одной рукой на перевязи.

Малахии нравилось читать. Мама загрузила ему целую кучу книг, и он всегда сидел в кресле или на диване, не сводя глаз с экрана, но нажимая пальцами на кнопки, проверяя свои способности. Пару раз он ошибался, и нам с мамой приходилось разбираться с проблемой, но Малахия многому научился, и к выходным знал, как работает электронная читалка, больше, чем я знала о своем Nook.

Чейз отметил его увлеченность, поэтому утром в субботу, когда я была на работе, съездил в магазин и купил Малахии портативную Nintendo и несколько игр.

Хотя Малахия больше не волновался из-за Чейза, он все же держался с ним сдержанно. Поэтому, когда мы пришли к моим родителям, и я отдала ему игрушку, то сказала, что ее купил Чейз. Затем, мало что понимая, стала возиться с ней, показывая, как ей пользоваться.

Очевидно, и к счастью, я возилась слишком долго. Малахия потерял терпение, аккуратно вытащил игрушку из моих рук и осторожно подошел к Чейзу, протягивая ее ему.

Я постаралась не заплакать, когда Чейз, не говоря ни слова и не придавая этому большого значения, присел рядом с ребенком и стал объяснять, как вставлять игровой

картридж и играть, в то время как Малахия стоял рядом, склонив голову и внимательно наблюдая. Затем Чейз передал ему Nintendo, и он ее взял! Да так и остался рядом с Чейзом, неуверенно двигая большими пальцами по кнопкам.

Это... было... потрясающе!

Чейз понаблюдал за тем, как Малахия пробует играть, затем медленно выпрямился, подвел мальчика к креслу и усадил туда, при этом голова Малахии все время была склонена к игре. От этой сцены я глубоко вздохнула.

Но самое интересное случилось только когда Чейз начал отходить. Малахия издал горловой звук, ударил локтем по подлокотнику кресла, так что Чейз тихо спросил:

— Что такое, приятель?

Ребенок дважды ударил локтем о подлокотник, не сводя глаз с Чейза, и их зрительный контакт не прерывался, пока Чейз не уселся на подлокотник кресла, а Малахия снова не склонил голову к игре. Иногда он поднимал голову и указывал на что-то, и тогда Чейз объяснял ему, что нужно делать. Но он не отпускал от себя Чейза. А Чейз отнесся к этому с большим терпением, потому что сидеть и смотреть, как ребенок играет в видеоигру, вероятно, не приносило тонну веселья, и все же Чейз не ушел и вел себя так, будто мог просидеть так вечность.

Это тоже было потрясающе, мое сердце растаяло, и я не знала, что с этим делать, поэтому просто наслаждалась ощущениями, и, скажем так, они были великолепны.

Через полчаса Малахия вошел на кухню, где мы с Чейзом сидели за столом. Nintendo был по-прежнему с ним, но еще и другая игра, и он передал все Чейзу.

Затем он снова встал близко к Чейзу, пока тот менял игру и показывал, что делать.

И он так и остался стоять, прильнув к Чейзу, большие пальцы двигались по игрушке, голова наклонена, а мы с Чейзом возобновили разговор. Я широко улыбалась, а Чейз часто качал головой, уголки его губ были приподняты, как в случаях, когда он считал, что я делаю что-то милое.

В конце концов, когда мама и папа вернулись домой, я старалась держать себя в руках и отправиться к Лизе и Бойду.

Но полчаса спустя моя эйфория вернулась с размахом, когда мы с Чейзом вошли в дом Лайзы и Бойда, и Джарот с Робби бросились к Чейзу. Оба схватили его за руки и потащили за собой, а Джарот крикнул компании своих друзей:

— Это мой новый дядя Чейз, и он полицейский!

Так началась демонстрация полицейского значка. Это привело к тому, что Чейза каким-то образом обвели вокруг пальца, и он начал катать детей на своей спине. А это каким-то образом переросло в борьбу на полу с кучкой девятилетних, почти девятилетних друзей Джарота, и трех шестилетних друзей Робби. В основном, все, что я могла видеть, — это мелькание в воздухе рук и ног.

— Ладно, — прошептала Лиза мне на ухо, вставая рядом, и я оторвалась от созерцания Чейза под кучкой детей. — Я понимаю. Он горячий. Горячий в том смысле, что женщина простила бы ему много мудацких поступков. Но быть таким горячим без мудацких поступков — это просто чудо. Так что я понимаю, почему ты отдалась ему, сестренка. — Мои глаза вернулись к ней, и она ухмылялась, как безумная, когда закончила, подчеркнув: — Абсолютно понимаю.

Я оглянулась на Чейза, который сумел выбраться из-под детей и встал. Но у него на спине болтался хихикающий Робби, обнимая Чейза за шею, а Джарот был зажат под

мышкой, крича сквозь смех:

— Я стану копом, как дядя Чейз, и арестую кучу плохих людей!

Внутри меня разлилось тепло, сердце сильно забилося, и я прошептала:

— Надеюсь, у нас будут все мальчики.

— О, нет, — прошептала в ответ Лиза. — Такому мужчине ты должна подарить принцессу.

Эта мысль согрела еще сильнее, а сердце подпрыгнуло, а затем упало, и мой взгляд обратился к сестре.

— Принцессу, — выдохнула я.

— Еще одну, — ласково сказала она, затем потянула за прядь моих волос. — Одна у него уже есть.

Боже, серьезно, я так любила свою старшую сестру.

Я ухмыльнулась.

Она улыбнулась в ответ.

Той ночью я узнала, что целый час в роли личной игрушки для моих племянников, не повлиял на выносливость Чейза.

Это был отличный урок.

Сейчас я направлялась по Мейн-стрит, мысленно возвращаясь к Малахии, который еще не сказал ни слова.

Детский психолог, навестившая его в больнице, сказала, что в этом нет ничего необычного, и нам не следует слишком беспокоиться. Ясно, что мальчик перенес многочисленные травмы и у него имелись серьезные проблемы с доверием. Обеспечив ему надежность и заботу, мы заставим его чувствовать себя в безопасности, и это постепенно подтолкнет его к выражению себя так, как ему будет удобно, а непрерывное общение с ним в устной форме, в конечном итоге сломает все преграды, и он снова заговорит. Психолог предупредила, что пока стоит воздержаться от расспросов о том, что его привело в убежище или от кого или чего он скрывался. Ему нужно показать, что он в безопасности и может доверять окружающим. Только после этого и в ее присутствии, ему можно будет задавать вопросы.

Но это также означало, что психолог хотела регулярно встречаться с Малахией, и мама водила его в больницу по расписанию два раза в неделю. Никаких прорывов не наблюдалось, и Чейз постоянно напоминал мне, что все, происходившее с Малахией, тянулось какое-то время, поэтому мы не могли ожидать, что через несколько дней или даже недель он вернется к нормальному поведению маленького мальчика. Чейз призывал меня набраться терпения и подождать.

Это мне тоже не нравилось, но другого выбора не было. Нельзя сказать, что Малахия не приспособивался. Теперь он спокойно оставался со мной, мамой, папой и Чейзом. Он не говорил, но улыбкой, прикосновением или чем-то другим находил способы выразить то, что ему хотелось сказать.

Поэтому я ждала и терпела.

Психолог также отметила, что его навыки социализации не были развиты, и указала на очевидное, что сейчас не самое подходящее время для записи Малахии в школу. Поэтому мама нашла в Интернете информацию о домашнем обучении и пошла в школу, чтобы поговорить с учителями. Она также сидела с Малахией и обнаружила то, что мы уже знали. Скорость его чтения зашкаливала, и он знал числа, имел некоторые базовые математические

навыки, другими словами, знал, как складывать маленькие числа. Но на этом все.

Так что, мама принялась объяснять ему некоторые уроки, не показывая, что делает на самом деле, к примеру, спрашивала, сколько картофеля он съел и сколько у него осталось. Также она обеспечила его принадлежностями для творчества, давала краски, цветные карандаши и бумагу и сажала мальчика с ними за кухонный стол, пока готовила. Полноценную программу домашнего обучения она начнет, как только они с папой и психолог почувствуют, что он готов к восприятию учительской оценки.

Единственная поражающая и тревожная деталь в отношении Малахии — по словам мамы и папы, он, похоже, никогда не видел телевизора. Так как в больнице у него была компания, которая читала ему, у нас не было возможности включать телевизор в палате.

Когда папа включил дома телевизор, Малахий испугался.

Точно также он отреагировал на телефоны и радио.

Узнав об этом, Чейз очень сильно стиснул челюсть. Вместе с Деком и своими братьями по оружию он все пытался выяснить, почему Малахия был таким и что с ним случилось. В тот вечер, когда был найден Малахия, я поняла, что Чейз не собирался делиться со мной всеми деталями, но только потому, что защищал меня. Сейчас столько всего происходило, — с Малахией, с нами, со всем вокруг — что я решила оставить Чейза в покое.

На какое-то время.

Вскоре он узнает, что я не хрупкая лань, которую он должен защищать. Или, по крайней мере, я надеялась, что это будет скоро.

Другими словами, с Малахией все было относительно хорошо. Каждую ночь он лежал в постели сытый, у него было столько книг, сколько душе угодно, видеоигра, в которую он постоянно играл, и он больше не боялся телевизоров, телефонов или радио. Его окружали люди, которым он доверял. Он часто улыбался, и мы даже слышали его смех. По словам доктора, с его руками и ногой все будет в порядке, никакой потери подвижности, и я должна была верить, что с тем, как он приспособился к новым условиям, в конечном итоге, с ним все будет хорошо.

У Малахии также были тонны одежды и обуви, а у мамы, папы, Чейза и меня — толстый конверт, набитый чеками и наличными.

Все потому, что я рассказала о Малахии Солнышку и Шамблсу, не говоря уже с полицейских, побывавших в том сарае, они пустили молву о Малахии по всему Карнэлу.

Существовала причина, по которой я любила свой городок, и эта причина стала очевидной, когда многие узнали о нашем мальчике.

Все, кого я знала, — Лекси и Тай, Лорен и Тейт, Бабба и Кристал, Твайла, Солнышко и Шамблс, Вуд и Мэгги — и еще куча незнакомых людей, приходили в библиотеку или в полицейский участок и приносили Чейзу или мне одежду, обувь, ремни, головные уборы, носки, нижнее белье, пижамы, куртки, бейсбольные перчатки, игровые картриджи Nintendo, книги, что угодно... и деньги. Деньги на оплату больничных счетов, деньги в помощь маме и папе, и суммы были не маленькие. За несколько дней у нас набралось более пяти тысяч долларов. С сегодняшним чеком миссис Бэгли сумма перевалила за десять тысяч.

Карнэл заботился о Малахии, и откуда бы он ни пришел, его считали одним из своих. Услышав о нем, горожане помогали всем, чем могли. Кто-то делился немногим, что у них было. Другие делали грандиозные жесты.

Но все они были прекрасны.

Я размышляла над этим, когда поднималась по лестнице в свою квартиру, зная, что

Чейз там. Сегодня был первый вечер с момента выписки Малахии из больницы, когда мы не поехали к маме и папе. Так наказал Чейз. Этот вечер был только наш. Время уединения. Только Чейз и я.

В воскресенье, после вечеринки Джаро, мы сделали следующий шаг в наших отношениях. Чейз дал мне ключ от своего дома и ключ от гаражных ворот. Я дала ему ключ от своей квартиры. Мы проводили время на работе, — у мамы и папы с Малахией, занимаясь своими повседневными делами, Чейз, к примеру, ездил в бассейн в Шантел, я ходила в спортзал, — а день заканчивали в одной из наших кроватей. Но каким бы ни выдался день, мы всегда заканчивали его вместе.

Хотя Чейз еще не поделился своими темными секретами, теперь я узнала его еще лучше: как он относился к Малахии и моим племянникам, как легко общался с моими родителями, как заботился обо мне. Так что, какие бы секреты он ни скрывал, они меня не смутят.

Я была влюблена. Не в образ. Не в мечту. А в хорошего человека, которого не отпускали демоны прошлого, но который с уважением относился к моим родителям, с добротой и великодушием к едва знакомым мальчикам, а ко мне, как к бесценной драгоценности.

Зная, что он у меня дома готовит запеченную картошку к стейкам на гриле, я не стала возиться с ключом. Повернув ручку, я, ухмыляясь про себя, вошла в квартиру, с нетерпением ожидая вечера, посвященного только нам, и не имея ни малейшей подсказки, что познакомлюсь с совсем незнакомым Чейзом.

Закрыв дверь, я увидела, как Чейз стоит у моего компьютера, уперев руки в бедра, и выглядя сексуально.

Я начала улыбаться, но когда Чейз заговорил, улыбка исчезла, сменившись замешательством.

— У меня есть девушка?

Я склонила голову набок.

— Что?

— У меня есть девушка, — и что-то в том, как он это сказал, в его тоне, выражении лица, позе, заставило меня напрячься.

— Э-э... — замаялась я, когда он больше ничего не сказал, — думаю, что есть. Раз это я.

Он кивнул на мой компьютер, и сказанное им дальше, заставило меня понять, что я напряглась недостаточно.

— Твои друзья Бенджи и Серенити думают о ком-то другом.

О, нет.

Ох, frak!

Я совсем забыла. Была так занята, проводила столько времени с Чейзом, у родителей, что уже несколько недель не разговаривала со своими друзьями.

Я отправила несколько электронных писем с краткими новостями и напоминанием, чтобы они отступили от своих расследований.

Но не рассказала им о Чейзе отчасти потому, что у меня не было времени на подробные объяснения. Но также отчасти потому, что хотела держать эту новость при себе, пока не удостоверюсь, что наши отношения продлятся, что они реальны, а потом уже рассказать обо всем им. Мне еще предстояло признаться о своей лжи о выдуманной девушке Чейза. И когда они узнают об этом, то рассердятся, что я солгала им, но будут на седьмом небе от того, что Чейз со мной. И я не хотела, чтобы они радовались заранее, пока мои мечты, которыми я

делилась с ними годами, не станут реальностью.

И вот снова. Вранье всегда, всегда влекло за собой неприятности.

— К... как...? — начала я, но Чейз прервал меня.

— Хотел посмотреть время игры, но как только ублюдок загрузился, повыскакивали экраны. Они сходят с ума, детка. Безумно. Ты не выходишь на связь, но не объясняешь, почему. А у них есть, что тебе рассказать, — он подался ко мне, и то, как он это сделал, заставило меня слегка отступить, хотя Чейз стоял в десяти футах от меня, — об Элите.

О-оу.

— Чейз... — прошептала я, но больше ничего не сказала, потому что он потерял голову.

Я поняла это, потому что он взревел... да... на самом деле... взревел:

— Ты, бл*ть, совсем рехнулась?

Мое сердце дико заколотилось о грудную клетку.

— Чейз...

— Снимай свое гребаное пальто и отойди от двери, — прорычал он, и моя голова дернулась.

— Чт... что?

— Снимай...

Он сделал шаг ко мне, и я отступила назад.

— Свое...

Он сделал еще шаг, и я тоже.

— Гребаное...

Еще шаг — мой и его.

— Пальто.

— Зачем? — прошептала я и продолжила отступать, когда он добрался до двери и остановился.

С зачарованным ужасом я наблюдала, как он щелкнул замком и надел цепочку, а затем повернулся ко мне.

— Сделай это, Фэй.

— Ты меня пугаешь, — тихо сказала я.

— Да? — спросил он, резко склонив голову набок. — Хорошо, — рявкнул он.

— Это нехорошо, — прошептала я.

— О нет, дорогая, это хорошо, — прошептал он в ответ. — Сейчас ты должна меня бояться. Потому что я дико зол. И я дико зол, потому что ты со своей бандой изгоев делаете нечто настолько ох*енно глупое, что я даже не могу тебе объяснить, насколько это глупо. И причина этой глупости в том, что она опасна.

— Чейз, это...

Он прервал меня, выпалив:

— Это — что?

— Мы... — попыталась я снова, но он опять прервал меня, прежде чем я успела произнести хоть пару слов.

— Вы — что?

— Пожалуйста, позволь мне договорить.

Он не позволил.

Наклонившись вперед, он прогремел:

— Мисти умерла из-за этих мудаков.

— Я знаю, — прошептала я.

— Значит, после ее смерти, ты и двое твоих приятелей подумали, что было бы разумно поиграть с огнем? Иисусе, Фэй, как, твою мать, ты могла быть такой охеренно тупой?

— Я сказала им отступить, — спокойно возразила я.

— А они этого не сделали, — парировал он. — У них есть имена, Фэй, у них есть много имен, и всего этого у них быть не должно. Они не должны этого знать. Этих двоих я не знаю, но я знаю тебя.

Он ткнул в меня пальцем.

— И ты мне нравишься. Моя жена мне ох*енно не нравилась, но я все равно не хотел, чтобы она в ужасе стояла на коленях, пока ее насильно трахали в рот, а потом пристрелили. И если подобное дерьмо случится с тобой, — он снова ткнул в меня пальцем, шагнув вперед и нависнув надо мной, — я... бл*ть... сойду... с ума!

Но я не могла пошевелиться, так что потребовалось много усилий, чтобы выдавить из себя:

— Что?

— Да, дорогая, — процедил он. — Сперма у нее на лице, в желудке. Никто об этом не знает, кроме кучки копов, по большей части, продажных, и меня, ее гребаного мужа. Последнее, что сделала Мисти на этой земле, — это минет, да и тот не по своей воле. Прежде чем этот падла лишил ее жизни, он трахнул ее в гребаный рот.

Я начала дрожать, глядя на него и пытаюсь переварить весь этот ужас.

— Поэтому ты была там в ту ночь, когда мы встретились? — спросил он, и, когда я, дрожа, ошарашенная этим новым знанием, тупо уставилась на него, рывкнул: — Отвечай!

Я подпрыгнула и прошептала:

— Д-да.

— Иисусе гребаный Христос! — заорал он.

Повернувшись, он схватил с комода флакон духов и страшным, мощным броском швырнул его через всю комнату, разбив о кирпичную стену на противоположном конце квартиры.

Я вслепую быстро отступила по диагонали, и врезалась боком в кухонную стойку. Мое тело зарегистрировало боль, и я остановилась.

Горящий яростью взгляд снова метнулся ко мне, и Чейз выпалил:

— Этот мир, Фэй, тот, в котором ты на самом деле живешь, — не фантазия.

— Я... я знаю, — тихо сказала я.

— Плохое дерьмо случается.

— Я знаю, — повторила я.

— Долго и счастливо не гарантировано никому.

— Чейз...

— Ты можешь быть собой, хорошей, милой, доброй, щедрой, любящей, и тебя все равно изнасилуют в рот и изрешетят пулями, и ни один герой не придет и не спасет тебя от этого дерьма, потому что ты, мать твою, будешь мертва.

— П-пожалуйста, Чейз, успокойся, и позволь мне объяснить.

— Этому гребаному дерьму нет объяснения, Фэй, — отрезал он, и я уставилась на него.

Затем расправила плечи и прошептала:

— Есть.

Он изучал меня с секунду, а потом раскинул руки в стороны и саркастически

предложил:

— Просвети меня.

— Я делала это ради тебя, — нежно сказала я, и он покачал головой и направился ко мне, но я не сдвинулась с места.

— Неправильный ответ, — прорычал он.

— Смерть Мисти повлияла на тебя. Я видела, как ты расстроен, и я, ну, я была влюблена в тебя...

Я замолчала, потому что он внезапно бросился ко мне, и, прежде чем я успела это осознать, Чейз обеими ладонями держал мою голову по бокам, и все, что я могла видеть, — это его лицо.

— Замолчи, — прошептал он.

Я не замолчала.

Шепотом я продолжила:

— Мне не нравилось видеть, как ты страдаешь.

Его хватка сжалась, и он низко пророкотал:

— Замолчи, Фэй.

Я не замолчала.

Я продолжила говорить.

— Я хотела, чтобы это прекратилось.

— Замолчи.

— Хотела, чтобы это прекратилось. Хотела освободить тебя.

Его лицо приблизилось, и он прорычал:

— Замолчи.

Я снова не замолчала.

Я отдала ему всю себя.

— Я хотела, чтобы ты меня заметил.

Чейз притянул меня за голову к себе, затем так крепко обнял одной рукой, что я не могла вдохнуть, другой рукой он обхватил мою голову, прижимая щекой к своей груди, и рявкнул:

— Будь я проклят.

Я вцепилась в его свитер по бокам и продолжила, но слова вышли на задыхающемся хрипе.

— Это был глупый поступок. Поэтому, когда Бенджи и Серенити начали разрабатывать план, я попыталась их остановить...

Чейз сильнее прижал мою голову к своей груди, но рука вокруг меня немного ослабла, слова, произнесенные гортанным голосом, казалось, вырывались из него, оставляя после себя раны:

— Фэй, серьезно, заткнись.

Я заткнулась.

Он прижимал меня к себе, а я держалась за его свитер, такое ощущение, что несколько дней, потом почувствовала движение его головы, и моей макушки коснулись губы.

— Черт меня дери, что мне с тобой делать? Даже когда я был не с тобой, ты пыталась вернуть меня обратно, — пробормотал он мне в волосы, этот вопрос не был адресован мне, поэтому я решила не отвечать.

Рука Чейза скользнула к моей челюсти, он запрокинул мою голову, и я нерешительно

посмотрела ему в глаза, с облегчением увидев, что он больше не злится, но явное беспокойство никуда не делось.

— Ты облажалась, Фэй.

Я прикусила нижнюю губу, отпустила ее и прошептала:

— Полагаю, я это поняла.

— Сейчас не время быть милой, — предупредил он.

Я сжала губы.

Чейз закрыл глаза и втянул воздух через нос.

Затем открыл глаза и тихо приказал:

— Садись за компьютер и уговаривай тех двоих. Мне плевать, как ты это сделаешь. Возьми с них обещания. Заставь поклясться всей гиковской херней, которую вы считаете священной, что они больше ничего не предпримут. Если придется, скажи им, что я выслежу и арестую их задницы за любую ерунду, которую смогу выдумать — от незаконного прослушивания телефонных разговоров до взлома. И будем надеяться, что их не засекли. И еще сильнее будем надеяться, что не засекли тебя. Потому что это дерьмо случилось с Мисти, когда они знали, чье кольцо она носила на пальце, и хочу я этого или нет, но это съедает меня заживо каждый гребаный день. И если это дерьмо случится с тобой, оно убьет меня, но не раньше, чем я выслежу того, кто сделает это с тобой, и удостоверюсь, что он мертв. Я не шучу, даже ни чуточки. Так что сейчас же садись за компьютер, детка, и разберись с их задницами.

Осторожно, с бешено колотящимся сердцем, хотя оно и болело за Чейза и Мисти, я спросила:

— С Мисти действительно случилось такое?

— Время вопросов и ответов наступит после того, как ты разберешься с этими двумя. Не сейчас. Иди, Фэй, и не заставляй меня повторять тебе снова.

Можно сказать, он был в высшей степени властным, что мне не понравилось.

И все же.

Это съедает меня заживо каждый гребаный день.

Фрак.

Мисти.

Поэтому вместо того, чтобы поделиться с ним, что мне не понравилась его чрезмерная властность, я прошептала:

— Хорошо.

Я отпустила его свитер, Чейз отпустил меня, и я поспешила пересечь свою квартиру, на ходу снимая пальто.

Бросив его на кресло, я уселась за компьютер.

На экране Бенджи, либо Серенити, запустили чат, и последнее, что высвечивалось снова и снова — Фэй, ты там?

Я прокрутила ленту сообщений вверх и увидела, что Чейз вступил в разговор, выдав себя за меня, что было не круто, но решила поделиться своими мыслями по этому поводу, когда он перестанет злиться.

Сделав глубокий вдох, я коснулась пальцами клавиатуры.

Я: Вообще-то, ребята, до этого вы переписывались с Чейзом. Теперь с Фэй.

Серенити: Что?!?!?

Бенджи: Что за фигня?!?!?

Печатая нерешительно (да, печатать можно нерешительно), я объяснила:

Я: Мы с Чейзом, вроде как, вместе.

И снова.

Серенити: Что?!?!?

Бенджи: Что за фигня?!?!?

О, боже. Ну, поехали.

Я: Вообще-то, мы с Чейзом более чем вместе. Мы СЕРЬЕЗНО вместе. И теперь он курсе наших дел, так как был здесь и включил компьютер. Появились ваши чаты. Он присоединился к ним, сделав вид, что это я. Вы проболтались, и он немного раздражен.

На этом преуменьшении я закончила.

Бенджи: Ты, должно быть, шутишь!!!

Серенити: О, МОЙ БОГ! Какого хрена?!?!

Объясняя свою ложь (я надеялась), я напечатала кучу всего. О том, что мы с Чейзом встречаемся. Рассказала им о Малахии и обо всем, что произошло. Наконец-то объяснила, почему Чейз раздражен, включая страшную, тревожную, душераздирающую новую информацию о Мисти, но умолчала о том, что Чейз ужасно разозлился. Хотя я и не опускала слишком много в надежде, что они поймут и, наконец, отступят.

Я: Итак, подводя итог, кажется, мне может угрожать опасность. Чейзу это не очень нравится, так что вы должны остановиться, иначе он вас арестует или отправится на охоту за убийцей, который меня изнасилует. И если таков мой возможный конец, очевидно, я прошу вашей помощи не допустить этого и отступить.

Серенити: Как-то не круто, что он выдавал себя за тебя.

Я: Я поговорю с ним об этом позже, после того как заверю, что не окажусь изрешеченной пулями в канаве из-за нашего глупого поведения.

Бенджи: НЕ ВЕРИТСЯ, что вы ВМЕСТЕ!

Я: И мне тоже.

Бенджи: Это хорошо?

Как на такое ответить?

Я: По шкале от одного до десяти, где десять — так хорошо, как я и надеялась, это примерно семь тысяч шестьсот двадцать три.

Серенити: Вау. Очуметь.

Бенджи: НЕРЕАЛЬНО КРУТО!!!!

Я: И раз я теперь с мужчиной, в которого влюблена целую вечность, и это настолько хорошо, я бы хотела, чтобы так и оставалось, БЕЗ того, чтобы он злился на меня. Вы можете мне с этим?

Бенджи ответил мгновенно: Без проблем.

Серенити молчала.

Я: Серенити?

Серенити: Мы близко.

Я: Может, и близко, а может и нет, а, может, мы близки к моей безвременной кончине, потому что сунули свои носы в то, что нас не касалось.

Серенити: Инара, я тебя понимаю, но убийцу нужно поймать.

Серенити отвечала так, будто ловить убийц было ее работой. Возможно, так и было, откуда мне знать. Но я знала, что конкретно это убийство не входит в ее обязанности (возможно).

Бенджи: Серенити, девочка, отступи.

Я: Серенити, дорогая, ты там, где ты есть, где бы это ни было, а я здесь. Одну женщину уже УБИЛИ. Недавно убили еще одного человека, вероятно, по той же причине. Я не хочу стать третьей жертвой. Для вас это не реально, но я живу этим. То, что мы делаем, судя по реакции Чейза, говорит мне, что я могу попасть под перекрестный огонь. Тебе это расследование, вероятно, нравится, мне же возможный плохой исход не доставляет удовольствия. Страх, который я испытывала от того, что вы раскапывали, тоже не был приятен. Об этом я вам уже писала. И, наконец, Чейз серьезно разозлился, и хотя притворяться мной с вами было не круто, он, честно говоря, имел на это право. Я понимаю тебя, Серенити, но, пожалуйста, пойми и меня. Отступи. Обещай мне. Прекрати копать. Ради себя, ради меня, а также ради нас с Чейзом.

Сначала Серенити ничего не писала, затем: Ох, ладно. Как скажешь. Я оступлю.

Я: Поклянись, что если предпримешь хоть ЧТО-ТО, то вселенная отнимет у тебя любую, даже самую крохотную, возможность поцеловаться с Натаном Филлионом.

Серенити: Ай, Инара, я же сказала, что оступлю.

Я: Поклянись.

Серенити: Ладно. Клянусь, что если не отступлю, то потеряю любую возможность поцеловаться с Натаном Филлионом.

Я вздохнула с облегчением, потому что эта клятва многое значила, но напечатала: Спасибо.

Бенджи: Он сейчас рядом?

Я: Да.

Бенджи: Что он делает?

Я посмотрела на кухню и увидела, что Чейз чем-то занят за стойкой.

Я: Готовить ужин.

Бенджи: Офигенно мило.

Серенити: Фото, сестра, серьезно. Он твой, вы близки, нам нужны фото.

Это я могу.

Я: Хорошо, но мне пора. Я голодная, а Чейз все еще может немного злиться.

Бенджи: Иди! Ждем фото!

Серенити: Инара?

Я: Да?

Серенити: Это круто. Я понимаю, что ты не раскрываешь детали. Но я очень рада за тебя.

Бенджи: Я тоже, дорогая.

Я: Спасибо, ребята.

Хотелось бы мне однажды встретиться с ними, но существовала большая вероятность, что этого не произойдет, и это было отстойно, потому что эти двое были классными и, если хорошенько подумать, моими лучшими друзьями. Так что я закончила словами: Извините, что пропала. Я буду поддерживать связь.

Серенити: Подруга! Если бы на моей кухне готовил ужин Натан, я бы НЕ переписывалась с тобой за компьютером.

Это было правдой. Она бы не переписывалась.

Бенджи: Друзья дополняют жизнь, а не отнимают ее.

Серьезно, я очень надеялась, что однажды встречу этих людей.

Я: Люблю вас, ребята.

Серенити: Взаимно.

Бенджи: До Луны и обратно.

Я вздохнула.

Серенити: Иди к своему парню.

Я: Ладно, до скорого.

Бенджи: До скорого, Инара.

Серенити: До скорого, Фэй.

Я закрыла чат и вышла из сети, не просмотрев те сообщения, где Чейз выдавал себя за меня, отчасти потому, что не хотела их видеть, а отчасти потому, что это могло вывести меня из себя, а для одного вечера ссор было достаточно. Затем я сделала мысленную пометку перенастроить приложение с чатом, чтобы оно не выскакивало при запуске.

Краем глаза я увидела бокал с вином, зажатый в руке Чейза. Он поставил его на подставку с изображением Чудо-Женщины, а затем приподнял мою голову, чтобы я посмотрела на него.

— Они поклялись на световом мече Люка Скайуокера, что отступят? — спросил он.

Я поняла, что он больше не злится, в его глазах полыхал дразнящий огонек, но это не означало, что встревоженность ушла.

— Типа того, — пробормотала я, опуская глаза и хватая бокал.

Я почувствовала под подбородком кончики пальцев Чейза и снова посмотрела на него. Как только я поймала его взгляд, он тихо потребовал:

— Убеди меня, что они закончили.

— Они поклялись мне, что закончили, — заверила я его так же тихо.

— Хорошо, — пробормотал он, наклонился и коснулся губами моих губ.

Затем выпрямился, развернулся и неторопливо направился на кухню, а я наблюдала за ним и потягивала вино.

Оказавшись на кухне, он крикнул:

— Я запекаю картошку и жарю стейки. Ты разминаешь картофель. Картофель запечен, дорогая. Вставай.

— Чейз, — позвала я.

Он хлопнул холодильник, появившись с пивом, и посмотрел на меня.

— Да?

— Обещай, что как бы ты на меня ни злился, больше никогда не будешь так кричать на меня и пугать.

Его пиво исчезло, когда обе его руки скользнули за высокую стойку, отделявшую кухню от жилого пространства, но не отрывая от меня глаз, он приказал:

— Фэй, подойди ко мне.

— Обещай мне, — настаивала я.

— Детка, иди сюда, — мягко позвал он.

Мое тело начало двигаться, но разум остановил его, и я повторила:

— Обещай мне.

Он пристально смотрел на меня.

Затем заговорил.

— Ты облажалась, Фэй, — он продолжал говорить мягко, но достаточно громко, чтобы я слышала через всю квартиру.

— Я знаю, — согласилась я.

— Он трахнул ее в рот. Я не женщина и не могу этого знать, но предполагаю, это не намного лучше, чем насилие над другими частями тела.

Я была женщиной, но, к счастью, тоже не знала. Тем не менее, думала, это не намного лучше.

— Я этого не знала, — напомнила я.

— Ты знала, что она мертва, — ответил он.

Это я знала.

Я промолчала, потому что Чейз был прав. Но осталась сидеть на месте, потому что считала и себя правой.

Мы молча смотрели друг другу в глаза, и довольно долго, пока Чейз не закончил:

— Я бы никогда не причинил тебе боль. — Его голос звучал мягко, но твердо. Это была клятва.

— Ты меня напугал.

— Нет, милая, это ты напугала меня.

— Что? — прошептала я, но он услышал.

— Если бы с тобой что-нибудь случилось, не знаю, что бы я сделал.

— Чейз...

— Моя жизнь — ад, но когда в ней появилась ты, меня будто коснулся ангел.

Я перестала дышать.

Он говорил серьезно?

— Если бы с тобой что-нибудь случилось, не знаю, что бы я сделал, — повторил он.

Он говорил серьезно.

Я старалась вдохнуть.

— Я вижу их в своей голове, — продолжил Чейз, — ее следы в грязи на тропе. Она шла на каблуках. Споткнулась. Упала. Он ее подгонял. Отпечатки ее колен на поляне, где он ее насиловал. Если бы они принадлежали тебе, если бы это были твои последние мгновения... я не драматизирую, не шучу, я бы сошел с ума.

— Это преследует тебя, — тихо сказала я, но он снова услышал.

— Охренеть как. Я ее не хотел, но это не значит, что она не была моей.

О, боже, Лори была права.

Поднявшись, я напомнила ему:

— Чейз, ты ее не убивал.

— Но и не защитил.

О, боже. Лори была очень права.

— А тебе не приходило в голову, что ты не смог бы, даже если бы попытался?

— Приходило, Фэй, но я даже и не пробовал, — мгновенно ответил он.

О, боже.

— Она заманила тебя в ловушку брака, — напомнила я ему о другом.

— Значит, ей можно умереть вот так? — быстро спросил он.

— Конечно, нет, — так же быстро ответила я.

Он посмотрел на меня за мгновение до того, как спросил:

— Если ты считаешь, что я не несу ответственности за то, как умерла Мисти, почему держишься от меня на расстоянии?

Я тут же поставила бокал на стол и быстро двинулась к нему. При моем приближении

Чейз повернулся ко мне, я подошла к нему вплотную, положила руки ему на грудь и запрокинула голову, чтобы посмотреть прямо в глаза.

— Поскольку, — начала я сдаваться, — моей единственной глупостью было то, что я де-факто возглавила банду компьютерных детективов-любителей, и мне больше не стоит беспокоиться, что ты снова на меня так разозлишься, считаю этот разговор лишним.

Он убрал волосы мне за плечо, обхватил пальцами мою шею, другой рукой все еще сжимая банку пива, его губы дрогнули, когда он заметил:

— Держу пари, я единственный мужчина в Карнэле, который трахает женщину, использующую слова типа «де-факто».

— Вероятно, — пробормотала я, и пальцы на моей шее сжались.

Его голос был низким и серьезным, когда он приказал:

— Забудь все, что ты узнала об этих людях.

Я кивнула.

— Ты кому-нибудь рассказывала об этом дерьме?

Я помотала головой.

— Подумай хорошенько, Фэй. Лекси? Лорен? Твайле?

Продолжая мотать головой, я прошептала:

— Нет, Чейз. Никому. Даже солгала Крис, Лекси и Лорен, когда проговорилась о визите в Харкерт Вуд, а я никогда не лгу. Или, хм, вру очень редко.

Боже! Больше никакой лжи!

— Никто ничего не знает, — закончила я.

— Ладно, — пробормотал он.

Я глубоко вздохнула, прильнула к нему теснее и тихо спросила:

— Как мне помочь тебе избавиться от ответственности, которую ты взвалил на себя из-за случившегося с Мисти?

— Не умирай, как она, — тут же ответил он.

— Хорошо, — прошептала я, надеясь преуспеть в этом хоть немного, а затем продолжила: — Но кроме этого.

Его взгляд пробежался по моему лицу, рука скользнула к моей челюсти, и он провел большим пальцем по моим губам, прежде чем ответить:

— Без понятия, детка.

— Ненавижу то, что с ней случилось, — все еще шепотом сказала я.

— Я тоже, — также прошептал он в ответ.

— Не знаю, что она сделала, но если играть с огнем, — с Арнольдом Фуллером, с Таем, — то можно и обжечься.

Чейз перевел дыхание, затем мягко признался:

— Она играла с огнем.

Вот оно. Немного его «темноты». Самая малость. Хвала Господу.

— Она этого не заслужила, но это не твоя вина, — мягко настаивала я.

— Хорошо, Фэй.

— Seriously, Чейз.

Он приблизился к моему лицу и прошептал:

— Хорошо, Фэй. Seriously. Ты права и даже не знаешь, насколько. Мисти спуталась с людьми, которых, как она думала, могла переиграть, заключила сделку, не получила от нее желаемого, переосмыслила свои поступки и людей, которых поимела по ходу дела и хотела

исправить содеянное. Они знали о ее сомнениях. И вывели ее из игры. К счастью для Тая, она засомневалась и поступила правильно прямо перед тем, как ее окончательно поимели, и не только в переносном смысле. Так что, да, ее могли убрать в моем доме и найти способ сделать так, что я бы не смог их остановить. Хорошо. Я буду работать над этим. А теперь, может, разомнешь гребаную картошку и добавишь туда всякой херни, которая сделает ее вкуснее, чтобы мы могли поесть перед тем, как ты ляжешь спать в полночь?

— Да, — ответила я.

— Хорошо, — пробормотал он.

Я сжала губы, борясь с ухмылкой, надеясь, что хоть немного с этим справилась, и начала отодвигаться, но его рука скользнула обратно к моей шее и чуть сжала, привлекая мое внимание и останавливая.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы больше не злиться на тебя, — пообещал он шепотом, глядя мне прямо в глаза.

Мое сердце ёкнуло.

Да, я была дорога ему. Он имел право злиться. Я имела право пугаться. Но я знала, что ради меня он остановит себя, не дав этому повториться.

Прикосновение ангела.

Да.

Я была ему дорога.

— Спасибо, милый, — прошептала я в ответ.

— Картошка.

— Ага.

Хватка на шее усилилась, когда Чейз опустил голову и коснулся губами моих губ, прежде чем отпустить. Я отодвинулась и принялась мять картошку.

* * * * *

— Собираешься запомнить каждый волосок на моей груди или встанешь с меня и будешь читать до двух ночи?

На вопрос Чейза я перестала делать то, за чем он меня поймал, когда я водила взглядом и кончиками пальцев по волосам на его груди. Я вскинула голову, чтобы посмотреть на него.

Я лежала на нем в ночной рубашке. Чейз был голым. Он занимался со мной любовью. После я привела себя в порядок, вернулась в постель и забралась на него сверху. Так началось мое жадное изучение изумительной поросли на его груди.

— Вся квартира пропахла моими духами, — тихо сказала я и не солгала.

Я убрала беспорядок, пока Чейз мыл посуду после ужина (мыл посуду!), но запах все еще стоял сильный.

— Завтра я куплю тебе новый флакон, — пробормотал он, скользя руками по моей обнаженной спине и попке. Он задрал ночнушку, чтобы получить доступ, и, как всегда, это было приятно.

— Чейз, — прошептала я, не зная, как продолжить, поэтому одна его рука опустилась ниже, обхватывая меня за зад.

— Я же пообещал, что постараюсь больше так не злиться, — мягко напомнил он.

— Дело не в этом.

— А в чем?

Я вздохнула и выпалила:

— Ты выдавал себя за меня перед моими друзьями.

— Ага.

Я моргнула.

И это его ответ? Ага?

— Но...

— Увидев, что ты на связи, они начали закидывать чат сообщениями. Сначала обо мне и о том, что я не с тобой, а с другой, оттуда все и пошло. Я понимаю, почему ты злишься, но думаю, ты понимаешь, почему я так поступил.

— Что бы ты почувствовал, если бы я поступила так с тобой?

— Если бы я творил какое-нибудь дерьмо, например, лгал своим друзьям о тебе или подвергал свою жизнь опасности, и меня бы поймали, надеюсь, у меня хватило бы смелости признаться в этом и держать себя в руках.

Вот же отстой, потому что это был действительно хороший ответ.

Я понятия не имела, что сообщила об этом Чейзу, наморщив нос, пока его тело не начало трястись подо мной, руки крепко сомкнулись вокруг меня, чтобы приподнять, и я сосредоточилась на его лице, увидев, как на нем расцветает улыбка.

Он расположил нас лицом к лицу, одной рукой придерживая меня за спину и накрыв ладонью мою ягодицу. Но другой рукой заправил волосы мне за ухо, и, глядя мне в глаза, обхватил мою челюсть и погладил большим пальцем по скуле и губам.

В процессе он мягко спросил:

— Почему ты сказала им, что я с другой?

— Ну, эм... потому что, эм...

— Фэй.

Frack.

— Я написала это после того неудачного поцелуя в участке, — быстро пробормотала я.

В его глазах вспыхнуло раскаяние, но я не отступила.

— Они знали, что я уже долго была влюблена в тебя. Вся миссия с выяснением того, кто убил Мисти, была направлена на то, чтобы облегчить твою боль и заставить заметить меня. После поцелуя в участке я решила избегать тебя любой ценой, а значит и избегать обсуждения тебя с ними. Поэтому солгала и сказала, что ты наладил свою личную жизнь. Я не рассказала им, что между нами что-то завязалось, потому что хотела убедиться, что это реально и хорошо, и продолжится до того, как я взорву их милый пузырь. Мы никогда не встречались, но очень заботимся друг о друге, поэтому я не хотела надувать пузырь, который так быстро лопнет.

— Этот пузырь не лопнет, детка, — прошептал он, и мое тело растворилось в нем.

— Надеюсь, нет, — прошептал я в ответ.

Его взгляд упал на мои губы, большой палец скользнул по ним, и он пробормотал:

— Лучший поцелуй, который у меня когда-либо был.

Моя голова склонилась набок, наши взгляды снова встретились, и я спросила:

— Поцелуй?

— В участке. Лучший поцелуй, который у меня когда-либо был.

Я еще больше растворилась в нем и прошептала:

— Чейз.

— Я боролся с притяжением к тебе. И проиграл.

О, боже. Мне это понравилось.

— Милый, — выдохнула я, скользнув рукой вверх по его груди к шее.

— Той ночью я возвращался домой от Дека, было уже поздно, и я увидел, что у тебя горит свет. Даже не задумываясь, я остановился и сидел в грузовике, глядя на твою квартиру, удивляясь, чем ты так поздно занимаешься. Через пять секунд ты уже шла по улице, ни на что не обращая внимания. Я говорил себе не следовать за тобой. Но не удержался. И чертовски этому рад.

— Ты знал, где я живу? — прошептала я.

— Я знал, где живешь ты. Знал, где живут твои родители. Знал, какую машину ты водишь. Знал, где ты работаешь. Знал, что ты заказывала в закусочной. Знал все, что только мог о тебе знать.

Бог мой!

Это было грандиозно.

Мои пальцы впились ему в шею, и я продолжила шептать, когда позвала:

— Чейз.

Но не могла сообразить, что сказать дальше.

— Последовать за тобой — лучшее, что я когда-либо делал, — прошептал он. — Тот танец с тобой привел к другим нашим танцам. Лучшее, что я, черт возьми, делал.

Его слова произвели на меня такое сильное впечатление, что я не могла больше сдерживаться и опустила голову, уткнувшись лицом ему в шею.

Рука на моей челюсти скользнула обратно мне в волосы, и Чейз повернул голову так, что его губы оказались у моего уха.

— Люблю твои волосы, Фэй, — пробормотал он.

А я любила в нем всё.

Абсолютно всё.

Этого я ему не сказала. Я легла на него, чувствуя под собой его сильное тело, тепло его руки на моей попке, его пальцы, перебирающие мои волосы, и запоминала каждый нюанс.

Наконец, Чейз нарушил молчание.

— Ты будешь читать или заснешь на мне?

— Засну на тебе, — пробормотала я ему в шею.

Его рука нежно зарылась в мои волосы, пальцы впились в попку, и он ответил:

— Меня устраивает.

Его устраивало.

Прикосновение ангела.

Я вздохнула. Через какое-то время бег моего большого пальца под его челюстью в бессмысленной ласке прекратился, сообщая Чейзу, что я заснула.

* * * * *

Чейз

Чейз устался в потолок. Фэй спала, свернувшись калачиком в его объятиях, после

того, как он передвинулся вместе с ней, чтобы выключить ее лампу, а затем и свою.

Элита.

Хорошее название.

Итак, ее друзья знали, кто эти люди.

Вот только они не догадывались, что эти люди сделали своим делом знать всё.

Абсолютно всё.

Особенно всё то, что может сделать их уязвимыми.

— Бл*ть, — прошептал он, Фэй пошевелилась, и Чейз заставил себя расслабиться.

Она снова успокоилась.

Но не Чейз.

Глава 16

Идеальная

Я нервничала.

Чертовски нервничала!

Причин было несколько. Во-первых, через пятнадцать минут за мной должен заехать Чейз, чтобы отвезти в Аспен на ужин с его мамой. Был субботний вечер, и я снова ушла из библиотеки пораньше, оставив ее на волонтера, чтобы успеть вернуться домой и собраться.

Во-вторых, прошло почти три недели с того дня, как Малахию выписали из больницы, и хотя во всех отношениях он вел себя как обычный ребенок, даже (вполне) нормально общался с Джаротом и Робби, он до сих пор не произнес ни слова (в этом заключалась не вполне нормальная часть его общения с Джаротом и Роби).

Теперь забеспокоилась даже психолог. И все остальные тоже. Даже Чейз не мог скрыть своей озабоченности. Малахия общался намного больше, переписываясь с нами с помощью блокнота. Но не говорил.

В-третьих, мы с Чейзом встречались более шести недель, и хотя все было хорошо, нет, чертовски великолепно, он не поделился со мной своей «тьмой». Между нами все было классно. Потрясающе. Но эта бомба постоянно висела над нами, и я не знала, когда загорится фитиль, и она взорвется.

В-четвертых, на прошлой неделе Чейз снова разозлился. Но на этот раз, к счастью, не на меня.

Причина его гнева заключалась в том, что он, наконец, добился встречи с главой городского совета Цезарем Морено, чтобы тот рассказал о ситуации с библиотекой и почему он избегал Чейза.

Я знала Цезаря и его семью, большими друзьями мы не были, но все в городе знали его. Он был хорошим парнем. Его жена Изабелла принадлежала к дамам высшего класса, тихая, но все же милая и доступная. Оба его мальчика были фантастическими бейсболистами. Сам Цезарь великолепно возглавлял городской совет. Даже мой папа любил его и уважал.

Но когда Чейз встретился с Цезарем, к сожалению, тот не дал Чейзу ни одного внятного ответа.

Единственное, что он сказал Чейзу, что избегал его, а значит, и меня, поскольку все в городе знали, что я с Чейзом, а вопрос о библиотеке решался «внутри». Проблема заключалась в том, что одна из членов Совета хотела закрыть библиотеку не из-за недостатка финансирования. Мне же озвучили именно эту причину, чтобы подготовить на случай, если что-то выйдет из-под контроля. Но настоящая причина заключалась в том, что в библиотеке содержались книги, которые она считала «неуместными», в том числе, серии «Сумерки», «Гарри Поттер» (из-за «языческих» тем, вроде вампиров и магии) и множество книг по искусству, которые, как Цезарь сказал Чейзу, она назвала «голые грудки».

Цезарь не поделился личностью этой дамы.

Это не означало, что Чейз не выпустил пар перед Цезарем и мной.

— Нам не нужна эта гребаная пороховая бочка, вдобавок ко всему прочему дерьму, происходящему в этом городе, — рычал он, вышагивая по своей гостиной с телефоном в руке, пока я сидела на диване. пила вино, держала рот на замке и наблюдала за ним.

Он сделал это заявление в перерывах между звонками, — как я поняла из его слов, —

Тейту, Вуду, Крис, Таю и моему папе.

Другими словами, он зажег спичку у этой пороховой бочки, подвергая себя опасности.

Но звонок моему папе меня насторожил. Он потерял бы голову, если бы узнал о вероятном закрытии библиотеки и его истинной причине. Не только потому, что его дочь потеряет работу, но и потому, что он ненавидит цензуру.

И я не ошиблась. После телефонного разговора Чейза с моим папой, тут же зазвонил мой телефон.

На экране высветилось: «Папа», и он поприветствовал меня криком:

— Не для того я два года служил в морской пехоте, чтобы мой родной город закрыл библиотеку из-за «голых грудок»!

Я старалась не смеяться всякий раз, когда кто-нибудь произносил «голые грудки», но всегда терпела поражение, и Чейз из-за этого часто хмурился, потому что не находил ничего забавного в данной ситуации.

Излишне говорить, что папа разозлился, но мама сердилась тихо, что было намного хуже. Поэтому на следующий день она навестила Цезаря Морено. А Крис и Лори тем временем занялись сбором подписей под петицией, которая теперь охватила весь город.

Цезарь был недоволен. Основная часть работы по зачистке полицейского управления была проведена, но ему требовался перерыв, а не очередная великая драма под его ведением (так он сказал папе). Но он также надеялся, что сумеет пресечь это в зародыше, не превратив в громкий скандал. Тем не менее, эта надежда таяла, учитывая, что женщина, кем бы она ни была, не отступала.

Так что теперь дело двигалось к скандалу, и его также внесли в список для обсуждения на следующем общественном собрании городского совета.

Что касается меня, то я, безусловно, беспокоилась. Но чувствовала, что если позволю этому беспокойству выйти наружу, Чейз, папа, мама и все мои друзья взбунтуются еще сильнее и серьезно разозлятся. Поэтому я решила оставить Цезаря и остальных членов Совета в покое, присутствовать на собрании, разложить петиции в библиотеке, призывать людей подписывать их и надеяться.

Это была не последняя причина моей нервозности.

Ни Чейз, ни его коллеги, ни Дек не выяснили, что произошло с Малахией, а убийцу Даррена Ньюкомба так и не нашли. Хотя Чейз мало обсуждал со мной эти расследования, я чувствовала, что они беспокоят его, и с каждым днем все сильнее.

Не говоря уже о том, что Чейз был совершенно не в восторге от ужина с мамой. Однако уверил меня, что дело не во мне.

Вот его слова: «Она такая, какая есть, и все это чертовски усугубится из-за желания понравиться тебе. Будь готова, дорогая, весело точно не будет».

Я уже поняла это из рассказов Чейза о ней, но не поделилась тем, что считала его беспокойство о ней и обо мне милым. Как пройдет, так пройдет. А потом все будет кончено.

Это привело меня к заключительной причине моей нервозности.

Дело в том, что на мне было маленькое черное платье, мое первое маленькое черное платье. Лекси, Лори и Венди прошли со мной по магазинам, чтобы купить его (и еще сексуальное нижнее белье и коротенькие ночные рубашки, чтобы пополнить мой запасы, Чейз уже неоднократно видел все, что у меня было).

Платье облегало как перчатка от груди до колен, а сзади шел разрез почти до самого зада. Крошечные рукава образовывали планку, доходившую до линии талии в стиле ампир и

поднимались к плечам. Спина была полностью закрыта, но в соблазнительном V-образном вырезе, созданном планкой, было видно декольте. Бюстгальтер пуш-ап подчеркивал декольте и создавал очень сексуальный образ.

В обеденный перерыв я посетила «Карнэл-Спа», и стилист всех красоток Карнэла, Доминик, сделал мне новую прическу. Не сильно укоротил длину, но сделал ступенчатую стрижку, что придало моим волосам то, что он называл «Индивидуальность и плавность, дорогуша». Теперь локоны обрамляли мое декольте, и он сделал мне густую, длинную, дерзкую челку. Он много возился с моими волосами, и я купила немного липкого средства, которое, по его словам, «разделит и обозначит», уложив «идеально».

Должна признаться, я считала, что выгляжу фантастически. Я больше не походила на застенчивую городскую девственницу-библиотекаршу. Теперь я походила на стильную городскую библиотекаршу, которую регулярно трахал самый горячий полицейский города.

Я также надела золотистые босоножки на шпильках с ремешками, которые возбуждали даже меня.

Лекси, Лори и Венди заверили, что весь наряд выглядел элегантно, классически и стильно.

Стоя у своего шкафа и рассматривая в зеркале на задней стороне дверцы все, что было на мне, — не только босоножки, платье и прическу, но и дымчатый макияж, — я не была так уверена.

Да, я выглядела элегантно, классически и стильно. Но еще и сексуально, и мне было интересно, что подумает обо мне не только мама Чейза, но и сам Чейз.

Особенно о прическе.

Он прямо говорил мне, что любит мои волосы, но ему и не требовалось об этом говорить. Он всегда находил причины потрогать их, заправить мне за ухо, перекинуть через плечо, провести по ним пальцами. Не то чтобы волос больше не было. Просто они выглядели... иначе.

В дверь постучали, я вздрогнула и повернулась к ней, сдвинув брови.

Чейз никогда не стучал, так как у него был ключ.

Я посмотрела на тонкие, изящные, золотые часики на моем запястье, которые родители мне подарили в честь окончания колледжа, и поняла, что Чейз рано.

Подойдя к двери, я щелкнула засовом и потянула ее на себя, спросив:

— Ты забыл ключ?

Мои глаза поднимались все выше и выше, и я обнаружила, что смотрю на лучшего друга Чейза, Дека.

С Деком я встречалась один раз в больнице, когда туда привезли Малахию.

Поэтому тогда я была не в том состоянии, чтобы оценить все, что из себя представлял Дек.

Теперь, в отсутствии драмы, мне такая возможность представилась, и просто скажу, что здесь было что оценивать и количественно и качественно.

— Детка, — донесся до меня его низкий рокочущий голос, — прежде чем открывать дверь, ты должна спросить: кто там.

Я моргнула.

Его глаза переместились с моей прически на окрашенные в коралловый цвет пальцы ног, обратно к прическе.

Затем он пробормотал:

— Твою ж мать.

— Э-м... — пробормотала я в ответ.

Его глаза снова пробежались по мне с головы до ног, и он повторил:

— Твою ж мать.

Поэтому я тоже повторила:

— Э-м...

Казалось, он вышел из ступора, и его карие глаза обратились ко мне.

— Есть минутка?

На самом деле, по моим подсчетам, их у меня было двенадцать, но это не означало, что я пришла в восторг от того, что очень горячий мужчина, лучший друг моего парня, появился в мой дом с неожиданным визитом.

— Конечно, — ответила я и отступила назад.

Он прошел в квартиру, заполнив ее своим ростом, мускулистым телом и копной очень длинных, густых, темных волос. Ему требовалось подстричься не две недели назад, а два месяца назад. Темные локоны завивались вокруг ушей и спускался к воротнику джинсовой рубашки, густая прядь, лежавшая на лбу, падала на глаза.

Не часто, но и не редко, мне выпадали счастливые случаи потянуть Чейза за его локоны: когда он был рядом со мной в своем грузовике, на диване и в постели. Когда я поддавалась этой прихоти, я получала одну из трех реакций. Уголки губ Чейза приподнимались, но он не отвечал на мою ласку (в грузовике). Он поворачивался ко мне и улыбался (на диване). Или был во мне и крепко целовал (в постели).

Волосы Дека заставляли пальцы чесаться не только от желания потянуть за эти локоны и завитки, но и от желания пробежаться по ним.

Несколько раз.

И не торопясь.

Я облизнула губы, когда он закрыл дверь, и направилась на кухню, спрашивая:

— Хочешь пива?

— Нет, Фэй, мой друг придет через несколько минут, так что не будем зря тратить время.

Я остановилась и растерянно, неуверенно и немного обеспокоенно посмотрела на него.

— Хорошо, — прошептала я и увидела, как его взгляд снова блуждает по мне, и это начало меня пугать.

Но тут он посмотрел мне прямо в глаза и тихо сказал:

— Не мог бы выбрать для него лучше.

— Что?

Он выдержал мой взгляд и ответил прямо.

— Ты идеальна для него. Каждый дюйм. Милая и классная. Чертовски рад за него, что он нашел тебя.

Я больше не была напугана. Или была, но в хорошем смысле.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я, мне это очень понравилось, похоже, я получила одобрение лучшего друга Чейза.

— Детка, сегодня ничего хорошего не жди.

Я моргнула.

— Ты о чем?

— Чейз сказал мне, что вы собираетесь в Аспен. Итак, я знаю о сегодняшнем вечере.

Что тебе нужно знать, так это то, что у его мамы в голове полный бардак. Что бы Чейз тебе ни говорил, дела обстоят еще хуже. Она хорошая женщина, но нездорова.

Я понятия не имела, что с этим делать. Не с тем, в чем я уже разобралась. А с тем, что он пришел ко мне в дом, чтобы рассказать это.

— Я, хм... судя по тому, что мне рассказал Чейз, я уже это поняла, — сообщила я ему.

— Не позволяй тому, что там происходит, напугать тебя, чтобы потом сбежать.

Бог мой! Что за frak?

— Э-м...

— Они знают в чем причина. Это не наследственное. Чейз в порядке. Его отец полный мудак, но морально крепкий мужчина. Он е*анутый на голову, но только потому, что мудак. Дело в ней. На семье это никак не отразилось. Какой-то химический дисбаланс. Но дело только в ней.

— О, ладно, — прошептала я.

Он шагнул ко мне.

— Что бы ты ни слышала, что бы ни увидела, что бы он ни сказал, пусть это тебя не пугает. Ни сегодня, ни в какое-либо другое время.

Это он начал меня пугать, и не слегка, а сильно.

— Дек, — мягко позвала я.

— Он нуждается в тебе, — нежно сказал он в ответ.

О, боже.

— Тьма? — шепотом спросила я.

— Что?

— Тьма, — повторила я громче. — Он говорит, в нем...

Я резко остановилась и взглянула на Дека, до меня дошло все, что сейчас происходит, и тот факт, что это было неправильно, даже если это был Дек. Так что я расправила плечи и продолжила:

— Знаешь, я... очень здорово, что ты его поддерживаешь. Я догадываюсь о причине твоего визита, ты многое знаешь о Чейзе, так как вы близки. Но тебя я не знаю, и даже если бы знала, мне было бы неловко обсуждать Чейза за его спиной. Итак, хотя твои намерения благие, я хотела бы попросить тебя закончить этот разговор.

Он смотрел мне в глаза, и это длилось, казалось, годы.

Затем он прошептал:

— Идеальная.

Я прикусила губу.

— Ты расскажешь ему, что я побывал здесь?

Я отпустила губу и мягко ответила:

— Да.

— Идеальная, — повторил он, затем направился к двери, но остановился перед ней и повернулся ко мне. — Знай, детка, если что-то между вами полетит ко всем чертям и закончится, лучшего мужчины тебе не найти. Никогда. Возможно, ты подумаешь, что найдешь, он может убедить тебя в этом, но ты не найдешь лучше. — Он сделал паузу, а затем тихо закончил: — Никогда.

С этими прощальными словами он кивнул мне, открыл дверь и исчез.

Я поняла, что задерживаю дыхание.

Потом поняла, что у меня появилась еще одна причина нервничать.

— Чертовски здорово, — пробормотала я.

* * * * *

— Ты в порядке? — тихо спросила я Чейза, когда мы ехали в его грузовике.

Мы пересекли границу Аспена десять минут назад и петляли по горной дороге, вдоль которой выстроились действительно эксклюзивные здания.

Причины моей нервозности не исчезли полностью, кроме одной.

Чейзу чертовски понравилась моя прическа, и очень-очень сильно понравились платье и босоножки. Он продемонстрировал это совершенно ясно своими губами, но при этом не произнося слов. А еще подключил к демонстрации пальцы, и от комбинации руки Чейза в моих трусиках и его языка у меня во рту, я невероятно быстро достигла очень сильного оргазма, будучи прижатой к стене рядом с входной дверью.

Так я избавилась от одной причины нервозности.

Я не стала рассказывать Чейзу о визите Дека, так как не хотела, чтобы он еще больше напрягся, злился или волновался, поэтому решила отложить этот разговор на потом.

Итак, я сосредоточилась на главной причине моей нервозности: напряженном из-за ужина Чейзе.

— Я буду счастлив, когда это дерьмо закончится, — ответил он.

Я тоже буду счастлива за него.

— Милая, она пустится во все тяжкие: нам приготовят еду, будут прислуживать. Она пойдет на все, — предупредил он.

Раньше мне никогда не прислуживали ... никто, кроме хозяина дома. Будет странно, но не мучительно.

Поэтому я тихо ответила:

— Хорошо, Чейз. На самом деле, звучит круто.

Он свернул на красивую извилистую дорожку, освещенную с обеих сторон фонарями, вкопанными в газон.

— Блюда приготовят роскошные, затейливые и их будет много. Если тебе что-то не понравится, без всякой вежливости не ешь это. Ешь то, что нравится.

— Хорошо, милый.

Он продолжал ехать по съезду к огромному дому, виднеющемуся на фоне гор и полностью освещенному спереди. Кирпичное строение представляло собой великолепную смесь белого и розового. Ландшафтный дизайн даже под тающим апрельским снегом был в высшей степени удивительным.

— Если она подойдет к тебе слишком близко, вызвав дискомфорт, подай мне знак, и я обо всем позабочусь.

— Со мной все будет в порядке, Чейз.

— Не беспокойся о том, что я подумаю, просто подай мне знак, — повторил он, пока парковался.

Он выключил зажигание, я протянула руку и обхватила его бедро, и его взгляд остановился на мне.

— Я люблю тебя.

Каждая молекула воздуха в салоне грузовика замерла, когда он смотрел на меня в свете приборной панели, а я смотрела на него в ответ.

Я сказала это.

И говорила очень серьезно.

Я хотела, чтобы он знал.

Но говорить все же не планировала.

Тем не менее, мне пришлось.

— Ты ее любишь. И я люблю ее, потому что люблю тебя, и я говорю не о влюбленности, которую испытывала тринадцать лет. Я говорю о настоящей любви к хорошему мужчине, который поддразнивает меня, заставляет смеяться и чувствовать себя в безопасности, прижимает к себе по ночам, смотрит слишком много спортивных программ и мало гиковских сериалов и доставляет мне потрясающие оргазмы, один из которых я испытала недавно перед уходом из дома. — Я сделала паузу, Чейз продолжал молчать, а я боролась с сердечным приступом, а затем неуверенно закончила: — И ты можешь отложить мои слова в долгий ящик.

Потом я больше не сидела на пассажирском сидении.

Ремень безопасности слетел с меня, Чейз потащил меня через салон и втиснул между собой и рулем, одной рукой стиснул мои волосы, другой крепко обнял, набросился на мои губы и вторгся языком в мой рот.

Ладно, значит, ему понравилось мое признание.

Приятно знать.

Я растворилась в нем, обхватив руками за шею, прижавшись к нему и позволив получить все, что он хотел взять. Видимо, он хотел взять многое, потому что поцелуй длился долго. Он превратился из горячего в обжигающий, и это был один из тех моментов, когда я ощутила, как Чейз прилагает усилия, чтобы оторваться от моих губ.

Но он не отпустил меня и не усадил обратно на пассажирское сиденье.

Он уткнулся лицом мне в шею и вздохнул.

— Короче говоря, — прохрипела я, все еще учащенно дыша и с диким от счастья сердцебиением, — перестань волноваться, дорогой. Все будет хорошо.

— Ты — гребаное чудо, — прошептал он мне в шею, и я закрыла глаза.

Мне нравилось, что он так обо мне думал.

— Я — женщина, — прошептала я в ответ.

— Ты — ангел.

Боже.

Боже, я любила его.

Целиком и полностью.

— Ладно, но я твоя, и думаю, Бог не одобряет некоторые из наших более чудесных занятий, которые мне нравятся, так что, возможно, мы сохраним этот титул в секрете, и я просто буду твоей женщиной.

Он поднял голову и посмотрел на меня в свете приборной панели. Я почувствовала его нежный взгляд, увидела его нежное и расслабленное лицо, прежде чем он прошептал:

— Мне подходит.

Моя уловка, которая заключалась в том, чтобы поделиться меняющимися жизнью чувствами, сработала.

Я ухмыльнулась.

Он ухмыльнулся в ответ, прикоснулся к моим губам легким поцелуем, а затем передвинул меня, усадив обратно на мое место.

Погасив фары внедорожника, Чейз оказался у моей дверцы к тому моменту, как я выходила из нее, так что он придерживал меня за локоть. Скользнув рукой вниз, он переплел наши пальцы, оттащил меня от дверцы и захлопнул ее. Затем повел меня по сухому, очень черному асфальту к входной двери.

Странно, казалось, снег был выровнен по бокам от подъездной дорожки. Я предположила, что если у вас есть куча денег, то часть из них можно потратить на услуги тех, кто будет следить за вашим снегом.

Интересно.

Дверь распахнулась еще до того, как мы добрались до полукруглого крыльца с восемью ступенями (я считала), которые к вершине становились все уже и уже. Еще одна причина нервозности исчезла при виде радостно улыбающейся элегантно одетой, чрезвычайно привлекательной блондинки с аккуратной прической, в светло-розовом коктейльном платье и на высоких каблуках.

Я не слишком разоделась. Чертовски великолепно.

— Чейз, мой дорогой, и Фэй, — воскликнула она, выходя на холодный ночной воздух и широко раскинув руки. — Я весь день была как на иголках. Нет! Всю неделю.

Я улыбнулась ей, а затем немного забеспокоилась, потому что она не была большой, как и я, но Чейз был, а так как она не отступала в дом, то крыльцо не вместило бы нас всех троих, если только мы не сбились бы в кучку, как мини-футбольная команда.

Эта проблема решилась сама собой, когда мы добрались до матери Чейза, и она бросилась в объятия сына, заставив его отпустить мою руку ради объятий, так что, много места и не потребовалось.

— Ма, — пробормотал он.

— Чейз, мой красивый мальчик.

Это было мило.

Он отстранился, а она нет. Ее руки переместились с его плеч к лицу, обхватывая его, и она секунду смотрела на него с сияющей улыбкой, прежде чем отпустить и повернуться ко мне.

— Фэй, — позвала она, широко раскинув руки, при этом одна из них врезалась в Чейза, но, хотя он отодвинулся (как мог, то есть, одной его ногой в ковбойском сапоге пришлось спуститься на ступеньку), она, похоже, ничего не замечала.

Я быстро вошла в ее объятия, чтобы сэкономить место, и крепко обняла.

— Миссис Китон, — прошептала я ей на ухо, затем отстранилась, но не высвободилась из ее рук. — Чейз постоянно говорит о вас. Очень рада, наконец, с вами познакомиться.

Она застенчиво опустила подбородок и захлопала ресницами, и действительно, хоть она и была в возрасте, у нее это очень хорошо получалось.

Потом ее глаза скользнули по мне, и в них что-то изменилось, не то чтобы в плохом смысле, но и не совсем в хорошем.

— Ты красавица. Настоящая красавица. Естественная. — Она разжала объятия, и ее рука поднялась, будто собираясь коснуться моих волос, но затем опустилась, и она отодвинулась. — Шатенка. Думала, Чейзу больше подойдет блондинка, но я сильно ошибалась.

— Спасибо, — пробормотала я.

— И, пожалуйста, зови меня Валери. Миссис Китон звучит так... так... — ее глаза скользнули в сторону, прежде чем вернуться ко мне, чтобы закончить, — удушающе.

— Тогда, Валери, — согласилась я с улыбкой.

— Ма, как думаешь, может, зайдем в дом? — напомнил Чейз.

Она отпрыгнула от меня, сцепив перед собой руки, и я боролась с желанием потянуться к ней на случай, если она свалится со ступеньки.

— Конечно-конечно, давайте пройдем в дом и снимем с вас пальто. Я умираю от желания увидеть платье Фэй. Из того, что я вижу, выглядит красиво.

Я услышала вздох Чейза и почувствовала, как его пальцы сжались вокруг моего локтя, мы последовали за Валери и остановились в огромном фойе с массивной люстрой, с которой свисали миллионы хрустальных подвесок.

— Энрике, — обратилась она к мужчине в белой рубашке и темных брюках, стоявшему рядом, — пожалуйста, возьми пальто Фэй и Чейза. Мы выпьем в гостиной. Фэй, что бы ты хотела выпить?

Чейз помогал мне снять длинное кремовое шерстяное пальто, и я, перекладывая из руки в руку маленький черный клатч, ответила:

— Бокал белого вина.

— Отлично, — она улыбнулась мне, а затем перевела взгляд на Чейза. — Пиво, дорогой?

— Ага, ма, — пробормотал Чейз, передавая наши пальто Энрике.

Увидев Чейза без длинного черного шерстяного пальто, не стоя с задранным до талии платьем и спущенными трусиками, после того, как испытала оргазм, я должна была признать, что он был в очень хорошо сшитом темно-синем костюме и синей рубашке с открытым воротом под цвет его глаз. Пряжка на ремне, ковбойские сапоги и костюм были в приглушенном, но все же западном стиле, и полностью отражали фирменный стиль Чейза. Тем не менее, он, как и мы с его матерью, приложил усилия и, как обычно, преуспел.

Энрике ушел с нашими пальто, Валери повела нас в «гостиную», которая была самой официальной комнатой, в которой я когда-либо оказывалась в своей жизни. Она была выполнена в нежно-розовых, почти кремовых, и просто кремовых тонах. Даже в такой официальной комнате я брала пример с Валери и Чейза, которые устроились так, будто сидели в самой обычной семейной гостиной: Валери в кресле, мы с Чейзом на диване.

Когда я ставила рядом с собой свою сумочку, Валери сказала:

— Фэй, я не знала, что тебе нравится, а Чейз сказал, что тебе нравится все, кроме ананасов в пицце. Но пиццы у нас не будет, поэтому я попросила Донатту избегать ананасов в блюдах. Надеюсь, ты нагуляла аппетит.

— Конечно, — ответила я с улыбкой. — Но к вашему сведению, я люблю ананасы, но не в пицце.

— Отлично! — воскликнула она с большим волнением, чем требовалось, затем снова сцепила руки перед собой и наклонилась из розово-кремового кресла ко мне и Чейзу, сидевшим на кремовом диване, и заметила: — Чейз сказал мне, что ты библиотекарь.

— Да, — подтвердила я.

На что она воскликнула:

— Я люблю книги!

Я тихо рассмеялась и поделилась:

— Я тоже. Их важно любить, когда проводишь в их окружении целый день. Какая у вас

любимая книга?

Это было ошибкой. Огромной. Хотя я не могла понять, почему.

Тем не менее, я это увидела. Она резко откинулась назад, побледнела, стала нервно перебирать пальцами перед собой, быстро взглянула на Чейза и внезапно испугалась.

Я почувствовала, как мое тело напряглось от ее реакции, но Чейз тихо подсказал:

— Твоя любимая книга, ма.

Ее глаза метнулись ко мне, потом обратно к Чейзу, и она прошептала:

— Я... — и замолчала.

Затем мне пришло в голову, что она беспокоилась о том, какое впечатление о ней создаст ее любимая книга. Она хотела мне понравиться, и желала этого так сильно, что боялась быть собой.

— У меня много любимых книг, — пришла я на помощь, и ее взгляд вернулся ко мне, поэтому я ласково улыбнулась и продолжила: — К примеру, «Собиратели ракушек» Розамунд Пилчер и «Орикс и Коростель» Маргарет Этвуд. Еще «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”» Фэнни Флэгг и «Тощие ножи и не только» Тома Роббинса. Я могла бы продолжать перечислять часами и утомить вас. И это я еще не добралась до любовных романов.

Испуганное выражение исчезло, и она снова наклонилась ко мне.

— О, мне нравится Карли Филлипс.

Я с широкой улыбкой наклонилась к ней.

— Мне тоже. Она потрясающая. «Холостяк», — назвала я ей один из моих любимых романов.

— «Плейбой», — поделилась она своим любимым.

— «Сердцеед», — продолжила я.

Она снова откинулась на спинку кресла, но на этот раз с ухмылкой.

— Ох, уж эти братья Чендлер... — она замолчала, потому что больше слов не требовалось.

— Знаю, — согласилась я.

— Где мое пиво? — спросил Чейз.

Я посмотрел на него и расхохоталась, затем снова обратила взгляд на Валери и сквозь смех сказала:

— Уверена, вы знаете, но Чейз смотрит слишком много спортивных программ. Я пытаюсь расширить его кругозор, знакомя с моими любимыми сериалами, но он сопротивляется. Признаю, Валери, мои сериалы гиковские, но они потрясающие. Так что, полагаю, любовные романы выходят за пределы его тем для увлекательной беседы за ужином.

Она улыбнулась мне и ответила:

— Тогда мы постараемся найти то, что Чейзу понравится обсуждать.

— Знаете ли вы шансы «Эвеланш» в Кубке Стэнли в этом году? — спросила я.

— Нет, — ответила она.

— Тогда, возможно, мы сможем уговорить его объяснить баллистику, — предложила я, и настала очередь Валери расхохотаться.

Вошел Энрике, неся поднос с напитками, и когда раздавал их, Валери вытерла несуществующую слезу от смеха и запоздало ответила:

— Боюсь, Фэй, как бы интересно мой сын ни стал объяснять баллистику, уже я нашла

бы эту тему за пределами увлекательной беседы за ужином до такой степени, что заснула бы.

— К счастью, у вас удобная мебель, потому что я, вероятно, присоединилась бы к вам. Хотя волновалась бы, что испачкаю обивку косметикой, если прилягу вздремнуть, усыпленная рассказом о баллистике.

— Тогда для рассказа Чейза о баллистике мы уединимся в менее официальной гостиной. Я не возражаю против следов косметики на обивке, но мебель там намного удобнее.

— Две спящие женщины в коктейльных платьях. Потрясающе. Давайте сделаем это. Вы поспите, а я посмотрю игру, — пробормотал Чейз, и мой взгляд метнулся к Валери.

— Видите! — воскликнула я.

— Да, действительно, — ответила она, ухмыляясь мне.

Я отпила вино и подняла бокал.

— Вкусно, Валери.

— Ты разбираешься в винах? — спросила она.

— Ничуть, — призналась я. — Я лишь знаю, что мне нравится его пить.

— Тогда ты должна отправиться в Напу. Для поездки в Напу не нужно разбираться в вине. Оно просто должно тебе нравиться, — сказала она мне.

— Похоже, идеальное место для отпуска, — ответила я. Она снова улыбнулась, выглядя расслабленной, и посмотрела на Чейза.

— Как чудесно, милый. Фэй любит вино, как и я. — Она подняла свой бокал. — Досадно, что Мисти увлекалась всеми этими коктейлями. Я не совсем...

Чейз прижался ко мне. Валери заметно напряглась, ее лицо побледнело, и на нем вновь отразился испуг.

Я мгновенно переборола неловкость и осторожно произнесла:

— Я выросла в Карнэле, Валери, я знала Мисти и ее печальную историю. Но мы с Чейзом откровенны во всем. — «По большей части» — подумала я, но не озвучила вслух, вместо этого, продолжив: — Это было давно, и печально, что Мисти здесь нет, чтобы пить коктейли, но мы здесь и должны вынести урок из потери такой молодой женщины, и наслаждаться вином и обществом друг друга.

— Конечно, — пробормотала она, неловко рассматривая свои колени.

— Валери, — позвала я, и ее глаза метнулись ко мне. Я наклонилась вперед и продолжила: — Мы не знаем друг друга, но нас уже объединяет нечто важное: мы обе очень заботимся о Чейзе. Пожалуйста, не думайте, что вам нужно обращаться со мной с осторожностью. Он считает вас целым миром и всем об этом говорит. И я знаю, что тоже буду думать о вас также. Надеюсь, этим вечером покорить вас, чтобы мы могли узнать, есть ли у нас больше общего, чем Чейз и Карли Филлипс. Но мы должны начать с того, чтобы быть открытыми друг с другом. Вы согласны?

— Ты очень прямолинейна, — мягко заметила она.

На самом деле, я такой не была. Я была откровенна лишь с ней и Чейзом.

— Надеюсь, вы не возражаете, — мягко сказала я в ответ.

— Вовсе нет, Фэй, — прошептала она.

— Хорошо, — прошептала я и продолжила: — К вашему сведению, обычно я очень застенчивая и тихая. Но когда самый красивый полицейский города обратил на меня внимание, я стала немного дерзкой.

Она слегка улыбнулась мне и шепотом продолжила:

— Могу себе представить.

Я указала на себя бокалом.

— Живое доказательство прямо перед вами.

— Э-э... а для меня есть место в этом разговоре? — спросил Чейз, Валери откинулась на спинку кресла, я села прямо, и рука Чейза, лежавшая на спинке дивана, мгновенно обхватила меня за плечи.

— Извини, у нас был момент, — пробормотала я, внезапно немного смутившись.

Он притянул меня к себе, вынуждая посмотреть на него, и когда я это сделала, пробормотал:

— Да. — Но это «да» было наполнено одобрением.

Далее последовал поцелуй.

Я заерзала рядом с ним, и когда он прервал поцелуй, очень мягко прошептала:

— Твоя мама.

— Не обращайтесь на меня внимания, — вмешалась она, и мы с Чейзом, который так и не выпустил меня из объятий, посмотрели на вновь сияющую Валери. — Я считаю, что мужчина, который уверенно проявляет привязанность, очень привлекателен, даже если это мой сын... особенно, если это мой сын. Потому что этому его научила я.

Стоило ее поблагодарить.

Но для этого я бы выбрала другое время.

Поэтому я только усмехнулась.

Чейз отпустил меня и спросил у матери:

— Мы поужинаем в этом тысячелетии?

— Чейз, ты такой нетерпеливый! — пожурила она без намека на злость, но с обожающей улыбкой.

— Не нетерпеливый, а голодный. Я провел за рулем два часа, сейчас восемь часов.

— Надо было перекусить, — увещевала Валери.

— Ма, Донатта не подает меньше трех блюд, и ее стряпня — охеренно вкусная. Я не собирался перекусывать и портить себе аппетит. Но через две секунды отгрызу себе руку, если Энрике не покажется с крекерами и сыром.

— Ты не должен говорить слово на букву «х», — упрекнула она.

— Ты говоришь мне не ругаться вместо того, чтобы позвать Энрике с крекерами и сыром?

— С фуа-гра, — поправила она.

— Ну, хлопни в ладоши или как ты там это делаешь, и заставь его пошевеливаться, — приказал Чейз, уголки его губ были приподняты, а значит, он поддразнивал, и Валери посмотрела на меня.

— Ты заметила, что он может раздражать?

— Эм... — пробормотала я и замолчала.

— Умница, детка, не отвечай на это, — пробормотал Чейз, сжимая мое плечо.

— Отсутствие ответа — это и есть ее ответ, и он был утвердительным, — сообщила ему Валери.

— Но он не считается, потому что не был озвучен, — сообщил Чейз матери.

Она закатила глаза.

Я улыбалась, переводя взгляд между ними.

Чейз потерял терпение.

— Серьезно, ма, паштет — не лучший вариант для меня, но это еда. Мы получим ее до того, как нам с Фэй придется уехать?

Она сердито посмотрела на него, а затем громко, но изящно позвала:

— Энрике! Теперь можешь подавать фуа-гра.

— Охеренно прекрасно, — пробормотал Чейз.

— Чейз! — осадила Валери.

— Чейз! — полуогрызнулась я.

— Не охеренно прекрасно, — снова пробормотал Чейз, ухмыляясь.

Я посмотрела на Валери.

— Он слишком много ругается.

— В этом мы солидарны, моя дорогая, — резко ответила она, все еще сердито глядя на Чейза.

Вошел Энрике.

— Охеренно прекрасно, — снова пробормотал Чейз, убирая руку с моих плеч и мгновенно потянувшись к подносу, когда Энрике поставил его на стол перед нами.

Я посмотрела на Валери и закатила глаза.

Валери посмотрела на меня и сделала то же самое.

Затем я с нетерпением ждала своей очереди к фуа-гра, потому что Чейз, возможно, не считал его лучшим вариантом, но я его просто обожала.

* * * * *

Ужин прошел отлично.

А потом случилось это.

Мы сидели в менее официальной гостиной, которая все же была более официальной, чем я привыкла. Я обрадовалась, что материал моего платья немного растягивался, потому что после такого ужина, мне это было нужно.

Не считая фуа-гра, нам подали четыре смены блюд сытной, замысловатой еды, и не элегантные, минимальные порции сытной, замысловатой еды, а огромные порции, которые отказалась бы подавать даже моя мама. Тем не менее, все было вкусно, но сытно.

Вино лилось рекой, и Валери расслабилась. Между моей прямоотой и поддразниванием Чейза она, казалось, уже чувствовала себя относительно комфортно к тому времени, когда мы направились в роскошную столовую, где стол был сервирован фарфором, серебром и хрусталем, настолько тонким и изысканным, что я подозревала, даже королева Англии с опаской возьмет его в руку.

За весь ужин случился лишь один инцидент. Дело в том, что стол украшали цветы, которые я заказала у Холли, и Валери обращала на них мое внимание и выражала свою благодарность так часто, что, в конце концов, у меня не осталось способов говорить «пожалуйста».

Заметив это, Чейз, казалось, напрягся, и, в конце концов, мягко пробормотал матери:

— Мама, она поняла. Они тебе нравятся. Оставь это, ладно?

При этом она чуть занервничала, и я подумала, что она опрокинет свой бокал, но я

снова пришла на помощь, сделав несколько замечаний по поводу бокалов для шампанского Чейза с гравировкой в виде подков и того, как они мне понравились. Она просияла от комплимента, расслабилась и успокоилась.

На самом деле, к тому моменту, как мы добрались до гостиной, меня одолело любопытство о сути этой драмы. Конечно, она казалась нервной, и ей очень хотелось мне понравиться и, чтобы я хорошо провела время, и Чейз казался нездорово настроенным на то же самое, но все шло не так уж плохо.

Пока вдруг, из ниоткуда, когда мы сидели в гостиной и болтали, и я допивала свой последний бокал вина, зная, что уже поздно, а дорога долгая, так что скоро нам предстояло выехать, глаза Валери загорелись. В то же время от Чейза хлынула волна безмерной неприязни, заполнившей комнату.

Не обращая внимания на эмоции Чейза, Валери отставила свой бокал в сторону, сцепила руки перед собой, ее глаза метались между Чейзом и мной, и она мгновенно выдала мне информацию, необходимую для понимания происходящего.

— Трейн приехал!

О-оу.

Я напряглась вместе с Чейзом, пока Валери продолжала бормотать:

— Он сказал, что занят и, скорее всего, не появится. — Она посмотрела на меня. — Я была опустошена. Я так хотела, чтобы ты познакомилась с ним, и отец Чейза очень хотел познакомиться с тобой. А встретившись с тобой, увидев, какая ты очаровательная, я еще больше захотела, чтобы вы с Трейном познакомились. И вот, — она перевела сияющий взгляд с меня на Чейза, — он здесь!

Затем вскочила с кресла и без лишних слов выбежала из комнаты.

Я повернулась к Чейзу, но он уже поднялся и тянул меня за собой, с рычанием объявляя:

— Мы уходим. Немедленно.

Я кивнула, не сказав ни слова. Просто наклонилась и взяла свою сумочку, но тут же насторожилась, потому что почувствовала по исходящим от Чейза вибрациям, что дальнейшие события будут разворачиваться не очень хорошо.

И не ошиблась, хотя и понятия не имела, насколько все будет плохо. И я понятия не имела, что самое плохое случится намного позже, и это будет очень плохо.

Мы выходили в фойе, когда встретили Валери и Трейна.

Я не удивилась, увидев, учитывая их богатство и чуть поблекшую с возрастом красоту Валери, что отец Трейна тоже очень достойно выглядел и был привлекательным.

Но меня удивило поразительное сходство Чейза со своим отцом. Они не были зеркальным отражением друг друга, в светлых волосах Трейна проблескивала седина. Но они были одного роста, одного телосложения, и глаза Чейза были того же цвета, что и у Трейна. Хотя Чейз был моложе, и мощь и сила его телосложения не исчезли, как у Трейна, сходство было феноменальным.

Мне не представилось возможности это обдумать, потому что в присутствии его отца, та эмоция, исходящая от Чейза, усилилась примерно на два десятка уровней, из-за чего мне стало трудно дышать. Но даже при том, что Трейн не мог этого не заметить, он едва взглянул на сына, устремив все внимание на меня.

Подойдя к нам, он послал мне знакомую, но менее естественную и теплую улыбку.

— Фэй, — он двинулся ко мне, когда я почувствовала, как Чейз, стоявший близко, начал странно теснить меня себе за спину, — рад встречи. Как же я счастлив, что успел домой

вовремя, чтобы познакомиться с тобой.

Не зная, что делать, учитывая окружающую обстановку, где Чейз мысленно кричал, чтобы я со всех ног бежала в горы, Трейн приветственно мне улыбался, а Валери стояла в сторонке, сияя от очевидного удовольствия, я просто замерла, но позволила Трейну взять мою руку.

Но когда Трейн коснулся меня, удушающая эмоция, исходящая от Чейза, достигла опасного предела. Однако оцепенелость не позволила мне ничего другого, кроме как дать Трейну поднять мою руку и прикоснуться губами к костяшкам пальцев, даже когда Чейз обнял меня за талию, впиваясь в нее пальцами, и его неприязнь наполнила комнату.

Я не вращалась в кругу богачей, так что не могла знать наверняка, может, они и целовали руки как само собой разумеющееся, но даже если бы Чейз не вел себя странно, мне бы не понравилось, что Трейн целует мне руку. Это было обходительно, я видела такое раньше в фильмах, но в то же время немного жутковато. Кроме того, он не мог упустить собственнического жеста Чейза, который кричал: «Отойди!». Таким образом, он не мог не заметить, что ставил меня в крайне неловкое положение, а это не было хорошо ни по отношению ко мне, ни по отношению к его сыну.

Трейн выпрямился и опустил мою руку, но не отпустил ее, продолжая игнорировать сына и глядя мне в глаза. Со своей стороны, я снова замерла, тогда как мне хотелось потянуть свою руку на себя, чтобы он ее отпустил, и в то же время думала, что это может выглядеть грубо.

— Ты обворожительна. Какая жалость, что я не смог быть за ужином, пока ты украшала стол своим присутствием.

— Спасибо, — прошептала я.

— Отпусти ее, — прорычал Чейз достаточно тихо, чтобы не услышала его мать, но его отец определенно услышал, потому что отпустил меня.

Его взгляд остановился на сыне.

— Чейз, — поздоровался он. — Ты хорошо выглядишь.

— Мы уже уходим, — ответил Чейз, проведя меня вокруг Трейна к своей матери. Я слышала усилия, которые ему требовались, чтобы управлять тоном своего голоса, когда он обратился к ней. — Извини, ма, но нам пора в путь.

Ее лицо мгновенно потускнело, показывая, что она не разочарована, а опустошена.

Она подалась вперед и умоляюще пробормотала:

— Может, задержитесь еще на один бокальчик, чтобы Трейн мог расслабиться и поболтать с тобой и твоей очаровательной Фэй?

— Нет, — коротко и резко ответил Чейз, наклонился, поцеловал ее в щеку, затем отстранился и сказал: — Я позвоню. Может, через пару недель у тебя получится приехать в Карнэл и провести с нами выходные.

— Но... — начала она, и по сжатию руки на моей талии, я поняла, чего Чейз от меня хочет, и шагнула вперед.

— Прекрасный ужин, — пробормотала я, ободряюще сжимая ее плечо и наклоняясь, чтобы коснуться ее щеки своей. — Мне очень понравилась еда, — я отодвинулась, поймала ее взгляд и сжала ее руку, прежде чем закончить, — и особенно компания.

Она схватила меня за руку и тоже наклонилась, бросая меня прямо под автобус.

— Пожалуйста, Фэй, уговори Чейза остаться выпить. Всей семьей, — умоляла она.

Она очень этого хотела, но я знала, что Чейз ей не уступит.

Меня спас от необходимости отвечать Чейз, когда решительно отвел от своей мамы и заявил:

— Нам нужно ехать.

Затем мгновенно повел нас к выходу, остановился у двери и открыл ее.

— Один напиток. Пятнадцать минут, — настаивала Валери, ее тон становился все более отчаянным.

Чейз подал мне пальто, но его глаза метнулись к отцу. Казалось, я уже хорошо его узнала, но моих знаний не требовалось, чтобы понять, что он велит отцу закрыть эту тему. Немедленно.

Трейн понял его посыл и подошел к жене, пробормотав:

— Уже поздно, дорогая. Они должны ехать.

Ее голос возвысился до такой степени, что в нем послышались истеричные нотки.

— Пятнадцать минут! Это все, о чем я прошу. Пятнадцать минут всей семьей.

— Бл*ть, — буркнул Чейз себе под нос.

Он помог мне надеть пальто, так что я, к сожалению, снова была свободна, чтобы прийти на помощь.

— Уже действительно поздно, и нам предстоит долгая дорога. Сегодня я работала, а с вашей вкусной едой, чудесным вином, которого было много, и хорошей компанией, боюсь, я валюсь с ног. Наверное, я засну в машине.

Я улыбнулась ей.

— Не говоря уже о том, что Чейзу уже пора спать. Итак, чтобы безопасно вернуться домой, мы должны ехать. Было очень приятно познакомиться с вами и, — я перевела взгляд на Трейна, — иметь возможность встретиться с вами тоже.

Я снова посмотрела на Валери.

— И я надеюсь, что вы примите предложение Чейза приехать на выходные. Я покажу вам свою библиотеку и приготовлю ужин.

Мышцы ее лица двигались так, будто она боролась со слезами, Трейн приблизился к ней и провел рукой по ее талии, что, казалось, придало ей силы сдержать слезы и кивнуть.

— Конечно, Фэй, ты права. Уже поздно, и вы с Чейзом должны ехать, — прошептала она с явным разочарованием.

Я подошла к ней и взяла за руку.

— Надеюсь увидеться с вами снова в ближайшее время.

— Да, — согласилась она, ее рука безвольно лежала в моей ладони, но я все равно сжала ее.

— Фэй, — коротко позвал Чейз, я оглянулась на него через плечо и кивнула.

Посмотрев на Валери, затем на Трейна, я сказала:

— Спасибо за прекрасный вечер.

— Пожалуйста, — пробормотала она, не сводя глаз с Чейза, ее очевидная меланхолия крайне тревожила.

Чейз проигнорировал это, схватил меня за руку и на прощание произнес лишь:

— Ма. Я позвоню.

Отцу он не сказал ни слова и даже не посмотрел на него.

Потом мы вышли за дверь, спустились по ступенькам и двинулись к «Юкону». Чейз отпер замки, подвел меня к моей дверце, распахнул ее и практически поднял на руки, чтобы усадить на пассажирское сиденье.

Едва я устроилась на месте, как дверца захлопнулась, а Чейз рысью обежал капот.

Я посмотрела на входную дверь, там стояли Валери и Трейн: он обнимал ее за плечи, а она с отсутствующим видом уныло смотрела на нас. Я подняла руку и счастливо помахала им, надеясь, что не выгляжу глупо или, что еще хуже, наиграно.

Чейз сел за руль, завел «Юкон», выполнил крутой разворот на просторной подъездной дорожке, и мы двинулись в путь.

Он, кстати, не помахал. Даже не взглянул на родителей.

Я дала ему время, и когда мы приблизились к Аспену, прошептала:

— Чейз...

— Ты знаешь, что я его ненавижу, — резко оборвал он меня. — И ты знаешь, что ее я люблю. Хочешь спать по дороге домой, спи. Но говорить я не хочу, так что, если не будешь спать, сделай мне одолжение и позволь ехать в тишине.

Я прикусила губу.

Затем позволила ему ехать в тишине.

И я без сна терпела его хмурое настроение всю дорогу домой, не подозревая, что худшее еще впереди.

Глава 17

Никогда

Было очень поздно, больше часа ночи, когда мы добрались до моей квартиры.

Поездка прошла в тишине, настроение Чейза ничуть не улучшилось.

Гораздо более короткая дорога вверх по лестнице до квартиры тоже прошла в тишине.

Я бродила по комнате, включая свет, пытаюсь решить, что делать, что сказать и мечтая скрыться в ванной и позвонить Лори, Лекси, Крис или Твайле, чтобы спросить у них совета, когда Чейз сказал:

— Я домой.

Я стояла возле своей стороны кровати, включала лампу, но от его слов, как от выстрела, моя спина выпрямилась, и мой взгляд метнулся к нему, стоящему в пальто у двери.

С той ночи, когда он лишил меня девственности, мы никогда не спали порознь. Ни разу. Никогда не ложились спать друг без друга.

Ни разу.

У меня не было хорошего предчувствия по этому поводу.

— Что? — прошептала я.

Он не повторил.

Вместо этого сказал:

— Езжай завтра к своим родным без меня. Я позвоню тебе в понедельник. Может быть, во вторник.

В понедельник?

Может быть, во вторник?

Холод пробежал по моей коже, хотя я все еще не сняла пальто, но я не шевельнула ни единым мускулом и уставилась на него.

— Пока, Фэй, — закончил он.

Пока, Фэй?

Никаких поцелуев. Никаких прикосновений. Никаких «милая», «дорогая» или «детка».

Просто: «пока, Фэй».

Он был у двери, когда я, заикаясь, позвала:

— Я... ты... Чейз, что происходит?

Он отвернулся от двери и посмотрел на меня.

— Тебе тоже нужно пространство. Все происходит быстро. Слишком быстро, на мой взгляд. Слишком быстро для тебя, ведь это твои первые отношения. Давай притормозим, я даю нам время, чтобы привести в порядок мысли.

Привести в порядок мысли?

Что там приводить в порядок?

Сердце начало колотиться так сильно, что я действительно его чувствовала.

— Я... мне... это не кажется быстрым, — осторожно сказала я.

— И все же, это быстро, — твердо заявил он, поставив точку в разговоре, и начал поворачиваться к двери, бормоча: — Позвоню во вторник.

От мыслей, сталкивающихся в моем мозгу, я видела его движения как в замедленной съемке, хотя, на самом деле, он двигался как обычно.

И мыслей у меня было много.

Очень много.

Недели мыслей.

И они появлялись так быстро, что, казалось, голова вот-вот взорвется.

Затем я почувствовала, как мои плечи расправились, и я сказала:

— Ты позвонишь мне во вторник.

Он оглянулся на меня и с нетерпением подтвердил:

— Да. Так я и сказал. Я позвоню тебе во вторник.

— Я видела тебя каждый день, спала рядом с тобой каждую ночь в течение нескольких недель, и вдруг я не только не увижу тебя, но и не получу от тебя вестей два дня.

— Все верно.

— Ты говорил мне, что я не буду спать без тебя, — напомнила я и закончила: — Никогда. Теперь ты говоришь, что я не буду спать с тобой два дня?

Мышца на его челюсти дрогнула, но он не произнес ни слова.

Мое сердце забилося быстрее.

Я сменила тактику.

— Что, если я не хочу ждать до вторника? — спросила я.

Он покачал головой.

— Фэй, уже поздно. Я вымотался. Мы поговорим во вторник.

— И тебе не важно, что я бы предпочла, чтобы ты остался, и мы либо поговорили о том, что явно тебя беспокоит, либо ты позволил бы мне позаботиться о тебе другими способами?

— Нет, не важно, потому что я устал. Я думал по дороге домой, и я уже сказал, как ты можешь обо мне позаботиться: дать мне пространство. Итак, ты даешь мне пространство, и мы поговорим во вторник.

Я бы дала ему пространство. Но он решил дать его себе без меня.

Меня тут же осенило, что Чейз многое решил без меня.

И меня также поразило, что всякий раз, когда мои подруги говорили мне, что их парням нужно пространство, на самом деле, они в нем не нуждались, им нужно было что-то совершенно другое.

Поэтому я приняла решение — первое в наших отношениях.

— Нет, не поговорим, — объявила я, и его брови нахмурились.

Затем он сделал успокаивающий вдох, явно подавляя раздражение от того, что имеет дело с неопытной девушкой, и объяснил:

— Когда я говорю, что мне нужно пространство, Фэй, когда кому-то нужно пространство, важно дать ему его.

О, нет.

Ни черта подобного.

Он мог быть моим первым почти во всем, но мне было не семнадцать, и я не познавала мир. Мне было двадцать девять, черт возьми, я не была глупой, у меня имелось собственное мнение, собственные желания, собственные потребности, и они были такими же ценными, как и его.

Наконец, внезапно мне все это так осточертело, что захотелось кричать.

Я не закричала.

Сбрасывая с себя пальто, я предложила:

— Отлично, бери его, да побольше.

Он полностью развернулся от двери и спросил:

— Что?

— Возьми его побольше, — повторила я, направляясь на кухню и по пути бросая пальто на табурет. — Ты хочешь его. Оно у тебя есть. Но не трудись звонить мне во вторник.

Его едва сдерживаемое терпение лопнуло, когда он заявил:

— Господи, Фэй, сейчас охеренно поздно, я пи*дец как устал. Я объясняю тебе, что мне нужно, чтобы ты поняла меня, и мне не нужна гребаная драма.

— Никакой драмы, — я открыла шкаф и достала бокал. Закрыв дверцу, я повернулась к нему, но не глядя на него, потянулась к бутылке вина на столешнице, и закончила: — Я даю тебе пространство. Много пространства.

— Ладно, — сказал он, когда я потянула за пластиковую штуковину, которую Чейз засунул в бутылку прошлым вечером, чтобы вино не выдохлось. Душераздирающе грустно, что я делаю это сама, потому что предыдущее решение Чейза означало, что он больше никогда этого не сделает.

— Но не звони в среду, — сказала я бутылке.

— Иисусе, — услышала я его вздох.

— Или в четверг, — продолжила я, наливая вино.

— Твою мать, Фэй.

— Или в пятницу, — продолжила я, поворачивая бутылку в руке, чтобы остановить льющееся вино, на наливав на стол.

— Фэй, это не имеет большого значения.

Не для него.

Но для меня это имело огромное значение.

Хотя ему явно было все равно.

Я поставила бутылку на стол, подняла на него глаза и закончила:

— Или вообще когда-либо.

Он замер, и его настроение снова окутало комнату, когда наши глаза встретились.

— Ты прав, — продолжила я, — ты этого не говорил, но я поняла. Я неопытна. Мне нужно руководство в отношениях. Половину времени я не знаю, что делаю.

Я отпила вино, выдержала взгляд Чейза, опустила бокал и проглотила.

— Но не обязательно знать что-то об отношениях, чтобы понимать: каким бы замечательным ни казался мужчина, какие бы чудесные чувства он в вас ни пробуждал, для него ненормально скрывать что-то от вас. Ненормально, что, несмотря на то, что у него в голове происходит что-то серьезное, он набрасывается и разрывает вас в клочья. Ненормально, что, хотя он и более опытен, чем вы, он не направляет отношения, а контролирует их железной рукой. Значит, тебе нужно время, а я не имею права голоса в этом вопросе? Забирай себе время. Все время.

Выражение его лица изменилось, и я напряглась.

— Ты придаешь этому большое значение, дорогая, — сказал он мягко, но не двинулся ко мне. — После того, что произошло сегодня вечером, мне просто нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— А что произошло сегодня вечером?

Чейз не ответил.

Когда это было важно, Чейз никогда толком не отвечал.

— Ясно, — пробормотала я, мое сердце сжалось, и мне стало совсем нехорошо.

Я отпила вина, не понимая, почему женщины всегда говорят о том, что вино помогает

при разбитом сердце. Оно не заставило меня чувствовать себя даже немного лучше.

Возможно, вина нужно больше.

Типа, целый ящик.

Чейз не двигался.

— Ты уходил, — напомнила я, довольная, что мой голос не дрогнул от подступивших к горлу слез.

— Я позвоню тебе во вторник, — прошептал он.

Я отсалютовала ему бокалом и предложила:

— Давай, попробуй.

Он не двигался.

Я отпила еще глоток.

Когда я опустила бокал, он, снова прочитав меня, заметил:

— Ты не ответишь.

— Неа, — подтвердила я шокирующе беспечно, учитывая, что внутри истекала кровью.

— Фэй... — начал он, делая шаг ко мне.

Я покачала головой и вскинула руку в его сторону.

— Э-э-э, нет. Дверь в другой стороне, Чейз.

Он резко остановился, его голова дернулась назад, словно от удара, затем он вскинул голову и напомнил:

— Ты говорила, что никогда не укажешь мне на дверь.

— Я передумала.

Он некоторое время изучал меня, и я надеялась, что, черт возьми, не показываю своих истинных чувств, а потом заметил:

— Ты же знаешь, моя у меня е*анутая семья.

— Нет. Я знаю, что твоя мама психически больна, и что это не в ее власти, это не ее выбор. Это такая же болезнь, как и любая другая, и здесь нет причин напрягаться или смущаться. Если бы у нее был диабет, рак, это никак не отразилось бы на ней. Но из-за того, что она такая, какая есть, ты такой, какой ты есть. Ты считаешь, что я осужу ее или, может быть, вас обоих из-за чего-то, что находится вне вашего контроля. Это нехорошо, и мне это не нравится.

— Фэй...

Я прервала его.

— И я ничего не знаю о твоём отце. Ты рассказал мне кое-что, но не все, определенно не то, что могло бы заставить тебя вести себя так, как ты вел себя вечером. Ради своей матери, ради того, чтобы оградить ее от волнения, было несложно поступиться пятнадцатью минутами и выпить с ним. Он был готов сделать это для нее. Но очевидно, в чем бы ни заключалась причина твоего отказа, она намного глубже. И, очевидно, ты не собираешься делиться ей со мной.

— Она глубже, — подтвердил он, но больше ничего не сказал.

— Да неужели? — спросила я, скрывая свое отчаяние за сарказмом.

— Дай мне время, — тихо попросил он.

— Сколько тебе нужно, Чейз? Год? Десять? Двадцать? — выпаливала я, теперь прячась за гневом.

— Это неприятно, — прошептал он.

— Как и многое в жизни, — парировала я. — Подсказка: я — не твоя мать. Да, я люблю

читать. И да, я много читаю. И да, я читала до тебя, потому что жизнь может быть отстойной, а жизнь в фантастическом мире иногда намного веселее, чем в реальном. Это не был выбор слабого человека, это был осознанный выбор. В моем городе орудовали продажные полицейские, моего отца часто задерживали, потому что ему не нравилась вся эта ситуация, и он об этом громко заявлял, но был не в силах остановить. Невинных людей, таких как Тай Уокер, экстрадировали в другие штаты, чтобы они предстали перед судом за убийства, которых не совершали. Женщин убивали, и пусть они не были такими уж хорошими, но все же не заслуживали смерти. Моим подругам изменяли их бойфренды, бросали после того, как с ними переспят, или лгали, или расставались без всякой причины. Я, знаешь ли, могу продолжать перечислять. Нет ничего плохого в том, чтобы сказать: «К черту этот мусор» и погрузиться в миры, где счастливая жизнь гарантирована или все настолько фантастично, что ты знаешь, что даже плохие вещи в них нереальны. Но это не значит, что я слабая или хрупкая. Это не значит, что я не могу жить своей жизнью. Каждый находит свой способ, чтобы сбежать. Я не чудачка. Даже ты сбегаешь от реальности в свой спорт. Части меня нравится, что ты хочешь защитить меня от неприятностей, но часть меня ощущает это пощечиной, с которой, по твоему мнению, я не справлюсь, но я могу с ней справиться.

Он сделал еще один шаг ко мне, сказав:

— Все хуже, чем ты ожидаешь.

— Хорошо, — мгновенно ответила я. — Возможно, это и так. Но то, что ты не делишься этим со мной, говорит мне, что ты не веришь, что я могу с этим справиться. А значит, ты не доверяешь мне отстаивать свою сторону отношений. И это показывает, что у нас нет отношений. Мне не нужно было состоять во многих отношениях, чтобы знать, что оба человека в отношениях несут ответственность за то, чтобы они оставались крепкими и процветали, и часть этого заключается в том, чтобы подставлять друг другу плечо. Ты подставляешь мне свое плечо, но отказываешься позволить мне подставить тебе мое. Я не возражала. Проявляла терпение. Давала тебе время. Хочешь еще, бери его, но не тащи меня за собой, когда будешь бороться с этим дерьмом, Чейз. Потому что чем дольше мы вместе, тем лучше ты должен знать меня, прийти к пониманию, что я могу справиться с этим и доверять мне. А ты даже и близко этого не делаешь. И это говорит мне, что этого и не будет. Итак, хочешь хранить свои темные секреты, чтобы они съедали тебя заживо? Хорошо. Но не заставляй меня смотреть на это.

— Значит, ты хочешь сказать, что несколько часов назад ты призналась мне в любви, а теперь, когда мне нужно пару дней, чтобы прийти в себя, ты расстаешься со мной, — сказал он низким, предостерегающим голосом. Но его предостережение меня больше не волновало.

— Да, — подтвердила я.

— Вот так просто?

— Нет, со мной такого никогда не случалось, но я сомневаюсь, что после того, как я по уши влюбилась в замечательного мужчину, который скрывает от меня важные вещи, я справлюсь с этим так просто. Я буду выпивать с подругами, плакать и размышлять, правильное ли решение приняла. Потом появится другой мужчина, он не будет таким замечательным, как моя первая любовь, но я думаю, что в конце концов переживу это и буду двигаться дальше.

Это были очень, очень, очень неправильные слова, и я поняла это, когда воздух из спертого превратился в удушающий, и Чейз двинулся вперед.

Я пыталась сохранять хладнокровие, наблюдая, как он снял пальто и перебросил его через изножье кровати, и указала:

— На улице холодно, Чейз, и дверь в другой стороне.

Его глаза скользнули по мне, и он сказал:

— Прекрати это дерьмо.

— Какое дерьмо?

— Притворяться холодной и отстраненной Фэй. Вот какое дерьмо, — ответил он.

— Ты прав. Это притворство. Маска, чтобы скрыть мое разбитое сердце. Но не важно. Это больше не твоя проблема. Теперь, могу я заметить, что ты просил меня предоставить тебе пространство, а сам все еще здесь?

— Другого мужчины не будет, — отрезал он, и я уставилась на него.

Потом спросила:

— Что?

— Ты не будешь с другим парнем, — он скрестил руки на груди и закончил: — Никогда.

— Это не твой выбор.

— Мой, — быстро ответил он. — Ты не можешь отдать другому то, что принадлежит мне.

— Ты этого не понимаешь, Чейз, но я только что забрала это обратно.

— Я тоже не могу отдать то, что принадлежит мне.

Боже! Он хотел уйти, почему бы ему просто не уйти?

Я должна положить этому конец.

— Думала, ты устал, — напомнила я.

— Я думал о том, чтобы уйти, — заявил он, и я снова уставилась на него.

Потом почувствовала боль. Ну и плевать. Я выпью вина, а завтра позвоню девочкам, а лет через пятьдесят мне полегчает, поэтому предложила:

— Вот дверь. Уходи.

— Был так близок к этому, — продолжил он.

— Чейз...

— Потом ты вернулась в город.

Моя голова дернулась в удивленном замешательстве.

— Но лишь взглянув на тебя, — продолжил Чейз, — решил, что смирился бы со всем этим дерьмом на работе, которое становилось только хуже, потому что моей конечной целью была бы ты.

Неужели он говорил то, о чем я думала?

— Милая, сладкая, тихая, красивая городская библиотечка в моей постели, с моим кольцом на пальце, мы наслаждаемся удовольствием, способам получать которое я ее научил, заводим детей, строим семью.

Святой чертов fuck!

Он говорил то, о чем я думала!

Нет, он говорил больше.

Я перестала дышать.

Он продолжил.

— Один лишь взгляд на тебя, когда ты стояла в проходе продуктового магазина, уткнувшись носом в книгу. Я пялился на тебя, такую чертовски милую, но понятия не имел, как ты можешь делать покупки, не отрываясь от книги. Но ты это делала. Ты подняла глаза,

увидела кого-то знакомого, улыбнулась, и я понял, что стоит пережить все это дерьмо на работе, чтобы сделать свой шаг. К этой милашке в моей постели. К этим волосам. Этим глазам. Этой улыбке. Определенно стоит. Так что я терпел, выжидал, пока перебежусь, чтобы все, что я дам тебе, было милым. Мы переедем в Гно Бон или Шантелл, чтобы я мог распрощаться со всем этим дерьмом, выкарабкаться из него, не забрав тебя от людей, которых ты любила, когда я заявлю на тебе права.

Святой чертов *frak, frak, frak!*

Я пыталась впустить в легкие воздух.

Чейз направился ко мне, продолжая говорить.

— Я ждал слишком долго.

Я смотрела, как он приближался, мое сердцебиение участилось, а ноги отказывались двигаться, не потому что я пыталась выглядеть крутой, а потому что застыла от шока. Он остановился в футах от меня, и я запрокинула голову, чтобы посмотреть на него.

Он поднял руку, забрал из моей руки бокал и с тревожным звоном поставил его на прилавок.

Я посмотрела на бокал, смутно пытаюсь убедиться, что он не разбился, затем снова перевела взгляд на Чейза, открыла рот, но не произнесла ни слова.

— Он прикоснулся к тебе, — сказал Чейз

Я растерянно моргнула, потому что не поняла его слов.

— Что?

— Он прикоснулся к тебе, — повторил Чейз.

— Кто?

— Мой отец. Он не только находился с тобой рядом, с моей Фэй, моей милой, чистой и нежной Фэй, но и прикасался к тебе. Взял за руку, держал, — он резко замолчал, втянул воздух через нос и рявкнул, — прикоснулся к тебе губами.

Ладно, а теперь: какого черта происходит?

— И? — тихо спросила я, когда он больше ничего не сказал.

— Он любит извращения.

Я снова моргнула, потому что эти слова были неожиданными, а также я не понимала, что он имел в виду.

— Что?

— Извращения, — выдавил он, — секс, дорогая, таит в себе массу приключений, и если ты закончишь эту дерьмовую игру, которую затеяла, и у нас будет время, я покажу тебе это, и мы исследуем это хорошими способами, которые нам обоим понравятся. Но секс также может быть странным. Каждому свое. Мне плевать, кто что делает, чтобы кончить. Чего мне не нужно знать, так это того, что моему отцу нравится это странное, и когда я говорю «странное», я имею в виду выворачивающее кишки, — он наклонился ко мне, чтобы сделать акцент, хотя в своем последнем слове акцент был неоспорим, — странное.

Я не хотела этого знать. И не хотела, чтобы он знал об этом. Я не понимала, почему он мне это рассказывает. И не хотела знать, как он об этом узнал.

Но он мне объяснил.

— Мисти с подругой выполняли задание Арни Фуллера и занялись этим дерьмом с моим отцом. Они также засняли это на видео. И стали его этим шантажировать. И я видел эту запись.

Мой рот открылся, желудок сжался, а желчь подступила к горлу.

Я закрыла рот, чтобы проглотить ее.

Глаза Чейза скользнули по моему лицу, и когда они встретились с моим взглядом, он прошептал:

— Да. Это достаточно неприятно для тебя, Фэй?

Определенно неприятно.

— Я... — начала я.

— Дальше хуже, — оборвал он меня, и я снова моргнула.

Хуже?

Как это может стать хуже?

Чейз объяснил.

— В этом и заключалась ее роль, и как только ты оправившись от шока, узнав, что это за дерьмо, ты поймешь сама. Но все же, я тебе расскажу. Она использовала эту запись, чтобы выкачать деньги из моего отца. Арни использовал эту запись, чтобы держать моего отца на коротком поводке, но Мисти пошла дальше, она хотела мое кольцо на своем пальце. Они прокрутили мне это видео и указали путь. Либо я женюсь на Мисти и буду работать с продажными полицейскими, либо эту запись увидит моя мама. Так что я оказался с гребаной женой, которая поимела моего отца не одним грязным способом. То дерьмовое видео было выжжено у меня в мозгу, а эта шлюха спала в моей долбаной постели. Вдобавок ко всему, с помощью всей этой дерьмовой ситуации я узнаю, что они делают с Таем и почему, и не могу сделать ни хрена, чтобы остановить это, иначе моя мама заплатит. И в заключении, насколько я понимаю, меня лишают любого шанса на будущее: Мисти меня не отпустит, а дерьмо не исчезнет. Ни будущего. Ни семьи. Ни тебя. Ничего из того, что я хотел всю свою жизнь, важные вещи, такие как любимая женщина в моей постели, и дети, которых мы завели бы в доме, который я обеспечивал бы, трудясь на хорошей работе, которой гордился. Только сука в моей постели и отец, который изменяет моей маме, и воспоминания о том, как он изменяет мне никогда не стереть.

О, мой fraking бог.

— Чейз... — прошептала я.

— Хочешь больше?

Мое сердце сжалось.

— Больше? — выдохнула я.

— Да, Фэй, — он наклонился ниже, — больше.

Я не хотела, но выслушала бы. Хотя, Чейз не дал мне возможности согласиться или отказаться.

Он продолжил рассказ.

— До Мисти, до того, как она сделала это с моим отцом, я был как Фрэнк. Делал все возможное для жителей этого города, зная, что дела идут скверно, но держал руки чистыми. Разговаривал с братьями, надеясь, что они отвернутся от темной стороны. После того, как меня поймали на крючок, после того, как я увидел ту запись, у меня не оставалось другого выбора, кроме как вступить в их ряды. Ты видела мою маму, и сегодня вечером она была в хорошем состоянии, сегодня вечером ты помогла ей держать себя в руках, но, Фэй, поверь мне, у нее случаются срывы. Она лежала в больнице. По моим подсчётам, сколько я себя помню, четыре раза. Один раз это длилось полгода. Это уничтожит ее. Если каким-то чудом ей станет лучше, она не сможет жить с ним. Проблема в том, что и без него она жить не сможет. Зная это, зная, что ей некуда бежать, она может никогда не оправиться. Я не хочу,

чтобы мама прозябала в больнице следующие тридцать лет. У меня не было выбора. Только держать рот на замке, брать конверты с грязными деньгами, отворачиваться от произвола и выполнять следующее задание.

— Ты вернул деньги, — тихо напомнила я ему. — Так было написано в газетах.

— Да, но когда дружки моего отца, Элита, вляпались в очередной беспорядок, в тот, с участием Арни, и его нужно было разруливать с помощью мускулов и значка, они послали меня. Не имея выбора, я пошел.

Я не поняла.

— Чейз, я не...

— Человек пытался вмешаться в шантаж и вымогательство Арни, и они послали меня, чтобы уговорить его. Вот только для уговоров мне пришлось использовать кулаки, а с той записью, готовой отправиться к моей матери в конверте, у меня не было другого выбора, кроме как сделать это.

Тут до меня дошло, и мои ноги невольно отступили на шаг назад, и, не то чтобы он мог, но все же Чейз не упустил это из виду.

— Вот именно, — прошептал он, его лицо было таким же суровым и жестким, как и его голос, — теперь ты видишь эту темноту, не так ли, детка?

— Ты обратился в отдел внутренних расследований, — прошептала я.

— Да, обратился. Я проглотил столько дерьма, сколько смог переварить, а потом, рискуя маминым рассудком, пошел в отдел внутренних расследований. Забавный выбор: психическое здоровье матери или собственная задница.

— И город, — добавила я.

— Да, и город. Детектив Чейз Китон, отважный герой, уничтоживший банду продажных копов. Но тот факт, что я был одним из них, скрыли. И то, что я годами делал дерьмо или закрывал глаза на то, как его делают другие, когда людей имели направо и налево. Не только незначительные случаи, вроде незаконного задержания твоего отца, о чем, кстати, Фэй, я знал, но не мог ничего сделать. Но и очень весомые, вроде бесчинства против Тая Уокера, потерявшего пять долбанных лет своей гребаной жизни, гния в тюрьме Штатов, отбывая срок за преступление, которого он не совершал. Твой папа говорил, что не хочет знаться с человеком, который, когда происходит нечто плохое, не делает все возможное, чтобы это исправить. Ты тоже живешь этим принципом, и я тот человек, с которым ты не хочешь знаться.

— Чейз, ты не сидел, сложа руки, — напомнила я.

— А до этого делал совершенно другое, Фэй. Делал все неправильно.

— Тебя заставляли.

Он покачал головой.

— Сильного человека никто бы не заставил.

— Твоя мама...

— Я должен был уйти.

— А я бы не ушла, — мгновенно ответила я.

От моих слов он вздрогнул.

— Если бы кто-то намеревался навредить моей маме, папе, Лизе, мальчикам, кому-то из моей семьи или кому-то, кого я люблю, я сделала бы все, что в моих силах, чтобы остановить это. Любой, кто любит кого-то, так поступит.

— Даже вывалиется в грязи? — спросил он с тяжелым недоверием в тоне.

— Все, что угодно.

Он покачал головой.

— Нет, дорогая, легко сказать, сложнее сделать.

— Я не говорю, что это было бы легко, но я бы это сделала.

— Ты бы не сделала.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. Тебя вырастили Сайлас и Сондра Гуднайт. Ты сделаешь правильный выбор.

Меня же вырастили Трейн и Валери Китон. Я бы сделал неправильный.

— Ты сделал единственный выбор.

— Оглядываясь назад, все кажется ясным, но в то время это было не так, и у меня был выбор. Я просто не сделал правильный.

— Ты любил ее, и тебя вынудили. У тебя ушло на это некоторое время, но в конце концов, ты увидел свой путь и очистил город, и, кстати, это спорный вопрос, был ли это правильный выбор, поскольку я могу предположить, что это сделало ее более уязвимой, чем она уже есть.

— А перед этим, Фэй, я избил человека, заставив его выдать мне дерьмо, которое он имел на кучку мужиков, которые не заслуживали таких усилий.

Я вздрогнула и увидела, как от этого его лицо стало жестче, но осталась стоять на своем.

— Ты сделал это ради Валери.

— Я поступил неправильно.

— Ты сделал то, что должен был.

— Да, и это... было... неправильно.

Ну, все, с меня довольно.

Как и с Чейза.

Пришло время для прорыва.

— Боже! — Я вскинула руки, теряя самообладание. — Неужели ты не понимаешь, что сила, стоящая за любовью твоих поступков ради матери и, чего ты не признаешь, Чейз, но и ради твоего отца, — это прекрасная вещь, которой ты должен гордиться?

Его тело окаменело.

Я не заметила этого, так как была на задании и уже зашла слишком далеко.

— Неужели ты считаешь, что если во имя любви ко мне ты бы отвернулся от всех своих принципов ради моей защиты, я бы не любила тебя сильнее? Потому что ты так сильно меня любишь, что сделаешь все возможное, чтобы защитить меня? Даже зайдешь так далеко, что потеряешь самого себя? Но чего ты не понимаешь, Чейз, так это того, что ты всегда оставался самим собой. То, что они сделали, было неправильно. То, что сделал ты, было правильно.

Чейз не шевельнулся, даже не дернулся, и я по-прежнему это не замечала.

Я была в ударе.

— Прими ты другое решение из-за желания стать тем, кем ты хотел стать, чтобы защитить желаемое будущее, это было бы эгоистично. Тот выбор, что у тебя был, вовсе не был выбором. Спасти того, кого ты любишь, не дав ему сломаться, или спасти город и свою задницу. Ты прожил всю свою гребаную жизнь, защищая свою мать. С рождения был готов играть эту роль. Но даже в этом случае ты выбрал более трудный путь, чтобы поступать правильно, даже если это означало, что тебя вынудили поступать неправильно, пока ты шел

по этому пути. Ты поступил бескорыстно, храбро и героически. Тем более, учитывая, что Валери, если Бог поможет, никогда не узнает, что тебе пришлось сделать ради ее защиты. Так что, ты защищаешь ее и тем, что оставляешь в неведении, относительно того, через что ее сын прошел ради нее. Ты поступил так, понимая, что даже не услышишь ее благодарности. Ты поступил так, понимая, что получишь одно только дерьмо, но при этом ее душевное спокойствие никто не нарушит.

Чейз просто смотрел на меня, не двигаясь.

Я продолжала свою тираду.

— Если бы мой отец узнал это, он бы восхищался тобой. Если бы моя мама узнала это, она бы обожала тебя. Если бы горожане узнали об этом, они бы уважали тебя больше, чем сейчас.

— Ясно, — мягко сказал он. — Думаешь, ты во всем разобралась, тогда, что насчет Мисти?

— А что насчет нее? — огрызнулась я.

— Она была моей женой. Я обращался с ней как с дерьмом. Изменял ей и, в конце концов, не защитил.

Только не это!

— Черт возьми, Чейз! — закричала я. — Она не была твоей женой, она была твоей ношей! Тюремным надзирателем. Тай провел за решеткой пять лет. Ты же провел шесть, но в другой тюрьме. Это даже ненормально, что, сделав с тобой такое, она считала, что ты переживешь это и влюбишься в нее или попытаешься найти хотя бы минимальное удовлетворение в такого рода договоренностях. У меня в голове не укладывается то, как она поступила с Таем, и то, как она поступила с тобой я совершенно не понимаю. Ситуации схожи, и все же в разы хуже. Она тебе не нравилась, поэтому ты не притворялся, что она тебе нравится. Ты женился на ней не по любви, поэтому жил своей жизнью, будто ее не существовало. Она заслужила это, занимаясь... занимаясь... — я запнулась, слишком вне себя, чтобы подобрать слова, а затем выпалила, — тем, что бы ты назвал серьезной херней. При ее жизни, ты не обращался с ней иначе, чем она того заслуживала, и сюда относится способ, которым она покинула этот мир. Это также не твоя вина, берешь ли ты ее на себя или нет. Взять на себя вину — твое решение, а не твоя ответственность, не твое проклятие. Это твое решение. И ты можешь решить его не принимать. Ни один здравомыслящий человек, которому даже не обязательно любить тебя так, как люблю тебя я, не станет со мной спорить.

— Детка... — начал он мучительным шепотом, но я все еще ничего не замечала.

— Нет! — рявкнула я, поднимая руку между нами. — Я еще не закончил. Я знаю, что ты старше и опытнее меня, но тебе нужно знать, что если бы ты доверил мне эту информацию о своем отце, какой бы мерзкой она ни была, это дало бы мне инструменты, чтобы справиться с сегодняшним вечером совсем по-другому. Я могла бы избежать его прикосновения, чтобы это не расстроило тебя, и могла бы сгладить наш отъезд, чтобы твоя мама не расстраивалась. Если бы я знала о ситуации, я могла бы ее исправить. Что я и сделаю в будущем, если у нас будет будущее, в котором мне не захочется пнуть тебя по голени или попытаться вбить в твою голову хоть немного здравого смысла, даже если ты больше и сильнее меня, и если я смогу контролировать свое желание врезать твоему отцу по носу!

Мой голос становился все громче, по мере того, как я все сильнее распалялась.

— Нет, мне просто не верится! И это твоя темнота? Это твой большой секрет, который

оттолкнет меня? Это то, что тебя съедает? Тот факт, что ты хороший человек, фантастический сын, и когда ты сталкиваешься с невозможным выбором, который поставил бы большинство мужчин на колени, ты продолжаешь быть замечательным, заботясь о сбежавших, подвергшихся насилию детях, поддразнивая свою новую девушку, заставляя ее чувствовать себя принцессой и доставляя ей невероятные оргазмы? — Я наклонилась к нему, сузив глаза: — Серьезно?

Потом я больше не наклонялась к нему, потому что была перекинута через плечо Чейза, и он повернулся и шел к кровати.

— Чейз! — рявкнула я ему в спину. — Я еще не закончила!

Он скинул меня с плеча, и я, втянула воздух, пока летела вниз, приземлилась на кровать, и не успела еще раз вдохнуть, как он приземлился на меня сверху.

— Закончила, — прорычал он мне в лицо.

— Нет, — прошипела я.

Потом я закончила, так как он очень крепко меня поцеловал, расстегивая одной рукой молнию на моей спине.

Хорошо, этот поцелуй был хорош, лучше, чем большинство, а они все были суперхороши, так что это о чем-то говорило. Видимо, накал эмоций способствовал эффективным поцелуям.

Тем не менее, когда он оторвался от моего рта, я продолжила свою речь, немного задыхаясь:

— Я еще не закончила вправлять тебе мозги.

Чейз ответил невербально. Выгнулся дугой, приподнимаясь надо мной и... вжух! Мое платье было стянуто через голову, увлекая за собой мои руки. Когда оно исчезло, Чейз прижал руку к моему животу, а его глаза не отрывались от моего тела.

— Увидев тебя в этом платье, в котором ты просидела рядом со мной весь вечер, я знал, что позже сниму его с тебя, — пробормотал он себе под нос, его рука скользнула вниз по моему животу, так что кончики пальцев могли провести по поясу моих трусиков.

Ему понравились трусики. Приятно знать, но ничего нового.

— Эй? — позвала я, и его глаза встретились с моим взглядом. — Мы ссоримся, помнишь?

Две вещи произошли одновременно. Губы Чейза оказались на расстоянии одного вдоха от моих губ, и рука Чейза скользнула мне в трусики.

Я перестала дышать.

— Готовься, детка, скоро ты узнаешь кое-что новое.

— И что же это? — ехидно спросила я (но все еще задыхаясь, что, к сожалению, свело мое ехидство на нет), опуская руки ему на плечи, готовая оттолкнуть.

— Примирительный секс, — ответил он, его пальцы в моих трусиках задвигались так, как мне нравилось, по животу резко разлилось тепло, и вместо того, чтобы оттолкнуть (frak!), я вцепилась в его пиджак.

Сопrotивляясь его притяжению, я рявкнула:

— Мы еще не закончили ссориться.

— Закончили.

— Нет, не закончили.

Его средний палец сильно задел клитор, а затем проник глубоко внутрь, и это было так чертовски приятно, что я задохнулась, мои бедра дернулись, но остальное тело растаяло под

ним.

Я была как в тумане, но все еще чувствовала его улыбку на своих губах, когда он пробормотал:

— О, да, закончили.

Потом он поцеловал меня, и мы закончили.

Закончили с ссорой.

Но не с другим занятием.

Секс, как я уже говорила, был потрясающим.

Примирительный секс был не от мира сего.

Повышенные эмоции не только способствовали эффектным поцелуям, но и всему остальному.

Я не думала, что кто-то из нас сдерживался во время секса. Иногда Чейз контролировал интенсивность. Редко, но могло случиться так, что я немного робела из-за наготы, но Чейз чувствовал это и никогда не настаивал.

Но после того, как вы чуть не расстались с любимым парнем, хотя его лучший друг предупреждал вас не делать этого. После его откровения, что он лишь мельком взглянул на вас и понял, что хочет провести остаток своей жизни с вами, а затем поделился с вами своими самыми глубокими, самыми темными секретами, которые были очень глубокими и пугающе темными. После этого вы ни о чем не думали.

Ни о чем.

Но с помощью друг с друга, этих эмоций и всего остального вы должны были избавиться от плохого и призвать хорошее.

И это хорошее было приятно.

Это были руки, рты, пальцы, языки, перекатывающиеся, дергающие за одежду, сбивающие обувь, отбрасывающие их, затем сжимающие, царапающие, облизывающие, сосущие, кусающие, движущиеся, задыхающиеся, стонущие, хнычущие и рычащие.

Затем Чейз взял верх и поставил меня на колени, и за две секунды до наступления моего оргазма, он вырвался из меня, лег на спину и дернул меня на себя, заставив скакать на нем. Что я и сделала, жестко, с закрытыми глазами, мои бедра двигались быстро, глубоко вдавливаясь, мои руки скользили по его груди.

Затем я оказалась на спине, Чейз двигался между моими бедрами, опираясь одной рукой о матрас, а другой — орудуя между моих ног, надавливая большим пальцем как раз там, где мне было нужно.

И, о боже, это было приятно.

Так приятно, что я снова была так близко, что это не было приятно. Это было фантастически.

Чейз вошел глубоко, врезавшись в мои бедра, и замер.

— Фэй, — прорычал он, и я повернула голову к нему и попыталась сфокусировать на нем взгляд. — Никто не войдет сюда, кроме меня, — заявил он, все глубже вдавливаясь в меня.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Никто, Фэй.

— Хорошо, милый.

Он вышел, ворвался и снова замер.

— Никогда, Фэй.

— Никогда, Чейз.

Он вышел, ворвался, снова замер и приказал:

— Повтори еще раз.

— Никогда.

Еще один удар и вращение:

— Назови мое имя, детка.

— Чейз, — захныкала я, извиваясь под ним, будучи так чертовски близко к оргазму.

Отпустив мое колено, он опустил на предплечье рядом со мной. Просунул руку мне под затылок, и его пальцы сомкнулись вокруг моей шеи сзади.

Я тут же закинула ногу на его бедро и запрокинула голову. Прижавшись губами к моим губам, он прошептал:

— Ты меня любишь?

— Да, — выдохнула я.

— Навсегда?

Он не толкался сильно и глубоко. Его ритм стал более плавным, нежным, прекрасным, и я, наконец, сосредоточилась на нем, мои руки скользнули вокруг него, чтобы крепко обнять.

— Навсегда, — прошептала я.

Чейз наклонил голову и поцеловал меня, его язык скользнул мне в рот, и я кончила.

Его толчки стали быстрее, мощнее, проникая глубже, и я почувствовала, как он достигает собственного освобождения, уткнувшись лицом мне в шею и низко застонав.

Он начал скользить внутрь и наружу, и мне это тоже понравилось, прежде чем войти глубоко и остановиться, в этот момент один из его локонов привлек мое внимание. Моя рука, двигаясь по собственной воле, поднялась вверх по его спине, пальцы сомкнулись на локоне, и я слегка потянула за него, вызывая при этом легкую, счастливую дрожь.

— Судя по всему, — пробормотал он мне в шею, — я не устал.

Я закрыла глаза, отпустила его локон и обвила его бедро другой ногой, чтобы крепко обнять его всеми доступными мне средствами.

— Но, к сожалению, — продолжил он, — когда ты так сильно злишься и не ссылаешься на гиковскую хрень, ты говоришь чертовски разумные вещи.

Это означало, что я прорвалась.

Спасибо, Господи, я прорвалась к нему.

Я открыла глаза и наклонила голову так, чтобы коснуться губами местечка под его ухом, непослушные завитки щекотали мою верхнюю губу, и я прошептала:

— Чейз.

Он поднял голову, и у меня перехватило дыхание от выражения его лица, тепла, сожаления и чего-то еще, чего-то огромного, чего-то такого, что заставило сердце учащенно забиться.

— Я должен был сказать тебе раньше. Должен был доверять тебе. Должен был понять по всему, что ты мне говорила, какой ты была со мной и с Малахией, что ты справишься. Я был неправ, детка, и я облажался. Но я люблю тебя, Фэй, и защита, идущая руку об руку с любовью, — это все, что я знаю, — тихо признался он.

Моя грудь сжалась, а глаза начало щипать.

То, что я увидела в выражении его лица, было любовью.

Он любил меня.

Любил меня.

— Ты любишь меня? — прошептала я, просто чтобы подтвердить.

— Влюбился в тебя в продуктовом магазине, а ты даже не знала, что я там был.

— Наверное, — призналась я, и уголки его губ приподнялись, но это было не дразняще и мило, а странно грустно.

— Потом ты влюбилась в меня, но я этого не знал. Ты хотела меня, я хотел тебя, я слишком долго ждал того, что хотел, и прое*ал свою жизнь.

— Ты не прое*ал свою жизнь, Чейз.

— Если бы я сделал к тебе шаг, когда захотел, последние семь лет лежал бы с тобой в моей постели, и Мисти не заметила бы меня. Тай бы не...

Я сжала его всеми конечностями и резко прошептала:

— Остановись.

Он закрыл рот.

— Того, что произошло не изменить, но одно изменить можно, — это твое чувство, что весь мир лежит на твоих плечах. И еще одно, что ты понял с тех пор, как заболела твоя мама, — ты считаешь, что несешь ответственность за все вокруг и можешь это исправить, сделать лучше или, по крайней мере, смягчить падение каждого. Твой отец, когда ты рос, тоже должен был защищать тебя от этого. Но он явно этого не делал, доказав, что он худший отец не только в мире, но и в истории.

— Не хочу его оправдывать, милая, но живя тем, чем жил я, ребенка не убережешь.

— Это спорно, и ты прав, я не жила этим, но права ли я, утверждая, что он и не пытался?

Чейз выскользнул из меня, перекатил нас на бок, убрал волосы с моего лица, но продолжал держать в них пальцы, прежде чем тихо ответил:

— Ты права. Он не пытался.

Обе его руки крепко сомкнулись вокруг меня, прижимая теснее, хотя и не отпуская моих волос, но его ноги переплелись с моими, и он продолжил.

— Не хочу снова тебя разозлить, но я его понимаю. С девочками иначе, чем с мальчиками. Мужчина захочет, чтобы его сын достиг каких-то высот.

— Возможно, но я буду права, сказав тебе, что с детьми тоже иначе, чем с взрослыми. От детей не ожидается, что они достигнут каких-то высот, пока не придет время учить их быть взрослыми. Но прежде чем это сделать, необходимо позволить им быть детьми. Я могу лишь догадываться, что у тебя никогда этого не было.

Он закрыл глаза и наклонил голову, так что наши лбы соприкоснулись, но не раньше, чем я увидела, как на его лице отразилось уязвимое выражение, и я, наконец, поняла.

И возненавидела это.

Он открыл глаза, откинул голову назад на полдюйма и подтвердил то, что я только что поняла.

— У меня никогда этого не было, — прошептал он.

Я смотрела в его прекрасное лицо, чувствуя, как великолепные волосы на его груди щекочут мою грудь, как его сильные руки обнимают меня, как его тяжелые ноги переплетаются с моими, как его тепло просачивается в меня. Я все это осознала, но вместо того, чтобы вместе с окончанием нашей ссоры, признанием в любви и продолжительным оргазмом успокоиться, я разозлилась.

И при этом я имею в виду, что я... разозлилась.

Поэтому сообщила:

— Знаешь, даже Дарт Вейдер имел любезность попросить Люка присоединиться к нему на темной стороне.

Чейз моргнул, потом его объятия сжались.

Но было слишком поздно.

Слишком поздно.

Я пошла в разнос.

— Да, они дрались насмерть, и он отрезал Люку руку, но, тем не менее, он дал ему право выбора.

— Фэй... — начал он дрожащим от смеха голосом, но я этого не заметила.

Ни капельки.

— А Трейн Китон? — спросила я и тут же ответила: — Нееет. Он не просит. Просто тащит тебя за собой. Никакой протянутой руки. Никакого: «Чейз, я твой отец. Присоединяйся ко мне на темной стороне», чтобы дать тебе возможность сказать: «Никогда!» Такое не для него. Нет. Он просто пихает тебя в самую гушу!

— Милая...

Я высвободилась из его объятий, но только для того, чтобы сесть, опрокинуть его на спину и продолжить:

— В смысле, серьезно? Ты видел извращенное секс-видео с его участием! Как он вообще может смотреть тебе в глаза, а тем более целовать руку твоей девушки? Мерзость! У Дарта Вейдера не было девушки. Все его внимание занимало подавление мятежа! Как и должно! — Я перешла на крик. — До этого момента я никогда бы не подумала, что скажу такое об Империи, но вот я говорю это! У Дарта была миссия и, учитывая, что Император был морщинистым и серьезно болен, стоило спросить себя: что за фрак? Но было видно, что глубоко внутри Дарт боролся. Потому что глубоко внутри он был Энакином. В Трейне Китоне нет Энакина! — прокричала я, а потом оказалась лежащей на спине в постели, а Чейз навалился на мне сверху.

— Детка, успокойся, — прошептал он, ухмыляясь.

Его ухмылка ускользнула от моего внимания, так как я сосредоточилась на том, чтобы хмуро заявить:

— Мне не нравится твой отец.

— Хорошо, дорогая.

— Дарт Вейдер — лучший отец, что точно показывает, насколько плохой твой отец.

— Хорошо, детка.

— И скажу тебе вот что: хорошо, что я не обученный джедай, иначе взяла бы свой световой меч, прыгнула бы в свой звездный истребитель T-65 X-wing и помчалась бы в Аспен и вызвала бы его на бой.

Подергивание его губ также ускользнуло от моего внимания, когда он пробормотал:

— Да, дорогая, это хорошо.

— Может, он и силен даже в преклонном возрасте, но ему не тягаться со световым мечом, — авторитетно добавила я.

— Наверное, нет, — пробормотал Чейз.

Я продолжала хмуриться.

Чейз продолжал ухмыляться, но теперь его тело тряслось поверх моего, так что я, наконец, поняла, что он смеется.

— Это не смешно, Чейз, — огрызнулась я, но он должен был знать это гораздо лучше меня.

— Определенно не было в течение тридцати пяти лет. А две минуты назад стало чертовски смешно.

Я раздраженно вздохнула.

Чейз продолжал ухмыляться.

Я еще раз раздраженно вздохнула.

— Звездный истребитель T-65 X-wing? — спросил Чейз.

— Боевой космический корабль Альянса повстанцев.

— Звездный истребитель T-65 X-wing? — повторил Чейз.

— Ты смотрел «Звездные войны»?

— Да, — ответил он.

— Больше, чем один раз? — напирала я.

— Ага, — сказал он, все еще улыбаясь.

— Тогда, ты знаешь об истребителе X-wing. Все знают об истребителе X-wing, поскольку он, Люк и Сила уничтожили Звезду Смерти.

— Да, детка, я знаю об истребителе X-wing. Просто понятия не имел, что он называется звездный истребитель T-65 X-wing.

— Это не секретная информация, Чейз. Об этом можно прочитать в Википедии.

Его тело снова начало трястись, как и его голос, когда он спросил:

— В Википедии?

— Прекрати смеяться надо мной, когда я злюсь, — рявкнула я.

— В Википедии? — повторил Чейз, теперь его тело сотрясалось, а вместе с ним сотрясались я и кровать.

— Хватит смеяться! — крикнула я, шлепая его по руке.

Внезапно он обхватил мое лицо ладонями, наши тела и кровать перестали трястись, и все мое внимание сосредоточилось на нем, главным образом потому, что он был всем, что я могла видеть.

— Я только что посмеялся над своим отцом, впервые с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, и мы с Деком болтали о нем всякую чушь в подвале у Дека, напивались, а Дек давал мне возможность выпустить пар. Теперь и, возможно, до конца своих дней, если представится случай, я буду смотреть на своего отца и видеть Дарта Вейдера, и мне захочется посмеяться над этим, а не оторвать ему голову, что я считал невозможным. До нынешнего момента. Теперь, после шести гребаных лет, когда я чувствовал себя погребенным под тонной дерьма, я смотрю на это твоими глазами и, наконец, чувствую себя чистым. Впервые за шесть лет я чувствую себя свободным. Я чувствую облегчение. Я с облегчением отпустил это дерьмо. Я рад узнать, что у тебя есть силы, чтобы принять это. Я рад узнать, что ты можешь быть с моей мамой и успокаивать ее. Я чертовски вне себя, что ты меня любишь. Я рад, что ты знаешь, что я тоже тебя люблю. Чего я точно не делаю, детка, так это смеюсь над тобой.

О да, я прорвалась.

— Хорошо, — прошептала я, обвивая его руками.

— И я бы никогда так не поступил, — продолжил он.

— Хорошо, — прошептала я, крепко сцепив руки.

— Ты милая и заставляешь меня смеяться и, клянусь Иисусом, оглядываясь назад, я не

помню, чтобы делал это с кем-то, кроме Дека, и чувствовал себя при этом свободным и чистым.

О, боже. Seriously. Я прорвалась.

— Хорошо, — прошептала я, и слезы вновь защипали глаза.

— Так что позволь мне насладиться смехом без твоих шлепков и раздражения на то, что я, наконец, смеюсь от всей души.

— Хорошо, — прошептала я еще раз и глубоко вдохнула.

Чейз посмотрел мне в глаза.

Я затаила дыхание и прикусила нижнюю губу.

Взгляд Чейза упал на мой рот, когда он пробормотал:

— Википедия.

Я расслабилась и сообщила:

— Позже, когда все будет, эм... менее интенсивно, мне потребуется твое мнение о том, кто выстрелил первым — Гридо или Хан.

Уголки губ Чейза приподнялись, брови нахмурились, а глаза снова встретились с моим взглядом.

— Мое мнение вызовет проблему?

Ничто с Чейзом не вызовет проблему.

Уже нет.

И все же.

— Э-м... — пробормотала я.

Ладони на моей голове сжались, большие пальцы скользнули по моим скулам, один коснулся моих губ, когда лицо Чейза нависло очень близко, и он прошептал гортанно и хрипло:

— Я охеренно сильно люблю тебя.

Ладно, мне не очень нравились ругательства.

Но это звучало очень, очень хорошо.

— Я рада, — прошептала я в ответ.

Его большие пальцы снова скользнули по моим скулам, затем он поцеловал меня в нос и пробормотал:

— Иди в ванную, дорогая, чтобы мы могли немного поспать.

Я кивнула.

Чейз откатился.

Я пошла в ванную, привела себя в порядок, вышла, подошла к комоду и натянула новую ночнушку. Очень обтягивающую, эластичную и фиолетовую, с кружевными чашечками и полностью прозрачную, поэтому я дополнила ее подходящими кружевными трусиками-бикини.

Когда я повернулась и направилась к кровати, Чейз неотрывно смотрел на меня.

Я подняла колено, чтобы поставить его на кровать, и наши глаза встретились.

— Seriously? — задал он вопрос, на который я не знала ответа.

Поэтому произнесла:

— Э-м...

Чейз сделал выпад.

Какое-то время мы не спали, а когда улеглись, на мне была ночнушка, но трусики валялись на полу.

В моей квартире было темно, мы лежали на боку, лицом к лицу (или мое лицо у его шеи, его — у моей макушки), тела переплелись, и я была в двух шагах от мира грез, когда он пробормотал:

— Хан выстрелил первым. У Гридо не было шанса.

Это был правильный ответ.

Хан Соло был крутым парнем, и Чейз это знал.

Поэтому по этой и другим более важным причинам я заснула с улыбкой.

Глава 18

Моя сестра

Чейз моргнул, прогоняя сон, чувствуя, как Фэй прижимается к нему, вдыхая запах ее волос, ее стойких духов и видя, как позднее апрельское солнце проникает в ее квартиру.

Первой его реакцией было прижать ее, лежавшую уже и так близко, еще ближе.

Первой его мыслью было, что на выходных они пойдут в торговый центр, чтобы купить для его кровати такие же простыни, как у нее.

Ему нравилась ее квартира: стиль, атмосфера, близость к «Ла-Ла Ленду» и их с Фэй работе, но с этим было покончено. Покончено с двумя местами, двумя шкапами, с двумя холодильниками, которые нужно заполнять, и с утренними разговорами о том, в какой из двух кроватей они закончат день.

Она могла придать свой стиль и атмосферу его дому.

И Чейз решил, что она переезжает.

Вероятно, ее родители это не одобрили бы, заставив Фэй сомневаться.

Поэтому он решил, что лучше всего надеть ей на палец кольцо.

Они встречались не так давно, поэтому помолвка у нее могла быть продолжительной, пока она проводила эту помолвку с его бриллиантом на пальце и своей задницей в форме сердечка в его постели.

Мысли о ее заднице направили его руку к ней.

Она вообще перестала натягивать трусики перед сном. Спала в своих ночнушках, которые ему нравились. Они были сексуальными. Приятными на ощупь. Выглядели великолепно. Но Чейзу нравилось, что она перестала надевать под них трусики.

Это означало, что в постели у него всегда был полный доступ.

Он провел ладонью по ее попке, а другой рукой сжал талию, притягивая ее еще ближе. Она пошевелилась, слегка откинув голову назад, ее веки затрепетали, не спеша открываясь, прежде чем он увидел ее кристально-голубые глаза.

— Привет, — прошептала она, и его стояк дернулся.

— Доброе утро, детка, — прошептал он в ответ.

Его глаза скользнули по ее лицу.

Новая прическа ему нравилась. Она почти не изменилась: густая длинная челка подчеркивала глаза, пряди по бокам делали то же самое с линией шеи. Утонченно, но эффектно. Она выглядела более зрелой, но все же на свой возраст. Стильно и неосознанно сексуально.

Она прильнула к нему еще ближе, он снова провел рукой по ее попке, ее бедра прижались к его, и она откинула голову еще дальше, и распахнула глаза.

Это было приглашение, которое он принял, нагнувшись, подарив ей нежный, короткий, глубокий поцелуй.

Прервавшись, он пробормотал ей в губы:

— Хочешь поспать, а я пойду на пробежку? Или хочешь заняться любовью? Или хочешь потрахаться?

Это заставило ее томно моргнуть, прежде чем она вздернула подбородок, двинулась вперед, и он почувствовал ее губы на своем горле.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями, и он чертовски

возбуждался, когда она прошептала слово, которое редко использовала, но оно всегда оказывало на него сильное влияние, когда ее мягкий, тихий, музыкальный голос окутывал его.

— Потрахаться.

О, да.

Его пальцы впились в ее попку, рука скользнула вверх по ее талии и нырнула ей в волосы. Он сжал их в кулак, нежно оттянул ее голову назад и наклонился, чтобы взять ее рот.

Этот поцелуй не был мягким или коротким. Но был глубоким.

Затем Чейз вошел в нее.

Затем принялся ее трахать.

* * * * *

Чейз подошел с пустой тарелкой к раковине, где стояла Фэй, мысленно отметив, что ему не нужно покупать новый халат. Старый он выбросил, и теперь, находясь у него дома, она брала одну из его рубашек или футболок, и, поскольку те же самые предметы одежды были и в ее шкафу и ящиках, она стала носить их и у себя дома.

Вот в чем она сейчас и была одета: в его чистую рубашку, с закатанными рукавами, мокрыми после душа волосами, она стояла у раковины и мыла посуду после завтрака.

Он поставил свою тарелку рядом с раковиной, встал у нее за спиной и откинул ее волосы в сторону, так что они, по большей части, свисали на одно плечо, лишь одной милой прядью обвивая шею.

Он опустил свои губы туда, когда провел рукой по ее животу.

Слегка поцеловал ее, а затем переместился губами к ее уху.

— Нервничаешь из-за сегодняшнего вечера?

Вечером должно состояться собрание городского совета, на котором будет обсуждаться будущее библиотеки. Пока Фэй никак не реагировала на все происходящее. Это не означало, что он не понимал ее беспокойства, но она не подавала виду, что паниковала или была напугана.

С другой стороны, они собрали тысячи подписей под петициями, к Цезарю поступали сотни телефонных звонков, и даже горожане Шантелла и Гно Бон вышли на защиту, понимая, что если библиотека Карнэла исчезнет, они ее тоже потеряют. Так к делу подключилась Нина Максвелл, сующая всюду свой нос, и Нина не действовала полумерами. Вот почему они собрали тысячи подписей под петициями. Нина пустила их по всему округу.

Руки Фэй были в мыльной воде, но она повернула голову к Чейзу и взглянула на него.

— Не очень, — тихо ответила она. — Может, мне и следовало бы, но меня больше беспокоит то, что Малахия до сих пор не заговорил.

Рефлекторно его рука сжала ее живот.

Он тоже беспокоился об этом. Как и все остальные, включая психолога Малахии.

Это не только говорило о худшем, что произошло с ребенком, но и связывало им руки в поисках тех, кто жестоко с ним обращался. У них не имелось ни единой зацепки. Нуль. Если они не смогут вытянуть из него хоть что-то, дело не сдвинется с мертвой точки.

Но недавно произошло нечто хорошее.

Казалось, Малахия стал обживать. Сайлас и Сондра прикладывали для этого все усилия, поэтому он ходил с ними в город на ужин, они брали его в библиотеку, чтобы видаться с Фэй, возили за покупками. Он выглядел не в своей тарелке. Он был наблюдателен, действовал осторожно, но, как и во всем остальном, казалось, тоже приспособился к этому.

За исключением того, что не говорил и необычно реагировал на повседневные вещи, такие как телевизор, телефоны и радио, он был нормальным ребенком. Ему нравились видеоигры. Ему нравились книги. Он привык к телевизору, телефонам и радиоприемникам. Он обращал внимание на окружающих, смеялся, улыбался и часто, склонившись над своим блокнотом, строчил в нем что-то, чтобы поделиться шуткой, своими мыслями, чувствами или желаниями. Так они узнали, что паренек обладал приятным чувством юмора, ему нравилась «Американская семейка», и он был ужасным сладкоежкой.

Но то, чем он делился, никогда не было серьезным. Никогда не было личным. Он находился среди семьи и был ее частью, но держался отстраненно. Хотя он определенно установил связь с Сайласом и Сондрой, все же единственными людьми, которых он не сторонился, были Чейз и Фэй. Чейзу потребовалось некоторое время, чтобы заслужить его доверие, но когда ему это удалось, оно закрепилось намертво. Паренек не привязывался ни к одному из них, но его глаза следовали за ними по комнате, он уделял им больше внимания, когда они разговаривали, и если они выходили из комнаты, он, в конце концов, следовал за ними, держась рядом. Не то чтобы он забирался к ним на колени, но если они были с ним, он всегда оставался рядом.

Но даже при том, что у них была эта связь, он не делился ничем ни с Фэй, ни с Чейзом.

А в последнюю неделю он казался таким же, но еще более далеким.

Что-то было у него на уме, и хотя все они по-своему пытались выяснить, что это такое, мальчик не делился своими мыслями.

Сейчас была среда, прошло полторы недели после поездки Фэй и Чейза в Аспен и больше месяца с тех пор, как они нашли Малахию.

Настало время поднажать.

Чейз отошел от спины Фэй, взял кухонное полотенце, вымытую тарелку из сушилки и начал вытирать.

— Я позвоню Карине и его психологу. Поговорю с ними. Посмотрим, согласятся ли они, что пора покончить с этим дерьмом.

Ее голова повернулась к нему, а руки на его тарелке остановились.

— Я не хочу, чтобы он волновался, Чейз.

— Думаешь, я бы сделал такое, детка? — мягко спросил он.

Она вздохнула и покачала головой.

— Нет, не сделал бы, — подтвердил Чейз. — Никогда. Но он должен поправиться. Должен пойти в школу в следующем году. Должен завести друзей, и единственный способ, которым он может чувствовать себя в безопасности, — это если мы сможем поймать тех, кто над ним издевался, и разобраться с ними, чтобы он знал, что они никогда больше не причинят ему вреда.

Она вздохнула, кивнула и вернулась к тарелке.

Через несколько секунд она прошептала тарелке:

— Я их убью.

— Что? — спросил Чейз.

Она ополоснула тарелку, поставила ее в сушилку и потянулась за столовыми приборами на дне раковины.

— Когда найдешь их, держи подальше от меня. Я не отвечаю за свои действия, если окажусь рядом с ними, — пригрозила она своим нежным, милым голоском, что заставило Чейза улыбнуться, но он не позволил ей услышать его веселье. Потому что считал ее милой, но еще и очень грозной.

Когда он смог избавиться свой голос от веселья, то пообещал ей:

— С ними разберутся, Фэй.

— Надеюсь, — пробормотала она, вытирая столовые приборы.

— С ними разберутся.

Она кивнула раковине, сполоснула столовые приборы и положила их в сушилку. Затем подошла к плите за сковородой, и Чейзу пришло в голову, насколько глубоки ее эмоций к ребенку, которого она даже не зачинала, не вынашивала в своем чреве и не рожала на свет.

Это означало, что, когда они, в конце концов, приступят к созданию семьи, она отдаст их детям те же эмоции, а, вероятно, даже больше.

Это всегда у нее было.

И этого никогда не было у него.

Но он всегда этого хотел.

А их дети получают это как должное.

Он облажался, не поделившись своими секретами, не поверив в силу, которую она проявляла с тех пор, как они встретились, перенеся на нее из-за ее застенчивости хрупкость своей матери. И пусть она поняла, почему он облажался, но все же он облажался.

Но у них все наладилось, она помогла ему отпустить это, а потом обо всем забыла. На следующий день были просто Чейз и Фэй, без обид, без испытующих замечаний, без пронизывающих взглядов. Она преодолела это и помогла преодолеть ему, она двигалась дальше и взяла его с собой. За исключением того, что они оба понимали глубину своих чувств друг к другу, верность своим отношениям и то, что сблизившая их драма закончилась, и они жили дальше.

И эта жизнь должна стать его. Рядом с Фэй. Плечом к плечу. Ссоры и драмы будут случаться и заканчиваться, и они будут двигаться дальше. И у его детей тоже будет все это: ее верность, ее сила, ее тихая, но грозная защита и ее способность разобраться с проблемами, разложить их по полочкам и двигаться дальше.

Он убрал последнюю тарелку, чувствуя, как уголки его губы приподнялись, пока она мыла сковороду, и взял столовые приборы, чтобы их вытереть, наблюдая, как она ополаскивает сковороду, а вода стекает по ее пальцам.

По голым пальцам.

Да, он должен надеть кольцо ей на палец.

И быстрее.

* * * * *

— Не понимаю, почему вы имеете право голоса на этом собрании, миссис Максвелл, вы даже не живете в Карнэле, — резко и нетерпеливо спросила Мэри Эглунд.

Было восемь семнадцать вечера, Чейз сидел в ратуше рядом с Фэй и все с меньшим успехом пытался не расхохотаться.

Потому что личность той, кто стоял за попыткой закрытия библиотеки, больше не была загадкой, неудивительно, что ей оказалась именно Мэри Эглунд, известная как Фрик Господень, а не раздающая маргаритки и брошюры дамочка. После нескольких вступительных слов Цезаря, за которыми последовало несколько подстрекательских замечаний Мэри, собрание было открыто.

Кристал Бриггс выступила первой, быстро и лаконично разнеся Совет в пух и прах, умудрившись сделать это без единого ругательства.

За ней последовала Нина Максвелл, против которой Чейз решил никогда не выступать, потому что она могла быть необузданной, но также и красноречивой, и говорила с английским акцентом, так что вся ее дерзость выглядела высшим классом.

А еще она была очень красивой, и когда Чейз не смотрел на нее, то наблюдал за тем, как Макс смотрит на свою жену. Большую часть времени Макс улыбался. Иногда качал головой, но, опять же, с ухмылкой. Иногда пытался контролировать активного малыша, сидевшего у него на коленях, одновременно держа на руке спящего ребенка. Все это означало, что его приручили также как Тейта, Тая, а теперь и Чейза.

Цезарь, и Чейз это отметил сразу, вел себя очень умно. Он не собирался закрывать библиотеку. У Мэри имелась минимальная поддержка со стороны других членов Совета, ни один из которых не сказал ни слова. Они держали рот на замке, позволяя Мэри вести собрание, одновременно копая себе могилу.

Мэри ее копала, но лопату ей протянула Нина.

— Вы состоите в горсовете, — возразила Нина. — Поэтому, по моим предположениям, в рамках ваших обязанностей осведомлены об источниках финансирования местных ресурсов, включая тот факт, что доллары налогоплательщиков со всего округа идут в Карнэл, чтобы держать двери библиотеки открытыми. Поэтому жители Гно Бон, Шантелла и каждого города округа имеют право быть услышанными на этом собрании.

— Это правда, — парировала Мэри. — Но основная масса финансирования поступает от жителей Карнэла.

— Я бы вряд ли охарактеризовала финансирование, поступающее от жителей Карнэла, как «массовое», в любом смысле этого слова, учитывая, что вашей библиотеке катастрофически не хватает средств, ей нужны новые компьютеры, в ней отсутствует возможность отслеживать периодические издания, покупать книги в момент их выхода, а коллекция DVD в ней безнадежно устарела, — ответила Нина. — Если публичные данные и мои расчеты верны, в бюджете города Карнэл в этом году будет профицит, поэтому, как мне кажется, им следует не закрывать объект, а направлять больше средств на те объекты, которые уже имеются.

— Боже, должно быть, она делала заметки во время нашего разговора, — пробормотала Фэй рядом с Чейзом, и он поджал губы, притягивая ее ближе рукой, которой уже обнимал ее за плечи.

— Не говоря уже о том, — продолжила Нина, — что нам невероятно повезло, что нашу библиотеку возглавляет специалист со степенью магистра библиотечного дела. Она проработала там семь лет. Библиотечный совет дал ей только восторженные оценки, а ее заработная плата ниже ставки сотрудника, который работает на пять часов в неделю меньше ее.

— Будто эти часы она работает, — выплюнула Мэри, и при этой неожиданной инсинуации и Фэй, и Чейз выпрямились на своих местах. — Я следила за ней, и недавно она использовал непомерно большое количество выходных.

— Святой фрак, — пробормотала Фэй.

— Я ознакомилась с ее должностной инструкцией, — возразила Нина. — За время своего пребывания в должности она заработала три недели отпуска, четыре отгула и пять дней по болезни в год. С вашей оценкой «непомерно», вы утверждаете, что она воспользовалась преимуществом сверх этой нормы?

— Я утверждаю, что она пользуется своей должностью, оплачиваемой городом, чтобы крутить скандальный роман с недавно овдовевшим мужчиной! — выстрелила в ответ Мэри, и Фэй вздрогнула у Чейза под боком, и из горла Чейза вырвался рык, который он не мог, да и не пытался сдержать.

— А теперь послушайте меня! — раздался крик Сайласа, и Чейз с Фэй повернулись, увидев, как он встает со скамьи в противоположном конце помещения, его лицо покраснелось, как свекла, руки сжались в кулаки.

— Мэри, я попрошу со всем уважением, чтобы ваши замечания были направлены на дела библиотеки, — прервал Цезарь прежде, чем Сайлас успел броситься к микрофону и потерять голову, лицо главы совета тоже покраснело, и он явно был в ярости.

— Это дела библиотеки, учитывая, что этот город через Городской совет предоставляет Библиотечному совету средства для выплаты жалованья падшей женщине, — горячо возразила Мэри.

— О, боже, — прошептала Фэй, когда у самого Чейза руки сжались в кулаки.

— Личная жизнь мисс Гуднайт не подлежит публичному обсуждению, — еще более яростно парировал Цезарь. — И, Мэри, я предупреждаю вас, еще одно замечание, я закрою это собрание и отложу его на потом. Но после члены Совета соберутся и обсудят ваше поведение, вероятно, осудив его, и добавлю лично от себя: еще хоть одно подобное высказывание, обещаю вам, я приму меры, чтобы вас исключить.

— Полагаю, сказанных ею слов уже достаточно, чтобы Совет рассмотрел возможность принятия мер по ее исключению, — не менее горячо вставила Нина, стоя у микрофона.

— Попробуйте, — предложила Мэри. — Думаю, вы удивитесь, насколько сильная у меня окажется поддержка. Я не единственная, кто считает недавнее поведение Фэй Гуднайт вопиющим бесстыдством.

— Ну, уж точно не я! — прогудел сзади Бабба Бриггс.

— И не я! — крикнул впереди сидящий Джим-Билли.

— И не я, ты, глупая корова, — громко добавил Стоуни, владелец одного из местных байкерских магазинов.

— И не я! — крикнула Холли.

Лорен вскочила со своего места между Тейтом и его сыном Джоном и закричала:

— Вам должно быть стыдно говорить такие слова о нашей милой Фэй перед всеми!

— Немедленный импичмент! — Головы Фэй и Чейза повернулись назад, откуда донесся возглас Доминика, владельца местного салона красоты.

Их головы повернулись обратно, когда Шамблс, встав через две скамейки перед ними, крикнул:

— Чувиха, знай, у меня есть право отказать в обслуживании, и я никогда в жизни не думал, что сделаю это с кем-то. Но начиная с этого момента, можешь покупать капучино и

печенье с арахисовым маслом в другом месте! Говорить так о Малиновом Звездочете, когда она, наконец, нашла горячего парня, это просто... просто... неправильно, но еще и злобно.

— Великолепно, — пробормотала Фэй.

— Не думаю, что поддержка хиппи оказывает вашей библиотекарше хорошую услугу, — сказала Мэри Шамблсу, скривив губы. — Лучше сядьте, мистер Шамбала.

Она произнесла его имя, будто попробовала что-то отвратительное на вкус.

При этом Чейз понял, что в Фэй что-то надломилось, потому что она вскочила со своего места.

— Мисс Эглунд, — позвала она, и Чейз напрягся, когда Мэри Эглунд обратила свой ядовитый взгляд на его женщину.

Как и все остальные.

Когда Фэй привлекла ее внимание, она заговорила.

— Вы имеете право на свое мнение о моей личной жизни. Вы также имеете право поделиться им. Вы также имеете право делиться им публично. Ваши слова и ваши поступки, на самом деле, говорят о вас больше, чем мои обо мне. Как и ваш ехидный тон, направленный на Шамблса. Но в данном случае угроза закрытия библиотеки появилась еще до моих отношений с детективом Китонем, и причина этой угрозы в вашем беспокойстве по поводу содержания некоторых книг в нашей картотеке. По этому поводу скажу, что моя картотека всегда содержала книги, одобренные Библиотечным советом, как подходящие для этого округа. А те книги, которые вы назвали неподходящими для нашей библиотеки, и, таким образом, являющиеся причиной ее закрытия, — одни из наших самых популярных книг для взрослых и детей. Я нахожу душераздирающим тот факт, что эти книги, которые открывают мир чтения для детей и подростков, не только подвергаются сомнению, но и находятся под угрозой изъятия. То, что вы используете свои личные интересы для уничтожения чего-то столь ценного и жизненно важного для общества, как библиотека, невозможно передать словами. Я читала бесчисленному количеству детей в этой библиотеке. Люди, у кого очень мало средств, могут прийти в библиотеку и найти что-нибудь бесплатное, чтобы развлечь себя в жизни, которая часто бывает одинокой. Библиотека служит местом встречи друзей, разделяющих любовь к книгам. Кроме того, она служит источником для тех, кто избегает давления повседневной жизни, помогая им раствориться в словах, написанных на бумаге. Она служит средством сбора знаний для тех, кто планирует поездку в Юту или исследует свое наследие, узнает об истории этой страны или о том, как варят мыло. Эти стены и полки содержат произведения искусства, созданные словами и изображенные на рисунках. К нам ходят волонтеры, которые вышли на пенсию или сидят дома, мамы, которые с гордостью служат своему сообществу и делают это в этой библиотеке. Моя мама водила меня в эту библиотеку. Ее мама водила ее в ту же библиотеку. И я надеюсь, что к концу вечера у меня останется будущее, в которое я смогу повести своих детей. Я буду соблюдать пожелания этого сообщества. Чего я не буду делать, так это сидеть и молчать, пока вы воротите нос от такого доброго человека, как Шамблс, и бросаете тень на мои отношения с хорошим мужчиной, которого я люблю. Если вы закроете библиотеку, это будет трагедией. Если вы закроете ее просто потому, что считаете себя вправе указывать другим то, что они могут читать и смотреть, или потому, что я влюбилась в доброго, порядочного человека и сделала это так, как лично вы не одобряете, это тоже будет трагедией. Но эта трагедия будет достойна осуждения.

Сказав это, Фэй села.

И когда Фэй села, все вскочили со своих мест и зааплодировали.

Чейз услышал, как Сайлас взревел: «Это моя девочка», а Фэй опустила голову, и Чейз обнял ее, широко улыбнулся, приблизил губы к ее уху и прошептал:

— Хорошо сказано, детка.

— Я только что призналась всему городу, что люблю тебя, — прошептала она в ответ.

— Да?

Ее глаза смотрели на него из-под челки.

— Да.

— Тогда в чем проблема?

— Миссис Максвелл, можете садиться, — сквозь крики и аплодисменты послышался голос Цезаря.

Чейз и Фэй подняли глаза, но Чейз заметил, что при этом щеки Фэй зарделись.

— Если у нас наступит порядок, я приглашу к микрофону всех, кто согласен с закрытием библиотеки, — закончил Цезарь.

Все успокоились. Нина подошла к Максу, сидевшему с двумя детьми на передней скамейке. Она осторожно взяла у него спящего малыша и уселась на свое место, устроившись в сгибе руки Макса. Никто не подошел к микрофону, и Чейз перевел взгляд на Мэри, увидев, что ее сузившиеся глаза смотрели на кого-то в толпе, и она кивнула в сторону микрофона.

Чейз оглядел толпу, но помещение было настолько переполнено, что люди даже стояли, что он не мог понять, кому она кивает.

— Никто? — позвал Цезарь в микрофон.

Когда никто не шевельнулся и даже не поднял руки, Джим-Билли закричал:

— Голосуйте, Морено.

Цезарь посмотрел налево, потом направо, потом на Мэри.

— Вы провели собрание, Мэри, теперь Совет будет голосовать. Кто за закрытие библиотеки Карнэла, скажите «да».

Мэри вскинула руку вверх и крикнула:

— Да!

Никто из других членов совета не пошевелился. Мэри посмотрела на сидевшего рядом с ней, затем на того, кто сидел на противоположном конце.

Все избегали ее взгляда и молчали.

Скорее всего, они намекали на союз с ней, просто чтобы заставить замолчать. Или, возможно, не ожидали силы оппозиции. Какова бы ни была причина, Мэри ожидала, что их голоса повлияют на решение, но этого не произошло.

— Нет? — спросил Цезарь, и три других члена совета откликнулись:

— Нет!

— Так-то! — крикнул Бабба сзади.

Цезарь ударил молотком и объявил:

— Библиотека Карнэла не закрывается.

По толпе вновь пронеслись аплодисменты.

— Замечания и отзывы о картотеке библиотеки следует направлять не в Городской совет, а в Библиотечный совет, членом которого я, слава Богу, не являюсь, — закончил Цезарь, перекрикивая шум. — Спасибо за ваше присутствие этим вечером. Наслаждайтесь оставшимся временем.

Едва он произнес последнее слово, как Чейз услышал крик Сайласа:

— Фэй, милая, Малахия с тобой?

Чейз почувствовал, как шею начало покалывать, когда Фэй огляделась и ответила:

— Нет, папа. Я думала, он с тобой.

— Это было потрясающе! — Лекси показалась в конце их скамьи, ведя за собой Тая, и Чейз рассеянно заметил, что только Лекси Уокер может быть на большом сроке беременности и при этом носить стильное обтягивающее платье, сапоги на высоком каблуке и выглядеть сногшибательно красивой.

— Да, — согласилась Фэй, но ее голос звучал рассеянно.

— Серьезно, черт возьми, Нина — крутая, — пробормотал Тай. — Сучка никогда не отступит перед дракой.

— Не дай Нине слышать, что ты называешь ее сучкой, — посоветовала Лекси.

— Ни хрена подобного, — ответил Тай, ухмыляясь жене. — У нее не слова, а острые когти, она меня порвет.

— Э... вы не видели Малахию? — спросила Фэй Тая и Лекси. Они с Чейзом стояли и оглядывались. Фэй вытягивала шею и бормотала: — Он пришел с моими мамой и папой. Мальчик со светлыми волосами? Знаете, за ним присматривают мои родители.

— Я его видела, — подтвердила Лекси. — Но сейчас не вижу. И, кстати, он очень милый.

— Йо, Китон! — услышал Чейз и повернулся к Уингзу, одному из местных байкеров, который пробирался к Чейзу сквозь толпу людей, часть которых направлялась к выходу, а часть стояла и беседовала.

— Извините, — пробормотал Чейз, хватая Фэй за руку и выводя ее в проход, когда Тай и Лекси отошли в сторону. Как только они оказались там, до них добрался Уингз.

— Паренек сунул мне это и ушел, — сказал он Чейзу, и покалывание в шее сменилось на укусы. — Думал, подождать до конца, учитывая, что это имеет большое значение для Фэй и всех остальных.

Чейз взял записку, на которой печатными буквами, почерком Малахии, было написано имя Чейза, и открыл ее. Фэй прижалась к нему, и он почувствовал ее напряжение.

Почерком Малахии было написано:

Она здесь. Теперь безопасно это сделать.

Я буду в сарае.

Сайлас и Сондра протиснулись к ним, и Сайлас объявил:

— Наш маленький засранец улизнул. Нигде не могу его найти. Проверю туалет...

— Записка, Сайлас, — кратко объявил Чейз, протягивая записку, и Сайлас взял ее, но Чейз огляделся. Он нашел Дека позади, болтающим с блондинкой, и свистнул. В ту же секунду, как звук пронзил воздух, Дек повернул голову и посмотрел на Чейза. Чейз кивнул. Дек тоже направился к нему.

— Что? Я не понимаю. Что безопасно сделать? — спросил Сайлас, в его тоне звучала серьезная озабоченность.

— Все в порядке? — спросил Тай.

— Кто «она»? — прошептала Фэй, и от ее тона по коже Чейза пополз холодок, и он посмотрел на нее сверху вниз.

Прежде чем он успел заговорить, Дек сказал:

— Эй. Что такое?

Чейз посмотрел на Дека и объяснил:

— С Малахией что-то случилось. Он в сарае.

— Я выезжаю, — немедленно заявил Дек, поворачиваясь к выходу.

— Я тоже еду, — вставила Фэй.

Чейз посмотрел на нее и открыл было рот, но она прервала его, расправив плечи. По этому и по взволнованному взгляду в ее глазах он знал, что ему пи*дец.

— Я тоже еду, — твердо повторила она.

— Хорошо, детка, — пробормотал он.

— Мэри Эглунд — серьезная заноза в заднице, — объявила Крис, добравшись до их компании, за ней следовал Бабба, и Чейз увидел, как Тейт, Лорен и Джонас также присоединяются к ним.

— С пареньком что-то случилось, — сказал Тай Тейту.

— С каким пареньком? — спросил Макс из-за их спин. Нина, он и их дети прошли по центральному проходу и оказались через скамью от них.

— Нам нужно ехать, Чейз, — прошептала Фэй, схватив его за руку и крепко сжимая. — Надо ехать, ехать, ехать.

Она теряла самообладание.

— Вам нужна помощь? — спросил Тейт.

— Да, — подтвердил Чейз и вместе с Фэй повернулся ко всем. — Его зовут Малахия. Сайлас, пусти записку по кругу, — приказал он и продолжил, пока Сайлас выполнял его просьбу. — Мы с Фэй направляемся к Су-Стрит, восточному тупику, где оставим «Чероки». Дек будет там. Нам нужны люди в том лесу, чтобы рассредоточиться для его поисков.

— Что это за сарай? — спросил Макс, отрываясь от записки, которую ему передал Тейт.

— Ветхий, около двенадцати минут ходьбы спокойным шагом по направлению на восток и чуть на север, — ответил Чейз.

— Он хочет, чтобы ты пришел в сарай, зачем тебе люди в лесу? — спросил Тай.

— Потому что в том лесу есть тот, кто может ему навредить. С ним делали это раньше, и сделают снова. Он думает, там безопасно. Я хочу убедиться, что это так, — ответил Чейз, чувствуя, как Фэй все больше и больше напрягается рядом с ним.

— Я позвоню Дику, — пробормотал Тейт, поворачиваясь к Лорен.

— Я позвоню Вуду, — заявил Тай, глядя на Лекси.

— Я позвоню в полицию, — сказал Макс, доставая телефон.

— Я с вами, — заявил Сайлас, затем посмотрел на Сондру и вытащил ключи из кармана. — Езжай домой.

— Сайлас, — прошептала она.

— Езжай домой, дорогая. Держись поближе к телефону, — настаивал Сайлас.

— Я тоже хочу искать, — возразила она.

— А ему будет нужен кто-то дома, если ему придется добираться туда, — мягко заметил Сайлас.

Она кивнула.

— Детка, иди с Сондрой, — тихо сказал Бабба Крис, и Кристал, не сводя глаз с Сондры, тоже кивнула.

— Чейз, — голос Фэй дрожал, и она до боли сжала его руку. — Мы должны ехать.

Чейз кивнул ее бледному лицу, посмотрел на Сайласа и приказал:

— Поехали.

И, взглянув на своих друзей, они ушли.

* * * * *

— Что вы обнаружили? — спросил Чейз по телефону, двигаясь по слякоти, грязи и мокрым камням тающего леса, слыша, как Фэй движется справа в пяти футах позади него, а Дек пробирается сквозь мокрые кусты в десяти футах впереди.

— Малахии в сарае нет, — ответил ему Сайлас.

— Оставайтесь там, Сайлас, — приказал Чейз.

— Я просидел здесь сорок пять минут, Чейз, — возразил Сайлас.

— Посидите еще, — ответил Чейз.

— Лучше я поищу, — парировал Сайлас.

— Если он придет к тому сараю, ему нужен кто-то, кому он может доверять, — сообщил ему Чейз.

— Это может быть Фэй, — парировал Сайлас.

— Вы знаете, о ком говорите? — коротко спросил Чейз.

На мгновение повисло молчание, а затем:

— Проклятье.

Сайлас понимал, что Фэй еще меньше него жаждет сидеть в сарае и ждать Малахию, а не искать вместе с Чейзом. И, очевидно, Сайлас совершенно не жаждал сидеть сложа руки.

— Она крутит тобой, как хочет, — сварливо пробормотал Сайлас.

— Хотите, чтобы было по-другому? — спросил Чейз, утомленный разговором.

— Я принимаю твою точку зрения, — продолжил бормотать Сайлас.

— Мы закончили? — спросил Чейз.

— Найди его, сынок, — прошептал Сайлас и отключился.

Чейз сунул телефон в задний карман и продолжил двигаться через лес вдоль отвесной скалы. Он видел луч фонаря Дека, разрезавший темноту ночи перед ним, а также свет фонаря Фэй позади. Они молча следовали за Деком. За последние недели Дек побывал здесь не менее дюжины раз, прочесывая местность с севера на юг, взбираясь на скалу, следуя по тропам диких животных, которые никуда не вели, и не получив ничего, кроме разведки местности. Почти час они бродили по лесу, удаляясь от города далеко на север и медленно продвигаясь вверх по склону. Еще полчаса на запад, и они окажутся у переднего крыльца дома Тейта Джексона.

А они даже следов не нашли.

— Мы далеко ушли, Чейз, — позвала Фэй напряженным тоном.

В ее голосе слышались страх и беспокойство.

— Продолжаем искать, дорогая, — ответил Чейз.

— Уже поздно.

— Продолжаем искать.

— И холодно.

Он услышал резкий свист и остановился как вкопанный, направив фонарь на Дека.

Дек осветил фонарем свои пальцы, два из которых делали знак, а затем направил луч фонаря на лесную подстилку.

Он нашел следы.

Фэй бросилась к нему.

— Тише, Фэй, как можно тише. Держись позади меня. Пошли, — приказал Чейз, Фэй кивнула, затем он быстро и бесшумно двинулся к Деку.

Когда они добрались до него, Дек продолжил движение через лес.

Чейз и Фэй последовали за ними, и Чейз увидел следы. Услышав быстрый «ох» Фэй, он понял, что она их тоже увидела.

Пять минут сменились десятью, а потом Дек резко остановился, вскинув руку.

Чейз и Фэй остановились позади него. Чейз осторожно приблизился к Деку и замер одной рукой отвел Фэй себе за спину и потянулся к пистолету на поясе.

Впереди что-то двигалось.

— Свет, — пробормотал Чейз и выключил фонарик, через полсекунды за ним погасли фонарики Дека и Фэй.

Они прислушались к приближающимся звукам, Чейз устремил взгляд в темноту в ту сторону, откуда они исходили. Судя по звукам, он не мог понять, с кем они имеют дело: с ребенком, взрослым или и ими обоими. Разговоров не было слышно, ничего, кроме шума шагов по снегу, грязи и шелеста ветвей.

Потом показались они. Чейз понял, что Фэй увидела их в ту же секунду, что и он, потому что снова громко охнула.

В темноте Малахия, в своих новых джинсах и свитере, держал за руку маленькую девочку, лет пяти-шести, в тонкой, рваной ночной рубашке, она шла босая, всклокоченные волосы торчали из-под шапки Малахии, его куртка висела на ней, лицо было чумазым и чертовски худым.

Дети не замечали их, пока не оказались на расстоянии в четыре фута. Затем резко остановились, вскинули головы, и девочка испуганно всхлипнула, нырнув за Малахия.

Чейз приготовился бежать за ними, если они сорвутся с места, но этого не потребовалось.

Пораженный Чейз наблюдал, как Малахия, не сводя с него глаз, прошаркал вперед на два фута и остановился.

Затем его лицо расплылось в широкой улыбке, и он прошептал хриплым голосом:

— Наконец-то я ее забрал. Это Ребекка. Моя сестра.

Его сестра. Его гребаная сестра.

Чейз не ошибся. У Малахии была родственница. Все, что он делал, было ради нее.

Фэй всем телом прислонилась к его спине и прошептала:

— Моя сестра.

Затем он почувствовал, как ее тело дернулось, и понял, что она борется со слезами.

Чейзу оставалось надеяться, что она сможет сдержаться, поэтому немного откинулся назад, давая ей опору, и низко нагнулся.

— Ребекка босиком, Малахия. Погода холодная, кругом снег и грязь. Могу я отнести ее домой? — спросил он.

Малахия посмотрел на Чейза, потом перевел взгляд на сестру, а затем обратно на Чейза и кивнул.

Чейз осторожно протянул руку к Ребекке, она сжалась позади Малахия и захныкала.

— Все в порядке, Бекки, — слышался хриплый голос Малахии.

— Никачу, — пробормотала она.

— Он купил мне спальный мешок, — снова тихо прохрипел Малахия.

— Никачу.

— Он хороший.

— Никачу!

— Бекки, милая, посмотри на меня.

Это исходило от Фэй, которая переместилась из-за спины Чейза, и присела рядом.

Когда Бекки испуганно выглянула из-за Малахии, она снова заговорила.

— Я — Фэй. Это — Чейз.

Она указала на Чейза, а затем подняла взгляд на Дека, так что оба ребенка задрали головы, чтобы посмотреть на Дека.

— Этот нежный великан — Джейкоб Декер. Холодно, милая, и твоему животу нужна еда.

При упоминании о еде глаза Бекки метнулись к Фэй, и от этого у Чейза скрутило внутренности.

— Ты, конечно, можешь идти сама, но мы намного быстрее согреем тебя и накормим, если ты позволишь Чейзу нести тебя.

Сначала тишина, затем тихонько:

— Нежный великан?

— Да, он большой, но милый, — сказала ей Фэй.

— А он? — спросила Бекки, прижавшись к Малахии, но кивнув в сторону Чейза.

— Он белый рыцарь на огненном коне, за исключением того, что его конь выглядит как внедорожник, и он не огненный, а бордовый.

Бекки продолжала прижиматься к брату, а потом прошептала:

— Он купил Майе спальный мешок?

Майе?

Фэй благоразумно не стала уточнять по поводу имени. Она просто ответила:

— Да, милая, он купил ему спальный мешок, походные столовые приборы, шоколадные батончики, энергетические напитки и много чего еще. Так делают белые рыцари. Они спасают девиц из беды, но также заботятся о детях, у которых дела идут не очень хорошо.

Глаза Бекки в лунном свете скользнули по Чейзу.

Затем она медленно вышла из-за спины Малахии, сделала к нему два шага и протянула Чейзу руку. Осторожно Чейз потянулся к ней.

Ее маленькие бледные пальчики переплелись с его.

Он спокойно двинулся вперед и медленно поднял ее на руки.

Затем прошептал:

— Давайте доставим их домой, — и быстро пошел через лес.

— Возьми меня за руку, милый, — услышал он позади себя Фэй и знал, что она позаботится о Малахии, поэтому Чейз не замедлил шаг.

Но когда маленькое, дрожащее тельце девочки привлекло его внимание, он остановился, осторожно опустил ее, скинул с себя пальто, обернул вокруг нее, пытаясь прикрыть ноги и ступни, и снова поднял на руки.

Во время этого он услышал, как Дек спросил Малахию:

— Хочешь на закорки?

А это означало, что если Дек будет нести Малахию, они смогут не отставать.

— Да, — ответил хриплый голос с оттенком волнения.

Чейз пробирался через лес, слыша, как они идут за ним.

Через пять минут он услышал голос Дека:

— Нежный великан?

Затем он услышал голос Фэй:

— Замолчи.

Он не улыбнулся. В руках у него была замерзшая, грязная, недокормленная девочка, чей брат только что спас ее от какой-то неизвестной, которая присутствовала на городском собрании.

Еще через пять минут он услышал слова Дека:

— Белый рыцарь на огненном коне?

Затем раздался ответ Фэй:

— Дек... замолкни.

Потом он услышал смех Малахии.

И только тогда улыбнулся.

Но лишь слегка.

* * * * *

По дороге в больницу Чейз заставил себя ехать медленнее разрешенной скорости. Он сделал это, чтобы дать себе время совладать со своей яростью.

Он только что покинул полицейский участок. Энид Эглунд было предъявлено обвинение в убийстве и похищении людей, а ее сестра Мэри пробивалась к Кэпу в приемной.

Пока она это делала, Тейт, Тай, Дик, Бабба, Вуд, Макс и Дек, а также половина полицейских Карнэла смотрели на нее с разной степенью отвращения. Чейз был в ярости, с трудом ее контролируя, но все же знал, что эти мужчины были здесь, а не дома со своими женщинами, потому что беспокоились, что им придется помогать ему сдерживать себя.

В конце концов, он ушел, когда Тай прервал истеричные вопли Мэри, женщины с явно небольшой властью, которая считала, что ее у нее гораздо больше, и что Бог на ее стороне, и Тай сделал это со словами:

— Брось это, сучка. Твою е*антую сестру не поджарят на электрическом стуле, хотя и должны бы, но она заплатит. И твоя тошнотворная болтовня, которой ты до смерти всем надоела, не остановит этого.

Мэри уставилась на него, явно борясь с желанием наброситься, но благоразумно не делая этого, учитывая, что это не произведет никакого эффекта, не говоря уже о том, что Тай был локомотивом ростом шесть футов семь дюймов, и очень немногие осмелились спорить с ним, и среди них было еще меньше женщин. Лекси была одной из немногих знакомых ему женщин, кто противостоял Таю, и делала это регулярно. Это и ее внешность, по мнению Чейза, являлись причинами того, что она согревала постель Тая и вынашивала его ребенка.

Однако в этот момент Чейз решил, что с него достаточно, и буркнул Фрэнку, что уходит.

Затем свалил оттуда.

Выведя детей из леса, они сначала отвезли Ребекку в больницу. Пока ее обследовали, а Дек и Сайлас оставались в приемной (Фэй была с Бекки), он поговорил с Малахией, или, как

они выяснили, с Джеремайей, и услышал историю, которую Джеремайя рассказал сбивчивым скрипучим голосом.

Джеремайю с сестрой держала в подвале женщина по имени Энид. Они редко видели дневной свет и только тогда, когда она заставляла их работать в своем саду. Кормила она их мало. Часто и подолгу читала лекции о Боге, Библии и том, что оба они были язычниками по причинам, которые Чейз не понял, потому что Джеремайя был слишком юн, чтобы самому понять это и объяснить. Тем не менее, какими бы ни были эти причины, они делали детей нечестивыми. И она говорила им, что за это их нужно наказывать.

Но Джеремайя был изгнан несколько месяцев назад после того, как Энид, не понятно почему, объявила его еще более нечестивым, чем он уже был, и, следовательно, он не мог находиться рядом с сестрой.

Его изгнали, но он вернулся, чтобы попытаться освободить сестру. Во время каждого возвращения его ловили, избивали, иногда связывали, а затем снова избивали и изгоняли.

Он продолжал возвращаться.

За сестрой.

В последний раз, когда он был полон решимости заполучить ее, потому что знал, что Чейз и Фэй позаботятся о ней так же, как и о нем, все обернулось наихудшим образом — Энид сломала ему руку, а возвращаясь обратно в сарай, он угодил в капкан.

Когда Малахия увидел Энид на городском собрании, а Энид, как предположил Чейз, и была тем человеком, который, как думала Мэри, поддержит ее козни против библиотеки, он увидел в этом возможность освободить сестру и воспользовался этим.

Попутно он объяснил причину своей неадекватной реакции на телевизор, радио и телефоны: не потому что он никогда их не видел раньше, а потому что Энид регулярно читала лекции о том, что эти вещи — дело рук дьявола. Энид неоднократно говорила детям, что эти вещи использовали для распространения сплетен и проповеди греха, не разрешала к ним доступ и страшила детей, что они попадут в ад, если когда-либо воспользуются ими.

Он также поделился тем, что Энид неоднократно повторяла им, что во взрослых мужчинах таится зло. Они были злыми, существовали только для того, чтобы свращать женщин и детей, и их всегда следует избегать. Вот почему он сначала боялся и шарахался от мужчин.

Кроме того, он сказал им, что Энид назвала его Малахией и отказывалась обращаться к нему по имени Джеремайя. Джеремайя этого не понимал и не мог объяснить, почему Энид дала ему другое имя, и, учитывая нелегкую историю, которой он делился, Чейз не стал настаивать.

Однако Бекки действительно звали Ребекка, но Энид не позволяла ему называть ее по прозвищу, и он делал это только наедине с сестрой. Бекки была слишком маленькой, чтобы понять смену имени брата, и никогда не называла его иначе, как по прозвищу «Майя», из-за чего попадала в неприятности, но, насколько Чейз мог понять из сбивчивого объяснения Джеремайи, за это приходилось расплачиваться мальчику.

Наконец, Джеремайя признался, что ему не девять лет, а одиннадцать. Его рост, вероятно, замедлился из-за недоедания или, возможно, родители у них были невысокого роста. Тем не менее, он солгал не для того, чтобы сбить их с пути. Его сбивчивый рассказ создавал впечатление, что он сказал неправду, чтобы скрыть свое смущение из-за отсутствия образования, о котором он ожидал, что взрослые догадаются, но учитывая его действительный возраст, они и понятия не имели, насколько все плохо.

Другими словами, эта сука была не просто чокнутой. Она была е*нутой на всю голову чокнутой.

Больше рассказывать от него никто не требовал. Джеремайя беспокоился о своей сестре, и той информации, что он им уже предоставил, на данный момент было достаточно.

Чейз доложил, что выяснил, в полицию и не потребовалось много времени, чтобы связать «Энид» с Энид Эглунд, жившей в этом районе, примерно в пяти минутах езды от дома Тейта Джексона.

К тому времени, как подразделения добрались до ее дома, она обнаружила, что Бекки нет, запаниковала, поняла, что ее время на исходе и сбежала. Ее объявили в розыск, и один из парней Мика Шонесси из Гно Бон задержал ее и вернул в Карнэл.

Обследование Бекки показало, что девочка недоедала до такой степени, что ее хрупкое тельце означало, что Чейз недооценил ее возраст. Ей было не пять или шесть, а восемь лет. Ее ноги были в царапинах, но в остальном она была в порядке. Несмотря на это, ее оставили в больнице до завтра для наблюдения и психологической оценки.

Оставив Фэй с отцом и матерью в больнице, Чейз отправился в участок и смотрел из комнаты наблюдения, полной мужчин, как Фрэнк допрашивал Энид Эглунд. Это заняло некоторое время, но полученная от нее информация заставила офицеров покинуть комнату для допросов, чтобы усесться за компьютеры.

Все сошлось. Три года назад Энид Эглунд поехала в Вайоминг на религиозную сходку. Будучи е*нутой на всю голову, она увидела молодую женщину с двумя маленькими детьми и без мужчины. Очевидно, что-то в этом заставило женщину, живущую на грани сумасшествия, сорваться. Она вынесла свои предположения, проследила за женщиной до ее дома, убила ее во сне, похитила двоих ее детей, вернулась с ними в Карнэл и удерживала в плену.

Она была затворницей, в город приезжала только за продуктами и на церковные службы, жила в доме, унаследованном от родителей, и имела скудный доход, продавая дома по телефону. На самом деле, никто ее не знал, кроме родной сестры, и, судя по речам Мэри Эглунд, даже эта старая дева не очень хорошо знала свою сестру-затворницу, потому что в течение трех лет понятия не имела, что Энид прячет у себя двоих детей. Она также не знала и не признавалась себе в степени безумия своей сестры.

Совершая многочисленные преступления не только против законов штата Колорадо, но и против Слова Божьего, Энид была убеждена, что выполняет волю Божью по спасению детей от падшей женщины и наказания их за предполагаемые грехи их матери.

Убийство и двойное похищение в Вайоминге, очевидно, не были раскрыты. Дело успело запылиться, но такие дела никогда не забывались, если оставался тот, кто любил пропавших без вести, а пропавшие, если не были найдены, не удалялись из баз данных. Поэтому Чейз не понимал, почему стажеры не наткнулись в своих поисках на пропавших детей, но завтра обязательно это выяснит.

Однако, связавшись с властями Вайоминга, было обнаружено, что мать Джеремайи и Ребекки не была незамужней матерью-одиночкой, полной греха, как предполагала Энид, а была вдовой, чей муж погиб в автокатастрофе за два месяца до того, как Энид Эглунд ее убила. У нее и ее мужа остались родители, которые все еще надеялись, что их внуки живы.

Скоро они получат охрентельно хорошие новости.

Теперь же Чейзу, сворачивающему на больничную парковку, предстояло сообщить очень плохие новости. О том, что случилось с Джеремайей, и о том, что вскоре Джеремайю

с сестрой заберут у них и вернут к родным бабушке и дедушке.

Он глубоко вздохнул, припарковался и распахнул дверцу.

Фэй раньше сообщила ему, что персонал больницы согласился, чтобы Джеремайя находился с Бекки. Значит, Фэй и ее родители все еще были там.

Он прошел через больницу к палате, номер которой сообщила ему Фэй, но остановился в дверном проеме.

Сайлас спал в кресле. Сондра читала в другом кресле. Бекки спала, выглядя совсем крошечной на огромной больничной койке, а рядом стояла еще одна койка, на которой, свернувшись калачиком, спала Фэй, прижимая к себе Джеремайю.

Чейз застыл, уставившись на свою женщину с ее мальчиком, так что слегка вздрогнул, когда Сондра накрыла ладонью его руку.

Он повернул к ней голову.

— Выйдем, — прошептала она, он кивнул и вышел за дверь, которую она плотно закрыла за собой.

Она подняла к нему голову, чтобы поймать его взгляд.

— Насколько все плохо? — тихо спросила она.

— Стоит приготовиться, — мягко прошептал он, и она закрыла глаза.

Когда она их открыла, он все ей рассказал. Даже, несмотря на то, что у нее выступили слезы, а губы дрожали, он не остановился, потому что знал, что она может выдержать. Она воспитала Фэй, она не сломается.

Чейз не ошибся. Она не сломалась.

Когда он закончил, она просто тихо сказала:

— Бабушки и дедушки.

— Ее оформят, позвонят местным властям Вайоминга, и те ребята либо отправятся с новостями сегодня вечером, либо подождут до утра. Прошли годы, Энид Эглунд — больная женщина, чья история бессвязна и трудна для понимания, поэтому, вероятно, детям сделают анализ ДНК, чтобы убедиться, что Джеремайя и Ребекка — те, кем они себя считают, а для проведения тестов потребуется пара дней. Тем не менее, у нас есть фотографии, и хотя спустя годы они выросли, нельзя отрицать, что это те же дети. Думаю, любые бабушки и дедушки, чьи дети умерли, а внуки пропадали без вести в течение многих лет, скоро будут здесь.

Она кивнула. Она была бабушкой. Она знала. Но в ее глазах стояла печаль не только из-за пережитого Джеремайей и Бекки и того, что они потеряли, но и из-за того, что она теряла своего мальчика.

— Что мне сделать? — спросил Чейз, и она снова сосредоточилась на нем.

— Не забирай ее у них, — ответила она, точно поняв его вопрос.

Настала очередь Чейза кивнуть.

Она повернулась к палате, и Чейз последовал за ней.

Затем, несмотря на то, что на койке едва хватало места, он снял пальто, бросил его в изножье, и осторожно устроился за спиной Фэй, обняв ее и Джеремайю.

Она пошевелилась, повернула голову, и ее сонные глаза обратились к нему.

— Спи, детка, — прошептал он.

— Но...

— Спи.

Ее глаза блуждали по его лицу. Потом она кивнула и улеглась обратно.

Было чертовски неудобно, он лежал на самом краю, но не собирался двигаться.

Он почувствовал, как Фэй снова погрузилась в сон, и понял, что вряд ли последует за ней.

Он ощутил на себе взгляд и перевел глаза к Сондре.

Когда их взгляды встретились, она прошептала через всю комнату одно слово, говорившее о многом и согревшее его душу.

— Идеально.

Чейз понял ее и масштабность этого слова.

Но не ответил.

Он кивнул ей, снова устроился поудобнее, закрыл глаза, прижал к себе свою девушку и ее мальчика и через несколько мгновений заснул.

Глава 19

Он послал ангела

— Сынок.

Чейз отвернулся от наблюдения за тем, как Фэй играет на полу гостиной Гуднайтов в «Страну конфет» с Лекси, Крис, Твайлой, Бекки и Майей, и посмотрел на стоящего рядом с ним Сайласа.

На самом деле, Лекси на полу не было. Ее большой живот не позволял лежать на полу. Она развалилась на диване, а Майя помогал ей, когда подходила ее очередь играть.

— Ты не мог нормально выспаться на той койке, — продолжил Сайлас. — Отвези мою девочку домой, дай ей присмотреть за тобой и хорошенько выспись.

Был только полдень следующего дня. Бекки выписали. Фэй закрыла библиотеку, бормоча:

— К черту Мэри Эглунд и ее сумасшедшую сестру. Если хотят, пусть уволят меня за то, что я беру больше отгулов.

Когда они приехали к Гуднайтам, на их подъездной дорожке стояли машины Лекси, Крис и Твайлы, привезшие сумки, полные одежды и обуви для Бекки.

Бекки приняла душ и надела новую одежду. Как и Майя, она, казалось, привыкала. Майя привык потому, что знал, что Гуднайты — семья Фэй. Бекки привыкала потому, что с ней был ее брат, а также еда, одежда и душ.

Это не означало, что она не была пугливой, настороженной и часто переводила взгляд на брата, иногда по вполне понятным причинам, вроде того, что кто-то вошел в комнату или раздавался громкий шум, а иногда, казалось бы, без всякой причины.

Психолог побеседовала с детьми и проинформировала о результатах Чейза, Фэй и Гуднайтов.

Травма, пережитая Майей, его изгнание и полное сосредоточение на том, чтобы выждать время для спасения своей сестры, явились причиной того, что он решил не говорить. Судя по поведению детей и по рассказу Майи, все эти годы он присматривал за сестрой и защищал ее, как мог, от безумия Энид Эглунд. Как выживший, он принимал добро, которое послала ему жизнь в лице Гуднайтов. Как ребенок, он принимал заботу, которую ему уделяли Фэй и Чейз, и позволял ей укрепить свое доверие. Но его мысли все же были обращены на то, чтобы освободить сестру, он считал это своим долгом и не собирался ни с кем его делить. Поэтому, стремясь вообще ничем не делиться, он контролировал свое общение.

Психолог также сообщила, что обоим детям потребуется углубленная психологическая помощь, а их воссоединение с бабушками и дедушками должно проходить под наблюдением профессионала. Чейз и Фэй должны были присутствовать при этом, как два единственных человека в этом мире, которым Джеремайя действительно доверял, раз он отправил Чейзу ту записку и позволил ему позаботиться о своей сестре.

Услышав эту новость, полицейские Вайоминга не стали ждать, чтобы поделиться с четырьмя местными жителями о весьма возможной вероятности, что их внуки живы и находятся в Колорадо. Они направились к ним и разбудили, чтобы рассказать новости. Поэтому, как и ожидалось, все четверо находились в пути и должны были прибыть в полицейский участок Карнэла в ближайшее время.

Чейза одолевали противоречия. Он хотел быть в участке, чтобы встретиться с бабушками и дедушками, но не хотел находиться вдали от Фэй и детей или забирать ее у них. Он рассказал ей, что произошло, и ее реакция очень походила на реакцию ее матери, только была сильнее. От случившегося с детьми ее сердце разрывалось, а также от осознания того, что Майя переедет в другой штат, хоть это и хорошо, что дети будут со своей кровной семьей.

Так что, она оставалась рядом с ними.

Чейз хотел дать это ей, но не хотел оставлять.

— Я выживу, Сайлас, — пробормотал Чейз.

Глаза Сайласа скользнули по лицу Чейза, затем метнулись в гостиную и, наконец, снова посмотрели на Чейза.

— Хорошо, — прошептал он громче, — я еду в город. Родственники детей скоро будут здесь, и я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы заверить их, что их внуки в хороших руках, и, по крайней мере, за одним из них какое-то время присматривали. Сондра разговаривает по телефону с Бетти, чтобы снять им номера в отеле «Карнэл». Мы хотели, чтобы они остановились у нас на время проведения тестов, но психолог считает, что пока это слишком рано. Майя чувствует себя здесь в безопасности, а Бекки чувствует себя в безопасности с Майей. Ситуация шаткая, и мы должны позаботиться об этом. Но Лиза готовит пару лазаний. Вечером, возможно, придет психолог, чтобы как можно быстрее провести воссоединение. С семьей и едой, а моя Лиза делает великолепную лазанью, все должно пройти хорошо. Но Лиза привезет их и уедет. Будем только ты и Фэй, Сондра и я, бабушки и дедушки, психолог и дети. Сондра прихватила пару бутылочек с газировкой, из которых пили дети, и я возьму их с собой для анализа ДНК.

— Все это хорошо. Спасибо, Сайлас, — ответил Чейз.

Он увидел, как изменилось выражение лица Сайласа, и мгновенно прочитал его.

— Я буду скучать по нему, — пробормотал Сайлас, его глаза переместились на Майю. — Он хороший ребенок. Приятно снова иметь в доме маленького постреленка.

Его взгляд вернулся к Чейзу, и когда он снова заговорил, в его голосе звучала печаль, но уверенность.

— Но они должны быть с семьей.

— Они должны быть с семьей, — согласился Чейз.

Сайлас кивнул.

— Тогда я поехал, — пробормотал он и ушел.

Чейз смотрел ему вслед, затем его глаза вернулись к гостиной, когда из нее прозвучал смех. Он исходил от всех женщин и Майи, но также послышалось и тихое хихиканье Бекки, робко смотревшей на Фэй.

Фэй рассмешила ее.

Это была его девушка. Она могла пробиться к чему угодно. Устранить даже настолько огромную проблему. Чейз понял это, когда она сделала это с ним.

Он почувствовал, как уголки его губ приподнимаются, но тут зазвонил телефон, и взгляды Фэй и Майи устремились на него, а Бекки подскочила, ее черты наполнились ужасом, а глаза метнулись к брату.

Чейз машинально послал им обнадеживающую улыбку, вытащил телефон и, ради Бекки, оставался спокойным и вел себя так, будто его действия нормальные и естественные.

Посмотрев на экран, он догадался, что знает причину звонка.

Нажав «ответить», Чейз поднес телефон к уху.

— Фрэнк, они в участке?

— Прибыли двадцать минут назад, — подтвердил Фрэнк. — Мы угостили их кофе из «Ла-Ла Ленда» и пирожными Шамблса. Коротко проинформировали о происшедшем с детьми. Взяли образцы ДНК. Лаборатория готова ускорить процедуру. Но, Чейз, э-э... — он замялся, — я звоню не по этому поводу.

Чейз почувствовал, как его брови нахмурились.

— Тогда по какому?

— Ты один? — спросил Фрэнк.

Вашу ж мать.

— Нет, — ответил Чейз.

— Уединись, — тихо сказал Фрэнк.

Не глядя на гостиную, Чейз поднялся по лестнице и вошел в гостиную на верхнем этаже.

— Я один, — сказал он Фрэнку.

— Ладно, ну, брат... пи*дец, — начал Фрэнк, но остановился.

— Фрэнк, — нетерпеливо подсказал Чейз.

По его настойчивому тону Фрэнк поспешно продолжил:

— Ладно, чувак. Мы задержали байкера из другого города, ничего особенного, остановили его за безрассудную езду, у него уже было несколько таких задержаний, ничего такого, он просто баловался. Но проверив его права, обнаружили, что на него есть судебный ордер, штрафы, которых он не видел в Си-Спрингс. И большую часть ночи он провел в соседней камере с Энид, и та, по-видимому, что-то болтала. Кое-какое дерьмо, показавшееся парню более хреновым, чем ее обычные е*анутые речи. После завтрака он сообщил об этом Джону. Джон сказал мне. Мы привели ее в комнату для допросов и снова допросили. Это заняло время, брат, но мы кое-что из нее вытянули.

Когда он не стал продолжать, Чейз спросил:

— Что вы узнали?

— Причину, по которой она выгнала Джеремайю.

— И в чем же эта причина? — надавил Чейз, когда Фрэнк снова замолчал.

— Ладно, Чейз, дерьмо, ладно...

— Фрэнк, — отрезал Чейз, когда тот замолчал.

Когда Фрэнк продолжил, он снова сделал это быстро.

— Очевидно, Джеремайя сбежал. Он часто безуспешно пытался это сделать. Он попал в лес. Брат, насколько мы можем сказать, он был в Харкертс Вуд. То, что он там увидел, повергло его в шок. Так что, черт возьми, он вернулся к единственному, что знал. Он вернулся к ней.

Чейз замер, как статуя, и его губы странно произнесли слова:

— Что он увидел?

— Судя по тому, что нам удалось вытянуть из этой чокнутой, мальчик увидел, как какая-то блондинка делала мужчине минет.

Ох, бл*ть, нет.

Умоляю, Боже, нет.

Чейз закрыл глаза и опустил голову.

— Думаю, это была Мисти, брат, — прошептал Фрэнк. — Энид этого не видела, ее там

не было. Она просто выбила это из паренька, и после того, как он ей рассказал об увиденном, она потеряла последнюю крупницу разума и выгнала его, решив, что он выдумывает это дерьмо или что он сын Сатаны или что-то в этом роде. Но я полагаю, и временная шкала совпадает, мальчик видел Мисти и человека, который ее убил. Пребывая в шоке, он вернулся к Энид, потому что это было единственное знакомое ему место, единственное укрытие, которое у него имелось.

Чейз понимал, что это пи*дец. Джеремая был в ужасе оттого, что остался один. Он боялся Энид, зная, что его сестра все еще в плену, но, вдобавок ко всему, мог увидеть нечто большее. Он видел, как над Мисти совершали насильственные действия, возможно, почувствовал ее ужас, возможно, видел пистолет и, возможно, видел, как ее убили.

Бл*ть, он видел все это дерьмо.

Бл*ть, этот страх все еще был с ним.

Бл*ть!

— Он может быть ключом к разгадке убийства Мисти, — тихо сказал Фрэнк, а затем закончил: — И Ньюкомба.

Чейз открыл глаза и поднял голову.

— Кто об этом знает? — выпалил он.

— Э-э, я, Джон, байкер и видекамера, которая засняла мой допрос.

— Скажи Кэпу. И вели Джону держать язык за зубами, и убедись, чтобы Джон понял твою просьбу. Если он начнет болтать, я приду в бешенство, и тогда ему не сдобровать. Убедись, чтобы байкер считал Энид обычной чокнутой, и не делись ни с кем этим дерьмом.

Фрэнк помолчал, затем сказал:

— Если узнают, что был свидетель...

— Тогда Майе пи*дец, — закончил за него Чейз.

— Дерьмово, брат, — пробормотал Фрэнк, — но в нашем департаменте чисто.

— Информация утечет, как только Джон распустит язык. Это дойдет не до тех ушей, и паренек, только что переживший гребаный кошмар, будет убегать в страхе до конца своей гребаной жизни.

— Я понял, — прошептал Фрэнк.

— Я позвоню его психологу. Потом приеду в участок.

— Я понял, — повторил Фрэнк.

— У тебя куча дел, — сказал ему Чейз.

— Да, — сказал Фрэнк и отключился.

Чейз вздохнул. Потом еще раз.

Затем спустился вниз, чтобы сказать Фэй, что собирается заскочить в участок и вернуться с угощениями из «Ла-Ла Лэнда» для женщин и детей.

* * * * *

— Вы, должно быть, шутите, — сказал Фрэнк доктору Каррутерс, психологу Майи, стоявшей рядом с ним, Чейзом и Кэпом в кабинете Кэпа.

— Ни сколько, — немедленно ответила доктор Каррутерс.

— Возможно, он — единственный свидетель нераскрытого убийства, совершенного

человеком, который, весьма вероятно, убил двоих в нашей округе, — парировал Фрэнк.

— Пока результаты тестов ДНК не готовы, эти дети находятся под опекой государства, поэтому государство принимает решения об их благополучии, и для принятия этих решений обязательна консультация с кем-то вроде меня. И я настоятельно призываю не позволять полиции, пусть даже осторожно, допрашивать мальчика, отец которого погиб в автокатастрофе, а мать была убита, а самого его похитили, держали в плену, подвергали моральному и физическому насилию, и он, возможно, видел убийство, но, определенно, половой акт, в том возрасте, когда не может переварить увиденное. Этот половой акт был явно не по согласию, и, наконец, он жил один на улице и в лесу, заботясь о себе, в постоянном беспокойстве за состояние своей сестры. Так что давайте не будем терять время, звоня в отдел опеки только для того, чтобы они спросили моего мнения и действовали в соответствии с моей рекомендацией. Просто поверьте мне на слово, что вы не будете говорить с этим мальчиком о том, что он стал свидетелем изнасилования и возможного убийства, — возразила доктор Каррутерс.

— Вы можете присутствовать, — предложил Фрэнк.

— И на будущее, если вам потребуется его допросить, мне лучше присутствовать, — возразила она.

— Это не будет допросом, — отрезал Фрэнк.

— Это не будет ничем, — прорычал Чейз, и все взгляды обратились на него, но он смотрел на Фрэнка. — Ни за что, черт возьми, ты не будешь разговаривать с Майей. Не сейчас. Не, мать его, завтра. Не на следующей гребаной неделе. Нет, пока доктор Каррутерс не даст на это добро, а возможно, и никогда. Сегодня вечером он будет есть лазанью с людьми, которые присматривали за ним, а также с бабушками и дедушками, которых он не видел уже три гребаных года, и он сделает это, чувствуя себя в безопасности и под присмотром. Без воспоминаний о женщине, которую насиловали в рот. Позвонишь в опеку и попытаешься получить разрешение, тебе, Фрэнк, придется пройти через меня, чтобы добраться до парня.

— Но это же Мисти, — сказал Фрэнк то, что Чейз и так уже знал.

— Да, это Мисти. И да, я хочу знать, кто с ней это сделал. Но я не хочу жертвовать остатками душевного спокойствия, которые нам удалось подарить Майе, ради того, чтобы заполучить этого ублюдка. Может, он добрался до Мисти и Даррена, но не до Майи. Ни хрена. Мы найдем другой способ, — отрезал Чейз.

Лицо Фрэнка наполнилось недоверием, прежде чем он напомнил Чейзу:

— Ты жил и дышал ее делом несколько месяцев.

— И дальше буду жить и дышать им, не зная, кто ее убил, но со спокойной душой, потому что мое незнание означает, что Майя может оставить это чертовски серьезное дерьмо позади и жить дальше, — ответил Чейз. — Ей-богу, Фрэнк, не уверен, хочу ли, чтобы ты когда-нибудь говорил с ним об этом дерьме. Его родные спросят меня, и я скажу им не подвергать его допросу. Мы найдем этого парня другим способом. Но будь он моим ребенком и пройдя через такое дерьмо, я не стал бы заставлять его делать это. Даже и, особенно, если это будет означать охрану полиции. Даже и, особенно, потому, что это может означать программу защиты свидетелей, если этот парень станет частью более крупной операции. У него отняли три года жизни. Ты не можешь стоять здесь и говорить мне, что Мисти и Даррен стоят того, чтобы уничтожить остальные.

— Совершенно преступление, неважно против кого, — тихо заметил Фрэнк.

— По моим подсчетам, преступлений было много, а против Даррена и Мисти — только три. Остальные выпали на долю Майи и Бекки. Больше они не выдержат, — ответил Чейз.

— Кто-то должен вступить за Даррена и Мисти. И кто-то должен заплатить за то, что с ними сделали, — парировал Фрэнк.

— Согласен. Абсолютно. С чем я не согласен, так это с тем, что со всем этим нам должен помогать Майя, — возразил Чейз.

Фрэнк вытащил тяжелые пушки.

— Это слова не того полицейского, каким я тебя знаю.

Но Чейзу было все равно.

— Я не полицейский. Я человек, который выполняет обязанности полицейского. И я человек, который купил этому парню спальный мешок, когда он спал в обносках, научил его играть в видеоигры и нес его дрожащую от холода сестру через лес после того, как брат ее спас. И меня устраивает быть этим человеком, а не копом.

— Вы будете прекрасным отцом, — вмешалась в этот момент доктор Каррутерс, и Чейз посмотрел на нее.

— Надеюсь на это, потому что мой отец — мудака.

Ее губы дернулись, и она ответила:

— Возможно, но вы откуда-то научились не походить на своего отца, хотя, — продолжила она советовать, — я бы прекратила сквернословить.

Господи, он уже слышал это раньше.

Он не ответил. Он посмотрел на Кэпа.

— Мы закончили?

Кэп кивнул, затем перевел взгляд на Фрэнка.

— Джеремайю не трогать, сынок.

— Кэп! — резко выпалил Фрэнк.

— Взбрыкнешь, не подчинишься приказу, попытаешься добраться до мальчика или его родных, попробуешь пройти через Чейза, тебе придется сначала пройти через меня. Мальчик пережил достаточно. Мы найдем того мудака другим способом. Что касается нашего разговора в этом кабинете, то бессвязная болтовня Энид Эглунд о том, что видел Джеремайя — это бред. Чтобы ни слова не вышло за стены этого кабинета.

Фрэнк распрямил плечи и спокойно, но сердито ответил, смысл его слов был туманен, но все же ясен:

— Это не закон.

— Это грязно, Фрэнк, — ответил Кэп так же спокойно, но не сердито. — И есть сострадание. Дело ни в Мисти Китон, ни в Даррене Ньюкомбе, ни в том, кто их убил, ни в решимости участка найти этого человека. Просто Департамент решил проявить сострадание к свидетелю. Переспи с этой мыслью и увидишь все ясно.

Перед уходом Фрэнк посмотрел на Кэпа, потом на доктора Каррутерс, потом на Чейза.

— Тебя ждет лазанья, сынок, — напомнил Чейзу Кэп и посмотрел на доктора Каррутерс. — Вас тоже.

— Точно, — прошептала она, ухмыляясь.

Они направились к двери, но Кэп остановил Чейза, позвав по имени.

Чейз оглянулся.

— Все, что случилось с этими детьми, — трагично. Ты и твои женщина поступили правильно. Я вижу, ты крепко с ними связан. И то, что я знаю о Фэй Гуднайт и ее семье, то и

они тоже. В нашей работе мы видим много плохого. Ты можешь к этому привыкнуть. Можешь стать жестче. Можешь устать от этого. Но сегодня, сынок, сегодня ты получишь кое-что, чего не получают многие копы. Ты станешь свидетелем того, что бабушки и дедушки этих детей считают чудом. Когда они заберут Джеремайю и Ребекку обратно в Вайоминг, ты сохранишь воспоминание об этом вместе со знанием того, что помог этому чуду свершиться.

— Да, — пробормотал Чейз.

— Помоги понять ей это. Поддержи свою женщину, — посоветовал Кэп.

Чейз посмотрел в глаза капитану, думая: «Бл*ть, работать с этим человеком охеренно лучше, чем под руководством Арни».

Затем он кивнул.

Затем последовал за доктором Каррутерс, чтобы встретиться с семьей Майи и Бекки.

* * * * *

Чейз открыл дверцу своего грузовика, чтобы отправиться к Фэй, но остановился, услышав, как его окликают.

Он посмотрел направо и увидел Марка, одного из стажеров, который двигался к нему с побледневшим лицом и обеспокоенными глазами.

Чейз сразу понял, в чем дело. Марк проводил поиски, и Марк слышал о Майе и Бекке.

Поэтому, прежде чем Марк остановился и открыл рот, чтобы что-то сказать, Чейз тихо приказал:

— Не надо.

Марк закрыл рот, затем снова открыл его, приглушенно выдавив:

— Я установил неправильные параметры.

— Не надо, Марк, — повторил Чейз.

— Я не знал, что ему одиннадцать. Я не подумал попробовать поискать вне...

— Это не твоя работа, — перебил его Чейз. — Твоя задача — работать и учиться. Моя работа заключается в том, чтобы помогать тебе учиться. Я тоже не знал, что ему одиннадцать. И тоже не предложил изменить параметры поиска. Я просто ждал. Ждал, что ты сделаешь то, чего ты не знал. Этот промах на мне, Марк, а не на тебе.

— Я стажируюсь, чтобы...

— Забудь, — снова прервал его Чейз.

— Если бы мы знали, могли бы...

— Забудь, — приказал Чейз.

Глаза Марка расширились, но горестным голосом он спросил:

— Забыть, зная, что я неделями прятал этих детей от их родных, а девочку держала в плену сумасшедшая, и все потому, что я не сделал чего-то такого простого, как поиск с более широким возрастным диапазоном?

— Да, — ответил Чейз, и Марк моргнул, а Чейз продолжил: — Слушай, парень, хочешь сделать карьеру в правоохранительных органах или где угодно, ты будешь лажать. Твоё начальство будет лажать и сваливать все это дерьмо на твои плечи, но ты продолжишь делать свою работу и чувствовать себя дерьмово. Хочешь быть копом, иногда решения,

которые приходится принимать на лету или в ходе длительного расследования, не будут правильными. Потому что ты человек. Ты должен давать себе поблажку, иначе, чем бы ты ни решил заниматься в этой жизни, потянет тебя вниз. Одну вещь ты можешь усвоить сейчас: когда кто-то дает тебе задание и не объясняет его полностью, то дерьмовый результат отражается на них. Я дал тебе задание и наугад предположил возрастной диапазон. Ты сделал то, что тебе сказали. Мы оба должны жить с этим. Но не бери на себя эту вину. Избавься от нее. Вынеси из этого урок. И двигайся дальше. Это лучшее, что ты можешь сделать, и я собираюсь сделать то же самое.

Марк изучал его, а затем тихо спросил:

— Ты не злишься?

— Злился вчера. Теперь, видя твое лицо, видя, что тебе не плевать, я все еще злюсь. Но на себя. В моей жизни происходило много дерьма, и я не уделял ничему должного внимания. Я облажался и заставил тебя чувствовать то, что ты чувствуешь сейчас, и это я удерживал этих детей от их родных. Но сегодня вечером они увидятся снова, и скоро вернуться дома и поправятся. Все закончилось. Мы извлекаем из этого уроки и идем дальше.

Вот оно. Фэй стояла у него за спиной, даже когда ее там не было. Фэй научила его, что он не может нести бремя всего мира. Научила его давать себе поблажку. Научила его, чтобы он мог передать это знание порядочному парню, который хотел делать в жизни добрые дела, но не взваливал бы весь мир на свои плечи, как это делал Чейз в течение тридцати пяти лет.

Марк выдержал его взгляд. Затем кивнул и сказал:

— В следующий раз я изменю поиск.

Чейз чертовски надеялся, что следующего раза не будет.

Но он этого не сказал. Он кивнул.

Марк тоже кивнул и пошел прочь, а Чейз смотрел ему вслед.

Затем он дал себе время, заставил себя отпустить ситуацию, вздохнул, залез в грузовик и направился к Фэй.

* * * * *

Чейз моргнул, понимая, что что-то не так.

Рассвет еще не наступил, было темно, и он не только чувствовал, но и ощущал, что остался один в своей постели.

Он лежал неподвижно и молчал, прислушиваясь, не в ванной ли Фэй.

Ничего не услышав, откинул одеяло, подошел к комоду, достал пижамные штаны и натянул их. Он шел по темному, тихому дому, ничего не находя, ничего не видя, пока не заметил, что входная дверь распахнута, а штормовая закрыта.

Бесшумно ступая босыми ногами по деревянным полам, он прошел в фойе, выглянул за дверь и увидел Фэй в ночной рубашке, его толстовке и теплых носках, сидящую в кресле-качалке, как обычно сидел в ней он: закинув вытянутые ноги на перила крыльца.

Ее глаза были нацелены на равнину.

Стоял май, но в долине было еще холодно. Ноги у нее, должно быть, замерзли.

Чейз вернулся в спальню, натянул толстовку и носки, заглянул по пути в гостиную за пледами, а затем прошел по коридору к входной двери.

Когда он открыл штормовую дверь, Фэй повернула голову.

— Привет, — прошептала она.

— Привет, — прошептал он в ответ, подходя к ней и набрасывая плед ей на ноги, оборачивая вокруг ее бедер, прежде чем подцепить другое кресло-качалку, подтянуть его к ней и усесться рядом.

Оттолкнувшись назад, он согнул колени и закинул ноги на перила.

Он не удивился, увидев Фэй здесь. Во время ужина она держалась ради Майи, чтобы он мог не расклеиться перед Бекки.

Следовательно, все прошло хорошо.

Об этом чуде и говорил Кэп.

Проведение ДНК-тестов ускорили, и скоро ожидалось результаты, но все уже поняли по фотографиям, что результаты будут положительными. И воссоединение это подтвердило. Родные Майи и Бекки узнали их в ту же секунду, как увидели, и были вне себя от счастья, обе женщины и один из мужчин мгновенно разревелись, и Сайласу с Сондрой пришлось их вывести, чтобы они взяли себя в руки.

Но они справились, вернулись и поужинали.

Это был странный вечер.

Но странный не значит, неприятный.

Три года назад эти четверо считали, что за два месяца потеряли все самое ценное в жизни.

За столом Гуднайтов часть прекрасного вернулась, и это было бесценно, чего никто из них даже не пытался скрыть.

У Майи определенно промелькнула искра узнавания, поэтому он казался открытым, насколько это было для него возможно. В момент похищения Бекки было пять, и ее кошмар только что закончился, поэтому она либо не узнала родных, либо еще не могла осознать тот факт, что узнала, но следовала примеру брата. Доктор Каррутерс осталась довольна и одобрила еще один визит на следующее утро. Завтрак в закусочной с Сондрой, бабушками и дедушками.

Скоро они поедут домой.

Фэй радушно и дружелюбно относилась к бабушкам и дедушкам и поддерживала детей, открыто, как ей нравилось, выражая любовь к Майе, и так нежно, как только могла, к Бекки. Когда они ушли с ужина, она молчала.

Чейз дал ей время.

И продолжал давать его ей, сидя на креслах-качалках. Он дал ей время прервать молчание, и она им воспользовалась.

— Все кончено, — прошептала она равнине.

— Все кончено, — тихо согласился он.

— Они любят их, — продолжила она шепотом.

— Ага, — снова тихо согласился он.

— Сильно.

— Ага.

Фэй долго молчала, потом сказала:

— Любовь исцеляет.

Ей нужно было верить в это. К счастью, она не ошибалась. Он знал это, потому что она научила его и этому.

— Да, детка, — прошептал он.

Она замолчала.

Чейз позволил ей, не сводя глаз с равнины.

Затем услышал тихое всхлипывание, и настала его очередь действовать.

Он встал с кресла и поднял Фэй. Она мгновенно свернулась калачиком, прижавшись к его груди, уткнувшись лицом в его шею, обняв его за плечи. Он распахнул штормовую дверь, хлопнул входную и понес ее к кровати. Уложив ее, присоединился к ней, прижимая к себе, пока ее тело слегка дрожало, а слезы текли.

Когда она затихла в его объятиях, он наклонил голову так, что его губы коснулись ее волос, и спросил:

— Ты плачешь из-за всего этого или из-за чего-то конкретного?

— Думаю, из-за всего этого.

— Тебе будет его не хватать, — ласково заметил Чейз.

Она кивнула и всхлипнула.

Он сжал ее.

Она судорожно вздохнула и прошептала:

— Я рада, что они хорошие люди.

— Я тоже.

— Ты видел фотографии? — спросила она, и он еще раз сжал ее, давая понять, что видел. Бабушки и дедушки с обеих сторон привезли фотографии.

Майи и Бекки, их мамы и папы. Счастливая семья. Половины которой больше не было.

— Да, — ответил Чейз.

Она придвинулась ближе, зарываясь в него. Потеря была слишком велика, чтобы вынести ее в предрассветной темноте.

Чейз выждал.

Затем спросил:

— Теперь ты меня понимаешь?

Фэй откинула голову назад и поймала его взгляд.

— Понимаю?

— По каким-то причинам, — тихо объяснил Чейз, — жизнь забрала у них родителей и привела в кошмар. Затем Бог послал ангела, чтобы положить этому кошмару конец. Этот ангел — ты, женщина, способная на множество чудес. Теперь, когда я называю тебя ангелом, ты меня понимаешь?

Слезы снова наполнили ее глаза, она опустила голову, уткнулась лицом ему в шею, и ее тело содрогнулось от рыданий.

Теперь она его понимала.

* * * * *

Спустя неделю и два дня

Чейз стоял и смотрел, как Сондра обнимает Бекки, а Сайлас стоял рядом с Майей ухмыляясь ему, вероятно, подшучивая, но в его глазах все равно отражалась печаль. Фэй стояла рядом с Чейзом, улыбаясь своим родителям и детям, но ее печаль была гораздо более

явной.

Они стояли снаружи, и машины были набиты битком.

Дети собирались домой.

— Чейз, — услышал он и перевел взгляд на дедушку Майи и Бекки по отцовской линии.

— Эзра, — пробормотал Чейз, когда мужчина приблизился к нему и остановился.

Он кивнул и улыбнулся Фэй, затем посмотрел на Чейза.

После чего тихо сказал:

— Сынок, мне сказали, ты оплатил больничные счета Майи и Бекки.

Он услышал, как Фэй приглушенно охнула, и почувствовал, как она подвинулась к нему, коснувшись его руки, переплетая их пальцы, но ничего не сказала.

Он ей не рассказывал. И не собирался.

Дерьмо.

— Ага, — небрежно ответил Чейз, надеясь, положить конец этому разговору, зная, что познакомившись с этими людьми, не примет их денег.

Эзра кивнул и сказал:

— Мы обсудили и...

— Не беспокойтесь об этом, — прервал его Чейз, и пальцы Фэй сжались крепче.

Глаза Эзры округлились.

— Но сумма, должно быть...

Чейз покачал головой.

— У меня есть трастовый фонд. Его мне оставили бабушка с дедушкой. Они были хорошими людьми. Мой дедушка всю жизнь много работал. Он был добрым. Если бы они узнали, что деньги, заработанные их тяжким трудом, пошли на такую цель, то остались бы довольны. Поверьте мне. Если бы они были живы, они сами бы так поступили. Теперь дело сделано. Вам и так сильно досталось. И большего не будет.

— Это слишком щедрый жест, — осторожно возразил Эзра.

— Это был не жест, — так же осторожно ответил Чейз. — Чем бы это ни было, если так для вас легче принять эти деньги, то они обеспечат нам с Фэй путь в жизни этих детей. Вы уезжаете, но история не заканчивается ни для них, ни для нас. Мы хотим знать, как они вырастут и крепнут, но также и видеться с ними. Если вы позволите нам это на протяжении многих лет, тогда мы в расчете.

Эзра уставился на него, его кадык дернулся, когда он сглотнул, и Фэй прильнула к боку Чейза.

Потом Эзра прошептал:

— Это мы можем.

— Хорошо, — пробормотал Чейз и пожал мужчине руку, из-за чего Фэй пришлось его отпустить.

После рукопожатия, Фэй подошла для объятий, и вновь начались объятия, прощания, искренние прикосновения, натянутые, грустно-счастливые улыбки.

Наконец, Чейз увидел, как Фэй, обнимая Бекки, что-то прошептала ей на ухо, и Бекки хихикнула. Коротко, но по-настоящему.

Затем он наблюдал, как она, держась на волоске, с глазами на мокром месте и дрожащими губами, крепко обняла Майю, и их объятия длились очень долго и были необычными в том смысле, что одиннадцатилетний ребенок так же не хотел отпускать ее, как и она его.

От этой картины у Чейза перехватило горло.

Чейз коснулся на прощание волос Бекки, и она подошла к бабушке и дедушке, а Фэй, издав низкий горловой звук, отпустила Майю.

Она выпрямилась и провела пальцами по его волосам, прежде чем прошептать:

— Звони мне. Я хочу знать, что ты читаешь.

Майя, чьи глаза тоже увлажнились и покраснели, кивнул.

Фэй закусила губу и отошла.

Майя повернулся к Чейзу.

Чейз начал было поднимать руку, чтобы потрепать его по волосам, но остановился, когда Майя подошел прямо к нему и обвил руками талию Чейза.

Его уже не такое худое тело прижалось к Чейзу, руки, ни одна из которых не была ни в гипсе, ни в бинтах, обвились вокруг него, и горло Чейза полностью перехватило. Он сам почувствовал на глазах слезы и обнял своего мальчика, крепко сжав его, склонив голову и закрыв глаза.

— Спальный мешок был теплым, — дрожащим голосом пробормотала Майя.

Бл*ть. Малыш убивал его.

— Хорошо, — хрипло пробормотал Чейз.

Майя сдерживался. Чейз тоже.

Затем Майя прошептал:

— Твои волосы.

Чейз открыл глаза.

— Что, приятель?

Майя откинулся назад, но, не отпуская, посмотрела на Чейза покрасневшими глазами и шепотом продолжил:

— Твои волосы. Львиная грива.

Чейз ничего не понял, но выдавил из себя улыбку и тихо ответил:

— Ладно.

Майя отпустил его, руки Чейза опустились, подбородок Майи задрожал, но его взгляд не отрывался от глаз Чейза, когда он прошептал:

— Ты мой Аслан.

Аслан.

«Лев, Колдунья и платяной шкаф».

Вашу ж мать.

Слова были, словно удар в живот, и в груди Чейза стало тесно, он присел на корточки перед Майей, произнося единственное слово, которое мог придумать в данный момент:

— Приятель.

— Я буду Питером, — все шептал Майя.

— Хороший выбор, — прошептал в ответ Чейз сквозь комок в горле.

Они смотрели друг другу в глаза, Чейз понятия не имел, что сказать или сделать.

Тогда Майя прошептал:

— Пока, Аслан.

Вашу ж мать. Бл*ть. Бл*ть. Бл*ть.

— Пока, Питер, — прошептал в ответ Чейз.

Чейз видел, как Майя, затаив дыхание, посмотрел на Фэй, потом повернулся и пошел к родным.

Чейз попытался выпрямиться и едва поднялся на ноги, как Фэй оказалась возле него, прижимаясь к его боку и крепко обхватывая его руками за талию. Он обнял ее за плечи, Сайлас и Сондра подошли ближе и наблюдали, как Майя, Бекки и их семья рассаживаются по машинам.

Они прощались, махали, стояли на подъездной дорожке Гуднайтов и смотрели, как автомобили отъезжают, и продолжили смотреть, пока больше не было на что смотреть.

Фэй пришла в движение первой, встала на цыпочки и приблизилась губами к уху Чейза.

— Я же говорила, что ты герой, — прошептала она, и Чейз закрыл глаза, но она еще не закончила. — Я не одна так думаю, Аслан.

Он повернулся к ней, полностью притянув к себе и уткнувшись лицом ей в шею.

Крепко обнял.

Она крепко обняла в ответ.

Они почувствовали, как Сайлас и Сондра молча удаляются.

Чейз крепко обнимал свою девушку, чувствуя, как ее тело тихонько подрагивает от слез, как ее мокрое лицо касается его шеи, но знал, что она тоже чувствует его слезы на своей коже.

И ему было плевать.

Глава 20

Дыши

Взбежав по ступенькам к моей квартире, я не стала доставать ключ, так как знала, что Чейз уже там.

Я распахнула дверь и увидела его на кухне. Запрокинув голову, он пил из бутылки пиво, и когда его глаза скользнули по мне поверх бутылки, он опустил голову, и я закричала:

— Девочка!

Он опустил бутылку со словами:

— Что?

Я захлопнула дверь, подбежала к нему и с такой силой бросилась в его объятия, что он отшатнулся назад.

— Девочка! Девочка! У Лекси и Тая девочка! Ее назвали Элла Алекси! — кричала я, прыгая вверх и вниз и увлекая его за собой, потому что держалась за него обеими руками, а он придерживал меня за талию.

Чейз ухмыльнулся и пробормотал:

— Хорошие новости, дорогая.

— Лучшие! — воскликнула я, перестав прыгать. — Десять пальчиков на руках. Десять пальчиков на ногах. Крис говорит, у нее на голове черные кудряшки. Бьюсь об заклад, она очаровательна.

— Не сомневаюсь, — продолжил бормотать Чейз сквозь ухмылку.

Я потрясла его за руки и поделилась:

— Жду не дождусь встречи с ней.

— Я и в этом не сомневаюсь, — все еще ухмыляясь, пробормотал Чейз.

— В честь праздника Крис подает текилу за полцены, — объявила я.

— Только Кристал может праздновать рождение ребенка текилой за полцены, — отметил Чейз, и я улыбнулась ему, потому что это было безумно, весело и правдиво.

— Мы пойдем? — спросила я.

— Пить текилу? — уточнил Чейз.

— Ага.

— Ты пьешь текилу?

— Нет.

— И не пробовала?

— Эм... может быть, пару раз в колледже, но с тех пор нет.

— Тогда... да. Однозначно идем.

От его странно уверенного ответа я нахмурилась.

— Однозначно?

— Детка, ты будешь счастливая и пьяная, твоя квартира в паре кварталов от «У Баббы», а твоя кровать в десяти футах от входной двери, ответ на этот вопрос — да... однозначно.

Я почувствовала, как моя матка сжалась, и проглотила свое предложение о том, что Чейз, поскольку он не позволял мне покупать выпивку, должен снять наличные в банкомате до того, как мы уйдем.

Вместо этого я встала на цыпочки, коснулась его губ поцелуем и отошла, спрашивая:

— Сначала поужинаем?

— Ага, — согласился Чейз. — Что у нас?

Я открыла дверцу холодильника и вытащила упаковку котлет для гамбургеров, отвечая:

— Тако.

— Подходит, — пробормотал он.

Я принялась за готовку, а Чейз принес мне бокал вина. Затем сел за кухонную стойку, а я, попивая вино и продолжая готовить, рассказала ему другие хорошие новости.

— Звонили из Библиотечного совета. На следующей неделе у меня с ними встреча. Городской совет выделил библиотеке дополнительное финансирование, а когда деньги поступят, нам купят новые компьютеры, и мне на десять процентов повысят зарплату.

— Новость не сравнится с рождением у Лекси и Тая здоровой девочки, но все же, это хорошо, дорогая, — прокомментировал Чейз, я посмотрела на него и широко улыбнулась, так как он тоже мне улыбался, после чего вновь перевела внимание на тако.

— Фэй, — позвал он, когда мясо подрумянилось, и я добавила воды и приправ.

Я оглянулся на него.

— Да?

— Выключи, — приказал он, и я склонила голову в бок.

— Зачем?

— Подойди сюда, — продолжил он указывать, и я подняла голову.

— Мы близко. А мне еще нужно нарезать салат и помидоры.

— Через минуту, у нас проблема.

О, боже.

Мне это не понравилось.

У нас давно не было проблем.

Сегодня была суббота, прошло чуть более трех недель с тех пор, как мы познакомились с Бекки.

Майя и Бекки вернулись в Вайоминг, и, судя по ежедневным отчетам, они обустроивались, чувствовали себя хорошо, посещали местного психолога и поддерживали связь со своими бабушками и дедушками, а также с их тетусками, дядями и двоюродными братьями и сестрами. Они жили с родителями своей мамы, а папины родители навещали их каждый день. На самом деле, они ужинали вместе каждый вечер.

Это означало, что детей все время окружали люди, которые любили их и демонстрировали это.

Что хорошо.

Майя по-прежнему много читал, я знала это потому, что он звонил, по крайней мере, раз в неделю, чтобы рассказать мне о прочитанном, поделиться своим мнением, что планирует читать дальше, и он интересовался моим мнением о том, что ему следует добавить в свой список для чтения. Он все еще играл в видеоигры, и я знала это, потому что он звонил Чейзу, по крайней мере, раз в неделю, чтобы поговорить с ним об играх, своих успехах и других мальчишеских вещах.

Поначалу было странно иметь дело с общительным Майей. Но с тех пор, как плотина его слов прорвалась, было много чего сказано. Создавалось впечатление, что он говорит постоянно. Он мог болтать полчаса без перерыва, и если был действительно чем-то взволнован, это было очень заметно.

Казалось, он был очень взволнован многими вещами, и так происходило постоянно.

И это великолепно.

Я скучала по нему. Мама с папой скучали по нему. Чейз скучал по нему. Но было видно, как он расцвел. И это помогало нам справиться с его отсутствием.

Так или иначе, мы все планировали взять недельный отпуск и съездить в Вайоминг, чтобы провести с ними некоторое время. Идея принадлежала мне, и я не была уверена, как будет чувствовать себя Чейз в наш первый совместный отпуск, проведенный с моими родителями, двумя детьми и четырьмя людьми, которых мы не очень хорошо знали.

Чейз подумал, что это отличная идея с одной оговоркой: «Мы снимем номер в гостинице, детка, в гостинице, где не останутся твои родители».

Видимо, во время нашего отпуска будут и другие занятия.

Секс в гостиничном номере с Чейзом. Еще что-то новое.

Еще одно событие, которое можно с нетерпением ждать.

Еще одна хорошая новость — Мэри Эглунд вышла из Городского совета и уехала, ее и так недолго любили, а после того, как преступная деятельность ее сестры стала достоянием общественности, город ее отверг. Потому что она, одна из немногих, кто контактировал с Энид Эглунд, не замечала безумия своей сестры и ничего с этим не делала, или не понимала, что она издевается над двумя детьми, чья мать убила. Вместо этого она занималась тем, что докучала людям и указывала, как им жить, когда ей следовало бы заниматься делами своей семьи.

Ходили слухи, что ее дом выставлен на продажу.

Ее отъезд не станет большой потерей для общества.

Ее сестра, с другой стороны, в настоящее время наслаждалась своим пребыванием в больнице для душевнобольных преступников где-то в Вайоминге. Мне это не нравилось, Чейзу тоже. Я считала, что ее преступления против этих детей заслуживают более строгого наказания.

Но нельзя отрицать, что шарик у нее всерьез заехали за ролики. Ее признали недееспособной не только для того, чтобы предстать перед судом, но и почти для всего, кроме приема кучи лекарств и тюремного заключения среди кучки других, таких же умалишенных.

Мне это не нравилось, но я не стала на этом заикливаться. Ее держали под замком, возможно, не так, как предпочла бы я, но она все же больше ни для кого не представляла угрозы.

Вот такие дела.

Эти немного удручающие новости перекрывали еще больше хороших.

Перед тем, как впервые встретиться с моими родителями, Валери провела с нами выходные, приехав к Чейзу на ужин, и за исключением пары раз, когда она нервничала и беспокоилась, выходные прошли очень хорошо.

Я полюбила ее. Она была милой и забавной, и, поскольку Чейз теперь вел себя с ней гораздо более расслабленно, визит удался на славу. За исключением того, что она подарила мне жемчужные серьги, окруженные бриллиантами, чья стоимость была настолько очевидной, что я чуть не сошла с ума, но Чейз велел мне смириться с этим, и, не имея иного выбора, я так и сделала. Я носила их все выходные, хотя они были намного красивее моих нарядов, но Валери пребывала в таком восторге, что модная оплошность того стоила.

Трейна не пригласили, а сам он не приехал. Валери его не упоминала. Мы с Чейзом тоже. Я чувствовала из-за этого скрытую печаль Валери, но также видела ее решимость наслаждаться общением с Чейзом даже без своего мужа, поэтому сделала все возможное,

чтобы облегчить ей визит.

Я чувствовала, как в меня проникает нечто прекрасное, потому что видела, насколько ей нравится смотреть на счастливого, более расслабленного Чейза, ставшего частью моей семьи. Так что, несмотря на печаль, присутствовала и легкость.

Жизнь была хороша. Она стала нормальной. Без драм. Без «темноты». Ничего, кроме работы, вкусной еды, семьи, секса, телевизора, книг... жизни.

Я не хотела проблем. У нас их было предостаточно.

Я наслаждалась хорошим. Много чертовски хорошим.

Так что плохого я не хотела.

Но даже в этом случае я выключила мясо и направилась к Чейзу, хотя и шла на налившись свинцом ногах. Когда я подошла ближе, он раздвинул ноги, и я восприняла это как сигнал встать между ними. Я положила руки ему на бедра, и он перекинул мне волосы через плечо, а другой рукой обхватил мое бедро. Отпустив мои волосы, его пальцы обвили мою шею, и большой палец скользнул по моей челюсти.

— Это Майя? — прошептала я. — Ты что-то узнал?

— Нет, — прошептал в ответ Чейз, странно вглядываясь в мое лицо, но я не могла толком прочитать его выражение.

Оно не казалось чем-то плохим. Но за всей видимой интенсивностью, я не была уверена, что это нечто хорошее.

— Бекки? — продолжила я тихо.

— Нет, — сразу ответил он тоже тихо.

Я вздохнула и осторожно произнесла:

— Какие-то подвижки в деле Мисти или, эм... чем-то в этом роде?

— Нет, — повторил он, и его рука покинула мою шею, опустилась на мою руку, лежавшую на его бедре, и обхватила ее.

— Чейз...

Опустив голову, он стал наблюдать, как его большой палец скользит по моим пальцам, пробормотав:

— Голый, детка.

От его странного слова моя голова дернулась.

— Прости?

Наши глаза встретились, и он повторил:

— Голый.

Я нахмурила брови и переспросила:

— Голый?

Удерживая мой взгляд, даже когда отпустил мое бедро, чтобы полезть за чем-то в карман джинсов, Чейз взял меня за руку и что-то на нее надел.

Я опустила глаза, и при виде простого, но потрясающего бриллиантового кольца на безымянном пальце моей левой руки у меня перехватило дыхание.

— Голый, — прошептал он, и я втянула воздух через нос, уставившись на бриллиант, сидевший теперь у основания пальца. — Выходи за меня замуж, и я добавлю к нему обручальное кольцо, прикрыв тебя.

Нос стало покалывать, глаза наполнились влагой, я моргнула, но даже после этого мой взгляд не оторвался от кольца, и я снова перестала дышать.

— Детка, — прошептал Чейз, держа мою руку и сжимая ее, — дыши.

Я вдохнула.

Большим пальцем Чейз скользнул по кольцу и обратился ко мне красивым, низким голосом:

— Фэй, ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — мой шепот был, как дуновение ветерка.

Но я не сводила глаз с кольца Чейза.

Он по-прежнему сжимал мою руку, большой палец оставался на кольце, но ладонь другой руки легла сбоку моей шеи и скользнула в волосы за ухом.

— Ты создашь со мной дом? — прошептал он.

— Да.

— Семью?

— Да, — повторила я, и при одной мысли об этой красоте у меня перехватило дыхание.

— Жизнь?

Я откинула назад голову, встречаясь с его красивыми голубыми глазами, и в них сияли все чувства, что он испытывал ко мне, согревая мою душу так, что я знала: холод мне не страшен.

Никогда.

За всю мою жизнь.

— Да, — прошептала я, когда из моих глаз покатались слезы.

Рука Чейза выскользнула из моих волос, обхватывая мою челюсть, а его большой палец пробежался по моей щеке, ловя, падающие капельки.

— Я люблю тебя, Фэй Гуднайт, — тихо сказал он, глядя мне в глаза.

Я втянула воздух дважды, прежде чем ответить:

— Я тоже люблю тебя, Чейз Китон.

Он ухмыльнулся, а его взгляд потеплел еще больше.

— Хочу, чтобы ты переехала ко мне, детка, — пробормотал он.

— Хорошо, — сразу согласилась я.

— В следующие выходные, — продолжил он.

— Хорошо, — снова немедленно согласилась я.

— Мы начнем создавать наш дом, нашу жизнь сейчас, чтобы иметь возможность передать все нашим детям после того, как другое кольцо присоединится к твоему бриллианту.

У меня снова перехватило дыхание, и я повторила:

— Хорошо.

Глаза Чейза загорелись другим светом, который мне так же понравился, когда он спросил:

— Ты собираешься выйти в Сеть и написать своей команде гиков, что ты меня захомотала?

— Да, — прошептала я.

— Поцелуй меня, и я закончу с тако, пока ты это делаешь.

— Хорошо, — повторила я снова, но с места не сдвинулась.

— Детка, поцелуй меня, — подсказал Чейз, когда мое бездействие все длилось и длилось.

— Через секунду, дорогой, я запоминаю момент.

На его лице отразилась уязвимость, но на этот раз без боли.

Только красота.

Потом рука Чейза вернулась к моим волосам, и он притянул меня к себе для поцелуя.

Я подключилась к Интернету, чтобы сообщить новости Бенджи и Серенити, а десять минут спустя Чейз закончил готовить тако.

* * * * *

Крис не упустила из виду мое кольцо, когда час спустя мы появились у Баббы.

Поэтому Чейзу не было нужды снимать деньги в банкомате. Каждый раз, когда он пытался передать ей купюру, она отказывалась, и Чейз мог быть властным, но если Крис была в настроении отказать, у вас не было никакой надежды на победу.

Было много возгласов, криков, хлопков по плечу Чейза, объятий меня, когда Крис и Твайла поделились новостью с баром, а затем рассказывали всем, кто входил. Появилась Лори. За ней — Дик. Чуть позже — Вуд и Мэгги. Дек отстал от них ненадолго. Вскоре в бар пришли Солнышко и Шамблс. Поток посетителей продолжался, как и объятия и хлопки по спине, и новости распространялись так быстро, что мне позвонил мой отец и хриплым голосом сообщил, что скоро у нас состоится семейный праздник, и он постарается сохранить новость от Лизы, чтобы она не устроила какую-нибудь драму и украла мой звездный час.

Хотя мне хотелось поделиться этой новостью с семьей, я была слишком счастлива, чтобы волноваться о том, что кто-то украдет мой звездный час, и я была счастлива услышать, что мой папа тоже счастлив.

Бабба включил стереосистему, и после нескольких песен, Крис взяла на себя управление подключенным к системе iPod. Она явно была в романтическом настроении, а Чейз и подавно, потому что, хотя никто и не танцевал, в ту минуту, когда заиграла песня Mazzy Star «Fade in You», он вывел меня на открытое пространство у окна, притянул в свои объятия, и мы начали раскачиваться под музыку.

До Чейза эта песня меня бы огорчила.

В объятиях Чейза, с его кольцом на пальце, мир исчез, и я растворилась в любимом мужчине.

За этим Крис поставила «Feel Like Makin' Love» Bad Company, «Leah» Брюс Спрингстина, Cowboy Junkies исполнили песню The Velvet Underground «Sweet Jane», а затем вернулись Bad Company с «She Brings Me Love».

Независимо от композиции, Чейз крепко держал меня в объятиях, а я крепко обнимала его, нас окружали друзья, часть жителей городка смотрела на нас, но никто из них, не мог проникнуть в наш момент. Мы танцевали среди моря счастливых людей, празднующих любовь и рождение ребенка в свободном для жизни городе. Но для меня существовал только Чейз, а для Чейза существовала только я.

И среди всего этого Чейз обнимал меня так, что я чувствовала, как он счастлив никогда меня не отпускать, и готов протанцевать со мной до утренней зари.

Потом заиграла та самая песня. Помнила ли Крис, что я говорила об этой песне, или она просто пришла ей в голову.

Элла Мэй Боуэн запела «Holding Out for a Hero».

И тогда я решила, что Чейзу пора узнать.

Поэтому прижалась к нему еще ближе и прильнула губами к его уху.

— В ту ночь я слушала не Доби Грея, — прошептала я. — А эту песню. Мне пела Элла Мэй, когда я думала, что ты не тот, каким я тебя представляла, а представляла я тебя героем этой песни. Я ожидала его двадцать девять лет. И полчаса спустя ты доказал, что каждое из этих слов было правдой, и каждую секунду с тех пор ты продолжаешь доказывать это. Ты считаешь меня своим ангелом, но ты должен знать, что я считаю тебя моим героем. Двадцать девять лет, дорогой, я ожидала героя. Двадцать девять лет я ожидала тебя.

Его лицо, уже уткнувшееся в мою шею, зарылось глубже. Его руки, уже крепко державшие меня, притянули меня ближе.

Он ничего не сказал.

Но когда наклонил меня назад в танце под Эллу Мэй, я пропела эти слова ему на ухо.

И в тот момент, в том баре, в объятиях Чейза, шепча ему на ухо песню о нем, рассказывающую все, кем он является, и все, кем он был для меня, независимо от красоты нашего будущего, независимо от красоты настоящего, я знала, что для меня никогда не будет более красивого момента, чем этот.

В конце песни Чейз скрепил эту красоту поцелуем, а затем скользнул языком в мой рот, — сладко, нежно, ласково, даруя и позволяя дарить мне.

Все, что было им.

Все, что было мной.

Глава 21

Ожидая героя

В другом конце бара началось какое-то движение, и Чейз наблюдал, как брюнетка вышла из зала и направилась в сторону туалетных комнат.

Фэй исчезла там же пятнадцать минут назад, и им пора было идти домой. Пора ложиться спать. Пора впервые заняться любовью с его женщиной, на чьем пальце теперь было его кольцо.

Пятнадцать минут было долгим сроком для ее отсутствия. Чейз терял терпение. Он хотел остаться с ней наедине. Хотел продолжать танцевать с ней. Он собирался танцевать с ней до рассвета, но совсем другие танцы.

Но бар был переполнен, а это означало, что в женский туалет может выстроиться очередь.

Он взял свое пиво, поднял его, отпил глоток и, опуская бутылку вниз, его взгляд остановился на Тейте.

Тейт облакачивался о барную стойку, одной рукой сжимая бутылку пива. Рядом с ним стояла Лори, прислонившись к его спине и обнимая мужа за талию, и разговаривала с Венди. Чейз не мог видеть Лорен, но Венди смеялась.

Женщина Тейта пусть и висела у него на спине, но его глаза не отрывались от Чейза.

Тейт отсалютовал пивом Чейзу и сделал глоток, его губы дернулись в ухмылке.

Чейз знал, что означал этот жест.

Тейту были знакомы чувства Чейза. Когда находишь не просто подходящую женщину, а единственную, идеальную, ту, которая предназначена для тебя. Потом надеваешь свое кольцо ей на палец, заявляешь на нее права, зная, что она твоя, никто и никогда ее не получит, твоя постель никогда не будет холодной, с тобой всегда будет рядом тот, кто прикроет твою спину.

Тейт Джексон знал, как это приятно. Он знал, что это значит. Он знал, как это важно. Он знал, что в мире нет ничего лучше.

Чейз кивнул ему, а затем увидел, как Лорен подвинулась, чтобы сказать что-то ему на ухо. Взгляд Тейта расфокусировался, пока он слушал, на лице отразилась нежность, губы изогнулись, затем он повернулся и поцеловал свою женщину.

Да. Тейт Джексон знал, как это приятно.

В этот момент в кармане Чейза завибрировал телефон.

Он вытащил его, не удивившись сигналу, хотя было уже поздно. Слухи распространялись быстро. Добрые пожелания летели со всех сторон. Чейз считал, что этот день стал знаменательным для городка Карнэл. Тай Уокер перешел на следующую ступень чего-то хорошего в своей новой жизни, которую прервали мужчины, поимевшие весь город. В тот же день изменилась и жизнь Чейза.

Он посмотрел на телефон и увидел сообщение. Проведя большим пальцем по экрану, он открыл его, и при виде текста замер.

Фэй у нас. На данный момент воздуха у нее осталось на четыре часа. У тебя есть это время, чтобы найти и вернуть то, что нам необходимо. Если ты этого не сделаешь, мы не скажем тебе, где ее можно откопать, и она задохнется.

От прочитанного у Чейза загорелись легкие, и он стремительно сорвался со своего

места у барной стойки и протиснулся сквозь толпу к выходу из зала. Когда он добрался до коридора, ведущего к туалетным комнатам, то увидел, что, несмотря на толпу в баре, там пусто.

Он направился в женский туалет.

Открыл дверь, и блондинка у раковины повернулась и зыркнула на него сузившимися глазами, но он проигнорировал ее и резко крикнул:

— Фэй!

— Ты в норме, чувак? — спросила она.

Он был абсолютно не в норме.

— Фэй! — рявкнул он.

Ответа не последовало.

Его взгляд остановился на блондинке.

— Вы не видели здесь шатенку?

Она посмотрела на него и слегка наклонилась, чтобы посмотреть под кабинки, и позвала:

— Кто-нибудь из вас шатенка?

— Неа.

— Не я.

— Он милый?

Ни одна из них не была Фэй.

Бл*ть.

Бл*ть.

Прежде чем блондинка успела ответить, он развернулся и быстро двинулся по коридору к запасному выходу. Толкнул дверь, но не услышал сигнализации. Снаружи в переулке не было ни машин, ни людей. Там не было ничего.

Бл*ть.

Бл*ть.

Вернувшись в коридор, он остановился и склонил голову к телефону.

Прошло пятнадцать минут, если они вырубili ее и у них была машина, они могли быть уже далеко.

Он уставился на телефон.

Воздуха на четыре часа.

Чейз продолжал смотреть в телефон.

Откопать ее.

Чейз продолжал смотреть на телефон.

Она задохнется.

В сознании вспыхнули воспоминания.

Первый удивленный взгляд Фэй, обращенный к нему, на тротуаре возле «Ла-Ла Ленда», когда он извинился за то, что вел себя как мудака. Тогда он этого не знал, но она смотрела на него так, потому что была в него влюблена, и он тоже был близок к этому.

То, что он просто стоял рядом с ней, так подействовало на нее, что она перестала дышать.

Поэтому он прошептал: «Дыши, Фэй».

И прямо перед тем, как он сомкнул ее руку на своем члене, когда они в первый раз занимались любовью, она перестала дышать.

Поэтому он пробормотал: «Дыши, детка».

И этим вечером, когда он надел кольцо ей на палец, он прошептал: «Детка, дыши».

Она задохнется.

Задохнется.

— Чейз? — совсем близко донесся до него голос Тейта, Чейз вскинул голову, и вопросительное выражение на лице Тейта сменилось на настороженное. — Иисусе, брат, что происходит?

— Они забрали Фэй, — прорычал он.

— Кто? — спросил Тейт.

— Элита, — кратко ответил Чейз, это слово прозвучало резко, но он не заметил, как голова Тейта дернулась назад. Он уже шагал к выходу, протискиваясь сквозь толпу, смутно слыша, как Тейт выкрикивает имена мужчин, но у Чейза путались мысли.

Даррен Ньюкомб не был его приятелем. Чейз ненавидел этого человека. Избегал его, как мог. Он понятия не имел, кому тот мог доверять. Понятия не имел, где он мог спрятать компромат. Понятия не имел, кому он мог его отдать.

— Сука, — прошипел Чейз, толкая дверь и пальцами выбивая дробь на экране своего телефона.

Остановившись снаружи бара, он нажал «ответить», затем напечатал: «Я все найду, вы получите, что хотите, но мне нужно больше времени», а затем нажал «отправить».

— Чейз, рассказывай, — приказал Тейт, и Чейз поднял глаза и увидел Тейта с Баббой, Диком, Вудом, Джимом-Билли и Декком.

— Это пи*дец, — сказал он им.

— Мы поняли, — ответил догадливый Тейтум Джексон. Он точно знал, что происходит.

— Им нужен компромат. Судя по их сообщению, они где-то похоронили Фэй. У нее есть четыре часа, чтобы я нашел их дерьмо и доставил им, иначе у нее кончится воздух.

— Похоронили ее? — прорычал Дек, его большое тело напряглось, от него исходили опасные вибрации, и Чейз протянул свой телефон другу, который взял его, но тут же все понял, и его глаза метнулись к Тейту.

— Тейт, звони Максу. Заставь его добраться до Джорджа Нильсона, пусть вытащит его задницу из постели, если потребуется, и выяснит, что он знает или может ли что-то узнать. Если Макс на такое не готов, мне нужен такой человек, готовый отправиться в Гно Бон, — распорядился Чейз, и Тейт, кивнув, отошел.

Телефон Чейза завибрировал, и Дек нажал на экран, затем его взгляд остановился на Чейзе.

— Ответили, что у тебя есть четыре часа, не больше, — сказал он ему, стиснув челюсти и сверкая глазами.

Чейз посмотрел на друга.

— Телефонный номер, с которого пришло сообщение... используй свои сверхспособности. Определи, откуда он. — Дек кивнул, отступил назад и достал свой телефон. Чейз посмотрел на Вуда. — Позвони Таю. Понимаю, насколько это для него дерьмово в такую хорошую ночь, как сегодня, но мы должны привлечь его. Пусть свяжется с Дьюи. Дьюи знает все обо всех. Попроси Тая отправить Дьюи за информацией. Дьюи может что-то узнать или даже иметь какое-то представление на этот счет. Нам нужно вычислить возможных участников игры и как они будут ее вести.

— Понял, приятель, — пробормотал Вуд и отошел.

Чейз выдернул свой телефон у Дека, а затем помчался к квартире Фэй.

— Бл*ть! Куда ты? — крикнул Бабба ему в спину, пока Чейз на бегу жал кнопки на своем телефоне.

Он поднес его к уху и стал слушать гудки. Спустя четыре гудка Чейз уже собирался отключиться, чтобы снова набрать и разбудить мудака, когда услышал голос отца.

— Чейз?

— Отец... — начал он, тяжело дыша, но Трейн оборвал его.

— Почти два часа ночи.

— Заткнись и слушай. Твои приятели потеряли терпение. Они похоронили Фэй заживо. У меня есть четыре часа, чтобы отдать им компромат, иначе у нее кончится воздух. Вытаскивай свою задницу из постели и садись за телефон, или за руль, или за все это одновременно, и выясни, где Фэй.

— Похоронили заживо? — прошептал Трейн, когда Чейз свернул в переулок к квартире Фэй и услышал позади себя шаги.

— Каждая секунда, которую ты тратишь впустую, — это секунда воздуха, которой у нее нет, — пролаял Чейз в трубку, завернув в следующий переулок, а затем отключился.

Он взлетел вверх по лестнице, слыша, как за ним следуют мужчины. Выдернув ключи, открыл дверь и ворвался внутрь. Подбежал прямо к столу, включил лампу и нажал кнопку ее компьютера.

— Брат, ты должен сказать нам, что творится у тебя в голове, чтобы мы тоже поняли и начали поиски твоей девушки, — обратился Дек к Чейзу, пока тот рылся в вещах на столе Фэй, сбрасывая на пол все ненужное, и, наконец, нашел, что искал. Ее записную книжку.

Он отошел от компьютера и посмотрел на Дека.

— Как только загрузится, зайди в ее чат и посмотри, сможешь ли связаться с парнем по имени Бенджи или той, кто называет себя Серенити Уолш.

Он увидел, что все остальные мужчины стоят в квартире Фэй, разговаривают по телефонам, а потом наклонился и пролистал записную книжку.

Никакого упоминания ни о ком по имени Бенджи. Или Серенити Уолш.

Бл*ть.

— Чейз, — позвал Тейт, и Чейз посмотрел на него. — Я еду к сестре Ньюкомба.

— Фрэнк ее допрашивал. Она говорит, что ни хрена не знает, — сказал ему Чейз.

— Но узнав, что девушку похоронили заживо, она может передумать и рассказать, или, зная Ньюкомба достаточно хорошо, может предположить, где он спрятал компромат или кому его отдал, тогда парни начнут действовать, — возразил Тейт.

— Езжай, — отрезал Чейз, и Тейт ушел.

— Бенджи здесь, — сказал ему Дек, отодвигаясь от клавиатуры, и Чейз подошел к нему.

Наклонившись, он напечатал: Это Чейз. Фэй у Элиты. Они хотят компромат или у нее кончится воздух. У тебя есть представление, кому они могли заказать подобное дерьмо?

Бенджи: О БОЖЕ! Кончится воздух? Что, черт побери, это значит?

Чейз: Соберись и подумай. Я задал тебе вопрос. Отвечай.

Бенджи: Они регулярно общаются с человеком по имени Клинтон Бонар.

Бл*ть.

Ну, конечно.

Бонар.

Чейз выпрямился, бросил телефон Деку и прорычал:

— Бонар. Звони ему, — его глаза скользнули по мужчинам, — найдите его.

Бабба и Дик ушли. Дек поднес телефон к уху.

Чейз вернулся к клавиатуре.

Чейз: Что еще?

Бенджи: Я пытаюсь выйти на Серенити. Именно она нашла большую часть информации. Но, похоже, она не в сети.

Чейз: У тебя есть ее контакты?

Бенджи: Нет.

Чейз: Настоящее имя?

Бенджи: Извини, Чейз, нет. О БОЖЕ! О БОЖЕ!

Чейз: Держи себя в руках. У тебя есть что-нибудь?

Бенджи: Фэй сказала нам забыть все это и удалить. Так я и сделал. По поводу Серенити не знаю. Но я проверю, смогу ли восстановить резервные копии. Я отправлю их по электронной почте и продолжу пробовать связаться с Серенити.

Чейз: Быстрее.

Бенджи: Хорошо.

Чейз отошел от клавиатуры.

— Бонар не отвечает, — пробормотал Дек, склонив голову над телефоном Чейза и водя по нему большими пальцами.

Чейз подошел к домашнему телефону Фэй у дивана, схватил его, набрал номер и поднес к уху.

— Отдел полиции Карнэла, чем я могу вам помочь? — отозвался Терри.

— Терри, это Чейз. Я получил сообщение от людей, которых шантажировал Арнольд Фуллер, что они похитили Фэй Гуднайт и похоронили ее заживо. У меня есть четыре часа, чтобы выяснить, где компромат, иначе у нее кончится воздух. Поговори с Фрэнком, узнайте, кто они такие. Ты, Фрэнк или любой другой дежурный доложите об этом. Всех этих мужчин нужно арестовать и вызвать на допрос. Сейчас. Немедленно.

— Иисусе, Чейз, — пробормотал Терри.

— Это секунда воздуха, которую Фэй только что потеряла, — выпалил Чейз.

— Бл*ть, ладно, но, насколько я понимаю, эти люди в четырех округах, вплоть до Аспена, — сказал Терри.

— Тогда тебе лучше взяться за гребаный телефон, — прорычал Чейз и отключился.

— Чейз, приятель, Дьюи встретится со мной за баром Баббы, — крикнул Вуд, и Чейз получил возможность кивнуть до того, как Вуд вышел за дверь, и в ту же секунду через нее вбежали Джим-Билли, Лорен и Крис.

— В чем дело? — спросила Крис.

— Садитесь за компьютер. Фэй похитили. — Лорен и Кристал охнули, Джим-Билли крикнул, но Чейз продолжил говорить. — У нее есть пара друзей, с которыми она общается в чате. Могут прийти электронные письма. Садитесь за компьютер и позвоните мне, если что-нибудь получите.

Кристал подбежала к компьютеру, Лорен следовала за ней по пятам.

— Лори, дорогая, отдай мне свой телефон, — тихо позвал Лорен Джим-Билли.

Лорен вытащила из кармана телефон, а Чейз посмотрел на Дека.

— Пошли.

— Куда? — спросил Дек.

— К Бонару, — отрезал Чейз и вышел из квартиры Фэй. Его грудь сдавливало, горло перехватило, ладони зудели, страх и ярость боролись за превосходство, и победа была дерьмовой.

Дек следовал за ним.

* * * * *

Фэй

Я повернула вентиль кислородного баллона, который мне оставили, фонарик, который тоже мне оставили, освещал движения, мои руки были в крови от ударов по деревянным стенам, окружавшим меня.

Воздух стал разреженным.

В панике я израсходовала слишком много.

Мне нужно было больше.

Я надвинула пластиковую маску так, чтобы она закрывала мне рот и нос, и вдохнула.

В голове возникли слова Чейза.

Детка, дыши.

Мой взгляд переместился на записку, которую я нашла, когда перестала паниковать, взяла себя в руки, осмотрелась в тесном пространстве и обнаружила фонарик и баллон. Она была воткнута в деревянную поверхность рядом со мной.

У тебя четыре часа. Как и у него. Батарея на телефоне почти разрядилась. GPS нет. У тебя будет достаточно времени для одного звонка. Воспользуйся им, если захочешь попроситься.

Я посмотрела на оставленный мне телефон.

Затем закрыла глаза.

Элла Мэй пела мне на ухо.

Я не открывала глаза.

Чувствовала, как Чейз обнимает меня, наши тела прижимаются друг к другу, бедра раскачиваются.

Мы собирались пожениться. Собирались создать семью.

Я ждала двадцать девять лет. Ждала Чейза. Ждала героя.

Он найдет меня.

Чейз найдет меня.

* * * * *

Чейз

— Я ни хрена не знаю, — прошипел Бонар, глядя на Чейза, пока Дек держал его обмякшее тело за шею.

Чейз втянул воздух, посмотрел на часы и вспомнил время, когда пришло сообщение, потому что оно выжжено в его мозгу.

У Фэй оставалось менее трех часов.

Его глаза переместились к Деку.

— У нее меньше трех часов.

Дек отвел кулак назад и ударил. На стену брызнула кровь.

Телефон Чейза зазвонил. Он вытащил его и ответил.

— Что? — рявкнул он, когда Дек наклонился к Бонару, рывком притянул его к себе, обхватив пальцами за горло, и что-то низко прорычал, чего Чейз не разобрал.

— Брат, мы всех задержали, и все они грозятся нас засудить, — донесся голос Фрэнка из динамика.

Чейз открыл было рот, чтобы ответить, но на заднем фоне услышал:

— Предъявите им обвинения по трем пунктам в заговоре с целью совершения убийства и привлечите к ответственности.

Там был Кэп.

— У нас нет доказательств, подтверждающих это, — услышал Чейз, как Фрэнк говорит Кэпу.

Затем он услышал, как Кэп пробормотал рядом:

— Будем думать об этом позже. Посади их в камеру, оформи и позволь разобраться мне. — Затем Кэп обратился к Чейзу: — Сынок, какой бы беспорядок ты там ни устроил, помни, я смогу его убрать.

Он отключился.

Если бы у Фэй не заканчивался воздух, Чейз бы улыбнулся.

Вместо этого он перевел взгляд на Бонара, у которого из носа обильно шла кровь, на губах было несколько порезов, а вся левая сторона лица опухла.

Дек умел работать кулаками, и это выглядело чертовски больно.

Взгляд Бонара переместился с Дека на Чейза.

— Я знал, что ты из таких людей, — прошептал он, но был не прав.

Сейчас он был именно таким человеком, но такому, как Бонар, никогда не понять, почему.

— Где она? — прошептал Чейз.

Бонар ухмыльнулся.

Дек встряхнул его, и голова мужчины замоталась взад-вперед, как у тряпичной куклы.

Когда Дек перестал его трясти, Чейз повторил:

— Где она?

— Все процессы разделены, — прошептал Бонар сквозь еще одну ухмылку.

Бл*ть, он не знал. Он мог отдать приказ, но понятия не имел, кто исполнитель или, возможно, даже кто заказчик.

Чейз почувствовал движение и, обернувшись, увидел Баббу, входящего в спальню Бонара.

Он не медлил.

— Звонила Крис. Половины я не понял, но она говорила быстро. Кем бы ни был тот приятель Фэй, он прислал кучу всего. Все это распечатали и просмотрели каждое слово и цифру. Пришли Шамблс и Солнышко. Венди. Твайла. Еще люди. Видели номер, по которому этот, — Бабба мотнул головой в сторону Бонара, — много звонил. Отследили его до какой-

то корпорации в Денвере. Без имени. Но у чувака из компьютера есть навыки. Он определил GPS этого номера.

Бабба поднял свой телефон, на котором отображалось сообщение.

— Так вот, кем бы он ни был, он местный.

Чейз повернулся к Деку, кивнул и направился к двери.

— Я выдвину обвинения, — крикнул Бонар им вдогонку, и Чейз остановился, потому что почувствовал, как остановился Дек.

— Давай, ублюдок. Но знай, обратишься в полицию, я прослежу, чтобы мы оказались сокамерниками, даже если мне придется для этого придумать какое-то дерьмо. Ты распробовал мои кулаки. Понял мои навыки. Так что, я сделаю так, чтобы мы с Чейзом вышли намного раньше тебя, — сказал ему Дек, после чего не стал больше медлить и последовал за Чейзом, когда Чейз покинул комнату.

* * * * *

Борясь с мучительной болью в груди и кислотой в желудке, Чейз ехал в «Юконе» рядом с Деком, следуя за превышавшим скорость Баббой, когда у Дека зазвонил телефон.

— Йоу. Понял, — затем он отключился и сказал: — Телефон, с которого были отправлены сообщения, одноразовый. Никаких зацепок по GPS.

Чейз втянул в себя воздух.

Потом выдохнул.

Пять минут спустя, и минус пять минут жизни Фэй, зазвонил его телефон.

Он вытащил его, нажал «ответить» и приложил к уху.

— Что?

— Сынок, ты приказал их арестовать.

Его отец говорил мягко и тихо. Ма спала.

— Да. И? — отрезал Чейз.

— Мне затруднительно разговаривать с ними, пока они под стражей.

— Возможно, твой адвокат сможет убедить их адвокатов быть умнее и начать говорить.

— Боюсь, они не послушают. То, что произошло сегодня, ясно дало понять, что я вышел из их круга.

— Что? — спросил Чейз.

— Ты был под запретом. Как и Валери. И когда я познакомился с Фэй, то дал им понять, что она тоже под запретом. Меня встревожил такой ход с их стороны. Это на них не похоже, и я ничего об этом не знал.

— Ну, твои разъяснения не очень-то помогают, отец. Мою жизнь разрушили. Мама не знает о твоих извращениях, но угроза этого существовала. Так что люди, чьи задницы ты якобы прикрывал, не были в полной безопасности. Теперь, включая и Фэй.

— Чейз, я понятия не имел, что они планируют нацелиться на Фэй. Я их не контролирую. Все это дело рук Фуллера, — напомнил ему Трейн.

— Ты позволил ему это, — парировал Чейз. — Теперь, так как ты мне ничем не помогаешь, и если у тебя нет для меня чего-то, что поможет, мы закончили.

— Поговори с Клинтоном, — посоветовал он.

— Уже поговорил. Все процессы разделены. Ты знаешь, как он действует. У тебя есть для меня другое имя?

Наступила тишина.

— Я не такой человек, Чейз, — сказал он тихо. — Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Единственная причина моей связи с Клинтоном, не говоря уже о той, которую меня вынудили создать с большинством этих мужчин, заключается в том видео, заставившем меня вступить в их союз.

— Бонар уже давно в твоей команде, па.

— Когда это начало происходить, и мы узнали, что другие сталкиваются с тем же, мы объединились, и должностные обязанности Клинтонна были соответствующим образом скорректированы.

— У моей женщины, на чей палец я сегодня вечером надел кольцо, папа, остается менее трех часов воздуха. Твоя история ни хрена ей не помогает. Итак, у тебя есть для меня что-нибудь, что могло бы помочь?

— Полиция скоро будет у моей двери? — спросил Трейн в ответ.

Пи*дец как верно.

— Не знаю. И мне насрать. Но, честно говоря, я удивлен, что ты еще не арестован.

— Твоя мама...

И вот он — прикрывает свою гребаную задницу.

Как всегда.

Как всегда, бл*ть.

Из-за этого Чейз потерял голову.

— Моей женщине осталось дышать меньше трех часов, — прогремел он в трубку. — Дело не в тебе, не в том, чтобы спасти твою задницу, и не в том, чтобы защитить маму. Речь идет о гребаном спасении жизни женщины, которую я ох*уенно люблю. Так что не звони мне, если у тебя нет того, что поможет Фэй.

— Я буду продолжать делать все, что в моих силах, — сказал ему Трейн, и Чейз отключился, не сказав больше ни слова.

— Ты в норме? — спросил Дек.

— Нет, — выдавил Чейз.

— Должен постараться, брат. Против нас время. Сгорая в ярости, ты сжигаешь это время. Ты должен держаться хладнокровно.

— Когда твою, вероятно, чертовски напуганную женщину где-то похоронят заживо, и ты не будешь иметь понятия, как ее спасти, тогда покажешь мне, как можно держаться хладнокровно, — прорычал Чейз.

— Ты делаешь это, зная, что все будет хорошо. Ты делаешь это, зная, что твои друзья поддержат тебя. Ты делаешь это, зная, что они не сдадутся, как и ты.

Чейз втянул воздух через нос, но боль прожигала насквозь.

— Она освободила меня, — прошептал он.

— Я знаю, Чейз, — прошептал в ответ Дек.

— Она лучше, чем мечта.

— Я знаю, брат.

— Должно быть, она в ужасе.

— Нет. Это Фэй, и она ждет тебя.

Это пронзило его, потому что у его Фэй бесспорно был стальной характер.

Чейз сделал еще один вдох, и его телефон снова зазвонил.

Он включил его и поднес к уху.

— Китон.

— Чейз, это Макс. Джефф только что арестовал Джорджа, но я добрался до него первым. Он признался, что подтасовывал цифры по своим налогам. Фуллер узнал об этом, потому что прикармливал бухгалтера Джорджа. Компромат был не таким серьезным, чтобы делать его важной мишенью, но его было достаточно, чтобы Джордж платил им и позволял дергать себя за веревочки. С тех пор как Фуллера не стало, Джордж ни хрена не слышал. Он думал, все затухло, и был чертовски потрясен, столкнувшись с Ниной. То, что случилось сегодня, вывело его из себя. Он понятия не имеет, что происходит, и даже не знал, что есть и другие, пока все не вышло наружу. Он не в их группе, Чейз. Он был мелкой рыбешкой. Простая игрушка для Фуллера.

Тупик.

— Ясно, — пробормотал он.

— Я еду в Карнэл. Чем я еще могу помочь?

— Отправляйся домой к своей семье. Разбуди Нину, скажи, что завтра я могу позвонить ей с плохими новостями.

— Я — лишняя пара рук, Чейз, — тихо напомнил Макс, и Чейз сделал еще один вдох.

— Тогда позвони Вуду или Тейту. Они могут работать над чем-то, о чем я не знаю.

— Понял, — пробормотал он, а потом сказал: — Держись. Дерьмо случается, но чаще всего у него счастливый конец.

Девушка в беде ожидала свое долго и счастливо.

Бл*ть.

— Спасибо, Макс, — пробормотал он.

— До скорого.

Связь оборвалась, Чейз отключил телефон и сосредоточился на дороге.

* * * * *

Грузовик Баббы съехал на обочину, но до того, как он это сделал, и Чейз последовал за ним, он увидел в кювете две машины. Одна вытеснила другую с дороги.

Он остановился и выключил зажигание.

Дек уже вышел, Дик и Бабба стояли перед ним.

Чейз подбежал к грузовику Баббы, обогнул его и резко остановился, когда из тени появилась фигура.

Сэмюэл Стерлинг. Мультимиллионер-афроамериканец, добившийся всего сам. Друг Тая. Хороший человек.

Но не местный, если только Аспен не считался местным районом.

Гребаный ад.

— Какого хрена? — спросил Чейз.

Стерлинг остановился в четырех футах от него и поднял руки.

— Тай знал, что я в этом районе. Он получил кое-какую информацию и позвонил мне.

Его не было в этом районе. В ту минуту, когда Тай услышал, что Фэй в опасности, он

решил, что потребуется любая помощь, сделал звонок, и Стерлинг примчался.

Вдалеке раздавались безошибочно узнаваемые звуки, и Чейз взгляделся в темноту перед собой, но ничего не увидел.

— Насколько я понимаю, вы — служитель закона, — заметил Стерлинг, и Чейз перевел взгляд на него.

— Кто у вас там? — спросил он.

— Советую вам позволить нам с коллегой разобраться с этим, — ответил Стерлинг.

— Кто у вас там? — повторил Чейз.

— Мы достаем необходимую вам информацию, — тихо сказал Стерлинг, — и уверяю вас, мы ее достанем, а вы ищите свою женщину, вы ей понадобится чистыми и свободными.

Чейз двинулся к нему, начав:

— Я не буду стоять здесь...

Стерлинг приложил руку к груди Чейза, и тот остановился, перевел взгляд на руку, а затем на лицо Стерлинга.

— Будете, ради вашей женщины, — прошептал Стерлинг.

Бл*ть.

Бл*ть.

Все верно. Сегодня он уже подставил свою задницу и задницу Дека.

Он должен отступить.

Бл*ть.

Стерлинг посмотрел ему в глаза. Затем убрал руку с груди Чейза, повернулся и исчез в темноте.

Дек, Бабба и Дик подошли ближе.

Издали продолжал доноситься шум.

Чейз сжал кулаки.

Дек взглянул на часы и крикнул:

— На данный момент у вас есть один час и пятьдесят три минуты, а мы в сорока пяти минутах от Карнэла! Поживее там!

Он тоже запомнил время сообщения.

Телефон Чейза зазвонил. Он включил его и поднес к уху.

— Китон.

— Чейз, это Вуд. У Дьюи есть несколько имен. Пара парней, которые делают грязную работу для членов этой Элиты. Тай и Твайла со мной, мы с одним из них. О другом я сообщил Тейту, и они с Максом отправились за ним. Тай сейчас пишет тебе имена и подробности. Ты на связи с Крис и бандой?

— Стерлинг, — сказал Чейз в трубку.

— Хорошо. Скажу Таю, что связь установлена. Будем на созвоне.

Потом он отключился.

— Вкратце, — бросил Дек, когда Чейз выключил телефоне.

Чейз дал краткое изложение.

Потом мужчины стояли в ночи и прислушивались к отдаленным звукам ударов.

Чейз посмотрел на часы.

Один час сорок восемь минут.

— Бл*ть, — прошептал он, каждый дюйм его тела гудел, все в нем побуждало умчаться прочь и заняться делами, и он всеми силами заставлял себя оставаться на месте.

— Держись, брат, — прошептал в ответ Дек.

— Бл*ть, — повторил Чейз.

— Хладнокровие, Чейз, — пробормотал Дек.

У Чейза зазвонил телефон, и он ответил:

— Китон.

— Чейз Китон? — спросила женщина, и Чейз дернулся от неожиданности, услышав незнакомый голос.

— Да.

— Это Элли Найтингейл. Ты знаешь меня как Серенити.

Чейз мгновенно рванул к своему грузовику.

— Чейз, какого хрена? — окликнул Дек.

— Говори, — рявкнул Чейз в трубку.

— Ее закопали на твоём заднем дворе.

Иисусе. Господи.

На его заднем дворе. На его гребаном заднем дворе.

— Она за забором, — продолжила женщина, — Посередине, семьдесят пять ярдов. Земля будет вскопана. Я достала то, что им нужно, и две минуты назад передала их связному. Они рассказали мне подробности. Я в часе езды от вас. Надеюсь, ты ближе.

Чейз забрался в свой грузовик, уже нацелив ключи в замок зажигания.

— В сорока пяти минутах, — ответил он, решив, что на самом деле ему понадобится лишь тридцать.

— Очуменно, — прошептала она. — У нее в запасе еще час.

Дек запрыгнул на соседнее сиденье, дверца была еще открыта, когда Чейз рванул задним ходом, а Бабба и Дик запрыгивали в грузовик перед ним.

— Увидимся там, — сказала она ему.

— Увидимся там, — ответил Чейз, а затем кинул невыключенный телефон на консоль.

Когда он переключил передачу, поступательное движение грузовика захлопнуло дверцу. Как только он выполнил поворот и вдавил педаль в пол, его телефон качнулся, и Дек моментально поймал его.

— Она на моем заднем дворе, — бросил он Деку.

Телефон в руках Дека подавал сигналы. Он звонил.

Чейз вел.

* * * * *

Фэй

Я не знала, сколько времени у меня осталось.

И не хотела терять свой шанс.

Я думала о папе и маме.

Но когда включила телефон, на экране высветилось уведомление о низком заряде батареи, и мой большой палец автоматически набрал номер Чейза.

Я поднесла трубку к уху и после одного гудка услышала:

— Китон.

Боже, я любила его голос.

Мой выбор был правильный. Если бы я умерла здесь, то последнее, что услышала бы, — его прекрасный голос.

Я отняла маску от лица и прошептала: «Привет, дорогой», а затем приложила маску обратно.

— Господи, бл*ть, Фэй, детка, — прошептал он в ответ. — Ты в порядке?

Убрала маску, я сказала:

— У телефона, что мне оставили, чтобы попрощаться, есть только минута...

— Я знаю, где ты, дорогая. Я уже в пути. Все в пути. У тебя есть время. Мы скоро будем.

Я убрала маску и сказала:

— Кислород почти кончился.

— Что?

— Я в красной зоне.

— У тебя больше часа.

— Я в красной зоне.

— Фэй, скоро кто-нибудь приедет.

— Хорошо.

— Скоро.

— Я люблю тебя, Чейз.

— Скоро, Фэй.

— Ладно, я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, и кто-нибудь скоро...

Телефон умер.

Прижав маску к лицу, я вдохнула.

Я ждала.

И дышала.

Ждала еще, пока дышала.

До тех пор, пока в баллоне не осталось ничего, чем можно было бы дышать.

Мой рот ничего не втянул.

Мои глаза закрылись.

Элла Мэй пела мне на ухо.

* * * * *

— Просто, бл*ть, копайте! — услышала я сквозь сон крики.

Мои ресницы затрепетали, и я втянула воздух.

Но его не было.

Скрежет.

Стук.

Мои глаза закрылись.

Стук.

Громкий-громкий стук.

Треск дерева.

Внутри ворвался воздух, мое тело задвигалось без моего ведома, и я подалась к слабому ветерку, втягивая его.

Снова стук, скрежет, звуки чего-то бьющего о дерево, пронзительный треск, когда его отрывали. Я почувствовала, как на меня сыпется земля и куски дерева, внутри струится воздух, и я втягиваю его вместе с землей и задыхаюсь.

Затем я услышала громкий удар и голос Чейза:

— Иисусе, бл*ть, бл*ть, бл*ть.

Громкий треск ломающегося дерева, затем кто-то подцепил меня под мышки и вытащил.

На.

Воздух.

Чистый воздух.

И его было много.

И никакой земли.

Я втянула его.

— Передайте ее мне, — услышала я рокот и стала переходить по рукам, мои глаза то открывались, то закрывались, рот втягивал воздух. — Она у меня. Помогите ему, — приказал тот же голос.

Меня передвинули, потом подтолкнули и вокруг меня сомкнулись другие руки, знакомые руки, а потом я рухнула на колени Чейза, он крепко обнял меня, окутывая своим телом в кокон, а другой рукой убирал волосы с моего лица.

— Ты дышишь, детка? Фэй, детка, ты дышишь?

Я посмотрела ему в лицо и увидела невыносимую агонию.

Так что дала ему то, что нужно, чтобы избавить его от нее.

— Да.

Прежде чем я успела увидеть, как боль уходит, он прижал мое лицо к своей шее, и хриплым, срывающимся голосом пробормотал:

— Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

Выглянув из-за его плеча, я увидела Тая, Тейта, Вуда, Дика, Твайлу, Баббу, Дека и мужа Нины, Максвелла, грязными, чумазыми, с комками земли на руках и груди.

Они откапывали меня руками.

Я уткнулась лицом в шею Чейза и прошептала:

— Тебе нужно купить лопату, милый.

Его тело сжалось вокруг меня.

Затем он уткнулся лицом мне в шею и расхохотался.

* * * * *

Полулежа-полусидя на диване Чейза я глядела в заднее окно.

На террасе, освещенной уличным фонарем, стояла красивая, стройная брюнетка, ругающаяся с преступно красивым итальяно-американцем. Там же стояли в высшей степени красивый чернокожий мужчина с кудрявыми волосами и еще один мужчина, несколько

неряшливого вида, в очках а-ля Бадди Холли и футболке с надписью «Да здравствует Кхалиси, выпускайте драконов!», которую я оценила по достоинству.

— Я говорила тебе однажды, и скажу в тысячный раз, Рен, что я делаю со своей жизнью, тебя не касается! Держись от меня подальше! — крикнула она.

Она.

Серенити.

Моя Серенити.

Или Элли Найтингейл — женщина, которую я встретила полтора часа назад. Женщина, обнявшая меня с большим облегчением и сказавшая, что живет в Денвере. Женщина, которая беззастенчиво совала свой нос в убийства и беспорядки Карнэла, и, к счастью, не прекратила этого делать, когда я попросила ее об этом.

Женщина, которая спасла мне жизнь.

К счастью, за ее спиной стояли крутой парень, представленный мне как Дариус Такер (чернокожий парень), и компьютерный гений, который, по признанию Элли, выполнил всю работу по поиску информации, сидя за клавиатурой, представленный мне как Броуди (фанат «Игры престолов»).

Также в ее самопровозглашенном задании спасти мой зад за ней последовал, — но только для того, чтобы развернуть ее обратно, — мужчина, которого мне не представили и который с первой секунды прибытия наехал на Элли. Из ее криков на него, я узнала, что его зовут Рен.

Классное имя.

Горячий парень.

И он, казалось, серьезно разозлился на нее, но именно так Чейз разозлился на меня, узнав о моей безумной и глупой затее. То есть он разозлился, потому что очень беспокоился о том, что она может пострадать.

И, похоже, Элли не понимала этого.

Еще я увидела, что Элли «Серенити» Найтингейл во многом не похожа на меня, и дело не только в том, что она была стройнее, выше ростом и брюнеткой. Но также и королевой препирательств и дерзости.

Я поняла это, когда Рен закричал в ответ:

— Детка, не оставишь это дерьмо, я прикую тебя к своей гребаной кровати!

На что она с жаром ответила:

— Попробуй, Зано, и я надеру тебе зад!

Чейзу только стоило сказать: «детка», и я бы ответила — «хорошо».

Но не Элли.

Глядя на нее, казалось, Элли никогда в жизни не сдавалась, даже очень сексуальному парню, который угрожал приковать ее к своей кровати, что, учитывая его высокое, смуглое, вспльчивое итальянское, крутое великолепие, совершенно не представляло угрозы.

Боже, за ней по пятам ходил такой парень, а она пускала слюни на Натана Филлиона? Конечно, Натан Филлион был очень сексуален, но этот парень... потрясающий. И он не жил там, где Натан Филлион, он стоял прямо на террасе Чейза, в футе от Элли, и кричал на нее, потому что беспокоился.

Я почувствовала движение, оторвала взгляд от происходящего, повернула голову и увидела Чейза с мокрыми от душа волосами, в чистых джинсах и свитере, идущего босиком ко мне и глядящего в окно.

Бесконечно сексуальнее, чем итальянский красавчик на задней террасе.

Он сел позади меня и притянул к себе, так что мои бедра оказались между его ногами, при этом не отрывая глаз от окна.

— Все еще спорят? — спросил он.

Я перевела взгляд с красивого профиля Чейза к окну и увидела, как Рен ткнул пальцем в лицо афроамериканца, что, по моему мнению, не очень хорошо, но его, похоже, это мало волновало, и крикнул:

— Тебе ли не знать!

Дариус Такер ухмыльнулся.

Серьезно, он тоже был горячим.

— Ага, — ответила я.

— Мне вмешаться? — спросил Чейз.

На террасе стоял вспыльчивый, взбешенный высокий итальянец. Я бы держалась от них подальше. Для одной ночи на мою долю выпало достаточно опасностей.

— Захотел бы ты, чтобы кто-то вмешался, когда ты обеспокоен, зол и кричишь на меня?

— Оставлю их в покое, — тут же пробормотал Чейз, и я ухмыльнулась. — Только что звонил Кэп, — объявил он, и мой взгляд переместился с окна на него.

— Да?

Чейз посмотрел на меня.

— Сказал мне, что, по-видимому, пока Элли и Такер вели игру с Элитой, чтобы выяснить твоё местонахождение, Броуди был в полицейском участке, чтобы показать им следы. Пусть они и получили то, что Ньюкомб на них имел, но двое из них засуетились и сгруппировались. Прямая наводка на парня, который схватил тебя у Бабы, и это дерьмо связано с другим человеком по имени Клинтон Бонар, которого в данный момент арестовывают. Кто-то из этой банды может вздохнуть свободно, но этим двоим предъявят обвинения, и, по словам Фрэнка, у них уже есть ордер на сбор дерьма по следу Броуди. Не говоря уже о том, что Такер и Броуди связаны с частным детективом в Денвере по имени Ли Найтингейл, у которого есть связи в правоохранительных органах. Итак, детектив Найтингейл и его брат, который оказался полицейским, приложили к этому делу свою руку.

— Она знала, что они идут за мной? — спросила я, надеясь, что она не знала и поэтому не предупредила меня.

— Нет, пока не получила то же сообщение, что и я, — оправдал мою надежду Чейз. — Они с Броуди взломали их, следили за их сообщениями, поэтому она была настороже, потому что знала: что-то затевается. Она получила это сообщение одновременно со мной, и вместе с Такером и Броуди приступили к делу. Они выяснили, кто общался с Ньюкомбом, и направились прямо туда. Заполучив компромат, подбросили Броуди до участка, а сами вышли на связь с похитителями для передачи информации.

— Итак, Серенити спасла меня и посадила двоих из них, — прошептала я.

— Да, — прошептал он в ответ.

— Вау, — все также шепотом восхитилась я, глядя в окно.

Дариус внимательно разглядывал свои ботинки. Броуди, закусив губу, что-то высматривал в темном небе. Рен прижал Элли к перилам террасы Чейза так, что я ее вообще не видела.

Никто не кричал, но тело Рена все еще было сковано яростью.

И его зад смотрелся очень хорошо в этих выцветших джинсах.

Серьезно, мне нужно поговорить с Серенити. Она должна прийти в себя.

— Фэй, — мягко позвал Чейз.

Я оторвала взгляд от Рена и снова посмотрела на него. Он перекинул мои волосы через плечо, а затем обнял за плечи, продолжив:

— Сэмюэл Стерлинг доставил твоего похитителя в полицейский участок.

Звучало офигенно хорошо.

И жутко.

— Хорошо, — прошептала я.

— Ты можешь его опознать? — ласково спросил он, и я прикусила губу, потому что могла.

Он оглушил меня в коридоре «У Баббь», и я проснулась в том ящике, но прежде чем он это сделал, я успела его разглядеть.

Чейз не заметил, как я закусила губу, и прошептал:

— Бл*ть.

Мы не говорили об этом. Чейз позвонил своим коллегам и сказал, что сообщит им, когда я буду готова дать показания, а пока они должны держаться подальше.

Они держались подальше.

Пока я имела дело лишь с объятиями парней и Твайлы (объятия Твайла оказались самыми крепкими), которые потом позвонили своим женщинам, чтобы сообщить, что я в порядке, затем они ушли, я приняла душ, после меня в душ ушел Чейз, а я осталась наблюдать за ссорой Элли и Рена.

— Мы можем сделать это завтра утром? — спросила я.

— Да, детка.

— Можно я расскажу тебе об этом и завтра? — мягко попросила я.

— Когда будешь готова, Фэй, — также мягко ответил он.

— Крис и девочки написали Бенджи, что со мной все в порядке?

— Да. Он все знает.

Хорошо. Бенджи бы беспокоился, но я не удивилась, узнав, что он делал для меня все, что в его силах.

— Мне нужно что-то сделать для них всех в благодарность за помощь, — пробормотала я, задаваясь вопросом, что если вы не миллионер и не могли раздавать замки, то можете лишь сказать «спасибо за спасение моей жизни».

— Думаю, благодарности и того, что ты дышишь, им достаточно.

— Ага, — прошептала я, потому что он, вероятно, думал правильно, и, к счастью, это стоило намного больше, чем дюжина замков.

Глаза Чейза скользнули по моему лицу, прежде чем снова встретились с моим взглядом.

— Ты кажешься в порядке, — тихо заметил он.

— Я в порядке. Я дышу, — тихо ответила я.

При моем последнем слове он резко втянул воздух и закрыл глаза, его рука скользнула вверх по моим волосам к затылку, и он прижался лбом к моему лбу.

— Я знала, что ты меня спасешь, — прошептала я, его глаза открылись, и он отстранился на дюйм.

— Я не знал, — прошептал он в ответ.

— Ну, а я знала.

— И тебя спасла Серенити, а не я.

При этих словах я нащупала его запястья и притянула их между нами. Чейз принял душ, но под его ногтями все еще оставалась грязь, а его тело по-прежнему сдерживало слезы от того, что он голыми руками рыл землю и пробивался сквозь деревянный ящик, ставший моей тюрьмой.

Я склонила голову к плечу, но не отвела от него глаз, и, сжав его руки, спросила:

— Не ты?

— Фэй...

— Ты сдался?

— Нет, дорогая, но...

— Ты отказался?

— Нет, но я потерял голову.

— Конечно, потому что любил меня.

— Деку пришлось приводить меня в чувство.

— Конечно, он бы так поступил, потому что любит тебя.

— Фэй...

— Ты освободил меня.

— Милая...

Я сжала его запястья, наклонилась и яростно прошептала:

— Это ты положил этому конец, Чейз. Ты выкопал меня. Ты меня освободил. Тебе помогли, но это сделал ты. Мое последнее воспоминание о том кошмаре — как ты меня освобождаешь.

Его взгляд потеплел, и он открыл рот, чтобы заговорить, но я еще не закончила.

— Открою тебе секрет, дорогой. Рыцарь со значительными брешами в доспехах, но так и не павший, — настоящий герой. Это означает, что он выигрывает сражения и не тратит время на полировку доспехов, чтобы хорошо выглядеть на парадах, устраиваемых в его честь. Он просто затаскивает себя обратно на коня и продолжает сражаться. И если он правильный рыцарь, то никогда не ездит один. Лучшие герои вдохновляются верностью. Лучшие герои продолжают бороться за правое дело, неустанно и тихо. У лучших героев всегда есть шрамы. Если бы их не было, героиня не будет иметь с ним ничего общего. Ее работа состоит в том, чтобы помочь герою отпустить все это, чтобы ее мужчина мог быть достаточно сильным, чтобы сражаться, но когда он с ней, он может дышать свободно.

Он вывернул запястья, так что я их отпустила, но только для того, чтобы взять мои, прижав к своей груди, и хрипло спросил:

— Ты будешь дышать свободно, дорогая?

— Лорен похитил и ранил серийный убийца, и она сказала мне, что никогда не теряла сна, потому что спала рядом с Тейтом, — сказала я, и его брови сошлись у переносицы.

— Это ответ на мой вопрос?

— Да. Видишь ли, случившееся со мной ты считаешь своей ответственностью, потому что думаешь, что обязан защищать меня. Но что касается меня, то я испугалась и пару часов пролежала в ящике в земле. Теперь все позади. Сегодня, завтра, каждую ночь я буду спать рядом со своим рыцарем с брешами в его доспехах и со шрамами, зная, что он всегда позаботится обо мне, так что я буду спать спокойно. Ты же не будешь спать спокойно, не так быстро, и я сожалею об этом, дорогой. Но в конце концов ты увидишь, что я сплю спокойно, и тогда тоже успокоишься. Но для меня все кончено, ты сделал это возможным, поэтому я уже дышу свободно, а чуть раньше я получила жизнь, чтобы дышать свободно,

приняв твое кольцо. Возможно, мне на какое-то время понадобился кислородный баллон, но твой кулак пробил дерево, и через несколько мгновений я свободно вдохнула чистый воздух.

— Это все, что тебе нужно? — спросил он, его голос снова стал хриплым.

— Ну, я бы не назвала это «все, что нужно». Не многим девушкам удается захомутать настоящего, честного до совершенства, великолепного героя. Но, поскольку мне это посчастливилось сделать, то, по сути... да.

Чейз посмотрел мне в глаза.

Затем отпустил мои запястья, чтобы обнять меня, пальцы одной руки скользнули в мои волосы, он притянул меня к себе и поцеловал.

Это был не пламенный поцелуй, а медленный и сладкий.

Тем не менее, он обжигал.

Я обняла Чейза за плечи, сильно сжав, и уже начала увлекаться, когда нам пришлось прерваться и посмотреть в окно, потому что Серенити завизжала:

— Рен! Опустить меня!

И мы увидели, как Рен направляется к лестнице террасы с брыкающейся Элли, перекинутой через его плечо. Спустившись по ступеням, он обогнул террасу и скрылся из виду за домом.

Дариус и Броуди наблюдали за этим с очень странным выражением, будто в этом не было ничего нового, а потом вошли в дом.

При виде нас Дариус тут же поднял руку.

— Не вставайте. Мы тоже поедим. Просто заглянули попрощаться и сказать, что если мы вам понадобится, то вы нас найдете в городском отеле. Мы уезжаем завтра.

— Ясно, — пробормотал Чейз.

— Приятно было познакомиться, — подал голос Броуди.

— Э... мне тоже, — отозвалась я, хотя обстоятельства были не очень приятные. — С ней все будет в порядке?

— Если поведение неандертальца будет означать, что он перестанет валять дурака? Да, — ответил Дариус. — Если она продолжит отталкивать его, а он продолжит с этим мириться? Нет.

Казалось, у этой парочки была история.

Серенити скрывала что-то от меня. Даже больше, чем я думала.

— Ставлю на Элли, — пробормотал Броуди.

— Ставлю на Зано, — пробормотал в ответ Дариус.

Определенно, история, и она не имела ничего общего с Натаном Филлионом.

Интересно.

— Уверены, что не хотите пива или чего-нибудь еще? — спросила я и почувствовала, как тело Чейза напряглось вокруг меня.

— Как насчет того, чтобы выпить пива завтра, когда ты не будешь только что откопанной из деревянного ящика, покрытого тремя футами земли? — спросил Дариус.

— Вероятно, это было бы более подходящее время для развлечения, — пробормотала я.

Именно тогда я почувствовала, как тело Чейза содрогается вокруг меня, и в то же время Дариус и Броуди ухмыльнулись мне.

— Рад, что все закончилось хорошо. Увидимся, — попрощался Дариус.

— Да, увидимся, — сказал Броуди.

— До встречи, — ответила я.

Чейз им кивнул.

Едва за ними закрылась дверь, как Чейз поднял меня на руки и направился по коридору в свою спальню.

Он усадил меня на кровать, оперся кулаками в матрас по обе стороны от меня и наклонился так, что я могла видеть только его.

— Вернись через две секунды, — прошептал он.

Я кивнула.

Он ушел, и я знала, что он запирает дом на ночь. Я получила доказательство тому, когда наружный свет погас. Все равно он уже был не нужен. Приближался рассвет.

Когда Чейз вернулся, я наблюдала, как он снял джинсы и свитер и забрался в постель рядом со мной. Потом выключил лампу со своей стороны, перекатился через меня и выключил с моей.

Закончив, придвинулся ко мне и заключил в объятия.

На мне была его толстовка, чистые трусики и его носки — все, что я натянула после душа.

Он молчал.

Я тоже.

Потом я прервала молчание.

— С тобой все нормально?

Ответа не последовало.

Мои руки скользнули по его спине, и я позвала:

— Чейз?

— Я в красной зоне, — прошептал он.

Его слова, мои слова, слова, воспоминание о них, причина, по которой он их говорил, заставили сердце сжаться.

Я закрыла глаза и придвинулась ближе.

— Я в порядке, — прошептала я.

— У тебя кончился воздух.

Я открыла глаза.

— Едва ли на минуту.

— У тебя кончился воздух.

— Все кончено, дорогой.

Объятия вокруг меня сжались, и снова охрипшим голосом Чейз спросил:

— Ты говоришь мне правду, что после всего этого дерьма ты в порядке?

— Мне нужно было всего лишь ждать тебя, Чейз. Это тебе пришлось искать меня. То, через что ты прошел, хуже, так что, нет. Я не совсем в порядке, но не расстроена из-за того, что со мной случилось. Я расстроена тем, что случилось с тобой.

— Иисусе, детка, я в порядке.

— Нет, ты не в порядке.

— Ты здесь, ты дышишь, ты в моей постели, на твоём пальце мое кольцо, черт возьми. — Его голос звучал успокаивающе уверенно, а объятия были успокаивающе крепкими.

Тем не менее, я не успокаивалась:

— Обещаешь?

— Да, черт возьми. Я просто беспокоюсь, что ты не в порядке.

— Но я в порядке.

— Это может иметь хреновые последствия.

— Возможно, но ты будешь рядом.

— Может вызвать у тебя кошмары.

— Возможно, но ты будешь рядом.

— Может подкрасться к тебе через год, два, двенадцать и начать преследовать.

Боже!

Иногда сексуальный парень-защитник может быть упрямым и раздражающим.

Настала моя очередь проявить твердость.

— Ладно, возможно, Чейз, но ты будешь рядом.

Он замолчал.

Затем прошептал:

— Да, я буду рядом.

Да.

Он будет.

Через год, два, двенадцать.

Всегда.

Я прижалась ближе и прошептала в ответ:

— Да.

Он замолчал.

Я тоже.

Потом я снова заговорила.

— Устал?

— Ни хрена. — Снова уверенно.

— Хочешь поговорить?

— Нет.

Я прижалась еще ближе.

— Заняться любовью?

Без промедления, без единого слова, Чейз перекатился на меня, его губы коснулись моей шеи и заскользили вверх и вниз.

Я восприняла это как «да».

— Потрахаться? — прошептала я альтернативное предложение.

— Заняться любовью, — пробормотал он мне в подбородок, и я ухмыльнулась в лучах рассвета, когда руки Чейза скользнули под его толстовку.

Затем я прошептала в ответ:

— Мне подходит.

Эпилог

Всего тебя

Год и шесть недель спустя

— Для меня большая честь и удовольствие объявить вас, Чейз Китон и Фэй Китон мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Мой взгляд скользнул от преподобного к Чейзу.

Его глаза казались очень-очень голубыми.

Они казались очень-очень счастливыми.

Прямо как я.

Я не знала, что затаила дыхание, пока его губы не коснулись моих, его глаза не увеличились при приближении, и он не прошептал мне в губы:

— Фэй, детка, дыши.

Я втянула воздух.

Потом он поцеловал меня.

Закончив под аплодисменты и овации, он, не отрываясь от моих губ, прошептал:

— Жвачка.

Я улыбнулась ему в губы.

* * * * *

Тай

Год, пять недель и шесть дней назад

Они должны были это понять.

Но они не поняли.

Или, может быть, не ожидали от такого человека, как Китон.

Но их не было там, они не видели, как Китон выкапывает ее голыми руками, прыгает в яму, и при звуках ее дыхания на его лице отражается агония облегчения, как он вытаскивает ее, падает на задницу и сворачивается вокруг нее в кокон.

Тай был там. Тай это видел. И Тай испытал такое же облегчение, когда Лекс позвонила ему после похищения Фуллером, и когда он увидел ее в больнице.

Так что он знал, что когда человека, похитившего и похоронившего Фэй заживо, поведут через участок (по каким-то гребаным причинам), Китон не сдержится и не будет просто смотреть.

Так и вышло.

Тай никогда не видел, чтобы мужчина двигался так быстро. Не в своей жизни.

Но в одну секунду Китон сидел за своим столом, а в следующую уже был в другом конце комнаты, пригвождая мужчину к стене и сжимая горло ублюдка.

Офицеры сорвались с мест, но Тай и Стерлинг уже пришли в движение, добрались туда

первыми и окружили Китона.

Китон стоял с ублюдкой грудь к груди, нос к носу, и мужчина задыхался.

— Каково это, когда нет воздуха? — прошептал он с ледяными глазами и каменным лицом.

— Отойдите, детектив, — пробормотал Стерлинг.

— Ты оставил ей три часа воздуха, а не четыре, — продолжал шептать Китон, выдавливая из пленника кислород.

— Чейз. — Тай подошел ближе.

— Три часа воздуха, — прошипел Китон.

— Брат, ты не делаешь этим Фэй никаких одолжений, — тихо сказал ему Тай. — Ей нужно, чтобы он заплатил. Не ты. Отойди.

Китон смотрел мужчине в глаза.

Тай подошел ближе.

— Отойди, Чейз, — прошептал Тай.

Мускул на челюсти Китона дернулся, и Чейз оттолкнулся, отступив на шаг, когда мужчина вскинул обе руки в наручниках к своему горлу и судорожно закашлялся.

— Пошли на улицу, — пробормотал Тай, и Китон, все еще не сводивший глаз с похитителя, чье избитое лицо было в синяках и опухло, долго оставался неподвижным, прежде чем двинуться к двери.

Тай взглянул на Стерлинга и зыркнул на офицеров, после чего последовал за Китоном. Он нашел его стоящим у его грузовика, с опущенной головой, обеими руками опирающегося на капот.

Тай остановился рядом.

Китон не медлил, задав Таю вопрос, исходивший из самых глубин его души.

— Как ты с этим живешь?

Тай знал, о чем спрашивал Китон. Как он жил, зная, что его женщину, в которой он нуждался, как в воздухе, похитили, и более того, Тай был на волосок от того, чтобы ее потерять.

— Вчера, прошлой ночью и сегодня утром я держал на руках мою малышку, — ответил Тай, и Китон оттолкнулся от грузовика и повернулся к нему.

— Так просто? — прошептал он.

— Нет. Это обжигает меня каждый день. Каждый гребаный день. И каждую ночь она засыпает рядом со мной. Так что это непросто, но я спотыкаюсь о ее туфли, разбросанные по полу, она приносит мне коктейль, утром я беру уже готовую сумку для спортзала, и меня обжигает по-другому. Это лучший вид ожога, который означает, что я могу жить с тем другим. Без проблем.

— А она? — спросил Китон.

— Насколько я могу судить, она этого не чувствует, — ответил Тай, и Китон вскинул брови.

— Ты никогда этого не видел? Не чувствовал? — напирал он, и Тай покачал головой.

— Никогда. Не сейчас. Не после того, как ты вытащил ее из дела со стрельбой в Фуллера. Она живет в солнечном свете, с новорожденной девочкой, в большом доме, который она может наполнить вещами, и со мной. У нее есть все, что она когда-либо хотела. Многие люди не получают даже немного из того, что хотят. Она это понимает, ценит и не тратит время на херню, что случилась в прошлом. Госпожа Удача изменила к ней

отношение, когда она встретила меня, и ко мне, когда я встретил ее. Она это тоже понимает, не сомневается, просто смотрит вперед и продолжает вести меня к свету.

Китон выдержал его взгляд.

Затем прошептал:

— Элла Алекси.

Тай усмехнулся и прошептал в ответ:

— Элла Алекси.

— Она красивая?

— Только одно я видел прекраснее в своей жизни — это ее маму, стоящую рядом с «Чарджером» возле тюрьмы. Но скажу тебе, брат, я люблю свою жену, но никогда не чувствовал ничего более прекрасного, чем тяжесть моей малышки на своих руках. Такая чертовски тяжелая, такая чертовски легкая, такая чертовски маленькая, такая чертовски огромная. Она — всё. Всё, кем являемся Лекс и я. Она — гребаное всё.

— Тогда это очень просто, — подвел итог Китон.

Тай выдержал его взгляд.

Потом ответил:

— Да.

Китон кивнул, прежде чем пробормотать:

— Я должен ехать за Фэй к ее родителей и привезти сюда для подачи заявления.

— Езжай, — подтолкнул Тай.

— После этого она захочет встретиться с Эллой.

Тай снова ухмыльнулся.

— Не терпится завести своих.

— Фэй? — спросил Китон, его губы дернулись.

— Нет, брат, тебе, — ответил Тай, и Китон покачал головой.

— Уже давно, — сказал он Таю, и Тай почувствовал, как его брови приподнялись.

Затем спросил:

— Сколько?

— Троих.

— И Фэй согласна?

— Ага.

— Лекси хочет четверых.

Подергивание губ Китона превратилось в ухмылку.

— Теперь мне тоже захотелось четверых.

— Работай усерднее, брат, — посоветовал Тай.

Ухмылка Китона исчезла, прежде чем он тихо сказал:

— У нас есть время.

Тай пристально посмотрел на Китона и так же тихо ответил:

— Да, Чейз, у вас есть время.

Китон протянул руку Таю, и тот взял ее. Их пальцы сжались и задержались на мгновение в крепкой и сильной хватке, пока мужчины обменивались взглядами.

Потом они разомкнули руки, и Чейз сел в грузовик.

Тай направился в участок, чтобы сообщить Стерлингу, что он возвращается в больницу к своей жене и маленькой девочке.

Фэй

Спустя неделю

— Девичник! — крикнула Лорен, двигаясь от холодильника с бутылкой шампанского ко мне, сидящей у кухонного островка в ее доме. — Парни, вы должны были уйти полчаса назад!

Почувствовав движение, я поерзала на стуле и увидела, как по коридору неторопливо идет Тейт, весь такой крутой, высокий, смуглый и бородатый. Мне в голову пришла мысль, что если бы Чейз так и не приехал в город, я бы до сих пор была без ума от Тейта Джексона.

К счастью для меня, Чейз приехал в город, потому что Чейз был классным, а Тейт был занят.

Тейт ухмыльнулся мне, и это укрепило сознание того, что если бы у меня не было Чейза, я бы все равно была сильно влюблена в Тейта. Я улыбнулась в ответ, когда он обнял меня и направился к тарту на высокой подставке, стоящем на островке передо мной. Он окунул длинный палец в кремово-белую глазурь, подцепил ее, затем поднес палец ко рту и обсосал.

Ох, frak.

Да, если бы у меня не было Чейза, я была бы без ума от Тейта Джексона.

— Ты серьезно? — спросила Лори, и я с усилием оторвала взгляд от Тейта, обсасывающего палец, чтобы посмотреть на Лори, которую, к моему удивлению, не впечатлило это зрелище, и вместо того, чтобы выглядеть так, будто хотела на него напрыгнуть, она выглядела взбешенной.

— Детка, вы, девочки, не съедите весь этот торт, — ответил Тейт, и я оглянулась на него и увидела, что он улыбается.

— Кто сказал? — спросила Лори.

— Я, — ответил Тейт.

— Отлично, мы принимаем вызов. Мы съедим весь торт, — парировала Лори, и я округлившимися глазами посмотрела на огромный торт.

Он выглядел вкусно.

Ладно, может, мы могли бы это проверить, хотя я пожалела, что не пообедала.

— Если справитесь, я куплю тебе украшение Дженны, — пробормотал Тейт.

— Он все равно мне его купит, — сказала мне Лори. — У меня столько серебряных украшений, что я могла бы открыть собственный магазин.

Брови Тейта сошлись вместе над прищуренными глазами, и это был такой грозный взгляд, что я поборола желание отстраниться.

— Ты ворчишь на серебро от меня?

— Нет, — возразила Лори. — Просто говорю, как ты великодушен.

— Звучит как ворчание, — ответил Тейт.

— Вовсе нет, — парировала Лорен.

— Только эти двое могут спорить из-за того, что папа покупает Лори подарки, — пробормотал вошедший на кухню Джонас, сын Тейта. Подросток походил на миниверсию

Тейта, давая понять, что через несколько лет я и каждая женщина старше двадцати пяти в Карнэле превратится в «хищницу».

Затем уже он подошел к торту, окунул в глазурь палец, подцепил порцию и засунул палец в рот.

— Джонас! — рявкнула Лорен.

— Что? — спросил он, округлив глаза, и с полным глазурью ртом.

Лорен закатила глаза к потолку, а потом посмотрела на своих мальчиков.

— Выметайтесь, пока я не швырнула в вас тортом, — пригрозила она.

— Пустая трата торта, — пробормотал Джонас.

— Вон! — полупрокричала Лорен, указав пальцем на задний двор.

Тейт ухмыльнулся Лорен, затем Джонасу, который ухмылялся Лорен, после чего с ухмылкой посмотрел на отца.

— Нам лучше уйти, пока у нее голова не взорвалась, — пробормотал Джонас отцу.

— Точно, — пробормотал в ответ Тейт, и они пошли прочь, попрощавшись со мной. Но по пути Тейт обхватил Лорен за талию, наклонился, поцеловал ее в шею и сказал тихо, но достаточно громко, чтобы я услышала: — Остынь, Крутышка. Мне нравится твоя голова там, где она есть.

Она закатила глаза, но я не увидела, как они возвращаются на место, потому что губы Тейта передвинулись от ее уха к ее губам, и он подарил ей короткий поцелуй.

Закончив, я услышала, как она тихо сказала: «До скорого, Капитан», за что получила еще один короткий поцелуй, хотя я отвела взгляд, потому что заметила, хоть поцелуй и был коротким, но включал в себя язык.

Почувствовав, что Тейт уходит, я посмотрела в его сторону, и он послал мне щелчок пальцем от бородатого, крутого, горячего парня и исчез.

Я все еще смотрела ему вслед, поэтому подскочила от вылетевшей из шампанского пробки.

Я посмотрела на Лори с открытой бутылкой шампанского и счастливо ухмыльнулась.

Лорен усмехнулась в ответ, разлила шампанское и подала один бокал мне.

Затем подняла свой и произнесла тост:

— За тебя и Чейза и за то время, когда вы будете пререкаться из-за глупой ерунды и любить каждую секунду этого.

Назовите меня странной, но это был лучший тост, который я когда-либо слышала в своей жизни.

Я подняла бокал.

— За меня, Чейза и пререкания.

Мы ухмыльнулись друг другу, как идиотки, и осушили половину бокалов.

Лори разрешила торт.

За болтовней нам удалось осилить треть.

Так что ее мальчикам по возвращении домой достался десерт.

Что, как я подозревала, и было ее намерением с самого начала.

Три дня спустя

Я ждала в «Чероки», пока дверь гаража Чейза поднимется.

Нет, не так, дверь нашего гаража поднимется, так как теперь я жила в доме Чейза.

Я любила свою квартиру. Привнесла в каждый ее дюйм частичку себя, и считала ее потрясающей. Кроме того, мои вещи не очень подходили к декору Чейза.

Когда мы переселили меня, и я с досадой поделилась этим с Чейзом, он легко обнял меня, приблизился к моему лицу и сказал:

— Этот декор тоже не мой. Он ма. Делай, что хочешь. Все, что хочешь. Мне плевать. Пока ты счастлива здесь.

Я была бы счастлива и на необитаемом острове, на котором не было бы ничего, кроме пальмы и запаса солнцезащитного крема на всю жизнь, пока там был Чейз. И все из-за предложения, которое он мне озвучил.

Этого я ему не сказала.

Я просто прошептала:

— Хорошо.

Дверь открылась, я въехала внутрь, припарковалась, нажала кнопку управления гаражной дверью, чтобы та закрылась, и выбралась из автомобиля, надеясь, что Чейз будет настроен на пиццу, поскольку готовить мне не хотелось. В библиотеке выдался тяжелый день. На самом деле, с тех пор, как состоялось собрание Городского совета, напомнив людям, что у них есть библиотека, там всегда было многолюдно, а когда меня похоронили заживо, сделав объектом интереса, посетителей только прибавилось.

Я знала, что постепенно все утихнет, и счастливо ожидала этого дня.

Пройдя через задний коридор на кухню, я поставила сумочку на островок и позвала:

— Чейз! Я дома.

— Только из душа! — откликнулся он. — Иду!

Хм. Чейз только что из душа.

Почему мою усталость вдруг как рукой сняло?

С мыслью о Чейзе и душе я направилась к коридору, когда мой взгляд наткнулся на большую коробку на диване.

Я остановилась как вкопанная, когда коробка шевельнулась.

Что за фигня?

— Чейз! — позвала я. — На диване коробка!

— Ага! — крикнул он в ответ.

Коробка снова шевельнулась, и я отступила назад.

— Она шевелится! — крикнула я.

— Ага! — крикнул он в ответ, и я моргнула, потому что его голос не звучал удивленно.

Склонив голову набок, я осторожно приблизилась к коробке.

Из нее донесся шум, и я быстро подошла к ней, распахнула ее и уставилась на двух пушистых, крошечных персидских котят со сморщенными мордочками — одного шоколадного и одного лилового.

— Святой фрак! — прошептала я.

— Мяу, — ответил мне лиловый котенок.

— Святой фрак! — закричала я и схватила лилового малыша.

— Ты открыла, — сказал Чейз позади меня, и я обернулась и увидела, что он стоит в

нескольких футах от меня в обтягивающей футболке и свободных шортах для бега.

— Котята, — прошептала я, прижимая к лицу извивающегося перса.

— Ты говорила, что хочешь кошку, — напомнил он то, чего я не думала, что он запомнит, а затем продолжил: — Домашние животные как дети. Одного недостаточно. Так что, у тебя их два.

Боже, он такой чертовски обалденный.

У меня не хватило духу сказать это.

Вместо этого я повторила шепотом:

— Котята.

Чейз усмехнулся и спросил:

— Они тебе нравятся?

— Они пушистые. — Да, снова шепотом.

— Ага, — ответил он, все еще ухмыляясь и приближаясь ко мне. — Но они тебе нравятся?

— У них морщинистые мордашки.

Ну, вы поняли, я все еще шептала.

Он остановился напротив меня.

— Я расценю это как признак того, что они тебе нравятся.

Я кивнула, проглатывая слезы счастья.

Чейз наклонился ко мне, но потянулся через меня. Его рука вернулась с шоколадным персом, и он поднял его выше, чтобы мордочка котенка оказалась на одном уровне с лицом горячего парня.

Мое сердце разомлело.

— У тебя нет другого выбора, кроме как быть дружелюбным, — сказал он котенку властным голосом Чейза, но доселе с неизвестной мне ноткой нежности.

Мое сердце разомлело сильнее.

Котенок поднял лапу и прижал ее к носу Чейза.

Чейз ухмыльнулся ему.

Сердце разомлело окончательно.

Чейз опустил его на сгиб локтя, другой рукой почесал живот, и остановил свой взгляд на мне.

— Оба мальчика. Им нужны имена.

— Люк и Хан, — немедленно заявила я, и Чейз широко улыбнулся (прим.: Люк и Хан — персонажи «Звездных войн»).

Затем сказал:

— Нихрена.

Я прижала котенка к груди и предложила:

— Спок и Кирк? (прим.: Спок и Кирк — персонажи «Звездного пути»)

— Опять же, нихрена, — повторил Чейз.

— Сэм и Дин? — попыталась я (прим.: Сэм и Дин — персонажи «Сверхъестественного»).

Он покачал головой, все еще улыбаясь.

Мои глаза сузились, и я предложила:

— Старбак и Аполло? (прим.: Старбак и Аполло — персонажи «Звездного крейсера “Галлактика”»)

— Думал, Старбак — девочка.

Боже, его опыт просмотра телевизионных сериалов был очень ограничен. Все знали, что существует два Старбака.

— Да, в новой версии. В старой она — Дирк Бенедикт.

Он поднес своего котенка к лицу и спросил:

— Что думаешь? Старбак и Аполло?

Котенок просто смотрел на него.

— Старбак? — спросил он.

Котенок вытянул ноги вниз.

— Аполло? — продолжил Чейз, и котенок приложил лапку к носу Чейза.

Чейз прижал его к груди и посмотрел на меня.

— Это — Аполло. Тот — Старбак.

— Мне подходит, — прошептала я.

Чейз изучал мое лицо.

Затем пробормотал:

— Кошки и жвачка.

— Что?

— В этом ты вся. Кошки и жвачка. Ты не знаешь, что делать с жемчужными серьгами, но из-за пары котят выглядишь такой счастливой, что вот-вот лопнешь. Тебе много не надо.

— Ты не прав, — тихо возразила я, Чейз подошел еще ближе, и наши котята начали шлепать друг друга своими пушистыми лапками, но я этого не замечала, потому что всё, что я видела — это Чейз.

— И что же тебе надо? — прошептал он.

— Всего тебя, — прошептала я в ответ и вдруг осталась без котенка, как и Чейз, потому что свисала с его плеча, а он шел по коридору.

— Чейз! Нам нужно в магазин за кошачьим кормом, лотками, наполнителем...

— Уже.

Боже, я любила этого мужчину.

Но продолжила пытаться.

Серьезно, у меня было два пушистых котенка с морщинистыми мордашками. Секс — это потрясающе, но у меня были котята!

— Мы должны выпустить их, чтобы они исследовали дом.

То есть, мне хотелось с ними поиграть.

Я пролетела по воздуху, приземлилась на спину на нашу кровать, а Чейз опустился на меня.

— Они могут подождать.

— Им там скучно.

— Тогда поспеши выразить свою благодарность.

О, звучало весело.

Так что я обняла его, но уперлась ногой в кровать и опрокинула Чейза на спину, чтобы оказаться сверху.

Затем, когда мои волосы окутывали наши лица, прошептала:

— Это я могу.

Чейз ухмыльнулся, его руки нежно потянули меня за волосы, и он прошептал в ответ:

— Тогда приступай.

Я улыбнулась ему.
И приступила.

* * * * *

Полтора месяца спустя

Я нажала кнопку телевизионного пульта и посмотрела на Чейза.

— Признайся, тебе понравилось, — приказала я.

Мы только что посмотрели пилотную серию нового «Крейсера “Галактика”».

— Детка, ты отсосала мне, оседлала меня, вынудила согласиться посмотреть эту хрень прямо перед тем, как я кончил, а потом мы смотрели ее, пока ты в моей футболке и без трусиков лежала в моих объятиях, а я держал в ладони твою голую попку. Конечно, мне понравилось, но я ничего не видел.

Как мужчина может быть одновременно раздражающим и сексуальным?

— Ты считаешь, что адмирал Адама бомбовый, — настаивала я.

— Бомбический, — поправил он мой уличный жаргон.

— Не суть, — пробормотала я, — признайся, ты считаешь его потрясающим.

— Как он выглядел?

Я шлепнула его по руке и рявкнула:

— Чейз!

Он перекатился так, что я оказалась на спине на диване, а он на мне.

Потом он сдался. Немного.

— Это не отстойно.

— Тебе понравилось, — решила я.

— Скажем так, если хочешь, чтобы я смотрел его и дальше, используй свой рот.

— Я все равно делаю это постоянно, — напомнила я, и он ухмыльнулся.

Потом пробормотал:

— Ага.

— Итак, каждый раз, когда мы, ммм... ну, ты понял, ты должен смотреть один из моих сериалов.

— Договорились, — сразу же согласился он, и, как ни удивительно, потом поняла, почему, когда он добавил свою часть сделки: — Твой рот на мне — я смотрю твои сериалы. Мой рот на тебе — ты смотришь мои.

Мои глаза сузились.

— Ты же знаешь, что от «Саутленда» я схожу с ума.

— Это потому, что ты слишком увлекаешься персонажами.

— Сэмми милый! — стала защищаться я.

— Но он ненастоящий, — ответил Чейз. — Он попал в автомобильную аварию, а ты перестала дышать.

— Я удивилась.

— Дорогая, они гнали на высокой скорости, и в них стрелял сутенер. Что удивительного в том, что они разбились?

Это правда.

— Мы договорились? — нажал он.

— Итак, если сказать точнее, — начала я размышлять, — по сути, мы оба смотрим сериалы друг друга, потому что оба регулярно ублажаем друг друга ртами.

Чейз снова ухмыльнулся.

— По сути.

Мои руки скользнули вверх по его спине, прикрытой футболкой, я беспокойно заерзала ногами, мой взгляд упал на его рот, и я прошептала:

— Что же, пора тебе заработать серию «Саутленда».

Его ухмылка превратилась в улыбку.

Затем он опустил голову и поцеловал меня.

После чего приступил к зарабатыванию еще одной серии «Саутленда».

Когда он закончил, я ему этого не сказала, но он заработал две.

* * * * *

Дек

Два месяца спустя

— Готово?

Дек уставился на Трейна Китона, который стоял у окна своего кабинета и смотрел на Аспен.

— Эффект домино, — сказал ему Дек, скрестив руки на груди.

— Сколько? — спросил Трейн, не глядя на него, вот же мудака.

— Дело в ходу, думаю, первый из них сядет через неделю. Остальные — сразу за ним. На всё про всё уйдет, самое большее, три месяца.

— Бонар нейтрализован? — продолжил Трейн.

— Бонар подтвердил, что получил сообщение. Никаких заявлений на Чейза или меня. Прежде чем спросишь, с похитителем та же ситуация. Стерлинг чист. У них и без меня достаточно поводов для беспокойства. Похитителю предъявлены обвинения в покушении на убийство, а также в похищении, а Бонару и двум парням — в заговоре с вашей шайкой. Доказательства веские. Дело надежное. Они все сядут. Им не нужно, чтобы я добавлял им проблем.

Трейн повернулся и, наконец, впервые с тех пор, как Дек вошел в кабинет, остановил взгляд на Деке.

— Это не отследить до тебя или меня?

Он имел в виду только себя.

Дек не сказал ему об этом в основном потому, что на это ушло бы время, а он хотел скорее убраться оттуда.

— Нет, — ответил он.

— Ты даешь мне на это свои заверения? — настаивал Трейн.

— Я уже ответил на этот вопрос. Я не лгал. Больше я на него отвечать не буду, —

отрезал Дек.

Трейн выдержал его взгляд и кивнул.

Затем подошел к столу и положил руку на высокую спинку кожаного кресла.

— Ты сделал, как мы договаривались, — мягко сказал он.

— Ага, — подтвердил Дек.

— Болезненно, — продолжил Трейн.

— Они потеряют все.

Трейн кивнул.

Затем заявил:

— Чейз не должен знать.

От его неожиданных слов Дек выпрямился.

— Что? — спросил он.

— Чейзу ты ничего не скажешь.

— Это не было частью сделки, — прорычал Дек.

— Ты ему не скажешь.

Дек опустил руки и уперся ими в бедра.

— Чувак, ты только что заплатил мне за то, чтобы каждый мужик, имевший хоть какое-то отношение к его женщине, похороненной заживо, потерял все, что ему дорого. Единственный раз ты поступил правильно, давая гребаный намек, что ты за Чейза. Они планируют свадьбу. Узнай он о том, что ты сделал, можешь попасть туда, и ты не хочешь, чтобы он знал?

— Я потерял сына много лет назад. Я туда не попаду, как ты выразились, что бы я ни делал.

— Ты не прав. Это поможет, — сказал ему Дек.

— Твои действия были законны? — спросил Трейн.

— Не то чтобы очень, но эти люди вступили в сговор, чтобы заживо похоронить его женщину. Не думаю, что мой друг стал бы придирааться.

Трейн покачал головой.

— Он не узнает. Ты ему не скажешь.

— Я не собираюсь скрывать это дерьмо от друга, — прорычал Дек.

— Я добавлю к твоей последней оплате еще сто тысяч долларов, — сказал ему Трейн.

— Скажу еще раз: я не собираюсь скрывать это дерьмо от друга.

Трейн склонил голову набок.

— Хочешь поставить его в известность и получить от него благодарность за то, что сам он не может заставить этих мужчин заплатить?

— Нет, черт возьми.

— Тогда зачем тебе говорить ему?

Дек наклонился к нему и тихо сказал:

— Затем, чтобы он поверил, пусть даже на крохотную секунду всей его проклятой жизни, что его отец прикрывает его спину. Мой отец любит меня. Мой отец гордится мной. Мой отец истечет кровью и умрет за меня. Я знаю каково это. У Чейза же такого никогда не было. Так что если бы я мог дать ему это хотя бы на одну секунду, я бы это сделал. И то, что ты делаешь это дерьмо ради него и Фэй, даст ему это чувство. Вот почему мне нужно ему сказать.

Трейн выдержал его взгляд.

Затем убрал руку со спинки кресла, сел в него и пробормотал:

— Делай, что должен.

— Сделал бы в любом случае, — пробормотал Дек в ответ, поворачиваясь, чтобы обратиться отсюда к чертовой матери.

— Джейкоб, — позвал Трейн. Дек вдохнул воздух через нос и повернулся. — Я горжусь им, — прошептал он.

— Скажи это ему, а не мне, — громко парировал Дек.

— Я люблю его, — не унимался Трейн.

— Мужик, ты разговариваешь не с тем парнем.

— Он считает меня грязью. Если узнает, что я заплатил тебе за незаконные действия...

— Китон, бл*ть, мужик, он выкопал ее голыми руками. Поверь мне, он... не будет... придираться.

Он уловил, как Трейн вздрогнул от фразы «выкопал ее голыми руками», хотя мужчина быстро стер это с лица.

Бл*ть, у мудака все же было сердце?

Трейн посмотрел на стол и повторил:

— Делай, что должен.

Дек секунду смотрел на него.

Потом свалил оттуда.

* * * * *

Чейз

Четыре часа спустя

Он слушал гудки в своем телефоне.

Затем раздалось:

— Чейз.

— Забронируй столик у Рейнальдо. В эти выходные. На вечер воскресенья. На четверых.

— Чейз, — прошептал отец, и, будь он проклят, услышал дрожь в этом шепоте.

Желудок Чейза сжался.

— Встретимся там в семь.

Тишина, затем:

— Конечно. В семь.

— Передай ма привет.

— Я передам.

— Я почти дома, — сказал ему Чейз, увидев впереди белый забор. — Мне пора.

— Конечно.

— Увидимся.

— Чейз?

Дерьмо.

Чейз дал ему уже кое-что, но отец хотел большего.

— Папа, как насчет того, чтобы не торопиться, — предложил он.

— Она мне нравится.

Дерьмо, бл*ть, дерьмо.

— Хорошо.

— Она тебе подходит.

Чейз затаил дыхание.

— Хорошая женщина для хорошего мужчины, — продолжил отец.

Дерьмо, бл*ть, дерьмо!

— Точно.

К сожалению, отец, мать его, еще не закончил.

— Я слышал, что вы сделали для того мальчика и его сестры. Я горжусь тобой.

Дерьмо, бл*ть, дерьмо!

— Папа...

— Я просто хотел чтобы ты знал.

Чейз свернул на подъездную дорожку, нажал на кнопку управления дверью гаража и сказал в телефон:

— Ладно, ты хотел, чтобы я знал. Теперь я знаю.

— Хорошо, — тихо ответил Трейн. — Мы с мамой будем с нетерпением ждать воскресенья.

— Здорово. Пока.

— Хорошего вечера, Чейз.

— Тебе тоже, — ответил он и отключился.

Он заехал в гараж и остановился. Он сидел в новом голубом «Юконе». Его старый был припаркован рядом. Когда он купил новый, то старый отдал Фэй, а ее «Чероки» украшал чей-то гараж. Она приняла это без долгих обсуждений, также, как он подозревал, поступила Сондра, когда Сайлас купил себе новую машину.

Пока двери гаража опускались, он наклонился вперед и уперся лбом в руль.

— Гребаное дерьмо, — прошептал он.

Затем сделал вдох, вышел из грузовика, пересек гараж, открыл дверь, прошел в задний коридор, и к нему тут же подбежал Аполло.

Он нагнулся и подхватил котенка, затем пошел по коридору, избегая Старбака, гнавшегося за его ногами, и увидел Фэй у плиты, что-то помешивающую.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Привет, дорогой, как поплавал?

Он смотрел на нее — на ее блестящие волосы, кристально голубые глаза, милый наряд, улыбающиеся губки со вкусом жвачки — и почувствовал, как все внутри сжалось.

Затем улыбнулся в ответ и ответил:

— Хорошо. Что на ужин?

* * * * *

Две недели спустя

Я выплыла из тумана сна, потому что услышала, как Чейз шепчет мне на ухо:

— Детка, проснись.

Я моргнула, посмотрела на будильник и увидела, что еще рано.

Было воскресенье.

В любом случае, мне не нужно было рано вставать, хотя в эти дни мне приходилось вставать с Чейзом. Но по воскресеньям мы оба могли поспать.

Так что мне стало любопытно, почему он проснулся.

Я пошевелилась, и клубок котят, облепивший мои ступни и лодыжки, задвигался, Старбак, как обычно, с характером раздраженно мяукнул.

— Что такое? — спросила я Чейза.

— Вчера выпал снег.

Я уставилась на него.

Затем спросила:

— И?

— Вставай, детка, накинь на себя что-нибудь и пошли пить кофе на крыльцо.

Кофе на крыльце?

Он с ума сошел?

У меня не было возможности спросить, да и выбора не было, так как Чейз отдернул одеяло, схватил меня за руку и вытащил из постели.

Он уже был одет и неторопливо выходил за дверь. Я подумывала забраться обратно в постель, но любопытство взяло верх. Так что я почистила зубы, натянула под ночную рубашку леггинсы, поверх нее — толстовку Чейза, и толстые носки на ноги.

Я встретила Чейза в конце коридора с двумя дымящимися кружками. Одну он отдал мне, и мы побрели к парадной двери. Чейз подтянул кресла-качалки к перилам, и мы устроились в них, сразу же закинув вместе ноги на перила, как делали бесчисленное количество раз, когда сидели здесь этим летом.

Наше дыхание вырывалось клубами пара.

К ним присоединялся пар от горячего кофе.

У меня был со вкусом фундука, и он не остыл.

Равнина под снежным покровом поразительно преобразилась.

Такая красота.

Такое умиротворение.

Чейз молчал.

Все еще не совсем проснувшись, я тоже. Я просто пила кофе и смотрела на снег, на равнину, на покрытые белизной холмы и горы, резко контрастирующие с зеленью сосен.

— Обыкновенное чудо, — пробормотал он, и я посмотрела на него.

— Что, дорогой?

Его глаза не отрывались от равнины, когда он пояснил:

— Все это. Обыкновенное чудо. Но все равно чудо.

Я перевела взгляд на равнину, и в этот момент поняла, насколько он прав.

Да.

Это чудо.

Не только снегопад в Скалистых горах, но и то, что мы нашли друг друга, оба сидим на

крыльце, довольные, пьем в тишине кофе, а насколько хватает глаз простирается красота.

Абсолютное чудо.

Я вздохнула и повернула голову к Чейзу, отметив его непослушные кудри, лежащие на шарфе, обернутом вокруг шеи.

Поэтому, конечно, я была вынуждена протянуть руку, взяться за кудряшку и потянуть.

Он усмехнулся в кофейную кружку.

Да.

Абсолютное.

Чудо.

* * * * *

Два с половиной месяца спустя

— Иисусе, Фэй, сколько «Спама» может съесть мужчина? (прим.: SPAM — торговая марка консервированного мяса, производимого американской компанией Hormel Foods Corporation)

Мы были в продуктовом магазине и ссорились.

Я перевела взгляд с банок в руках на Чейза:

— Скоро Рождество.

— Да. И?

— Даже Изгою Элу на Рождество нужно что-то особенное, — сообщила я, добавляя две банки «Спама» к четырем уже находившимся в тележке, боровшимся за свое место с множеством других мясных консервов, бобов и кошачьего корма, которые не предназначались Старбаку и Аполло.

— Не следовало рассказывать тебе о нем, — пробормотал Чейз, зацепив пальцем конец тележки и решительно потянув ее по проходу.

Я ничего не ответила, так как он ошибался, и только и делал, что не соглашался со мной, поэтому взялась за ручку тележки и последовала за ним.

— Кстати, — бросил он через плечо, — я видел пакеты.

Мое сердце сжалось.

— Какие пакеты? — спросила я, надеясь, что он не нашел мои подарки ему, потому что это было бы чертовски фигово.

Он остановился, тем самым останавливая тележку и меня.

— Ей нет и года.

Я почувствовала, как мои брови сошлись вместе, и спросила:

— Кому?

— Элле. Ты купила ей семь нарядов.

Что ж, хорошо. Он нашел подарки Эллы. Не свои. Также хорошо, что он не шпионил (я надеялась), так как подарки Эллы я не прятала.

Настала моя очередь сказать:

— Да. И?

— Дорогая, Лекси уже одевает ее, как американскую принцессу. Тебе нет нужды

помогать ей в этом.

— Это ее первое Рождество! — возмутилась я.

— Она его не запомнит.

— И? Мне нравится детская одежда, и она единственная малышка, которую я знаю.

— Господи, — пробормотал он, продолжив идти дальше.

Я последовала за ним, отметив, как быстро он минует проход с консервами.

Ну да ладно, с тем, что я уже набрала, Изгой Эл будет хорошо питаться весь год.

Чейз свернул за угол и повел нас по другому проходу, всякий раз, когда мы проходили мимо чего-то нужного, я брала это с полок и кидала в тележку. Поскольку я все внимание уделяла покупкам, а мой мужчина — нет, я наткнулась на тележку, не заметив, как он ее остановил.

Он смотрел вперед, и я увидела в проходе несколько незнакомых человек, поэтому перевела взгляд на затылок Чейза.

— Чейз?

Он повернулся ко мне.

— Сейчас ты стоишь там, где стояла тогда. А я стоял в конце прохода.

Я перестала дышать.

О, боже. О, боже.

— Прошло почти восемь лет, и я, наконец, стою в этом проходе и делаю вместе с тобой покупки.

Ну, вообще-то, за последние месяцы мы были вместе в этом проходе десятки раз.

И все же.

— Дорогой, — прошептала я.

— Не знаю, зачем людям нужны бриллианты и жемчуг, шубы, билеты первого класса, приключения на островах, когда обычные вещи вроде этого — лучшее, что может быть.

Он был абсолютно прав.

Вроде как.

Я облизала губы.

Затем спросила:

— Это плохо, что я была бы не прочь отправиться с тобой в приключение на острова?

Он внимательно изучил меня, на его лице отразилась нежность, и он ответил:

— Нет.

— И не диковинно ли думать, что, возможно, твоя мама купит мне на Рождество шубу, — заметила я. — И, э-э, ты подарил мне бриллиант, она — жемчуг и бриллианты, так что остались только билеты первого класса, и я согласна на автобус.

Его губы дрогнули, но я не шутила. Валери постоянно покупала мне дорогие вещи. Это было мило. Это было слишком. Но она расстраивалась, когда я возражала, поэтому я прекратила это делать, и теперь это стало традицией.

Он перешел со своего конца тележки к моему, остановился передо мной, убрал волосы с моего плеча и обвил пальцами мою шею.

Затем, приблизившись к моему лицу, пробормотал:

— Только моя девушка говорит «диковинно».

— Это слово есть в английском, Чейз. Я его не выдумала. Уверена, другие тоже его употребляют, — я собиралась съязвить, но получилось с придыханием, потому что Чейз стоял близко, на его лице все еще отражалась нежность, но взгляд был интенсивным.

— Насколько ты смутишься после того, как я поцелую тебя в том месте, где впервые тебя увидел?

О, боже.

— Эм... говоришь так, будто собираешься это сделать, — заметила я.

— Верно, — ответил он.

— Чейз... — начала было я, но его рука на моей шее потянула меня вперед. Другая его рука обвилась вокруг моей талии, затем он поцеловал меня, и мне не оставалось иного выбора (хотя я в нем и не нуждалась), кроме как обнять Чейза в проходе продуктового магазина, где он впервые меня увидел.

Когда поцелуй закончился, Чейз развернул меня к ручке тележки, подошел ко мне сзади и обнял, взявшись за ручку рядом с моими руками. Он повел нас вперед, и я не смутилась, хотя другие посетители ухмылялись мне.

Нет, все о чем я думала, что покупка продуктов — это обычная вещь. Это было каждый день.

Но это была одна из лучших вещей, которые я когда-либо делала.

* * * * *

Чейз

Пять часов спустя

Во сне Чейз почувствовал, как гаснет свет.

Фэй закончила читать.

Прежде чем он успел обнять ее за талию и притянуть к себе, он почувствовал, как она передвинулась к нему.

Он знал, что это значит.

Ее рука скользнула по его бедру к талии.

Значение этого он тоже знал.

Он ухмыльнулся, обвил ее руками и перекатился на спину, увлекая за собой.

Ее губы переместились к его шее.

— Закончила? — прошептал он ей на ухо.

— Вроде того, — пробормотала она ему в шею, скользнув губами вниз.

Он погладил шелк ее ночнушки на спине.

— Хочешь мной воспользоваться, дорогая, ты должна выполнить всю работу сама. Я выдохся.

Ее губы скользнули вверх, пальцы перестали играть с волосами на его груди и двинулись выше, по шее, и ее большой палец погладил его челюсть.

— Очень плохо, — прошептала она ему на ухо. — Потому что, понимаешь, герой в моей книге только что проделал все это с обнаженной героиней, когда она стояла на коленях, а потом...

Она замолчала, потому что руки Чейза крепко сомкнулись вокруг нее, он сел, и котята шмыгнули в разные стороны.

В тот же момент он прорычал:

— На колени.

— Уверен? — спросила она мелодичным и игривым голосом, но в то же время милым и чертовски сексуальным. — Если ты устал, мы можем лечь спать.

Он поднял ее с себя и поставил на кровать на колени.

Затем переместился на колени позади нее, взялся за подол ночнушки и дернул вверх, ощутив ее нежный и сладкий «ох» своим членом.

Потом его ладони заскользили от ее талии к животу, одна поднималась, другая опускалась.

— Хочешь разыграть сцену или поимпровизировать? — спросил он ее в шею.

— Поимпровизировать, — выдохнула она, когда его руки коснулись двух конкретных точек.

Он усмехнулся, а затем пробормотал:

— Хорошо, детка.

Затем приступил к импровизации.

Полчаса спустя они кончили одновременно: Фэй, уткнувшись лбом в его шею, оседлала его член, Чейз одной рукой обвивал ее живот, другой обхватывал ее грудь, наблюдая, как она ласкает себя, пока он ее трахал.

Было феноменально.

Опять же, с Фэй, с самого начала так было всегда.

* * * * *

Несколько месяцев спустя, в ночь перед свадьбой Чейза и Фэй

— Говорил же, ты узаконишь отношения, — сказал Дек.

Дек сидел рядом с Чейзом в кресле-качалке на переднем крыльце, как и Чейз, закинув ноги на перила и скрестив их в лодыжках.

Оба смотрели на темную равнину, освещенную только отдаленными огнями Карнэла. Они даже не включили свет на крыльце.

Чейз не ответил.

— Ты не терял времени даром, брат, — продолжил Дек.

Чейз не согласился. Вытащив свою девушку из деревянного ящика, он захотел жениться на ней на следующий же день. Год и шесть недель ожидания — чертовски долгий срок. Фэй согласилась, они говорили о рождественской свадьбе и оба были «за», пока Лиза не сунула в это свой нос. Затем их маленькая, интимная рождественская свадьба каким-то образом переросла в огромную летнюю свадьбу, и, как полагал Чейз, все потому, что его Фэй на самом деле хотела этого и даже больше, ей нравилось планировать свадьбу с сестрой. Они отрывались по полной. Поэтому он отступил.

Он также отступил потому, что Лиза могла быть напористой и любопытной, но также любила свою сестру, и у нее имелось точное представление о том, чего хотела Фэй. Именно это она и получит, в этом Лиза не сомневалась.

Вот почему в данный момент на заднем дворе стояла деревянная платформа с аркой на

том месте, где была похоронена Фэй, и завтра они встанут там и поженятся.

Идея Фэй, ее способ избавиться от воспоминаний.

Хороший способ.

Завтра также привезут столы, стулья, палатки, танцпол — еще одну деревянную платформу, на которой установят диджейский пульт, — и хренову кучу цветов и гирлянд.

К счастью, Сайлас Гуднайт был умным человеком и очень любил своих дочерей. Поэтому долго копил деньги для свадьбы их мечты. Не говоря уже об участии мамы Чейза, потребовавшей заплатить за торт, еду и напитки. После уговоров Фэй, Сайлас сдался. Таким образом, то, что трастовый фонд Чейза взял на себя заботу о Майе и Бекки, не означало, что у его девушки не будет именно того, что она хочет в свой день, и им придется беспокоиться об образовании их детей.

У нее было бы то, что она хотела.

Однозначно.

Все, что она хотела.

И их дети были прикрыты.

В настоящий момент она находилась в доме своих родителей, а они с Деком только что вернулись из «У Баббы», где несколько часов выпивали с парнями. Никакого мальчишника. Он ясно дал понять Деку, что ему ничего из этого дерьма не нужно, и, кроме того, он не собирался маяться с похмелья, когда сделает Фэй своей на законных основаниях, в глазах Бога, стоя перед преподобным и в окружении друзей, семьи и Божьей страны. Так что, только «У Баббы». Выпивка с парнями.

— Ты не становишься моложе, брат, — заметил Чейз, не скрывая смысла сказанного.

— Не так много девушек, подобных Фэй, — пробормотал Дек, и Чейз с изумлением посмотрел на него.

— Тебе нужна такая девушка, как Фэй?

— Нет, — ответил Дек, не сводя глаз с равнины, и приложился к бутылке пива. Опустив руку, он продолжил: — И да. Ее внутренний мир, ее нежность, ее сила, — лучше не найти.

Дек посмотрел на него, и Чейз увидел вспышку белоснежной улыбки.

— Кроме того, большие сиськи, короткие юбки, обтягивающие кофточки и высокие каблуки не только по особым случаям тоже не остались незамеченными. И все это — высший класс.

Чейз его понимал, он не мог этого не заметить. Дек был искусным игроком, и часто выходил на охоту. Но Чейз не упускал из виду тот факт, что те немногие женщины, у кого имелась хотя бы капля выносливости задержаться с ним чуть дольше, были требовательны и чрезмерно напористы. Деку, как и Чейзу, нравилась простота. Но Деку, как и Бойду Ньюману, нравился в женщине вызов, чтобы она привносила в его жизнь высший класс и немало драмы. К сожалению, ему еще предстояло найти ту, которая нашла бы компромисс, оставаясь собой, привлекая своего мужчину, как это было у Лизы и Бойда.

Или у Дека. Но потом он ее потерял.

— Думаю, твоими охотничьими угодьями должен стать Денвер, приятель, — посоветовал Чейз, снова переводя взгляд на равнину.

— Тогда хорошо, что у меня там работа, — пробормотал в ответ Дек.

— Как надолго?

— Уезжаю завтра и пробуду, сколько потребуется, — ответил Дек.

— Постарайся, чтобы тебя не арестовали, — буркнул Чейз, и Дек усмехнулся.

— Будто кто-то может меня поймать, — пробурчал Дек в ответ.

К счастью, это было правдой. К сожалению, это также указывало на то, за какую именно «работу» взялся Дек.

Чейз, как всегда, не стал на этом заикливаться и перешел к более важным вещам.

— Знаешь, совет, что ты дал Фэй насчет ма, чтобы она с ней справилась. Твое присутствие рядом со мной, когда с Фэй случилось это дерьмо и то, что ты имел дело с моим отцом...

— Брат, давай не будем об этом.

— Не будем. Но ты должен знать, что я тебе благодарен.

— Я уже знаю это, Чейз.

— Ну, дай мне поблажку, мужик, и прими ее.

— Ты много раз поддерживал меня, — напомнил ему Дек.

— Не в тех случаях, когда твоего любимого человека хоронили заживо.

— Это верно, — пробормотал Дек.

— Так что просто прими мою благодарность.

Дек молчал.

Затем прошептал:

— Брат, я сделаю для тебя что угодно.

— Я знаю, — прошептал в ответ Чейз.

— Ты знаешь, почему.

— Знаю.

— Потерять ее было худшим, что со мной случилось.

Чейз затаил дыхание. Дек о ней не вспоминал. Никогда. Она не была призраком. Но не была и воспоминанием. Что касается Дека, то ее для него не существовало.

Затем, продолжая шептать, Чейз сказал:

— Я знаю.

— Твоя концовка была чертовски лучше моей.

— Я знаю, Дек.

— Ты не позволил мне расклеиться.

Чейз не ответил.

— Я сделаю для тебя что угодно, — прошептал Дек.

— Тогда дай мне это, — настаивал Чейз. — Забудь о ней. Она ушла. Хватит держаться за это дерьмо. Найди то, что есть у меня, Дек. Ты знаешь, каково это. Найди это снова.

Дек молчал.

Затем пробормотал:

— Посмотрим, что принесет Денвер.

Чейз знал, что этот результат был настолько хорош, насколько возможно, поэтому отступил.

Чейз отпил пива, и Дек сделал то же самое.

Они молча смотрели на равнину.

— Счастлив за тебя, брат, — прервал молчание Дек.

— Не так счастлив, как я.

— Нет, — согласился Дек. — И именно поэтому я счастлив.

Чейз ухмыльнулся бутылке, прежде чем сделать еще глоток.

Затем он сидел со своим лучшим другом в тишине, размышляя о том, что принесет

следующий день, а еще о приключениях на острове в медовый месяц, о которых его будущая жена ничего не знала.

Это означало, что он сидел рядом со своим лучшим другом в тишине и продолжал ухмыляться.

* * * * *

Фэй

Следующий день, свадьба Чейза и Фэй

Это был момент уединения.

Момент после ужина, нашего с Чейзом первого танца (конечно) под Эллу Мэй, поющую «Holding for a Hero». Момент после моего танца с папой и танца Чейза с Валери. Момент после того, как мы разрезали огромный, богато украшенный, но потрясающий торт, не пихая его друг другу в рот, а слизывая глазурь с пальцев друг друга под едва слышное улюлюканье и свист. Момент после того, как Чейз крепко меня поцеловал. И после этого момента он прошептал: «Торт. Жвачка лучше». Что заставило меня разомлеть и слегка возбудиться.

Я сидела в одиночестве и смотрела, как танцуют Тай и Лекси, Тай одной рукой обнимал свою вновь беременную жену, на другой руке держал дочь, они ухмылялись и что-то шептались друг другу, в то время как милая, хорошенькая Элла дергала мамочку за волосы.

Мой взгляд переместился на Баббу, танцующего с Кристал. Затем к Тейту с Лори, затем к моей сестре с Бойдом, и Максу с Ниной. А потом к Твайле с ее партнершей Синди. Мой взгляд продолжал скользить по маме и папе, Валери и Трейну, Солнышку и Шамблсу, Вуду и Мэгги, Сэму Стерлингу и его женщине Джаде.

Наконец, он остановился на Чейзе, державшем Бекки за обе руки в ее миниверсии платья подружки невесты, ее ноги стояли на его ногах, она выгнула спину, ухмыляясь ему, а он наклонился к ней и улыбался.

Да, Чейзу нужна была принцесса.

Или еще одна.

Мой взгляд переместился с мужа...

Моего мужа.

От этой мысли я улыбнулась про себя при виде друзей и семьи, включая моего брата Джуда, болтающего с Эмбер, одной из официанток из бара Баббы, и Дека, смеющегося с Джимом-Билли, Стоуни и Уингзом. Наконец, мой взгляд остановился на Майе, который выглядел так, будто попал в беду с Робби и Джаротом. Робби полз под стол, Майя наклонилась, чтобы сделать то же самое, а Джарот, казалось, стоял на стреме.

В моем мире все было хорошо.

Очень хорошо.

Офигенно великолепно.

Я вздрогнула, когда по обе стороны от меня подошвились стулья. Я посмотрела направо и увидела Элли, затем посмотрела налево и увидела невысокого мужчину с узкими плечами, большим животом, редящими светло-каштановыми волосами и милой улыбкой.

Бенджи.

В ту секунду, когда он сел рядом, я привалилась к его боку, и он обнял меня за плечи.

— Я так рада, что ты приехал, — пробормотала я и посмотрела на Элли. — Вы оба.

— Я бы такого не пропустила, — пробормотала Элли.

— Я тоже, — также пробормотал Бенджи.

Мой взгляд обратился к Бенджи.

— Ты проделал долгий путь.

Он поймал мой взгляд.

— Это лучше, чем сериал. Лучше, чем книга. Потому что это реально. Такое бывает один раз в жизни. Так что я бы ни за что не пропустил это. Я бы полетел на Луну, чтобы увидеть тебя такой счастливой.

— Абсолютно верно, — пробормотала Элли, и я почувствовала, как ее рука нашла мою, обхватила ее и сжала.

Я ответила сжатием.

Затем мой взгляд снова переместился на танцпол, и я вздохнула.

— Вернусь на Комик-Кон. Теперь, когда тайна раскрыта, и мы все по-настоящему знаем друг друга, жду вас с Чейзом там, — сказал мне Бенджи, и мой разум наполнился мыслями о Чейзе на Комик-Коне (прим.: Комик-Кон — ежегодный некоммерческий многожанровый фестиваль индустрии развлечений и комиксов, проводящийся в Сан-Диего).

И я расхохоталась.

Взгляд Чейза остановился прямо на мне, и, увидев выражение его откровенно счастливого лица, я снова вздохнула, но на этот раз про себя.

Я ухмыльнулась ему, пробормотав:

— Не уверена, что это когда-нибудь произойдет.

— Произойдет, — ответила Элли, и я оторвала взгляд от мужа...

Моего мужа.

И посмотрела на нее.

— Ни за что.

Элли посмотрела на меня.

— Этот мужчина сделает для тебя что угодно. Даже будет общаться с кучкой гиков.

Ну, я полагала, что ей лучше знать. Раз у нее был такой же мужчина, как и у меня.

Я ухмыльнулась ей.

Песня сменилась на «Come Away with Me» Норы Джонс, мой папа забрал Бекки у Чейза и его взгляд устремился на меня.

Затем он поманил меня к себе пальцем.

— Горячо, — пробормотала Элли. — Очуменно.

— Меня зовут, — сказал я им то, что они не могли не заметить.

— Иди, дорогая, — подбодрил Бенджи, сжимая меня в объятиях.

Я улыбнулась им обоим, встала и пошла по траве к танцполу. Я была в двух футах от Чейза, когда он подался вперед, схватил меня за руку и тут же притянул в свои объятия. Близко. Крепко. Мои руки обвились вокруг его плеч, и он начал нас раскачивать из стороны в сторону.

Я даже не слышала песни. Только чувствовала Чейза.

Моего мужа.

— Хороший день? — пробормотал он мне в волосы, прижимаясь к ним щекой.

— Лучший. А у тебя?

Его объятия сжались.

— Да, детка.

Он говорил серьезно.

И искренне.

Я прильнула ближе.

— Я говорила тебе сегодня, что люблю тебя?.

— Пятнадцать раз, — ответил он, и я слегка откинулась назад, так что он опустил голову и посмотрел на меня.

— Ты считал?

— Никогда не пропускаю мимо ушей твое признание, Фэй.

Мое сердце растаяло.

Затем я прошептала:

— Вот шестнадцатый. Я люблю вас, детектив Китон.

Он ухмыльнулся, и его ухмыляющиеся губы коснулись моих, прежде чем прошептали в ответ:

— Я тоже люблю вас, миссис Китон.

Я улыбнулась ему в губы, но не до конца, потому что мой муж... мой муж... поцеловал меня.

* * * * *

Шесть лет спустя

— Я должен сказать речь о будущем моего класса. Должен вспомнить о нашем прошлом. Но я не буду. Я знаю, что никто не запомнит эту речь, кроме меня. Так что я использую эту возможность и скажу то, что мне нужно было сказать уже давно.

Чейз обнимал меня за плечи, рядом со мной сидел наш старший сын, второй по старшинству мальчик ерзал возле Чейза, наша малышка спала, свернувшись калачиком, на коленях у папы, а я обводила взглядом зал. Майя произносил свою прощальную речь.

— Почти все здесь знают, что случилось со мной и моей сестрой. Многие из вас даже знают несколько хороших людей из городка под названием Карнэл, находящемся в другом штате, которые присматривали за нами. Чего вы не знаете, так это того, что когда я был один, испуганный, голодный и замерзший, двое из этих людей изо всех сил пытались меня спасти.

Мы с Чейзом выпрямились одновременно.

— Они ничего обо мне не знали, — продолжил Майя. — Не знали, что со мной случилось и насколько все плохо. Не знали, что случилось с моей сестрой. Но им было все равно. Они просто знали, что что-то не так, поэтому приняли меры. Они покупали мне еду, спальный мешок и книги для чтения и писали записки, рассказывая в них о себе, — единственная связь с человеком, которая была у меня за три года, и она была хорошей, чистой и правильной. После того, как они начали действовать, впервые за три года, хоть я и спал в лесном сарае в зимнюю стужу, я заснул не боясь. Я заснул, зная, что кто-то

присматривает за мной. Я заснул, понимая впервые за долгое время, что в мире существует добро. Несколько недель спустя я снова попытался спасти сестру, был ранен и один лежал в том сарае в том спальном мешке, но даже по прошествии дней я знал, что они не сдадутся. Я знал, что они найдут меня. И они это сделали.

Мои губы задрожали, а из глаз хлынули слезы.

— Мою маму убили, — продолжил Майя, и над и без того притихшей толпой повисла тяжелая тишина. — Нас с сестрой похитили и держали в заточении. Но даже при этом, когда они вошли в мою жизнь, я усвоил урок, который отличался от того, который я усваивал эти три года. Этот мир наполнен тьмой, и она может затянуть вас, не отпуская и заставить поверить, что это все, что есть. Но они научили меня, что с тьмой приходит свет, а свет сильнее и могущественнее, потому что никогда не сдается. В этом мире есть хорошие люди, которые чувствуют, что происходит что-то плохое, и начинают это исправлять. Они не говорили. Не думали. Они действовали. Это стоило им времени, денег и эмоций. И все это ради незнакомого ребенка. Но они все равно действовали. Так что, если и есть что-то, что я хочу, чтобы мои одноклассники вынесли из сегодняшнего дня, из этой речи, для своего дальнейшего жизненного пути, пока они учатся быть взрослыми, учатся вписываться в этот мир, независимо от того, чем решат заняться, и кем решат стать, — это чтобы они стремились быть хорошими, чистыми и правильными. Будьте из тех людей, которые чувствуют, что происходит что-то плохое, и начните это исправлять. Не говорите и не думайте, а действуйте. Потому что неправильный поступок может быть очень неправильным. Он может разрушить жизни. Может поглотить счастье так, что оно никогда не вернется. Но если его остановить, и свет прольется сквозь тьму, все может закончиться тем, что мальчик, потерявший все, кроме своей сестры, не имея силы, пребывая в ужасе, спустя годы будет стоять перед залом, полным людей, и произносить прощальную речь.

Покрасневшие от слез глаза Майи остановились на нас с Чейзом.

— Я стою здесь только благодаря вам, мой Аслан и моя Фэй, мои защитники, и я вам обещаю, что буду жить по тем урокам, которые вы мне преподали, чему меня научили. Я не могу отплатить вам за них. Могу лишь им следовать. Усвоить ваш урок и идти вперед по жизни хорошим, чистым и правильным. — Его голос понизился, и он прошептал в микрофон: — Спасибо.

Сквозь слезы я наблюдала, как Майя склонил голову и отошел от трибуны.

Я тихо всхлипывала.

Зал вскочил на ноги.

Чейз сжал мои плечи, я услышала, как он откашлялся, но, почувствовав, как маленькая ручка скользнула по моему животу, посмотрела на своего сына, Джейкоба.

— Мамочка, о ком говорил Майя?

Я коснулась его щеки, посмотрела в прекрасные глаза мужа, в любимое лицо сына и прошептала:

— О твоём папе и мне.

Джейк посмотрел на своего отца, затем на сцену и снова на меня.

— У тебя все нормально?

— Я в порядке, детка, — все еще шептала я. — В полном порядке.

И так и было.

Потому что я знала, без сомнения, что Майя, наконец, тоже в порядке.

Чейз

День спустя

— Можешь мне показать, — тихо сказал Майя, и Чейз повернул голову в его сторону.

Они сидели на столе для пикника у ручья, недалеко от дома бабушки и дедушки Майи, опустив ноги на скамью, глядя на бурлящую воду, пока Чейз не посмотрел на парня.

Майя вырос здоровым и сильным. Невысоким, никто из его родственников не отличался высоким ростом, пять футов и одиннадцать дюймов. Но с его худощавым, поджарым телосложением, длинными ногами, широкими плечами, копной густых светлых волос и необычными светло-кариими глазами он был очень симпатичным.

В школе он пользовался популярностью. Занимался бегом. Был президентом класса. Капитаном команды по школьным дебатам. Редактором школьной газеты. Входил в национальное почетное общество.

Чейза не удивил его выбор индивидуальных, а не командных видов спорта, где результаты были основаны на его личных усилиях, но, тем не менее, он находил другие виды деятельности, в которых мог проявить лидерские качества, и в каждом из них он был лидером.

Чему Чейз действительно удивился, так это его популярности, несмотря на его интеллект, постоянную жажду к чтению, и то, что он был тихим, не застенчивым, не интровертом, но наблюдателем, говорил тихо и ничего лишнего, кроме того, что нужно было сказать.

— Поговорил с Эзрой, — сказал ему Чейз.

— Я знаю, — ответила Майя.

— Эзра сказал, что ты готов.

— Так и есть.

Чейз сжал губы, потому что не был уверен, что согласен с этим, и перевел взгляд на ручей.

— Чейз, я давно сказал об этом психотерапевту. Дедушке. Тебе, во время вашего с Фэй визита в прошлом году. Я не против, — заверил его Майя, и Чейз вздохнул.

Чейз взглянул на парня.

— Вчера был твой выпускной и вечеринка. Через несколько месяцев ты уезжаешь в Колумбийский университет. Не надо ворошить прошлое, когда тебя окружает и ждет только хорошее.

— Я хочу это сделать, — возразил Майя.

— Майя...

— Чейз, — он выпрямился, но продолжал смотреть Чейзу в глаза, — я хочу это сделать. Покажи мне.

Еще раз вдохнув, Чейз повернулся к папке, лежащей на столе рядом с ним, открыл ее, вытащил фотографию и передал его Майе. Майя склонил голову и стал ее изучать.

Это было фото подозреваемого в убийствах Мисти и Даррена Ньюкомба.

— Он облажался, — сказал ему Чейз. — Нашел его в Орегоне. Он взял задание, снова

пошел в лес, а там были охотники, оба бывшие военные. Они были опытными и услышали его, поэтому затаились и стали наблюдать, им не понравилось то, что они увидели. Поэтому вмешались. Обезвредили его. Спасли жертву. Он одиночка, не связан ни с одной организацией, и есть вероятность, что он несет ответственность как минимум за дюжину убийств в восьми штатах, включая два в Карнэле.

— Это он, — твердо сказал Майя и вернул снимок Чейзу.

Желудок Чейза сжался.

Бл*ть, вот оно. Наконец-то, черт возьми.

— Ты уверен? — тихо надавил он.

— Да, — ответил Майя.

— Приятель, это случилось давно, — напомнил ему Чейз, поворачиваясь, чтобы убрать фотографию в папку, а когда повернулся обратно, Майя снова встретила с ним взглядом.

— Такое не забывается. Сам знаешь. Я говорил тебе об этом. Обо всем этом. Это он, и я дам показания.

Много лет назад бабушек и дедушек Майи проинформировали о том, что Майя хранит это знание, и они сообщили об этом его психотерапевту. Поэтому много лет назад ему помогли справиться с тем, что он увидел: не только с насильственным актом над Мисти, но и ее последующим убийством. Джеремайя видел все это.

— Я дам показания, — повторил Майя, когда Чейз замолчал.

— Будет тяжело, — ответил Чейз. — Ты был юн и находился в серьезной ситуации, если его экстрадируют в Колорадо, чтобы предстать перед судом, адвокат защиты будет действовать жестко.

— Ребенок, через что бы он ни прошел, не может выдумать такую хрень, — возразил Майя.

— Это правда, — пробормотал Чейз. — Но мне не нравится, что твое будущее включает в себя возможность дачи показаний.

— Было совершено злодеяние, — прошептал Майя, не отрывая взгляда от Чейза. — Когда такое происходит, вы начинаете исправлять ситуацию. Ты научил меня этому.

Чейз закрыл глаза и опустил голову.

— Я могу это сделать, — все также шепотом настаивал Майя. — Я хочу это сделать.

Чейз открыл глаза и посмотрел на ручей.

— Мне ненавистно, что тебе приходится это делать.

— А мне — нет, — ответил Майя. — Она была твоей женой. Если я смогу заставить его заплатить, тогда мне удастся кое-что сделать для тебя. Поэтому я хочу это сделать.

Серьезно, бл*ть, этот паренек был чертовски хорошим ребенком.

Чейз обхватил шею Майи сзади и сжал, пытаясь встретиться с ним взглядом.

— Ты хороший ребенок, — прошептал он, и Майя усмехнулся.

— Я уже не ребенок.

Чейз покачал головой и еще раз сжал его шею, чуть тряхнув, прежде чем отпустить.

— Нет, ты еще ребенок.

— Мы с Амелией сделали это прошлой ночью.

Чейз моргнул, и у него пересохло в горле, когда он спросил:

— Что?

Майя снова ухмыльнулся.

— Прошли весь путь.

Вашу ж мать.

— Джеремайя...

— Мы использовали... ну, сам знаешь что, и нам обоим по восемнадцать. Мы встречались все старшие классы и всегда планировали на выпускной это, эм... важное событие.

Иисусе. К чему он клонит?

Майя смотрел на ручей, все еще улыбаясь и бормоча:

— Было хорошо.

— Ей тоже было хорошо?

Майя посмотрел на него, и его улыбка исчезла.

— Ну... — он замолчал, и Чейз покачал головой.

— Надо сделать так, чтобы ей тоже было хорошо, приятель, — мягко сказал он.

— Ей было, когда мы делали кое-что другое, э-э... раньше, но прошлой ночью все прошло, — его лицо покраснело, и он закончил шепотом: — быстро.

Чейз подавил ухмылку и, удерживая взгляд на Майе, посоветовал:

— Пойми раз и навсегда. Если вы продолжите это, то делаете две вещи: всегда используете защиту, и ты сначала заботишься о ней, всегда. А если у тебя с ней все закончится и ты найдешь себе другую, с ней поступай также. Защита для нее, но также и для тебя. Не порти себе или ей будущее по глупости и никогда не овладевай женщиной, не позаботившись о ней.

Майя сжал губы, наклонился вперед, уперся локтями в колени и посмотрел на ручей.

Чейз следил за его взглядом, тоже наклонившись вперед и облокотившись на колени, и продолжил:

— Я понимаю тебя в твоем возрасте, вы двое какое-то время вместе и думаете, что это естественный прогресс. Я знаю, что вы с Амелией близки. Но мне бы хотелось, чтобы ты поговорил со мной перед тем, как все начать. Просто скажу, что я понимаю, что ты ощущаешь себя мужчиной, и с нетерпением ждешь независимости, но ты еще молод. Ты должен быть молодым, а это дерьмо для взрослых, Майя. Дело сделано, и пути назад нет. Но ты умный парень, всегда таким был, и я просто говорю, что ты должен продолжать действовать с умом, хорошенько подумать, прежде чем делать это снова с Амелией или любой другой девушкой. Я знаю, что это приятно. И я тоже знаю, что ты этого хочешь. И это, вероятно, все, о чем ты думаешь, это я тоже знаю. Но дело не в том, что ты занимаешься этим, а в том, чтобы никогда не играть в одни ворота. В этом участвуют двое. Всегда сообщай ей о своем отношении. С этой связью и близостью, которую вы разделяете, могут быть связаны и чувства. Если не чувствуешь ничего, кроме влечения, дай ей об этом знать, чтобы она не влюбилась в тебя. Ты меня понимаешь?

— Ага, — прошептал Майя.

Чейз не закончил.

— Амелия поступает в Университет Вайоминга, приятель. Через несколько месяцев вы разъедетесь. Ваша связь может оставаться сильной, пока вы находитесь в разных штатах, либо ты или она можете найти кого-то другого. Помни, что у тебя было с ней этим летом, и что вы сделали прошлой ночью. Ты уезжаешь в Нью-Йорке и можешь найти там другую, а она влюбится в тебя, и ты причинишь ей боль. Подумай о том, что чувствуешь к ней в данный момент, что это может с ней сделать, и обращай с ней осторожно. Ты все еще меня понимаешь?

— Ага, — шепотом повторил Майя.

Чейз замолчал, как и Майя.

Затем он спросил:

— Как ты понял, что Фэй — та самая?

Наблюдая за бегущей водой, Чейз почувствовал, как уголки его губ приподнялись.

— Просто понял.

— Как?

Он повернул голову к Майе и увидел, как он смотрит на него.

— Ты увидишь ее, приятель, ту, которая предназначена для тебя, и тоже поймешь.

Майя выдержал его взгляд. Затем кивнул и снова посмотрел на ручей.

Чейз тоже, и они снова погрузились в молчание, пока на этот раз его не нарушил Чейз.

— Майя, я много лет искал этого человека. Хотел, чтобы Мисти нашла упокоение.

Теперь она его найдет. Спасибо.

Майя вздохнул, а затем тихо сказал:

— Не за что, Аслан.

Бл*ть, это имя ударяло в живот. Всякий раз.

Не отрывая взгляда от ручья, он снова обвил рукой шею Майи сзади и сжал. Затем убрал руку, вернул локоть на колено и молча сидел со своим мальчиком, нет, со своим мальчиком, который становился мужчиной, и смотрел, как течет вода.

* * * * *

Спустя неделю

Чейз стоял за дверью спальни, спиной к стене, скрестив лодыжки, и на его губах играла улыбка.

Он слушал, как его жена читает их сыновьям, Джейку и Сайласу.

Это было не в первый раз. И не в последний.

Он, как обычно, наслаждался ее мелодичным голосом, придающим истории изюминку и драматизм.

Затем отошел от стены, чтобы проверить свою спящую девочку, Твайлу.

* * * * *

Три часа спустя

Фэй лежала под Чейзом, его член все еще был в ней, и Чейз провел языком по ее нижней губе.

Как только он закончил, она провела своим языком по его губе.

Когда она закончила, он приподнялся и поцеловал ее в нос, затем опустил голову и поймал ее взгляд.

— Будешь читать, детка? — спросил он, хотя знал ее ответ.

Тем не менее, она ответила:

— Да.

Он усмехнулся, наклонился, поцеловал впадину на ее ключице и выскользнул из нее.

Она встала с кровати, шелковая ночнушка прикрыла ее попку в форме сердечка, пока она шла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Чейз перекатился на свою сторону кровати, выключил свет и устроился поудобнее. Затем он увидел, как его жена вернулась в спальню и забралась в их постель.

Он набросил на нее одеяло.

Она взяла книгу.

Чейз закрыл глаза и уснул.

* * * * *

Полтора часа спустя

Чейз почувствовал, как свет погас, и матрас прогнулся, когда Фэй устроилась на нем.

В полусне он потянулся к ней, привлек к себе, подмяв под себя, и свернулся вместе с ней калачиком.

— Закончила? — пробормотал он.

Ее рука скользнула вниз по его руке, переплетая их пальцы.

— Ага, — прошептала она.

— Спокойной ночи, детка.

— Спокойной ночи, дорогой.

Он почувствовал, как тело жены расслабилось, как Аполло и Старбак устроились у них в ногах.

И Чейз заснул, зная, что в мире всё в порядке.

Абсолютно всё.

И он знал это, потому что их дети спали в своих кроватях под крышей, которую он им обеспечил, занимаясь делом, которым он гордился.

Но Чейз знал это еще и потому, что, как и прошлой ночью, и той, что была до нее, и всеми остальными ночами ранее, всеми до единой с тех пор, как она подарила ему свою девственность, Чейз Китон и его Фэй засыпали, крепко прижавшись друг к другу, вместе в их постели.